

ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ:
КОЛЛЕКЦИЯ

Гений
подземки

ВАСИЛЬЕВ
ВЛАДИМИР

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ
Гений подземки

ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ
КОЛЕЦА

ВЛАДИМИР

ВАСИЛЬЕВ

Гений подземки

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРАНИТЕЛЬ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
В19

Серия «Звездный лабиринт: коллекция»
основана в 2001 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинин

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Подписано в печать 3.05.07 г. Формат 84×108 $\frac{1}{32}$.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 5000 экз. Заказ № 1399.

Васильев, В.Н.

В19 Гений подземки : [сб.] / Владимир Васильев. — М.: АСТ: АСТ
МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 699, [5] с. — (Звездный лабиринт:
коллекция).

ISBN 978-5-17-043851-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9713-5610-3 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

ISBN 978-5-9762-3502-1 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

В эту книгу вошли как совсем новые повести и рассказы мастера отечественной фантастики Владимира Васильева, так и произведения из сборников «Забывтая дорога», «Чужие миры» и «Джентльмены непрухи».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В.Н. Васильев, 2007

© ООО «Издательство АСТ», 2007

ПРОСНУТЬСЯ НА СЕЛЕНТИНЕ

Фантастическая повесть

Глава первая

1

«**Н**азову ее Селентиной», — решил Ник. Планета была красивая — голубовато-зеленый шар, похожий на елочную игрушку, маленькое чудо на фоне бестелесного космоса и равнодушных далеких звезд.

Ник не любил звезды. Впрочем, звезды способны любить лишь те, кто никогда не выходил в пространство. Это только считается, что космолетчики жить не могут вдали от звезд и шалеют от расстояний: без этого не сможет жить только законченный псих. Любят обычно то, чего лишены. Лишены хотя бы частично.

Космолетчики, например, любят кислородные планеты. А что еще любить? Не метеориты же...

Рейдер переходил из маршевого режима в маневровый, потом — в орбитальный; Ник, зевая, слонялся по рубке и пялился на услужливые экраны. Желтое, словно сыр, солнце какого-то там спектрального класса искрилось, как ему и положено, да сияло. Ника оно мало заботило — спецы будут с ним разбираться, а у него, Ника то есть, свои дела. Не заботил его и узкий серпик планеты-соседки на внешней орбите. Или, возможно, спутника Селентины — Ник не стал даже уточнять. «Сядешь — все само собой прояснится», — давно усвоил Ник. Подыскать имя луне можно и позже, внизу, через сутки-другие. Куда спешить? Вдруг луна снизу как-нибудь по-особому выглядит?

Ник ввел имя планеты в картотеку и пошел выращивать разведзонды.

Рейдер был огромен — даже по меркам дальнего флота. Идеальный цилиндр полутора километров в длину, километр в поперечнике. Летающий склад. Жилой сектор на двух человек занимал едва полпроцента объема. Ник, правда, летел один, без напарника. Бурундук на огромном мешке с орехами...

По идее он должен был испытывать какую-нибудь фобию — психологи перед вылетом голосили вовсю, предсказывая всевозможные ужасы. Однако Ник ничего подобного не испытывал, разве только раздражение, когда приходилось тащиться в дальние отсеки. Вместо привычных велосипедов в промтангаре оказались некие хромированные конструкции, абсолютно Нику неизвестные и вызывающие ощущения, сходные с теми, что испытываешь при виде древней бормашины с механическим приводом. Трогать их Ник не решился и ходил пешком.

Запустив зонды, Ник отправился спать, потому что делать человеку на рейдере, как правило, нечего.

Часов через десять, взбодрившись душем и подкрепившись какой-то синтетической дрянью — безусловно, совершенно безвкусной, но зато страшно питательной, — Ник долго колебался: идти ли в рубку за данными разведки или же предаться гораздо более приятному занятию — подготовить к охоте любимую винтовку, которой Ник уделял больше внимания, чем всей аппаратуре рейдера вместе взятой.

Чувство долга победило — он поплелся в рубку. Впрочем, возможно, что победила самая заурядная лень: если на Селентине неподходящие условия, никакой посадки не будет, а значит, прощай охота и регулярно являющийся во снах шашлык по-крымски. Тогда винтовку и расконсервировать не стоит, до следующей планетной системы где-то там, в пустоте, на другом конце пути длинной в несколько десятков парсек. Но списать решение, разумеется, следует на чувство долга.

Ник даже прогудел нечто бравурное у самой перепонки: «Пам-пам-пам-пам!»

Перепонка лопнула и тут же затянулась, уже за спиной; Ник оказался в рубке. Усевшись перед терминалом, он уткнулся в экран и стал невнимательно перелистывать поступающие данные.

Так. Кислород, азот... проценты... В картотеку все, не глядя...

И зеленая рожица на весь экран — довольная, ухмыляющаяся.

Это означало, что вид *homo sapiens*, оказавшись без скафандра на поверхности Селентины, не помрет ни от удушья, ни от жары,

ни от радиации; ни сразу, ни потом. Если бы рожица была красной и озадаченной — тогда Ник попросту развернулся бы и улетел. Если желтой, сомневающейся, тоже улетел бы, но сначала заставил бы лабораторию сделать все замеры, а резюме немедленно скормил бы ненасытному кристаллическому мозгу.

Цифры, по-прежнему не глядя, Ник сваливал в компьютер рейдера — они сыпались в бездонную память машины и оседали там плотными слоями, чтобы скучные спецы на Земле, Венере, Коломбине или Офелии могли в любой момент запустить туда любопытную руку и выловить необходимую информацию. А какое, к примеру, магнитное склонение на Селентине, система звезды такой-то (Ник не помнил), в точке с такими-то координатами? А такое-то!

Ник вздохнул и попытался представить себе человека, которого могло бы всерьез интересовать магнитное склонение на Селентине в какой-нибудь точке.

Ничего не вышло.

Сам он запоминал только то, что действительно понадобится там, внизу.

Полный оборот вокруг оси — 32 часа. Ровно.

«Здорово!» — обрадовался Ник. Биоритм у него перекрывал стандартные земные сутки чуть ли не в полтора раза. В результате, привыкнув в рейдах есть и спать, когда этого требовал организм, на Земле Ник бодрствовал то днем, то ночью, в самое непредсказуемое время, отчего родственники приходили в необъяснимый ужас. Почему-то они были твердо убеждены, что в темное время суток непременно нужно спать, а делами заниматься днем. Ник это утверждение с негодованием отметал, но частенько сам страдал от скачущего ритма, ведь нужные ему люди ночью, как правило, предпочитали спать. Приходилось ждать утра, а на рассвете вдруг наваливалась неодолимая сонливость и зевота, Ник падал на диван и отключался до следующей полуночи...

Два континента, площадь каждого — больше чем у Евразии.

Гравитация — 106% от земной. Блеск.

Климат — преимущественно тропическо-умеренный. На полюсах шапки; впрочем, обе довольно скромные.

Леса. Сплошные леса — странно. И странные какие-то леса.

Технологическая активность — ноль. Стало быть, людей нет. Точнее, разума нет — поправил себя Ник.

В целом Селентина являла собой курорт. Мечту космолетчика. Природа, сафари...

Ник скопом обрушил оставшиеся данные в картотеку, сделал себе обязательную инъекцию биоблокады, подготовил винтовку и пошел выращивать посадочный бот.

Через сутки единственный человек покинул рейдер и гигантский цилиндр погрузился во тьму, потому что автоматы включали освещение только там, где находился кто-либо из экипажа.

Нику предстояло вырастить первый на Селентине городок. На две с половиной тысячи жителей. Настоящий городок с коттеджами, пешеходными дорожками, энергетической станцией, посадочной площадкой, лабораториями, кафешками, детским садом, парком... Что еще бывает в небольших земных городках? Грузовой отсек бота до отказа был забит механозародышами, из которых постепенно разовьются здания, дороги, машины, приборы — все, что понадобится первым поселенцам. Поскольку Ник работал в одиночку, на это уйдет около года. Через несколько месяцев, наверное, Земля пришлет еще одного человека на Селентину — биолога. Когда первые коттеджи будут выращены, кто-то ведь должен будет заняться огородиками, городским парком? К приходу поселенцев даже первому урожаю полагалось созреть.

Ник вздохнул. Здорово это все, конечно. Прилетает на Селентину, скажем, какой-нибудь абстрактный Ванька Жуков. Или Джон Смит с семьей, астроном. А здесь его уже ждет новенький, с иголки, городок и домик, а перед крыльцом во-от такенные яблоки на ветках, прямо рви и наслаждайся, а за углом обсерватория, развернутая по полной программе, прямо садись, работай и наслаждайся, а комп даже успел принять и высветить первое распоряжение от шефа. И кофе в чашечке на столе дымится...

Покосившись на обзорник, Ник отвлекся от мыслей о городке, который покоился, еще не разбуженный, в грузовом отсеке в виде сотен одинаковых яиц-эмбрионов.

У экватора над океаном буйствовали мощные циклоны, плотные спирали облаков казались живыми. Чуть дальше к северу простиралась широкая полоса, свободная от туч, захватывая большую часть северного континента. В южном полушарии заканчивалась осень, поэтому Ник сразу устремился к северу.

Бот быстро снижался; светился слой плазмы, в которую превращался воздух Селентины, трущийся о силовой экран. Комп

рассчитал траекторию и повел бот на посадку. Всматриваясь в картинку на мониторе, Ник впервые ощутил какую-то неправильность. Потом он отвлекся — автоматы потребовали, чтобы «экипаж пристегнулся», и пришлось подгонять ремни.

Бот мягко коснулся грунта, и Ник, освободившись, побрел к выходу, даже не взглянув на экраны. Перепонка внешнего люка, слабо чмокнув, расслоилась на несколько пластов, рыхлых с краю, и лопнула, впуская в бот первые запахи Селентины.

Ник замер на пороге. Пахло цветочной пылью, клейкими молодыми листьями и еще чем-то растительным. Но замер Ник не от этого.

Деревья.

Они были огромны. Ник никогда в жизни не видел таких огромных деревьев. Стволы метров восьмидесяти в диаметре возносили к небесам величественные кроны, и, даже задрвав голову, невозможно было разглядеть верхушки.

— У! — Ник схватился за комп-анализатор, наведя визор на ближайшее дерево-исполин. Комп немедленно выдал параметры, из которых понятны были только высота, размах ветвей и диаметр ствола у основания, все остальное — сплошная ботаника. Выходило вот что:

высота 5324,75 м; размах ветвей в развертке север-юг 564,2 м; в развертке запад-восток 522 м; диаметр ствола 87,6 м.

— Елочки! — Ник с уважением глянул на дерево. — Пять километров! Биологи с ума сбесятся, точно!

Проигнорировав выращенный трап, он прыгнул прямо на почву, приятно толкнувшуюся в подошвы ботинок. Повернулся, снял бот для боржурнала, отошел метров на десять и снова снял; не удержался и тут же скризэтил пробные оттиски. Все получилось очень красиво, прямо как на рекламном туристском проспекте. Маленькие цветные голограммы Ник сунул в карман комбинезона.

Супердеревья росли не слишком густо: между стволами влезло бы три-четыре небольших футбольных поля. Имелись и деревья нормальных размеров, выглядевшие на таком фоне скромными кустиками. Медленно поворачиваясь, Ник снял панораму в режиме видео и сунул комп в чехол. Пора было кончать прохладиться и приниматься за работу, по которой он даже успел слегка соскучиться.

Выбрав подходящее место, Ник вынес несколько зародышей, разложил их на положенное расстояние друг от друга и вскрыл пакет с активаторами. В первую очередь надо вырастить коттедж — наполовину жилье, наполовину лабораторию, — энергетическую станцию и вездеход. Коттедж — семь зародышей, станция — три, вездеход — один. Они лежали прямо на траве Селентины — невзрачные округлые яйца размером со страусиные.

Ник хмыкнул. Именно за такие моменты он безумно любил эмбриомеханику.

С хрустом сломалась печать на первом активаторе; из недр продолговатого темного стержня исторгся предварительный импульс и под пальцами запульсировала упругая кнопка.

— Расти! — скомандовал Ник и нажал ее. Кнопка мягко ушла в глубину стержня и зафиксировалась.

Яйца лежали точно так же, как и до этого, но Ник знал, что внутри пробудилась сложнейшая программа. Конкретно сейчас, в данную минуту, идет перекрестное тестирование. Наличие опознанной программы роста, наличие сырья, наличие дополнительных зародышей в пределах обозначенной досягаемости, наличие сервомодулей на контроле, наличие...

— Расти!

Похожая в целом, но отличная в мелочах программа запустилась в базовом зародыше энергостанции.

— Расти!

Единственный зародыш, которому предстояло вырасти в вездеход, Ник положил ближе к боту.

— Ну-с! Поброжу, пожалуй. — Довольно потирая руки и держа пакет с активаторами под мышкой, он зашагал к боту, предвкушая, как сейчас возьмет винтовку и отправится в лес Селентины, пока еще незнакомый и полный безобидных загадок.

Первый зародыш проклюнулся спустя полчаса, но Ник этого не видел — он был в лесу.

2

Когда Ник вернулся, вездеход уже вырос, станция затягивала двухскатную кровлю силикоидной пленкой под венскую черепицу, а коттедж гнал внешние стены. Станция, похоже, оживет под

вечер, жилье же будет готово только завтра. Ник вздохнул: придется пару ночей провести в кабине посадочного бота. Не катастрофа, конечно, но кто же не тянется к комфорту?

Он бросил на траву тушу убитой косули. Косуля как косуля — только мех с зеленоватым отливом да рожки иной формы, чем у земных косуль. Даже повадки те же, Ник замучился подбираться к пасушейся добыче, ветер все время менялся, а обоняние у зверушек будь здоров... Впрочем, интеллект все равно победил инстинкты. Собственно, именно поэтому Ник прилетел на звездолете и охотился на никогда не покидавшую свой лес косулю, а не наоборот. «Хищник всегда побеждает», — подумал Ник, но тут же вспомнил, что человек, строго говоря, не хищник, человек всеяден. «Тем более, — подумал он. — Узкая специализация — враг разума. Побеждает тот, кто умеет приспособливаться».

Сноровисто разделявая тушку, Ник насвистывал какой-то варварский мотивчик; руки его по локоть испачкались в крови, а перед этим он основательно извозился в траве, скрадывая добычу.

— Я являю собой образ кровожадного захватчика. — Ник ухмыльнулся. — Видела б меня сейчас Светка...

Требуху Ник отнес в сторону и закопал поглубже, мясо поставил замачиваться в холодильник, а шкурку растянул в кондише сушиться. Взял допотопный топорик вместо обычного лазера и, продолжая насвистывать, отправился за дровами.

— Да, — глубокомысленно сказал он кривому деревцу, отчего-то засохшему на корню. — Никогда травоядным не стать разумными. Разум — удел охотников.

Топорик взметнулся и пал. Сухая древесина брызнула желтоватыми щепочками, а отчетливое тюканье разнеслось далеко окрест.

Срубив дерево, Ник поволок его к боту.

— Все, граждане. — Он на секунду повернулся к лесу. — На Селентину пришли люди. Покоя больше не будет, и не надейтесь.

И поволок дрова дальше.

Вездеход уже завершил рост, до вечера вполне можно успеть его оттестировать. Маслянисто поблескивающий металлокерам был теплым и шершавым на ощупь. В салоне пахло хвоей и свежей пластмассой. Ник пошевелил ноздрями, втягивая воздух.

— Вот он, запах цивилизации, — патетически воздел руки и плюхнулся в кресло перед пультом. Притянул клавиатуру и запустил реактор. Вездеход ожил. Ник даже не сомневался, что машина

в полнейшем порядке. Вот если бы яйцо росло до утра, сожрало бы пару кубов почвы, а вездеход пах серой, тогда бы Ник погонял его как следует и скорее всего свернул бы в сырьевой зародыш, активировав предварительно новый. Чем быстрее выросло его детище, тем больше уверенности в полном детища здравии. Закон эмбриомеханики.

Когда начало темнеть, Ник развел костер. Иссохшие дрова сгорали, превращаясь в жарко тлеющие угли. Близилась ночь, первая ночь на Селентине, и Ник хотел, чтобы она надолго запомнилась.

Потом он деловито вертел над жаром шампуры и поливал шашлык вином; угли сердито шипели. Ветер упруго шумел в кронах супердеревьев, звук доносился откуда-то высоко сверху, из самого поднебесья, и это было очень непривычно. У земли ветра совсем не чувствовалось, наверное, ему трудно было сюда спуститься с высот. Еще доносился многоголосый стрекот. Ник вдруг подумал, что на деревьях такого размера и цикады должны обитать соответствующие. С человека величиной. Или даже больше.

— Эге-гей, насекомые! — заорал он озорно. — Это я, Никита Капранов, хомо сапиенс, Земля! Встречайте!

Цикады скворчали как и раньше — до пришельца из другого мира им совершенно не было дела.

От мяса на шампурах растекался умопомрачительный запах. Ник выпил еще вина и уселся в любимое плетеное кресло, которое всюду возил с собой, на каждый проект. Оно повидало уже шесть миров, ныне активно заселяемых. Селентина стала седьмым.

Первый вечер под этим небом вполне получился. Ник с удовольствием поел пряного шашлыка, пропахшего дымом, выпил две бутылки «Хванчкары» и, довольный, завалился спать в грузовом отсеке бота. Можно было устроиться и в вездеходе, но Ник не любил упираться ногами в гулкий плексовый колпак — а во всю длину на сиденье он не помещался.

Утром Ник бодро попрыгал у бота на травке, отжался раз пятьдесят, опрокинул на себя с полведра холодной воды и, мурлыкая, словно объевшийся сметаной котиче, пошел посмотреть на станцию и почти готовый коттедж. Станция выросла целиком; на коричневой, под бук, стене присохла валлоидная пленка со сморщенным активатором.

— Лентяйша, — любовно проворчал Ник, — не могла эти двести граммов куда-нибудь пристроить?

И подумал: «Нужно будет проверить программу роста энергостанции. Неужели там нет органов с валлоидными вкраплениями? Обычно зародыши съедают все сырье вокруг себя, даже собственную оболочку. Потому что из камней и чернозема те же валлоидные цепочки еще нужно синтезировать, а тут уже готовые под боком, бери и втискивай куда нужно...»

Внутри станции пахло озоном и той же, что и в вездеходе, пластмассой. Ник пнул дверь и вошел в пультовую. Ряд экранов слепо тарасился на него.

— Привет, родимый, — сказал Ник с подъемом. Привычку беседовать с подросшими зародышами он перенял у своего босса, вечно печального Пита Шредера, легенды эмбриомеханики. Ник полтора года стажировался в его саутгемптонском центре.

Повертевшись в кресле и подогнав его под себя, Ник слинковал местный комп с корабельным и прогнал предварительные тесты. Результаты были вполне утешительные: зародыш вырос почти без сбоев, пара огрехов в генераторной, почему-то не работающий кондиционер в комнате отдыха и непрозрачное окно в предбаннике-прихожей. Сходив за ремонтными зародышами — с виду такими же матовыми яйцами, — он вручную запустил нужные куски программы и активировал ремонт через комп. Непрозрачный стеклит в предбаннике держался весьма крепко и Ник изрядно помучился, пока его вышиб.

До обеда он ползал по базовой программе роста этого типа станций и искал в структурных потоках запросы на валлоидные цепочки. Запросы попадались, но куда зародыш отправлял синтезируемые порции, Ник долго не мог отследить из-за кольцевых ссылок. Ругаясь и проклиная бесхитростного программера, Ник прокручивал запросы раз за разом и наконец нашел сбой: чертовы ссылки, вместо того чтобы адресовать готовые цепочки на активные зоны, пересылали туда весь синтез. Когда валлоиды требовались в другом месте, синтез тут же переезжал в новую область, так и не завершив прокладку в прежнем потоке. А едва началась доводка, синтез шел уже из накопленного резерва, посторонние материалы зародыш к тому моменту перестал усваивать, поэтому и не тронул подсохший активатор на остатках оболочки. Дурацкий эффект, неудивительно, что его никто не предвидел.

Обозвав неведомого программера ламером, Ник вылизал процедуру запросов, убрал к черту кольцевые ссылки, заменив их стандартной адресацией на зоны первичного накопления. Вышло

несколько длиннее, зато на порядок надежнее. Осталось накатать гневный отчет и отослать исправленную программу боссу. С ядовитыми комментариями, разумеется. Ник прямо видел, как неподражаемый Питер неподражаемо вздыхает и печально глядит в лицо взъерошенному и злому программисту.

«Хорошо бы его из отпуска вызвали», — подумал Ник мстительно. И тут же представил: вот приехал он, Никита Капранов, в отпуск после Селентины, валяется себе на пляже под Ай-Данилем, и тут в исправленной им сегодня программе всплывает какая-нибудь непредвиденная фишка, которая на самом деле скорее баг, и его вызывает неподражаемый Шредер и неподражаемо вздыхает, печально глядя Нику в лицо... Бр-р-р!

— Ладно, — милостиво согласился Ник. — Не буду ругаться в отчете.

Хоть принцип «ламерс маст дай» Ник старался свято соблюдать, приходилось иногда идти на уступки собственному негодованию. Впрочем, в программе были и свои приятные места: несколько остроумных решений в управлении синфазировкой Ник очень даже поприветствовал. Да и вообще в принципе все было написано достаточно грамотно и не без изящества, просто парень этот незнакомый скорее всего не прикладник, а структурщик. Лабораторная мышь, в поле выезжал небось только на практике, вот и прокалывается в самые неподходящие и неожиданные моменты.

После обеда (плов с тмином из той же косули и бокал малаги) Ник засел в рубке бота, пересылая отчеты на Землю через ретранслятор рейдера. Коттедж отправился смотреть уже под вечер.

Тут работы по доводке накопилось куда больше, и спать он пошел глубокой ночью, так и не реанимировав ущербные кухонные автоматы.

За следующие два дня Ник вырастил только линию энергопроводов, а остальное время без передыху возился в коттедже, но зато оживил абсолютно все, даже водопровод. Подключив новорожденный дом к станции, Ник победно взвыл и принялся перетаскивать вещи из бота в новое жилище. Вездеход он загнал в ангар левого крыла, чтобы не торчал у крыльца на манер памятника механизированному человечеству. Утром обнаружилось, что в набор оборудования лаборатории входил не привычный комп класса «Фрип», а некое тайваньское чудо, кривое до невозможности и вдобавок совместимое только с азиатским софтом по подрашиванию. Ругался Ник очень долго, попутно в уме прикидывая, что

проще: демонтировать «Фрип» с бота или вырастить новый? Решил вырастить.

Он не очень удивился: дальний флот — рассадник бардака. Так всегда было и пребудет скорее всего во веки веков, аминь. Проклятия в адрес комплектовщиков давно уже стали обыденностью в любом проекте. Даже скорее традицией.

О супердеревьях и охоте Ник, что и неудивительно, на некоторое время начисто позабыл.

3

В следующий раз на охоту Ник выбрался только через неделю. Коттедж потихоньку утрачивал запах свежесвыращенного механа, а сам Ник постепенно привыкал к новому жилью. Любимое плетеное кресло стояло на веранде, и каждый вечер можно было любоваться красотами Селентины, что Ник регулярно и проделывал, попивая вино и слушая шелест леса. Впрочем, музыку Ник тоже слушал.

На месте, где Ник намеревался заложить главную улицу городка, группками росли молодые деревья толщиной с человеческое бедро. Навесив на вездеход захват с лучевиком, он срезал все до единого, только пеньки остались, и уволок стволы в сторону, свалив беспорядочной кучей. Потом, конечно, придется все убрать, но это потом. «Деревья высохнут, будут дрова на шашлык, целая прорва, вовек не сжечь», — подумал Ник отстраненно. Пеньки он рассчитывал выкорчевать завтра, когда велит зародышам: «Растите!» Или сначала на охоту сходит, а потом выкорчует. «Надо будет навесить на вездеход нож-бульдозер...»

Наутро, дорассчитав наконец параметры первой улицы, Ник скрупулезно установил группы зародышей, активировал их и в полдень отправился в заросли, прихватив, естественно, винтовку.

В прошлый раз он ходил на север от места посадки, сейчас отправился на запад. Лес совсем не отличался от привычного Нику, если не брать во внимание громады супердеревьев. Но они как-то и не воспринимались: стоят себе округлые, невероятно толстые столбы, и все. Только солнце Ник видел редко, да и то в просветы между гигантскими ветвями. Вот солнце как раз выглядело нереально. Ветви на большой высоте казались зеленоватым

маревом, никаких подробностей на фоне неба рассмотреть было невозможно. А едва ступишь в местный подлесок — между обычных деревьев, — близкие кроны тут же скрывают все необычности и чувствуешь себя вполне уверенно. По крайней мере Ник чувствовал.

Живности в лесу хватало, но почуяв человека, понятно, все прятались. Ник далек был от мысли, что местные звери видели когда-либо людей и прятались именно поэтому. Просто он как достаточно далекое от природы существо производил, наверное, слишком много шума. Вот и все.

Деревья были больше лиственные, с плоскими пятиугольными листьями, немного похожими на кленовые. Будь Ник канадцем, непременно прикрепил бы несколько штук на входную дверь. Впрочем, у него оставался шанс подстрелить двуглавого орла и украсить чучелом лабораторию. Хотя вряд ли здесь водятся двуглавые орлы. Вряд ли тут водится хоть кто-нибудь двуглавый — ни на одной планете земляне не встретили необычных форм жизни. Все более или менее привычное, такое впечатление, что попадали не на новую планету, а на неизвестный ранее материк. Нечто вроде собачек, нечто вроде кошек (размеры варьируются), нечто вроде коров и коз. Хоботные. Полорогие. Парнокопытные. Птицы. Змеи. Даже скучно как-то. Тут вот — косули, точь-в-точь как на Земле. Даже на вкус. И еще небольшие шустрые длинноухие, наверняка ближайшие родственники зайцев. Правда, энтомологи обыкновенно рассыпались в восторгах, но кто, кроме них, настолько разбирается в насекомых, чтобы уловить разницу между земным москитом и местным кровопийцей с такой же парой крылышек и бурым ненасытным брюхом?

Ник неслышно шагал по слежавшемуся за долгие годы ковру. Вверху кто-то беззаботно щebetал, радуясь жизни. В кустах шуршало и попискивало: дичи в округе было много. Ягоды Ник пробовать боялся: давно собирался проверить, насколько они съедобны, да все забывал прихватить анализатор из аптечки. Первое время вертел головой в поисках грибов, а потом сообразил: конец весны — начало лета, какие, к лешему, грибы? Гордый оттого, что додумался до этой в общем-то тривиальной мысли, Ник шагал в глубь леса.

— Вот он я, — сказал он неизвестно кому. — Дитя технологического века лицом к лицу с первозданной дикостью. Щаз что ни попадя покорять стану...

Выйдя к ручью, Ник поискал тропу к водопою и скоро нашел: узкая щель в густом кустарнике вела к самой воде, тихо журчащей и скрадывающей посторонние звуки. Ник форсировал ручей вброд и засел напротив, приготовившись стрелять. Сразу, конечно, никто не появится, подождать нужно. Но какой эмбриомеханик не приучен ждать?

И Ник замер. Охотничий комбинезон слился с окружающей зеленью. По матовой синтетической ткани медленно ползали маскировочные пятна в такт шевелению листьев на ветру.

Первым явился похожий на енота поджарый зверек с интенсивно полосатым хвостом. Явно хищник, потому что мордочка его была перепачкана кровью. Видать, только что закусил кем-то нерасторопным. Ник мысленно поздравил коллегу с удачной охотой, стараясь ничем себя не выдать. Енотов пробовать на вкус он не собирался. Зверек, налакавшись вволю, холодно взглянул на Ника, прямо в глаза, словно бы говоря: «Ну-ну...», и растворился в подлеске. Только он убрался, пришла косуля с детенышем, точно такая же, какую Ник подстрелил в первый день. Матку трогать никакой охотник не стал бы, разве что с голоду умирающий поднял бы на нее или на детеныша оружие. Эти пили чутко, прядая ушами и то и дело отрывая точеные головы от воды.

А потом добыча пришла что надо: семья кабанов. Секач со свирепо загнутыми клыками, тройка свиней с выводками шустрых полосатых поросят и несколько подсвинков, прошлого, видать, года. Эти вели себя достаточно вольно, наверное, папаша при случае мог построить даже парочку волков на задние лапы. Ник прицелился в подсвинка и плавно спустил курок. Выстрел сухо отдался в чаще, свињи шархнулись в заросли, исчезнув, словно по волшебству. В том числе и подсвинок, в которого Ник целился.

— Что такое? — изумился он. — Промазал, что ли? С такого-то расстояния...

Перед ручьем виднелись пятнышки крови, уводящие в заросли. Свинтуса Ник по меньшей мере ранил. Надо же, почти в упор бил — и не наповал. Хотя всякое случается.

Ник забросил винтовку за спину и пошел по кровавому следу. Опыт подсказывал ему: скоро зверь ослабеет от потери крови и упадет. Надо только успеть раньше остальной лесной братии, несомненно, готовой закусить на дармовщинку в любой момент.

Кабаны перли прямо сквозь густой кустарник, не разбирая дороги. Ник едва продирался, раздвигая колючие ветви руками и

наклоняя голову. В самом сердце зарослей вдруг обнаружился необъятный ствол супердерева, кабаны обежали его справа. Морщинистая кора была похожа на пересохшую растрескавшуюся землю, но не производила, как земля, впечатление чего-то безжизненного. Потом дорогу перегородил верх чудовищного корня, и Ник ненадолго потерял след. Но вскоре опять набрел на кровавую дорожку.

Добыча выдохлась спустя два часа. Ник удивлялся такой силе и страсти жить. Хотя, подстрели человека, затрави его, словно зверя, — еще неизвестно, как человек себя поведет. Ник, во всяком случае, цеплялся бы за жизнь до последнего.

Подсвинок лежал на круглой полянке посреди каких-то местных лопухов. Еще издали Ник его почувствовал — затылок тупо заныл от всплеска чужой адской боли, и сразу необычное ощущение пропало. Вздрогнув, охотник двинулся дальше. На поляну он вышел уверенно, хотя отметил, что почему-то некоторое время не слышно птиц. Нагнувшись над бурой шерстистой тушей, Ник ткнул ее стволом винтовки.

— Готов, — констатировал он и присел на корточки, рассматривая рану.

В следующее мгновение Ник на некоторое время утратил способность дышать. Кровь течь уже перестала, но не потому что запеклась. Рана была покрыта слоем полупрозрачной розовой сукровицы, словно над подсвинком минут двадцать работал психирург. А рядом, в траве, валялась деформированная, похожая на неровный гриб пуля. Ее заставили выйти из поврежденных тканей, а потом упорно заживляли рану, но подсвинок потерял слишком много крови и сил и умер раньше, чем рану сумели залечить.

— Черти меня дери! — прошептал Ник, оглядываясь. Вокруг стеной смыкался лес, а над острыми верхушками обычных деревьев уходил в небеса могучий коричневый ствол. И тихо — птиц по-прежнему не слышно.

Стало вдруг страшно неуютно. Наверняка на него сейчас кто-то пристально смотрит из зарослей, и скорее всего смотрит с ненавистью. Как на убийцу.

Но в конце-то концов! Он же охотился! Не самку с детенышем пристрелил и не все стадо положил. Одно-единственного подсвинка. Ради свежего мяса. Косулю он доел и пошел на охоту только сегодня, когда пришлось бы вновь ужинать таблетками, а кому по нраву питаться таблетками?

Подумав, что оправдывается, Ник сердито подхватил добычу за лапы, рывком взвалил на плечи и зашагал к базе. Винтовка больно давила в бок, и пришлось попрыгать, устраивая ее поудобнее. Но ощущение смутной тревоги все равно не покинуло Ника, и он подумал, что в следующий раз выйти на охоту будет очень нелегко.

Птицы запели, когда он прошел полдороги. Разом, будто по команде. Плечи скоро начали ныть под грузом безжизненной туши, и Ник невольно ускорил шаг.

Он приблизился к коттеджу, огибая вчерашние пеньки. Они сплошь были покрыты молодыми побегами, словно не вчера свалил деревья Ник, а несколько недель назад. Побегии жадно ловили местное солнце клейкими зелеными листьями.

Ник замер с ношей на плечах. Когда он уходил, пеньки выглядели как пеньки: свежий срез, светлые колечки на месте бывших веток... Мистика! Не могли же побеги прорасти за два часа, вымахать по полметра в длину да еще покрыться здоровыми листьями?! Хотя кто знает Селентину? Ник ведь не биолог, а эмбриомеханик. Он привык иметь дело не с изначальной жизнью, а с созданной людьми. Впрочем, механы можно было назвать живыми только с большой натяжкой. С тем же успехом можно назвать разумным корабельный комп. Но ведь не разумен же он в обычном понимании! И программы его неразумны.

«Кто знает Селентину? — подумал Ник снова. — Вон деревья какие вымахали, по пять километров! Вдруг такими вырастают все срезанные или срубленные?»

А с какой стати? Неужели в них просыпается какая-нибудь скрытая программа?»

— Чушь, — вслух сказал Ник. — Не может такого быть.

Он добрал до коттеджа и сунул добытого подсвинка в холодильник. Вряд ли сегодня у него хватило бы духу приготовить ужин из свежатины. Нервы, чтоб их...

Пытаясь вернуть душевное равновесие, Ник влез в вездеход и за два часа извел все пеньки до единого на площадке подращивания. Даже корни отследил и сжег прямо в грунте. Даже траву обратил в сероватый пепел. Осталась голая коричневая земля Селентины.

Хмуро осмотрев результаты своей работы, Ник сходил на склад и принес с десятков охранных датчиков. Датчики, да еще его верная винтовка были единственными механизмами, которые привози-

лись в рейд уже готовыми. Вдавливая таблетки датчиков в податливый лёсс по периметру ростовой площадки, Ник чувствовал себя гадко и неудобно. Словно совершал нечто постыдное или непристойное. Но все же активировал все датчики до единого и запустил неусыпную программу-сторожа.

«Все, — грустно подумал Ник. — Теперь даже муха к коттеджу незамеченной не пролетит. Только на мух сторож все равно не среагирует, потому что это хороший сторож. Современный».

А винтовку он запер в сейф.

Потом он долго бродил среди проклюнувшихся зародышей: яйца лопнули почти все; в почву из них тянулись жадные стебли эффекторов и стробоводов. Коттежные группы уже опознались и начали вязаться в системные массивы, отдельные яйца-зародыши становились единым растущим механом. Сервис-центр пока тестировался на уровне подчиненных субъединиц, впрочем, он так напичкан мелкими приборами, что расти будет дольше всего, наверное. Громадная сеть зародышей спорткомплекса еще не осознала себя чем-то целым, отдельные массивы пока оставались независимыми. Дальше всех продвинулся легкоатлетический комплекс и футбольное поле — там и расти-то особо нечему, дорожки да стойки... А вот медицинский блок отстает, что с ним?

Ник прокрутил статистику роста: почему-то не хватало кремнийорганики и все тех же валлоидных цепочек. Пришлось подправлять программу на ходу, искать избыток в других массивах и срочно сочинять корректную переадресацию. Это несколько отвлекло Ника, и неясная тревога, захлестнувшая его на охоте, отошла куда-то на второй план.

Вечером, поужинав опостылевшей еще в рейде синтетикой, Ник засел за комп посадочного бота и поднял в небо еще с десяток зондов. Потом скрупулезно листал отчеты запущенных ранее, потому что автопоиск результата не дал, но и после этого не обнаружил ни одной странности, ни одного факта, ни одной зацепки — ничего, что можно было бы списать на разумную деятельность. Селентина была девственна и чиста, ни малейших следов технологической активности.

— Мистика, — проворчал Ник.

Все, что не укладывалось в привычные рамки и не формулировалось понятными словами, Ник называл мистикой.

Ладно. Предположим, что на Селентине есть разум. Предположим, абсолютно атехнологичный. Гипотетическая биоцивили-

зация. Кстати, тогда понятны попытки оживить подстреленного свинтуса и абсурдная скорость роста срезанных деревьев. Но! Разум предполагает хоть какую-нибудь созидательную деятельность. А где на Селентине...

Ник вздрогнул. Супердеревья! Они вполне могут быть искусственными, ибо трудно поверить, что эволюция пощадила бы эти исполины... Но ведь ты не биолог, Ник. Вдруг они все же естественные?

«А вдруг нет?» — возразил себе Ник.

«Хорошо, что у нас есть помимо них? — Ник пошарил в памяти. — Ничего. Только не до конца заживленная рана на мертвом подсвинке и ненормально большие побеги на пеньках, отросшие за несколько часов».

Кстати, побегов, строго говоря, уже нет, Ник их сжег.

«Черт возьми, они могут быть разумными, но еще слаборазвитыми. Биосредневековье... А супердеревья — это их замки. И периодически они осаждаются неприятелем...»

Мистика. А точнее — бред. Но, с другой стороны, что знает Земля о биоцивилизациях, не изучив ни одной, потому что еще ни с одной не столкнулась?»

«Все когда-нибудь случается в первый раз, — подумал Ник, пожимая плечами. — Однако не будем пороть горячку. Просто отправим на Землю экспресс-отчет. С голыми фактами и извинениями за внеплановость».

Ник досадливо поморщился. Тут же примчатся контактеры — эти только и ждут возможности куда-нибудь влезть и что-нибудь запретить. Объявят супердеревья разумными и выгонят Ника с его недоросшими механами. А он уже успел влюбиться в Селентину. Даже подумывал назвать этот континент Светланой. Ну, если не континент, то хоть реку ближайшую...

Но если впоследствии выяснится, что здесь есть разум, Ника взгреют по первое число. Могут вообще из флота выпереть. Есть прецеденты — Гринёв, например, или Франк Даусс. Нужно ли тебе это, Ник? Не лучше ли прослыть излишне подозрительным и чресчур дотошным?

Сомнения разрешил писк дешифратора — пришла первая депеша с Земли в ответ на его базовый отчет. Ник вызвал ее на экран.

— О как! — сказал он, приподняв брови. Оказалось, что биологи буквально встали на рога от известия о супердеревьях и уже

мчатся сюда, категорически требуя анализов (раздел Био-АА002, пункты с первого по двенадцатый, кои может проделать комп рейдера через аппаратуру зондов, нужно только переподчинить ему парочку и соответственно озадачить). Результаты НЕМЕДЛЕННО отослать на адрес крейсера «Калахари» и поместить в интернет, конференция www.botanik. Кроме того, наличествовал в достаточно вызывающей форме изложенный запрет на дальнейшую работу и обещания санкций, но тут же нашлась спасительная пометка Шредера: «Не обращай внимания, Никки».

— Во, блин, испоганят всю работу, — искренне огорчился Ник. Впрочем, биологи — это все же не контактеры. Те могли бы не обращать внимания на пометки Шредера и вообще вытурить Ника на орбиту, и он не смог бы не подчиниться.

Зато отпала необходимость ломать голову. Вот пусть и разбираются с заживлением ран и аномальным ростом побегов. А он, Ник, займется городком. И будет посылать биологов ко всем чертям, свалив на них заодно и обязательный комплекс общей тест-программы Селентины.

Связавшись с компом рейдера, Ник создал автономную процессорную область, дал команду на выполнение биораздела, выделил шесть зондов, а потом пошел навешивать на эти зонды дополнительное оборудование — всяческие манипуляторы и кассеты с контейнерами для образцов.

Крейсер выйдет к Селентине через три земные недели, прикинул Ник. Надо успеть вырастить для биологов жилье и биоцентр. Сожрут ведь, если не успею. Как пить дать сожрут.

4

Биоцентр на шесть лабораторий он активировал прямо с утра, чтобы не оплошать перед биологами, если вдруг с зародышами что-нибудь не заладится. Потом подумал и рассчитал вторую улицу, решив не селить биологов в уже готовые коттеджи на первой, а поднять штук пять новых около биоцентра — пускай и живут рядом с работой. К похожему на краба спорткомплексу Ник присоединил пару кафешек-автоматов, а десятиметровый шпиль метеостанции должен был начать третью улицу. Закладывая все новые и новые зародыши, Ник отвлекся от странностей Селентины, в вез-

деход не совался с неделю, а на лес даже не взглянул ни разу. Подстреленный кабанчик так и остался лежать в холодильнике — ни времени, ни желаниа освежевать его и закатить шашлык не случилось. До сих пор процесс роста зародышей до такой степени совпадал с хрестоматийным, что Ник даже удивлялся: обычно в полевых условиях доля зародышей, по тем или иным причинам свернутых в сырьевые, не опускалась ниже семи процентов, здесь же пришлось свернуть всего пять штук, что составляло меньше двух десятых процента. Неподражаемый Питер мог бы быть доволен своим подчиненным.

Тем временем дорос сервис-центр, и Ник теперь мог слать отчеты на Землю прямо из своего коттеджа. Да и ретранслятор он вырастил помощнее корабельного. Городок медленно, но верно обретал лицо.

Управлять процессом роста теперь тоже можно было не выходя из лаборатории в коттедже, Ник выбирался наружу только для закладки новых улиц и строений-механов.

С момента получения депеши от биологов прошло десять дней. Коттеджи для них Ник завершил еще трое суток назад, биоцентр дошлифовывал. Все это время биологи почему-то молчали. Ник удивлялся: он был готов, что его запытают просьбами исследовательского толка, но то ли запросы биологов последнее время стали ниже, то ли эффекторы зондов стали покруче. Впервые Ника потревожили лишь на одиннадцатый день. Комп на столе заулюлюкал и заверещал, как ирокез на тропе войны. Ник, отсыпавшийся после бурной ночи с закапризничавшей программой третьей энергостанции, вяло отозвался:

— Огласите...

— Телеграмма с крейсера «Калахари», — бодро отозвался комп во все саунд-бластеры. — Никите Капранову, эмбриомеханику второго класса, находящемуся в экспеди...

— Опустит, — поморщился Ник. — Текст давай.

Комп осекся, выдержал положенную паузу и продолжил:

— Просьба от института ксенобиологии Свилена Илкова; предмет — исследование аборигенной флоры; согласование с институтом эмбриомеханики П. Шредера — согласовано.

В интересах получения более полной информации о так называемых супердеревьях крайне необходимо провести дополнительные тесты по прилагаемой программе для детект-расширителя к стандартному компьютеру космолетчика. Каких бы то ни было

специальных знаний для выполнения сего не требуется. Нужно только в точности следовать рекомендациям программы.

Справившись с этой работой, вы, Никита, оказали бы неоценимую услугу современной науке.

Подпись: Руслан Терещенко, доцент био...

— Опустит, — проворчал Ник, вставая. Началось, подумал он.

К телеграмме прилагался необъятный драйвер. Ник сразу же слил его на свой переносной комп.

Ни одного детект-расширителя ближе чем на рейдере не обнаружилось, пришлось тратить несколько минут на поиск описания, час на программу и час на выращивание. За это время яйцо трансформировалось в квадратную коробочку со стандартным разъемом и усиком двухпотоковой антенны. Ник сразу заподозрил неладное и запустил полученный драйвер. Так и есть: первая же рекомендация сводилась к просьбе подчинить компу обычный зонд-леталку и два шагающих. Ругаясь пуще прежнего, Ник вызвал незанятые зонды, и тут оказалось, что для них тоже нужно выращивать комплект манипуляторов.

Короче, день улетел неизвестно на что. Ник под вечер мельком взглянул на сводку за сутки и, не обнаружив ничего срочного, решил завтра с утра предаться оказанию неоценимой услуги науке. Если только эти чертовы биологи не врут.

Он посмотрел какой-то тупой боевик времен ядерной войны, с горя хлопнул бутылку «Керкинитиды» и завалился спать.

Назавтра он встал с неясной пустотой в душе. Совершенно неохота было заниматься чужой работой, но разве оставался у него выбор? Да и босс, похоже, не прочь, чтоб Никита попахал во славу науки. Но сначала Ник все же проверил свои зародыши. У тех рост вполне ладился и подправлять было нечего; только метеостанция потребовала еще два яйца для расширения базового массива сверх стандарта. Ник пожал плечами и принес зародыши — хочет расширяться, пусть расширяется, кто их знает, теперешние стандарты...

Полчаса ушло на то, чтобы навесить на незанятые зонды выращенные намедни манипуляторы — манипуляторы были специфическими, ими пользовались только биологи-профессионалы, и неудивительно, что Ник с ними провозился дольше, чем рассчитывал. Хорошо, хоть описание попало толковое — бывает, на такие перлы наткнешься, что и не поймешь сразу, издеваются над тобой

неведомые составители описаний или это просто ты такой непроходимый и дремучий идиот, что не можешь с ходу разобраться в самых тривиальных вещах.

После этого Ник сел за комп и вновь запустил полученный вчера драйвер. С минуту в кристаллах процессорной области вершились таинственные процессы, сути которых Ник никогда не понимал и никогда не стремился понять. Потом шевельнулись шагающие зонды возле крыльца — Ник видел их в окно. Потоптавшись на песчаной тропинке, они вышли на дасфальтовую ленту дороги и разбежались в разные стороны — один на север, второй на юг. Тут же следом от крыльца косо взмыл в небо зонд-леталка.

И все. Больше от Ника драйвер ничего не потребовал.

— Ну, спасибо! — проворчал Ник ядовито. — Ну, добрый!

Он вышел на крыльцо. Невольно покосился туда, где еще недавно торчали из почвы подозрительные пеньки, — там всюю разрасталась дасфальтовая полоса. Выжженная земля скрылась под серою поверхностью будущей дороги. А сквозь дасфальт прорасти никакому дереву не под силу...

Хотя жизнь — штука поразительная. Может, тут, на Селентине, какой-нибудь особо упрямый побег сумеет взломать даже сверхпрочные связи дасфальтовых макромолекул. Тогда можно будет отослать невинный отчет шефу: так, мол, и так, имеющиеся в распоряжении материалы не отвечают по характеристикам местной специфике, срочно разрабатывайте работоспособный аналог, данные прилагаются... То-то отцы дасфальта забегают, засуетятся...

Но такого не случалось на доброй сотне миров. Ни разу. Дасфальт неизменно оказывался сильнее жизни, потому что был создан человеком по образцу живых тканей. Эдакий псевдобелковый полимер-универсал. Бионики угрохали массу средств и сил в его разработку, но, похоже, дасфальт оправдывал все затраченные средства и усилия.

До полудня Ник провозился с метеостанцией — все же интересно было: отчего это зародыш решил вырастить базовый массив сверх стандарта? Ползая по статистическим выкладкам, Ник сверял запросы с хрестоматийными и долго не мог найти отличий. И только перед самым полуднем понял, в чем соль: в на шесть процентов большей, чем земная, силе тяжести. А это значит, что у метеозондов чуть меньший радиус охвата. Зародыш недостающую

статистику решил компенсировать увеличением числа базовых зондов.

— О как! — изумился Ник. — Умнеем, елы-палы!

Раньше механы решали эту проблему примитивнее: увеличивали число циклов анализа. Точность при этом падала; правда, не увеличивай метеоавтоматы число циклов, от недостатка статистики точность падала бы еще сильнее. Увеличение же числа зондов влекло за собой целую лавину проблем: энергия — раз, процессорные мощности — два, новая программа с расширением потоков анализа — три, надстройка индикации на новые каналы — четыре... В общем, можно было долго продолжать. Растущие механы до недавнего времени с такими сложностями просто не справились бы. Новые — похоже, решились на риск, и не похоже, чтобы сложности особо их пугали.

«Неужели и программу новую самостоятельно сляпают? — подумал Ник недоверчиво. — Дорастет — проверю!»

Он обедал, когда детект-расширитель коллег-биологов истерически заверещал. Ник уронил ложку в миску с таблеточным борщом и помчался к компу.

На экране мигала алая строка:

Шагающий зонд 2 атакован!

Шагающий зонд 2 атакован!

Упав в кресло, Ник лихорадочно прогнал аларм-подпрограмму и вызвал полную картинку с датчиков второго шагающего. Экран мигнул и тотчас на нем возникло изображение: зелень, трава, сучья... Изображение немилосердно прыгало и тряслось: зонд резво удирал сквозь заросли.

Ник переключился на задний обзор: там тоже шевелилась зелень. Но в неверные просветы виднелось что-то движущееся.

Не успел Ник запустить следящую подпрограмму, чтобы вычленила и прокрутила несколько раз нужные участки записи, как зонд выскочил к ручью. На голый вытоптаный пяточок, лишенный даже травы. Было отчетливо слышно, как журчит в русле вода и как шумно минует заросли преследователь. Или преследователи.

В следующий миг из зарослей появилось... появился... появились...

Ник долго не мог подобрать нужного слова.

Обтекаемый двояковыпуклый диск-линза, парящий в воздухе. На нем — толстый бочонок грязно-желтого цвета. У бочонка име-

лась голова с парой больших черных глаз и два шикарных ус-антенны со стопочкой пластин. Ну прям как у майского жука.

И руки у бочонка были — коротенькие и пухлые.

Следом выскочил второй диск, раза в два меньше по размерам. У этого из передней части росли шикарные, чуть изгибающиеся рога. Ну прям как у индийского буйвола.

«Я же не биолог», — поразился Ник своим сравнениям.

На втором диске сидела словно бы миниатюрная снежная баба: три шарика разного диаметра, насаженных друг на друга, и два шарика сбоку — руки.

Зонд тем временем перебрел ручей. На несколько секунд он погрузился полностью, и изображение затянулось мутной пеленой воды. Потом вновь прояснилось.

Дисков над ручьем было уже три: появился еще один, самый маленький. Этот вообще-то больше был похож на морского двустворчатого моллюска, чем на правильную линзу, а наездник его казался уменьшенной копией бочонка, но был, кажется, мохнат до невозможности.

— Вот он! Вот он! — заголосили преследователи. — Лови!

У Ника окончательно отвисла челюсть.

Голосили по-русски.

В тот же миг изображение на экране дрогнуло и провалилось вниз, словно зонд кто-то подхватил и поднял.

А потом на Ника глянуло лицо. Очень похожее на человеческое. Только глаза явно больше да уши остроконечные.

— Попался? — сказал человек довольно. — Никогда таких шныриков не видел!

Губы его шевелились вроде бы в такт русским словам, но поручиться Ник не мог: когда он смотрел толково дублированные голливудские фильмы, тоже казалось, что американцы-актеры шевелят губами в такт русским словам.

В поле зрения влетел один из дисконаездников, заглядывая человеку через плечо. Самый здоровый. Глаза его, два черных пятна, казались кусочками космической вакуумной бесконечности.

Спустя секунду изображение, снова дрогнув, погасло, и экран заполнился самодовольным интерфейсом детект-программы. Того самого необъятного драйвера.

Это могло значить, что зонд уничтожен. Но Нику почему-то показалось, что зонд попросту отключили.

Трясушимися руками он слил запись в рабочий каталог и пошел отправлять отчет на Землю.

Все. На работе можно было смело ставить жирный крест. Теперь-то сюда точно примчатся контактеры. Одна радость: биологов с Селентины тоже попрут как пить дать.

Ник прокрутил запись раз двадцать, не меньше. Задержал на экране лицо парня-туземца. Долго и пристально вглядывался ему в глаза.

По земным меркам парню было лет двадцать — двадцать пять. Скуластое решительное лицо; четко очерченные губы; падающие на лоб непокорные вихры... Во взгляде его Ник почему-то прочитал непонятное веселое упрямство, словно отлавливая шагающий зонд, этот человек нарушал какой-то таинственный запрет. Цвет глаз Ник определить не смог. Зато кончики ушей, торчащие из-под темных, со странным зеленоватым отливом волос, разглядел прекрасно.

Кроме лица, зонд ничего не смог заснять, но даже сейчас можно было смело утверждать, что парень этот — гуманоид и морфологически чрезвычайно близок к землянам.

Близок, как ни одна раса освоенного космоса.

«Ну что? — зло спросил у себя Ник. — Убедился? Дождался неопровержимых доказательств, умник? Может, свин, до сих пор индевеющий в холодильнике, — домашний? Любимый свин вот этого самого парня. А ты его — бабах! Из «Стетсера». Картечью. Хотя нет, не картечью, пулей. Рана ведь была всего одна».

Перед глазами снова встала наспех, второпях заживленная плоть подсвинка. Ник беспомощно таранился на слепой экран компа.

А ведь земному психиатру понадобилось бы минут двадцать, если не полчаса, чтоб изгнать из тела пулю и затянуть поврежденные ткани. Местные умельцы справились вдвое быстрее. Или втрое.

Неволью Ник покосился в окно, на маячивший в отдалении неохватный ствол супердерева. Словно этот молчаливый исполин мог дать ответ на все вопросы одинокого, затерянного в рейде землянина.

Когда взвыли саунд-бластеры, Ник все еще находился в ступоре и от неожиданности подскочил в кресле, словно его ужалил скорпион.

«Тревога! К смотровой площадке приближаются посторонние!»

Ник вскочил. Ноги противно дрожали. Он сделал несколько неверных шагов к сейфу с ружьем и замер посреди комнаты. Вытер о брюки мгновенно вспотевшие ладони и бросился к окну.

Но из коттеджа ничего разглядеть Ник не сумел. И тогда он решительно выдохнул, усилием воли унял дрожь в коленках и направился к выходу.

Ружье он все-таки взял с собой.

Давешнюю троицу симбионтов-наездников Ник заметил сразу: они шныряли у самой границы обозначенной зоны, рядом со стволом ближнего к ростовой площадке супердерева. Едва Ник появился на крыльце, все трое на миг замерли, зависли над травой.

В тот же миг от ствола отделились сразу два силуэта; Ник прищурился. В одном он узнал того самого остроухого парня, что охотился на биозонд. Вторая — девушка, похожая не то на фею, не то на дриаду. Во всяком случае, было в ней что-то сказочное.

Ник крепче сжал ружье. Совершенно произвольно.

Ему никогда еще не приходилось иметь дело с инопланетянами. Тем более — с доселе неизвестной расой.

А девчонка, похоже, выговаривала парню, причем сердито и резко. Парень пожимал плечами, совершенно по-человечески, и время от времени вставлял слово-другое. Девчонка морщилась и возобновляла гневную тираду.

Наконец они заметили Ника. Или просто снизошли до того, чтобы обратить на него внимание. Ник стоял у самого крыльца, переминался с ноги на ногу и пытался унять неприятную дрожь в коленках, которая все не проходила.

Девчонка помахала ему ладонью — иди, мол, сюда. Ник нервно сглотнул и, не зная куда деть руки с ружьем, медленно зашагал в их сторону.

Когда Ник приблизился, парень неохотно шагнул вперед и протянул руку с добычей. Схваченный за манипулятор зонд обреченно болтался «головой» вниз.

— Вот твой шнырик, — хмурясь, сказала девчонка. — Извини, что мой брат схватил его. Это не была охота.

Она говорила по-русски, без всякого акцента. Ладони у Ника мгновенно вспотели, он едва не выронил ружье. Перехватив ружье в левую, правой рукой он осторожно принял зонд и наспех осмотрел. Зонд был включен и готов к самостоятельной деятельности.

Ничего остроухий парень с ним не сделал. В смысле — ничего фатального. Тогда Ник опустил зонд на землю и легонько шлепнул по гладкому кожуху. Зонд сразу оживился, вскопился на ноги-манипуляторы и проворно побежал к крыльцу коттеджа.

— Спасибо, — чужим голосом поблагодарил Ник. — Вы понимаете меня?

Парень с девчонкой загадочно переглянулись, а самый большой симбионт-наездник радостно, как показалось Нику, записал.

Чувствуя себя донельзя глупо, Ник лихорадочно пытался отыскать линию поведения. У него едва хватило сил на вымученную улыбку, когда под ногами дрогнула земля. Вернее, не земля, а Селентина.

Толчок был таким сильным, что Ник не устоял на ногах; он даже услышал, как заверещала в коттедже аларм-система.

«Бедные мои механы», — с тревогой подумал Ник. Во что могли развиться зародыши в условиях землетрясения, не сумел бы предсказать и неподражаемый Пит Шредер, легенда эмбриомеханики. Скорее всего зародыши просто погибли бы. Но крохотный шанс у них все же имелся.

— Землеходы! — взвизгнула девчонка. — Наверх, скорее!

В тот же миг лужайка перед коттеджем вспухла черноземным фонтаном. А следом вспух хваленый земной дасфальт, раскалываясь и крошась, словно слюда.

И пошло. Из почвы лезли иссиня-черные лоснящиеся тела, похожие на гигантских земляных червей. Вздогнул и покосился коттедж, но, не устояв перед исполинской силой землеходов, жалобно всхлипнул и схлопнулся, как карточный домик. Землеходы показывались на поверхности и вновь ныряли в землю, словно это была не плотная слежавшаяся почва, а вода в стоячем пруде. Селентина судорожно вздрагивала.

Ник зачарованно глядел, как дорожка кипящей земли движется к нему, движется быстро-быстро и как-то до ужаса неотвратно.

Он даже не успел попрощаться с жизнью: сознание оцепенело, не в силах принять увиденное.

Кто-то схватил Ника за руку и рывком дернул вверх, к небу. К смутно зеленеющим где-то вверху ветвям супердерева. Потом Ника перехватили за ногу; мир неожиданно крутнулся, и земля с небом поменялись местами.

— 3-3-3-3! Хлю-хлю-хлю-хлю! Бз-з-з-зж!

Звуки напоминали саундтреки компьютерных игр для самых маленьких, карапузов лет четырех-пяти. Нику даже показалось, что рядом улюлюкает мини-флиппер.

Но это оказался наездник самого большого из дисков. Тот самый грязно-желтый бочонок. Ручищи у него оказались будь-будь: мускулистые, толстые, с плоскими, похожими на лопату ладонями. Наездник держал Ника за лодыжку, вниз головой, и не похоже, чтобы это его сколько-нибудь утомляло.

Диск поднимался ввысь, вдоль ствола супердерева, и под Ником распаивалась быстро углубляющаяся бездна. Земля внизу продолжала кипеть. Несостоявшийся земной городок перемалывался, как песчаный замок под ливнем на пляже. На месте коттеджа уже щерился безобразный бурый разлом, обнаживший скрытые глубинные слои почвы. Сервис-центр обратился в неясные серые обломки на дне конического кратера. Ажурная чаша ретранслятора обреченно валялась на потревоженной почве и напоминала порванную паутину. На месте энергостанции оседало рыжее облако — освобожденная энергия ушла в недра Селентины, но на землекопов это не повлияло — теперь они буйствовали на территории почти доросшего стадиона. Первой улицы, можно считать, уже не осталось: только косые стены крайнего коттеджа-механа сиротливо торчали из черноземного месива. Когда шпиль метеостанции с грохотом надломился и рухнул на спину гигантского червяка, Ник зажмурился.

Подняли его уже на добрые полста метров. Два диска поменьше дважды мелькнули рядом и стремительно ушли вверх, обдав Ника плотным порывом ветра. Висеть головой вниз на такой высоте — радость сомнительная, Ник боялся шевельнуться. Вдруг симбионт его уронит?

Спустя вечность диск опустился на шершавую широченную полосу. Ник, успевший сочинить себе судорожную эпитафию, нервно сглотнул и повалился на коричневую поверхность. Казалось, каждый нерв дрожит и дергается от пережитого.

Ник с детства не любил высоту. И никогда не думал, что когда-нибудь будет висеть, поддерживаемый за ногу, над добрым полукилометром пустоты.

Симбионт на диске радостно жужжал, улюлюкал и булькал. Опираясь на руки, Ник приподнялся. Полоса упиралась в толстенный морщинистый ствол супердерева. И Ник понял, что он находится на одной из веток. Под самыми облаками.

Ружье он, конечно же, выронил там, внизу.

Глава вторая

1

— Нет, — сказала Криста. — Так не получится.

Ник беспомощно поглядел на нее.

Вроде бы и по-русски говорит, а ничего не понятно.

— Но мне нужно туда спуститься! Там остались мои вещи, приборы... Связь, в конце концов.

— Внизу ничего не осталось. Да и опасно спускаться туда, куда прорвались землекопы. Вот подожди, загонят их в заповедник, тогда и спустишься.

— Криста, — взмолился Ник. — Я уже три дня торчу на этом чертовом дереве. У меня голова кружится. Я вниз хочу! На поверхность!

— Голова кружится? — удивилась Криста. — Почему?

— Потому что я не привык жить между небом и землей, на ветру!

— Ты не любишь ветер? Ну и сидел бы в дупле, там ветра нет.

— В дупле эти... как их... слизни, что ли. Бр-р-р... Лучше уж на ветру.

— Слизни тебя не тронут, я же объясняла. Какой ты капризный, Ник. Ужас.

— Капризный... Вот запихнут тебя в каюту на недельку — я на тебя посмотрю...

— Что такое каюта?

Ник вздохнул.

— Это такое дупло. Только квадратное.

— На твоём ко-раб-ле? — тщательно, по слогам выговорила незнакомое понятие Криста.

Именно понятие, а не слово. Потому что на самом деле Криста не издавала никаких звуков. Она была телепаткой. Как и все аборигены Селентины.

— Я ведь объяснял уже, это не мой корабль. Точно так же, как это дерево не твоё.

— Не мое, — подтвердила Криста. — Это дерево дялюшки Влоха.

Ник непонимающе уставился на нее.

— То есть? У деревьев все-таки есть хозяева?

— Не хозяева. Опекуны. Те, кто заботится.

Это стало для Ника новостью. За три дня он успел кое-что выяснить о социуме аборигенов. Но — вот ведь парадокс! — чем больше узнавал, тем сильнее запутывался.

У селентинцев практически отсутствовало понятие собственности. На чем зиждилось их общество, Ник вообще не смог разобраться. Жили они в лесах, не то общинами, не то вообще как попало. Кочевали. Постоянных жилищ не строили. То бишь не выращивали — биоцивилизация все-таки. Ник судорожно пытался вспомнить все, чему в свое время учился на спецкурсах, и убедился, что помнит постыдно мало.

Откровенно говоря, на дереве Ник больше всего страдал вовсе не от ветра и не от слизней в дупле. Первый день он свалился от перепада давления — его за несколько минут подняли больше чем на полкилометра. На второй стало полегче, но остался панический страх высоты. Ник не осмеливался отходить далеко от дупла, да и то только по самому центру ветви, подальше от закруглений.

За эти три дня Ник так и не пришел к однозначному мнению: кто более цивилизован, земляне или селентинцы? Слишком уж отличались они, две расы двух миров. С одной стороны, селентинцы похожи на дикарей: живут в лесу, едят плоды, ягоды, грибы, корешки всякие, иногда — охотятся, иногда — ловят рыбу. Огнем почти не пользуются. Сколь-нибудь цельного в планетных масштабах сообщества селентинцев Ник пока не углядел, но кто знает, может, оно и существует. Просто за три дня его не углядишь.

С другой стороны, ни Кристу, ни ее брата Бугу, ни даже с виду безмозглых симбионтов-левитантов совершенно не смутило объяснение Ника, откуда он, собственно, взялся. Они явно прекрасно понимали, что собой представляют звезды и что собой представляют планеты. Собственно, их больше всего заинтересовал способ, посредством которого Ник перенесся к Селентине из другой звездной системы. Выслушав путаные объяснения, Буга разочарованно протянул: «А... Реактивная тяга...» И к тихому ужасу Ника, с разбегу сиганул с ветки, которая возносилась над поверхностью Селентины на добрых полкилометра. Разбежался, резво засеменял по закруглению ветви, а потом оттолкнулся, мелькнул и пропал из виду. Криста проявила больше интереса, причем сразу же, в лоб заметила: способом, который описал Ник, преодолевать пустоту очень долго. Ник еще более путано объяснил, что реактивная тяга суть просто маневровый режим, а маршевый ре-

жим суть цепочка нуль-переходов или пульсация, но физики Ник объяснить не сможет, поскольку не специалист.

Криста вздохнула, но без особого, как показалось Нику, сожаления.

А уж психотехника и психомедицина у аборигенов были развиты — куда там землянам!

О целях своего пребывания здесь Ник рассказывал долго и в общем бесплодно. Строить жилища? Но полноте, здесь ведь хватает деревьев! Люди не живут на деревьях, терпеливо объяснял Ник, люди живут в домах. А зачем? — допытывалась Криста.

Ник с ума сходил от подобных вопросиков.

— А зачем вы живете на деревьях?

— Мы не живем на деревьях, — сказала Криста.

— А где вы живете?

Криста засмеялась:

— Здесь! На Селентине. Здорово, что ты угадал ее имя, Ник. Ты, наверное, очень способный.

Похожая на фею девчонка вдруг грациозно подпрыгнула и заложила лихую мертвую петлю — в полный рост, только чуть изогнувшись. За спиной ее, как показалось Нику, затрепетало что-то полупрозрачное и эфемерное, вроде тончайшей фаты или призрачного марева, как в жару над дасфальтом. Затрепетало и исчезло. А Криста мягко опустилась на шершавую кору ветви дерева-исполина. Сохраняя горделивую вертикаль.

Точно, фея.

Скудная ее юбочка из чего-то растительного во время воздушных упражнений не сдвинулась ни на сантиметр, даже в момент, когда Криста оказалась в положении вниз головой, вверх стройными, словно у балерины, ножками. Ни дать ни взять пупс пластмассовый, у которого юбочка просто нарисована...

Ник тяжело вздохнул. Все-таки видеть такую девчонку — испытание для любого мужика. Даже если она инопланетянка. Ник тихо радовался, что его вынужденное рабочее отшельничество только началось. Вот просиди он тут полгода без женщины — волком бы взвыл...

Кормили его то кашницей, вкусом подозрительно напоминающей мясной салат, то плодами, вкусом вообще ничего земное не напоминающими, но невероятно сытными, то вообще не пойми чем. Подавали на овальных листьях с загнутыми, как у блюдаца, краями. Вместо вилок или ложек пользовались палочками с плос-

кими концами. Выяснив, что Ник не умеет жить на дереве, Криста весьма непринужденно продемонстрировала ему место в дупле, где можно было справить нужду. Хорошо еще, что пример не показала, а то с этих детей природы станется... Выскользнула из дупла и пропала куда-то, предоставив Нику самому вникать в тонкости.

А в дупле, как оказалось, даже ручей тек. Эдакий водопровод местного значения. И канализация заодно. Правда, в ручье была не совсем вода, но это уже детали.

В общем, Ник пытался хоть что-то выяснить об аборигенах, пока не прилетят контактеры. А свою судьбу, чтобы не шипели со злобы, Ник заранее решил объявить пленом. Форс-мажорными обстоятельствами. Ибо по инструкции любой космолетчик, убедившись, что столкнулся с инопланетным разумом, обязан свернуть все работы, по возможности уничтожить следы своего пребывания, в кратчайшие сроки покинуть место контакта и ожидать прибытия комиссии...

Что-что, а эту часть инструкции Ник помнил назубок.

Работы он свернул, равно как и следы своего пребывания на чисто уничтожил. Точнее, свернул работы и уничтожил следы не он, а исполинские черви-землеходы, но какая, по сути дела, разница? Единственная проблема — ружье Ника валяется где-то там, внизу, да, может, еще какая-нибудь запретная техногенная мелочь. Осиротевшие зонды, останки эмбрионов...

Городок только жаль. Ник успел с ним сжиться. Он вообще быстро сживался с механами, которых выращивал.

А вот покинуть место контакта у Ника не было никакой возможности. То есть абсолютно. Криста просто не пускала его вниз, а каким образом спуститься с супердерева самостоятельно, Ник совершенно не представлял. Не просить же симбионтов в самом деле? Да и слушаются они селентинцев-гуманоидов во всем. Не согласятся, поди.

До прибытия группы контакта, по подсчетам Ника, оставалось около недели. Пять местных суток.

— Криста, — спросил Ник, устраиваясь поудобнее. Он присел на неровность коры и оперся спиной о бугорок размером с добрый вездеход. — А как получается, что вы летаете?

— Летаете? — удивилась Криста. — Разве мы летаете? Мы просто не падаем.

Ну вот. Как прикажете понимать подобный пассаж? Софистика какая-то.

— Ну хорошо, — согласился Ник. — Как получается, что вы не падаете, даже если сиганете с ветки?

Криста наморщила лоб, задумавшись. Скорее всего она никогда над этим не задумывалась. Все равно что спросить у человека, как он ходит.

— Ну... — протянула она и неопределенно повела руками, словно хотела обнять что-то огромное и округлое. — Мы не позволяем Селентине себя взять, вот и все.

Очень мило. Локальная отмена законов физики. «Сим велю гравитации быть надо мною не властной...»

— А как? — допытывался Ник.

Криста некоторое время честно думала. Потом досадливо отмахнулась:

— Ник, если уж задаешь вопросы, задавай настоящие, пожалуйста!

Вот так вот. Под настоящими вопросами Криста, вероятно, подразумевала нечто вроде «Зачем люди живут в домах?».

А ведь в сущности требования контактеров не так уж глупы, подумалось Нику. У нас, кажется, мышление совершенно иное. В принципе. Или, как выразилась бы, наверное, Криста, — в корне. Тут психологи нужны. Ксенопсихологи. А Никита Капранов — всего-навсего эмбриомеханик. Правда, хороший эмбриомеханик. Но разве оттого, что он хороший эмбриомеханик, Ник хоть на йоту больше понимает психологию селентинцев?

Есть вопросы. Нет ответов. Вернее, ответы есть, но непонятные.

2

Контактеры явились даже на сутки раньше, чем рассчитывал Ник. Причем на селентинские сутки, которые почти в полтора раза длиннее земных. Спешили, видимо, выжимали из крейсера все, на что были способны его движители.

Вообще это символично — мчаться к контакту с инопланетным разумом на военном корабле. Было в этом что-то от дипломатий канонерок, солидное, весомое и непререкаемое.

Где-то в поднебесье родился рокочущий звук; озадаченно приоткрыли птицы. Ник вскинул голову, но сплошное зеленоватое ма-

рево над головой не позволяло рассмотреть ни само небо, ни идущий на посадку бот.

Что ж... На место погибшего городка навелись весьма точно.

— Криста! — заорал Ник, суматошно пританцовывая у дупла. — Ты где? Криста! Буга!

Сейчас Ник был бы рад видеть даже неприветливого брата лесной феи. Кажется, абориген Буга Никиту Капранова невзлюбил. Ревновал, что ли? Поди пойми, что селентинцы вкладывают в понятие «брат» или «сестра»...

Но Криста и Буга куда-то исчезли на рассвете, по обыкновению оставив Нику еду на листьях. Ник как раз собирался позавтракать, когда услышал идущий на посадку бот.

«Блин, — подумал Ник едва не с отчаянием. — Еще решат, что я погиб... Родным телеграмму отошлют — мама с ума сойдет...»

Относительно спуска с полукилометровой высоты у него не возникло ни единой позитивной идеи.

На крики явилась только неразлучная троица симбионтов. Зависнув в метре от Ника, они в три голоса заулюлюкали и задрезбужали.

— Чего — у-лю-лю? — зло бросил им Ник. — Мне вниз надо! Вниз! Понимаете, безмозглые вы жучары...

Ник присмотрелся-прислушался и отметил, что звуки издавали только два симбионта — большой и средний. В основном большой. Маленький вертелся рядом, но молчал.

Тяжко вздохнув, Ник прислонился к своему любимому бугорку. Гул в поднебесье постепенно нарастал.

Криста явилась спустя час.

— Эй! — закричала она, Нику показалось, радостно. — Твои друзья упали!

— Упали? — встревожился Ник. Гул садящегося бота затих минут двадцать назад, причем, судя по звукам, сел он совершенно нормально.

— Ага! Упали! Плод, в котором они падали со звезд, раскрылся, и теперь они копошатся на рытвинах твоей делянки. Наверное, плод это и есть ко-рабль?

«Господи! — подумал Ник. — Да они просто сели и осматриваются! Ну, Криста, ну, дитя природы! Так и до инфаркта недолго довести».

— Нет, Криста. Корабль остался там, высоко-высоко. На орбите. А это посадочный бот.

Потом Ник забеспокоился:

— Криста, а землекопы? Там же опасно?

Тот факт, что выращивание городка селентинцы восприняли как что-то вроде возделывания огорода, Ник принял еще вчера. В конце концов, согласно своему неотрывному от природы мышлению, они даже были в чем-то правы. Хотя сравнение его, эмбриомеханика, который стажировался у самого Шредера, с каким-то там дачником-огородником все-таки немного обижало.

— Землекопов прогнали, Ник. Еще вчера вечером. Кстати, ты можешь спуститься.

— Так пошли скорее!!! — заорал Ник. — Мне нужно к своим!

— Зачем? — насторожилась Криста.

Ник запнулся на полуслове. М-да. Как объяснить этой просто-душной обаяшке, что такое начальство? Что такое флот и что такое штатное расписание? Что такое устав дальнего флота и что такое наставление по работе на внеземных территориях и почему всему этому надлежит неукоснительно следовать? Как?

— Ну... — Он протянул. — Там есть человек, который главнее меня.

— Главнее?

В зеленющих глазах Кристи светилось полное непонимание.

— Ну... Старше. Ответственнее. Информированнее. Собственно, это он послал меня сюда выращивать город...

— А! — встрепелась Криста. — Твой наставник?

— Ну да, вроде того.

— Он упал, чтобы посмотреть, как ты справился? — догадалась Криста. — Тогда он будет недоволен.

«Да уж, — подумал Ник меланхолично. — Недоволен — просто не то слово...»

— Криста, у нас не говорят «упал», у нас говорят «прилетел».

Криста удивилась:

— Почему? Плод ведь не прилетел, а упал. Со звезд. Ну, ты понимаешь, что «упал» — это всего лишь удобная метафора? Мы вообще не считаем Селентину центром Вселенной, просто принять ее точкой отсчета было во всех отношениях удобно.

— Я понимаю, — ошарашенно промямлил Ник. — Но у нас все равно говорят «прилетел»... Упасть — это когда полет неконтролируемый. И тогда бот... плод получает повреждения. Я могу испугаться, если услышу слово «упал». Испугаться и огорчиться.

Криста снова смотрела на него без тени понимания. Кажется, у нее в сознании не укладывалось понятие неуправляемого полета. Или это она относительно испуга и огорчения недоумевает?

— Ладно, — сменил тему Ник. — Как я спущусь вниз?

Криста встрепелулась.

— Падай... то есть лети, — велела Криста и разом вознеслась метра на три над ветвью.

Ник, понятно, остался стоять, где стоял.

Криста успела отдалиться метров на двадцать; потом оглянулась.

— Ну, что же ты?

— Криста, — беспомощно протянул Ник. — Я не умею летать... То есть я не умею не падать. Если я соскользну с ветки, я просто шлепнусь оземь и умру. Разобьюсь. Переломаю все кости.

Криста вернулась; теперь лицо ее выражало легкую озадаченность.

— То есть ты умеешь только подниматься?

— И подниматься я не умею. Я могу только ходить по поверхности. Или по какой-нибудь твердой и надежной опоре вроде этой ветки.

— А почему?

Ник только руками всплеснул.

— Ладно, — поспешно согласилась Криста. — Не злись, пожалуйста, я просто тебя плохо понимаю. Ладно, я тебе верю. Но как-то ведь ты на эту ветку забрался? Когда пришли землекопы. Может быть, ты просто забыл?

— Нет. Не забыл. Меня сюда принесли эти ваши жуки-шнырики. Вон тот, здоровый.

Симбионт, когда о нем зашла речь, радостно завжикал и заулюлюкал.

— Шнырики?

— Да. Цапнул за ногу, принес на ветку. И бросил. А потом уже вы с Бугой прилетели.

Криста хлопнула глазами и вдруг завжикала-заулюлюкала не хуже симбионта. Все три жучары радостно заплясали над ветвью, непрерывно скрипя, цокая, бибикая и черт еще знает каких звуков не издавая. Хотя нет, самый маленький, похоже, снова молчал, только двигался. Больной он, что ли, и оттого бессловесный? Или просто мал еще?

— Странно, — вернулась Криста к русскому языку. — А почему ты раньше не сказал? Мы думали, ты сам.

— А я думал, вы знаете, — развел руками Ник. И на всякий случай добавил: — Извини.

— Ну, — решительно сказала Криста, игнорируя извинения, — раз шнырик тебя поднял, то шнырик тебя и упадет! То есть прилетит!

«Опустит», — хотел подсказать Ник, но в голову пришла слишком уж неуместная аналогия. И он промолчал. Прилетит, так прилетит. Главное, чтобы не упал...»

Не в меру активный симбионт неожиданно поддал Нику сзади под колени, и Ник, сдавленно охнув, невольно уселся на дисклинзу. Бочонок оказался у него между ног; чтобы не упасть, Ник схватился за могучие, не по росту симбионта, плечи и затаил дыхание.

Диск косо валился долу, ветвь уже пропала где-то вверху. Свистел ветер, вынуждая щурить глаза. В какой-то момент рядом мелькнула Криста в своей нарисованной юбочке и приклеенной маечке, потом средний симбионт, с рогатым диском.

А потом симбионт сделал мертвую петлю, Ник не удержался и с воплем свалился, но оказалось, что высота к этому моменту составляла едва тридцать сантиметров, поэтому в лопатки сразу же толкнулась земля. Селентина. Твердь.

И сразу вслед за этим в глазах стремительно потемнело — за несколько секунд Ника спустили с полукилометровой высоты на уровень моря.

— Ох-х-х... — выдавил из себя Ник и перевернулся набок.

И вдруг ему разом полегчало.

— Эй! — его легонько потормошили.

Ник открыл глаза. Он все еще лежал на траве у подножия супердерева, а над ним склонилась встревоженная Криста.

— Что это с тобой? — спросила она с интонациями медсестры.

— А? — переспросил Ник и прислушался к себе. Самочувствие было в полной норме, словно его только что чинил психиатр.

Впрочем, так оно скорее всего и было. Криста любому земному медицинскому светилу сто очков вперед даст — Ник видел, как она затягивала царапины своему непутевому братцу. Если, конечно, можно назвать царапинами длинные рваные раны, похожие на следы от когтей какой-нибудь местной рыси.

— Фу... Встаю, Криста. Уже встаю, — пробормотал Ник, действительно поднимаясь на ноги. На миг ему показалось, что снова накатывает дурнота — но нет, все оказалось в норме.

Посадочный бот класса «Капитан» жабой льнул к Селентине метрах в восьмистах от ствола супердерева. Перепаханная землекопами почва напоминала плащдарм планетарного десанта, где недавно кипело жаркое сражение. Огромные воронки чередовались с целыми терриконами потревоженной и отваленной в кучи породы.

Бот сидел рядом с местом бывшей метеостанции.

Ник искоса взглянул на Кристу и направился к боту.

Криста сначала двинулась за ним, но потом, словно почувствовав тревогу Ника, остановилась.

— Ник! — сказала она. — Я, наверное, не пойду. Потом меня позовешь, ладно?

Стало совсем тихо, даже балаболы-шнырики заткнулись.

Ник задумался. Наверное, это правильное решение.

— Хорошо, Криста. Как я тебя найду?

— Позови. Я услышу.

— Ладно, Криста. До встречи. И... спасибо. Тебе и Буге. Без вас я бы погиб.

Криста серьезно кивнула:

— Да. До встречи, Ник. Надеюсь, твой наставник не очень рассердится.

И она легко побежала к деревьям — прямо по рытвинам и отвалам. Несколько секунд — и ее поглотила зеленая стена леса. Шнырики, разумеется, исчезли вместе с ней.

Тоскливо поглядев на бывший городок, Ник тяжело вздохнул и побрел к боту.

— Капранов! — окликнули его по громкой связи. — Стоять! Не приближайся к боту!

Ник замер.

— Тебе нужна медицинская помощь? Если да, подними обе руки вверх. Если нет, разведи руки в стороны.

Ник послушно развел руки в стороны.

— Отлично. Извини, ты сначала должен пройти карантин и дезактивацию.

— Уроды, — пробормотал Ник. — Если б не Криста и ее сородичи, никакого карантина точно не понадобилось бы...

Но, понятно, остался стоять на месте.

Теперь он заметил, что справа и слева от него на кучах вывороченного чернозема стоят десантники в легких скафандрах. Вооруженные.

Из грузового трюма бота тем временем вырулил здоровенный походный вездеход «Харьковчанка» со здоровенным красным крестом на борту. Расшвыривая гусеницами комья земли, он помчался к Нику.

Приблизился. Замер метрах в пяти. Двое во все тех же легких скафандрах полезли наружу.

— Здравствуй, Никита, — поздоровался передний.

Ник не сразу его узнал под шлемом — Николай Федорович Гребенников, флотский врач. Перед экспедицией на Селентину Ник проходил обследование именно у него.

— Чего это вы в скафандрах? — удивленно спросил Ник. — Я так разгуливаю — и ничего.

— Из-за тебя, Ник.

— В смысле?

— Ну, ты ведь имел контакт с аборигенами. Значит, карантин...

— А откуда вы знаете, что я имел контакт с аборигенами?

Гребенников замаялся.

— Ник, ты же в рабочем комбинезоне.

— А... — спохватился Ник. — И действительно. Одичал я тут, Федорович, забыл обо всем и о датчиках ваших забыл. Давайте свои хлорофосы, а то я, если честно, замаялся уже в дупле жить.

— Пошли.

В корме вездехода отворился овальный люк в дезкамеру. Некий англоязычный шутник в приступе остроумия сподобился на двери намалевать череп с костями и ниже написать: «Death-camera». Единственно, что скрашивало этот безрадостный пассаж, — это ухмыляющийся череп. Выглядел ни капельки не угрожающе, а наоборот, словно подбадривал: «Держись, космолетчик!»

Ник забрался внутрь, улегся на теплый пластиковый пол и блаженно раскинул руки.

Люк задраили, и секундой позже на эмбриомеханика дальнего флота Никиту Капранова обрушился стерильный ионный душ.

— Если заразы нет, — философски заметил Ник, обращаясь к запертому люку и нарисованной мертвой голове, — ее нужно придумать.

3

Начальник контактеров оказался субъектом на редкость угрюмым и неприятным. Лицо бледное, залысины, тонкие губы, странно бегающие глаза. Будь Ник аборигеном — ни за что не стал бы иметь дело с подобным типом. Звали начальника Геннадий Градиленко, и Ника он, похоже, невзлюбил еще до того, как впервые услышал о его существовании.

— Значит, вы, памятуя о пункте три седьмой главы наставления по работе на внеземных территориях, тем не менее не выполнили ни одной инструкции из этого пункта? — в который уже раз спросил Градиленко, глядя куда-то выше и левее Ника.

Ник сидел посредине крохотной шестиугольной каюты на легком табурете. Градиленко устроился за столом, и там ему было неизмеримо удобнее, нежели Нику.

— Повторяю. — Ник уже успел стать безучастным. — Аборигены сами вышли на контакт. У меня просто не было времени свернуть лагерь и растущие зародыши, случилось непредвиденное. Форс-мажор. Понимаете?

— Когда вы впервые установили, что Селентина обитаема?

— Достоверно — примерно за полчаса до нападения землекопов на город. В момент, когда просмотрел видеоролик шагающего зонда.

— Значит ли это, что у вас были косвенные доказательства раньше?

— Доказательств — не было. Были догадки, подкрепленные логическими натяжками. С тем же успехом я мог и ошибиться.

— Расскажите о своих догадках подробнее.

«Чтоб тебе провалиться, зануда... — раздраженно подумал Ник. — Господи, как только земля таких носит?»

— Послушайте, Геннадий...

— Викторovich.

— Послушайте, Геннадий Викторovich! Может быть, вы сразу скажете — чего вам от меня надо? Я — эмбриомеханик. Я выполнял свою работу здесь, на Селентине. Прямых свидетельств обитаемости Селентины не было и быть не могло. Как только я столкнулся с аборигенами, я был готов свернуть городок и убраться на орбиту. Но Селентина не предоставила мне такой возможности, понимаете? Я бы просто погиб, если бы не аборигены. И я не мог

самостоятельно спуститься с этого чертова дерева-переростка и именно поэтому провел почти неделю в обществе аборигенов. Поэтому, а не с целью запороть вам стандартную процедуру контакта! В состоянии вы это понять? Или нет?

Градиленко холодно воззрился на Ника.

— Извольте отвечать на вопросы, Капранов. Вы обязаны мне подчиняться.

— Обыкновенно я подчиняюсь, — заметил Ник. — И вам подчинялся. Но этот дурацкий допрос по десятому кругу начал меня раздражать.

Градиленко откинулся на спинку кресла и чуть склонил набок голову.

— Так вы будете отвечать или нет?

Ник устало взялся за виски.

— Я уже отвечал. Не один раз. За несколько дней до контакта я охотился в лесу. Подранил кабанчика, потом долго его выслеживал в зарослях. Когда выследил, оказалось, что ему пытались заживить рану. То есть, осмотрев рану, я подумал, что это похоже на заживление методами традиционной психохирургии. А вернувшись на базу, нашел пеньки деревьев, которые срезал только накануне, обросшими молодыми побегами. И это все. Вы бы рискнули на основании таких скудных и неубедительных данных делать выводы об обитаемости неисследованной планеты?

— Рискнул бы, не рискнул бы — это к делу не относится, — сухо заметил Градиленко.

— А я вот не рискнул. Но отчет тем не менее отправил, исправно и своевременно. Что еще вам от меня нужно?

— Мне нужно понять, почему вы не выполнили пункт третий седьмой главы наставления по работе на внеземных территориях...

— Ну, все, — рассвирепел Ник.

Он вскочил, швырнул в испуганно пискнувшего Градиленко легкий пластмассовый табурет и решительно направился к выходу. Люк он отворил увесистым пинком, так, что десантник с прикладным лучевиком у каюты невольно отпрянул.

— Э! — Десантник тут же опомнился и попытался схватить Ника свободной рукой за локоть.

— Убери лапы, горилла! — рявкнул Ник во весь голос и пихнул десантника. Очень сильно пихнул, злость помогла. Десантник впечатался в переборку. Кажется, он поверить не мог, что это происходит на самом деле.

— Арестованный! Приказываю остановиться! Лицом к стене! Руки за голову! — окончательно опомнился десантник. Наверное, он навел на Ника свой лучевик, но Ник не видел этого, потому что просто шел прочь по твиндеку. Не оборачиваясь. Не станет же этот вояка стрелять в самом-то деле?

На шум, естественно, примчались еще десантники. Ника прижали к переборке и дали знать дежурному офицеру. Когда дежурный офицер явился, Ник заявил, что будет разговаривать только с капитаном и только в присутствии на связи своего непосредственного начальника — Питера Шредера.

Градиленко из каюты так и не появился, и возможно, именно поэтому Ника действительно повели под усиленным конвоем к капитану крейсера «Калахари».

Капитанская каюта тоже была шестиугольной, но по размерам превышала ту, где допрашивали Ника, раза в четыре.

— Арестованный Капранов доставлен, сэр! — отрапортовал сержант из конвоя. Докладывал он по-английски, отсюда и это «сэр».

Ник поморщился. В работе от конторы Шредера были и свои минусы — приходилось иметь дело в основном с англичанами и американерами. Единственные земляки на «Калахари» — и те из группы зануды-Градиленко. Вот повезло-то!

— Идите, сержант! — велел капитан. С виду невозможно было сказать, злится он или нет.

— Сэр! Оставить ли конвойного?

— Не нужно, сержант. Арестованный не станет буянить. Ты ведь не станешь? — Капитан обратился к Нику, и Ник мгновенно понял — не станет. В этого человека он ни за что не решился бы метнуть табурет. Потому что в каждой морщинке лица, в зрачках, в упрямом абрисе скул, в еле влезающей в мундир груди мускулов капитана читалась такая сила и уверенность в себе, что невольно хотелось съежиться.

— Есть, сэр!

— Когда потребуется, я вызову конвойного.

— Так точно, сэр!

Странно, но ответы сержанта не показались Нику данью пустой муштре. Такому капитану хотелось отвечать четко, отрывисто и непременно добавлять в конце уважительное «сэр!».

Тем временем сержант выскользнул из каюты и затворил тяжелый герметичный люк. Ник откуда-то знал, что режим герме-

тичности сейчас не включен. Знал он и то, что на военных кораблях использовались только такие люки — никаких перепонок. У военных свои представления о надежности.

— Что, сынок? Достал тебя этот книжный червь? — неожиданно миролюбиво спросил капитан.

— Не то слово, — сумел выдавить из себя фразу Ник. Откровенно говоря, он ожидал разноса, давления, угроз — чего угодно, но только не вот такого устало-доверительного, почти домашнего тона.

— Он и нас всех успел достать, пока мы к Селентине шли. Так что я тебя понимаю. К сожалению, он тут вроде как шишка — мне приказано оказывать ему и его людям всяческое содействие. В утешение могу сказать, что его люди — совсем другой народ, обычный и свойский. И шефа своего, опять же по секрету, совсем не жалуют. Но — вынуждены терпеть. Так что ты там натворил?

Ник вдохнул побольше озонированного воздуха, пахнущего не то пластиком, не то чуть подогретой керамикой, и одним духом выпалил:

— Да ничего особенного! Когда он в сто первый раз задал мне вопрос, на который я уже сто раз перед этим ответил, я не выдержал и запустил в него табуреткой. И направился в каюту, которую мне отвели. Но ваши орлы меня в коридоре повязали...

Капитан скудно улыбнулся:

— Ты, помнится, требовал связи со своим шефом?

Ник немного смешался:

— Да...

— Терминал там. — Капитан указал на небольшой пульт в одном из шести углов каюты. — Вперед!

Ник взглянул на часы, прикинул, что в Англии сейчас около одиннадцати утра, встал, прошел к пульта, уселся и набрал в адресной строке вызов шефу. Питеру Шредеру.

Ответила заместительница — рыжая английская леди средних лет. Долорес Хиллхардт. Тоже светило эмбриомеханики мировой величины, тетка въедливая и строгая, но ничуть не вредная.

— Ник? — Она даже обрадовалась. — Тебя уже отпустили эти кабинетные крючкотворы?

— К сожалению, нет, мадам. Скажите, я могу поговорить с шефом?

— Вообще-то он занят. У тебя что, проблемы, малыш?

— Откровенно говоря, да.

— Жди, — отрезала Долорес и пропала из кубического экрана.

Спустя минуту экран переключился, и из пространства над пультом на Ника взглянул шеф.

— Здравствуй, Ник. Я рад, что с тобой все в порядке. Я уже посмотрел твои отчеты — проблему с валлоидным синтезом мы действительно прошляпили. Ты молодец. Жаль, что тебе не удалось довести работу до конца.

— Спасибо, шеф, — от души поблагодарил Ник.

— Я слышал, у тебя какие-то проблемы с контактерами?

— Не то слово, шеф! Я ведь нарушил пункт три седьмой главы наставления... А до того, что мне при этом разворотили всю рабочую площадку, угробили все зародыши и выросшие механы, что сам я вынужден был спастись на дереве — до этого им дела нет. Кстати, я арестован.

— Арестован? — Брови Шредера сошлись над переносицей. — С какой стати?

— Да все с той же.

— Так! Ты на «Калахари»?

— Да.

— Побудь на связи. Кстати, откуда ты меня вызвал?

— Из капитанской каюты. Капитан был настолько любезен, что предоставил мне эту возможность.

Ник покосился на капитана — тот невозмутимо сидел в кресле и глядел в какой-то пестрый журнал.

— А... Тогда можешь не висеть на связи. Я все утрясу и сам вызову «Калахари». Сиди тихо и на рожон не лезь. Понял?

— Понял, шеф! — с воодушевлением заверил Никита. — Жду! Он отключился и встал.

— Капитан! Честное слово — офицеры вроде вас заставляют думать о военных как о людях, а не как о солдафонах. Огромное вам спасибо!

Капитан, казалось, не обратил на его слова никакого внимания. Он отложил журнал в сторону, потер переносицу, и, словно бы куда-то в сторону, сказал:

— Из-под стражи я тебя освободить не могу, сам понимаешь. Лучшее, что тебе сейчас можно предпринять, — это тихо засесть в каюте. Поэтому я тебе объявляю капитанский арест. Бессрочный. Учти, без моей санкции Градиленко тебя оттуда вытащить не сможет. А когда твой шеф все утрясет — я арест сниму.

— Спасибо, капитан! — Благодарности Ника не было предела.

— Конвой! — Капитан обернулся к пульту.

На пульте неусыпно мигал глазок громкой связи.

— Кстати. — Капитан словно бы вспомнил что-то и подошел к встроенному в переборку шкафу. Отвел в сторону дверцу, взял что-то продолговатое, замотанное в камуфлированную тряпицу. — Это, не иначе, твое?

Он осторожно развернул тряпицу, и Ник увидел свое ружье. Изрядно погнутое и слегка покореженное, но Ник узнал его даже таким.

— Мое...

— У тебя есть вкус, парень. Мои ребята его подобрали... Если б его нашел этот гриб, тебе бы пришили еще и статью о передаче аборигенам техногенных изделий из запрещенного реестра.

Ник судорожно сглотнул.

— Уляжется все — получишь обратно. Его еще можно починить.

— Спасибо, капитан.

Капитан спрятал ружье в шкаф, а в дверь как раз постучалась охрана.

— Сэр! — молодецки рявкнул давешний сержант.

— Поместить его под капитанский арест! — приказал капитан. — Без моей санкции не допускать никого. Повторяю: никого, включая офицеров корабля и гражданских лиц с любыми полномочиями. Местом содержания назначаю выделенную ему каюту. У каюты выставить удвоенную стражу, наряд назначить по распорядку. Выполняйте!

— Есть, сэр!

Сержант качнул головой, приглашая (или веля?) вытряхиваться из каюты.

На пороге Ник хотел еще раз поблагодарить, но, столкнувшись со взглядом капитана, проглотил готовую уже вырваться фразу и молча зашагал прочь следом за сержантом. Чуть поотстав от Ника, шествовали два десантника с лучеметами.

«Поздравляю, Ник, — сказал Капранов сам себе. — Теперь ты дважды арестован».

В каюте он с некоторым даже удовольствием послушал, как клацнул наружный запор, и с многострадальным стоном повалился на откидную койку.

4

Целых четыре дня Ник провел в полном одиночестве. Едой и питьем исправно снабжала корабельная линия доставки. Под койкой, которую, похоже, давным-давно не поднимали и не крепили в походном положении, обнаружился пластиковый ящик со старыми журналами. Терминала в каюте не нашлось вовсе — сначала Ник подумал было, что его просто отмонтировали. Но нет — «Калахари» оказался довольно старым крейсером, наверняка построенным еще до колонизации Офелии. Ник валялся на койке, читал журналы и ни о чем особенно не думал.

Первое время.

Но потом, на третий-четвертый день, в голову потихоньку начали лезть разнообразные мысли.

Как долго ему еще здесь торчать в четырех стенах? Вернее, в шести — «Калахари», похоже, проектировал латентный пчеловод. Все, что только можно было сделать шестиугольным или шестигранным, здесь таким и было. От формы помещений до поручней на стенах и потолке.

Крейсер может пробыть в зоне контакта сколь угодно долго, а запас автономии у такой громадины наверняка исчисляется годами. Из-под ареста Ника вряд ли освободят, несмотря на обещания Шредера. Если бы имелась такая возможность, шеф бы ее точно уже осуществил. Значит... До Земли — эта успевшая опостылеть каюта, а там — слушание дела, и прощай дальний флот? И кто-нибудь потом перед рискованным шагом будет думать-тревожиться: «Ох, вышибут меня из флота, как Гринёва, Даусса или Капранова...»

Мрачная перспектива...

Ник вспомнил прибытие на Селентину, свои мысли о том, что космолетчики не любят космос, а любят кислородные планеты. И понял, что был тогда не совсем прав.

Может быть, он и не любил космос. Но все равно стремился туда. Мысль, что отныне предстоит сворачивать в зародыши устаревшие механы и выращивать на замену новые, посовременнее; что придется безвылазно торчать на Земле, в толпе, в мегаполисе; что вряд ли теперь светит всласть поохотиться в неведомой глуши — эта мысль Ника угнетала. Подавляла все его естество. Слишком уж он привык к свободе дальних рейдов.

«Нарвался все-таки... — подумал Ник с отчаянием. — Но ведь не мог я свернуть программу, не мог, не успевал! Я Бугу увидел буквально за четверть часа до землеходов... Неужели они не хотят этого понять?»

Ник представил лягушачье лицо Градиленко и вздрогнул от омерзения и злости. Может, не стоило швыряться табуреткой? Повилял бы хвостиком, изобразил раскаяние — глядишь, и обошлось бы выговором да штрафом. А так — прощай флот...»

Но почему молчит Шредер? Он же обещал...

К вечеру четвертого дня журналы были напрочь забыты; Ник лежал на койке лицом в подушку и чуть не до крови кусал губы.

Щелчок дверного запора буквально подбросил его. Ник вскочил и застыл напротив медленно отворяющегося люка.

Вошел капитан. Плотно затворил люк и внимательно поглядел на Никиту. В руке капитан держал сложенный вдвое лист пластика, похоже — с какой-то распечаткой.

— Ну, как ты, сынок? — спросил капитан вполне нейтрально.

— Хандрю, — признался Ник угрюмо. — Выпрут меня из флота, похоже.

— А тебе бы этого не хотелось? — поинтересовался капитан. Похоже, вполне искренне.

Ник пожал плечами:

— Да привык я уже... Седьмой рейд. Я ведь двенадцать лет в космосе. Даже не думал, что это так быстро закончится...

Капитан мелко закивал.

— Да. Это затягивает, что и говорить... Вот, держи, это тебе.

Он протянул Нику распечатку.

— От шефа? — с надеждой спросил Ник.

— Наверное. — Любой на месте капитана пожал бы плечами.

Капитан остался неподвижен. — Я не смотрел.

Ник торопливо расправил лист. .

«Ник! — гласила распечатка. — Дело сложнее, чем мне показалось сначала. Придется тебе посидеть под арестом до самой Земли. Будет процесс и следствие, но одно я обещаю наверняка: из флота тебя не отчислят. Я пригрозил свернуть сотрудничество с Управлением, если они вздумают тебя уволить, так что не распускай нюни и не мрачней. А чтоб не терять формы и не облениться — займись-ка нашей давнишней и любимой проблемой, адресацией параллельного синтеза. Если сумеешь построить корректную и ра-

ботоспособную модель мультисинтезной программы, дядюшка Пит будет очень доволен... Не хандри».

И — размашистая подпись.

Ник непроизвольно расплылся в улыбке.

— Что? — невозмутимо спросил капитан. — Хорошие новости?

— Лучше не бывает, капитан! — радостно сообщил Ник. — Меня не уволят!

Капитан едва заметно улыбнулся. Похоже, он все-таки прочел распечатку перед тем, как отнести Нику. Ну скажите на милость, какому капитану громадного крейсера взбредет в голову самолично доставлять послание от шефа какому-то там арестованному эмбриомеханику из гражданских? Да еще вечером, в неслужебное время?

— Очередное вам спасибо, капитан! Скажите, а терминалом я смогу воспользоваться?

— Арестованным запрещено пользоваться корабельными терминалами...

Ник осекся. А как, собственно, он тогда сможет работать? На бумаге программу не напишешь и не откомпилируешь, и уж точно — не проверишь...

— ...но в наставлении ничего не сказано по поводу личных капитанских терминалов, — закончил фразу капитан и заговорщицки подмигнул.

После чего развернулся и вышел.

Ник недолго маялся — спустя четверть часа явился щуплый вестовой с портативным терминалом под мышкой.

— Вот! — сказал он, протягивая плоский брикет Нику. Потом выудил из кармана складную антенну-георгин и установил ее на откидном столике. — Наводку от корабельной магистрали берет на ура! Работай...

— Спасибо, воин, — вздохнул Ник. — Да не падет на тебя гнев сурового начальства...

Воин продемонстрировал Нику белозубую улыбку и отправился по загадочным (для Ника) вестовым надобностям.

В каюту мельком заглянул охранник с неизменным лучевиком в волосатых лапах, громыхнул запором, и Ник снова остался один.

Впрочем, нет. Не один. Теперь он мог дотянуться до любого человека в пределах обитаемой Вселенной, до любой информации.

Потому что у него появился выход в сеть.

Ник подсел к столику, откинул крышку терминала, запитал его и подсоединил джек антенны ко входному разъему. Терминал пискнул, загружаясь; над столом развернулся прозрачный кубик экрана.

Первым делом Ник подключился к родимому спеццентру в Саутгемптоне, отыскал свой холд, наколотил пароль и вошел.

— Отлично, — пробормотал он, шелестя клавиатурой.

Параллельно проверил — на месте ли шеф?

Шефа не было, рабочий день в Англии уже закончился.

— Ладно, — вздохнул Ник, загружая рабочие библиотеки и отладчик. — Параллельный синтез, говорите? Будет вам параллельный синтез от Никиты Капранова! Клянусь своей треуголкой! И только попробуйте обругать метод...

Когда Ник окунался в работу, время переставало для него существовать.

5

Прошло суток, наверное, двое. Во всяком случае, с начала работы Ник дважды прерывался на сон. Мультисинтезные процессы поглотили все его внимание, все, без остатка. В принципе у Ника имелось несколько идей относительно того, как возможно поддержать в растущем механе мультисинтезные процессы. От одной из них Ник и оттолкнулся, но, как водится, по мере медленного продвижения вперед стали неумолимо накапливаться мелкие и очень неудобные проблемы.

Первое: как увязать запросы пробудившейся программы с планировщиком очагов синтеза? Зародыши все одинаковые, но программы роста — совершенно друг на дружку не похожи. Будущим механам необходимы совершенно разные компоненты и в совершенно различных количествах и пропорциях. Стало быть, о жесткой планировке и речи быть не может. А дробить единый синтез на несколько субочагов — тоже не выход. Обычная программа все равно будет обслуживать их по очереди, и пока работает один, остальные будут тупо дожидаться своей очереди. Шредер ждал от Ника вовсе не этого.

И Ник резонно подумал: а что, собственно, мешает сдублировать нужное количество раз саму программу? Планировщик выяс-

няет объем и характер будущего синтеза, дробит его на несколько очагов по типу синтезируемых составляющих и на каждый очаг натравливает копию программы! Естественно, нужно изрядно вылизать и оптимизировать саму программу, но вот это-то Ник как раз и умел делать лучше всего.

И он ухнул в мир операторов и исполняемого кода. Раз за разом компилируя и отлаживая отдельные кусочки, каждый из которых отвечал за заверченный процесс. Поглощая в невероятных количествах кофе и приведя шевелюру на голове в неопиcуемый беспорядок.

Третий день он корпел над терминалом, отрывая взгляд от куба-экрана только изредка.

Ник не сразу сообразил, что в каюте помимо него находится еще кто-то — над плечом выразительно покашливали уже с минуты. Деликатно так, без нажима. Отрываться не хотелось, да и нельзя было, поэтому Ник с удовлетворением досмотрел, как вспомогательная подпрограмма совершенно корректно отследила наличие сырья для каждого из будущих очагов синтеза, и с неудовольствием обернулся.

Позади стоял Градиленко, еще двое контактеров — смуглые бородатые ребята — и два десантника из охраны.

— Что такое? — посмурнел Ник. Пока он работал, унылая история с нарушением флотских инструкций успела отойти на задний план и совершенно перестала Ника волновать. Теперь же он вспомнил все — и как швырял табуреткой в несимпатичного руководителя группы контакта, и как Шредер сообщал, что все не так просто, как могло показаться сначала...

— У тебя есть шанс реабилитироваться, — по обыкновению, глядя куда-то в сторону, сказал Градиленко. — Собирайся. Бот на поверхность стартует через четверть часа.

— На поверхность? — недоумевая, переспросил Ник. — Но это же нарушение вашего любимого пункта три седьмой главы наставления...

— Собирайся, — перебил Градиленко. — И не умничай. Вадим, проведешь его.

Сказав это, Градиленко качнул головой одному из бородачей и торопливо удалился вместе с ним. Десантники и второй бородач остались.

Ник некоторое время задумчиво смотрел в проем распахнутого люка.

— Я могу узнать, что происходит? — как можно более дружелюбно обратился он к оставшемуся бородачу по имени Вадим.

— Можешь, — угрюмо ответил бородач. — Мы, похоже, снова сели в лужу.

— Вы — это группа контакта? — уточнил Ник.

— Да.

— А я-то тут при чем? — удивился Ник. — Опять станете выяснять, что, где и сколько раз подряд я нарушил, пока торчал на ростовой площадке?

Бородач отрицательно покачал головой.

— Они сказали, что будут разговаривать только с тобой, — объяснил бородач. — Градиленко как ни извивался, а все равно в итоге был вынужден прийти к тебе.

По глазам собеседника Ник понял, что подчиненные Градиленко ничуть этим фактом не опечалены. Кажется, они недолюбливали своего шефа. Впрочем, стоит ли удивляться?

— Они? Кто — они? Селентинцы, что ли?

— Да. Девчонка и ее приятель. Других мы пока и не видели...

— Буга? Буга не приятель, — заметил Ник. — Буга ее брат.

— Вот видишь, — вздохнул бородач. — А мы даже имен их не сумели выяснить. Как, говоришь, парня зовут? Буга?

— Да. А девчонку — Криста.

— Криста? — удивился Бородач. — Но это же земное имя!

Ник пожал плечами:

— Они телепаты, Вадим. Криста просто выбрала из известных мне имен наиболее соответствующее. Наверняка она называет себя как-то иначе, но из-за того, что я думаю о ней как о Кристе... — Ник развел руками.

Вадим заинтересованно взглянул на Ника.

— Телепаты? Так вот почему они так складно говорят по-русски и по-английски... Да ты собирайся, собирайся, время-то идет...

Понимая, что возражать бессмысленно, Ник засейвил и забкапил результаты трехдневной работы, покинул сеть и погасил терминал. Брать с собой ему было нечего. В сопровождении Вадима и под конвоем безмолвных лбов из охраны Ник пришел в грузовые отсеки крейсера. В одном из них распластался на синтетическом жаропрочном покрытии посадочный бот класса «Медуза». Посудина не особенно поворотливая и маневренная, зато надежная, как молоток, и очень вместительная.

Градиленко уже сидел в боте, пристегнутый и упакованный. Второй бородач — тоже. В багажном отсеке кто-то тихо переговаривался и изредка доносилось сиплое покашливание. Ник молча уселся в свободное кресло, пристегнулся и глянул в наружный экран. У бота муравьями копошились техники, отсоединяя стояночные разъемы и шланги.

Спустя пару минут начался стартовый отсчет, а еще через некоторое время бот приподнялся и рванул к уже отверзнутым шлюзам. Когда на экране стало синее от звезд, на глаза Ника едва не навернулись слезы.

А потом все заслонил голубовато-зеленый шар Селентины. Прекрасный и манящий. И где-то там, под толщей атмосферы, ждала его рожденная в лесу девчонка, сама часть селентинского леса.

Ник чувствовал, что еще не все успел ей сказать. И она ему — тоже.

Чем хороша неповоротливая и маломаневренная «Медуза» — ее практически не трясет в атмосфере. Бот снижался солидно и уверенно, без той легкомысленной болтанки, которая заставляет вспомнить о буйстве стихий и о том, что человек вкупе с творениями своих рук — всего лишь песчинка на ладонях мироздания. Траектория полета «Медузы» и сама была незыблема, как мироздание. Нисходящая гипербола, медленно обращающаяся в полую спираль.

Невдалеке места, где бесчинствовали землекопы, был разбит лагерь контактеров. Четыре силикоидные палатки вокруг кострища. Ник, едва вышел наружу и это увидел, откровенно отвесил челюсть.

— Х-хосподи! Что, коттеджик вырастить не смогли?

Градиленко, показавшийся из «Медузы», неодобрительно поглядел на Ника и соизволил процедить сквозь зубы:

— Мы не вправе пользоваться достижениями технологий при контакте со слаборазвитой расой.

— Слаборазвитой? — удивился Ник. — Я бы так не сказал о селентинцах. Они просто другие, вот и все...

— Ты специалист, чтобы делать выводы? — сердито прервал его Градиленко.

— Нет, — честно признался Ник. — Но у меня есть голова, чтобы думать. И еще — я неделю провел с селентинцами бок о бок. Они прекрасно знают, что такое звезды. И что у звезд бывают

планеты. И что на многих планетах есть жизнь. По крайней мере рассказ о том, откуда я взялся, их ничуть не удивил.

Градиленко так и обмер.

— Ты рассказывал им о своем инопланетном происхождении? — прошипел он негромко.

Ник пожал плечами:

— Да. А что? Не нужно было?

Градиленко схватился за голову и что-то тихо забормотал.

Его бородачи тем временем таскали упаковки с провиантом из «Медузы» в складскую палатку. Кто-то принялся разжигать костер, причем на редкость неумело. Ник сжалился и пришел на помощь — огонь сразу ожил, повеселел и принялся бойко пожирать сначала щепочки, а потом и дрова. Контакттер-неумеха благодарно шурился сквозь линзы старомодных очков в роговой оправе.

Вскоре пришлось снова помогать контактерам — на этот раз греть чай. Варварским способом, на костре, хотя что мешало привезти с «Калахари» банки воды с химподогревом? Наверное, очередная инструкция, до коих был zelo падок шеф контактеров. Ник не ожидал, что контактеры окажутся настолько неполевым людом. Теоретики, блин. Кабинетные стратеги. Гении-заочники. Эх, ма...

Наконец «Медуза» была разгружена и немедленно улетела, вещи перетасканы и упрятаны в палатку, а вся немногочисленная братия Градиленко (семь человек, включая его самого) расселась вокруг костра на бревнышках. Ник был восьмым в этой странной компании.

Чаепитие, по-видимому, служило контактерам чем-то вроде ритуала. Неким общим собранием, подведением итогов — наверное, так.

Градиленко дождался, пока ему нацедят в керамическую кружку пахучей густой жидкости, прокашлялся и, словно бы ни к кому не обращаясь, приступил:

— Итак, коллеги? Кто введет новичка в курс дела? Матвей?

— Лучше пусть Гарик, — отозвался один из контактеров. — Гарик дежурил, когда девчонка назвала его, — Матвей кивнул в сторону Ника, — имя.

— Ладно. Давай, Гарик, — велел Градиленко.

Пиротехник-неумеха поправил очки и виновато поглядел на Ника.

— Прежде всего позволю спросить, — начал он, как показалось Нику — не то смущенно, не то виновато. — Вы осведомлены о базовой процедуре контакта?

— Нет, — ответил Ник и свойски подмигнул. — При обнаружении аборигенов мне предписывается сворачивать работы и убраться восвояси.

— Что, кстати, не было проделано, — вполголоса проворчал Градиленко. Не удержался, встрял-таки.

— Уважаемый, — миролюбиво ответил Ник. У него почему-то установилось хорошее настроение, даже зануда-контактер не мог настроение испортить. — Вам приходилось попадать в эпицентр поверхностного землетрясения? Нет? Так вот, нападение землекопов — это гораздо страшнее. Я вас уверяю. И не будем об этом, ладно? Вам уже прищемили хвост однажды, так не заставляйте меня снова звонить шефу!

Градиленко насупился и уткнулся в кружку с чаем. Ник с некоторым изумлением отметил, что его наглый блеф возымел желаемые последствия, и мысленно поставил себе пять баллов за смекалку.

— В общем, — осмелился продолжить робкий Гарик, — мы пытаемся наладить взаимопонимание с аборигенами. Ищем точки соприкосновения, общие понятия, общие константы... До сих пор это срабатывало. На Селентине мы впервые зашли в тупик...

Ник заметил, что Градиленко еще ниже склонился над чашкой, чуть нос в чай не макнул.

— Мы неделю бьемся, но аборигены либо не хотят нас понять, либо не могут. Сегодня утром девушка, с которой мы контактируем чаще всего, рассердилась, накричала на меня и заявила, что если мы хотим с ними общаться, мы должны вызвать вас.

— Понятно, — кивнул Ник и не смог не съехидничать: — Не могу сказать, что очень удивлен.

— Мы прочли все ваши отчеты о пребывании у аборигенов. Мы пытались вести себя по вашей схеме. Бесполезно. С сегодняшнего утра на нас не обращают внимания — Матвей три часа простоял у подножия супердерева, но никто так и не спустился. У нас нет выхода, кроме как просить вас о помощи.

— А если я откажусь? — Ник склонил голову набок и покосился на Градиленко. Он угадал — ответил, конечно же, начальник контактеров:

— Не дури, Капранов. Пусть твой шеф и большая шишка, но неподчинение прямым приказам и он покрыть не сможет. Не заставляй меня приказывать.

Ник хмыкнул.

— Да я так спросил, абстрактно, — сказал он. — Зачем мне противиться? Ладно, что я должен делать?

— Попробовать стать мостом между нами и селентинцами. Ты должен попытаться понять их. И объяснить все нам.

— Ладно.

— Смотри. — Гарик вытащил из внутреннего кармана книжницу, потрепанную и засаленную. У Ника при виде ее брови неудержимо поползли вверх — не привык он к книгам в таком состоянии. Да что там — он привык к книгам исключительно в электронном виде. Распечатки распечатками, а книги Ник воспринимал как череду строк в экранах терминалов.

— Это руководство по...

«О боже, — мысленно простонал Ник. — И тут руководство... Неужели правительство Земли состоит сплошь из одних непрошибаемых чинуш?»

Но он продолжал покорно слушать. И покорно вникать.

Потому что это временно стало его работой. Здесь, на Селентине, которую он успел полюбить больше, чем все виденные доселе миры.

Глава третья

1

Ветер шастал даже здесь, внизу. От дерева к дереву, от куста к кусту. Налетал неожиданно, спутывал длинные ветви шавош, заплетал их в беспорядочные косы. Ник поежился — скорее по привычке. С некоторых пор он перестал мерзнуть, несмотря на минимум одежды — шорты, легкая майка травянистого цвета да мокасины на шнуровке.

Компьютер и груды всякой мелочевки из контактерского реквизита он перестал таскать с собой довольно быстро, когда понял, что никакого проку от них все равно нет. Только руки занимают да

плечи оттягивают. Градиленко попытался на него надавить, но Ник лишь досадливо отмахнулся: коли поручили программу вести мне, так извольте не мешать, господя теоретики.

В самом деле — пластиковые квадратики с нарисованной примитивной арифметикой и геометрией Кресту заинтересовали только в начальный момент.

— А, система счета и измерений? — взглянув, догадалась она с первого раза. — Зачем ты это принес?

Ник пожал плечами и принялся неубедительно лопотать что-то насчет взаимопонимания и мостов, как учили его бородачи-контакты, но потом сам устыдился этой пурги и честно признался:

— Не знаю, Креста. Мой наставник порекомендовал мне взять это и показать вам.

— Твой наставник? — удивилась Креста. — Но ведь ты говорил, что твой наставник сюда не при-ле-тел, а остался дома и ты общался с ним посредством дальней связи.

— Ну, не мой наставник, а наставник земной миссии на Селентине, — поправился Ник. — Я должен его слушаться тоже. Он отвечает за то, чтобы вы, селентинцы, и мы, земляне, лучше поняли друг друга.

Креста удивилась еще больше:

— А разве не ты теперь за это отвечаешь? Мы ведь выбрали тебя. Значит, наставником стал ты.

Ник не сразу нашелся что ответить.

— Видишь ли, Креста, — сказал он, поразмыслив. — Я скорее не наставник, а исполнитель. Я прихожу в лагерь землян и все-все им рассказываю. Наставник со своими помощниками выслушивают, думают, совещаются и говорят мне, что делать дальше.

— Ага, — фыркнула Креста и смешно наморщила носик. — Все в точности так. Пичкают тебя глупостями, ты пытаешься вывалить эти глупости на нас, мы, естественно, отмахиваемся, после чего ты все наставления забываешь, наконец-то становишься самим собой и появляется возможность говорить с тобой как с нормальным человеком. Ник, мне кажется, что этот наставник вместе с помощниками занимает чужое место — твое. Убери всю эту математику подальше, я все равно в ней плохо разбираюсь.

— А кто разбирается хорошо?

— Кто? Те, кому это нужно. Шнырики некоторые. Вот он, например. — Креста показала на самого маленького наездника на летающем диске, того, который все время молчал.

— Он? — изумился Ник. — А он что, разумен?

Криста, кажется, обиделась.

— Ник! Он, между прочим, селентинец!

— Прости, — поспешно выпалил Ник. — Я думал, на Селентине разумны только такие, как ты, только люди.

Криста поглядела на него странно.

— Ну и чушь иногда лезет тебе в голову, Ник! Я бы до такого ни за что не додумалась, даже нарочно.

— Прости, Криста, — искренне извинился Ник. Еще раз. — Я многого просто не понимаю. На Земле разумны только люди, вот я и подумал, что у вас то же самое.

— Только люди? — с внезапной жалостью переспросила Криста. — Бедные вы, бедные... Нет, постой! А тот шнырик, которого поймал Буга? Он ведь брал какие-то пробы у озера. Ты хочешь сказать, что он неразумен?

Ник едва не поперхнулся — закашлялся и Криста не замедлила увесисто шлепнуть его по спине. Кашель сразу же прошел.

— Э-э-э... — протянул Ник, отдышавшись. — Тот шнырик был не живой. Точнее, не совсем живой, хотя в нем присутствуют органические элементы. Я его вырастил, точно так же, как выращивал дома. Понимаешь?

— Нет, — честно призналась Криста. — Если ты его вырастил, как он может быть неживым?

— Ну, понимаешь, его придумали и создали люди. Он — механ, инструмент. Вроде палки, которой ты можешь дотянуться до плода, если рук не хватает. Ты ведь не считаешь палку разумной, хотя она когда-то тоже выросла?

Криста нахмурилась и некоторое время думала.

— Нет. Это неправильно. У тебя ошибочные аналогии, — заявила она.

Ник пожал плечами.

— Помнишь, я тебе рассказывал, что земляне пошли по механическому пути развития? Из мертвых предметов — камня, дерева, железа — они строили различные приспособления и механизмы, со временем все более сложные...

— Дерево — живое, — рассеянно заметила Криста. — Ник, давай поговорим об этом позже, ладно?

Нику пришлось согласиться.

В общем, еще два дня он брал с собой реквизит, но даже не доставал его из рюкзака, а на третий резонно подумал — какого

черта? И оставил рюкзачок в лагере. Градиленко не замедлил наехать на него по этому поводу, но Ник, почувствовав свою очевидную нужность, осадил шефа контактеров без всякой жалости и церемоний. Не сумел справиться сам? Вот сиди теперь, не вякай и другим не мешай.

Градиленко заткнулся, но (Ник это чувствовал) затаил злобу.

«Ну и пусть, — подумал Ник сердито. — Какое мнение селентинцы сложат о землянах, если одним из первых познакомятся с типом вроде Градиленко?»

Ник и себя-то не считал достойным представлять всю Землю. Но лучше уж он, Никита Капранов, существо без особых достоинств и далеко не без недостатков, но не Градиленко же...

Ник огляделся, произвольно ёжась. Казалось, на таком ветру его должен был пробирать озноб, но ничего подобного. Ничего. И, кстати, Ник неожиданно сообразил, что давно уже не чувствует давний вывих левой ноги. Обыкновенно вывих напоминал о себе: ступишь неудачно или споткнешься — и привет. Пара дней хромоты и боли.

На Селентине Ник не вспомнил о нем ни разу.

Поскольку заняться было все равно нечем — а ожидание назвать занятием не поворачивался язык, — Ник плюхнулся у ствола особо раскидистой шавоши, повозился во мху и помассировал ногу.

Нет. Не чувствуется вывих — даже если подняться, поставить ногу на внешнюю часть стопы и легонько перенести на нее тяжесть тела.

А ведь раньше стоило так сделать, и поврежденные в том несчастном матче связки тотчас начинали противно ныть.

Вздохнув, Ник покосился на ближайшее супердерево, от которого его отделяло метров семьдесят. Могучий ствол возносил ветви и листву высоко в поднебесье. Подумать только, самые старые из этих невозможных растений выше земной Джомолунгмы...

Биологи, кстати, заявили, что супердеревья невозможны. В принципе. Что они нарушают целый ряд фундаментальных биологических принципов и законов. И с присущей ученым непоследовательностью принялись их изучать — вполне невозмутимо, словно существование принципиально невозможных растений их несколько не смущало.

Ник и сам многого не понимал. На высоте нескольких километров холодно — на той же Джомолунгме сплошные снега, ка-

кая зелень, какие листья? Супердеревья этому и не думали внимать — они были покрыты листвой до самой макушки, царапающей небо.

Впрочем, сколько раз жизнь делала на первый взгляд невозможное возможным? Считалось, что жизнь в межзвездном вакууме возникнуть не может. И — здравствуйте-пожалуйста! События в заколдованном секторе ADF-пятьсот три-четыре-семнадцать. Астахов догадался, что принимаемые ими за чужие звездолеты объекты на самом деле являются животными, приспособившимися к обитанию в вакууме.

Считалось, что...

Крупная шишка, пущенная ловкой рукой, угодила Нику прямо в лоб. От неожиданности Ник подскочил и, конечно же, отвлекся от размышлений.

Из ближайших кустов нехотя выступил Буга. Брат Кристи.

— Привет, Ник! — поздоровался он. — К тебе даже подкрадываться неинтересно. Можно топтать, можно шуршать листвой и хрустеть ветками — ты все равно не заметишь.

— Привет, Буга. Извини, я задумался.

Буга фыркнул:

— О чем ты можешь задуматься? О своих картинках на пласти-ке?

— Тебе Криста рассказала?

— О картинках? Нет, шнырик. Самый мелкий. пожаловался, что загадки на картинках были очень простыми.

Ник смешался.

— погоди... Но я же никому не показывал эти картинки! Как он мог их видеть?

— Ему Криста нарисовала. Слушай, пойдем к реке сходим, а? Мне рыбы наловить нужно, наставник просил. А когда наставник просит, отказываться как-то неудобно, сам понимаешь...

— погоди, Буга! Пойдем, пойдем мы с тобой на реку, только ответь — Криста ведь тоже не видела этих картинок!

— Видела, — перебил Буга. — Как бы она их нарисовала шнырику, если она их не видела?

— Ну, видела, конечно, — сдался Ник. — Но она их не рассматривала, просто взглянула один раз, и все.

— А разве этого недостаточно? — удивился Буга. — Взглянула и запомнила.

— Но она говорила, что не разбирается в математике!

— Так и есть. Не разбирается. Поэтому она и рисовала непонятные картинки шнырику.

— То есть... ты хочешь сказать, что Криста их просто запомнила? А потом воспроизвела?

— Да! Ник, ты находишь это странным? Прости, но я нахожу странным то, что ты находишь это странным.

Ник поскреб в затылке. Ну и ну. Похоже, аборигены обладают фотографической памятью. Или это уникальная способность одной лишь Кристи?

— Буга, — спросил Ник, — а ты смог бы нарисовать шнырику такие картинки, если бы взглянул на них разочек?

— Конечно, смог бы! — не задумываясь, заявил Буга. — Любой смог бы. Что в этом сложного? Запомнил и нарисовал. Каждый карапуз смог бы. При условии, конечно, что он уже в состоянии держать в руках стило или хотя бы веточку.

«Значит, все-таки каждый, — подумал Ник. — М-да. Запомним...»

Неприятнь Буги к Нику со временем бесследно прошла, и последние недели они довольно много времени проводили вместе. Если в беседах с Кристой Ник больше узнавал о селентинцах, то общение с ее братом помогало познавать лес. Буга чувствовал себя в лесу примерно так же, как Ник на ростовой площадке или за экраном терминала. Казалось, нет ни единой вещи, ни единого события, которое Буга не был бы в состоянии объяснить — от внезапного скрипа какой-нибудь пичуги до причины, по которой засохла во-он та кривая шавоша.

Они уже шагали мимо ствола супердерева. На северо-запад, к реке.

— А как мы будем ловить рыбу? — поинтересовался Ник.

— Не знаю, — беспечно отозвался Буга. — Там разберемся, на месте.

— А где Криста?

Буга пожал плечами:

— Не знаю. Кажется, с наставником. Да, точно, я вспомнил, она с утра занята с наставником. Слушай, Ник, ты без нее прожить, что ли, не можешь? Целыми днями с ней болтаешь.

— С ней интересно болтать, — ответил Ник, стараясь не отставать от проворного, как кот, селентинца. — К тому же сейчас это мое задание — болтать с кем-нибудь из вас.

Буга скептически хмыкнул:

— А я тебе для болтовни не подхожу?

— Почему? Подходишь. Но, если честно, общаясь с Кристой, я узнаю о вас намного больше.

— Ты еще с наставниками не общался, — бросил через плечо Буга.

— Да я готов! — Ник на ходу пожал плечами.

Буга даже остановился, и Ник налетел на его могучую спину.

— Готов? Ну-ну! — Буга ухмыльнулся. — Что-то по тебе не скажешь. Тебе еще просыпаться и просыпаться, Ник! Это даже шнырику понятно.

— Просыпаться? — не понял Ник.

— Просыпаться. Ты ведь спишь.

— Я не понимаю тебя, — жалобно протянул Ник. — Объясни, а?

Буга, кажется, озадачился такой постановкой вопроса.

— Что объяснить?

— Ну... — Ник неопределенно пошевелил пальцами рук. — Почему я сплю и как это — просыпаться?

— Спишь, потому что спишь! — веско сказал Буга. — Опять ты о пустом болтаешь. Пошли.

Ник вздохнул. Спит, значит. Спит...

На реке они провели часа два, не меньше. Способ рыбной ловли, избранный Бугой, сперва показался Нику малоэффективным, однако уже к исходу первого часа на берегу оказалось столько крупных рыбин, что Ник в одиночку всех не поднял бы. Второй час Буга посвятил нанизыванию рыбин на необъятный кукан, больше похожий на тонкую, но очень прочную жердь. Кукан этот они взвалили на плечи, причем хвосты некоторых рыбин свисали почти до пояса.

Так и двинулись — впереди Буга, следом Ник, а от плеча с лентинца к плечу землянина тянулась жердь с уловом. Ник уныло подумал, что все самые примитивные мосты между различными сообществами почему-то чаще всего связаны с пищей.

Потом Ник сообразил: раз Буга взял его в носильщики, значит, предстоит увидеть селение аборигенов! До сих пор никого из землян туда не приглашали. Собственно, кроме Ника никого и не могли пригласить, но даже и его не приглашали.

У Ника сразу же разыгралось любопытство — попасть в селение ему хотелось давно. О селении несколько раз упоминала Криста, но все как-то вскользь, неконкретно. Ни кто там живет, ни сколько там жителей — ничего этого Ник не представлял даже

приблизительно. Из бесед с Кристой получалось, что далеко не все селентинцы похожи на людей, но из тех же бесед Ник заключил, что никакого принципиального неравенства в связи с этим не существует. Селентинцы разные — и это никого не смущало. Из селентинцев по меньшей мере.

Криста, к примеру, считала равными себе даже с виду безмозглых жуков-шныриков. Как оказалось, самый маленький из них — математик...

Ветер все завывал в ветвях. Кажется, он даже усиливался.

Не меняя шага, Буга заметил:

— Будет буря.

— Буря? — переспросил Ник. — Сильная?

— Довольно сильная. А ты не чувствуешь ее приближения?

Ник промышал нечто малопонятное, потом честно признался:

— Ну... Я вижу, ветер усиливается. И небо в тучах. Наверное, по этому можно кое-что понять.

— Можно, — подтвердил Буга. — Только гораздо больше можно понять, наблюдая за животными, если ты не чувствуешь бури сам.

— А ты чувствуешь?

— Конечно, — сказал Буга, не оборачиваясь. — Как ее можно не чувствовать?

— Слушай, — вдруг заинтересовался Ник. — А у вас часты бури?

У него уже ныло плечо от тяжести кукана, но пока Буга был склонен к беседе, Нику не хотелось его отвлекать по пустякам.

— Не особенно. Но случаются.

— Супердеревья не ломает?

Буга засмеялся:

— Нет! Их невозможно ни свалить, ни сломать. Они очень живучие и прочные.

Действительно, сколько Ник ни шастал по лесу последнее время, он не видел ни одного поваленного или сломанного супердерева. И сухих супердеревьев не видел, хотя вывороченных и засохших нормальных деревьев повидал очень много.

В селение они успели одновременно с моментом, когда бурю можно уже было считать серьезной. Деревья стонали и скрипели, кущи полоскались по ветру, как знамена. Супердеревья же стояли недвижимо и незыблемо, и Ник очень удивлялся: с такими размерами и с такой парусностью им полагалось раскачиваться и ломаться, как тростинкам. Но буре они были явно не по зубам.

Ник уже начал беспокоиться, не привалит ли их падающим деревом или не случится ли еще какой неприятности, как вдруг сообразил, что они прибыли на место. В селение селентинцев.

Оно походило на огромный дряхлый сгнивший пенёк. И еще — на античный цирк-амфитеатр. Концентрические террасы спускались к центру «пня»; остатки коры образовывали вокруг селения нечто на манер корявого забора, более похожего на крепостную стену. Там и сям виднелись темные провалы пещер; некоторые были занавешены зеленоватыми... циновками, что ли? В целом террасы заволакивались обильной зеленью — растениями с необычно большими, не меньше одеяла, листьями. Вероятно, и цветов здесь обыкновенно хватало, но буря заставила их свернуться в тугие кожистые бутоны и спрятаться меж листьев.

— Пришли, — заметил Буга и сбросил с плеча кукан. Ник последовал его примеру. Из ближайшей норы-пещеры тотчас выбрались несколько... созданий.

Иного слова Ник подобрать не смог.

Одно было похоже на серого богомола, сохранившего, впрочем, следы антропоморфности. Конечностей у него по крайней мере было четыре. Зато голова скорее смахивала на велосипедное седло, чем на голову человека, даже с учетом общей карикатурности.

Второй был похож на сказочного гнома — очень толстый и очень низенький человечек с пышной бородой по пояс; на голове седые волосы человечка были схвачены в хвостик, но не на затылке, а на макушке. Этот носил одежду — необъятные желтые шорты на перехлестнутых крест-накрест лямках.

Третий вообще походил на обыкновенного лохматого пса. Вплоть до репейника в шерсти. Он и вел себя как пес — кинулся к Буге, взлаял пару раз и принялся восторженно прыгать вокруг.

Четвертое создание показалось Нику плохой пародией на Кристу. Оно выглядело совсем как женщина, молоденькая симпатичная женщина, но какая-то словно бы мультяшная, нарисованная. Слишком большие глаза, непривычные пропорции тела — в общем, героиня какого-нибудь анимэ в чистом виде.

Вся эта компания издавала разнообразные звуки; Буга их явно понимал. Ник же ничего похожего на речь отследить не смог.

Вскоре к этой четверке присоединилось еще несколько селентинцев, столь же пестро выглядящих и столь же разительно отли-

чающихся друг от друга. Они дружно занялись уловом — снимали рыбин с кукана и растаскивали в разные стороны.

С неба упали первые капли дождя.

— Пойдем, — Буга пихнул Ника в нужном направлении, — не то вымокнем.

И он увлек землянина к одной из занавешенных пещер.

Краем глаза Ник увидел, как откуда-то сверху спикировала еще одна похожая на фею туземочка. Эта была почти неотличима от Кристи, вплоть до приклеенной юбочки. Во всяком случае, она отличалась от Кристи не больше, чем любая земная девчонка отличается от одноклассницы.

«Господи, — подумал Ник с тоской. — Ну почему я не контактер и не ксенолог? Мне же в этой каше вовек не разобраться...»

В пещере было сухо и — к великому удивлению Ника — светло. Не так, как снаружи обычным днем, но и не темнее, нежели сейчас, в бурю. Ко все тому же удивлению, в пещере нашлась обстановка — столы, стулья, лавки какие-то вдоль стен, шкафы, уставленные посудой. Но все это было частью пня, диковинными выростами древесины, и поэтому ни стулья, ни стол невозможно было сдвинуть с места.

Широкое, похожее на обычный топчан, только попросторнее, ложе устлало бесформенные мохнатые пледы. Ну не поворачивался язык назвать это шкурами — пледы, и все тут!

— Сейчас поесть принесут, — сообщил Буга, садясь к столу. — Ых, навернем ушицы свежей!

И хитро подмигнул.

«Ушицы? — подумал Ник. — Так ее еще сварить надо. Или не мы одни рыбачили сегодня?»

Действительно, из глубины пещеры показалась... сначала Ник решил, что это Криста. Но это была не она. Возможно, недавняя пикирующая туземочка, а может быть, и нет. В руках туземочка держала поднос, на котором стояли две миски и несколько небольших блюдец. От мисок распространялся ни с чем не сравнимый аромат ухи. Просто умопомрачительный, до голодных спазмов в желудке.

На блюдах обнаружили: лепешки (невероятно вкусные), какая-то острая приправа сродни аджике, сметана и две рюмки граммов по сто пятьдесят с прозрачной жидкостью.

Буга первым делом потянулся к рюмке.

— Ну, — сказал он так, будто произносил тост, — с удачной рыбалкой!

Ник по примеру селентинца тоже взял рюмку и опасно понюхал.

Пахло водкой. Хорошей, идеально очищенной водкой.

Машинально Ник потянулся чокнуться; Буга на секунду замешкался, а потом, словно догадавшись, что нужно делать, потянулся навстречу. Рюмки сухо цокнули, встречаясь; они явно не были стеклянными.

По давней русской традиции Ник коротко выдохнул «Ху!» и опрокинул содержимое в рот.

Водка. Хорошая водка. Настолько хорошая, что даже закусывать или запивать не хотелось — провалилась в желудок и улеглась томным согревающим слоем.

Уха тоже была прекрасной, причем с тем неповторимым привкусом, который возникает, лишь если в котел добавить немного все той же водки.

Ник выхлебал свою порцию вмиг, заедая лепешкой, которую не забывал макать попеременно то в аджику, то в сметану.

Только справившись с едой, он рассмотрел посуду.

Ложки были явно деревянными, но настолько тонкими, что вряд ли их выстрогали из цельного куска дерева. Напротив, судя по некоторой неправильности формы, можно было предположить, что их выращивают. Прямо на кусте. То же и с мисками — они были тонкими и податливыми, как фольга, но форму держали безукоризненно.

— Здорово! — довольно пробасил Буга и откинулся на спинку стула.

А снаружи бушевал ветер и хлестал ливень.

И вдруг Буга напрягся.словно бы прислушивался к чему-то.

— Ой, — сказал он не то смущенно, не то обеспокоенно. — Сюда идет наставник. Я побежал...

И он, не замечая протестующего жеста Ника, вскочил и поспешно скрылся в глубине пещеры. Фея-туземочка молниеносно прибрала со стола посуду, а крошки и тому подобную мелочь вмиг размела стайка невесть откуда взявшихся насекомых, исчезнувших так же неожиданно и стремительно, как и появились.

Ник остался за стерильным, вылизанным до блеска столом — ни жив ни мертв.

«Господи, — подумал он снова. — Ну почему я не контактер?»

Слово «идет» появление наставника описывало не очень точно. Нику сначала показалось, что напротив, по ту сторону стола разом сгустился воздух и кто-то похожий на привидение сделал вид, будто перестал парить и теперь сидит на стуле. На месте Буги. Потом туман сгустился плотнее, стал синеватым и мерцающим, как кисель. Или как плоть медузы. И вдруг, почти без перехода, обрел вид человека.

В принципе Ник ожидал, что наставник в конце концов примет облик человека. Хотя бы из присущей разумным существам вежливости. Но он ожидал увидеть почтенного старца, убеленного сединами и умудренного годами.

Как же! Привидение обратилось в молодого, моложе Ника, белобрысого парня. Лет девятнадцати-двадцати.

«И то правда, — уныло подумал Ник, машинально нашаривая на груди пуговицу. — Какая радость высшему разуму обращаться в старика с подагрическими ногами и неперменной одышкой? Куда приятнее вот так, брызжать здоровьем и сверкать румянцем».

Пуговицы Ник, естественно, не нашарил, поскольку шастал по Селентине в легкомысленной майке. Сообразив это, он опустил руку.

— Здравствуй, Ник, — сказал наставник.

Голос у него был тоже молодой. А вот интонации — нет. Но и старческими их не назовешь: какие-то машинно-бесстрастные, что ли?

— Здравствуйте, — послушно отозвался Ник на приветствие. — Вам известно мое имя?

— Конечно. — Наставник не выразил удивления или досады. — Кристе ведь оно известно? Значит, и мне известно.

— То есть. — Ник по недавно сложившейся привычке тут же взял быка за рога и принялся тянуть информацию. — То есть вам известно всё, что известно Кристе?

Наставнику, будь он классическим старцем, сейчас полагось устало усмехнуться. Юнец, напротив, лишь чуть поморщился, и, надо сказать, это показалось Нику куда более естественным.

Ник вдруг подумал, что здесь, на Селентине, все почему-то кажется естественным, до странности естественным, без всякой ненужной натуги и показухи.

Она была честной, Селентина, честной перед всеми и со всеми. Даже с землянами, увы, гораздо больше привычными ко лжи и недомолвкам, чем к этой обескураживающей и совершенно бескорыстной честности.

— Почему же — всё? — не согласился наставник. — Только то, что она не скрывает. У каждого есть свой потаенный уголок в душе, куда заказан путь даже самым близким.

Наверное, из Ника получился бы неплохой контактер, избери он в свое время эту стезю. Еще пару недель назад он боялся, что не будет знать — как себя вести и какие вопросы задавать. Но на деле все получалось словно бы само собой, и к этому не приходилось прилагать ни малейших усилий. Вот и сейчас нужные слова возникли сами. Подвернулись, вовремя подвернулись:

— Вы считаете, что душа существует?

Наставник едва заметно искривил губы:

— Существует ли бесконечность? Существуют ли отрицательные величины? Существует ли прошлое? В каком-то смысле — да, существуют, поскольку разум оперирует подобными понятиями, хотя их невозможно потрогать или увидеть. Думаю, и с душой нечто подобное. Причем ни секунды не сомневаюсь, что у землян все обстоит именно так, как я только что обрисовал. Так ведь?

— Ну, в общем так. Хотя можно поспорить. Только я не вижу смысла. Ну ладно. Мое имя вы знаете. А как мне вас называть?

— Наставником. Просто наставником. Пусть даже я и не твой наставник. И, кстати, тебя не раздражает манера обращения на «ты»? Я знаю, у вас больше принято вежливое обращение.

— Ничуть не раздражает! — заверил Ник. — Я еще не в том возрасте, когда обращение на «ты» начинает казаться панибратством.

О кажущейся молодости собеседника Ник заставил себя не думать.

— Тебе, естественно, страшно интересно узнать — зачем я захотел тебя увидеть. Так?

— Естественно, — подтвердил Ник. — Очень интересно.

— Увы. — Наставник развел руками совершенно по-человечески (Ник даже на секунду напрягся, вспоминая — делал он при нем подобный жест, но потом сообразил, что при Кристе наверняка делал). — Вынужден тебя разочаровать. Никакого особого умысла у меня не было. Мною двигало чистое любопытство.

— Значит, и наставникам оно не чуждо?

Юнец засмеялся, запрокинув голову:

— Полноте, Никита! Неужели вы, земляне, воображаете нас всезнайками, окончательно потерявшими интерес к жизни? Это противоречит самой природе разума. Разум всегда сознает, что все отпущенное ему время он только и делает, что карабкается вверх по лестнице. А без любопытства кто же станет карабкаться?

— Скажите, наставник, — Ник снова выловил откуда-то из омота собственных мыслей очередной вопрос, который, вероятно, сумели бы оценить только контактеры, — а насколько выше вы забрались по этой лестнице? Выше, например, меня, среднего землянина?

— Для того чтобы оценить насколько, нужно стоять еще выше меня. Я ведь, в сущности, ничего не знаю о землянах. Единственный, о котором мне известно хоть что-нибудь, — это ты. Прибегну к сравнению, достаточно вольному и поэтичному, но при этом довольно жестокому. Так что не обижайся. Видишь вон ту бабочку, что прячется от дождя в пещере?

Ник невольно обернулся, но, конечно же, не увидел никакой бабочки. Стол, за которым сидели они с наставником, отделяло от входа в пещеру добрых пятнадцать метров. Разглядеть какую-то там бабочку, сидящую в трещинах древесины, не смог бы, наверное, и самый дальнозоркий из людей.

— Ее путь таков: яйцо — гусеница — куколка — бабочка. Если использовать подобную аналогию, ты — яйцо. Я, вероятно, гусеница, готовая превратиться в куколку.

— А Криста? — выпалил Ник. — И Буга?

— О! — улыбнулся юнец. — Они, несомненно, недавно вылупившиеся гусеницы, неугомонные и вездесущие! Они охотно ползают с места на место, поедают листву, резвятся и познают мир.

Ник вздохнул.

Ему не ввали. Селентинцу незачем врать.

Яйцо. Всего лишь яйцо, неподвижное и жалкое. Зародыш, заготовка будущей бабочки. Не об этом ли ему неустанно твердили Криста и Буга: «Ты спишь, Ник!»?

О чем же еще, если не об этом?

— Наставник, — сдавленно спросил Ник. — А землянин Никита Капранов вообще способен стать гусеницей? Хотя бы гусеницей, не говоря уже о бабочках? Проснуться?

— Любой, обладающий разумом, способен. Безразлично — землянин или нет. Ты считаешь себя разумным?

Ник снова поискал на груди пуговицу — конечно же, безуспешно.

— И способность к полету — это тоже один из факторов пробуждения? — поинтересовался он.

Юнец неожиданно перестал улыбаться.

— Ник! Способность к полету — это просто сопутствующая мелочь. Ты можешь проснуться и при этом не научиться летать. Если тебе не нужно. Пробуждение — это переход на качественно иной уровень взаимодействия с миром. Ты уже способен постичь это, иначе наш разговор не склонился бы в нужную сторону, да и вообще не состоялся бы. Собственно, тебе осталось только окончательно поверить, в чем я тебе и пытаюсь помочь. Надеюсь, ты сознаешь, что готовых рецептов не существует. Селентина — именно то место, где стоит проснуться. И где легко проснуться. Я сам когда-то проснулся здесь. И, — наставник вдруг доверительно склонился в сторону Ника, — у тебя замечательная помощница.

Ник глупо хлопнул глазами, а наставник вдруг потерял материальный облик и снова стал синеватым маревом, похожим на привидение. Он становился все прозрачнее и прозрачнее, пока совсем не исчез.

Совсем.

Некоторое время Ник пребывал в форменном ступоре. Он пытался осмыслить все, что сейчас услышал, но в голове кто-то настырно бухал в большой надтреснутый колокол, отчего мысли норовили расползтись и попрятаться по самым дальним и темным углам.

А потом его позвали.

— Ник! Пойдем скорее! Дождь закончился!

Когда он вышел из пещеры, селение-амфитеатр сияло мириадами капелек росы, в каждой из которых ослепительно отражалось солнце Селентины. Остро пахло озоном и мокрой листвой. На фоне исполинской, в полнеба, радуги — Криста, улыбающаяся зеленоокая дива. Это она звала его.

И — как достойный всему внезапному великолепию фон — громада супердерева чуть поодаль.

«Ой, мамочки», — подумал Ник.

И еще он подумал, что же будет рассказывать контактерам?

2

— Мне кажется, — хмуро заявил Градиленко, — ты от нас что-то скрываешь.

— А что мне скрывать? — искренне удивился Ник. — Думаете, я набрел в лесу на месторождение алмазов и втихую его разрабатываю? Так здесь алмазы мало ценятся.

Градиленко кутался в пуховик, который, увы, плохо защищал его от пронизывающего осеннего ветра. То, что Ник был лишь в шортах, майке и босиком, раздражало шефа контактеров еще сильнее.

— Ты сорвал процедуру контакта, — сказал Градиленко. — Отчетов от тебя я не видел уже полтора месяца.

— Коллега, — с чувством произнес Ник. — Напротив, я довольно далеко продвинулся на стезе контакта с обитателями Селентины. И именно поэтому я хочу остаться. Остаться здесь, чтобы окончательно понять и вообразить мост, который можно будет навести между Землей и Селентиной. По-моему, это вам только на руку.

— Нам на руку твоя помощь, которой мы не видим. Я не понимаю, чем ты занимаешься там, в лесу. Я не понимаю, почему ты не мерзнешь на этом чертовом ветру. Я не понимаю, почему общение с каким-то летающим жуком для тебя стало важнее, чем общение с людьми. Я не понима...

— Коллега, — проникновенно и очень спокойно перебил Ник. — Если бы вы дали себе труд осмотреться окрест, возможно, вы отыскали бы первые ответы. Это так, совет вам и всем остальным. На будущее.

Бородачи-контактеры, подчиненные Градиленко, неприкаянно топтались около посадочного бота. Им было тоскливо, холодно и неудобно. И десантникам с прикладными лучевиками тоже было тоскливо, холодно и неудобно.

Земная миссия на Селентине готовилась к отбытию. Готовились все, за исключением бывшего эмбриомеханика Никиты Капранова. Контактеры ничего, ровным счетом ничего не добились здесь — аборигены на контакт не пошли. Тем более обиден был явный успех какого-то там эмбриомеханика, слухом не слыхавшего о типовых процедурах контакта и тем более о ксенопсихологии. Градиленко злился. Но вредный экс-эмбриомеханик, похо-

же, всерьез вздумал обосноваться здесь. На запретной для любого землянина (кроме группы Градиленко, разумеется) Селентине. И сейчас предстояло решить — считать Капранова членом вышеупомянутой группы или уже нет.

— Между прочим, — заметил Градиленко, — я имею право приказывать десанникам. Одно мое слово, и тебя попросту пристрелят, щенок!

— Бросьте, — фыркнул Ник. С некоторых пор он перестал скрывать естественные реакции — к чему их скрывать? — Не станут они стрелять.

— Ты нарушил закон! Ты нарушил устав!

— Считайте, что я уволился из флота. А что до земных законов — так можете меня и землянином больше не считать.

Ник чувствовал, как напряглась в отдалении Криста — она прекрасно помнила разрушительную мощь человеческого оружия. Правда, в прошлый раз был пулевик и был подсвинок... Ник, как мог, успокоил ее.

Не станут десантники стрелять. Не станут. А если и станут... Что же... Скорее всего Ник их опередит. Он нисколько не собирался подставлять собственное тело под смертоносные импульсы лучевиков.

— Геннадий Викторович! — окликнули Градиленко от открытого пассажирского люка «Медузы». — Капитан на связи! Время!

Шеф контактеров еще некоторое время зло ел глазами улыбающегося Ника, потом досадливо махнул рукой и уныло побрел к боту.

Ник, не двигаясь с места, наблюдал, как грузятся в бот его бывшие соплеменники — десантники, контактеры. То есть это они думали, что бывшие.

У Ника на этот счет сложилось свое мнение.

Задраен люк. Пилот сейчас прогоняет предстартовые тесты... «Медуза» неторопливо отрывается от почвы и, ускоряясь, рвется в зенит, в холодное октябрьское небо Селентины. Супердеревья прощально машут ветвями.

Странно, но Ник почти не испытывал тоски по дому — в другое время при виде стартующего бота непременно заныло бы где-то в области сердца.

Почти не испытывал.

Все-таки он сильно изменился в последние месяцы.

Прошло минут пять; стряхнув наконец оцепенение, Ник обернулся и позвал:

— Криста!

Девушка помахала ему рукой с ветви здоровенной шавоши, с высоты добрых, наверное, тридцати метров.

— Иди ко мне! — позвала она негромко, но Ник ее, естественно, слышал так же ясно, как если бы она находилась совсем рядом.

Он зажмурился и побежал. Все быстрее и быстрее. На десятом или одиннадцатом шаге Ник неуверенно оторвался от земли, между лопатками под тоненькой линялой майкой набухли два тугих кома, а потом на свободу вырвалось еле различимое в свете дня мельтешение чего-то эфемерного и полупрозрачного, словно у Ника вдруг отросли стрекозиные крылья и трепетали сейчас за спиной, и трепетали, вознося его все выше и выше.

Уже на ветви шавоши он на секунду обернулся, мельком взглянул на темное пятно посреди лужайки, потом на низкие тучи, в которых скрылся бот с крейсера «Калахари», а потом сгреб Кристу в объятия и радостно прошептал ей в самое ухо:

— Доброе утро!

1994—1999 гг.

Николаев—Москва—Николаев

РОК НА ДОРОГЕ

Полуавтобиографическая повесть с сильными преувеличениями.

Любые мысли о сходстве описанных в повести людей с людьми реальными остаются на совести читателя, даже если имена, фамилии или иные приметы совпадают. Автор также осведомлен о некоторых хронологических нестыковках в тексте.

1. Who Do We Think We Are? (1973)

До появления Димыча группа даже еще не обрела название. Не было и клавишника Пашки. А были...

Было их пятеро. Давно и прочно, на уровне «семьи-родители» знакомые Андрюха Шевцов и Игорь Коваленко. Прибившийся к ним несколько позже Данил Сергеев. Приятель и сосед Андрюхи — Вадик Орликов, которого обыкновенно именовали просто Малый. И недавний знакомец Данила, человек—ирихонская труба, Костик Ляшенко.

Ну и, разумеется, Шура Федяшин — личность совершенно свихнувшаяся. Ну скажите на милость, кому еще паяльник может быть привычнее авторучки, как не психу?

Впрочем, обо всем по порядку.

Кто был молодым, тот знает этот странный зуд в руках, это непреодолимое желание взять все, что можно хоть с натяжкой именовать музыкальным инструментом, объединиться с приятелями, включить на запись простенький магнитофончик, недавно подаренный родителями и...

У кого нет подобных какофонических записей юности? Когда к обычной акустической гитаре добавляются подушки и пуфики в

качестве барабанов, крышки от кастрюль вместо тарелок и какая-нибудь экзотика для создания шумового фона типа пищашего счетчика Гейгера, гордо именуемого «синтезатором»? Через это прошел каждый. Ну, почти каждый.

Разумеется, и Димыч (в миру — Дмитрий Василевский) в свое время через это прошел. Отдельно от будущей группы; ему компании составляли собственные друзья юности — Андрей Дроботов и Валерка Уца. Группа, помнится, звалась «Небритый кактус» и конкурировала с другими дворовыми группами, которые носили не менее гордые названия «Помидоры» и «Кожезаменитель».

Основной состав будущей группы переболел страстью к какофоническим концертам сравнительно быстро. И к моменту знакомства с Димычем Игорь Коваленко уже являлся счастливым обладателем очень неплохой ударной установки брянского завода (подарок родителей), Малый — красной ромбической гитары «Стелла» средней паршивости, с которой он управлялся на редкость шустро и умело; Андрюха Шевцов успел обзавестись достаточно внятным басом «Тверь», который покорял с упорством маньяка. Ну а Костик и Данил пытались петь.

Димыча привел Шурик Федяшин, к тому моменту охотно взваливший на себя обязанности штатного инженера-электромеханика и оператора группы. Сказал как-то, слушая пока еще далекие от цельного звучания рулады:

— Знаете, парни... Со мной в бурсе тип один учится. Димычем зовут. В радио он, говоря начистоту, ни хрена не рубит, но зато на гитаре играет. И — прошу внимания! — пишет песни. Мне нравятся, слышал как-то на мальчишнике.

В этой компании песни пока пробовал писать только Костик. Успел он сделать лишь три; и если просто под акустическую гитару они еще худо-бедно звучали, то командный вариант не устраивал никого.

— Веди, — после короткого совещания резюмировал Андрюха, выполнявший функции администратора и босса.

На следующую репетицию Шура явился в сопровождении сутуловатого парня в круглых очках. В потрепанном чехле парень принес гитару — как оказалось, самодел. Самодел был куда лучше инструмента Малого. Назвался парень Димычем. Подключил гитару, примочку, взял несколько риффов. Цокнул языком.

— Ну, — сказал он после этого, — показывайте.

Коллектив не очень уверенно, но почти без сбоев сыграл «Беду земли».

— Рыхло, — резюмировал Димыч. — Драйва не хватает. Какая там тема? До-мажорчик, да?

Малый с готовностью нарисовал на бумаге обозначения аккордов.

— Гитару твою пожестче надо. Металла в тембра подпустить. Сможешь, Шурик?

— Не вопрос! — пожал плечами Шурик и принялся колдовать над микшерским пультом и эквалайзером. — Пробуйте!

— Поехали! — скомандовал Димыч.

Со второго квадрата его гитара вплелась в общее звучание. И — о чудо! — дотоле рыхлое и расхлябанное, оно неожиданно слиплось в довольно плотную основу, на фоне которой громыхал могучий голос Костика. Все натурально ахнули.

Перед припевом, после ритмической сбивки, ритм-секция разъехалась: Игорь на барабанах протянул целый такт, а Андрюха направил бас в припев уже после двух четвертей. Костик растерялся, и вместо жесткого, подчеркнутого музыкой «Нет! Я не хочу, что было так!», прозвучало нечто маловразумительное.

— Стоп-стоп-стоп! — замахал руками Димыч. — Давайте определяться. Нот и вообще музыкальной грамоты я, извиняйте, не знаю. Поэтому объяснять буду на пальцах.

Остальные музыкальной грамотой владели в той же мере, что и Димыч: а именно — вообще не владели. Но объяснения Димыча оказались на редкость простыми и доходчивыми; даже Андрюха, которому басовые премудрости давались с некоторым трудом, все понял с первого раза. Надо было просто посчитать в нужном месте про себя: «Раз, два, три, четыре» — и только после этого входить в припев.

Попробовали. Получилось. Попробовали еще раз. Опять получилось. Попробовали другую песню — и снова получилось весьма приятно.

— Заметно лучше, — резюмировал Димыч после полутора часов музицирования. — Теперь осталось гитарные темы прописать как следует... Малый, ты технарь, как я погляжу.

— Ну... — пожал плечами Малый и непринужденно сыграл скоростную гамму. — Такое умею.

— Отлично. У меня со скоростью худо... — признался Димыч. — Я тебе медленно покажу, а сыграешь как следует.

— Не вопрос! — радостно согласился Малый.

Со скоростью у Малого и впрямь все было в порядке. Воображения не хватало, это да. Если ему показывали, что именно и как именно играть, — Малый воплощал все с математической точностью и удивительной легкостью. Но сам придумать что-либо путное Малый был, похоже, не в состоянии.

Но все уже поняли: в группе появился тот, кто умеет придумывать.

Через несколько репетиций идеологическим и музыкальным лидером с молчаливого согласия остальных сделался Димыч, тогда как вне репетиционного зала делами административного свойства и менеджмента продолжал заправлять Андрюха Шевцов. Такая ситуация устроила абсолютно всех.

Спустя месяц усиленных репетиций Димыч поразмыслил, почесал в затылке и высказал идею:

— Клавишника надо. Мы ж не чистую тяжесть валим... Не помешает, клянусь. Есть кто-нибудь на примете?

— Есть! — не стал возражать Андрюха.

На следующей репетиции появился Паша Садов со своей многократно перепрошитой «Шексной», и вот тут-то группа зазвучала по-настоящему.

А потом был конкурс самодеятельных групп в кирхе, на улице Декабристов. Накануне долго придумывали название; остановились на варианте «Проспект Мира». Во-первых, песню такую сделали — очень приличную, кстати. А во-вторых, абсолютно все участники группы обитали либо непосредственно на проспекте Мира, либо поблизости. Почему нет, в конце концов?

Завсегдатаи конкурса к новичкам всегда относились снисходительно; «Проспект Мира» никто тоже не воспринял всерьез. А они, впервые играя на пристойном аппарате, сами ахнули после первого же аккорда. «Звучим!» — кричали немые взгляды. Андрюха глядел на Димыча, Димыч — по очереди на всех.

Короче, первое место присудили «Проспекту Мира». Завсегдатаи приходили жать руки.

За успех в тот вечер было выпито немало пива, и долго еще вспоминали, как зал пританцовывал в такт «Демократии» и жег зажигалки во время «Замка на песке».

О группе заговорили в городе.

Уже через полгода, на концерте городского рок-клуба, неутомимая председательша мадам Портнова заявила после предвари-

тельного прослушивания: всем группам будет позволено сыграть от одной до трех композиций, в зависимости от оценок, выставленных жюри.

«Проспекту Мира» позволили сыграть шесть композиций. Даже старички из «Магазина» и полупрофи из «Забывтого континента», даже первый блюзмен города Юрка Белоруков — все получили максимум по три. А «Проспект Мира» — целых шесть. Да еще шестую песню, собственно «Проспект Мира», группа должна была выдать в финале, перед закрытием концерта, после настоящих профессионалов из «Фокстрота» и «Диалога», после тех, кого знала вся Россия.

Что творилось в зале, когда выступал «Проспект Мира»... Не описать словами. Народ выскочил на сцену и гарцевал на листе девятислойной фанеры, которым прикрыли оркестровую яму — как не проломился этот лист, уму непостижимо. Димычу сначала на гриф прилетел чей-то пиджак, а потом кто-то прошел по шнуру и выдернул его из разъема. Но ничего, все остались довольны. Кто-то из профи потом подошел и предложил купить песню «Проспект Мира».

Димыч с Костиком, как авторы, отказали. Профи ушел обиженным.

Потом были еще концерты — на море, на Южном фестивале. В ближайших городах и городках. Группа крепла и сыгрывалась, училась понимать друг друга без слов.

Но в какой-то момент все почувствовали: движение вперед прекратилось. Нужна была какая-нибудь радикальная встряска.

Вот тогда-то и началось самое интересное.

2. Deep Purple (1969)

Вероятно, во всем была виновата любовь Димыча и Шурика к фантастике. Но если первый ее только любил и читал, то второй вообще считал полной реальностью, просто пока не данной нам в ощущениях.

Ни для кого не секрет, что на Западе и в России рок-музыка развивалась в равной степени параллельно, но в то же время очень то-своему. После джаз-бума сороковых и пятидесятых на Западе возникли «Битлз», в России — «Река Слава». Даже в названиях

отразилась глубинная разница западного и восточного подходов к року: на Западе нечто вроде «тараканов», у нас — нечто словесно-психоделическое, без прямого значения. Впрочем, не следует считать, будто для Запада превалирующей оставалась исключительно форма, а для русских — содержание. В конце концов, там ведь был «Кинг кримзон», а у нас «Атака». Да и шестидесятые показали, что две культуры склонны скорее брать друг у друга лучшее и дополнять чем-нибудь своим. Техногенный расцвет России в семидесятые и одновременный десятилетний кризис Америки мало что изменил: просто лучшие музыканты двух рок-культур сменили «Стратокастеры», «Джибсоны» и «Ибанезы» на «Тверь», «Кабаргу» и «Суздаль», а «Маршаллы» и «Пивеи» на ту же «Тверь», «Неман» и «Искру».

Но в одном Запад все-таки опередил Россию. Он первым придумал и провел Вудсток. Еще в шестьдесят девятом. Восток то ли в силу природной лени и традиционного русского раздолбайства, то ли из пустой гордости созрел к идее аналогичного форума только через десять лет.

Теперь это легенды. Постаревшие и погрузневшие герои русского Вудстока, звезды городка Бологое семьдесят девятого года, то и дело мелькают на телеэкранах, иногда выдавая нечто похожее на хиты прошлого.

Тогда все было проще. Талант мог пробиться без денег и раскрутки. Тогда — но не теперь. И именно поэтому первые иллюзии неграмотных музыкантов «Проспекта Мира» довольно быстро развеялись. Да, их музыка была хороша. Да, они вполне пристойно ее подавали. Но толстым столичным дядям интереснее было вкладывать бабки в безголосых дочек, чем в разбитных провинциалов.

Но писать новые песни и выступать «Проспект Мира» все равно не прекращал, тем более что отчим Шурика Федяшина, мелкий пивной фабрикант, как-то весной позвал группу озвучить районный пивной фестиваль. «Проспект Мира» так озвучил, что к лету заводик отчима утроил оборот, сожрал с потрохами самого опасного местного конкурента, укрупнился и приступил к строительству нового цеха. «Проспекту Мира» с этого обломился полный комплект аппаратуры, новые инструменты и предел мечтаний для группы их уровня — фирменный трейлер «Десна», шестиосный грузовой монстр-трансформер, который в походном состоянии вмещал всю аппаратуру и служил передвижным домом, а в стационарном — представлял собой удобную сцену-подиум. Даже колон-

ки таскать не приходилось: трейлер подруливал к нужному месту, сдвигал крышу, опускал борта... И все. Сцена готова.

Рок-клуб, понятное дело, обзавидовался; но проспектовцы не жались: наоборот, затеяли большой концерт городских групп по всему югу. На собственном, понятно, аппарате. «Десна» показала себя во всей красе, а отчим Шурика не преминул присовокупить к каждому выступлению трейлер пива по льготной цене. Кроме того, красочные логотипы «Пиво «Янтарь» украшали борта «Десны» в походном состоянии и подножие подиума в концертном, что тоже способствовало популярности фирменного напитка.

В общем, народ «Проспект Мира» слушал с удовольствием, равно как и другие группы, колесившие в тот год по югам вместе с ними. Но попытки записать профессиональный компакт-диск неизменно заканчивались провалом. Возможно, именно оттого, что единственной в городе пристойной студией владел тот самый профи, которому в свое время Димыч и Костик отказались продать фирменную песню группы.

Так и осталось невыясненным — кто первым высказал ностальгическую идею: «Эх, на нашей «Десне» бы — да в Бологое семьдесят девятого года!»

Действительно, эх...

И никто не предполагал, что об этом можно было говорить серьезно — музыканты «Проспекта Мира» в семьдесят девятом в лучшем случае учились ходить, а Малого так и вообще еще не родилось.

Единственным, кто не умел несерьезно относиться даже к бреду, оставался штатный инженер группы Шурик Федяшин.

3. The Book Of Taliesyn (1968)

Имелся у Шурика большой засаленный талмуд, в который он скрупулезно заносил все случающиеся на концертах и репетициях неполадки и подробно описывал методы их устранения. Последние страницы талмуда часто использовались в качестве полигона для скорых вычислений или каких-то радиотехнических прикидок. Калькуляторы Шурик не любил, предпочитал считать по старинке, на бумаге, в столбик. Говорил, что так нагляднее. Мало кто из проспектовцев обращал внимание на то, что во время репети-

ций Шурик все чаще забивается в любимый угол у рабочего пульта и колдует над любимым талмудом, а рядом все время таинственно светится матрица его ноутбука, присосшего к глобальной сети.

Ну, колдует — и колдует, здраво рассуждал каждый из проспектовцев. У каждого свои обязанности. Димыч пишет собственные песни, гранит песни Костика и Данила, придумывает гитарные партии. Малый воплощает придуманное Димычем. Андрюха наворачивает на базе, Игорь его поддерживает. Пашка-клавишник обеспечивает красивый фон и вкрапляет в музыку изящные проигрыши. Костик с Данилом напрягают глотки. В общем, все при деле. Так почему бы Шуре-оператору не колдовать над талмудом, если весь аппарат работает без сбоев и выстроен как следует? Да ради бога, колдуй!

Но в перерыве очередной репетиции Шурик вдруг выполз из своего угла с талмудом под мышкой, приблизился к попивающим «Янтарь» музыкантам и вдруг очень ровным и уверенным голосом заявил:

— Ну что? Всё еще хотите побывать в Бологом семьдесят девятого? Могу вас туда протолкнуть. Только ненадолго, меньше чем на двое суток. На дольше не получится.

Данил выронил банку с пивом. Костик насупился.

— Шура, — спросил Андрей Шевцов после некоторой паузы, — ты рехнулся?

— Зачем? — пожал плечами Федяшин. — Это действительно возможно, я посчитал. Вот, можете взглянуть...

Он продемонстрировал несколько испещренных формулами листков из талмуда. Большинство понимало там только плюсы да минусы, как приснопамятный парень из преисподней Гаг в настенной писанине увечного земляка Данга.

— Очень наглядно, — прокомментировал Димыч с ехидцей. — И что сие означает?

— А сие означает, что если через двадцать четыре дня оказаться в строго определенном месте в строго определенную минуту и запустить один приборчик — можно на двое суток провалиться в любой произвольный момент с мая по сентябрь семьдесят девятого. Через двое суток нужно будет оказаться примерно в этом же месте и инверсировать режим приборчика. Тогда вернемся. Если не сделать этого... короче, не ручаюсь я тогда за нас.

— Не, — вздохнул Андрюха с сожалением. — Ты все-таки рехнулся.

Но Шурика невозможно было вывести из себя такой мелочью, как насмешка.

— Приборчик показать? — без тени смущения спросил он.

— А ты его хоть на кошках испытывал? — поинтересовался практичный Игорь.

— Нет. — Шурик отрицательно покачал головой. — Сейчас он просто не сработает — время не пришло. А такое время случается не чаще раза в тысячелетие.

— Угу, — хмыкнул скептик-Димыч. — И, разумеется, нам не мерено потрафило: это время подоспело именно сейчас.

— Именно так, — невозмутимо подтвердил Шурик. — Начало века как раз. Думаешь, случайно летосчисление многих народов привязано к миллениуму?

— А оно привязано? — удивился Андрюха. — Ну, у христиан и исламистов — еще ладно. Но китайцы какие-нибудь или евреи явно по-своему считают годы.

— Китайцы обитают в соседней геомагнитной зоне. У них свои привязки к темпоральным каналам. А евреи просто хитрые и скрытные, — парировал Шурик. — Специально не так считают, чтобы нас с толку сбить.

— Угу, — обиделся Паша, в котором частично текла и еврейская кровь, — как обычно во всем виноваты евреи и велосипедисты!

— Я не понял. — Шурик недовольно прищурился. — Вы хотите в Бологое на русский Вудсток или не хотите?

— Погоди. — Димыч допил пиво и ловко закинул банку в корзину с логотипом «Янтаря». — Расскажи-ка поподробнее. Что, переходы во времени действительно возможны?

Не зря Димыч слыл среди друзей любителем и поклонником научной фантастики. Идею перемещения в прошлое он воспринял быстрее и легче остальных — не считая, разумеется, самого Шурика, для которого фантастики не существовало вовсе, существовали только реальности, частично данные нам в ощущениях, а частично пока не данные. Целью жизни Шурик давно уже считал перемещение реальностей из второй категории в первую.

Именно между Шуриком и Димычем спустя два часа состоялся короткий, но весьма содержательный разговор о невероятной затее. Димыч заявился в подсобку, где приятель по обыкновению что-то паял; остальные музыканты удалились на перекур. Димыч не курил, поэтому и пришел раньше остальных.

— Выкладывай. — Димыч присел на старый корпус от гитарной мартышки — не так давно Федяшин выковырял из него начинку: динамик и прочие радиотехничности. Начинка ныне успешно обитала в другом корпусе, рассчитанном и собранном лично Шуриком. — Все, что ты затеял.

— С подробностями или без? — уточнил Федяшин.

— С подробностями. Но чтобы я понял.

Шурик закатил глаза, всем видом показывая: либо с подробностями, либо так, чтобы ты понял.

— Ну, ладно, ладно... — смягчился Димыч. — Совсем уж в дебри физики не лезь. Но понять я все равно хочу.

Шурик с сомнением покосился на свой талмуд, но потом махнул рукой и отвернулся. Похоже, он окончательно осознал, что его рабочие записи остальным решительно непонятны.

— Тогда я не буду тебе описывать современные представления о связях времени и пространства. Буду краток. Шесть лет назад один немец-физик, Бертольд Нёрман, вывел очень наглядную, но спорную зависимость. Основное, что из нее следовало, это то, что физическое тело способно покинуть основной вектор временного потока, сместиться относительно него и вернуться, но уже на ином отрезке. Другими словами, попасть в прошлое.

— Или будущее, — ввернул Димыч.

— Нет. В будущее невозможно сместиться. Понимаешь, будущее еще не наступило. Вектор туда просто не тянется, энергия на поддержание временного потока еще не затрачена. Так что...

— Жаль, — вздохнул Димыч.

— Величина абсолютного смещения по вектору и срок, в течение которого материальные тела будут находиться в ином времени, напрямую зависят от затраченной энергии. Поэтому во времена динозавров я вас запихнуть при всем желании не смогу — у меня нет собственной атомной электростанции.

— И, соответственно, запихнуть в тот же семьдесят девятый надолго — тоже не сумеешь. Так?

Шурик с сожалением вздохнул:

— Снова не так. Закон сохранения энергии знаешь? В полном соответствии с ним затраченная энергия на перемещение в прошлое должна выделиться при возвращении. Иначе цикл оборота энергии останется неполным. Ну, будут, разумеется, некоторые потери, которые в принципе нетрудно компенсировать. Полное путешествие во времени — это не только прыжок в прошлое, это

еще и возвращение в исходную точку. Короче: у меня хватит мощности запихнуть вас в семьдесят девятый год на сорок семь часов. Меньше — будут сложности с возвращением. Больше — не хватит энергии. Я все просчитал, причем не один раз. Показывал Доку — он сказал, что численные операции проведены без ошибок. Так что... если сработает — вернемся, не дрейфь.

— Да я не дрейфлю. Ладно. Будем считать, мы тебе поверили. Теперь понять бы — что нам делать на русском Вудстоке...

— Как что? — удивился Шурик. — Выступать! Такого аппарата, как у нас в те времена, даже «Черный доктор» не имел! Они там все вспотеют и обоссутся от радости! А светотехника? Тогда ж ни фи́га не применялось, выходили патлатые рожи на сцену, становились по стойке «смирно» и пели песенки. А я вам такое лазерное шоу зафигачу, на Луне видно будет!

— Хм... — задумался Димыч.

Пытливый и изобретательный его ум уже ухватил основную идею.

— А нам, стало быть, не хило будет разучить десятка два реальных боевиков последнего десятилетия... Как шарахнем «Обмен ненавистью» или «Череп на рукаве» — народ вообще в осадок выпадет!

— Верно мыслишь! — расплылся в улыбке Федяшин.

Димыч некоторое время молчал. Глаза его горели, в голове роились десятки сногшибательных планов.

— Когда, говоришь, можно будет двигать в прошлое? — уточнил он.

— Восьмого июля. Ровно через двадцать четыре дня.

— Успеем! — выдохнул Димыч. — Успеем все содрать и разучить.

— А если вдруг в Бологое попасть не обломится, — донеслось от дверей, — то те же боевики мы с успехом выкатим на «Ялтинском сборе» в августе.

Шурик с Димычем обернулись. Недостающий состав «Проспекта Мира» стоял в дверях подсобки и последние минуты, затаив дыхание, явно внимал разговору.

— Ну, Андрюха, — развел руками Димыч. — Ты как всегда прав! Стало быть, в Ялту едем?

— Едем. Только что Портнова звонила. Мы закрываем первое отделение.

4. Shades of Deep Purple (1968)

К пятому июля «Проспект Мира» успел обкатать полтора десятка самых убойных песен десятилетия. Шура Федяшин, последние дни не вылезавший из подсобки, наконец выполз, прищурился на лампочку и не терпящим возражений тоном изрек:

— Завтра с утра стартуем. Иначе рискуем не успеть.

— Не успеть? — удивился Андрюха. — Три дня еще!

— Ну, не три, а два с половиной. И потом, вдруг задержка какая-нибудь случится. Обидно будет. Отчиму я уже звякнул, трейлер пива он выделил. Причем на этот раз на халяву — можно будет раздать на концерте. То-то болелы порадуются.

Остаток дня ушел на погрузку аппарата и закупку походной жратвы. О выпивке, понятное дело, тоже не забыли: пиво пивом, а перед выступлением и чего покрепче не помешает.

Заночевали прямо в «Десне». С утра Данил мотнулся на заправку, залился под завязку, «Проспект Мира» и сочувствующие лица погрузились и экспедиция в прошлое стартовала.

На выезде из города следом пристроился трейлер с логотипами «Пиво «Янтарь» на широченных плоских боках.

— Точка перехода расположена за Киевом, — изволил сообщить Шура. — Кто рулить хочет, распределяйтесь. Я — пас. Надо дообсчитать кое-что.

Рулить, помимо Данила, умели Андрюха, Игорь и Малый. Плюс еще один из сочувствующих — Леха Азиатцев по прозвищу Муромец.

«Десна» резво катила по киевской автостраде, окаймленной сплошной цепочкой мотельчиков, закусочных, заправок, техсервисов, придорожных лавчонок. Ничего особо привлекательного в поездке не было — народ либо отсыпался, либо резался в нарды. В кабине «Десны» прочно засел Димыч, да изредка сменялись водители. Киев обошли по восточной объездной.

С этого момента Шурик стал особенно часто сверяться с подробной топографической картой, с недавних пор украсившей внутренний борт «Десны», и особо тщательно вынюхивая что-то в сети.

Наконец он шепнул в переговорник:

— Эй, рули! Притормаживай! Прибыли.

Трейлер в это время вел Игорь Коваленко, барабанщик. Характера он был ровного и довольно флегматичного, поэтому без

комментариев прижался к обочине и выжидательно взглянул на Димыча.

Тем временем наружу выпрыгнул Шурик с ноутбуком под мышкой и мобильником на груди. Димыч тоже покинул кабину. Вдвоем они минут двадцать шатались по окраине придорожного поля, на котором росло что-то низенькое и зеленое. Затем вернулись.

— Эй, рули! Эта байда по полю пройдет? — Шурик кивнул на сияющую рекламными красками «Десну». — Надо будет съехать с трассы.

— Пройти-то пройдет, — пожал плечами Игорь. — Только ехать быстро не сможет.

— Скорость нам ни к чему, — авторитетно заявил Шурик. — Ладно, до перехода еще часа три. Давайте-ка вернемся к той лавке, что недавно проехали. Пожрать закупим.

Пожрать никто не отказался. Тем более что трейлер с пивом следовал в хвосте. И запустить туда лапу не составляло никакого труда.

— Слушайте, коллеги! — обратился к спутникам Димыч по пути ко входу в придорожную лавку «Елисеевъ и сыновья». При этом Димыч опасливо покосился на вышагивающего следом водителя пивного трейлера, который, понятное дело, ни о какой фантастике и перемещениях во времени слыхом не слыхивал. — А ведь надо учесть одну мелочь! Деньга-то у нас старая и новая вперемешку! Нужно купюры девяносто второго года отсеять. А то прикиньте — в семьдесят девятом расплачиваться ассигнациями с ликом государя императора Николая Третьего... Могут и в участок загрести, с городских станется.

— Дык фестиваль-то не в городе, в чистом поле... Какие там городовые? — неуверенно возразил кто-то из болельщиков.

— Ну, не городовые, ну, полицейские будут. Загребут, а нам как раз возвращаться...

— Ты, прям, мои мысли читаешь, — в одобрительном ключе высказался Шурик. — Предупреждаю: никаких эксцессов с властями. Через сорок семь часов после перехода мы как штык должны вернуться. Причем в полном составе, люфт по массе весьма невелик. Так что давайте! Новые купюры — по дальним карманам. И монеты отсейте новые.

— Тьфу! — в сердцах сплюнул Андрюха. — У меня только это! — и продемонстрировал нераспечатанную банковскую упаковку новеньких двадцаток.

— Прячь! — неумолимо велел Шурик. — Я готовился. У меня только старые бабки.

Закупились, перекусили, попили пивка, заботливо убирая пустые банки в пластиковый контейнер. В болтовне о предстоящем путешествии и вожделенном концерте незаметно прошло больше двух часов.

— Пора, — наконец скомандовал Шурик. — Все в будку, наружу никому носа не казать. Димыч... иди-ка к водиле пивняка. Успокоишь его если что — думаю, при переходе будут некоторые визуальные спецэффекты. Скажи, чтобы просто держался нашей кормы, метрах в пяти—семи. Мы медленно пойдём и без рывков. Мобильник, если что, держи наготове.

— Понял, — с готовностью согласился Димыч. — Успокою, не боись.

— Андрюха, за руль! Остальные — ховайсь!

Народ дружно полез в «Десну». Спустя несколько минут «Десна» и пивной трейлер медленно сползли с трассы в чистое поле (к вящему удивлению водителей проносающегося мимо транспорта) и замерли. Димыч не выпускал из руки мобильник.

— Че это мы? — удивленно спросил у Димыча водитель трейлера — сорокатрехлетний мужичок с испещренным красными прожилками носом, что выдавало пагубную страсть к горячительным напиткам.

— Да это... — принялся вдохновенно врать Димыч. — Магнитная буря надвигается. Молнии могут вдоль трассы встретиться. Шаровые — слыхали о таких?

— Молнии? — недоуменно переспросил водила. — Читал в детстве...

— Во! А у нас ведь колонки в «Десне», усилители — не дай боже испортятся! Да и...

Договорить он не успел — вякнул самописной мелодией мобильник.

— Алло! — отозвался Димыч без промедления.

— Готовы? — справился Шурик.

— Ага! — подтвердил Василевский и повернулся к водиле: — Кузьмич, сейчас потихоньку пойдём вперед. Держись за бампером, метрах в пяти—семи. Идти будем медленно, верст пятнадцать в час, не больше.

— Ладно, — буркнул водила, соглашаясь. По всему было видно, что происходящее он считает совершенной блажью, но спо-

ритель не собирается: жалованье за поездку ему полагалось более чем солидное.

— Двинули! — скомандовал Шурик.

— Двинули! — повторил Димыч.

Два грузовика медленно поползли по окраине поля.

Сначала не происходило ровным счетом ничего: протекторы с затейливым рисунком ярославского «Медведя» безжалостно вминали зелененькую фермерскую поросль; Димыч даже забеспокоился: а ну как сейчас хозяева набегут? Но потом вокруг вдруг сразу стало темнее, окрестности внезапно заволоклись непроглядной лиловой муťou, туманом, дымкой. Кузьмич шурился, пристально глядя вперед. Бампер «Десны» еле-еле угадывался в нескольких метрах прямо по курсу.

А потом предупредительно пискнул мобильник. Димыч взглянул на экранчик. Связь с Шуриком прервалась, да и вообще аппарат, надежный и простой, проверенный временем и снегом «Спутник», потерял сеть. Напрочь. Хотя роуминг вдоль основных трасс гарантировала любая компания мобильной связи, что «Россия», что «Небо-ТФ», что «ДемидовЪ».

За окнами грузовика продолжал клубиться туман, в котором бродили более темные смерчки, возникали особо фиолетовые, как казахский мускат, сгустки. Димыч не мог сказать, сколько продолжалась эта феерия — может, минуту, может, больше. Но закончилась она так же внезапно, как и началась.

Пасмурный вечер сменился безоблачным утром — ранним-ранним, солнце едва взошло, не успев даже потерять багровость и набрать нестерпимый глазу блеск. Вместо зелененькой фермерской поросли под колесами машин теперь колосилась чахлая пшеница или еще какой ячмень — в агрономии Димыч был не силен. Дорога по-прежнему оставалась слева, но теперь она лежала гораздо дальше, чем могло показаться, и выглядела неприятно пустынной. Даже со скидкой на ранний час.

«Десна» впереди дала по тормозам и остановилась; Кузьмич автоматически среагировал так же. Все-таки он был классным водилой.

Димыч выскочил наружу, сжимая в руке мобильник. Сеть по-прежнему не ловилась. Неудивительно — откуда ей взяться в семьдесят девятом году? Было одновременно и весело, и страшновато. Неужели удалось? Неужели кудеснику Шуре Федяшину посчастливилось обмануть неумолимое время?

Странно: до перехода Димыч верил в возможность темпорального сдвига больше и охотнее. Теперь откуда ни возмись вылутился червь сомнения и принялся грызть, настырно, назойливо, упрямо.

Пионерам всегда труднее остальных. Что первому мореплавателю-неандертальцу, оседлавшему бревно, что Колумбу, первому из белых людей ступившему на австралийский берег, что Леониду Титову и Юрию Гагарину во время шага с трапа космолета на лунный грунт.

«Еще немного, — подумалось Димычу, — и шастать по временам станет так же привычно и буднично, как ездить в метро».

Отворилась дверь «Десны», из кубрика горохом посыпался народ. Шурик Федяшин и Андрюха Шевцов выпрыгнули из кабины. Федяшин неотрывно глядел на экран ноутбука.

— Ну что, коллеги, — вздохнул он. — Поздравляю. Мы в прошлом. Шесть восемнадцать утра, пятнадцатое августа тысяча девятьсот семьдесят девятого года. Через одиннадцать часов в полутьще верст отсюда стартует русский Вудсток. По коням: нам еще доехать нужно и заявиться. И аппарат расставить. Так что гнать будем шустро.

— Мамочки-и-и, — неверяще протянул Леха Азиатцев по кличке Муромец. — Утро. Надо пива хватить.

По близкой дороге неторопливо проехал легкий грузовичок с фургоном безрадостного грязно-серого цвета. Форма кабины его выглядела столь уныло и уродливо, что грузовичок казался гигантской игрушкой для непритязательных карапузов. Сияющие рекламной борта «Десны» и трейлера-пивняка разительно контрастировали с этой пародией на транспортное средство, не меньше, чем пасмурный вечер двадцать первого века в мгновении старта с праздничным утром века двадцатого в мгновении финиша.

5. Machine Head (1972)

Уродливый грузовик они обогнали только минут через пять. Вместо отличного автобана Киев—Смоленск имелась раздолбанная асфальтовая ниточка, многожды латанная. Латки были выполнены не асфальтом, а в виде залитой мерзким гудроном щебенки. Гнать больше шестидесяти верст в час по такой с позволения ска-

зять дороге мог только законченный псих. Однако близнецы и дальние родственники недавно встреченного монстра от автомобилестроения без зазрения совести решались на это, словно убиваемые ухабами мосты им было ничуть не жаль. Если, конечно, не попадался впереди какой-нибудь особо карикатурный тихход, обогнать которого было тоже мудрено: дорога имела всего две полосы, по одной в каждую сторону. Приходилось выжидать, чтоб в череде встречных машин случилась достаточная для обгона прореха. Езда в таком ритме выматывала нервы, Андрюха за рулем «Десны» отчаянно матерился, Димыч, вцепившись в рукоятку, изредка вторил ему, а Шурик, сидящий справа, только загадочно ухмылялся.

— Ну и дорожка! Не думал, что наши предки строили такую пакость... А еще говорят, будто у России два счастья: гении и автострады.

Димыч грустно вздохнул и потянулся к радиоприемнику. Однако на всем ЧМ-диапазоне нашлось только ровное шипение чистого эфира. Ни одной радиостанции не работало.

— Блин! И радио у них не было, что ли, в семьдесят девятом?

— Скорее ретрансляторов вдоль дорог нет, — подсказал умный Федяшин.

— Вдоль таких дорог вообще ничего нет! — фыркнул Андрюха. — Не то что ретрансляторов! Двадцать верст уже отмахали — хоть бы одна лавчонка заваливающая или заправка! Поля да поля...

Наконец Димыч допер переключить приемник в АМ-диапазон и довольно скоро поймал вполне мощный и чистый сигнал. Прозвучали незнакомые позывные, шесть раз пикнуло и на удивление строгий и официальный голос дикторши объявил:

«Вы слушаете «Маяк». Московское время — шесть часов...»

— Шесть? — Димыч машинально глянул на свой понтовый механический «Крым», точности которого обзавидовались даже швейцарцы. — Не семь?

«Крым» его показывал семь — так подсказал перед выездом Федяшин. Все и перевели часы, чтоб не путаться.

— Хм... — удивился Федяшин. — Почему шесть?

— А, понял! — буквально в следующую секунду осенило его. — В семьдесят девятом еще не было перехода на летнее время! Хе-хе, так у нас даже лишний час в запасе есть до начала концерта! Хотя, с другой стороны, и сваливать на час раньше придется...

Димыч удрученно вздохнул:

— Вот всегда так! На ровном месте возьмут — и сопрут час...

Дикторша тем временем несла какую-то жуткую пургу о законах родины, пятилетке досрочно, трудовых свершениях доярок и ратных подвигах сталеваров. Голос ее оставался все таким же умопомрачительно официальным — обращения государя императора к народу и то более живыми голосами обычно озвучивают. За четверть часа передача ни разу не прервалась рекламой.

Потом без видимого перехода «Маяк» принялся клеймить за-океанских империалистов, якобы нагнетающих напряженность, хотя, насколько Димыч и остальные помнили историю, в конце семидесятых Америка сидела в полной экономической заднице и никакой напряженности нагнести была просто не в состоянии. Арабы тогда пошаливали в Северной Африке, это правда, но бра-вый миротворческий контингент британцев и русских как раз ле-том семьдесят девятого за считанные дни вышиб из них дурь как минимум на четверть столетия.

В общем, прошлое оказалось чужим и отчаянно непривыч-ным. Для успокоения нервов пришлось выпить по баночке пива. Даже Андрюха приложился — ему выдали из ящика специально захваченного «Шоферского», слабоалкогольного.

А буквально спустя пару минут дорожный инспектор в неле-пой форме требовательно махнул полосатой палочкой и пришлось прижиматься к обочине.

6. Stormbringer (1974)

Никто, ясное дело, и не подумал вылезать из кабины. Андрюха только совсем опустил боковое стекло до того полуопущенное.

Инспектор некоторое время таращился на грузовики, потом переглянулся с напарником, сидящим в желто-голубой машине с допотопной конической мигалкой, и нерешительно дернул голо-вой. Напарник его тут же вылез. Оба неторопливо приблизились.

— Старший сержант Белов! — козырнул инспектор, бурявя гла-зами Андрюху. Тот как ни в чем не бывало отхлебнул пива и про-тянул водительское удостоверение.

Старший сержант Белов уставился на обычные права — не-большой, размером с карманный календарик, прямоугольный до-

кумент, аккуратно закатанный в ламинат. С документа на инспектора глядели: фотодвойник Андрюхи Шевцова и державный российский двуглавый орел.

Инспектор принял права Андрюхи так, словно это была бомба. Разглядывал он их непривычно долго. Потом, многозначительно переглянувшись с напарником, странно изменившимся напряженным голосом сказал:

— А-а-а... Путевой лист покажи...

И — секунду спустя:

— ...те! Пожалуйста!

«Пожалуйста» в его устах звучало с непонятной осторожностью в интонации.

— Чего? — не понял Андрюха. — Какой лист? Может, документы на машину? Вот, будьте любезны...

Он полез за откидной солнцезащитный демпфер и вынул техпаспорт «Десны», а заодно и регистрационный талон южного отделения «Руссо-Балта»: инспектор, как видно, попался редкий зануда. В какой-то момент Андрюха едва не выронил техпаспорт и неловко дернулся, расплескав чуть не полбанки, которую так и не выпустил из рук. В кабине остро запахло пивом.

Старший сержант Белов мигом забыл о документах. Шевельнув носом, он вдохнул аромат «Янтаря». На лице последовательно отразился процесс узнавания.

— А что это ты... вы пьете? — спросил он, снова сменив тон. Теперь в голосе прослеживалось давление и злорадство, как у лавочника, который поймал на горячем мелкого воришку.

— Пиво! — признался Андрюха, демонстрируя зеленую полосу, непременный атрибут слабоалкогольного «Шоферского».

— За рулем? Пиво? — зачем-то переспросил инспектор, хотя было вполне понятно, что он и с первого раза все прекрасно слышал.

— Так «Шоферское» же! — в который раз удивился ничего не понимающий Андрюха. — Там алкоголя всего два оборота!

— Блин! — в отчаянии прошептал Федяшин на ухо Димычу. — «Шоферское» в семьдесят девятом, наверное, еще не делали!

Димыч успел подумать, что черт знает где, между Киевом и Москвой, вполне могут и не знать пива «Янтарь». Это не черноморский юг, где «Янтарь» каждая собака знает и любит.

— Выйдите из машины! — потребовал инспектор Белов.

Его напарник все время молча стоял рядом, лишь изредка бросал недоверчивые взгляды на сияющие обода и трубы «Десны» и на глянцевую роспись бортов.

Андрюха тяжело вздохнул, поставил почти пустую банку на торпеду, открыл дверь и выпрыгнул на дорогу, привычно оборачиваясь к машине и закладывая руки за голову.

— Вы тоже! — не успокаивался инспектор.

Димыч и Шура Федяшин покорно полезли наружу, причем, разумеется, не через пассажирскую дверь, а через шоферскую. Руки они подчеркнуто держали на виду.

Инспектора это, похоже, удивило, потому что он несколько секунд таращился на высадку Димыча с Шурой. Оба в итоге пристроились рядом с Андрюхой, как положено, лицом к машине, руки за головой, ноги чуть-чуть расставлены.

Народ в кубрике «Десны», словно почувствовав неладное, затаился. Ни звуком не выдавал присутствия.

Инспектор, похоже, растерялся вторично. Интересно, а чего можно было ожидать от водилы и пассажиров в ответ на требование покинуть машину? Трое из будущего какое-то время стояли, словно преступники, рожам в грузовик, а инспектор о чем-то шепотом совещался с напарником.

— Слушай, Димыч, — тихонько сказал Федяшин. — Никакие это, на фиг, не дорожники. Глянь, вообще затормозились. Чушь какую-то несли...

— А кто ж тогда? — удивленно переспросил Василевский тоже шепотом.

— Форма странная какая-то... — продолжал Шурик. — Никогда в доринспекции такую не носили, даже в семидесятые. Да и оружия у них нет. Где «Силаевы» штатные, а?

Прежде чем Димыч успел возразить или помешать, Федяшин вдруг проворно метнулся к шепчущимся «инспекторам», на ходу выживая из кармана газовый пистолет, с которым никогда не расставался. Патрончики у него были ядерные — случилось однажды убедиться. Полчаса верной лежки гарантировано, если не час.

«Пок! Пок!» — дважды пролаяло оружие.

Оба «дорожника» кулями рухнули под колеса «Десны», кашляя и захлебываясь. Федяшин, моментально спрятав пистолет и прикрыв нижнюю часть лица полой куртки, схватил одного за шиворот и спешно поволок к обочине.

— Помогайте! — донесся его приглушенный голос.

Димыч рефлекторно подчинился. Совершенно не задумываясь.

Глаза почти сразу стали противно слезиться. Андрюха тем временем занял место за рулем.

Вовремя: едва успели выпрыгнуть в кабину, приоткрылось окошко из кубрика и полупьяный голос Малого осведомился: «Какого хера стоим и когда двинем, время-то идет!»

— Едем, едем! — процедил Андрюха мрачно.

«Десна» тронулась, постепенно набирая ход. За нею двинул и пивной трейлер; глаза у Кузьмича ввиду последних событий сделались круглые и здоровенные, как два мини-диска. Хотя никто этого, понятное дело, не оценил. Желто-голубая машина с допотопной мигалкой и два истекающих соплями тела на обочине быстро пропали с мониторов заднего вида.

7. Fireball (1971)

Тут уж и самим пришлось гнать невзирая на ухабы!

«Десна» и пивной трейлер кометами неслись по поганой местной трассе. Ублюдочная легковая мелочь боязливо жалась к обочине, позволяя себя обогнать. Карикатурные грузовики, похоже, просто не в состоянии были состязаться с могучими руссо-балтовскими моторами двадцать первого столетия.

Димыч боялся только одного: далеко им не сбежать, если дорожники все же настоящие. Передадут по рации, и привет — вся служба ополчится на два приметных фургона. На фоне тусклых местных автомобилей два расписных красавца сияют как неоновая реклама в сумерках. И не хочешь, а обратишь внимание.

Впрочем, опасался Димыч зря. Когда старший сержант Белов оклемался до той степени, которая уже позволяет совершать осмысленные поступки, он пришел к простому и однозначному выводу: доложишь начальству — примут за идиота. Подобные происшествия на дорогах Страны Советов были даже не редкостью — чистой фантастикой. А начальство фантастики не любит. Попадешь под горячую руку, отгрузят по загрузке по первое число... Когда же выяснится, что никакая это не фантастика, а самая что ни на есть реальность, — будет уже поздно. Никто не вернет сня-

тую премию, не снимет выговор, не восстановит в должности... Оно надо? Пусть другие подставляют шеи, если охота. Старший сержант Белов никаких подозрительных грузовиков, словно сошедших со страниц западных автожурналов, сроду не видывал, кроме как в тех же журналах. Ни-ни. И напарник не видывал — правда ведь, Гуля? То-то же!

К тому же Белов сильно подозревал, что начальство в первую очередь потребует номера обоих грузовиков. Дабы опознать их и в случае чего не наступить ни на чью большую мозоль и не вляпаться в неприятности покрупнее масштабом. А номеров-то старший сержант как раз и не запомнил. Как-то даже взглянуть не удосужился, до того не вписывались странные грузовики в окружающую реальность.

Так что опасался Димыч зря.

Москву решено было оставить восточнее и рвать мимо Смоленска. Трасса шла совсем не так, как было указано в атласе, но выбирать нынче не приходилось. Тем не менее убогая грязно-белая табличка, а затем и пошарпанная стелла с безвкусными металлическими буквами были встречены с некоторым облегчением.

«Смоленск».

И еще: незадолго до стеллы с табличкой у дороги попалась стеклянная башенка дорожной инспекции, почему-то увенчанная непривычной аббревиатурой ГАИ. Все ожидали самого плохого: остановки и немедленного ареста. Но инспектор у башенки шмонал какого-то беднягу-автолюбителя, а второй в башенке сидел уткнувшись в раскрытую книгу и на дорогу не глядел. В общем, пост они миновали без задержек.

— Вот видишь! — повеселел Федяшин. — Я ж говорил, никакие это были не дорожники. Бандиты, наверное, дань с грузовиков берут.

— У инспектора на посту форма была точно такая же, как и у тех двоих. И кобуры я опять-таки не заметил... — угрюмо прокомментировал Димыч, поправляя круглые очки.

Федяшин не ответил. Только скорбно засопел.

Некоторое время все молчали; потом Андрюха отвлеченным тоном заметил:

— Заправиться надо бы... Соляры верст на полста осталось.

— А вон и заправка! — Федяшин ткнул пальцем в лобовое стекло.

Заправка выглядела как и все здесь — убого и странно. Ни тебе закусочной, сверкающей зеркальными стеклами, ни тебе дорожного сортира, ни тебе станции техобслуживания, ни телефонных кабинок.

Пыльные, грязные допотопные колонки с такими же пыльными грязными шлангами. Масляные пятна на дрянном асфальте. Никаких рабочих в форменных комбезах — похоже, водитель был обязан сам отвинчивать крышку бака, вставлять пистолетище в горлышко и глотать октановые пары.

И — опять! — ни единого рекламного щита! Не говоря уже о щите-ценнике.

Семьдесят девятый год представлялся проспектовцам совершенно иначе.

Андрюха мигнул Кузьмичу и зарулил на территорию стоянки. «Десна» остановилась в метре от донельзя выцветшего и сильно покоробившегося стенда с небрежно намалеванным красноватым стягом, плакатными фигурками допотопных работяг и сюрреалистическим изречением «Коммунизм победит».

Кого именно коммунизм собирается побеждать — прошлое умалчивало.

8. Perfect Strangers (1984)

Единственное, что не отличалось от привычного, — окошечко кассы.

— Я ща... — буркнул Андрюха и выпрыгнул на асфальт. На ходу доставая деньги, он пошел платить.

Народ в кубрике тем временем решил размять конечности и полез наружу. К приоткрытой двери кабины приблизился Данил Сергеев. Глаза у него масляно поблескивали — не иначе публика успела принять грамм по двести на грудь.

— Сменить не нужно? — участливо поинтересовался он.

Федяшин подозрительно уставился на него.

— Ты ж бахнул уже! — сказал он с нажимом.

— Игорь не пил, — довольно сообщил Данил. — Ему выходить лень, в гамаке изволит почивать. Но если надо сменить — сказал сменит.

— Ща решим, — пообещал Федяшин.

Он отвлекся неспроста: обратил внимание на Димыча. А Димыч с тревогой глядел сквозь подернутое радужными отсветами лобовое стекло на действия Андрюхи у кассового окошка.

Андрюха чуть не по пояс влез внутрь; руки его тем не менее оставались снаружи, причем Андрюха бурно жестикулировал. По характеру жестов догадаться о предмете разговора было столь же трудно, сколь счесть звезды на небе или песчинки на пляже.

— Че-то не клеится, — мрачно изрек Димыч. — Не поездка, а какая-то сплошная жопа. Как тут наши предки жили, в этом долбаном семьдесят девятом?

— Как-то жили, — буркнул Федяшин. — Пошли, разберемся.

Они по очереди покинули кабину Десны. Димыч хмуро покосился на стайку болел, выползших из кубрика покурить. Поскольку курилки на заправке тоже не обнаружилось, народ просто отошел метров на тридцать, к чахлым деревцам на отшибе, где у некогда красной, а ныне насквозь проржавевшей пожарной бочки криво торчал из слежавшейся земли кое-как укомплектованный пожарный щит, а под ногами полным-полно валялось разнокалиберных окурков.

— Что такое, Андрюха? — Шурик хлопнул административного гения группы по спине.

Андрюха осторожно извлек плечи и голову из окошка. Лицо у него было таким растерянным и обиженным, словно он только что воочию убедился: Земля плоская, а Солнце и Луна приколочены к хрустальному своду дюралевыми гвоздями.

— Соляры нету, — похоронным тоном объяснил Андрюха. — А хоть бы и была, то только государственным машинам и только по талонам. За бабки — шиш.

— Как это? — не понял Шурик. — Что значит — нету?

— Эй, ребятки! — донеслось вдруг из окошка. — Вы что, из Финляндии, что ли? Не понимаете, как не может быть соляры? А что у нас, ептыть, есть вообще, а? Кроме любимой партии...

— Так! — нашелся Димыч. — Пойдемте-ка погугарим...

— Куда? — недовольно спросил Андрюха.

— Да вот... хоть в магазин. Жратву наша банда, поди, уже всю схарчила. Ну и курева своего вонючего небось прикупите.

— Да, кстати! — встрял подошедший Костя Ляшенко. — Я как раз хотел сходить. Вон, какая-то лавка виднеется.

За куревом выдвинулась делегация человек в восемь, включая Кузьмича из пивного трейлера.

Над лавкой висела замызганная вывеска с уклончивым названием «Продовольственные товары». А товаров внутри было... В общем, остолбенели все.

Плавленные сырки такого вида, словно их грузили вилами, вековой твердости пряники и березовый сок в неряшливых и пыльных трехлитровых банках.

Больше в магазине не нашлось НИ-ЧЕ-ГО. Пустые полки и витрины. Пустые холодильные шкафы странного облика, к которым никак не подходило ласковое и щемящее понятие «ретро».

Толстая равнодушная тетка в застиранном белом халате, не поднимая головы, зло спросила:

— Ну, чего пялитесь? Будете что брать или как?

Ошарашенные гости из будущего нерешительно топтались у входа. Проходить боялись — может быть, из опасения исчезнуть вслед за исчезнувшими из лавки товарами. Ибо какой смысл держать такой торговый зал пустым? Одна аренда сожрет и перекроет любую выручку этой жуткой пародии на магазин.

— Нет, спасибо, — пробормотал Димыч и пулей вылетел наружу. За ним потянулись и остальные.

— На сколько еще хватит соляры? — мрачно осведомился Димыч, когда вернулись к автомобилям.

— Ну, верст на пятьдесят—семьдесят, — пожал плечами Андрюха. — А у тебя, Кузьмич?

— Так же, — коротко ответил тот.

— Кассир посоветовал мне отъехать чуть дальше, встать за кольцом и постопить бензовозы. Сказал, их там много с нефтебазы шастает. И за червонец зальют баки доверху.

— Так поехали! — решительно заявил Шурик. — Давай, банда, в кубрик, время не ждет!

— Сменить на... — опять затянул было Данил, но Андрюха оборвал его одним-единственным жестом. Данил осекся на полуслове и покорно побрел в кубрик.

До кольца было совсем недалеко — только успели отъехать от негостеприимной заправки и миновать негостеприимные «Продовольственные товары». Вдоль дороги незаметно встали угрюмые и безрадостные серые заборы, приземистые казематного вида строения высились за заборами. Андрюха приткнул «Десну» у бордюра за ближайшим же перекрестком, не забыв протянуться и оставить место для трейлера Кузьмича. Словно по заказу в сотне шагов от

этого места на противоположной стороне улицы зеленел свежеекращенный киоск с веселенькой надписью «ТАБАК» на жестяном карнизе. Пока Андрюха с Шуриком ожидали обещанные бензовозы, курильщики решили пополнить запасы отравы.

К киоску первыми подошли Данил, Костик и Малый.

Выбор курева оказался небогатый — шесть сортов. Все незнакомые. И если первое удивляло, то второму залетные гости из двадцать первого века не слишком удивились. В их родном времени новые сорта сигарет возникали чуть не каждую неделю, чтобы потом бесследно исчезнуть. Странно, что в продаже не оказалось ни одной старой почтенной марки вроде «Дуката». И импорта не оказалось — вездесущих «Camel» или «Winston». Имелись «Столичные» и «Фильтр» в совершенно незнакомых пачках, копеечные сигареты «Новость», бесфильтровые «Прима» и папиросы (судя по надписям) «Беломорканал» и «Волна»; последние три сорта — в грубых картонных пачках, каких никто сроду не видывал.

— Бдя, ну и выбор, — хмыкнул Данил. — Что, рискнем?

— Я — «Фильтр», — решительно выпалил Костик и протянул в окошко десятку. — Пять пачек!

Стоил «Фильтр» сущие гроши — семьдесят копеек.

Остальной народ тоже полез за деньгами. Перспектива курить незнакомое почему-то никого не испугала — наоборот, хотелось экзотики, древности, чтоб потом можно было обронить ворчащему деду: «Фильтр»? Да курил я ваш «Фильтр», гадость редкая...»

Не тут-то было.

— Что это ты мне даешь? — возмутилась тетка-продавщица. — Деньги давай!

Костик озадаченно взял назад свою десятку и уставился на нее.

Десятка как десятка. Портрет государя императора, Сенатская площадь... На обороте — двуглавый орел, все как положено.

— А это разве не деньги? — осторожно спросил он.

— Ты б еще керенки принес! — фыркнула тетка презрительно. — Напьются и хулиганят! Управы на вас нету, ироды!

— Так! — насторожился Данил. — Я гляжу, у Димыча с Андрюхой тоже проблемы!

Все обернулись. Упомянутые двое бурно общались с водилой таки отловленного бензовоза. Что-то у них явно не ладилось.

— Ну-ка, пошли все! — скомандовал Данил.

Толпа неудовлетворенных курильщиков послушно последовала за ним. Но пока дошли, водила бензовоза успел запрыгнуть в кабину своего уродца и укатить вдоль по улице, гремя цепью.

— Что такое? — спросил Данил у Андрюха с Димычем.

Андрюха нервно развел руками:

— Да бабки наши ему не понравились...

— Во-во! И тетка-табачница не взяла!

Подошел хмурый Федяшин. Димыч мрачно взглянул на него и изрек сквозь зубы:

— Ну что? Ты уже догадался, что происходит?

— Почти, — хмуро подтвердил тот.

— А что происходит? — заинтересовался Андрюха.

— А то, — пояснил Димыч. — Это семьдесят девятый год, но не наш. Это какая-то другая ветка истории. Здесь все не так, как у нас. Другие деньги. Другие машины. Лозунги, вон, какие-то дурацкие...

Все невольно поглядели на ближайшую угрюмо-серую пятиэтажку, увенчанную безыскусными рябыми буквами, складывающимися в короткую и абсолютно ничего не говорящую надпись: «Слава КПСС».

— Что еще за ветка? — не понял Костик.

— Ветка истории. В этом мире, к примеру, в Первой мировой победила не Россия, а Германия с Англией. И пошло-поехало...

— А у нас в Первой мировой победила Россия?

Димыч с досады фыркнул:

— Ты в гимназии вообще не учился, что ли?

— Да я историю вечно прогуливал, — беспечно признался Костик. — У нас такая мымра училка была...

Вмешался Андрюха:

— Это все, конечно, безумно интересно... Да только время идет.

— А что время, — меланхолично заметил Федяшин. — Время нам теперь до задницы. Если это другая ветка, вряд ли здесь в те же сроки и в том же месте пройдет русский Вудсток.

Эта простая и разящая наповал мысль потрясла всех проспектовцев, кроме, разве что, Димыча, который и сам дошел до аналогичной мысли.

Последний месяц они жили этим фестивалем. Они уже не мыслили себя без него, и вдруг — все рухнуло словно карточный домик. В одночасье.

— Бабки местные все равно нужны, — вздохнул Федяшин. — Заправиться и вернуться в точку перехода. Надеюсь, назад мы попадем в свою ветку... Что-то я не учел. Помимо перехода во времени и пространстве, видимо, происходит и вероятностный сдвиг, и мы проваливаемся в параллельный мир. Не из-за этого ли...

Шурик вдруг умолк, задумчиво поскреб макушку, а потом с невнятным «я сейчас» отбыл в сторону «Десны», где немедленно сунулся в кубрик, надо понимать — в свой потаенный угол, к нутбуку и любимому талмуду.

— Ё-моё, — протянул Малый, наконец-то впечатлившись. — Параллельный мир! Охренеть можно.

— Да хоть перпендикулярный, — буркнул в сердцах Димыч. — Главное — он чужой. Совсем чужой. Точнее, мы здесь чужие.

9. Purpendicular (1996)

— Ладно, не паникуйте. — Андрюха уже взял себя в руки. — Продадим чего-нибудь. У Шурика всякого барахла по заглашникам валом. Мартышку какую-нибудь загоним, динамик... Пульт вроде менять собирались. Я бы бас свой скинул, какие проблемы?

— Надо еще местных музыкантов отыскать, — задумчиво протянул Малый. — Думаешь, успеем?

— И как бы дорожники те несчастные нам на хвост не сели... — добавил Димыч.

— Точно! Надо бы поспокойнее место под стоянку найти! А ну, по коням, да поживее мне!

Через какие-то четверть часа был обнаружен глухой тупиковый дворик. «Десна» первой сунулась во дворы, на разведку, и преуспела в поисках тихого угла довольно быстро, а за оставшимся на дороге пивным трейлером Димыч и Андрюха вернулись пешком.

На улице у обычного в этом мире небольшого ларечка толпился народ, причем почти исключительно мужчины. Чем торговали, было не разобрать, но многие стояли со стеклянными банками, пластиковыми канистрами и прочими емкостями объемом от литра до десяти. У самого ларька шла вялая грызня и толкотня.

— Чтоб я сдох... — пробормотал Андрюха и принялся.

В сторонке, в тени у низкой ограды палисадничка, несколько блаженно шурящихся счастливых пили...

Ну конечно же, пиво! Им и пахло — дрянным разливным пивом.

— А у нас целый трейлер, — мгновенно схватил суть Димыч. — Загоним десяток ящиков — вот и бабки! Во, толпа какая!

— Точно! — у Андрюхи загорелись глаза. — Только нужно узнать, почем здесь пол-литровая банка! Вон магазин на углу, пошли мотнемся!

Несложная мысль о том, что будь в магазине баночное пиво, то либо здесь не создалась бы толпа, либо там собралась бы такая же, просто не пришла им в головы. Андрюха с Димычем без промедления зашагали в сторону магазина.

Но в перпендикулярном мире все было не так. Во-первых, и эта с позволения сказать продуктовая лавка ассортиментом не блистала. Больше всего музыкантов поразил брикет мороженой рыбы, в котором угадывались отдельные тушки, хвосты и головы. Головы смотрели из толщи брикета сурово и вместе с тем печально.

Димыч интуитивно направился к отделу, где на полках красовались уже знакомые банки с березовым соком. Кроме того, из ценника явствовало, что за десять копеек возможно испить молочного коктейля.

— Скажите, сударыня, а пиво сколько стоит? — учтиво спросил Димыч. Андрюха Шевцов безмолвно вырос у него за плечом, но и молчаливая поддержка друга дорогого стоила: суровая тетка, которую Димыч назвал сударыней, поглядела на них так, будто оба только что, не отмыв смолу, вознеслись в мир из ада и стоят сейчас все в шерсти, галантно перебросив хвосты через согнутые в локте левые руки.

— Нет пива! — буркнула тетка. — На улице в разлив...

— А если бы было, сколько бы стоила банка... или бутылка? Мы, видите ли, приезжие...

— Да уж вижу, что не местные! — все так же неприветливо фыркнула тетка. — Смотря какое. «Жигулевское» — пятьдесят две копейки. «Ячменный колос» — пятьдесят пять.

— Огромное вам спасибо! — сердечно поблагодарил Димыч, слегка поклонился и принялся отступать к выходу, невольно отесняя туда же и Андрюху.

Так они и покинули странный магазин, где ничем не торговали, — пяясь, как раки.

— Короче, по полтиннику будем торговать. Скинем сотни две банок — на топливо хватит!

Спустя пять минут Димыч осознал, насколько он заблуждался. Нет, пиво пошло на ура, тем более что гости из двадцать первого века, изыскав решимость, подошли к очереди с открытыми банками в руках как раз в момент, когда вождеденное окошко закрылось и за мутным стеклом образовалась белая с черной надписью табличка: «Пива нет». Поэтому очередь охотно переметнулась к трейлеру, как только выяснила, что в банках именно пиво, да еще явно повыше качеством, чем в разлив...

В общем, кормовой отсек трейлера опустел за четверть часа. Сорок два полных ящика и россыпь, оставшаяся от набегов из «Десны», ухнули без следа. Димыч удовлетворенно складировал в сумочку-напузник местные купюры — смешные, незнакомые, без родимого двуглавого орла и с профилем незнакомого бородатенького индивида вместо привычного лица государя императора анфас. На купюрах меньше десятки портрета не было: пятерку украшали легко узнаваемые кремлевские башни, только почему-то с пятиконечными звездами на шпильях. Кроме того, наличествовали сюрреалистические зеленые бумажки достоинством в три рубля — не два, а три! Ну и, естественно, рубли. Правильного, кстати, цвета, но вида, понятно, незнакомого. Мелочь тоже была со странностями: например, самые мелкие монетки — копейка, две, три и пять — были желтыми. А покрупнее, до рубля включительно, — белыми. Парадокс...

Особенно Димыча впечатлил юбилейный металлический рубль с фигуркой все того же бородатенького индивида, простершего руку, и второй, явно изображающий какой-то памятник в виде громилы с мечом в одной руке и маленькой девочкой в другой. Монеты были увесистые, большие — только очень довольный собой режим мог чеканить такие блямбы для свободного обращения.

В общем, с трудом, но все-таки справившись с возмущением очереди, желавшей еще невиданного здесь пива «Янтарь», откочевали в тихий дворик, а потом заманили туда же бензовоз и залились топливом под завязку. Да и вопрос, куда ехать, решил неожиданно просто и скоро: Малый встретил у соседнего дома двух волосатиков с гитарой в кофре и мимо пройти, конечно же, не смог. Спустя десять минут Малый, Данил, Костик, оба волосатика и почти все болельщики сидели в кубрике «Десны» и курили какую-то дрянь. А Димыч с Андрюхой внимательнейшим образом

изучали местную карту, пожертвованную волосатиками, где жирным крестом был отмечен небольшой подмосковный городок Можайск. Именно там нынешним вечером стартовал какой-то полу-подпольный рок-фестиваль. А точнее даже, не в самом Можайске, а где-то под ним. Волосатики сказали, что ближе к месту подскажут, как ехать: оба уже бывали там на концертах.

И еще Димыч почему-то запомнил, что на месте Твери в этом мире находится город Калинин.

10. Come Taste The Band (1975)

Доехали быстро и на удивление спокойно. Местная автоинспекция, к великой радости Димыча, Андрюхи и Шуры, на короткий автопоезд внимания более не обращала, а остальным было все равно: обкурились до полуобморочного состояния и полегли в кубрике. Андрюха поворчал было, но в конце концов счел, что пассажиры, впавшие в лежку, лучше пассажиров буйных.

— Фиг с ними, доеду без подмены, — сказал он. — А все как раз воспрянут аккурат к установке аппарата.

— Пра-ально! — поддержал Федяшин, перебравшийся в кабину. — Ты газку-то поддай — тащимся, как «Руссо-Балт» сорок девятого года по беломорской гати...

Андрюха немного поддал — насколько позволяла дорога.

Волосатики-аборигены заодно научили, где и как при местной скудости следует закупаться съестным — закупились еще на выезде из Смоленска. Провизия была, мягко говоря, странной и в другое время никто из проспектовцев и свиты на такое не позарился бы и в сильном поддатии, но треволнения перехода да некоторый налет экзотики в итоге примирили с необходимостью намазывать бурую консистенцию, именуемую «икра кабачковая», на хлеб и вкушать кильки в томате, состоящие, казалось, из сплошных хвостов и глазастых голов. У килек взгляд был не менее печален, чем у недавней рыбы в замороженном брикете. Видимо, печальный рыбий взор был неотъемлемой приметой этого мира и вообще этой эпохи наравне с бородатым индивидом, чей лик украшал здесь все и вся: от купюр и монет до придорожных щитов и барельефов.

Музыки по радио тут не было как класса: между новостями, от которых сводило скулы и мутилось в сознании, передавали либо

что-то посконно-народное, либо что-то совершенно несъедобное и по интонациям — жутко патриотическое, либо классику. Путь коротали в досужем трепе. Тот факт, что все ездоки на рус-Вудсток находятся в чужом времени да еще вдобавок в совершенно чужом мире, уже вроде и не удивлял: привыкли. Удивлялка переполнилась и отрубилась.

— Я представляю, как мы здесь всех уберем, если у них такая музыка, — заметил Димыч перед тем, как окончательно выключить радио.

Заодно в который раз обсудили примерный порядок песен. Федяшин торопливо дописывал скрипты обещанного лазерно-светового шоу. В общем, глазом не успели моргнуть, как в окошечко забарабанили из кубрика.

— Ща налево поворот нарисуетя! — сообщил один из волосатиков-аборигенов. Рожа его вельми измята и припухша была. — Туда и рули!

Приехали в сущее село вместо чинного уездного городка. По улицам бродили куры и козы, а кое-где — и коровы. Подъехали к заросшему бурьяном и крапивой стадиончику, рядом с которым смутно возвышались какие-то жуткие развалины. Оказалось, это никакие не развалины, а местный клуб, гордо именуемый малологичным словосочетанием «Дом культуры». А остальные дома что — рассадник бескультурья, получается? Проспектовцы отчаялись понять здешнюю логику. Просто мирились с неизбежностью.

— Однако местный Вудсток обставили с нужной помпой! — заметил долговязый и рыжий Костик Ляшенко, выпрыгнув из «Десны» и немедленно вляпавшись в коровью лепешку. — Село еще то, м-мать!

И принялся оттирать подошву о траву.

Все окрестные кусты и заросли в округе кишели духовными братьями волосатиков-попутчиков. Царство клешей, бисера и портвейна. Странно, но у развалин (пардон: Дома культуры!) практически не скопилось автомобилей. Вся эта гопа добиралась авто-стопом или электричкой. Как организаторы привезли аппарат — проспектовцы вообще не представляли. И что самое странное — концерт предполагалось проводить в этом самом Доме. В его обшарпанном до сердечных судорог зале с убитыми деревянными кресельцами. Когда Димыч с Андрюхой сунулись в зал к оргкомитету мероприятия, почему-то названного заморским словом «сейшн», сердца их и вправду дрогнули. На сцене как раз устанав-

ливали аппарат. Старомодный с виду и явно более чем наполовину самопальный.

Недобрый это был мир...

Тем не менее в зале царило бодрое оживление, кто-то кем-то командовал, кто-то таскал колонки, кто-то путался в проводах, кто-то деловито цокал в фоящий микрофон; многие толпились у сцены. Происходил обычный в таких случаях «обмер шворцев»: музыканты показывали друг другу инструменты, выслушивали мнения и высказывали мнения. Димыч с Андрюхой решили, что происходит это чуточку с большей ревностью, нежели они привыкли. Зашедший следом Игорь Коваленко, понятное дело, сунулся смотреть кухню. После осмотра он натурально вспотел и заявил, что за эти дрова не сядет ни за какие блага жизни. На что его снисходительно спросили со сцены:

— А у тебя что, «Тама» или «Премьер»?

Игорь фыркнул в ответ:

— Позарюсь я на это говно заграничное, как же! У меня четвертый «Урал» в российской комплектации плюс брянское железно.

Ответом ему было дружное ржание и вопрос:

— А у гитариста вашего тоже «Урал»?

Димыч не стал уточнять, что в привычных им местах «Урал» не делает гитар. Просто сообщил:

— У меня — «Тверь-поток», у Малого — четырехгребешковая «Суздаль».

Тот факт, что каждый гребешок-звукосниматель Малого стоит, пожалуй, поболее всего в данный момент находящегося на сцене аппарата, Димыч опять же не стал высказывать вслух. В конце концов, они с Малым тоже не с «Твери» и «Суздали» начинали...

На сем дискуссия и заглохла, хотя Димыч видел искривленные в гримасе губы Андрюхи при виде явно самопального корпуса двойной пишалки, на которую неведомый рукодел заботливо приладил самопальную же нащепку «Marshall». Нашли что лепить!

К идее перенести концерт на улицу организаторы отнеслись более чем прохладно. Не возымели последствий даже клятвенные уверения, что аппарат «Проспекта Мира» по мощности позволит заглушить даже старт «Союза» и «Аполлона» вместе взятых (эта реальность знала и «Союз», и «Аполлон» — проспектовцы по пути успели углядеть у кого-то из аборигенов одноименную пачку сигарет). В общем, удалось договориться, что в перерыве, когда народ

выползет подышать воздухом и покурить, «Проспекту Мира» дадут сыграть пару песен.

На том, как говорится, и покалили сростень. Ни один визитер из будущего ни секунды не сомневался: вышедший подышать и покурить народ назад уже не зайдет. К тому же именно в антракте решили начать халявную раздачу пива.

И отправились проспектовцы разворачивать свой аппарат. Хороший аппарат, российский, без пошлых нашлепок «Peavey» или «Roland».

Шура Федяшин уже успел выяснить, куда тянуть силовой кабель и куда подключаться. Пашка Садов и Муромец с двумя друзьями, имен которых Димыч не знал, Федяшину помогали.

Развернуть «Десну» в походно-сценическое состояние было делом нетрудным, тут требовалась не столько физическая сила, сколько знание последовательности операций. Поэтому управились много раньше, чем народ в зале. А уровни всей системы Федяшин привычно выставил по датчикам — сколько раз «Проспект Мира» убеждался, что поправлять ничего особо не придется.

В общем, уже через час команда из будущего все завершила, трейлер с пивом был поставлен позади десносцены, внеся сумбур и урон в ряды стадионных сорняков, а проспектовцы с болелами и добровольно примкнувшими на дармовой «Янтарь» аборигенами смогли почить на травке с банками в руках.

— Черт меня подери, — пробормотал Димыч после первого глотка. — Именно так я себе и представлял русский Вудсток!

11. In Rock (1970)

До начала концерта ничего особо интересного не произошло. Подошел лохматый парень из оргкомитета и хмуро переспросил, как группу именовать и какой город она представляет. Услышав название маленького южного городка, парень скептически скривился и убрался восвояси. На небольшие по размеру стенки «Неман» он лишь мельком скосил взгляд, а вот две бочки Игорехиной кухни явно привлекли его внимание. В целом передвижная сцена проспектовцев покуда выглядела почти пустой.

Перед выступлением никто не злоупотреблял веселящим, даже не слишком подверженные дисциплине Малый с Данилом. Паш-

ка-клавишник ковырялся у своих четырех панелей, одна из которых была все той же старой заслуженной «Шексной». Костик и Данил тихо распевались, хотя до их выхода было еще далеко: часа три, не меньше, предстояло провести в душном зале Дома культуры. Федяшин чего-то, как всегда, допаивал и довинчивал, Малый с Димычем и Андрюхой лениво болтали. Болельщики и аборигены разбрелись, поскольку дармовой «Янтарь» временно иссяк, но зато они унесли и широко распространили благую весть, что в перерыве, когда «эти психи начнут валить на улице», всем желающим будет выкачено вдоволь пива.

Потом лагерь «Проспекта Мира» почтили визитом два местных мэтра. Первый, кучерявый брюнет по имени Андрей, гитарист и поэт, вел себя добродушно и приветливо. С ним за милую душу поболтали, посулили удивительное световое представление в сумерках. Расстались, пообещав обязательно прослушать их группу. Второй, длинноволосый мрачноватый субъект с повадками педика, вел себя заносчиво и нагло. Его вежливо отбрили, после чего на проспектовцев налетела возмущенная дива вся в бисере и с горящими очами. Диве показалось, что «какие-то сраные провинциалы вели себя непочтительно по отношению к гению из самого Питера». Диву тоже отбрили и тоже вежливо.

Ну а там и начало подоспело.

Оставили на часах Кузьмича и направились в зал.

Поскольку фестиваль был полуподпольный и, как понял Димыч, идущий вразрез с линией властей, групп приехало не особо много, да и те большею частью по благу. Кучерявый Андрей и его команда выступали уже третьими. Играли они классно, даже при дохлой аппаратуре, а тексты и музыка очень запали в душу всем гостям из будущего. Зал завелся с полоборота и скоро народ уже орал, скакал и пел вместе со всеми. Периодически приходилось прогонять со сцены разнообразных девиц. Федяшин, ясное дело, все писал на мини-диск, моментально снюхавшись с ребятами за пультом. Веселились довольно долго, причем проспектовцы единодушно решили, что Андрей и его ребята далеко пойдут при умелой раскрутке. Впрочем, и без раскрутки пойдут. В их песнях пульсировала сама жизнь, замысловатая и неоднозначная. Да и поэтом Андрей был далеко не последним на российских просторах любого из миров.

Потом на сцену вылезли люди гения из Питера и гений лично. Вот тут-то все крупно и обломались. Голос и манера петь у гения

оказались (ожидаемо, впрочем) под стать ориентации, а тексты... Н-да. Вроде каждое отдельно слово — понятно. А все вместе — пустышка, прах. Оценка проспектовцев была единодушной: понты и отстой. Хотя часть местного народа торчала по полной программе. Но многие именно сейчас впервые поползли наружу — покурить и развеяться.

Вышли и проспектовцы. Снаружи сгущались летние сумерки, и цветные огоньки на сцене «Десны» казались случайно попавшими в этот тусклый мир осколками праздника.

Минут через двадцать объявили перерыв: гений утомился и пообещал продолжить после.

— Начнем, а? — сразу оживился Костик. — Обломаем ему малину!

— Начнем... — не стал возражать Андрюха. — Командуй, Димыч! Твое время настает.

Перед каждым концертом Андрюха традиционно передавал бразды правления Василевскому, как бы подчеркивая, что административная часть акции плавно перетекает в музыкальную. Димыч кивнул:

— Пошли. И скажи Кузьмичу, чтоб фургон откупорил. Но больше упаковки на рыло не давать — пусть еще раз подходят.

Федяшин уже поджидал в глубине сцены с традиционной бутылкой водки на всех. Перед самым выходом, для куражу — незаменимое средство! Сразу начинает хотеться всех завести, взорвать тишину и добить музыкой до самых звезд.

— Ну что? — справился Димыч, утерев губы и поправляя гитару. — Дадим джазу? Поехали с инструменталочки! «Смерть в миноре»!

Пашка кивнул и переключил свои доски. Игорь для разгону пару раз бубухнул по бочкам. А потом дал палочками отчет.

И тишину разорвала мистическая гитара Димыча.

Он был прирожденным ритмарем. Не мог играть так быстро, как Малый, — да и вообще если уходил в соляки, то только в медленных вещах. И соляки у него были медленные, густые и тягучие, как добрая малага. Но если он начинал риффовый ритм — то держись. Его размеренные рычащие повторения завораживали, заволакивали сознание наркотической пеленой и хотелось идти на эти звуки, как идут на дудочку крысолова всегда осторожные крысы. Казалось, Димыч играет не в одиночку — две, а то и три гитары

звучат иногда в унисон, иногда в терцию, создавая то неповторимое чудо, что зовется рок-музыкой. Техасские бородачи во главе с Билли Гиббонсом явно приняли бы Димыча за своего.

Композиция разворачивалась; после агрессивного вступления пошло развитие. Зрители-слушатели валом валили из зала на звуки; и тут Шура взялся за свои лазеры.

Что-что, а по части световых феерий он был мастер.

Толпа застыла.

Лазеры чертили в вязком августовском воздухе причудливые мерцающие фигуры, осветители синхронно поворачивали жерла, клубами валил из раструбов сценический туман...

Действо началось.

Не давая народу передохнуть, за инструменталкой грянули «Ты — это я», совершенно убойный хит девяносто пятого года от «Системы плюс». Тут уж не стеснялся никто, ни сирена-Костик, ни математик-Малый, ни Пашка-клавишник, ни Игорь за своим свирепым рамным «Уралом». По сравнению с уже слышанными командами «Проспект Мира» звучал куда тяжелее, забористее и жестче, но вместе с тем отточеннее. И толпа начала заводиться.

12. Burn (1974)

Следующей выплеснули на слушателей «Обмен ненавистью», потом — «Штиль».

Кажущаяся неторопливость вступления и размеренно спокойное начало «Штиля» позволили зрителям хлебнуть пивка и прийти в еще более хорошее расположение духа.

Я жду заблудившийся ветер,
Прижавшись к грот-мачте спиной.
На нашем пиратском корвете
Нежданно настал выходной, —

пел Костик еще не громко и не агрессивно под атональный перебор Димыча и Малого. Ритмично грохотали бочки под такой же ритмичный бас. Вкрадчиво фонили клавишные. А потом разом, словно с обрыва — в пропасть, обрушили на толпу мощнейший и не раз проверенный драйв второй части куплета:

И море, как зеркало чистое, в полдень застыло,
Ушла к горизонту бескрайняя синяя гладь,
И солнце нещадное палубу нам опалило,
И нам остается лишь тщетно к Нептуну взывать.

А после тревожного и несколько шемящего куплета в четыре голоса вышли в торжествующий и столь же ритмичный припев:

Я жду, когда снова порадует море ветрами,
И полным бакштагом пойдет гордый парусник наш.
Над мачтой взовьется, как птица, черное знамя,
И вновь прозвучит команда: «На абордаж!»

«На абордаж!» приехавшие с «Проспектом Мира» болельщики проорали так дружно и так слаженно, что глаза загорелись даже у тех, кто начал слушать заезжих южан с откровенным скепсисом.

Второй куплет Костик и Данил пели вместе, умело чередуя голоса:

Я помню лихие походы,
Набеги, сраженья, бои,
И снова в плохую погоду
Заноют раненья мои.
Я с берега каждое утро с тоскою безумной
Смотрю на соленые брызги и пенный прибой,
Мне снятся фрегаты и шлюпы, корветы и шхуны,
И крадчивый шепот кильватерных струй за кормой.

На этот раз припев подтягивала уже добрая половина толпы, а «на абордаж» проорали так, что дрогнула земля.

Федяшин как раз смастерил над сценой призрачного «Веселого Роджера»; череп шерился, флаг слабо трепетал на несуществующем лазерном ветру.

А «Проспект Мира» продолжил первой, короткой перебивкой, разбавляющей размеренное течение длинной композиции:

Эй, капитан!
Эй, капитан!
Эй, капитан!

Короткая, напрашивающаяся каждой клеточкой музыкальной души пауза, и — ликующее, подхваченное сотнями глоток:

На абордааааж!!!!

Настало время Малого: он с радостью показал, на что способен. Гитара стонала и выла, шумели на заднем плане волны, кричали чайки, звенела сталь.

Третий куплет снова пустили поспокойнее. Первую его половину:

Мне холодно что-то порою,
И руки немного дрожат,
Ведь годы над головою
Как белые чайки кружат.

А потом снова пошел драйв:

Но мне не забыть гром орудий и стон парусины,
Наполненной ветром, как кубок наполнен вином,
Оружия блеск и изгибы бортов бригантини,
Что, встретив пиратов, встречается с каменным дном.

Припев пели хором. А вторая перебивка вообще ввела толпу в сущий экстаз:

Эй, капитан! Наша жизнь — это только дорога.
Эй, капитан! Этот бой — остановка в пути.
Эй, капитан! Остановок не так уж и много.
Эй, капитан! И все меньше их впереди.

На фоне перебивки припев уже казался достаточно спокойным. Но всеобщее «На абордаж!» снова всколыхнуло округу.

А следом, без остановки, Димыч свалился в короткий ритмический клинч: это означало, что прицепом пойдет и «Шторм». Обе песни игрались в одном ритме и тональности, но как одно целое их пускали не всегда из-за длины: каждая по шесть с лишним минут. Но тут сам бог велел: слушатели встречали на ура.

Ветер гремит в парусах
И скрипят от усталости реи,
Море, огромное море нам песню поет.
Мы, победившие страх,
Мы в бою никого не жалеем.
Роджер Веселый диктует команду «Вперед!».

Это самое «вперееееееед!» тянули опять в четыре голоса, даже обычно молчащий Андрюха примкнул к Малому и в микрофон они выдохнули разом, щека к щеке.

Снова фирменные Димычевские ритмические переходы и паузы, а потом припев:

Снова в бой! Никому,
Как обычно, не будет пощады.
Страшный бой. Обагрен
Жаркой кровью холодный клинок.
За собой нас ведет
Капитан и медлить не надо,
Лишь успеть отвести
Нож врага и нажать на курок.

Лазеры сверкали и метались над подиумом. Клубился туман. Разноцветные световые лучи шевелились, как живые, бродили по сцене, ложились яркими пятнами под ноги музыкантам.

Пираты не помнят родства,
Стало домом соленое море,
А берег — лишь узкая пристань да шумный кабак.
Краткий момент торжества,
Крепким ромом залитое горе, —
И опять поднимаем над мачтой свой выцветший флаг.

Димыч кивнул Малому и они сошлись посреди сцены, осветители скрестились на двух фигурах с гитарами. Это означало, что Костик и Данил могут перевести дух и промочить горло: вместо припева пойдет концертный соляк, которого в студийном варианте обычно нет.

Перед сценой творилось... черт знает что. Многие размахивали над головами снятыми майками, лес рук тянулся к сцене, хотя, спасибо, никто не решался пока на нее взобраться. В общем, все шло как надо.

Снова лихой абордаж.
И поется кровавая песня.
Есть ли у жизни пирата завтрашний день?
Воспоминаний багаж,
И от них не уйти, хоть ты тресни,
И Веселого Роджера черная-черная тень.

От этой песни всегда оставалось такое чувство, будто чего-то не доделал, не успел в жизни. Ведь есть же где-то моря и острова, и кто-то смотрит на них, а над головой у него трепещут паруса и снасти.

Припев поставил в песне жирную точку.

13. Slaves And Masters (1990)

Позже выяснилось, что именно во время «Шторма» мэтр из Питера, вкусив портвейну, решил потопырить пальцы и направился продолжать свое выступление в зал. Надеялся небось, что народ потянется за ним.

Фигу: за мэтром последовали только несколько съехавших девиц. А петь для пустого зала любой бы обломался.

В общем, обиделся мэтр. Крепко обиделся. Но «Проспект Мира» этого не знал. А и знал бы — плюнул да растер.

Решили дать народу расслабиться на медлячке, затагнули «Осень стучит в окно». Эту песню начинал Малый, под перебор. Продолжал Костик, а завершали все вместе. Зажигалок под медляки тут еще не жгли, но руками качали славно. Следом выдали «Замок на песке». Творение Костика Ляшенко.

Шурик устроил над зрителями лазерный дождь; по толпе скользило почти неразличимое пятно ультрафиолетового прожектора, заставляя белые — только белые! — одежды зрителей светиться на манер рекламных стоек над казино.

В уютном месте, в уголке
Я строил замок на песке,
Совсем не думая о том,
Что смоем первым же дождем.
Там, там дам приют своей мечте,
Забыв что в жизни суете
Под ноги часто не глядят
И замок могут растоптать...

Костик дал отмашку Игорю — это означало, что ему нужно несколько секунд передышки, посему надо вклинить в песню ритмичную перебивку, после которой последует модуляция на тон.

Сюда однажды я приду
И лишь развалины найду.
Кругом следы, следы, следы...
Где ж вы, плоды моей мечты?

В этом месте Федяшин всегда врубал хорус и создавалось полное впечатление, что поет сотня Костиков, а подпевает сотня Данилов:

Куда ты смотришь, человек?
Скорей, скорей уйми свой бег.
Под ноги лучше посмотри
Любить, мечтать не разучись.

И — с еще большим драйвом и акцентом:

Чтоб равнодушию не дать
С твоей душою совладать,
Чтоб не угас огонь желаний,
Не превратилось сердце в камень!

Настало время неторопливого, густого соляка Димыча. Малый оттенял. Звучало неповторимо...

Зрители стонали в сотни голосов. Казалось, вели сейчас Костик всем умереть — послушались бы, не раздумывая.

Неповторимое ощущение — понять его может только тот, кто сам хотя бы раз стоял в полутьме сцены перед залом или стадионном и видел сотни горящих глаз, обращенных к тебе.

Сыграли еще «Законы толпы», «Терминатор (граница света и тьмы)», «Ветер защиты», «Перегрузку», «Держись, Москва», «Двенадцать», «Законы подъездов»...

А потом и светать начало. Зрители обессилели. Музыканты тоже. И был объявлен перерыв — реально первый со вчерашнего вечера.

Димыч, сняв гитару с ноющего плеча и залпом заглотив банку «Янтаря», почувствовал, что зверски хочет спать. Андрюха и Костик выглядели не лучше. Бедняга Игорь, чья судьба была наиболее тяжелой в физическом плане, весь лоснился от пота, а майка его давно улетела в зал.

Последовала массированная атака местных музыкантов. Вопросов было не счесть: что за аппарат? Где брали? Почем? Не продается ли?

Проспектовцы вяло отмахивались: потом, потом, пива охота, лежать охота... Все потом...

Как-то отбились.

Димыч еле добрел до закутка с топчаном, рухнул и отключился.

14. Abandon (1998)

Разбудил его Шурик, теребя за плечо. В узкие вертикальные щели между стойками и драпировкой ломилось яростное летнее солнце.

— Эй! Вставай-ка!

— А? — вскинулся Димыч.

Проспал он немного, всего несколько часов, но, как всегда после концерта, это здорово восстановило силы.

За плечом Федяшина, который Василевского разбудил, стоял озабоченный Андрюха. Выражение Андрюхиного лица Димычу сразу не понравилось: по всей вероятности предвиделись какие-то административные трудности.

— Что такое? — спросил Димыч, шурясь на свет.

— Жопа, братец. Мне тут хорошие люди нашептали, что гений из Питера в припадке ревности куда-то сдул. И посоветовали сниматься отсюда подобру-поздорову, пока худого не стряслось. Я почему-то склонен к этому прислушаться.

— Так что, второй части не будет? — огорчился Димыч. Вчерашний слушатель ему понравился: оттягивалась толпа на славу.

— Не будет, братуха. Мы уже половину аппарата свернули. Пошли заканчивать.

Не подчиниться Андрюхе Василевский не мог. Его епархией оставалась исключительно музыкально-теоретическая часть.

Снаружи было на удивление пустынно; из Дома культуры доносилось ритмичное тренькание. То ли кто-то выступал, то ли настраивался. И народу было совсем мало: небось дрыхли все по кустам. Парочками и группами. Группа поддержки проспектовцев в полном составе налицествовала перед десносценой. Что-что, а построить болельщиков Андрюха мог без излишнего напряжения. Поэтому свернулись достаточно быстро. И выехали почти по-английски. Почти — потому что попрощаться пришли кучерявый Андрей со своей группой да несколько парней из других команд. И

Димыч сразу понял, кто были те самые «добрые люди», предупредившие Шевцова о грядущих кознях питерского гения.

— Знаете, ребята, — задумчиво сказал напоследок Андрей. — Такое впечатление, что вы приехали к нам из завтрашнего дня. И что ваш завтрашний день куда светлее нашего, сегодняшнего.

— Ну, — вздохнул Димыч. — Если начистоту, то так оно и есть. Только не рассказывай никому, ладно?

Димыч умолк, переглянулся с Шевцовым и Федяшиным, а потом добавил:

— А впрочем, можешь рассказывать. Все равно никто не поверит. Да и ты скорее всего не веришь.

— Я — верю, — ответил Андрей серьезно.

Пива в трейлере оставили всего ничего — чтоб только на дорогу хватило. Остальное сгрузили на радость группе Андрея и немногим примкнувшим хорошим людям.

Пожали на прощание руки. Расселись.

— Ну что? Прощай, русский Вудсток? — спросил Андрюха, жужжа стартером. — Ничего, кроме банальщины, на ум не приходит.

— Погоди, — спохватился Димыч. — Я сейчас.

Он метнулся в кубрик, схватил чехол с гитарой и приблизился к Андрюхе.

— Возьми, — сказал Димыч, протягивая инструмент. — Тебе она нужнее. «Тверь-поток», восьмая модель. Примочка и шнуры там, внутри. Шнуры хорошие, с золочеными джеками. Да и примочка не фуфло, реальный «Шторм».

И, не дожидаясь ответных слов, вернулся в кабину.

— Вот теперь прощай, русский Вудсток! — вздохнул он, хлопая дверцей. — Пусть банальщина, зато правда.

«Десна» и пивной трейлер заурчали двигателями и медленно тронулись.

15. The House of Blue Light (1987)

Обратная дорога запомнилась как-то смутно — всем, не только Димычу. Рулил опять Андрюха, поскольку остальные умельцы после выступления хорошо поддали. Да и встреча с местными дорожниками все еще оставалась вероятной, а административные

проблемы Андрюха привык решать сам. Димыч периодически задремывал, потом просыпался, вскидывал голову. Навстречу тянулась и тянулась паршивая дорога в непривычной пустоте обочин. Шурик возился с ноутбуком, вычислял точку возвращения, которая, как он сказал, перемещалась, не стояла на месте.

Пару раз останавливались на окраинах городов и городков, дабы пополнить запасы того, что местные называли продуктами. Хорошо хоть за пивом в обычных для этого мира очередях убиваться не приходилось, а отсутствие воды при наличии пива переносилось удивительно легко.

Концертная эйфория постепенно сменялась мыслью «скорее бы домой».

Домой.

Слово, которое начинаешь ценить, только когда посчитаешь какое-то время, поживешь в стороне от любимой койки, любимой кухни, любимой комнаты, любимого компьютера... Почты небось навалило нечитаной...

Дорожники однажды все-таки остановили их. Почему-то не спросили права, только путевой лист. Вопрос решился несколькими красноватыми купюрами с профилем бородатенького индивида — Андрюха обладал завидным даром убеждения, да и инспектор не слишком сопротивлялся. Похоже, он также предпочел свалить бремя разбирательств на кого-нибудь из коллег далее по трассе.

А вскоре Шурик Федяшин велел сворачивать на пыльную колею меж полей и минуты через три притормозить у жиденской и столь же пыльной полоски деревьев. До перехода, по словам Шурика, оставалось часов семь. Кто не отоспался — немедленно завалился в кубрике, а те, кто успел, — расселись на брезенте с краю поля за бутылочкой-другой. Разговоров было. И о выступлении, и о странном семьдесят девятом году неведомой реальности, и не только. И о звездах, точно таких же, как и в родном и привычном мире.

В предрассветных сумерках Федяшин указал направление; два грузовика вторично за последние двое суток медленно двинулись по полю, быстро влипнув в уже знакомый лиловый туман, очень похожий на подсвеченный сценический дым. А потом сразу настал вечер.

У Андрюхи запиликал мобильник в кармане, возвещая о пришедших сообщениях. Чуть впереди, между заправкой «Тюмень-

топливо» и дорожной лавкой «Елисейевъ и сыновья», виднелась привычного облика трасса, по которой проносились привычного облика машины, а несколько в стороне возвышалась ажурная вышка «Российских систем дальней связи», увенчанная полутора-метровой чашей спутниковой антенны. Пестик с шаровидным набалдашником, напоминающим трость, целился в ущербный полудиск Луны, что зависла меж туч в темно-голубом небе.

— Хм! — сказал Андрияха и нарочито неторопливо переложил остатки нездешних денег в нагрудный карман.

— Дома, — не замедлил расплыться в улыбке Димыч. — Как я рад, чтоб я был здоров!

— Готово! — удовлетворенно провозгласил Федяшин и звонко щелкнул клавишей «Ввод». — Мы отсутствовали в своем времени... и пространстве, как оказалось, сорок семь часов и двенадцать минут с секундами. Все по расчетам.

Народ в кубрике воодушевленно отплясывал «Сударыню».

«Черт возьми! — только сейчас позволил себе сформулировать Димыч. — Я боялся об этом думать. Боялся, что мы потеряемся в чужом и неприятном мире. Наверное, не только я этого боялся».

А вслух сказал:

— Спасибо, Шурик, за то, что ты не ошибся. Трогай, Андрияха. Пора домой.

— Так ведь мы уже дома, — отозвался басист, улыбаясь от уха до уха. — И это главное.

16. The Battle Rages On (1993)

В ближайшие три года «Прспект Мира» выпустил и благополучно продал одиннадцать альбомов, мгновенно ставших платиновыми. Второй, четвертый, восьмой и одиннадцатый были чисто их альбомами. Остальные — переосмысленным материалом записей с русского Вудстока в какой-то из параллельных реальностей. Конечно, причиной мгновенного успеха послужил дебютный альбом-бомба под названием «Рок из-за барьера»; а песни «Поворот», «Все очень просто», «Скачки» и «Кого ты хотел удивить?» держались в голове практически всех хит-парадов около семидесяти недель. Музыкальные критики долго пытались выяснить, кто же реально кроется под никому не известным псевдонимом Андрей Ма-

каревич, какой известный поэт, какой маститый композитор и какой модный аранжировщик?

Тщетно.

Вполне успешными оказались и многие другие песни с других альбомов — «Воскресенье», «По дороге разочарований», «Ночная птица», «Забытую песню несет ветерок», «Лилипуты-1» и «Лилипуты-2».

Но спустя три года «Проспект Мира» распался. Возможно, потому, что собственные их песни хоть и имели успех, но не такой оглушительный. Возможно, потому, что проспектовцы немного повзрослели. Возможно, потому, что Димыч Василевский все меньше стал уделять внимания музыке и все больше — любимой фантастике. Песни «Проспекта Мира» крутят по радио и сейчас, диски продаются и поныне, а клипов они никогда не снимали.

Прошли годы. Много. Пятнадцать. Или даже двадцать. Познакомилась судьба бывших проспектовцев. Как ни странно, миллионером ни один из них не стал — вероятнее всего из-за того, что каждый отчетливо сознавал истинную причину успеха «Проспекта Мира».

Андрей Шевцов, басист и администратор, успел отсидеть в тюрьме пять лет за экономическое преступление, которого не совершал. Жена дождалась его, и теперь он счастливый муж и не менее счастливый отец, удачливый предприниматель, хозяин собственного дела. Живет в родном городе.

Константин Ляшенко, вокалист, уверовал в Бога, выгнал шалаву-жену, воспитал двоих сыновей, которых не отдал матери. И сегодня поет в хоре одной из небольших церквей родного города. К сожалению, с ним стало попросту не о чем разговаривать помимо веры, и поэтому бывшие коллеги видятся с ним очень редко.

Данил Сергеев, вокалист, женился и переехал в соседний город, где также занялся предпринимательством. Не столь успешно, как Шевцов, но в общем на жизнь не жалуется. Когда ему бывает совсем тяжело или тоскливо, он берет телефон, набирает номер... и Шевцов со товарищи тогда хватают такси и чуть не среди ночи приезжают к нему, чтобы вытащить куда-нибудь в бильярдную или питейное заведение.

Вадим Орликов, он же Малый, гитарист, не устоял перед алко-голем и наркотиками, которые сгубили его на шестой год после рус-Вудстока. По распаду группы он нигде не работал и ничем определенным до самой смерти не занимался.

Игорь Коваленко, барабанщик, единственный, кто продолжает жить музыкой. Последнее время он сотрудничал с в общем посредственной группой «ХАОС», отвергая предложения куда более именитых коллективов. Вероятно, ему нравится. Выглядит он счастливым.

Павел Садов, клавишник, одно время был связан с кришнаитами, а потом просто пропал. Говорят, он устроился столяром в крохотную мастерскую где-то на окраине родного города. Говорят, в какой-то момент он почувствовал непреодолимую тягу создавать вещи своими руками. Говорят... Но это ведь тоже своего рода счастье и творчество.

Александр Федяшин, инженер, быстро стал большим и важным человеком. Его чуть ли не мгновенно по возвращении из чужого прошлого подгрести под себя какие-то секретные военные ведомства, связанные с научными разработками. Теперь увидеть его невозможно, возможно только переписываться через Сеть. Впрочем, отвечает Федяшин редко, что свидетельствует: без работы он не сидит. Местоположение Федяшина, разумеется, неизвестно и установить его не удастся никакими ухищрениями.

Ну а Дмитрий Василевский окончательно ушел в фантастику. Пишет книги. Много уже написал — не то двадцать с чем-то, не то тридцать с чем-то. Но иногда решается тряхнуть стариной и берет в руки гитару — по крайней мере два сольных альбома он выпустил. Переехал в Москву, хотя в родном городе бывает довольно часто. Однажды встретил в салоне мобильной связи Андрея Шевцова и с тех пор именно с ним видится чаще остальных. Участвовал в выездах в соседний город к Данилу. Как-то во время дружеской посиделки пообещал друзьям и коллегам описать все, что произошло пятнадцать или даже двадцать лет назад, описать честно и без прикрас. Ему можно — он ведь фантаст.

Совершенно точно можно сказать: никто из бывших проспектовцев ни капельки не жалеет о той в высшей степени необычной поездке. И вряд ли пожалеет в будущем. Именно о таких людях потом говорят: он жил не зря.

А это не всякому удастся.

*Март — май 2002 г.
Москва, Соколиная Гора*

СКРОМНЫЙ ГЕНИЙ ПОДЗЕМКИ

Фантастический рассказ-диптих

Часть первая, почти не фантастическая Станция «Маросейка»

Глебыч в этот вечер поддал крепенько. Не до полного свинства, как иногда, увы, случается и с самыми достойными людьми — только до блаженной улыбки, восхитительно нетвердой походки и того неповторимого состояния души, когда любишь весь этот скотский мир, невзирая на всю его неоспоримую скотскость. В метро Глебыча пустили в общем-то без эксцессов, хотя бабуля на входе глянула с укоризной, а молоденький милиционер с некоторым сомнением в голосе и позе осведомился:

— Куда ехать-то помнишь, гуляка?

— Обжаешь, слживый! — максимально бодро ответил Глебыч, глотая половину гласных. Хотел было рукой махнуть, бесшабашно эдак, но вовремя спохватился: не хватало еще потерять равновесие и растянуться на выложенном плиткой полу, между турникетами и милицейскими ботинками. — Измйльвский Прк, дже бз прсадок! Последний вгон, чтоб к выхду поближе!

— Ну-ну... — пробурчал милиционер без энтузиазма. — Ладно, ступай... Не усни только. Если доедешь до Щелчка — оттуда уже не отпустят.

Глебыч благоразумно смолчал и осторожно зашагал к эскалатору по довольно замысловатой синусоиде, но в общем и целом уверенно.

Садился он на «Арбатской», так что ехать действительно предстояло без пересадок, что в его положении являлось безусловным плюсом. К тому же было уже сильно за полночь и на переход легко можно было и не успеть.

Учитывая возвышенное состояние.

Поезд пришел очень удачно — буквально через минуту после того, как Глебыч плюхнулся на ближнюю к концу платформы скамейку. Благополучно погрузившись в последний вагон, Глебыч подумал: «Эх, чего бы в Москве без метро народ делал? До утра добирался бы, ей-ей...»

Поезд тронулся. Под мерное покачивание Глебыч не боялся уснуть: покачивание вагона убаюкивало, но почему-то никогда не усыпляло, не то что качка на воде. На какой-нибудь лодчонке или теплоходе Глебыч мог отключиться в пять минут, но в метро — никогда. Проверено годами.

Примерно посередине перегона «Площадь Революции» — «Курская» поезд почему-то пошел тише, а потом и вовсе остановился.

«Во! — Глебыч поразился собственной мудрости, когда не поленился дойти до «Арбатской». — Точно на переход не успел бы!»

Тот факт, что в противном случае пришлось бы ехать по другой ветке, где поезд совсем не обязательно стоял бы какое-то время в тоннеле, от внимания цинично ускользнул.

Стояли долго, несколько минут. А потом во всех вагонах неожиданно погасли лампы, только жиденький свет аварийного осветителя где-то позади на стене тоннеля позволял видеть хоть что-нибудь. Особенно после того, как глаза привыкли к темноте.

Кроме Глебыча в вагоне ехали только двое парней с пивом и среднего возраста военный, читавший газету в противоположном от Глебыча углу.

Без света ему, понятно, стало не до чтения — было слышно, как он нервно шелестит своим «Спорт-экспрессом».

Глебыч, по-прежнему совершенно не расстроенный задержкой, обернулся и поглядел наружу, в неверную тьму. На миг ему показалось, что тьма за стеклом стала чуток плотнее, нежели в вагоне.

А потом...

Тьма словно на самом деле сгустилась за окном, совсем рядом, и внезапно рывком перескочила из тоннеля в вагон, окутав Глебыча, поглотив его. Стало трудно дышать.

Очнулся Глебыч только на «Электrozаводской». Военного с газетой в вагоне уже не было; двое парней как ни в чем не бывало дули свое пиво; добавился мрачный тип, похожий на скорого кандидата в бомжи, но пока еще не докатившийся до соответствующей

щего состояния одежды и внешности. В ушах эхом отдавался голос дикторши: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция — «Семеновская».

Глебыч потряс головой. В голове было гулко и пусто. Неужели все-таки уснул? Быть не может!

Секундой позже Глебыч сообразил, что хмель из его организма непостижимым образом улетучился, и нынче он трезв до сквозняка из уха в ухо.

На «Измайловском парке» он совершенно твердой походкой покинул вагон и в состоянии легкой ошарашенности поднялся по лестнице. Вышел из вестибюля под открытое небо, поглядел на тусклые фонарики звезд, вдохнул ночного воздуха.

«Чудеса! — подумал Глебыч малость растерянно. — Протрезвел!»

Уже дома, минут через пятнадцать он обнаружил в кармане куртки прямоугольничек плотной бумаги, которого еще на «Арбатской» там не было.

Визитная карточка. Плотная, черная, глянцевая. С золотистыми надписями: по центру — «Гений Подземки»; ниже — «Москва», еще ниже, мелким шрифтом — «Арбатско-Покровская линия».

И все. Ни адресов, ни телефонов.

— Чертовщина какая-то! — пробормотал Глебыч уже вслух и задумчиво опустил на обувную тумбу.

Визитка осталась на ней же до утра.

Уснул Глебыч почти сразу, едва разделся и повалился на широкий раскладной диван.

О визитке он вспомнил, только когда обувал утром любимые туфли-«вездеходы». Черный прямоугольничек мирно соседствовал на тумбе рядом с совочком для обуви, в свое время позаимствованным из гостиницы «Нарва» в Белозерске. Визитку Глебыч не тронул, так и ушел, оставив ее на прежнем месте.

И на следующий день не тронул. И днем позже. И неделей.

Только спустя почти месяц, когда на тумбе накопилось слишком много всякой бумажной мелочи наподобие использованных карточек для метро или типографского спама, щедро насыпаемого распространителями в почтовые ящики московских домов, Глебыч сгреб этот ворох и пошел к рабочему столу, разбирать. Несколькими минутами спустя карточка нашла новое пристанище — в стопочке визиток за стеклом книжного шкафа.

* * *

Вскоре Глебыч и думать забыл о странном происшествии в метро и какой-то там визитке. Жизнь катилась по накатанной колее: статьи, редакция, гонорары, редкие походы с приятелями в баню или на стадион, телевизор, пиво под «ЦСКА — Локомотив» или, к примеру, «Реал — Манчестер Юнайтед». Жизнь вообще редко преподносила Глебычу сюрпризы, да и редкие знакомые от него никаких сюрпризов не ждали. Он был существом очень обыденным и негероическим, к чему привык с детских лет, и никогда не пытался перебороть свою одинокую планиду.

В угрюмую ноябрьскую пору, когда мир сер и слякотен и на улице находится совершенно не хочется, Глебычу пришлось посреди дня заскочить в редакцию — нужно было срочно вычитать важный материал, причем в распечатке, а не в файле. Много времени это не заняло, но день был безнадежно растрочен: в Москве планировать больше одного выездного дела бессмысленно, все равно не успеешь. Глебыч собирался с утра пошарить в интернете: вырисовывалась интересная статья и стоило восполнить пробелы в знаниях. А после обеда рассчитывал наварить борща, позвать соседа Витьку и усидеть предпраздничную бутылку «Гжелки», каковую Глебыч у Витьки же и выиграл недавно на спор. Но позвонил ответсек, и замечательный план рассыпался, как старый шалаш в бурю. Пришлось одеваться, выходить из дому в промозглый ноябрь, брести к метро...

Правда, из редакции Глебыч возвращался с уже улучшающимся настроением: похоже, борща наварить он все-таки успевал, причем успевал даже завершить сие священнодействие в достаточно разумное время, чтобы их с Витькой посиделки Витькина жена не обозвала «ночным кукованием».

Да и вообще домой возвращаться всегда приятнее, чем уезжать.

Короче, стоял Глебыч у края платформы на «Пушкинской» и предвкушал. Из темного зева тоннеля потянуло ветерком — приближался поезд, уже и свет фар замерцал.

И тут на рельсы свалился ребенок — пацан лет трех-четырех в неуклюжем комбинезоне-дутьше, купленном явно на вырост. Момент падения Глебыч пропустил, вдруг глянул и обомлел: пацан на рельсах и визг тормозов накатывается.

Дальнейшее произошло само по себе: ни подумать, ни испугаться Глебыч не успел. Он как-то очень просто и естественно

оказался рядом с малышом, сцапал его экономным и выверенным движением (и откуда что взялось?) за воротник, выпихнул наверх, в толпу, сам подпрыгнул, налег грудью на платформу, ухватился за чью-то протянутую ладонь и через несколько мгновений почувствовал осязаемый удар по ноге — это был привет от не успевшего затормозить поезда. Но Глебыч, равно как и пацан, были уже в безопасности. От тычка Глебыч просто опрокинулся с четверенок на бок, но никаких повреждений не получил, даже больно не было.

Что тут началось! Мамаша, белая, как привидение, что-то шептала, одной рукой прижимая к себе пацаненка, другой судорожно вцепившись Глебычу в рукав. Пацаненок ревел белугой. В толпе кто-то возился и истошно вопил: «Это он, он ребенка толкнул!» Кто-то хлопал Глебыча по плечам, попеременно по правому и левому. Потом машинист прибежал — глаза квадратные. В центральном зале раздавалась звонкая трель свистка и чей-то авторитетный голос требовал: «Пройти дайте! Посторонись!»

Поминали милицию, которая, по идее, вот-вот должна была появиться.

Мамаша наконец отпустила рукав Глебыча и прижала сына к себе. Тот все орал, но уже заметно тише. Глебыча шатнуло, кто-то тут же громко произнес: «Дайте ему сесть!»

Глебыч быстро оказался у лавочки, но тут толпа колыхнулась — в проход протискивался милиционер. И как-то незаметно Глебыча вынесло на самую середину зала; почему-то никто на это внимания не обратил, хотя еще секунду назад локальным центром вселенной являлись мамаша, спасенный и спаситель.

А окончательно в себя Глебыч пришел в переходе: с «Пушкинской» он зачем-то отправился на «Чеховскую». Лица вокруг были сплошь незнакомые.

Похоже, от разборок и нового потока благодарностей удалось благополучно ускользнуть, чему Глебыч был в принципе рад, поскольку от недавнего шепота мамыши чувствовал необъяснимую неловкость.

Поэтому он уже целенаправленно перешел с «Чеховской» на «Тверскую» и стал ждать поезда до «Театральной».

А потом с немалым удивлением спросил себя: а чего это он, спрашивается, торчал сегодня на «Пушкинской»?

Всю жизнь, сколько себя помнил, Глебыч ездил домой естественным и рациональным способом: «Тверская» (ранее — «Горьковская») — «Театральная», вперед по ходу поезда, пересадка на «Пло-

щадь Революции» (длинные эскалаторы, на которых всегда хорошо читалось) и прямехонько домой, до «Измайловского парка».

Сегодня Глебыч почему-то решил проехать от «Пушкинской» до «Таганки», там пересесть на кольцо, проехать одну остановку до «Курской» и на родимую Арбатско-Покровскую перейти только там, поскольку прямой пересадки с фиолетовой ветки на темно-синюю в природе не существовало.

Но почему он так решил — Глебыч не понимал напрочь. Неудобный же маршрут, две пересадки! Зачем? И ведь если бы не это нелепое решение — так и не увидел бы Глебыч малыша на рельсах. И кто знает, что бы с тем стало в этом случае? Нашелся бы кто-нибудь, кто не побоялся бы прыгнуть с платформы на помощь?

Впрочем, при чем тут «не побоялся»? Можно подумать, Глебыч раздумывал — боится он или не боится. Прыгнул, ничего не соображая, и все.

Хорошо еще, что мальчонку успел отбросить и сам вылезти на платформу. Мог бы и не успеть...

Но об этом думать совсем уж не хотелось.

Домой он добрался пришибленный, Витьке звонить не стал, откупорил «Гжелку», как был в куртке и сапогах, и залпом засадил почти полный стакан.

Нельзя сказать, что Глебычу полегчало: ему не было плохо и до стакана. Но стало определенно лучше.

А когда Глебыч с легким стуком утвердил пустой стакан на столе и утробно крикнул, обнаружил, что рядом с бутылкой «Гжелки» на скатерти лежит визитка Геня Подземки. Как она переместилась с полочки шкафа на кухню, Глебыч снова-таки не выяснил, ни в первые минуты, ни потом.

Он просто взял ее со стола и сунул во внутренний карман куртки, рядом с паспортом.

«На счастье», — подумал он.

Борща в этот день (а точнее, вечер) Глебыч все-таки не наварил, но совсем не расстроился из-за этого. Тем более что назавтра узнал: Витек и жена его ненаглядная все равно с трех часов дня и до часу ночи пробыли в гостях.

К утру Глебыч окончательно успокоился, мандраж сошел на нет, осталось только неожиданно светлое чувство удовлетворения своим поступком, пусть даже ненамеренным и спонтанным. И утренний звонок из редакции его совершенно не расстроил. Снова

предстояло ехать в центр, но за окнами, не в пример вчерашнему, светило солнце и настроение попросту не желало ухудшаться. А тут еще звякнул Сева Баклужин, сказал, что готов прямо сейчас заехать и завезти долг. Глебыч, разумеется, не возражал.

Удачи накладывались одна на другую: Сева, оказывается, ехал на «Белорусскую» и мог подбросить Глебыча на своей лихой «субару» чуть ли не до дверей редакции. По дороге они умудрились не вляпаться ни в единую пробку, проклятие автомобильной Москвы. Работа в итоге оказалась плевая, Глебыч справился с нею буквально за час. Перед самым его уходом сотрудникам стали выдавать давно обещанную премию, так что (если учитывать и возвращенный Севой должок) из редакции Глебыч выходил с весьма туго набитым бумажником. По пути к метро он прикидывал (раз уж завелись деньги), чего в ближайшее время прикупит: музыкальный центр или новый монитор. В принципе хотелось и того, и того.

Немного не дойдя до Пушкинской площади, Глебыч неожиданно завернул в «Елки-Палки», отведал «Тамерлана» под пиво и совсем уж в благодушном настроении наконец-то спустился в метро. На этот раз он следовал вполне логичным и естественным маршрутом, через «Театральную» и «Площадь Революции».

Перейдя на родимую ветку, Глебыч успел вклиниться в толпу, которая мерно втягивалась в открытые двери одного из центральных вагонов.

Пассажиров было действительно много, даже до поручней дотянуться толком не удалось. Да и в вагон уместились не все, кое-кто остался на платформе.

«Надо будет на «Курской» пересесть ближе к хвосту, — подумал Глебыч с ленцой. — Если удастся...»

Створки дверей с характерным звуком схлопнулись.

«Осторожно, двери закрываются, — запоздало объявила дикторша, — следующая станция — «Маросейка», пересадка на станции «Китай-город» Калужско-Рижской и Таганско-Краснопресненской линий».

Долгие несколько секунд Глебыч соображал — что же это значит? Потом боязливо покосился на соседей.

Тех, казалось, ничуть не смутило объявление дикторши, словно станция «Маросейка» действительно существовала. Но Глебыч прекрасно помнил, что никаких станций между «Площадью Революции» и «Курской» нет и никогда не было.

Совершенно сбитый с толку Глебыч вывалился из вагона на станции «Маросейка». Станция как станция — гранит, мрамор, панели с филигранной резьбой, колонны, помпезные сталинские светильники, в центре зала — небольшая скульптура на постаменте, изображающая Богдана Хмельницкого верхом и с булавой в руке. В восточном торце — длинный эскалатор, выход в город, на Маросейку и переулки Армянский и Старопосадский; в западном — эскалатор на спуск; однако если верить указателю, он тоже выводил в город, на улицу Маросейка и Лубянский проезд; одновременно он вел на пересадку. Видимо, выход на поверхность был устроен через станции «Китай-город». Глебыч отправился на разведку — спустился и оказался в хорошо знакомом вестибюле, причем появился Глебыч из того места, где раньше имелась глухая стена и бюст Ногина перед нею. Бюст теперь стоял у другой стены, справа, посредине между залами «Китай-города». Если пройти прямо, можно было выйти из метро, на Старую и Новую площади, или на ту же Маросейку, или на Лубянский проезд. Но Глебыч выходить не стал, свернул на ближний к нему «Китай-город»; потом перешел на второй.

В обоих залах «Китай-города» все оставалось как обычно, за исключением разве что дополнительных надписей на указателях. Везде, на любой табличке станция «Маросейка» значилась между «Площадью Революции» и «Курской», словно существовала на Арбатско-Покровской линии изначально.

И никто, ни единый человек не удивлялся существованию этой станции, кроме разве что Глебыча.

Видимо, он действительно привлекал внимание, бесцельно бродя по станции, потому что вскоре в зале появился милиционер, нечувствительно возник на пути и потребовал документы. Глебыч предъявил, и паспорт с регистрацией, и журналистское удостоверение.

— А, — понимающе протянул милиционер, возвращая документы. — Материал для статьи собираете? Что ж, удачи, удачи...

Он козырнул.

— Скажите, — по возможности непринужденно справился Глебыч, — а давно вы на этой станции работаете?

— Да лет пять уже. — Милиционер поправил фуражку и с интересом поглядел на Глебыча. — А что? Что-нибудь криминальное описать хотите?

— Нет-нет, я больше по истории и архитектуре, — торопливо увильнул Глебыч. — Да и пора мне уже! До свидания.

К платформе как раз подошел поезд, направляющийся к «Курской».

Глебыч шмыгнул в вагон, тоже набитый достаточно плотно, и принялся настойчиво протискиваться к схеме у соседних дверей.

Наверное, у него был вид человека, которому действительно крайне необходимо взглянуть на схему метро, потому что люди уступали дорогу на удивление безропотно, без косых взглядов и дежурного мата вполголоса.

Схема как схема — сколько раз Глебыч такие видел. И в метро, и на улицах, и на календариках, и на рекламных буклетах. Все привычно.

Линии, станции. Вот только узел на «Китай-городе» действительно трехстанционный. Кроссплатформенная пересадка с рыжей на фиолетовую ветки и обратно, и станция «Маросейка» рядом.

Больше никаких отличий от того, что хранилось в памяти, Глебыч не нашел. И до «Измайловского парка» доехал совершенно как обычно, хотя озирался при этом, наверное, как марсианин. Уже на улице около метро у него снова проверили документы, а ушлые тетки с бэджамы дважды предложили номер в гостинице.

Глебыч иногда почитывал фантастику и с термином «альтернативная история» был неплохо знаком. В принципе он видел случившемуся лишь два объяснения: либо приключилось банальное сумасшествие, когда видишь то, чего нет, либо его неким невообразимым образом засосало в параллельную реальность, где станция «Маросейка» действительно существует. Но тогда в окружающем должны быть и иные детали, отличные от привычной Глебычу реальности. Потому он и озирался, собственно.

И одновременно, холодея, осознавал: насколько же мало внимания мы обращаем на окружающий мир! Вот, к примеру, рекламный плакат у дороги. Что было на нем изображено вчера? Глебыч дважды проходил мимо, но не помнил даже, какого цвета этот плакат. Сейчас на плакате красовался космонавт в скафандре на фоне половинки земного шара, а также две гигантские пачки сигарет «Союз-Аполлон», синяя и белая.

Надпись гласила: «Знай наших!» В самом низу еще имелась строка, предупреждающая о вреде курения.

Как назывался цветочный павильон рядом с троллейбусной остановкой?

Сейчас — просто «Цветы». А вчера? Вроде бы «Букет». Или тоже просто «Цветы»?

Был ли чуть в стороне от дороги квадратный раскоп, огороженный кокетливой полосатой ленточкой? А надпись на заборе — вот это небрежное «Россия для русских!!!» — была?

Впрочем, надпись — дело дурное, а потому нехитрое. Ее в любом мире сначала вроде нету-нету, а потом в одночасье: бац — и есть.

В общем, к дому Глебыч подходил вконец издерганный, поскольку ни единого внятного отличия обнаружить не сумел. Однако на всякий случай приготовился к самому ужасному: к тому, что в его квартире живет некто посторонний, причем живет давным-давно и вполне счастливо. И слыхом никогда не слыхал о каком-то там Глебыче из реальности, где нет станции метро «Маросейка».

Однако страхи оказались напрасными. Уж свою-то дверь Глебыч мог описать чуть ли не по квадратному сантиметру, от еле заметных силуэтов некогда наклеенных, а позже бесстыдно спертых какими-то крохоборами циферок — номера квартиры — до надорванного (после заноса негабаритного дивана) дерматина на уровне колен. И звонок свой, родной, на одном шурупе, но тем не менее незыблемый, как Монблан или Майкрософт. И ключи подошли к замкам. И внутри все было до боли знакомое и родное — мебель, пыль, запахи.

Кое-как переодевшись в домашнее, Глебыч еще долго шастал по квартире в надежде отловить какую-нибудь подозрительную мелочь.

Тщетно.

Потом возникла мысль о телевизоре, и несколько долгих часов Глебыч терзал пульт, выискивая на многочисленных каналах новости или иные информационные передачи, способные подтвердить его опасения. И снова ноль — убери из сегодняшнего дня станцию «Маросейка», мысли об альтернативном мире никогда не пришли бы Глебычу в голову.

Когда к телевизору он охладел, возникла следующая мысль: интернет! И не что-нибудь, а www.metro.ru! Вот что может пролить свет на сегодняшние чудеса!

Компьютер, как назло, грузился лениво и долго. И на «Юни-корн» было не дозвониться — лишь через четверть часа линия капитулировала и отдалась модему. И сайт грузился так, словно на

него именно сейчас ломанулся весь компьютеризированный мир и укупорил канал плотнее плотного.

Но все же в конце концов Глебыч выяснил, что станция «Маросейка», оказывается, проектировалась и была запущена вместе с соседними «Площадью Революции» и «Курской» в далеком 1938 году, причем задел на будущее сопряжение с тогда еще безымянными станциями сразу двух линий на площади Ногина (или как там она называлась в тридцать восьмом?) был оставлен загодя и частично расконсервирован лишь в 1970-м, а окончательно — в 1975-м, с пуском соответствующего участка Таганско-Краснопресненской линии. Станция «Маросейка» значилась как одна из немногих старых станций, не имеющая наземного вестибюля.

Точнее, вестибюль пришлось встроить в одно из исторических зданий на углу Маросейки и Большого Спасоглинищевского переулка.

В растрепанных и смешанных чувствах Глебыч отошел ко сну.

Проснувшись, Глебыч долго прикидывал — приснились ему вчерашние непонятки, или же он помалу сходит с ума. В глубине души он прекрасно сознавал: нет, не приснились. И все же не удержался, как был в футболке и семейных, в цветочек, трусах (невзирая на то, что семьи у него никогда не было и не предвиделось), шастьнул к компьютеру и поставил диалер на дозвон в интернет, а сам покуда удалился в сторону совмещенных удобств: зубы чистить и все такое прочее.

Когда Глебыч вернулся, компьютер уже установил связь. Медленную, как всегда днем, всего на девятнадцать двести. Но этого вполне хватало, чтобы по сохранившейся вчерашней ссылке загрузить нужную страницу с metro.ru.

Надежды его были напрасны. Станция «Маросейка» упрямо вросла в привычный мир, пустила корни, глубокие, как у саксаула, и исчезать ни разу не собиралась.

И тогда Глебыч немного даже рассердился:

«И чего это я? Если схожу с ума — беспокоиться поздно. Плюнуть и принять! Тем более удобная же станция, к Баклужину на «Алексеевскую» теперь будет куда сподручнее ездить, да и вообще... Скольким людям она жизнь облегчит? Тысячам? Даже нет — миллионам! Метро, говорят, за сутки девять миллионов пассажиров по Москве растаскивает туда-сюда.

Вот пусть и радуются! А я буду просто жить! И тоже радоваться, вместе со всеми! А в будущем году «Парк Победы» откроют — тут радость вообще через края польется!»

Единственное, что чуточку портило тщательно выстроенную благолепную картину, — непонятная черная визитка и особенно обстоятельства ее появления у Глебыча, а также некоторые ее подозрительные свойства, связанные с умением самостоятельно возникать то там, то сям...

В общем, бодрясь по возможности, Глебыч сварганил себе легкий завтрак, сжевал его, пересчитал содержимое бумажника и значки, покумекал малость, отделил некоторую сумму и отправился на «Семеновскую», покупать музыкальный центр.

Спешить Глебыч не стал, неторопливо обошел три магазина — «Техносилу», «Эльдорадо» и «М-видео», поизучал модели, прикинул цены и, наконец, остановился на компактном «Самсунге», исключительно потому, что тот понимал mp3-диски, составлявшие немалую часть его фонотеки, и стоил меньше трехсот баксов. Остальные модели с mp3 тянули больше четырехсот.

Продавец Глебычу не то чтобы не понравился... Вроде и не тормозил особо, и на вопросы ответил довольно внятно, но как-то без огонька, без радушия, будто бы нехотя, с презрением. Так же нехотя выписал квитанцию. Глебыч пошел оплачивать; потом ему продемонстрировали работоспособность, шмякнули штамп на гарантийный талон, упаковали все корейское добро и положенные к нему причиндалы, и отправился он домой в смешанных чувствах.

В смешанных, потому что центр стоил восемь триста тридцать восемь в рублях, а продавец на квитанции написал три восемьсот тридцать восемь. И Глебыч это заметил в первую же секунду.

Но смолчал. Сам толком не понимая почему. Полагал, ошибка быстро выяснится, он спокойно доплатит недостающие четыре с половиной тысячи. Когда уже вышел за двери магазина, прошел метров двадцать, запнулся было, едва не поддался порыву пойти и честно заплатить.

Но потом подумал: а какого черта? Продавец этот чем-то недовольный...

Это его, продавца, работа, в конце концов, быть внимательным. Глебыч вовсе не обязан следить за его работой и указывать на ошибки. Ошибся — сам и виноват!

И пошел Глебыч домой. Не оборачиваясь и не замедляя шага.

Но червячок его все-таки грыз, ведь в принципе Глебыч был человеком честным. Даже мусор бросал только в урны, потому что хотел видеть родной город чистым и незагаженным, хотя вместе с тем прекрасно понимал: его «души прекрасные порывы» многомиллионной Москве совершенно до лампочки и чище она от Глебыча принципов не станет ни на йоту.

Вдобавок неправедным путем сэкономленные почти полторы сотни баксов позволяли без напряжения приобрести взлелеянный в мечтах новый монитор прямо сейчас. Или, точнее, уже завтра, потому что Баклужину нужно было звонить с утра — евойного сына-железячника, кой последнее время трудился в одной из бесчисленных, гнездящихся на ВДНХ, компьютерных фирм, можно было запряхь на покупку только до десяти часов или вечером: пользоваться мобильником или служебным телефоном в личных целях на упомянутой фирме сотрудникам почему-то категорически возбранялось.

В общем, Глебыч возился потихоньку со свежкупленным центром, подключал все, устанавливал, читал руководство, знакомился с управлением и возможностями, дивился непривычным функциям, учился программировать воспроизведение, манипулируя многочисленными кнопками, проверял, читает ли этот хваленый «Самсунг» RW-диски...

Незаметно для себя он увлекся и думать забыл о некрасивом своем поступке в магазине.

Вечер тоже пролетел незаметно: интернет, материал для очередной статьи, звонок Севе Баклужину и разговор с его сыном о завтрашней покупке, вполне успешный и многообещающий разговор, ужин, чай, телевизор, заведенный на десять будильник, сон.

Утро тоже прошло как по накатанной; вчерашний червячок куснул только однажды, когда Глебыч снова отсчитывал деньги, но вскоре шевелиться перестал и затих. Скорее всего окончательно и бесповоротно.

Глебыч добежал до метро, купил свежий «Спорт-экспресс», в который и поспешил уткнуться в вагоне.

«До «Маросейки», а там, на «Китай-город!» — с подъемом подумал он и погрузился в перипетии очередного тура российского чемпионата, в этом году обещавшего довольно занятную интригу.

От газеты Глебыч оторвался только после того, как двери на «Курской» захлопнулись и диктор поведал что-де, следующая — «Площадь Революции».

— Что такое? — удивленно пробормотал Глебыч, поднимая голову. — Чего, на «Маросейке» остановки нет?

Поезд с грохотом втянулся в тоннель.

Сосед поглядел на Глебыча как на больного и демонстративно отвернулся. А Глебыч скосил глаза на схему, к которой стоял боком.

Потом медленно повернулся к ней лицом, чувствуя, как в груди разрастается неприятная пустота.

Он увидел хорошо знакомый вариант схемы. Без станции «Маросейка». Тот, с которым соседствовал всю сознательную жизнь, за исключением вчерашнего дня.

До «Площади Революции» Глебыч доехал как в тумане. Вышел, растерянный и обескураженный, не зная, куда идти и что думать. Вышедшие вместе с ним пассажиры торопливо рассасывались с платформы кто куда.

Лишь когда платформа ненадолго опустела, Глебыч заметил его. Высокого подтянутого парня в джинсах и кожаной куртке, пристально глядящего прямо на Глебыча. Он стоял, привалившись плечом к скульптуре матроса с наганом — почему-то внимание Глебыча на миг сфокусировалось именно на этом нагане с отполированным до блеска стволом. Вся скульптура была темной от времени, а ствол нагана — блестял.

Когда взгляды Глебыча и парня встретились, тот шагнул навстречу, раз, другой. И подошел вплотную.

Первое, что бросилось Глебычу в глаза — черный бэдж с золоченой надписью. «Гений Подземки. Москва». Только линия была указана Калужско-Рижская. Та самая, на которую теперь с родимой Арбатско-Покровской напрямую не пересесть. Знакомая визитка была вставлена в пластиковую оболочку с булавкой наподобие тех, что носят сотрудники солидных фирм или настырные тетки-посредницы у Измайловских гостиц. И носил ее парень так, будто это был не бэдж с визиткой, а по меньшей мере Орден Славы или медаль Героя России.

Глебыч несмело прижал руку к нагрудному карману, где лежали его паспорт и визитка. Его, по всей видимости, орден. Прижал и так же несмело поднял глаза.

Парень глядел на него сверху вниз, в упор, пристально и вместе с тем укоризненно, даже презрительно. Долго глядел. Странно, но окружающие совершенно не обращали внимания на достаточно необычно ведущую себя парочку в самом центре платформы, словно Глебыча с парнем окутывала вуаль невидимости.

Парень шевельнулся. Прищурил один глаз, то ли устало, то ли разочарованно, то ли и то, и другое вместе.

— Эх, ты, — процедил он негромко. — А я уж было подумал...

А потом повернулся и пошел прочь, туда, где останавливается головной вагон. Люди невольно уступали ему дорогу. Где-то там, у выпуклого зеркала или даже дальше Гений Подземки с Калужско-Рижской линии словно бы растворился, исчез без следа и Глебыч почему-то этому ничуть не удивился.

Только спустя долгую минуту он проглотил неприятный комок в горле и медленно-медленно отнял руку от кармана. И тоже пошел. На противоположную платформу.

И люди расступались перед ним.

Часть вторая, почти не реалистическая Гений Подземки

От наземного вестибюля «Семеновской» до магазина бытовой техники Глебыч несся так, словно опаздывал на самолет. Лишь в магазине он поумерил пыл, попытался придать себе вид естественный и солидный и, стараясь ступать твердо и независимо, направился к отделу, где покупал вчера злополучный «Самсунг». Там Глебыч некоторое время озирался в поисках вчерашнего неприятного продавца, но того нигде не было видно. Зато миловидная девчушка в униформе моментально оказалась рядом:

— Добрый день, вам чем-нибудь помочь?

Глебыч взглянул на ее простую и неискusstvenную улыбку и внезапно успокоился. Разом. Судя по бэджу, девушку звали Машей и работала она менеджером отдела.

— Да, помогите, пожалуйста, — у Глебыча даже голос не дрожал, чего он втайне опасался. — Видите ли, в чем дело, я вчера купил у вас музыкальный центр, и мне, по-моему, неправильно указали цену. Я заплатил на четыре с половиной тысячи меньше...

— А, я понимаю, о чем вы говорите! «Самсунг» модели...

— Да, «Самсунг», — перебил Глебыч, потому что номер модели, откровенно говоря, не запомнил. — У вас есть продавец парень, такой... неторопливый.

— Уже нет, — сообщила девушка с некоторым сожалением. — Он уволен.

— Уволен? — упавшим голосом повторил Глебыч. Такого поворота он совершенно не ожидал. Хотел просто доплатить деньги, чтобы парню не нагорело из-за этого злосчастного «Самсунга», и вдруг — уволен!

— Да, уволен. Внимательным обязан быть продавец, а не клиент. Это ошибка продавца, не ваша. И деньги уже высчитаны из его зарплаты, так что вам не нужно ничего доплачивать. Спасибо, что пришли, может быть, еще что-нибудь купите?

Глебыч низко опустил голову, чтобы Маша не увидела его растерянного лица.

— Нет, наверное, не сейчас...

— Приходите еще! — Девушка улыбнулась, Глебыч видел это, даже уставившись в пол.

Все-таки это не была дежурная улыбка. Наверное, Маше действительно нравилось работать в большом магазине и беспрерывно разговаривать с новыми людьми.

На следующий день после все изменившей встречи в метро позвонил сынуля Севки Баклужина и довольно развязно поинтересовался: будет Глебыч покупать монитор или где?

— Не буду, — тихо, но твердо ответил Глебыч. — Извини, не получается. И что вчера не пришел и не перезвонил — извини.

Голос Баклужина-младшего стал серьезнее:

— Дядя Олег, случилось что?

— Случилось, Максим. Но я сам справлюсь. До свидания. Извини еще раз...

Целую неделю Глебыч был угрюм, мрачен и нелюдим. Хорошо, что в редакции не нашлось работы, которая требовала бы его непосредственного присутствия. Глебыч писал статьи дома и отсылал их электронной почтой. На улицу он выходил всего дважды, оба раза в магазин напротив подъезда, за продуктами.

Глебыч много думал о произошедшем. Неужели между появлением и исчезновением станции «Маросейка» и его поступками существует какая-то мистическая связь? Бред ведь, сказки, небыльщина! Фантастика! Но если вспомнить слова того парня, Геня Калужско-Рижской... Глебыч глядел на черную визитку, которую по его примеру вставил в бэдж, оставшийся с прошедшего киносеминара, поверх листка со своей фамилией и названием жур-

нала. Он знал, что, когда выйдет из дому и направится к метро, приколет бэдж к свитеру.

Почему-то Глебычу хотелось, чтобы Гений Калужско-Рижской не думал о нем плохо.

Через неделю все-таки пришлось выходить из дому дальше магазина и ехать на церемонию вручения очередных премий за очередные заслуги.

Глебыч частенько бывал на подобных мероприятиях. Узкий замкнутый мирок профессионалов в какой-либо области, украшенная сцена, конферансье, речь, приз, вручение, жиденькие аплодисменты, полнящиеся завистью глаза в зале... Потом фуршет, бутерброды, водка, пьяные разборки и блевотина по углам. Бомонд, чтоб его.

Подобные мероприятия Глебыч не любил, но регулярно посещал по профессиональной надобности. Представители десятков замкнутых мирков уже несколько лет как здоровались с ним — примелькался, видимо.

Сегодня ехать предстояло на «Таганку», в ресторан «Семь пятниц».

«Надеюсь, никакой гадости я за последнее время не совершил, — мрачно думал Глебыч, ныряя под мост окружной железки, — и станция «Измайловский парк» никуда не делась. Равно как и «Таганская-радиальная»...»

«Измайловский парк» обнаружился на месте. И наземный вестибюль, и все остальное.

Бэдж с визиткой, конечно же, был загодя приколот к свитеру.

Держа в руке карточку, Глебыч подошел к крайнему левому турникету, рядом с будочкой бабули-дежурной. Не успел он сунуть карточку в щель, как на турникете зажегся зеленый глазок.

Глебыч насупился.

«Ну, вот... опять халява... Не пойду, заплачу, как положено», — подумал он сердито.

Но бабуля вдруг обратила к нему широкое румяное лицо и приветливо улыбнулась, что работникам общественных мест в общем-то не свойственно:

— Проходите-проходите! Вам можно! И о карточках можете забыть... пока вы наш Гений.

Глебыч с сомнением поглядел на нее. И вдруг понял: ему действительно можно. Более того — нужно.

Он кивнул бабуле и смело вошел на станцию.

Что-то изменилось. Звуки: они стали объемнее, четче, выпуклее. И их стало больше. Глебыч слышал, как поскрипывают металлические конструкции над лестницами, как звучат шаги каждого из пассажиров, как урчит и щелкает позади электронная и механическая начинка турникетов. Как с шорохом падают в урну использованные карточки.

В зале вроде бы стало светлее, чем обычно. Серебристая Зоя Космодемьянская определенно улыбалась Глебычу, как своему. Глебыч чувствовал, что на левой стене ближе к центру зала вот-вот отвалится одна из мраморных плиток, и что у зеркала в конце платформы помутнели верхние уголки, и что одна из лампочек среднего пути (внизу, над контактным рельсом) не горит...

Ощущения были очень странные и вместе с тем очень естественные. Нужно было просто к ним привыкнуть.

С «Измайловской» как раз прибыл поезд; Глебыч наладился было в переднюю дверь переднего вагона, но тут из кабины выглянул машинист.

— О! — сказал он. — Привет. Заходи.

Глебыч нерешительно замялся.

— Это ж вроде запрещено...

— Пассажирам — запрещено, — подтвердил машинист со смешком. — Но не тебе же!

Он протянул руку:

— Я — Петро. Заходи давай!

Глебыч на мгновение зажмурился, а затем вошел в кабину поезда метро.

Впервые в жизни.

Поздоровался с помощником машиниста, с нескрываемым любопытством обозрел приборы и органы управления.

Выглядели они загадочно.

«Интересно, — подумал Глебыч. — По идее, мне придется во всем этом разобраться...»

Вид несущегося навстречу тоннеля, освещенного фарами поезда, был незабываем. Ехать в кабине поезда метро совсем не то, что ехать просто в вагоне...

А еще Глебыч понял, что в ближайшее время его ждет немало открытий.

Удивительных и волшебных.

* * *

И действительно, в отношении метро жизнь Глебыча переменялась кардинально. Теперь он мог переходить со станции на станцию в любое время, даже если уже час ночи и переход закрыт. Любой турникет безропотно пропускал его без всяких карточек или проездных.

Милиціонеры ему козыряли. Машинисты здоровались. Техники подмигивали и иногда затаскивали в таинственные помещения за дверями со строгими табличками «Служебный вход» и «Посторонним вход воспрещен». Пили техники в основном спирт. Если перед эскалаторами собиралась внушительная толпа и хотя бы один из эскалаторов стоял, для Глебыча, не задумываясь, запускали его, и ни единый умник не норовил последовать за Глебычем. Однажды Глебыч пережил форменное потрясение: он обнаружил, что может сесть в вагон через закрытые двери. Равно как и покинуть оный вагон. И ни один из пассажиров не обращает на это внимания. Ни один!!!

Под Новый год Глебыч во второй раз встретил коллег. Правда, не понял, с каких они веток. Но других Гениев он теперь узнавал безошибочно: чувствовал визитку. Нутром, селезенкой, седьмым или восьмым чувством.

У встреченных, к примеру, визитки оказались в карманах. У одного, лысоватого и хлышеватого мужичонки с острым лицом и бегающими глазками — во внутреннем кармане пиджака. У второго, тучного кучерявого херувима — в кармане необъятной куртки. Глебыч столкнулся с ними на «Автозаводской», выйдя из поезда.

— О! Смотри! Наш маросейский герой, — сказал хлыщ насмешливо, подталкивая соседа локтем.

Глебыч застыл, глядя на них. Он не знал, что сказать и как поздороваться. Банально растерялся.

Херувим почему-то обидно заржал. Хлыщ тоже усмехнулся, как-то недобро и хищно. А потом оба, ни слова больше не говоря, уселись в вагон и поезд тронулся.

Глебыч некоторое время неподвижно стоял, глядя на убегающие во тьму габаритные огни. Люди старательно обходили его.

«Черт! — подумал Глебыч вскоре. — Все-таки я ничегошеньки не понимаю в этой игре. Надо искать Гения «Калужской». По моему, нужно поговорить с ним, а не с этими...»

И он стал искать. Часами бесцельно кружить по метро, пересекаясь со станции на станцию без всякой системы. В этом Гле-

быч неожиданно для себя стал находить еще большее удовольствие, чем раньше. Он ведь всегда любил метро. И московское, и киевское, и даже питерское, хотя Питер как город недолюбливал.

Поиски не привели ни к чему. Всю зиму и почти всю весну Глебыч жил надеждой на встречу, но ни с кем из Гениев так и не столкнулся.

Он продолжал поиски и боялся только одного.

Что его сознательно избегают.

А вскоре произошло то, что рано или поздно происходит со всеми: у Глебыча умерла мама.

Ей было уже восемьдесят три года; невзирая на возраст Виктория Ильинична до последних дней оставалась бодрой и деятельной старушкой — с поправкой на возраст, конечно. В магазины ходила сама, готовила сама. В общем, никого и ничем не обременяла. Глебыч, наверное, внутренне давно был готов к смерти мамы, потому что ощутил лишь стылую пустоту и тихую горечь. Сестра, видимо, испытывала то же, потому что никаких истерик и криков на похоронах не случилось — только слезы и нескрываемая печаль. Печаль по человеку, прожившему большую и правильную жизнь и ушедшему только потому, что все мы рано или поздно уходим. Несколько дней после похорон Глебыч ходил подавленный. Он вдруг поймал себя на мысли, что последние годы очень редко виделся с мамой. Изредка забегал подкинуть денюжат к ее скудной пенсии, о себе не рассказывал (да и нечего было рассказывать), на вопросы отвечал односложно и торопился бежать дальше — дела. Виктория Ильинична так и не дождалась невестки и внуков от непутевого сына-одиночки. Хорошо хоть у сестры семья вполне сложилась: молодчина муж, четверо детей...

На десятый день после смерти Виктории Ильиничны позвонила сестра, попросила прийти в мамину квартиру. Глебыч догадывался зачем.

Он прекрасно знал текст завещания. Все пополам. Сбережений у родителей никаких не было, стало быть, речь шла только об имуществе. О двухкомнатной квартире в Кунцево и нехитром ее убранстве.

Глебыч ехал в Кунцево, не замечая ничего вокруг. Глядел невидящими глазами в пустоту и заранее обдумывал, что скажет сестре.

Ни к чему этот мещанский дележ. У сестры четверо детей, живут в неплохой трешке на Нагатинской, но шесть человек для

трехкомнатной квартиры все же слишком. Тем более старшие девки-близняшки здоровенные уже, вымахали выше Глебыча. Стройные, длинноногие и, что приятно, не без масла в голове. Заканчивают школу, или, как это теперь у них называется, колледж. А поступать направились не куда-нибудь, а во МГИМО.

А на другой чаше весов Глебыч, старый пень-одиночка. На плечи — сороковник, за душой — ничего путного. Ну, несколько сотен статей, ну десяток убойных репортажей. Своим горбом заработанная квартирка — двухкомнатной совестно назвать. Типичная однушка с дополнительной стеной-перегородкой. И ванна сидячая. В общем, холостяцкая берлога, стены в разводах и драный линолеум на балконе...

«Нечего тут обсуждать, — подвел черту под недолгими раздумьями Глебыч. — Пусть Светка мамину квартиру продает или разменивает свою и мамину на большую. Им нужнее, как ни крути. А я перебыюсь...»

Это решение зрело в Глебыче давно, лишь сейчас он осмелился оформить его в слова, пусть даже произнесенные только мысленно. Впрочем, через какой-нибудь час он скажет их вслух и никогда не пожалеет об этом.

А из вещей попросит только старинный письменный стол, любимое папино кресло и книги. И все.

Отцовские часы и бритва уже лет пятнадцать как хранились у Глебыча.

Теперь кресло, стол... вот и вся овеществленная память. А еще надо будет как-нибудь зайти к сестре с гостинцами для младшеньких, с бутылкой и посвятить вечер просмотру фотографий. Начиная с самых старых, пожелтевших от времени, с трогательными надписями на обороте.

Погруженный в себя Глебыч доехал до «Кунцевской» и так и не заметил, что на схеме метро Арбатско-Покровская линия стала длиннее. После «Щелковской» значилась станция «Гольяново».

Не заметил. Не до того ему было сейчас.

Телефонный звонок выдернул Глебыча из похмельного утреннего сна.

Вчера со Светкой и ее мужем все обговорили, Глебыч своего решения не изменил. Сестра расплакалась... В общем, пообщались еще немного, а потом выпили. В память. Совсем немного.

Но Глебыч отчего-то захмелел. Не слишком, но дома достало сил только раздеться и, примостив у койки запасенную бутылку минералки, тихо отключиться. Наверное, это действительно были опустошение и усталость, а не опьянение.

— Алло! — сказал Глебыч в трубку и закашлялся.

— Поздравляю, — донеслось в ответ. — Все-таки я был прав, что не списал тебя со счетов...

— Секундочку, — сдавленно всхрипнул Глебыч, отложил трубку и потянулся к минералке. Только с наслаждением выпив граммов триста, он смог заставить себя оторваться от горлышка.

— Алло! Кто это? С чем поздравляете? Я не понял.

Собеседник тихо засмеялся:

— Мы встречались в метро, коллега. Я — Гений Калужско-Рижской. Полагаю, нам следует встретиться и поговорить. Ты в самом деле новичок и в самом деле ничего еще не соображаешь.

Сон и тяжесть в голове безвозвратно унеслись прочь, словно последний поезд во втором часу ночи с конечной станции.

— Встретиться? Конечно! Где?

Гений Калужской фыркнул и рассмеялся:

— Что значит — где? Разумеется, в метро!

— На какой станции?

— На новой. Недалеко от тебя. Ты поймешь, только на схему взгляни внимательнее. Выезжай, я там буду минут через двадцать.

Следом из телефона донеслись короткие гудки.

Глебыч озадаченно отнял трубку от уха. А мгновение спустя до него дошло. Он кинулся к компьютеру; пока дозванивался до провайдера и входил в сеть — нетерпеливо притопывал ногой.

А еще минутой позже, разглядывая свежую схему с www.metro.ru, догадался куда ехать.

На станцию «Гольяново», конечную Арбатско-Покровской ветки. Открытую, как утверждала информашка с сайта, в шестьдесят пятом, через два года после «Щелковской». Выходы со станции располагались в районе Хабаровской, Уссурийской и Алтайской улиц.

До входа в метро Глебыч домчался в рекордные семь минут. Поезд почему-то еле-еле полз; а возможно, Глебычу это только казалось. Но так или иначе проехали «Измайловскую», «Первомайскую»... На «Щелковской» никого не попросили из вагона.

Этот перегон казался бесконечным. Но закончился и он: приехали в «Гольяново». Глебыч жадно заозирался.

Внешне станция выглядела, как большинство открытых в шестидесятые: хрущевский аскетизм, отсутствие дорогих отделочных материалов.

Типичная «сороконожка»: два ряда колонн поддерживают свод, кафель на стенах и колоннах; ни тебе мрамора, ни тебе гранита.

Зато до МКАДа рукой подать...

Глебычу всегда казалось: лучше уж такая станция метро рядом с домом, чем никакой.

Он отошел от поезда в центр зала и огляделся. Пассажиры двумя потоками спешили к выходам в торцах станции. Меньше чем через минуту Глебыч остался в центре один.

«Наверное, — подумал он, — Гений Калужской еще не приехал...»

Но не успел Глебыч додумать, как из-за колонны показался тот самый парень, виденный когда-то на «Площади Революции». Одет он был снова в джинсы и кожаную куртку; на этот раз Глебыч отметил еще и высокие ботинки на рифленой подошве.

Парень приблизился и протянул руку:

— Привет! Меня зовут Костя.

— Глебыч, — представился Глебыч.

— А имя?

— Вообще-то Олег... Но все зовут Глебычем. Я привык...

— Ладно, Глебыч так Глебыч.

Станция постепенно заполнялась пассажирами, ожидающими поезда в сторону «Щелковской». Тот факт, что мимо Гениев Подземки все проходили словно мимо пустого места, Глебыча уже давно не удивлял.

— Ты действительно человек? — со странной интонацией спросил Костя.

Глебыч слегка удивился: а кем он еще может быть? Но все же решил, что просто не понимает какой-нибудь важной мелочи и переспросил:

— В каком смысле?

— В прямом, — не меняя интонации ответил Костя. — В самом прямом. Кем ты был до того, как завладел визиткой?

— Журналистом, — пожал плечами Глебыч. — Я и сейчас журналист...

— То есть, — подытожил Костя, — обычным человеком?

— Ну, да...

— Невероятно, — покачал головой Костя. — Такого еще не случалось.

Наверное, Глебыч поглядел на собеседника так жалобно, что тот поверил. Поверил и стал объяснять:

— Мы не люди, Глебыч. Мы — духи. Духи метро, гении новой стихии. Духи, джинны, гении, элементали — люди придумали нам много названий.

Когда-то мы властвовали лишь четырьмя природными стихиями — огнем, водой, воздухом и землей. Вы, люди, сумели создать новые стихии, такие, например, как метро, комбинаторные. Какая-то часть духов стала осваивать их, в основном молодежь. Мы, Гении московской подземки, потомки этих первопроходцев.

Наверное, у Глебыча сделалось нехорошее лицо. Он был человеком сугубо рациональным, в летающие тарелочки, лох-несское чудовище и прочий экзорцизм не верил ни грамма. Поэтому слова Кости не мог воспринять вот так с ходу. Невзирая на то, что сам умел проходить сквозь сомкнутые двери вагонов или перепрыгивать из вагона в вагон прямо на ходу.

— Тебе ли не верить... — усмехнулся Костя.

И взлетел. Просто и естественно взмыл под свод станции, а потом нырнул внутрь колонны. Несколько секунд — и он медленно всплыл из-под платформы, снова уравнившись с Глебычем.

— Собственно, ты ведь тоже все это умеешь.

— Да, — пробормотал Глебыч. — Глупо... Но ты ведь сам сказал, что я всего лишь человек. Мне трудно поверить в подобное.

— А ты не верь, — пожал плечами Костя. — Просто прими. Законы стихий непостижимы, однако это не мешает им быть незыблемыми.

— Ладно. — Глебыч вздохнул и нахмурился. — Лучше расскажи, что за чудеса с возникающими и пропадающими станциями?

— Погоди, — остановил его Костя. — Сначала объясни, как к тебе попала визитка. Обычно Гений может стать хозяином линии, только победив прежнего хозяина. Я не верю, что Маркуса победил простой человек.

— Не помню. — Глебыч виновато развел руками. — Точнее, не знаю. Я однажды... заснул в метро. А когда пришел домой — в кармане нашлась эта визитка.

Костя несколько долгих секунд пристально глядел Глебычу в глаза.

Потом недоверчиво покачал головой:

— Не понимаю. По-моему, это невозможно. Но куда подевался Маркус? Может быть, он сам отдал тебе визитку?

— Не помню, — беспомощно развел руками Глебыч. — Может быть.

— Н-да. — Костя громко щелкнул пальцами. — Ладно, тогда слушай. Суть вот в чем: метро, как и всякая стихия, непостоянно. Его облик напрямую зависит от нас, Гениев Подземки. В особенности от хозяев линий, линий реально существующих или ирреально существующих. Полной карты, я так понимаю, у тебя нет?

Глебыч отрицательно замотал головой.

— Вот, гляди. — Костя показал Глебычу глянцевый лист плотной бумаги, а возможно, пластика. На листе была изображена сложнейшая схема, состоящая из пересекающихся разноцветных линий и точек-станций с названиями. Центром этой схемы служила хорошо знакомая Глебычу схема московского метрополитена; незнакомые компоненты были обозначены контурами, как строящиеся.

— Это полная схема нашей стихии. Частично она существует реально — это то, что могут видеть люди и чем они могут пользоваться как транспортным средством. Остальное — ирреальная часть. Во власти хозяев линий перемещать отдельные станции или линии целиком из реальности в ирреальность и наоборот. Но сделать и то, и другое довольно сложно. Причем перенос из ирреальности в реальность в десятки раз сложнее, чем в обратном направлении. К сожалению, в Москве большинство хозяев линий большие... как бы это сказать помягче... Нехорошие они духи, короче. Лишь некоторые, такие, как я или Гений Серпуховской линии, пытаются увеличить реальную составляющую стихии. Большинству просто наплевать — живут как хотят. Самые замшелые, вроде Гениев Солнцевской или Митино-Бутовской, перетасили свои линии в ирреальность целиком.

— Знаешь, — перебил Костю Глебыч, — а я как-то встретил двоих Гениев на «Автозаводской». Один костлявый такой, как вобла, а второй жирный, на херувима похож.

— А, — Костя брезгливо поморщился, — как же, как же. Балласт. Сухой — это Герман с Сокольнической линии. Что с «Воробьевыми горами» было, сам знаешь. А херувим вообще мурло мурлом... Хозяин Среднего Кольца.

Тебе оно известно под именем Каховская линия... Тьфу. Линия! Три станции, два перегона! Сказать стыдно. Кстати, перегон

«Улица Подбельского» — «Черкизовская» Герман у нашего херувима лет десять назад в карты выиграл...

— Неужели... все так безнадежно? — тихо спросил Глебыч. — Получается, в Москве метро скоро исчезнет совсем?

— Не думаю, — покачал головой Костя. — Я, например, следаю все, чтобы этого не позволить. И я не одинок, можешь не сомневаться. Именно поэтому я страшно обрадовался, когда ты вытащил из ирреала «Маросейку». Поверь, вытащить из ирреала станцию внутри Малой Кольцевой — это... это... Это силища неимоверная. Последней, если я не ошибаюсь, вернули «Горьковскую», которая нынче «Тверская». В общем, когда вернулась «Маросейка», я решил, что у нас появился союзник — могучий, сильнее нас.

— Почему сильнее?

— Да потому что я не могу вернуть станцию «Якиманка» уже лет двадцать... Это на пересечении Калужской и Серпуховской линий, с пересадкой на «Полянку». Верно с Калининской не может восстановить «Остоженку», сопряженную с «Кропоткинской». Боря с Люблинской достаточно быстро вернул кусок от «Чкаловской» на юг, а внутрь Малой Кольцевой — как отрезало. Не получается, слаб.

— Значит, — угрюмо заключил Глебыч, — теперь от меня напрямую зависит существование Арбатско-Покровской? От моих поступков? От того, веду я себя как скотина или как человек?

Костик невесело улыбнулся:

— Если бы все было так просто... Сунул бомжу сто баксов — конечная станция. Вынул мальчонку из-под поезда — станция «Маросейка»... Увы. Не от поступков все зависит. А от того же, от чего зависят сами поступки. От помыслов. От устремлений. Проход из ирреала нельзя купить подачкой, его можно только выстрадать. По-честному. Искренне.

Глебыч некоторое время молчал.

— Прости меня, Костя... За «Маросейку». Я ее верну. Обязательно верну, вот увидишь.

— Верю, — серьезно отозвался Гений Калужской. — Во, поезд подходит!

Поехали я тебя с нашими познакомлю! Бран с Серпуховской, Вернон, Борька! Отличные ребята!

— Поехали! — загорелся Глебыч и направился к поезду. Прямо сквозь облицованную плиткой колонну.

— Скажи, Костя, — обратился он к духу подземки через несколько секунд, — а если мы, скажем, напьемся по поводу возвращения «Остоженки», «Якиманки» или той же «Маросейки», это будет плохо? Мы не навредим нашей стихии в реальности?

— Если ничего дурного не натворим — не навредим.

— Тогда давай так и сделаем, а? В смысле, напьемся, кто бы первым свою станцию ни вернул?

— А давай! — залихватски махнул рукой Костя.

Бран, Вернон и Борис и вправду оказались мировыми ребятами, невзирая что духи. Глебыч влился в их компанию легко и естественно, как встает на свое место недостающая деталька паззла.

И они напились — правда, раньше, чем собирались: весной 2003-го, когда на Арбатско-Покровской линии открылась станция «Парк Победы». За два года до переименования «Измайловского парка» в «Партизанскую», за три до возвращения «Якиманки», за пять — до «Остоженки» и «Российской» и за девять — до второго на памяти Глебыча пришествия из ирреала станции «Маросейка».

*май 2003
Москва — Николаев*

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ НЕПРУХИ

Пятьдесят процентов, — мрачно сказал Шарятьев. Это были первые слова с момента, когда Фрея окривела и Шарятьев пошел визуально оценить степень работоспособности основных групп органов.

Маккензи оторвался от шивателя, сдвинул с глаз линзы и вопросительно уставился на коллегу.

— В каком смысле пятьдесят?

— В прямом. — Навигатор оставался мрачным, как набрякшая грозой туча.

— Вся правая сторона отнялась.

— То-то я смотрю, данные пошли с утра какие-то левые, — легкомысленно выдал натужно бодрящийся Хомуха.

Провинившийся трассер пытался острить, пытался разрядить обстановку, но остальные почему-то веселиться не желали.

Капитан не замедлил окрыситься:

— А ты помолчи, остряк, блин! Кто две подряд вариативности проспал? Р-распылю, блин! Скормлю активатору!

Хомуха немедленно съезжился, притих и чуть ли не носом уткнулся в мутноватую линзу обозревателя. В рабочей области кое-как виднелась половина ближайшей звезды — косматого желто-оранжевого солнца раза в четыре больше размерами, чем ожидалось, — и жиденькая россыпь тусклых огоньков, наиболее ярких из далеких звезд.

— Кой черт нас сюда понес, — пробурчал Маккензи и надвинул на глаза линзы. Шиватель в его руке хищно зашевелил хоботком на хромированном кончике.

Судя по решительному виду Маккензи, можно было с большой долей уверенности предположить, что органы, ответственные за ориентировку, бинж (иными словами — биоинженер) вылечит

еще до полуночи. Однако ориентировка — только полдела. После второй вариативности Фрея окончательно окривела и впала в ступор. Половина систем вырубилась, другая половина принялась безбожно врать. Экипаж не сразу осознал, что к чему, — полеты на Фрее и ее сородичах почти всегда проходили как по маслу и людям в рейсах приходилось большею частью бездельничать. Да и в исследовательской фазе живой корабль многие функции трудолюбиво взваливал на себя — при условии, конечно, что его вовремя и досыта кормили.

На Фрее их было шестеро — капитан Гижу, навигатор Шарятьев, биоинженер Маккензи и рядовые трассеры — Ба, Хомуха и Мрничек, люди без определенной специализации, вроде матросов на древних парусниках.

Поди туда, принеси то, подай это. Жри ром и не отсвечивай, когда не следует. Ну и веди корабль по трассе, разумеется, в свою смену.

Стартовали с Венеры за здравие; до орбиты Плутона браво скакали по узловым точкам, вовремя просчитывали и огибали попутные вариативности, потому и не вляпались ни в какое дерьмо вроде астероидного пояса или недокументированного облака космического мусора. За пределами Солнечной стало полегче, мусора тут сроду не водилось (не успел долететь от начала космической эры), а который водился в незапамятные времена — давно истлел под бомбардировкой нейтрино до полного исчезновения. Хотя бывалые люди говорили, что шанс наткнуться на древний корпус мертвого космического корабля все еще сохраняется. Мертвой материи нейтрино до фени — так и будет миллиарды лет болтаться в межзвездной пустоте, пока какой-нибудь болван не въедет на полном ходу. Тут-то ему, болвану, полный швах и настанет.

Фрея, ведомая поочередно всеми, включая Маккензи и Гижу, поначалу вела себя вполне адекватно, даже когда болван Хомуха проспал первую вариативность. Задели в ходовом режиме какую-то жиденькую туманность, оболочка тут же зафонила, но Фрея осталась спокойна, и капитан подумал было, что пронесло, но уже на следующей смене болван Хомуха проспал вторую вариативность. Результат не замедлил сказаться — бедный корабль, свято веривший в то, что его ведут по межзвездной пустоте, так и не успел толком вывалиться в нормальное пространство, еще в полуфазе погряз в какой-то нелепой металлической сетке, обнаружив-

шейся в пределах звездной системы. Сетку он, конечно же, прорвал, но и из ходового режима тут же выпал. Да еще все линзы отчего-то погасли и оболочка зафонилась так, что экипажу пришлось сожрать по целой упаковке антидота.

Антидот антидотом, от излучения они на первое время спаслись. Но Фрея-то, Фрея! Когда Маккензи оживил линзы левого борта — никто не поверил глазам. Такой картины снаружи быть попросту не могло! Нелепая звезда весьма далекой от сфероидальной формы, да к тому же видимая почему-то по краю каждой линзы и только наполовину. Вместо ожидаемой и легко просчитываемой по каталогу планетной системы — хрен с маслом, размазанный вокруг звезды даже не в плоскости эклиптики, а по полной сфере, и такой бедлам в эфире, как будто они угодили в центр планетарной стройки во время аврала.

Под хреном с маслом подразумевался некий мелкозернистый культурный слой, в равной степени могущий состоять и из каменных обломков, и из искусственных спутников, и из трупов сородичей Фреи. Во всяком случае ни одного цельного объекта крупнее шестиместного космического корабля вокруг чертовой несферической полужезды рецепторы Фреи перед кончиной не регистрировали. Исполинская металлическая сеть, растянутая на несколько миллионов километров, тоже подпадала под определение «хрен с маслом».

А по каталогу планетная система значилась, как подобная Солнечной.

Вряд ли стоит объяснять, что это такое — застрять очень далеко от дома без возможности вернуться. Тут и самые добродетельные люди способны озвереть и потерять цивилизованное лицо.

Особенно когда виноват в катастрофе кто-то один.

— А ведь это полная задница, коллеги, — нервно барабанил по грибообразному столу пальцами, сообщил Мрничек. — Сдохнем мы тут, как пить дать сдохнем!

— Не каркай, — буркнул капитан в ответ.

Мрничек насупился и замолк, зло покосившись на бедного Хомуху. Тот рад был бы сквозь Фрею провалиться, несмотря что там безвоздушка.

Смерть нечасто оказывается вот так — совсем рядом. Волей или неволей каждый из экипажа начал задумываться о том, что ждет его в ближайшее время. Не сразу — некий ресурс автономно-

сти у корабля имелся. Но все же, все же... Когда в ближайшем будущем над тобой висит меч, психика начинает сдавать. Единственный способ отвлечься от этого — чем-нибудь заняться, желательно тяжелым и отупляющим.

Перераспределить контейнеры с припасами в трюмах, например. Да без погрузчиков, вручную. Чтоб мышцы заняли и комбинезон насквозь пропотел.

— Во что это мы въехали, а, кэп? — Мрничеку никак не молчало. — Фрея вроде сказала, что в металл.

— Сказала, — пробурчал Маккензи, не отрываясь от линз и швигателя. — Может, она уже к этому моменту шизанулась, вот и ляпнула сгоряча, что на ум пришло.

— Да какой у нее ум? — тоскливо протянул Шарятъев. — Так, видимость одна.

— Это у Вадика нашего видимость, — грозно сообщил капитан. — А Фрею вы мне не трожьте!

Хомуха после слов капитана съезжился еще сильнее — из-за линзы не видать.

Некоторое время на него поглядывали уже все — кто с сочувствием, кто с негодованием. Только Маккензи не поглядывал, работал.

Пилотировать полуживой корабль невозможно — это осознавал каждый член экипажа. Не состыкуется ущербная нервная система корабля со здоровой нервной системой трассера, вместо нормальной картины мира он ощутит нелепые и обрывочные сигналы, никак не складывающиеся в нечто целое.

А значит, никаких прыжков по узлам, никакой ориентировки. Застрали не пойми где. Непруха, какая чудовищная непруха! И главное — на ровном ведь месте, трасса не то чтобы испрыганная, но вполне оживленная. И — что самое обидное — невзирая на оживленность трассы, никто их не подберет и не заметит: полуживую Фрею без корректно подключенного трассера никто не опознает как корабль! А корректно подключить трассера... ну, понятно, в общем. Классический замкнутый круг.

— Готово, — неожиданно сказал Маккензи примерно через полчаса.

Он сдвинул линзы и устало выпрямился. Потом потянулся, словно только что проснувшийся кот. На бинжа поглядели — даже Вадик Хомуха осмелился чуть приподнять голову.

Капитан немедленно оживился и поспешил усесться к сенсорике.

— Так-так, что тут у нас? — Он торопливо подмонтировался к головному интерфейсу.

— Да я тебе и так скажу — что. — Маккензи с отвращением отложил шиватель и не спеша стянул перчатки. — Раз правая сторона отнялась, будет Фрею заносить, как хромого пьяницу, которому вдобавок еще и глаз очень удачно высадили. По узлам уходить в таком состоянии я бы не рекомендовал.

— Не рекомендовал! — фыркнул, не оборачиваясь, капитан. — Да если все обстоит так, как ты рассказал, это труба полная, уходить по узлам!

— А оно, увы, обстоит, — вздохнул Шарятьев. — Правая сторона — дохляк, ровно по продольной оси. Я четыре раза проверил. Здесь (он показал рукой вправо от себя) — мэртво, здесь (влево) — живет, но в некотором ошалении.

— Я бы на тебя посмотрел, если б тебе выкололи глаз и оторвали ногу! — Капитан был сама мрачность, видимо, интерфейс лишь подтвердил неутешительные выводы Маккензи.

— И руку! — добавил молчаливый великан Ба.

— Ага. А также одну почку, одно легкое и половину селезенки... — Шарятьев уныло махнул рукой. — Ежу понятно, что в таком режиме отсюда не уйти. Будем лечиться.

— Тут не лечение нужно, а реанимация, — продолжал нагнетать черноту Маккензи. — Я вам не Бриарей, у меня всего две руки.

— И два глаза, — многозначительно сказал Ба.

После его слов воцарилась невольная пауза. Каждый из присутствующих мучительно осознал сказанное.

И осознал.

— А что? — чужим голосом просипел Мрничек. — Если полумертвую на правую половину Фрею поведет полупарализованный трассер... Это как минимум шанс, я вам скажу!

Все, не сговариваясь, недобро поглядели на побледневшего Хомуху — в который раз, но теперь уже не просто зло. Теперь — оценивающе, как хищник на потенциальную жертву.

— Р-ребята, — тот попытался влезть в щель между обозревателем и оболочкой рубки, — в-вы чего?

— Кларенс, — обратился к Маккензи капитан Гижу. — Ты анатомию хорошо помнишь?

Голос у него был жесткий, как излучение вблизи нейтронной звезды.

— Анатомию-то я помню, — невозмутимо ответил Маккензи. — Но вот скальпеля у меня все равно нет. А дока на таком уровне запрограммировать я просто не сумею. Думаю, ты тоже.

Мрничек с готовностью затряс поднятой рукой, будто школьник на уроке:

— Я! Я знаю, как стандартный сшиватель свергнуть в режим скальпеля! Меня мама когда-то научила.

— Да вы что, с ума посходили? — заорал возмущенный Шарятъев. — Какой скальпель, какой сшиватель? Вы что, серьезно?

— А что? — Мрничек набычился и сразу стал похож на дикобраза, растопырившего иглы перед более крупным противником. — Он нас сюда загнал, он пусть и выводит! Я подыхать в расцвете лет не собираюсь!

Первая горячка от внезапно осознанного шанса спастись схлынула более или менее благополучно, без поспешных оргвыводов и опрометчивых поступков, хотя на Хомуху страшно стало смотреть.

— Погодите, — осадил всех капитан, как и положено капитану. — Давайте-ка все обдумаем как следует. Застряли мы здесь — это бесспорно. Насколько я знаю, лечить корабли с таким процентом поврежденности таки да, еще никому не доводилось. Но мы пока и не пробовали.

— Да ты уж говори как есть, капитан, — перебил Маккензи насмешливо. — Не мы не пробовали, а я не пробовал. Все равно никто больше не умеет, даже ты.

— Правда твоя, — с горечью признал капитан. — Ты, как бинж, наша единственная надежда. Это первое. Второе — сколько у нас цикла?

— Года на четыре, — со знанием дела сообщил Шарятъев.

Молчун Ба снисходительно усмехнулся, словно знал нечто такое, чего не знал более никто. Это не ускользнуло от внимания Гижу.

— Что такое, Йохим? Ты хочешь что-то сказать?

— Нет, капитан. Я ничего не хочу сказать.

Гижу исподлобья поглядел на трассера.

— Да понятно, что он хочет сказать, — махнул рукой Маккензи. — Поскольку правая половина Фреи отнялась, цикл также усох ровно наполовину.

— Замечательно, — всплеснул руками Мрничек. — Прелестно!

У него неприятно задергалась мышца на лице — младший трассер еще не сталкивался даже с пустяковыми авариями в космосе и сейчас нервничал гораздо сильнее остальных астронавтов.

Капитан повертел головой и снова перевел взгляд на великана Ба.

— Погоди, Йохим... Сдается мне, у тебя подозрительно глубокие познания касательно кораблей для простого трассера. Не желаешь ли объясниться?

Ба тяжело вздохнул, но желания объясниться не выразил.

— Послушай, Йохим, — терпеливо и очень спокойно обратился к Ба бинж Маккензи. — Мы ведь не в кабаке на космодроме, не так ли? Мы застряли хер знает где у черта на рогах. Мы тут легко сдохнуть можем — не сейчас, так через пару лет, когда загнетса цикл. Или раньше, если уполовиненного цикла не хватит на шестерых в суточном режиме. Давай-ка не будем недоговаривать. Ну?

Ба пожал плечами и без особой охоты сообщил:

— Я не всегда ходил трассером.

— А кем еще? — Капитан ненавязчиво перехватил инициативу. — Давай, давай, Йохим, колись!

— Бинжем.

— Ух ты! — восхитился Мрничек. — Таки у нас два бинжа! Живем!

Маккензи, склонив голову набок, слегка улыбнулся:

— И какой у тебя класс, коллега?

— Первый, — сознался Ба. — Был. На позапрошлый год.

Сам Маккензи пока дослужился только до второго — экипажи от трех человек до двенадцати.

— И ты молчал? — искренне изумился Шарятъев. — Ё-моё! У нас зубр на борту, а мы и не знали!

— Да хоть мамонт! — гаркнул на них Гижу. — Это упрощает проблему, но отнюдь не решает ее! Мы на необитаемом острове, понимаете аналогию? У нас разбитый вдребезги пополам корабль с порванными парусами и сломанный компас! Пусть у нас два боцмана вместо одного — сильно это нам поможет?

— Погоди, капитан, — осадил его Маккензи, единственный, кто осмеливался общаться с первым лицом корабля практически на равных. — Йохим, у меня к тебе два вопроса. Первый: ты можешь сообщить нам что-нибудь дельное? Опираясь на прежний опыт, разумеется.

— Нет, — бесстрастно ответил Ба. — Не могу. В такую задницу я никогда раньше не попадал. Самое страшное, что случилось — это когда на транс-Веге наша Самура потеряла одну из передних петипальп. Не знаю почему, может, метеорит, может, еще что. Управлять ею стало невозможно, погрешности превышали допустимый буфер, мы чуть не сгорели. Но я точно знаю, что, когда мы отняли одному из трассеров палец, он привел Самуру к Титану.

— Палец?

— Угу. Мизинец.

Мрничек не удержался и в который уже раз зыркнул на помалкивающего в сторонке Хомуху.

— Иными словами, ты считаешь, что у нас есть выбор, — подытожил Маккензи. — Со временем сдохнуть всем, или попытаться выжить, искалечив одного.

Ба вздохнул. Очень красноречиво.

— По-моему, не стоит спешить, — вставил осторожный Шарятъев. — Иskalечить всегда успеем. А цикл вроде пока шестерых тянет, как я погляжу.

— А второй? — мрачно спросил Гижу.

— Что — второй? — не понял Шарятъев.

— Это я Кларенсу. Он говорил, что у него два вопроса к Йохиму, а задал пока лишь один.

Шарятъев живо повернулся к Маккензи:

— Да, Кларенс, а второй-то чего?

Маккензи досадливо отмахнулся:

— Второй к делу отношения не имеет.

— И все-таки? Давай, не трави душу.

— Ну, хорошо, — покорно вздохнул Маккензи. — Еще я хотел спросить у Йохима, почему он из бинжа первого класса превратился в рядового трассера.

Лица, как по команде, обратились к великану.

— Да, Йохим! — поддакнул капитан. — В самом деле, почему?

— Нам это не поможет, — невозмутимо сказал Ба. — Поэтому я промолчу.

Шарятъев угрюмо взглянул на каменное лицо бывшего бинжа и понял — такой может и палец отнять, и... все остальное. Бедный Вадик Хомуха...

Капитан на некоторое время задумался, потом решительно хлопнул обеими руками по роговице перед линзой:

— Значит, так! Хомуха и Мрничек... нет, лучше Хомуха и Шарятьев — ну-ка метнулись в биосеттинг и замерили цикл! Тянет он шестерых или не тянет. Паёк — хрен с ним, можем и урезать, а вот кислород урезать не получится, поэтому в первую очередь просчитывайте регенераторы.

Мрничек — ты дуй к фронтальным флипстерам и выясни, что там Фрея себе решила насчет столкновения с металлической преградой. Только не трогай ничего, просто пойми, как она интерпретирует препятствие и что начала по этому поводу предпринимать. Или собирается предпринять, если еще не начала. Постарайтесь управиться за час-полтора. Ать-два, бегом марш!

Хомуха кинулся к кормовому твиндеку так, будто за ним гнались волки; Шарятьев успел только удивленно вытаращиться и разинуть рот, а потом покачал головой и потрусил следом. Мрничек угрюмо поглядел им вслед, вздохнул и убрел в голову. В рубке остались капитан, бинж и экс-бинж.

— Вообще-то проверять флипстеры более пристало навигатору, — проворчал Маккензи. — Но я понимаю, сейчас посылать Мрничека вместе с Вадиком... чревато.

— Молодец! — похвалил бинжа капитан без всякого энтузиазма. — Голова!

Откровенно говоря, Гижу просто хотел остаться наедине с Ба и Маккензи — не так уж и важны были прямо сейчас выводы Фрей относительно столкновения и даже данные по циклу жизнеобеспечения: вопреки общераспространенному мнению, при желании можно урезать и кислород, правда, в достаточно ограниченных пределах. А если учесть, что цикл всегда имеет солидный запас прочности, то по этому поводу можно было волноваться еще меньше.

Интересовало капитана другое.

— Йохим, — обратился Гижу к экс-бинжу первого класса. — Молодняк я выставил, так что можешь говорить без обиняков. Фрея лечится?

— Нет, — хмуро сказал Ба и добавил: — Официально считается, что корабль подлежит полному восстановлению при проценте повреждений не выше семи. У нас, как ты сам понимаешь, пятьдесят.

— Уже меньше, я ж кое-что оживил, — буркнул Маккензи. — Линзы, там, датчики...

— Ну, пусть будет не пятьдесят, пусть будет сорок девять. Не велика разница.

— А официальным данным можно верить? — поинтересовался капитан.

— Более или менее. Я лично считаю, что если повреждено больше пяти-шести процентов органов — дело швах, нужно спасать ориентировку и ждать помощи. Но в нашем случае...

— Помощи мы не дождемся, — невесело продолжил за коллегу Маккензи. — Нас попросту не заметят. Дьявол, а ведь просто поглядеть глазами точно никто не удосужится, надеяться можно только на подключенного трассера.

Несколько секунд все молчали. Потом капитан встрепенулся:

— Йохим, а когда оторвало петипальпу вашей... э-э-э... как ее звали?

— Самурой ее звали.

— Да. Когда оторвало петипальпу вашей Самуре, во сколько ты оценил процент повреждений?

— Примерно в полтора. Чуть меньше. Реально сначала высчитываются процент по объему, процент по массе и процент по насыщенности органами. Потом выводится среднеквадратичный и учитывается поправка по таблице.

Капитан вопросительно зыркнул на Маккензи; тот еле заметно кивнул.

— И все равно пришлось отнимать трассеру палец?

— Пришлось, — подтвердил Ба. — Видишь ли, капитан, время от времени случаются аварии, когда не удастся вылечить и самую пустячную неисправность. Корабли достаточно сильно унифицированы, но все же имеется риск отторжения вживленных запасных органов и фрагментов.

Собственно, именно поэтому при высоком проценте повреждений лечение и не приводит к гарантированному успеху: отторжения все равно будут. Но заметишь ты это, только когда пролетишь мимо узла или снова влипнешь в незамеченную вовремя вариативность. А подлеченные после аварийных рейсов корабли запихивают в трехгодичный карантин, даже если команда вживляла всего лишь какой-нибудь паршивый термодатчик на камбузе. В том, разумеется, случае запихивают, если корабль возвращается, а возвращаются далеко не все.

— Трехгодичный? — изумился капитан. — Ни фиги себе! Я не знал.

— Откуда тебе знать? — Ба пожал плечами. — У тебя только второй класс.

Гижу насупился. Действительно, Фрея являлась джампером второго класса и спецам первого на ней делать было нечего. Путешествия на практически безотказных живых кораблях расслабили астронавтов.

Сведений об авариях почти не поступало, только сведения о редких пропажах кораблей с трасс.

— А если не лечение тогда... что? — Капитан смотрел на экс-бинжа и думал: «Какая удача! На борту обнаружился спец первого класса!»

— Я уже сказал, — развел руками Ба. — Если гора не идет к Магомету, значит, нужно повредить трассера в той же степени, в какой поврежден корабль. Осталось только выбрать кого.

— Могу вас обрадовать, — мрачно сообщил капитан. — Времени на то, чтобы выбрать будущего э-э-э... трассера-инвалида у нас предостаточно. Года полтора, не меньше. Правда, существует риск, что мы постепенно сдрейфуем в очередную вариативность — тогда нам точно безотлагательная крышка.

— Скорее мы на мусор какой-нибудь забортный напоремся, — унылее, чем обычно, напрозорил Маккензи. — Или на каменюку.

Навигатор Шарятьев немедленно замахал на бинжа руками:

— Кларенс, брось, какой мусор, какие каменюки? Обычная планетная система! А то, что датчики ересь какую-то транслируют, так Фрея же повреждена. Бредит, бедная... Что же до метеоритов — так нас скорее заметят транзитчики на ближайшем узле, чем мы на метеорит напоремся.

— Вообще-то наоборот. Причем я не намекаю на множество метеоритов, — поправил традиционно невозмутимый Ба. — Если, конечно, вас интересует мнение рядового трассера.

— Так, — решительно вмешался капитан. — Йохим, сейчас ты не рядовой, сейчас ты бинж первого класса. Пусть и... в отставке. Я беру всю ответственность на себя — разумеется, если нам повезет и мы выкарабкаемся. Поэтому веди себя соответственно, договорились?

— Ай-ай, кэптейн. — Ба довольно неуклюже отсалютовал правой, зачем-то оттопырив мизинец. — Начинаю вести.

— Ага, — немедленно ошетинился Мрничек. — Значит, нас, рядовых, наименее ценных членов экипажа, остается только двое?

— Именно так, рядовой, — жестко подтвердил Гижу.

И добавил уже спокойнее:

— А будешь возражать — придушу.

От капитанского спокойствия Мрничека лавиной пробрал озноб. Он втянул голову в плечи и сразу стал похож на замерзшего, нахохлившегося воробьишку.

Глянув на капитана в момент тирады, любой бы утратил малейшие сомнения: придушит.

— Тогда выбор у нас станет еще беднее, — заметил Маккензи. — Кстати, я бы на твоём месте не возникал, кадет. Бинжей у нас тоже два, а капитан с навигатором — сам понимаешь... в любом случае нужны до самого финиша.

Шарятьев, глядя в сторону, невыносимо фальшивым тоном пробормотал:

— Ну, если Фрею кто-то проведет по узлам до самой Солнечной, то и без навигатора финишировать сумеет. Самостоятельно.

Было видно, как трудно далось ему эти слова.

Несколько секунд все молчали. Никто не спешил ни подтвердить, ни опровергнуть слова навигатора.

— Я бы хотел напомнить, коллеги, — подал голос Йохим Ба. — Убивать никто никого не собирается. Только частично парализовать.

— Спасибо, успокоил, — позабыв о капитанской угрозе, выкрикнул Мрничек, но почти сразу осекся и снова поник.

— ...а на Земле достаточно развитая медицина, чтобы вынуть из инвалидного кресла практически любого, — продолжил Ба, словно бы и не заметив, что его перебили. — Кстати сказать, палец трассеру с Самуры пришили в лучшем виде.

Маккензи скептически покачал головой:

— Ну ты сравнил! Палец и частичный паралич! К тому же еще нужно нашего... счастливица осчастливить так, чтобы Фрею это устроило. То есть прибить ему правую половину тела, ни больше ни меньше. А у нас даже врача толкового на борту нет... прости капитан.

Капитан, по традиции исполняющий на малых кораблях еще и обязанности врача, поджал губы, но возражать не стал:

— Ты прав, Кларенс. Нейрохирургом я себя назвать не могу.

— На самом деле не все так страшно, как кажется. — Йохима Ба, похоже, ничем нельзя было смутить. — Вспомните: при инсультах часто парализуется именно половина тела. Значит, сделать то же самое не так уж и трудно, нужно только порыться в справоч-

никах, найти методы лечения, инверсировать программу железного доктора и положить под лазер одного из нас. По-моему, это гораздо меньший риск, чем пресловутые метеориты.

Железным доктором называли одно из немногих полностью механических устройств на борту квазиживых кораблей, а именно медицинский комплекс-автомат.

— Черт возьми, у тебя на все есть ответ, — нервно сказал капитан.

Ба пожал плечами:

— Я ведь бинж первого класса, ты сам сказал. Пусть и в отставке.

— Ладно. — Капитан встрепенулся. — Это все лирика. Предлагаю для начала решить, что мы делаем: ждем, пока не начнет дохнуть цикл, или прямо сейчас решаем, кого из нас предстоит искалечить. Высказываемся по возрастающей. Вадик?

Подавленно молчавший Хомуха выполз из щели между облочковой рубки и ребром жесткости, одновременно служащим панелью климат-контроля. Был Хомуха бледнее бледного и довольно жалок с виду, но явно пытался крепиться.

— Я... Я хотел сказать... раз я всех подвел... то и калечить надо меня. Только, пожалуйста...

— Рядовой! — рявкнул капитан таким голосом, что Шарятьев, Мрничек и сам Хомуха синхронно вздрогнули. — Мне повторить вопрос? Повторяю: считаешь ли ты, Вадим Хомуха, трассер, должны ли мы ждать до выработки ресурса жизнеобеспечения или принимать решение прямо сейчас? И прекрати мне бляеть, слушать тошно.

Хомуха судорожно сглотнул и осмелился поднять взгляд на капитана.

— Я... Я...

Капитан предупредительно поиграл желваками на скулах; Хомуха тут же вытарачил глаза и остекленело проорал:

— Я считаю, что принимать решение нужно сейчас!

— Ну, вот, другое дело, — гораздо миролюбивее отозвался Гижу. — Принято. Мрничек?

Второй трассер подскочил с гриба-табурета перед мертвой линзой диагностера правого борта:

— Я считаю, что торопиться не следует! Тем более что Вадик имел мужество признать...

— О мужестве поговорим позже, — оборвал его капитан и повернулся к навигатору, нервно потирающему щеки у накопителя: — Ты?

— А? — вскинулся Шарятьев. — Ну... Я бы тоже подождал. Все-таки... Ну как-то это...

— Понятно, — кивнул Гижу. — Кларенс?

Маккензи презрительно оттопырил губу:

— Ждать полтора года, одичать, пересраться меж собой? Я против. Решать нужно сейчас.

По виду капитана несложно было понять, что в выборе бинжа он ничуть не сомневался. Он по очереди оглядел всех своих коллег по экипажу, в последнюю очередь остановив взгляд на Йохиме Ба.

Несколько секунд они глядели в глаза друг другу. Неотрывно. Словно древние дуэлянты перед барьером за миг до того, как разойтись на положенное расстояние.

— Напоминаю, — непререкаемо сказал капитан, — что у нас тут не палата общин и решение принимается не числом голосов. Решать буду я, ваш капитан. Но прежде я хочу услышать мнение каждого. Итак, Йохим, за тобой последнее слово.

Ба впервые за истекшие несколько часов улыбнулся — чуть заметно и, как показалось остальным, одобрительно:

— Я вижу, что ты уже принял решение, капитан. И я разделяю твоё решение. Прямо сейчас и никак иначе.

Гижу в который раз характерно поджал губы, но снова не стал возражать.

— Что ж... Ты угадал, Йохим. Ждать мы не станем.

Капитан повернулся к остальным. Он не зря был капитаном: в спокойное время с Гижу можно было и пошутить, и попихаться на татами в спортблоке, и поболтать за жизнь. Но когда приходилось брать ответственность на себя, капитан сразу становился Капитаном.

— Не станем мы ждать, глупо это. Но только не надейтесь попусту, опрашивать всех, кого именно мы положим под лазер железного доктора, я не намерен. Мы будем тянуть жребий. При чем тянуть будем все, включая навигатора и капитана. Вадик, сходи на камбуз, принеси зубочистки, шесть штук. Можешь заранее одну обломать...

Хомуха дернулся было, но его перехватил за плечо великан Ба.

— Не трудись, малыш. У меня есть колода карт. Потянем карты — их больше. Верьте мне, нервы будут целее.

Экс-бинж достал из нагрудного кармана комбинезона плоскую коробочку, вынул из нее колоду и неторопливо перетасовал. В огромных ладонях Йохима светлые прямоугольнички карт выглядели странновато и до предела неуместно. Тасовал Ба не то чтобы с какой-нибудь особенной сноровкой, но и не напоказ неуклюже — так тасует колоду любой человек, которому приходится резаться в преф или покер не чаще раза в год.

— Все очень просто, — объяснил Ба, положив карты в центр гриба-стола.

— Любой может сдвинуть колоду один раз или отказаться сдвигать. Потом мы по очереди тянем по одной карте и одновременно — подчеркиваю, одновременно! — вскрываем. Нашей черной меткой будет пиковый туз. Идет?

Маккензи, даже в такую минуту не утративший врожденного ехидства, насмешливо фыркнул:

— Надеюсь, тебя выгнали из бинжей в трассеры не за шулерство?

— Нет, — совершенно серьезно ответил Ба. — Не за это. Я вообще никогда не играю в карты. Я только гадаю.

— Можно я перетасую колоду? — нервно спросил Мрничек. — Прежде чем начнем сдвигать.

Смотрел Мрничек на капитана, но тот предпочел не вмешиваться:

— Йохим начал эту игру и не вижу причин менять ведущего. Спрашивай у него.

Мрничек требовательно уставился на Ба.

— Тасуй, — пожал плечами Ба. Вроде бы равнодушно.

Схватив колоду (чуть быстрее, чем того требовала ситуация), Мрничек сначала бегло проглядел карты, словно боялся, будто колода сплошь состоит из тузов пик. Потом принялся тасовать — точно так же, как минуту назад Ба — не слишком умело, но и ничего не уронив. Тасовал он долго и тщательно, показушно вытянув шею в сторону — мол, я не подглядываю, мне видны только рубашки.

Примерно через минуту колода вернулась в центр стола. Мрничек повернул голову к стоящему справа от него Шарятьеву:

— Сдвигай!

Тот протянул руку — рука подрагивала, — снял примерно половину карт и поменял местами верхнюю половинку с нижней. Он

тоже старался продемонстрировать честность: карты едва-едва отрывались от роговицы-столешницы.

— Я не буду, — превентивно заявил Маккензи.

— Я тоже, — сдвигать отказался и капитан.

Следующим стоял Ба; он карты сдвинул, все так же аккуратно и медленно, после чего приглашающе повел рукой в сторону Хомухи. Тот потянулся было к колоде — руки сильно тряслись. Слишком сильно.

Очевидно, виновник неожиданной реинкарнации клуба самоубийц убоился, что уронит или засветит карты, поэтому он поспешно отдернул руки и решительно мотнул головой:

— Не буду!

Легко было представить, что творилось в душе у этого паренька, недавнего курсанта, не налетавшего еще и пяти лет. Да и Мрничку было явно не легче. Даже немало повидавшему Шарятьеву.

— Кто потянет первым? — очень, очень спокойно и мягко спросил Ба.

— Стоп! — вмешался капитан. — Тянуть не будет никто. Карты сдам я. И уж поверьте, жульничать не стану: я без труда мог все устроить так, что карты сейчас тянули бы только четверо. Или вовсе двое. Или вообще не начался бы этот... балаган. Назначил бы Хомуху, и все. Ясно? Сдаю.

Возражать никто не посмел, да Гижу и не предоставил такой возможности. Он просто положил перед каждым по одной карте, причем вообще без всякой антишулерской показушности, будто они сейчас играли на то, кто пойдет программировать ужин.

— На счет три — открываем. Готовы?

Воздух в рубке, казалось, стал густым, как коллоид.

— Раз!

По лицу Хомухи сползла крупная капля пота.

— Два!

Мрничек стал еще бледнее обычного; Шарятьев ожесточенно тер обеими руками обе щеки сразу.

— Три!

Шесть рук потянулись к лежащим на столе картам. Шесть рук перевернули их картинками вверх.

Первым издал вздох облегчения Мрничек — ему выпала восьмерка червей.

Шарятьев осторожно, двумя пальцами, будто сколопендру, держал трефовую даму. Хомуха тупо глядел на трефовый же туз,

словно соображая: не мерещатся ли ему перекладинки. Маккензи взглянул и сразу же бросил на столешницу пикового валета. Себе капитан сдал бубновую десятку.

Каждый из них даже не успел подумать, что тянуть карты придется еще раз, и быть может, даже не один.

А мгновением позже Йохим Ба совершенно спокойно повернул свою карту рубашкой к себе, картинкой к остальным и показал.

Пикового туза.

Пауза вышла нервной и скомканной. Мрничек закатил глаза, Хомуха шмыгнул носом. Шарятьев неожиданно прекратил тереть щеки и переминаясь с ноги на ногу — обмер, будто статуя. Маккензи склонил голову набок и подозрительно прищурился.

— Пойду подберу программу для железного доктора, — сказал Ба естественно и просто, словно не случилось ровным счетом ничего. — Полагаю, лучше меня этого никто не сумеет, да и здоровье все-таки мое...

Хомуха потоптался у стола еще с полминуты и куда-то бочком ускользнул. Мрничек что-то пробубнил неразборчиво и тоже тишком слинял из рубки.

— Послушайте, — вслед за тем ожил Шарятьев и принялся тереть щеку, на этот раз одну, — а почему у Ба колода оказалась с собой? Я понимаю еще в каюте, но с собой? В такой момент?

В голосе его сквозило смутное подозрение.

— Хочешь перетянуть? — Маккензи, как всегда, был само ехидство. — Валяй, зубочистки на камбузе, если карты не нравятся!

Шарятьев отвел глаза — не то чтобы торопливо, но быстро.

— Брек. — Капитан слегка хлопнул ладонью по столу. — Жребий был честным, я ручаюсь, что сдал верхние карты. Уж мне-то можете верить.

Собственно, насчет этого никто и не сомневался.

— Слышь, кэп. — Маккензи вдруг стал серьезен. — У меня на тупике бутылка виски имеется. Позволишь? А Вадик пусть обед приготовит. Хрен с ним, с циклом, по-барски, с икрой и устрицами. А?

Гижу секунду поразмыслил.

— Виски позволю. А что до обеда... Представь, каково на этом обеде будет ЕМУ? И нам, рядом с НИМ?

Маккензи опустил лицо и несколько раз мелко кивнул:

— Да... Ты прав, капитан... Как всегда. Ну, я пошел.

* * *

Во второй раз навестить Йохима Ба в Ноттингемском клиническом центре Гижу и Маккензи сумели только спустя полгода — нравы в режимном секторе космоцентра были, понятное дело, суровые. Они шли локоть к локтю, больше не капитан и больше не бинж — в кадетских комбинезонах вообще без всяких нашивок, только с номерами на спинах, лишённые всех привилегий, званий и классов. Коротко остриженные, с обострившимися чертами лица.

Если повезет, через годик-полтора их восстановят в правах рядовых трассеров и, возможно, даже зачислят в какой-нибудь экипаж на заштатной трассе. Тот, кто допустил аварию, теряет все, это известно всякому.

Но к Йохиму Ба их все же отпустили.

В первый раз Гижу, Маккензи и Шарятъев приходили сюда дня через четыре после того, как ущербную Фрею с Титана на Землю доставила во чреве исполинская Кларесса. Йохим Ба плавал в физрастворе за толстым то ли стеклом, то ли пластиком и соображал не лучше, чем заспиртованный медвежонок в зоологическом музее. Врачи говорили, что шансы есть, и много, но нужно время. Молча постояв рядом с беспамятным товарищем по команде и несчастьем несколько минут, они ушли.

После трибунала Шарятъева почему-то отослали в другой центр, хотя уместнее было бы отослать Маккензи — он как раз проходил по отдельной линии подготовки и относился к ведомству биоинженерии в отличие от экс-капитана и экс-навигатора, которых когда-то готовили в одной школе, только на разных факультетах. С тех пор Гижу и Маккензи редко расставались, а причины перевода Шарятъева поняли несколько позже.

Они уже знали, что Ба поправляется, но двигательные функции еще не полностью восстановлены.

Невзирая на комбинезоны без нашивок, в спецсектор их пропустили без проволочек. И на этаж тоже. Строгая сухопарая медсестра безропотно проводила их в палату.

Палата... После крохотной камеры, в которой обитали Гижу и Маккензи уже шестой месяц, хотелось назвать ее дворцом.

Огромная, невероятно огромная комната под прозрачным куполом, в данный момент раскрытым. Сверху нависало летнее небо. Под куполом натурально росла трава и мелкие кустики — газон газоном. Вокруг — мраморная дорожка, лавочки; посреди специ-

ального пяточка — фонтанчик с рыбками. И только где-то там вдали, у дальней стены виднелась койка, как раз напротив громадной видеопанели.

Йохим Ба сидел в кресле, у фонтанчика; рядом возвышался изящный столик, на котором красовалась ваза с фруктами; тут же стояли кувшин молока и глиняная кружка. Во втором кресле небрежным ворохом пузырились кое-как развернутые газеты. Бросалась в глаза палочка, бережно прислоненная к креслу.

Ба медленно повернулся в сторону посетителей и сразу стало видно, что правая половина лица у него словно омертвела: даже морщины заканчивались на середине лба. Странно неподвижным оставался глаз. Ни намек на мимику, восковая маска, не лицо.

Точнее, пол-лица, потому что левая сторона жила. Но эта полуулыбка хорошо знакомого человека выглядела чужой.

— Здравствуй, Йохим, — твердо поздоровался Гижу.

— Здравствуй, — эхом повторил Маккензи.

— Отпустили наконец-то? — ответил Ба.

Говорил он тоже плохо, но в целом разборчиво.

— Здравствуйте. Вон там есть стул, тащите сюда.

За стулом сбегал Маккензи, Гижу тем временем убрал из второго кресла газеты.

— Сколько у вас времени?

— Минут десять, — виновато признался Гижу.

— Ага. Давайте обо мне не будем: выкарабкаюсь помалу. Лучше скажите, когда вы поняли?

Гижу на секунду опустил голову.

— Да я почти сразу понял, когда ты карты достал, — признался он. — Еле сдержался, чтобы не попросить тебя показать мизинец.

Ба улыбнулся своей жутковатой полуулыбкой:

— Ну, мизинец-то мне присобачили на совесть, даже шва не осталось.

— А я понял, — признался Маккензи, — когда ты нашел программу за какие-то двадцать минут. Я глянул — инверсировать такую уйму операций так быстро? А если учесть еще, что на поиск самой программы должно уйти какое-то время...

— А чего мне тянуть, если вы уже поняли, а остальные никогда и не поймут?

— Шарятьев тоже догадался. По крайней мере что-то заподозрил.

— Да? Не ожидал от него. И как Шарятьев?

— Ничего. Летать будет вряд ли, но преподавателем стал отменным.

Ба вздохнул.

— Что ж... Каждому свой путь. К нам ему, сами понимаете, не судьба. А пацаны?

— Мрничек сбежал в дефектоскописты, в космос больше ни ногой. А Хомуха, представь себе, подался на навигаторский факультет!

— Вадик? — изумился Ба. — После того, как он нас всех чуть на тот свет не отправил?

— А он, оказывается, и не виноват был. Фрея еще с прошлого рейса на просчете вариативностей сбоила, что-то там у нее занеудачилось, а космодромные бинжи проспали. Собственно, они тоже не виноваты: отклонение было в табличном пределе, просто стало больше, чем раньше.

Но теперь статистика снята, думаю таблицы уже обновили с учетом нашего случая. А Вадик, между прочим, тянет на золото по итогам полугодия!

— Ну, молоток! Рад за него!

Над палатой щебетали птицы.

— Слушай, Йохим, я давно хотел спросить, — начал Гижу, но на несколько секунд умолк. — Ты... Ты начал экзаменовывать нас в тот самый момент, когда признался, что ты не простой трассер, а разжалованный бинж?

— Разумеется! Если уж вляпались по-крупному, нужно сразу брать быка за рога и решать, кто способен работать сакрифайсером, а кто нет. Я поставил на обоих и выиграл — ты, капитан, начал подыгрывать мне раньше, чем осознал это. Да и Кларенс вел себя... адекватно.

Йохим по-прежнему называл Гижу капитаном.

Маккензи не преминул съязвить:

— Премного благодарны за доверие...

В самом деле, кто способен сохранить спокойствие и уверенно лечь под врачебный лазер в ситуации, в которой совсем недавно пребывала Фрея?

Кто не сломается тогда, когда порой ломаются лучшие из лучших? Кто не позволит им сломаться, взвалив на себя роковое бремя неудачника, вытянувшего страшный жребий?

Только тот, кто однажды уже пережил подобное. Поэтому в сакрифайсеры набирали лишь астронавтов, вернувшихся на ава-

рийных кораблях, и лишь тех, кого рекомендовал искалеченный сакрифайсер.

— Не тяжело вам? — спросил Ба участливо. — Меня, помню, просто бесило, что все вокруг считают меня арестантом.

— Меня тоже бесит, — сознался Гижу. — Однако держусь. И Кларенс держится, но таким ядовитым стал — мне его, клянусь, придушить иногда хочется!

— Ну, извини, — вздохнул Маккензи. — Не от райской жизни.

— А курс как? Дается?

Капитан упрямо поджал губы:

— Куда ж он денется... Только программы подбирать тяжело — много их, черт бы их побрал... Голова пухнет.

Программы фрагментарного поражения организма... Заранее просчитанные до десятитысячных долей процента на любое из возможных повреждений — они ввергли бы в ужас любого из инквизиторов древности. И любой сакрифайсер должен был разбираться в них быстро и безошибочно — от этого зависела как его жизнь, так и жизнь всех, кого он спасал.

— Программы, — проворчал Ба, хмурясь половиной лица. — Что программы, они еще не самое страшное. Хотите знать, что было самым трудным для меня?

— Что? — в один голос выдохнули Гижу и Маккензи.

— Труднее всего, — признался Йохим Ба, лучший сакрифайсер дальнего космоса, — было научиться всегда — всегда! — вытаскивать из этой чертовой колоды именно пикового туза!

Август 2003 — февраль 2004

Николаев — Москва

«ОМЕГА-12»

Борт на орбитальную станцию «Гелиотроп» задержали и во второй раз.

Теперь на четыре часа.

Веня сплюнул с досады и уже, наверное, в сотый раз за сегодня поглядел на хронометр.

«Ну, что, — уныло подумал он. — Опять в бар? Я уже, ыптыть, булькаю! Пиво — и то не лезет!»

Следом Веня очень непоследовательно подумал, как быстро пиво, а заодно и остальные спиртные напитки ему обрыдли. Каких-то два года — всего-то! — промелькнувшие, будто миг. И вот, пожалуйста: вместо курсанта, который в любую секунду был готов пить все способное гореть, имеется еще зеленый, но уже не скажешь, что желторотый, оператор систем орбитального слежения и аналитик группы тазионарного сканирования. И в вышеозначенного оператора-аналитика нынче не лезет вышеозначенное пиво. Правда, пиво вряд ли способно гореть...

Чертов шаттл опять не прошел предстартовые тесты — не из-за погоды же его задерживают! А шаттлы — не «Боинги», их на Земле раз-два и обчелся. Несколько «Буранов-4» у русских, несколько «Джураев» у штатников, две «Мелиссы» у Европы да единственный «Дзё» у объединившихся по извечной восточной хитрости японцев-китайцев-корейцев. Говорят, заложены корабли у австралийцев, Ирака, Индии и совместный латиноамериканский под патронатом Бразилии.

Впрочем, это и пять лет назад болтали, и семь, когда Веня только поступал в космоакадемию. А шаттлов, кроме вышперечисленных русских, американцев, европейцев и восточной коалиции, все равно никто так и не построил. Да и построенные летают через пень-колоду — чего далеко ходить, тот же Веня в означен-

ный срок улетел лишь однажды, чему сам же несказанно удивился. Недолго, впрочем, удивлялся, на прямотоке часов шесть чинились в ходовом режиме.

В который раз уныло выслушав голос дикторши, Веня все же решил пойти в бар. Но, во-первых, через сортир, а во-вторых, в баре первым делом выпить не пива, а чаю. Да с какими-нибудь сосисками или на худой конец — бутербродами.

В сортире ощутимо пованивало и вдобавок не работала половина кабинок — и без того не ахти какой просторный пис-холл был поделен пополам полосатой полицейской ленточкой, заходить за которую, понятное дело, не рекомендовалось. Все эти радости Веня выяснил еще перед первой задержкой. С унынием отметив, что земная космонавтика в общем-то переживает упадок, Веня подхватил сумку и зашагал через зал в направлении сортира.

«А с чего бы ей переживать расцвет, земной-то космонавтике? — думал он. — Целей достойных нет. Пашем на науку, каковая сейчас мало кого всерьез интересует».

Ситуация и впрямь была довольно унылая. Космос перестал манить людей, вот в чем беда. Человечество закрутилось в делах земных, как белка в колесе, погрязла в сиюминутных колыбельных проблемах. Околоземное пространство, правда, освоили довольно густо — плюнуть некуда, чтобы не угодить на обшивку какого-нибудь спутника. Собственные аппараты на орбиту даже Камбоджа и остров Питкэрн запустили. Ибо связь, навигация, метеонаблюдение, шпионаж, в конце концов. В этом люди видели практический смысл. А какой практический смысл, скажем, в полете на Луну? Или на Марс? Что там делать, на Луне или Марсе?

Месить инопланетную пыль? Что, кроме морального удовлетворения, могло получить человечество от высадки на безжизненные планеты, рядом с которыми даже знаменитая Долина Дьявола выглядит райским уголком? Ну, кое-какие научные данные, бесспорно, пополнились бы. Но от этого у программиста из Кентукки или садовода из Коктебеля разве денег прибавится? Или срок жизни удлинится?

Жители Земли становились все более и более приземленными и практичными. Особенно по мере того, как принялась загигаться природа и перестало хватать ресурсов. Каким образом на скудные космические исследования и подобные им программы изыскивались средства, Веня даже не представлял.

Погруженный во все те же философские с оттенком грусти мысли Веня вошел в бар. Почти одновременно с объявлением дикторши о посадке борта «Ниппон» — «Холодный» — «Омега-двенадцать»-«Канаверал».

«Хоть у кого-то проблем нет, — подумал Веня. — Впрочем, откуда я знаю — по расписанию этот борт сел или как обычно? Вряд ли как обычно...»

Он успел заказать чаю с сосисками и просмотреть первую полосу позавчерашней газеты, валяющейся на столе. А потом поднял взгляд на входные двери. Скорее всего реагируя на чей-то пьяный возглас, диссонансом разорвавший тишину сонного бара на почти пустом космодроме.

«Севшие, что ли, надрались в полете?» — подумал Веня с неудовольствием. Сейчас любая мысль о полете вызывала у него неудовольствие.

А потом Веня встал и заорал сам:

— Зоран!!! Твою мать!!!

Надо же! Зоран Радманица! Мало того, что однокашник, так еще и сосед по комнате в академической общаге!

— Веня! — Зоран с трудом сфокусировал взгляд, но приятеля все же узнал. — Чего это ты тут торчишь?

— Борта жду! — Веня подбежал к оч-чень не слабо поддавшему Зорану — на ногах тот держался еле-еле. Но Радманица всегда отличался тем, что, даже когда на ногах держался нетвердо, неизменно сохранял ясность мышления.

— Дался тебе этот борт... — фыркнул Зоран. — Бросай космос ко всем чертям. Поехали ко мне, в Струмицу! К маме! Виноград убирать!

— Я бы с радостью, — вполне искренне вздохнул Веня. — Но сам же знаешь — работа, будь она неладна...

— Уже не знаю, — заявил Зоран и рухнул на стул. — Меня уволили.

Веня уселся на свое место и тут же подавил желание вновь вскочить.

— Как уволили?

— А вот так. Вышвырнули. Без выходного пособия. Ты что это тут пьешь? Чай? Рехнулся, да? Официант, водки!

— Погоди, погоди, — затараторил Веня. — Расскажи толком. В чем дело? И чем ты вообще занимался? Или подписка?

— Была подписка. Понимаешь — БЫЛА. Теперь нету. Вольный птах.

Официант за стойкой неторопливо загружал поднос. Графинчик, рюмки, сок, фужеры. Салфетки.

— Где работал? — не унимался Веня.

— Станция «Омега-двенадцать».

— Это оборонка какая-нибудь?

— Ну, можно сказать и так.

— А за что вышибли?

— За безделье. Там и одному-то работы раз в году на два часа.

А нас четверо было.

— Н-дя. — Веня задумчиво почесал кончик носа. — Ну, чем занимались я не спрашиваю...

— А ты спроси. — Зоран покосился в сторону официанта — тот как раз обходил стойку, чтобы подхватить сервированный поднос со стороны зала. — А я отвечу. Морочили голову инопланетянам.

Веня едва не поперхнулся чаем.

— Кх... Кому?

— Инопланетянам, — невозмутимо повторил Зоран. — Ей-ей не вру.

Веня принялся затравленно озираться, но в баре, кроме них, находился только официант да какой-то грузный толстяк перед экраном эс-ти-ви. В ушах толстяка чернели акустические бусины и разговор приятелей он слышать не мог по определению.

Официант разгрузил поднос, справился, не нужно ли еще чего, и, услышав единодушное «нет», тотчас смылся за стойку.

Не медля ни секунды, Зоран наполнил рюмки водкой, а фужеры соком и выдохнул:

— Давай, Веня! За что-нибудь хорошее!

И залпом сглотнул свои законные семьдесят граммов.

Пока Веня протискивал в желудок водку да запивал соком, Зоран без всяких церемоний наколол на Венину вилку одну из Вениных сосисок и принялся как ни в чем не бывало уплетать. Веня протестовать не решился.

— Ты не знал, что ли? — не прожевав толком, продолжал Зоран. — Лет тридцать назад засекали беспилотный аппарат за орбитой Юпитера. Явно разведывательный. Прикинули траекторию — из системы Центавра.

Ближайшие, так сказать, соседи нами заинтересовались. Ну, в общем, решили их радиопередачи, во-первых, раскодировать, а во

вторых... на всякий случай откорректировать, если пойдут данные о Земле. Этим я, собственно, и занимался два года. Вкручивал соседям, что Земля безжизненна, бесплодна и ни разу не интересна.

— Н-да, — с завистью вздохнул Веня, на миг позабыв даже о прискорбном факте увольнения Зорана. — Интересно живете... то есть интересно жили... прости.

— Да ладно, — отмахнулся Зоран и снова потянулся к графину.

«А я, понимаешь, два года сканировал осточертевшие марсианские пустыни. Да ломал голову над тазионарными аномалиями — сдвигом и двумя всплесками на стандартных тазиограммах. Офигительно интересно».

От мысли, что проклятый шаттл когда-нибудь все-таки взлетит, Веня доберется до опостылевшего «Гелиотропа» и не менее опостылевшей лаборатории и снова будет сидеть перед экраном и тасовать безликие цифры в поисках ускользающего объяснения, стало еще гаже. Поэтому наполненную Зораном рюмку Веня воспринял уже с одобрением.

— И что? — поинтересовался минутой спустя Веня. — Клынули эти центавряне на вашу липу?

— Не знаю, — пожал плечами Зоран. — Сигнал к ним дошел года за четыре. Мы честно сфабриковали картинку и сопутствующие данные пустынной Земли, начисто лишенной атмосферы, воды и, разумеется, жизни. Но на Центавре, понимаешь ли, не успокоились. Ты о тазионарном сканировании слышал что-нибудь?

— Здрате, — фыркнул Веня. — Это как раз то, чем занимался последние два года я.

— Знаешь, стало быть, — кивнул Зоран, наливая по третьей. — Так вот, эти сволочи перестали посылать беспилотные аппараты, а взамен занялись этим самым сканированием. Приходится и это перелицовывать на пустынный лад.

— Ну, — Веня глядел на наполненную рюмку уже определенно с вождением, — мы ведем себя точно так же. Марс сканируем, Венеру, Меркурий, спутники... Давай еще по одной, что ли?

— Давай. — Зоран очнулся. — Давай за космос. Люблю я его все-таки... хоть и командуют его освоением сплошные сволочи.

Выпили.

«Да уж, — думал Веня, жуя сосиску. — Конечно. Не эти уволившие Зорана сволочи корпят ночами над отчетами и ломают головы над теми же аномалиями данных сканирования. Ну откуда,

скажите на милость, взяться в отраженном сигнале одному сдвигу и двум всплескам? И потом, как вообще могут возникнуть всплески в зонах когерентного отражения? Бред ведь... Бред, данный нашим датчикам в ощущениях...»

— Знаешь, в чем главная головная боль наших умников с «Омеги-двенадцать»? — продолжал выбалтывать служебные секреты захмелевший еще больше Зоран. — Ты как спец должен понимать. Если исказить отраженный тазиионарный поток, в нем возникает какой-то сдвиг и какой-то всплеск, кажется, даже не один. Свойство такое паршивое. В естественных условиях его быть не должно вроде. Вот наши начальнички и боятся, что на Центавре заподозрят неладное и пошлют пилотируемый корабль. А живым инопланетянам голову морочить гораздо труднее.

Очередная наполненная рюмка выпала из рук Вени. Брызнула водка — на скатерть, на пол, на безработного Зорана Радманицу. Зоран с изумлением уставился в округлившиеся глаза Вени.

— Твою мать! — пробормотал Веня. — Пустыня, значит! Красная безжизненная пустыня! И при этом — один сдвиг и два всплеска в отраженном потоке! И никаких шансов заслать к Марсу нормальную экспедицию! С такой-то полуживой космонавтикой, когда один отдел не ведаёт, чем занимаются остальные! Твою мать!!!

Веня с грохотом хватил по столу кулаком.

— Ты чего? — испуганно промямлил Зоран, на всякий случай придерживая графин с остатками водки. — А, Веня?

Но тот уже малость успокоился и сел.

— Да ничего, собственно. Просто я понял: у марсиан есть своя станция «Омега-двенадцать». Или как там по-ихнему, по-марсиански? И я даже не слишком удивлюсь, если с этой станции всех скоро к чертовой матери поувольняют. Дай только долететь до «Гелиотропа»...

*сентябрь 2002
Москва, Соколиная Гора*

МОНАСТЫРЬ ЭСТЕБАН БЛАНКЕС

Не могу сказать, что ранее я никогда не слышал об этом монастыре. Во всяком случае, название тихо дремало у меня где-то на задворках памяти. Но я точно знал, что прежде никогда не видел этих стен, хотя исходил Картахену вдоль и поперек еще в юношеском возрасте.

Моя профессия обязывает знать все. Тем более — город.

Но все же я с удивлением отметил, что нахожусь здесь впервые.

Дальнее предместье, сушая глушь. Косая лощина меж двух холмов — кому пришло в голову строить монастырь в лощине? Обычно подобные постройки возводятся на вершинах холмов, на пригорках. На возвышениях, одним словом.

Еще тогда я подумал, что это необычный монастырь.

Он был отделен от города большим, похожим на гигантский лишай пустырем. Пыльные куры рылись в кучах мусора, на кур охотились жирные черные крысы. На крыс — худые бродячие коты. На котов — стаи облезлых псов, злющих и трусливых одновременно. Я не удивлюсь, если местные жители скажут мне, что у них пропадают младенцы из хижин.

По-моему, это не просто псы. Не просто бродячие собаки. Это — гнусные твари, отпрыски отвратительных волко-собачьих свадоб. Они не сторонятся людей, как настоящие волки. И страшны в стае, как бывают страшны только обладатели серых шкур и ненасытных глоток.

Я машинально потрогал перевязь с метательными ножами под легким летним плащом. От стаи, пожалуй, в одиночку не отбиться. Может быть, вот она — разгадка? И монастырь тут, собственно, ни при чем. Стая. Их просто растерзала местная стая. Позабыв ненадолго о страхе перед человеком.

Я вздохнул и, решительно взбивая сапогами пыль, двинулся к стенам по извилистой тропинке, что вилась меж мусорных куч. Туда, где виднелись массивные монастырские ворота.

Чем ближе я подходил, тем тягостнее становилось у меня на душе. Хотя особых причин тому я не усмотрел — возможно, на меня действовал дух запустения, отпечаток которого с приближением к монастырю чувствовался все сильнее. А может, повлияла мрачная архитектура монастыря. Замшелые головы числом семь возносились к праздничному небу, но не становились от близости к небу менее мрачными. Наоборот, небо над монастырем начинало казаться мрачным, несмотря на яркость и голубизну. Головы храма, увенчанные круглыми шапками с алонсовскими крестами на куполах, все были разного размера. И еще создавалось впечатление, что они строились в разное время, потому что камень, из которого они были сложены, имел разные оттенки. Головы выше и на более толстых башнях — потемнее. Которые поскромнее — светлые, словно время еще не успело оставить на них темную накипь промелькнувших лет. На самой высокой голове под самым куполом виднелись выложенные из несколько более светлого камня слова: Эстебан Бланкес. На второй по высоте — Карлос Диего Лараззабал. На остальных тоже все еще можно было разобрать чьи-то имена — имена, неподвластные времени. Интересно, что это были за люди?

Лавируя в море мусора, я вплотную приблизился к воротам. Они были массивны и ветхи, как рукописные экземпляры Завета. Только поразительная стойкость римской лиственницы к гниению позволила им дожить до сегодняшнего дня — дерево оказалось долговечнее железа. Петли и запоры проржавели и искрошились, а ворота остались относительно целыми, хотя на внешней стороне створок рыжели ископаемые разводы поколений и поколений южного лишайника.

Левая створка сорвалась с умершей верхней петли и лежала нижней кромкой прямо на земле, вросши в нее на несколько пядей. Косая щель между покосившейся левой и относительно ровно стоящей правой сплошь была затянута сивой паутиной; в паутине танцевали на ветерке иссохшие мумии мелких насекомых.

М-да. Сюда давно никто не приходил. Впрочем, разве это единственный путь внутрь? Высокий монастырский забор тоже мог пострадать. Кто сказал, что Сантьяго Торрес и Фернандо

Камараса прошли именно в ворота, а не в какой-нибудь давний пролом?

Я бы не удивился, если бы выяснилось, что они сюда прилетели. На воздушном шаре, например, или на помеле, позаимствованном у одной из сотен картахенских ведьм.

Улыбка еле-еле коснулась моих губ. Наверное, от мыслей о ведьмах.

Но почему-то страшно не хотелось нырять в щель между створками, и, смею вас заверить, вовсе не из-за паутины.

Что-то удерживало меня от приближения к монастырскому храму. Что-то такое, чему люди до сих пор не нашли разумного объяснения. Инстинкт. Чутье. Предвидение.

Но моя профессия как раз и заключается в том, чтобы нарушать инстинкты и идти вперед вопреки предвидениям.

Впрочем, осторожность тоже является частью моей профессии. Трусливая умная осторожность. Частью и залогом успеха.

Кому нужен мертвый сыскарь?

Никому. Только объекту сыска.

Поколебавшись, я все же решил сначала обойти монастырь по периметру. Снаружи забора.

Замшелые (а точнее — покрытые лишайником) стены охватывали монастырское подворье неровным кольцом; кольцо имело два характерных выступа около скитских башен. Грубо вытесанные блоки, наверное, еще в незапамятные времена привезли из каменоломен севернее Картахены. Теперь там прибежище дикого зверья. Дикого и одичавшего.

Замкнув кольцо, я с непонятым разочарованием убедился, что стены вокруг монастыря нигде не повреждены, и если Торрес и Камараса приходили сюда, они воспользовались именно воротами. Недавние мысли о воздушном шаре и ведьмином помеле — это лишь нервная шутка, не надо удивляться...

Паукам достаточно двух-трех дней, чтобы затянуть щель своими тенетами. Ну, возьмем для простоты неделю, паутина между створками ворот явно не первый день кормит хозяев и служит проклятием местным мошкам.

Торрес исчез полтора месяца назад. Камараса — чуть менее двух недель.

Они вполне могли войти на монастырское подворье и покинуть его тоже могли, так что паутина ни о чем не говорит.

Ладно. Надо и мне входить.

Или не надо?

Я замер перед створками. Что-то не пускало меня внутрь. Предчувствие. Или страх.

Не знаю.

Я долго стоял, не решаясь нарушить целостность паутины; пот липкими струйками стекал по лицу, по шее, по спине, и мне неудержимо захотелось содрать с себя пропыленный плащ.

«Это не предчувствие, — подумал я с некоторым унынием. — Это страх, Мануэль Мартин Веласкес. Обычный страх, который тебе трудно пересилить».

А вдруг — не обычный? Никто в Картахене не осмелился бы назвать меня трусом. А если и осмелился бы — это была бы неправда. Но сейчас я ничего не мог с собой поделать.

Легкий шорох за спиной вернул меня к действительности; рука незаметно скользнула под плащом к перевязи, и прохладный металл ножа мгновенно придал мне уверенности.

Медленно-медленно я обернулся, ожидая новых звуков, но за спиной было тихо.

Собака. Или волкособака — тощий длинноногий зверь с голодным ненавидящим взглядом глядел на меня из-за мусорной кучи. Из пасти его свисало что-то похожее на грязный лоскут.

Я мягким движением выпростал руку из-под плаща. Если собака всего одна — она мне не страшна.

Мое движение спугнуло эту тварь, она как-то неловко, бочком отпрыгнула от кучи. Я опять шевельнулся, и собака пустилась наутек, поджав тонкий, почти крысиный хвост. Добычу свою она уронила, и непохоже, чтобы сильно жалела об этом.

С минуту я провожал ее взглядом, пока пегая спина не потерялась на фоне пестрых отбросов городской свалки.

Свалка рядом с заброшенным монастырем — странное место, не правда ли? Не оттого ли покинули эту обитель монахи — последователи Эстебана Бланкеса, что рядом стала неудержимо разрастаться вонючая свалка? Этот печальный, но закономерный итог человеческого существования?

Везде, куда приходит человек, вскоре начинают возникать свалки и мусорные кучи.

Оставив в дорожной пыли отпечатки сапог, я дошел до места, где недавно стояла собака. Почему-то мне захотелось взглянуть, что же она жевала перед тем, как испугаться меня.

Действительно, тряпка. Грязная и, по-моему, недавно изрядно намокшая. Вряд ли от собачьей слюны. Я брезгливо расправил этот лоскут носком сапога — под темными наслоениями угадывалась плотная ткань, похожая на материал летнего плаща или куртки. Ткань простая, без рисунка; лоскут был неровно оборван и в нескольких местах продырявлен. Причем это не были следы укулов шпагой или ножом. Ничего общего это не имело и с собачьими зубами — такие треугольные рваные дыры остаются, только если ненароком зацепиться полкой плаща за что-нибудь острое и, не заметив этого, рвануть. Хрясь! И готова дыра, проклятие ленивого холостяка. И с дырой ходить стыдно, и зашивать неохота.

Я сокрушенно вздохнул. Ну не люблю я чинить одежду, с детства не люблю, хотя приходится очень часто. Не люблю, несмотря на то что мать моя была швеей, и хорошей швеей. Отбоя не знала от заказчиков. Благодаря ее неплохим заработкам я и не стал подзаборной шпаной, как большинство сверстников, а получил кое-какое образование.

На нашей улице читать умеют три человека. Один из них — я.

А может, оттого я и не выношу вида иголки с ниткой, что посмотрелся этого вдоволь еще в детстве и теперь от одного вида портняжных ножниц меня воротит? Не знаю...

Кстати, о портняжных ножницах. Жену одного моего клиента убили такими. Если вздумаете кого-нибудь прирезать — никогда не пользуйтесь портняжными ножницами. В особенности если вы брезгливы, как я.

Плюнув напоследок на неизвестно чем привлечшую внимание бродячей собаки тряпку, я уже собрался вернуться к воротам монастыря, как вдруг внимание мое привлекло пятно подозрительно правильных очертаний. С самого краешка, рядом с оборванной кромкой.

Я присел.

А ведь это не пятно! Это вышивка, почти погребенная под слоем грязи. Вышивка в форме букв. Причем не с лица, а с изнанки ткани.

Две буквы. «Ф» и «К».

Я замер. «Ф» и «К». Это может означать, например, «Фиеста Кастилья» — есть такая гостиница в Картахене. Для богачей и знати, меня туда даже на порог не пустят. Особенно благоухающего после посещения окрестностей монастыря Эстебан Бланкес. Лакеи

и служки «Фиесты Кастильи» вполне могут носить одежду с гостиничным знаком.

Но это также может означать и «Фернандо Камараса». И тогда цена этой вонючей реликвии наверняка сильно возрастет.

Я полез под плащ и достал специально припасенный для подобных находок холщовый мешок. Кое-как затолкав внезапно подорожавшую тряпку внутрь, я подвесил мешок к боку и прикрыл плащом.

До ножей слева теперь трудно добраться, ну да ладно. Пока неприятностей не предвидится.

Я вернулся к воротам, полный решимости наскоро осмотреть монастырское подворье, заглянуть в кельи, скитские башни и в храм и тащиться к Сальвадору Камараса, почтенному дядюшке пропавшего восемнадцатилетнего обормота.

От ворот меня отделяло не более пятнадцати шагов. Почему-то с каждым шагом от моей решимости оставалось все меньше и меньше, и завершилось все тем, что я снова застыл перед воротами и обнаружил, что дальше идти просто не могу.

Не могу.

Не знаю почему.

Меня прошиб пот. Чертовщина какая-то! Такое впечатление, что меня просто не пускают внутрь! Но кто? И каким образом?

Без толку потоптавшись еще пяток минут, я решил убираться отсюда подобру-поздорову. Наверное, это снова какое-нибудь предчувствие. А я стараюсь им доверять.

Пойду к Сальвадору, суну ему под нос сегодняшнюю находку, он скорее всего на меня наорет, обзовет каким-нибудь нехорошим словом и вытолкает взашей за ворота. Потом, правда, меня нагонит его дворецкий (приблизительно напротив рынка Эдмундо Флорес), пятидесятилетний отставной матрос, обладатель потрясающих баков, зычного голоса и неистребимой тяги к крепкому рому. Он хлопнет меня по плечу, басом скажет, что хозяин извиняется за вспыльчивость, просит продолжать поиски, и вручит ежедневные четыре монеты. Потом многозначительно кашляет и выжидающе уставится куда-то в сторону. И мы пойдем с ним в ближайший матросский кабачок, где и останется одна из монет, будем пить ром, дворецкий будет вспоминать былое, а я слушать и тоскливо ожидать внезапного озарения. Ну а вечером я притащусь, покачиваясь, словно под ногами у меня не булыжная мостовая, а палуба галеона, домой, велю Генису согреть воды, с

наслаждением вымоюсь и рухну спать. А наутро все начнется сначала.

Как выяснилось, я ошибся. Сальвадор на меня не наорал и не выгнал. Но об этом — чуть ниже.

Для меня все это началось двенадцать дней назад. Спустя сутки после исчезновения Фернандо Камараса, племянника Сальвадора Камараса. А Сальвадор Камараса — ни много ни мало — дож Картахены и глава торговой гильдии.

К тому моменту я занимался, как сам считал, совершенно заурядным делом — разыскивал некоего Сантьяго Торреса, мелкого купчишку, задолжавшего небольшие деньги коллегии Альфонсо Баройя. Баройя вовсе не собирался прижимать Торреса к ногтю, наоборот — его коллегия поддерживала торговлю маслом и благовониями, и Торрес был одним из распространителей, причем не из худших. Альфонсо Баройя интересовало, куда подевался его мелкий партнер? Вероятно, Торрес имел устоявшуюся сеть сбыта, и Баройя не хотел ее терять.

Так или иначе, Альфонсо Баройя поручил своему помощнику отыскать пропавшего купчишку, а помощник, недолго думая, нанял меня за полмонеты в день. Поскольку иных предложений, повыгоднее, у меня не было и не ожидалось, я взялся.

В Картахене, конечно, часто пропадают люди, как и в любом достаточно большом городе. Вряд ли их всех начинают разыскивать — во всяком случае, вояки городского магистрата этим не занимаются, предпочитая выколачивать налоги у рыночных завсегдатаев. Да и заметит ли кто-нибудь исчезновение какого-нибудь бродяжки? А если и заметит — хоть кого-нибудь это взволнует?

Другое дело — более заметная публика. Когда пропал Фернандо Камараса, об этом мгновенно узнал весь город.

Я к тому моменту ни на шаг не продвинулся в поисках Сантьяго Торреса, хотя сумел более или менее внятно установить, чем он занимался в утро перед исчезновением. Ничего такого он не делал, за что можно было бы ухватиться. Как назло.

И вдруг в мою берлогу пожаловал Сальвадор Камараса, собственной персоной. Я опешил. Дождь Картахены — у меня в гостях?

Слава Богу, надолго он там не задержался, а то я сгорел бы со стыда.

Я уже говорил, что не очень люблю чинить одежду? Так вот, убирать в своей берлоге я тоже не очень люблю, а Гениса к себе просто не пускаю.

Ну, в общем, дож посулил мне четыре монеты в день, лишь бы я отыскал его дражайшего племянника, которому только недавно стукнуло восемнадцать. В этом возрасте у многих молодых людей в голове заводится всякая блажь. К тому же тронуть племянника дожа вряд ли посмели бы и местные головорезы, и головорезы пришлые. Скорее всего, думал я, парня обуяла жажда странствий, и он околачивается где-нибудь в порту. Хуже, если ему уже удалось пробраться на какой-нибудь корабль и он ныне находится далеко в море. Но Фернандо не видели всего лишь три дня, и я прекрасно понимал, что выяснить, отходили последнее время из Картахены какие-нибудь корабли или не отходили, будет проще простого.

А возможно, все еще тривиальнее. Ушел парень в запой в каком-нибудь кабаке и благополучно валяется под столом. Впрочем, нет, племянник ведь дожа. Любой кабатчик Картахены счел бы своим долгом доставить его домой после первой же отключки.

В конце концов он мог связаться с какой-нибудь девицей, а в этом возрасте можно провести в постели неделю, и не надоест.

И оставался мизерный шанс, что беднягу действительно убили, если он пьяный возвращался домой. Мизерный, потому что в затрапезный кабак приятель дожа не пойдет, а в центре нечасто ошивается всякая шваль с ножами за пазухой.

В общем, я понадеялся, что быстренько отыщу Фернандо, получу оговоренное вознаграждение и преспокойно вернусь к поискам Сантьяго Торреса, пока помощнику Альфонсо Баройя не надоест платить мне по полмонеты в день. Случай с Торресом казался мне куда более безнадежным.

Понадеялся я зря. Начал я, как обычно, с шатания по городу, разговоров с уличными торговцами, с мальчишками (между прочим — ценнейший источник информации!), расспросов — словом, с рутины. Стал прокручивать путь Фернандо Камараса с момента, когда он ступил за ворота дядюшкиного дома.

К вечеру я установил, что Фернандо и близко не подходил к порту. Непохоже и чтобы он заворачивал в кабаки — по крайней мере в центре, в приличествующие его положению великовозрастного бездельника-богача. Сначала он слонялся по рыночной площади и, видимо, кого-то поджидал. Потом в компании некоего

седобородого («Бородища — до колен!» — сказал мне десятилетний Хосе) мужчины пошел в направлении собора Санта-Розалины. Этот бородач, вероятно, был португальцем, потому что Хосе сказал, что он вместо «с» все время произносил «ш», а «о» — скорее как «оу».

Про португальца, понятно, вывод сделал я, а не Хосе.

В собор эта парочка заходить не стала, и следующий свидетель видел Фернандо спустя некоторое время выходящим из библиотеки Ксавьера Унсуе.

Тут я насторожился: Сантьяго Торреса перед исчезновением тоже видели около библиотеки! Правда, непонятно было, заходил он туда или нет.

В тот день я ничего больше выяснить не сумел, а на следующий оказалось, что старый книгочей Унсуе тоже исчез.

Мне сразу же перестала нравиться эта история. То есть не подумайте, конечно, что я радуюсь, когда бесследно пропадают люди и поэтому я получал аж четыре монеты в день. Просто до сих пор я считал, что случаи эти — неизбежная дань хаотичному року. Теперь же мне казалось, что за этими исчезновениями стоит что-то на редкость нехорошее.

Сальвадор Камараса, по-моему, преисполнился самых мрачных предчувствий. Я слышал, он послал солдат и они прочесали все побережье у Картахены. Обнаружили четыре трупа, выброшенных морем, но тела Фернандо среди них не было. Я на всякий случай поинтересовался, нет ли среди уопленников также Сантьяго Торреса или книгочая Ксавьера Унсуе. Оказалось — нет.

Почти неделю я тщетно шастал по трущобам Картахены в надежде отыскать какие-нибудь следы Фернандо — его одежду, нательный крест (оказалось, у Камараса кресты особые, фамильные), нож его, наконец. Да что угодно.

А потом мне сказали, что Ксавьер Унсуе вернулся и как ни в чем не бывало открыл свою библиотеку.

Вот такого поворота я, признаться, совершенно не ожидал.

Ясно, что я помчался в эту библиотеку, обгоняя собственные мысли.

Конечно, старый книгочей знал всех своих посетителей наперечет — в Картахене не так-то много людей, умеющих читать. А желающих читать — и того меньше. Я, например, у Ксавьера Унсуе был третий раз в жизни. И снова вовсе не затем, чтоб почитать какую-нибудь книгу.

Да, и Сантьяго Торрес, и молодой Камараса захаживали к книгочею, и уже довольно давно. Заходили они в библиотеку и в дни своих исчезновений. Ни на что не надеясь, я поинтересовался: какие же книги они читали в роковые для себя дни?

Разные, сказал книгочей. Совершенно разные. Торрес — трактат какого-то древнего агностика с непроизносимым именем, а молодой Камараса — «Гнев Кальдерона» Алехандро Кальво Сиквенца. Ну, конечно же, что еще может читать восемнадцатилетний юноша, как не героические эпопеи, доверху наполненные звоном стали, пушечной пальбой и треском мушкетов? Я сам когда-то с удовольствием прочел «Гнев Кальдерона», только не у Ксавьера Унсуе, а при соборе Санта-Розалины. Священник, помнится, поглядел на меня осуждающе, когда взгляд мой упал на эту книгу, — по-моему, он ожидал, что я попрошу что-нибудь богословское. Но к книге допустил, потому что умеющий читать сын портнихи не казался ему настолько потерянным человеком, насколько, без сомнения, казались мои уличные приятели, которые читать не умели.

Итак, книги разные, сказал книгочей. Но кое-что общее у них все же есть.

Я насторожился.

Что?

Обе книги, пояснил книгочей, в свое время принадлежали ныне заброшенному монастырю Эстебан Бланкес. У Ксавьера Унсуе много книг оттуда. Они все стоят на отдельной полке.

И я почувствовал след. Печенкой, позвоночником — думайте что хотите. Я даже задышал чаще, как гончая на лесной тропе.

Но дело не совсем в этих книгах и не в их принадлежности, продолжал старик. Дело в другой книге, которую он сам уже начинает бояться. Да что там начинает — Ксавьер Унсуе боится ее, боится давно и прочно. Эта книга тоже стоит на упомянутой полке.

Ее никто и никогда не просит почитать. Но тем не менее ее периодически касаются чьи-то руки.

Ксавьер Унсуе не имеет привычки подглядывать за своими читателями, и они, как правило, остаются предоставленными самим себе в просторном зале библиотеки. Без сомнения, они вполне могут встать и выбрать другую книгу, если взятая непосредственно у хозяина им вдруг не понравится. И без сомнения, они это делают.

Беда в том, что люди, которых вдруг начинают интересоваться книги с этой полки, иногда пропадают.

Не знаю почему, но после этих слов книгочех я едва не примерз к полу. Именно тогда я впервые ощутил чью-то злую волю — ту самую, что не пускала меня сегодня за ворота монастыря.

И как часто пропадают, поинтересовался я, с трудом ворочая языком.

Редко. За пятьдесят четыре года, с того самого момента, когда монастырь Эстебан Бланкес был покинут, а книги из монастырской библиотеки были проданы, пропало двенадцать человек. Включая Торреса и Камараса, спросил я. Да, включая. Правда, раньше между подобными случаями проходили годы, и лишь в последний раз исчезновения разделили всего две недели. А в предпоследний? Два года. Два года назад пропал иностранец, Вернер Шпредиخت. Точно так же бесследно, как и его девять предшественников. И что же, все эти несчастные читали книги из монастыря? Нет, не все, сказал Унсуе. При нем — не все. Но, без сомнения, все двенадцать прикасались к той самой роковой книге. С чего это он взял? Да с того хотя бы, что книга эта всякий раз пропадала вместе с читателями.

Тут я, наверное, глупо захлопал глазами, потому что ничего не понял.

— Я думаю, — сказал Ксавьер Унсуе, — что они забирали книгу с собой. Когда это случилось в первый раз, я даже не заметил пропажи. Книгу принес мне блаженный Хуан Сантаелена, потому что знал: у меня в доме много разных книг, и надеялся, что еще одна меня обрадует, а сам он получит свое пиво. Хуан нашел книгу в монастыре. Точнее даже — в храме монастыря, у самого входа.

Когда спустя одиннадцать лет пропал Габриэль Роберто Мартинес, поэт из Веракруса, я вдруг вспомнил об этой книге. И убедился, что ее снова нет на полке. Я нашел Хуана Сантаелену и спросил, не желает ли он еще пива? В общем, он вторично принес мне эту книгу из монастырского храма, а заодно сообщил, что поэта там не встретил.

Хуан приносил мне эту книгу еще трижды, пока не умер — от старости или от болезни.

С тех пор я нанимаю для похода в монастырь какого-нибудь бродягу. Я ни разу не ошибся. Книга всякий раз оказывается там. А сейчас она где — там или здесь, спросил я. Голос у меня почему-

то все время норовил сорваться. Уже здесь, сказал Унсуе. А кто-нибудь из прежних пропавших потом находился? Живым ли, мертвым ли? Нет, ответил Ксавьер Унсуе. Ни разу. Все, кто имеет дело с этой книгой, исчезают без следа, а сама она неизменно отыскивается в монастырском храме. Обычно — просто лежащей на пыльном полу. Почему же, спросил я, с Хуаном Сантаеленой и остальными наемниками ничего плохого не происходило (я даже слегка порадовался собственной догадливости)? Они ведь тоже прикасались к этой книге и, возможно, даже раскрывали ее.

Унсуе усмехнулся.

Блаженный Хуан Сантаелена не умел читать, объяснил книгочей. И наемников книгочей всегда специально подбирали заведомо неграмотных.

И тогда я набрался храбрости и попросил:

— Покажи мне эту книгу, Ксавьер Унсуе. Надеюсь, что мне не придется жалеть о своих словах...

Книгочей не стал отказываться, как я опасался. Но он сразу предупредил, что трогать книгу не станет. Он никогда в жизни не касался этой книги, даже в самый первый раз, когда еще ничего не подозревал. И он советует мне хорошенько подумать, прежде чем брать ее с полки и усаживаться за огромный читальный стол.

Я подумал. И чуть не пошел на попятную. Но все же сумел себя пересилить.

Это было вчера.

А книга, кстати, называлась «Око бездны». Что-то философское. Имени автора на страницах я так и не отыскал. Даже на титульной.

Когда я уходил, Ксавьер Унсуе глядел на меня, словно на приговоренного к смерти.

Сальвадор Камараса меня не выгнал и не наорал даже. Он сумрачно поглядел на едва различимые под грязью буквы. И велел служанке принести какой-нибудь из плащей пропавшего племянника.

В общем, это была метка Фернандо Камараса.

— Смотрите, сеньор, — сказала служанка, печально глядя на меня и протягивая вывернутый наизнанку плащ. — Вот такая же метка. Я сама ее вышивала. Я всегда вышивала на одежде молодого сеньора его инициалы.

Наверное, она любила этого непутевого парня.

— Всегда? — спросил я зачем-то. — А читать-то ты хоть умеешь, а, мастерица?

— Да, сеньор. И читать, и писать. Правда, не очень хорошо...

Я заткнулся. М-да. Странные нравы в доме дожа Картахены. Грамотные служанки — сроду я не видел грамотных служанок.

Впрочем, дети портних тоже редко бывают грамотными...

Я честно поведал насупленному Сальвадору все, кроме странной и мистической истории с книгой. Рассказал о стаях голодных собак, хозяйничающих на свалке. Рассказал, что этот лоскут — единственное, что мне удалось отыскать, да и то случайно. И вскользь заметил, что мне не нравится монастырь на отшибе — надо бы туда наведаться с ротой солдат и пошарить по скитам, по кельям. В храм заглянуть — там наверняка имеется чердак, вон какой свод высоченный.

— Спасибо, — сказал Сальвадор с непонятной мне сдержанностью. — Остальные не сумели найти даже грязного лоскута. — И он выложил передо мной не четыре монеты, а целых двадцать.

— Вам спасибо, — пожав плечами, сказал я. Залпом допил предложенное вино и сгреб монеты в ладонь.

Честно говоря, я чувствовал себя не лучшим образом. Все-таки я замолчал большую и, похоже, очень важную часть рассказа. А я всегда старался делать свою работу хорошо. Но с другой стороны — как рассказать? На месте дожа я бы взащей вытолкал сыскаря, плетущего подобные байки, еще бы и батогами попотчевал.

Словом, все упиралось в единственный вопрос: а верю ли я сам? Верю ли Ксавьеру Унсуе и его невероятному рассказу?

Я думал об этом, возвращаясь домой. Всю дорогу.

Наутро вчерашние рассказы старого книгочея уже казались мне чистейшим вздором. Ну, сами посудите — заброшенный монастырь, какая-то загадочная книга, пропавшие люди, ну прям чистейшей воды умбертоэковщина. К тому же трупов никто не видел. Да и стоит ли верить Ксавьеру Унсуе? Он слыл в Картахене человеком неглупым и образованным, но не следовало забывать и о его возрасте. Во всем городе вряд ли сыщется человек старше его. Кто знает, может быть, некогда ясный и цепкий ум стал с годами сдавать? И старый книгочей вдруг обнаружил себя живущим в мире призраков и потусторонних сил, которых никто, кроме него самого, не замечает?

В общем, не усидел я на месте, хотя намеревался отоспаться в своей берлоге и не вставать раньше полудня.

Первым делом я попытался отыскать наемника Унсуе — того самого, которого он якобы посылал в монастырь поискать беспокойную книгу. Это оказалось довольно трудным делом, и преуспел я только к обеду.

Аугустин Муньос — так звали моего героя. Был он малоросл, коренаст, волосат и вшив. Пришлось сморщить свой привередливый нос и некоторое время дышать сквозь зубы. Муньос принадлежал к той породе людей, которым неведомо понятие «завтра». Он жил текущей минутой, а там — хоть трава не расти. Обитал он в сложенном из хвороста шалаше за рынком Эдмундо Флорес, на обширном пустыре. Задворках торговых кварталов, на месте бывшего болотца. Люди посостоятельнее строиться здесь не пожела-ли — слишком топко, и этот пятачок посреди города облюбовали нищие, попрошайки, калеки — все те, кто познал лишь grimасы судьбы и уже не надеялся дождаться от этой капризной сеньоры приветливой улыбки.

Я знал, что живу небогато, но по сравнению с обитателями Муэрта Фолла я мог чувствовать себя королем. В кармане у меня позвякивало целых четырнадцать монет — наверное, больше, чем у всех обитателей пустыря, вместе взятых.

— Да, — сказал, а точнее, даже не сказал, а проскрипел Аугустин Муньос. Нечистая борода его зашевелилась, и я заметил под волосами розоватый шрам на горле. — Да, старый Ксавьер Унсуе посылал Муньоса к монастырю Эстебан Бланкес. И обещал за это целую горсть медяков. И не обманул, храни его дева Стефания! Аугустин Муньос много лет не пил столько пива сразу, сколько выпил пару дней назад с приятелями...

Мысли Муньоса вращались в основном вокруг пива, и мне стоило немалых трудов вытянуть из него рассказ о самом монастыре.

— Монастырь как монастырь, клянусь девой Стефанией, только безлюдный. Ворота покосились, паутина везде... В храме — пылищи-то, пылищи! Ей-ей, в Селеш Родригес столько пыли не бывает, даже в сезон ветров.

Книга лежала на нижней ступеньке лестницы, прямо в пыли. Что? На обложке? Нет, на обложке пыли не было... А-а-а! Муньос догадался! Если бы на обложке тоже лежала пыль, это означало бы, что книга забыта на лестнице давно, верно? Верно, клянусь девой Стефанией! Нет, Муньос не умеет читать, поэтому не открывал книги. Да ничего особенного не заметил, взял ее под мыш-

ку и поковылял к выходу. Нет, все было тихо, даже эхо там какое-то глухое, наверное, из-за пыли. Собаки? Как же, собак там полно, все такие злющие, ровно... ровно... ну, злые, словом. Но у Муньоса был с собой посох, так что собаки боялись приближаться.

Куда потом направился? Да прямо к дому Унсусе и направился. А потом в таверну «Карменчита», там пиво очень дешевое...

Итак, старый книгочей не лгал мне хотя бы в части своего рассказа. Я не видел ни одной причины, по которой Аугустин Муньос стал бы сочинять небылицы, да и вряд ли он был способен сочинить что-либо путное или хотя бы складное. Каждое его слово казалось мне правдой, наблюдением ничем не запятнанной бродячей души.

Аугустин Муньос действительно ходил на днях в монастырь Эстебан Бланкес и действительно принес оттуда какую-то книгу.

Какую-то. Вот это — единственный момент, который прояснить было невозможно. По словам Муньоса, книга была «такая, с закорючками на обложке и толстая, как каравай хлеба, клянусь девой Стефанией».

Ссыпав в подставленную коричневую ладонь Муньоса несколько мелких медяков, я покинул Муэрта Фолла, исполненный сомнений и растерянности.

Еще через некоторое время я переговорил с тремя стариками из припортовых кварталов (там почему-то много долгожителей). Все трое прекрасно помнили темную историю с исчезновением Вернера Шпредихта — впрочем, я и сам помнил эту историю. Тогда даже бездельники из магистрата некоторое время бегали рысцой и пытались неуклюже выведать подробности пребывания немца в Картахене. Его так и не нашли, как, впрочем, и подробностей.

Один из стариков помнил даже давнее исчезновение рифмоплета из Веракруса — говорил, что целых четыре дня по Картахене расхаживали горластые глашатаи и зазывали знать послушать эту птицу в субботу вечером в гостиницу «Фиеста Кастилья». Кое-кто, говорят, пришел, да только самого рифмоплета в назначенный час разыскать не удалось; старик смутно помнил кое-какие отголоски этого скандала.

Все трое вспомнили и блаженного Хуана Сантаелену и в один голос показали, что умер тот в возрасте не то шестидесяти с чем-то лет, не то пятидесяти с чем-то. Умер тихо и мирно в хижине посреди Муэрта Фолла, упокой небо его невинную душу.

К вечеру из предместья, где был расположен монастырь Эстебан Бланкес, вернулись солдаты. Они обшарили весь пустырь, основательно разворошили свалку, словно грабили хозяйские перины в поисках спрятанных драгоценностей. Нашли останки убитого ножами подростка и труп старика, обглоданный собаками. Они исходили все монастырское подворье вдоль и поперек и не отыскали ничего, кроме пыли. Ничего солдаты не нашли и в кельях, и в скитских башнях, и в трапезной, и в зале храма, и в подземельях храма, и на чердаке храма.

Насчет подземелий, правда, солдаты выражались довольно расплывчато, и я понял, что особенно далеко никто не забирался. Сальвадор Камараса, говорят, имел бледный вид, когда выслушал доклад капитана, но не проронил ни слова.

Ну кто в здравом уме полезет глубоко в подземелья заброшенного монастыря?

Впрочем, пыль все равно рассказала следопытам, что ко входу в подземелья никто давным-давно не приближался. Зато совсем недавно кто-то шастал по храму. Двое людей прошли к лестнице на чердак и поднялись, а еще двое дошли только до лестницы, а затем вернулись и ушли прочь. Первые двое, по словам следопытов, с чердака не спускались. Чердак же остается совершенно пустым, и на нем следов никаких нет. Такое впечатление, что эти двое поднимаются по лестнице и на самом верху растворяются в воздухе.

Следопыты опознали в одной из цепочек следов отпечатки башмаков Фернандо Камараса.

Я думал надо всем этим весь вечер. Лежа одетым поверх постели и уставившись на огонек светильника.

Выходит, это вовсе не собаки. Выходит, стоило мне войти тогда в монастырский храм, и я сам бы все это рассмотрел и распутал. Но что же меня не пустило? Предчувствие?

Что за пугающая тайна прячется в этих древних стенах? Как она связана с книгой, зовущейся «Око бездны»? Что за странное, наконец, и зловещее название для философского трактата?

Во что ты вмешался, Мануэль Мартин Веласкес, сын портнихи и горе-сыскарь? Дыхание каких сил коснулось тебя?

Я снова и снова задавал себе этот вопрос и не заметил, как заснул. Во сне я видел книгу, она сама собой раскрывалась, но я никак не мог прочесть ни единого слова, буквы словно бы расплывались, а потом вдруг из глубины страницы отчетливо проступило

чье-то молодое лицо, искаженное не то мукой, не то яростью, и я откуда-то знал, что это лицо поэта Габриэля Роберто Мартинеса, рожденного в Веракрусе и канувшего в небытие на окраине Картахены. Немота одолела меня, и я, не в силах задать вопрос, отчаянно жестикулировал, но Мартинес меня не замечал. А потом вдруг оказалось, что это лицо никакого не поэта, а старого книгочея Ксавьера Унсуе. Книгочей взглянул на меня и отчетливо произнес: «Зло приходит из бездны по грешные души. Покуда существует грех, зло будет приходить».

Я проснулся мокрый как мышь; в окно просачивалась зыбкая полутьма близкого рассвета. Светильник был погашен, и масло наполовину заполняло пузатый стеклянный сосуд.

Светильник не мог погаснуть, пока не выгорело все масло. Значит, кто-то его погасил. Не я же? А Генису запрещено входить в мою берлогу.

Пот прошиб меня вторично, и тут я понял, что ощущаю странный запах — тонкий и чуждый человеческому жилищу. Что-то замешенное на мускусе. Одеревенев от внезапного ужаса, я затаил дыхание; мне казалось, что в комнате я не один, что стоит лишь пошевелиться, и откуда-нибудь из темного угла вырвется нечто и...

Что — «и...» я никак не мог вообразить, и от этого отчаяние мое становилось лишь глубже.

Я успел много раз умереть и воскреснуть, пока тело мое перестало быть средоточием ледяных волн, гуляющих под кожей, а естество мое перестало быть комком полуживотного страха. Рассвет вливался в окна Картахены, и, к счастью, в мое окно он вливался тоже. Берлога моя была пуста — в том смысле, что никого и ничего постороннего в ней не появилось — и захлавлена, как обычно. Только след странного запаха да неведомо как погасшая лампа.

«Зло приходит из бездны, — подумал я. — Клянусь девой Стефанией, как сказал бы Аугустин Муньос!»

Я вдруг понял, что частичка моей души принадлежит уже не одному мне. «Око бездны». Зло смотрит из бездны, и недавно оно углядело меня.

Холодная дрожь снова сотрясла мое тело.

Бог мой, да я так невесть чего навывдумываю! Прочь отсюда, прочь из четырех стен, на воздух, на улицу, под утреннее небо...

Я с грохотом ссыпался по лестнице, тревожа соседские сны, и с завистью подумал, что соседям наверняка снится что-нибудь приятное. Прохладный утренний ветерок и какая-то первозданная невинность нарождающегося дня ошеломили меня, и я застыл на булыжной мостовой напротив дома, в котором появился на свет и в котором вырос, словно увидел дом впервые. Восток розовел, и вразной шелкали птицы, встречая просыпающееся Солнце.

Если и осталась где-нибудь тьма, то разве что в виде осадка на задворках моей души.

Но я прекрасно знал, что тьма никогда не уходит бесследно и безвозвратно. Особенно из души.

Помощнику Альфонсо Баройя надоело платить мне по полмонеты в день спустя неделю. Что же, сказал я, никто не посмеет заявить, что Мануэль Мартин Веласкес не старался.

Никто и не заявил. Но Торреса мне можно было больше не искать. Как и Фернандо Камараса. Однако история эта все не шла у меня из головы. Ночные кошмары посещали меня еще дважды, но не такие леденящие, как в самый первый раз. Я мало-помалу обретал бывшее душевное равновесие, хотя что-то внутри меня все-таки переменялось, я это чувствовал.

Не могу сказать, чтобы меня тянуло к монастырю Эстебан Бланкес, но я поклялся, что при случае постараюсь распутать странную загадку с исчезновением людей.

Прошел год. Целый год. Я за это время отследил много неверных жен и мужей, отыскал немало украденных вещей и даже разобрался с убийством помощника Альфонсо Баройя — бедняга ненадолго пережил Сантьяго Торреса, но погиб безо всяких загадочных историй: его зарезали на рынке Эдмундо Флорес за горсть серебряных монет, которую он получил с распространителей масла за неделю торговли. Когда я поймал убийцу — заезжего гастролера из Борита-Фе, — чинуша, заправляющий магистратом, долго тряс мою руку и заверял, что попытается выбить мне регулярное жалованье. Я, естественно, не поверил и оказался совершенно прав. В общем, время шло.

Однажды вечером я обнаружил на своей улице прогуливающегося книгочя Ксавьера Унсуе. Он выглядел таким же старым, седым и бодрым, как и год назад. Только в глазах его появился какой-то нездоровый лихорадочный блеск.

— Веласкес! — воскликнул он, завидев меня. — Я полдня тебя дожидаюсь!

— Чтонибудь случилось? — спросил я настороженно.

— Случилось, — мрачно сказал книгочей. — Мы можем где-нибудь поговорить?

— За углом есть вполне пристойная таверна.

— Пристойная? — фыркнул Унсуе, как показалось мне, с легким презрением. — В этом районе разве бывают пристойные заведения?

— Для этого квартала — вполне пристойная, — спокойно парировал я. — Там тебя гарантированно не зарежут в первую же минуту. К тому же там меня знают.

В «Маньяна» меня действительно знали. И даже могли накормить и напоить в кредит, если бывали трудности с монетой. Хорошо, что такие трудности последнее время случались все реже — я слыл удачливым и пронирыливым сыскарем, и все больше людей обращались ко мне. Я, если честно, даже стал задумываться о более приличествующем жилье в более приличествующем квартале Картахены.

— Так что же стряслось? — спросил я, когда мы уселись за стол в самом дальнем углу таверны и пригубили первое пиво.

Старик поднял на меня испытующий взгляд. Снова заблестели его глаза, а в паутине глубоких морщин словно бы запутался немой вопрос.

— Скажи-ка, Веласкес, — спросил книгочей немного погодя. — С тобой никаких странностей не происходит? Ну, там, дурные сны или необъяснимые желания... наведаться к Эстебан Бланкес, например. А?

Я задумался. Сны... Сны бывают, этого не скрыть. А вот необычных желаний я припомнить не смог. Впрочем, я понимал, о чем на самом деле спрашивает книгочей. Печать той самой книги. Он считает, что раз я открывал «Око бездны» — на меня легла некая зловещая печать. И якобы однажды я обнаружу, что не принадлежу сам себе.

— Нет, Ксавьер Унсуе, — ответил я, как мне показалось, вполне искренне. — Я не чувствую над собой проклятия. Что же касается дурных снов — так они всем периодически снятся. Даже праведникам. Это все, что ты хотел услышать?

Книгочей продолжал сверлить меня взглядом. Скорее всего он не поверил, что я ничего особенного в себе не замечаю. Потом угрюмо устался в полупустую пивную кружку.

— Книгой снова заинтересовались, — сказал он тихо.

Я едва не подскочил на лавке. Неужели пришло время разгадать загадку книги и монастыря? Я ведь поклялся разгадать ее когда-нибудь. Правда, мне совершенно не верилось, что случай подвернется так скоро.

— Кто? — спросил я, подавляя в себе целую бурю противоречивых чувств.

— Рикардо Эчеберья. Студент.

— Как давно?

— Он ходит ко мне уже второй год. Сегодня утром я заметил, что он подходил к полке с монастырскими книгами.

— И это все? — протянул я с сомнением.

— Он дотрагивался до книги. Я видел. Возможно, даже не в первый раз.

— И что ты хочешь от меня?

— Проследи за ним, — шепотом попросил Унсуе. — Я так больше не могу.

— Не можешь чего? — жестко спросил я. — Не можешь молчать, когда твои читатели идут на смерть?

Унсуе враз стал казаться даже не старым — дряхлым.

— Раньше, выходит, мог? — продолжал я. — А, книгочей? Что это с тобой вдруг случилось?

Я понимал, что поступаю жестоко. Но остановиться не мог.

Некоторое время мы просидели в звенящем молчании. Наконец я слегка оттаял:

— Сколько у нас времени? У нас... и у него?

— Не знаю, — все еще шепотом ответил Унсуе. — Думаю, с неделю.

— Где он живет?

— В студенческом приходе Санта-Розалины, недалеко от собора. Знаешь, где это?

— Знаю, — вздохнул я. — Как, говоришь, его зовут? Родриго Эчеберья?

— Рикардо. Рикардо Эчеберья, — поправил меня книгочей. Впрочем, я прекрасно запомнил имя и с первого раза. Я ведь сыскарь все-таки, а не выживший из ума нищий с Муэрта Фолла.

— Ладно, — отрезал я. — Я займусь этим. Постарайся никуда не отлучаться из своей норы, ты можешь мне понадобиться в любое время.

Я встал и бросил на стол медную монетку.

— И вот еще что, — добавил я несколько мягче. — Прости, что я был с тобой так резок, Ксавьер Унсуе...

Мне показалось, что от меня испуганно отшатнулось что-то огромное и темное. Словно заметило во мне нечто губительное для себя.

М-да. И это называется, я никаких странностей около себя не замечаю.

За неделю я изучил жизнь Рикардо Эчеберья буквально по часам. Чем занимается, куда и когда ходит, когда спит, когда ест — словом, все-все-все. Я не мог не заметить, что ведет он себя не совсем обычно — часто замирает на улицах, словно в задумчивости, а потом вдруг начинает недоуменно вертеть головой, словно не может понять, где находится и как здесь очутился. Знакомые его тоже отметили, что Рикардо последнее время стал рассеян и часто не замечает вопросов, с которыми к нему обращаются. Отец Гонсалио, который преподавал в Санта-Розалине философию, слово Господне и литературу, все это подтвердил и высказал предположение, что юноша просто устал.

Мне так не казалось. Друзей у Рикардо было немного, и, слава Богу, никто из них не знал о природе моих истинных занятий и интересов. Я что-то сочинил им о причинах, по которым якобы разыскиваю Рикардо, и едва успел отделаться от них и затеряться в толпе, когда сам Рикардо показался вдали на улице. Он брел повесив голову в сторону студенческого прихода; брел с северо-востока. Библиотека Ксавьера Унсуе находится именно там.

Я внимательно наблюдал за ним из-за палатки торговца свечами.

Вот на ком печать безысходности видна была с первого взгляда — такой вид бывает у неизлечимо больных.

Я впервые разглядывал Рикардо Эчеберья так близко.

Он миновал ворота прихода, рассеянно кивнул старику при vratнику и, прижимая локтем небольшой сверток, направился ко входу в камчой.

Почти сразу же я заметил и Ксавьера Унсуе. Неуклюже пытаюсь казаться незамеченным, он шел следом за Рикардо; при этом старый книгочей смешно вытягивал шею и старательно вертел головой. Я поспешил ему навстречу.

Меня он не заметил — я подождал, пока Унсуе пройдет мимо, и легонько дернул его за рукав.

Книгочей вздрогнул и обернулся. Затем облегченно выдохнул:

— Это ты, Веласкес! Как вовремя я на тебя наткнулся!

Я не стал уточнять, кто на кого наткнулся в действительности.

— Эчеберья взял книгу! «Око бездны» сейчас у него! Подумать только, я в первый раз заметил пропажу книги раньше, чем пропажу своего читателя...

Унсусе так иступленно и так громко шептал, что прохожие стали оборачиваться, я потянул его с площади прочь, в тихое место под оливками напротив собора.

— Думаешь, это знак, что он собирается направиться в Эстебан Бланкес? — спросил я, когда уверился, что посторонние уши нас не услышат.

Унсусе взглянул на меня, как на умалишенного.

— Конечно! Зачем еще ему книга?

Я пожал плечами:

— По-моему, в монастырь он мог бы и без книги отправиться. Что-то тут не так...

Книгочей сглотнул; кадык под дряблой кожей на горле дернулся, словно пытался вырваться на свободу.

— Не знаю. Все, кто приходит в Эстебан Бланкес без книги, ничего там не находят. Только пыль и запустение. Думаю, книга позволяет заглянуть туда, куда остальным смертным путь заказан.

— Заглянуть — и остаться там навеки? — саркастически хмыкнул я.

— Как знать, — задумчиво сказал Унсусе. — Возможно, заглянув, и мы не захотели бы вернуться в Картахену.

Я помолчал.

— Ладно, — вздохнул я. — Пойду его отговаривать...

Книгочей вцепился мне в руку:

— Нет!

Я удивленно замер.

— Почему — нет? Он же пропадет! Пропадет, как и все остальные!

Ксавьер Унсусе продолжал держать мой локоть с неожиданной для человека его возраста силой.

— За ним нужно проследить, Веласкес! Пойти в монастырь следом за ним и самим все увидеть. И понять.

Я задумался. В самом деле. Ну, отговорю я сейчас этого одержимого студента, хотя что-то заставляло меня усомниться в успешности подобной попытки. Найдутся ведь другие. Потом. Кто знает, в чьи руки попадет эта книга, когда старый Унсусе умрет?

Действительно, следует разобраться во всем. Я не верил, что книга открывает путь в некий аналог христианского рая, — тогда она не называлась бы «Око бездны» и не внушала бы трепет. И никто не сказал бы мне, что зло глядит из бездны, — даже во сне не сказал бы. Это злая книга. Иначе бы из-за нее не пропадали люди. Возможно, подсмотрев за Рикардо Эчеберья, я сумею понять, как зло опутывает людей и заманивает их в монастырь. И научусь разбивать его оковы.

И тут же взыграла во мне обычная людская мнительность.

Эй, Мануэль Мартин Веласкес! Очнись! Опомнись! Какое зло? Какие оковы? Не выдумывай ерунды и не бери на себя роль того, кто судит — что есть зло, что есть добро. Не твое это дело, ты ищи жуликов и неверных жен да дуй свое пиво в грязных тавернах. Бороться со злом — удел героев.

Да и как его представить и овеществить — зло? Что ты ожидаешь встретить в монастыре? Что или кого? Дьявола с колодой карт? Свору адовых псов, шелкающих зубами? Ты хоть знаешь, что такое настоящее зло?

Нет.

Тогда чего суешься?

Но ведь я поклялся.

Это не имеет значения.

А что тогда, черт побери, имеет значение под этим небом? Что? Серебряные монеты? Так я их уже получил. За найденного мною Фернандо Камараса. И за найденного мною Сантьяго Торреса. Если изменять собственным клятвам — как себя уважать впоследствии? И как жить, себя не уважая?

— Идет! — потормошил меня Ксавьер Унсусе. — Дева Стефания, он идет!

Я взглянул, стараясь подавить злость на самого себя. Рикардо Эчеберья с тем же свертком под мышкой решительно шагал через площадь прочь от ворот прихода. Шагал быстро и целеустремленно, направляясь вдоль по улице, ведущей к портовому спуску. Оттуда как раз удобно свернуть в сторону дальнего предместья, где расположен монастырь Эстебан Бланкес.

Все. Рассуждать нет времени. Пора действовать. Следить так следить.

И я двинулся следом за студентом. Ксавьер Унсусе остался стоять под оливами, хотя я полагал, что он отправится за мной.

По-моему, он испугался.

Я умею идти за человеком по улицам Картахены и оставаться при этом незаметным. Не спрашивайте как — словами этого не объяснишь, да и не люблю я выдавать свои секреты. Но за Рикардо Эчеберья смог бы прокрасться и полный дилетант: студент шел не оборачиваясь и совершенно не глядя по сторонам. Только иногда зыркал под ноги — но лениво и даже как-то нехотя — и снова, казалось, засыпал на ходу. Странно, но быстрая ходьба вовсе не развеивала впечатление о том, что этот незадачливый парень со свертком под мышкой на ходу дремлет. Наоборот, даже непонятным образом усиливала. Возможно, оттого, что у него двигались только ноги, корпус же и голова и прижатые к телу руки оставались в неподвижности, как у манекена в мастерской моей покойной мамы.

Мы миновали поворот к порту; как я и ожидал, Эчеберья свернул направо и углубился в кварталы Тортоза Бенито — нескончаемые кривые улочки, двух- и трехэтажные домишки, кое-как слепленные из известняка, глухие заборы и пыльные ветви персиков и олив над заборами. За этими неприступными оградами то и дело взлаивали цепные псы — более удачливые родичи тех, что бродили вечно полуголодными по городской свалке около Эстебан Бланкес. Я иногда обгонял Эчеберья, торопливо минуя многочисленные боковые улочки, дожидался его и снова обгонял. Я кружил вокруг него, словно хищник вокруг ничего не подозревающей добычи.

И все время вспоминал, что пока еще могу его остановить.

К монастырю Эчеберья вышел даже раньше, чем я ожидал. Неутомимый ходок этот студент, а ведь сразу и не скажешь. Я устроился за высокой и наименее смердящей кучей — по-моему, вывезенным строительным мусором — и приготовился наблюдать.

Рикардо Эчеберья вышел из окраинного переулка и стал торопливо спускаться в лощину по извилистой тропе.

Солнце лишь мало-помалу клонилось к отдаленным мусорным кучам на дальнем краю лощины. Только бы этот студент не стал выжидать до ночи, подумал я с неясным напряжением. Торчать здесь в темноте? Нет уж, увольте. Не стану я находиться рядом с Эстебан Бланкес ночью и парню этому не позволю. Возьму за шкуру и отведу в приход, к таким же, как он, обормотам с ветром в голове.

Откуда появились собаки (или волкособаки), я заметить не успел. Просто несколько мусорных куч у тропинки вдруг оказа-

лись сплошь под лапами этих тварей. Их было много, десятки, и все они стояли вдоль тропы и молча глядели на Рикардо Эчеберья. Словно почетный караул на торжественном выходе короля в Эскуриале.

Впервые за последние час или два Эчеберья очнулся от своего непонятного оцепенения. Он завертел головой, оглядывая собачий караул, и крепче прижал к себе сверток.

Собаки молчали. Ни рыка, ни лая — могильное и оттого кажущееся зловещим молчание.

Противный и такой знакомый холодок прогулялся по моей спине — впервые за сегодня.

Эчеберья, как мне показалось, на дрожащих ногах шел мимо собак, и они тянулись к нему влажными носами, не издавая ни единого звука. Это было до жути неправильно, неестественно, невозможно — молчаливая стая. Холод, бездонный холод терзал мое тело.

Дыхание бездны.

Эчеберья скрылся за воротами. Собаки внутри даже не пытались сунуться, покружили у шели и помалу потрусили куда-то в сторону.

Я проворно вскочил и тоже поспешил к воротам. Стая тотчас замерла, повернув головы в мою сторону, и мне вдруг показалось, что это не много существ, а одно — многоголовое и чужое.

Мороз стал злее, но не смог поколебать мою решимость.

Мануэль Мартин Веласкес не отступает от собственных обещаний... По крайней мере пытается в это верить.

Ключья потревоженной паутины шевелились на краях створок. Я разглядел впереди спину Рикардо Эчеберья — студент входил в храм. Меня он не замечал, по сторонам не глядел и ни разу за весь путь от Санта-Розалины не оглянулся.

Мягко и бесшумно я поспешил за ним.

У входа я прислушался — шаги студента раздавались внутри, но еле-еле. Мне казалось, что они должны были звучать громче.

Я заглянул — Эчеберья как раз приближался к лестнице на чердак.

Шаг. Еще шаг. И еще.

Вокруг было тихо и пусто, но это только сильнее било по нервам и подпускало холоду.

И вдруг, когда Эчеберья поднялся на пару ступенек к чердаку, а затем медленно-медленно развернул свой сверток и, словно за-

вороженный колдовским сном, опустил книгу на камень лестницы, я ощутил: что-то мгновенно изменилось в монастыре.

Точнее, в храме.

Еще миг назад там, наверху, было пусто и пыльно.

Теперь — нет. Там появилось что-то. Точнее, не совсем так. Там исчезло все, что являлось просто чердаком над храмом Эстебан Бланкес. Теперь там возникло какое-то другое место, и в этом месте обитало нечто.

Не могу объяснить лучше.

Рикардо Эчеберья, по-прежнему сонный и покорный чужой воле, поднимался по ступеням. Мне мучительно захотелось окликнуть его, остановить, задержать, спасти. Я еще мог это сделать — лестница была достаточно длинная.

Но я промолчал.

И студент беспрепятственно поднялся на самый верх и ступил туда, где раньше был просто чердак, а теперь возникло то самое чужое место.

Не могу сказать, как долго я торчал у храмовых врат, пригвожденный к полу. Наверху было тихо.

А потом Рикардо Эчеберья закричал. Это не был вопль ужаса или испуга. Это был глас обреченности.

Я сам не заметил, как взлетел по лестнице на самый верх. Помню, я очень удивлялся, что сапоги не скользят, словно по льду. Говорят, что лед скользкий.

Все-таки это оставалось похожим на обыкновенный пыльный чердак, но только необъяснимым образом увеличившийся в сотни раз. Зыбкий свет сочился откуда-то сверху, был он слабым и неверным и скорее скрадывал, чем освещал.

Рикардо Эчеберья стоял на коленях чуть впереди меня, метрах в двадцати, и к нему по стылым камням ползло нечто. Нечто бесформенное, похожее на мешок или бурдюк. Оно было таким чужим, что даже не вызывало обычного страха. Оно само было страхом.

Злом из бездны.

Всхлип — всхлип, не крик — примерз у меня к гортани. Я окаменел. Стал таким же камнем, как свод храма, пол чердака. Как монастырские стены. Но я мог видеть — в отличие от настоящего камня.

Когда оно приблизилось к студенту, снаружи еле слышно взвыли собаки. Студент упал — оно стало наползать на него, слов-

но чудовищная, безликая и бесчувственная амеба. И я буквально всем естеством ощутил, что студент исчезает, растворяется в окружающем, теряет сущность. Расстается с душой. Руки его безвольно дергались — слабо-слабо. Скребли камень.

Я не мог представить, что он чувствует. Но я точно знал — Рикардо Эчеберья страдает. Страдает так, что смертному вообразить это невозможно. А потом это бесформенное вдруг отрастило две словно бы руки — могучих и длинных — и стало мять Рикардо Эчеберья, будто пластилиновую куклу. Лепить из его плоти каменную статую. Не знаю, почему каменную, — возможно, потому, что в только что живом человеке не осталось ни капли тепла. Поэтому и пришло мне в голову такое сравнение.

Несколько выверенных движений — и кукла отброшена в сторону; она, нелепо разведя руки в стороны и изогнувшись, как от непереносимой боли, прыгает по полу и неожиданно встает на ноги. И застывает — это более не человек, это просто статуя, имя которой Боль и Стрдание.

Отныне и навсегда.

Я откуда-то точно знал это — навсегда Боль и навсегда Стрдание.

А секундой позже я заметил еще кое-что.

Эта статуя не была единственной на внезапно разросшемся чердаке храма Эстебан Бланкес. Их были сотни. А возможно, и тысячи — злу всегда хватает времени. Они стояли как лес, как застывшая толпа, каждый в своей позе, но все носили одно и то же имя.

Боль и Стрдание навсегда.

А потом зло взглянуло на меня. Этот взгляд оказался холоднее, чем самый первый сон о бездне.

Я не помню, как оказался снаружи. И понятия не имею, почему бездна меня отпустила, а не превратила в одну из статуэток, замороженных и выпитых до донышка на самом краю вечности. Я валялся меж двух мусорных куч, прижимая к груди проклятую книгу, а мой сапог осторожно обнюхивала тощая черная собака.

Одежда была липкой — снаружи от грязи, изнутри от пота. Руки с книгой тряслись, несмотря на то что я прижимал их к телу. Небо наполнилось звездами, чуть в стороне от Картахены висела едва выщербленная луна, заливая зыбким призрачным светом

необъятный пустырь и монастырские стены, похожие на клок темноты, упавший с густо-фиолетового неба.

Эстебан Бланкес. Средоточие зла. Которое всегда возвращает-ся, потому что мир полон таких людей, как ты, Мануэль Мартин Веласкес. Который вместо того, чтобы попытаться задержать одурманенного Рикардо Эчеберья, сумел лишь стать свидетелем его гибели. Даже нет, не гибели — гибель это просто шаг за край, в черноту.

Я вдруг остро понял, что такое рай. Не кущи и не пение ангелов, вовсе нет. Рай — это благо черноты, это шанс не превратиться в статую по имени Боль и Страдание, обреченную на вечность подле зла, а возможность просто исчезнуть во мраке.

Ты не дал этого шанса студенту, Мануэль Мартин Веласкес. И куда существуют такие, как ты, — зло будет возвращаться.

Осознание этой простой истины отозвалось во мне судорожным всхлипом. И одновременно пришло знание. Не обращая внимания на близость собаки, я сел и раскрыл книгу. Сразу на нужной странице.

Ты не можешь прогнать зло. Но отогнать, отогнать на долгое время — можешь.

За жизнь всегда платят жизнью, Мануэль Мартин Веласкес. За страдание — страданием. За предательство — искуплением. Но плата никогда не бывает слишком высокой.

Отгони зло своим именем — отгони как можно на более долгий срок. Чем тверже останется твой дух во время короткого пути к монастырскому храму и крутой лестнице, тем дольше книга будет дремать на полке какого-нибудь книгочая. Пусть ноги слабеют и оскальзываются на мусоре, зато у тебя достанет сил ни разу не оглянуться и не замедлить шаг.

И пусть безмолвный собачий караул будет тому свидетелем — ты ни разу не оглянешься на этом пути.

Вскоре после рассвета через пустырь-свалку проковыляли два человека. Старый книгочей Ксавьер Унсуе и нищий, которого звали Аугустин Муньос. Они направлялись к монастырю.

— Что-то собак не видно, — озабоченно пробормотал книгочей. — Ты же говорил, что тут пропасть собак!

— Не видно, и к лучшему, клянусь девой Стефанией, — беспечно ответил Муньос, при каждом шаге вдавливая в мусор пятку

отполированного сотнями рук посоха — обычной деревянной палки. — Никогда мне эти твари не нравились!

Аугустин Муньос предавался мечтам. О том, как он сейчас вынесет из этого странного, но ничуть не опасного места книгу, отдаст ее простофиле-книгочею, получит несколько монеток... А у «Карменчиты», где очень дешевое пиво, уже с нетерпением ждут приятели по Муэрта Фолла...

Наконец виляющая тропинка привела их к обветшавшим воротам.

— Никого! — с отчетливым удовлетворением объявил Аугустин Муньос. — Я быстро! Да не трясь ты, я тут много раз бывал.

Книгочей неуверенно кивнул. Он до последней минуты надеялся, что по дороге встретит Веласкеса и Эчеберью. Он и сейчас еще продолжал надеяться.

Муньос скользнул в щель между створками и, постукивая посохом о вымощенное камнями монастырское подворье, поковылял ко входу в храм. Вход почему-то напомнил Ксавьеру Унсуе ненасытную пасть, Врата Ругиана из книги Айтора Вилларойя «Предел невозможного».

Книгочей вздрогнул от собственных мыслей. Слишком уж злобещим получилось сравнение. А потом он вдруг заметил: вид храма как-то неуловимо изменился. И старый камень поднимающихся к небу голов будто бы посветлел. И кресты вроде бы стали поблескивать на солнце.

Да и покрытые лишайником стены вдруг стали казаться чуть ли не празднично-нарядными.

Ксавьер Унсуе медленно-медленно, по-стариковски подволакивая ноги, вошел на монастырское подворье. К входу в храм он не стал приближаться. Почему-то его потянуло на зады, за храм, к дальней из скитских башен.

Он шел долго, недоверчиво прислушиваясь к собственным ощущениям. Под ногами сухо похрустывала мелкая каменная крошка.

За храмом Ксавьер Унсуе обернулся и еще раз поглядел на изменившееся сердце монастыря Эстебан Бланкес. На храм в центре подворья.

И вдруг понял, что изменилось.

Голов у храма теперь было не семь, а восемь. Маленькая, всего по пояс, башенка из кремового камня возносила на уровень человеческой груди такой же маленький купол, увенчанный алонсовс-

ким крестом. Отчего-то Ксавьеру Унсуе подумалось, что она очень похожа на молодой древесный побег, который со временем вырастет и потемнеет.

Но эта мысль мелькнула и исчезла, едва старый книгочей увидел под маленьким куполом ослепительно белую надпись — еще ослепительно белую, не успевшую потемнеть от времени, как на других, уже выросших головах храма Эстебан Бланкес.

Три слова. Имя.

Мануэль Мартин Веласкес.

— Эй, книгочей! — закричал от входа в храм Аугустин Муньос. — Ты где? Получай свою книгу!

Но Ксавьер Унсуе не услышал этого зова. Прижав руки к сердцу, он медленно осел на древние камни монастырского подворья и мертвыми невидящими глазами вперился в небо над окраиной Картахены.

ПЕЛЕНА

Рассказ

Бойт ждал пятницы с отчаянием — ночь на субботу была первой ночью полнолуния. Значит, опять начнется... Боль во всем теле, приблизительно с полуночи. И слухи, слухи, ползущие по городку: «Вы слышали? У Фарлинггов сын пропал. И сарай сломан, а забор и вовсе в щепы...»; «А следы, следы? Кто может оставлять такие следы на земле?»; «Кто?» Потом, конечно, найдутся обезображенные останки молодого Фарлинга, жители торопливо попрячутся по домам, запирая двери и ставни, потому что покрасневшее солнце нырнет за горизонт и сразу же навалятся липкие июньские сумерки, а за ними — вторая ночь полнолуния.

Бойт удрученно вздохнул. Все началось недавно — это полнолуние всего третье. И все же... Уже четырежды находили истерзанные останки жителей Армидейла, неосторожно покинувших свои дома ночью. Несколько раз к утру оказывались полуразрушенными деревянные строения.

Городок погрузился в оцепенение. Обитатели отсиживались за мощными стенами старых каменных домов, понимая, что оборотень — кто-то из местных. Армидейл — такая глушь, что за ночь добраться от ближайшего селения можно разве что на самолете, а самолеты сохранились только в столице и, говорят, давно уже не летают. Горы и лес окружили городок с трех сторон, единственная дорога убегала на юг, где далеко-далеко, в неделе пути, лежит такой же замшелый городишко Гриборг.

Бойт торопливо шагал по улице, обдумывая то, что пришло в голову сегодня утром. Соседи безмолвно кивали ему — Бойт здоровался и сразу же опускал взгляд. Он боялся, как и все в Армидейле.

Правда, никто не мог узнать, что боится он совсем не того, что остальные. Самое парадоксальное — больше всех боялся именно

Бойт. Остальные боялись только оборотня. Бойт боялся всего — себя, сограждан. Боялся, что его разоблачат. Боялся неминуемой и неотвратимой расправы. Как ужасно терзаться страхом, которому виновник — ты сам! И ведь поделаться ничего нельзя.

Бойт от бессилия зажмурился и до боли сжал кулаки.

Дом у него был старый и крепкий. Будь оборотнем кто другой, Бойт чувствовал бы себя вполне в безопасности за его массивными стенами.

Дверь глухо хлопнула, закрываясь. Бойт замер на пороге комнаты. И так... Получится ли?

Лан неслышно подошел к сестре и положил руки ей на плечи. Васта испуганно вскрикнула, отшатнулась прочь. В глазах ее сверкнул ужас. Лан смутился.

— Прости... Я не хотел тебя испугать...

Сестра всхлипнула, опускаясь на табурет.

— Господи... Сколько это будет продолжаться?

— Прости, Васта. Мне кажется, я кое-что придумал.

Васта горько усмехнулась:

— Что ты мог придумать? Кто может справиться с этой тварью?

Лан не успел ответить — в наружную дверь постучали. Почти одновременно часы пробили десять вечера.

— Не открывай! — прошептала Васта, судорожно вцепившись брату в локоть. — Это ОН!

«Рано еще, до полуночи далеко...» — подумал Лан и вышел в сени. Васта не отпускала его руки.

— Не открывай!!!

В дверь опять постучали. Удары гулко отдавались во всем доме.

Лан взял свободной рукой разрядник, всегда висевший на крайнем крючке вешалки, и громко спросил:

— Кто там?

Снаружи донеслось:

— Лан! Открой! Это мы — Ари и Веселый. Открой, пожалуйста!

Васта вздрогнула и крепко сжала брату ладонь: Ари был ее женихом.

— Что вы, черт возьми, делаете во дворе в такой час?

— Лан, у нас в спальне кто-то окно вышиб. В дом теперь может влезть кто угодно. Открой, пожалуйста! Нам негде укрыться. Эй, слышишь?

Лан колебался.

— Почем мне знать, вы это или только притворяетесь?

— Лан, прошу тебя, мы уже десять минут торчим на улице беззащитными...

— Ари, — перебила Васта, скажи, как ты меня называешь? Только ты? Как?

Из-за двери сразу же послышалось:

— Шао!

— Это он! — сказала Васта брату. — Никто не может этого знать.

Лан отступил и отодвинул тяжелый засов. В сени поспешно ввалились двое — Ари и его закадычный дружок, имени которого никто не помнил. Звали его просто Веселый.

В открытую дверь на миг заглянул желтый кругляш полной луны. Лан защелкал замками.

— Черти бы вас побрали! Шляетесь в такое время... — проворчал он, вешая разрядник на место.

Веселый сегодня выглядел не особенно веселым. Ари перестал обниматься с Вастой и повернулся к Лану.

— По правде говоря, дом у нас в полном порядке, Лан. Просто я придумал, как изловить это отродье, — сказал он.

Лан покачал головой:

— Ты идиот, Ари. Я бы ни за что не вышел на улицу в потемках.

— Надо же что-нибудь делать, — пожал плечами Ари и усадил Васту в кресло. Лан вздохнул, вопросительно качнув головой:

— Ну, выкладывай, что ты там придумал.

Звезды поблекли, темнота расползлась, уступая место рассвету. Бойт дернулся и пришел в себя. Все тело ломило и жгло, словно его долго топтали в кислотной луже.

Он огляделся. Городок виднелся в полумиле слева. Бойт вскочил, превозмогая боль, и побежал туда, торопясь скрыться, пока окончательно не рассвело. Бежал он по знакомому следу — двойной цепочке четких глубоких отпечатков, внушающих подсознательное смутное беспокойство.

Значит, ничего не вышло. Вчерашняя выдумка не остановила его.

На околице Бойт свернул со следа и задами пробрался к своему дому. Дверь болталась на легком ветру, распахнутая настежь. Он вошел в комнату и устался на груду битого кирпича вперемешку со штукатуркой.

Вчера он снял люстру, привязал к крюку в потолке крепкую капроновую веревку с петлей на конце. Еще одной веревкой обя-

зал массивную чугунную печь. Около полуночи встал на табурет, одну петлю захлестнул на ногах, другую на запястьях. Завалился набок, взыв от боли в вывернутых плечах, и повис, растянутый между потолком и печью, абсолютно беспомощный. Это было вчера вечером. Больше он ничего не помнил.

Бойт угрюмо поднял глаза. Крюк был вырван с мясом. На потолке остался безобразный кратер метрового диаметра. Сам крюк с креплением валялся посреди комнаты. Шнур, привязанный к печи, был просто оборван и пестрой змеей свился в углу.

Бойт судорожно сглотнул и обессиленно повалился на кровать. Боль медленно отступала. «А ведь сегодня нужно еще что-нибудь придумать», — мелькнула вялая мысль.

Армидейл тем временем оживал. Вот хлопнули отворяемые ставни, вот показалось помятое, тронутое ночным страхом и бессонницей лицо.

Спустя час Бойт встал и начал собираться на работу. Работал он единственным продавцом в крошечном магазинчике и обычно целый день механически принимал деньги, отпускал покупки, а сам думал все время о своем.

Бойт запер дом и побрел вверх по улочке к магазину. Сегодня должен был заявиться хозяин и привезти партию товаров, ну и, разумеется, устроить Бойту обычный разнос, после которого все пойдет как прежде.

Жители Армидейла торопливо кивали друг другу и спешили поскорее разойтись. Бойт вел себя точно так же.

У дома Ридли Ньюмена стояла группа прохожих. С двух сторон дом был основательно разворочен — стены рухнули и развалились по кирпичику, крыша перекосилась и просела почти до земли. С чердака только что сняли насмерть перепуганного сына Ридли; самого хозяина и его жены нигде не было видно. И следы, следы, знакомые жуткие следы кругом... Бойт вздрогнул и быстро зашагал прочь.

Лан вернулся через час. Ари и Веселый побросали лопаты и выбрались наверх.

— На этот раз Ридли Ньюмен с женой, — глухо сообщил Лан. — Вдребезги, в пыль...

— А мальчишка? — спросила Васта. Она стояла в дверях, опираясь ладонью о косяк, и смотрела на Лана.

— Живой, но, похоже, лишился рассудка.

Ари скрипнул зубами и прыгнул в яму, на лету подхватив лопату.

— Давайте! Времени не так много.

Втроем дело у них пошло споро. Яма быстро углублялась.

Около двух Васта заявила, что всем давно пора передохнуть и подкрепиться. Сели за стол. Васта до сих пор слабо представляла себе, что же задумали парни.

— У меня такое впечатление, — объяснял ей Ари и одновременно рассуждал вслух, — что оборотень двигается не быстрее нас. Все его жертвы и не пытались бежать — они погибли, парализованные страхом. Обычно он нападает на не слишком прочные дома и ломает их. Дверь, окно, и все — обыватель уже вопит от страха. Кто попадается во дворе — рвет на части или давит, словно грузовик. Вспомните первые убийства — след оборотня везде был коротким. Это значит, что догонять жертву ему не приходилось. А вот Веселый месяц назад попался ему на дороге, но удрал. Побегал и оторвался уже через минуту.

— Ты видел оборотня? — изумился Лан.

Веселый угрюмо кивнул:

— Да.

Васта схватилась за виски:

— Господи...

Лан чужим голосом спросил:

— И... какой он?

Веселый помедлил и сказал с интонациями пророка:

— Я не хочу никого пугать. Но если мы его не перехитрим, он убьет нас всех.

Все притихли. Потом Ари завершил:

— В общем, Васта, хоть оборотень и становится гораздо сильнее в ночном обличе, в скорости он вовсе не прибавляет. Мы хотим замаскировать нашу яму, заманить его туда и убить.

Васта покачала головой:

— Неужели это так просто?

Ари встал.

— Нет. Но мы попытаемся. Если не трусить и все рассчитать... — Он обратился к Лану: — Пошли! Лучше, чтобы яму никто не видел.

Вскоре западня была готова. Ари обозначил ее границы неприметными вешками.

Двор Лана с улицы почти не просматривался: высокая живая изгородь ошетибилась короткими шипами и сплошной пеленой мелких зеленых листьев образовывала настоящую стену. Яму выкопали посреди двора; дальнюю ее сторону прикрывал дом; ближнюю — изгородь. Справа был крепкий каменный сарай, слева — дорожка от калитки к дому.

Веселый влез на столб у калитки и прикручивал проволокой мощный прожектор. Ари и так, и эдак приглядывался к западне, доводя маскировку до совершенства. Лан за домом разбрасывал вынутую землю, потом ему стал помогать Веселый. Скоро участок стал выглядеть просто вскопанным.

Только после этого они собрались в доме. Васта привычно проверила запоры на окнах.

Вечерело. На голубом еще небе отчетливо виднелся бледный диск полной луны.

Васта взглянула на Веселого и без выражения спросила:

— Думаешь, твой прожектор поможет?

Тот неопределенно пожал плечами:

— Все же лучше, чем столкнуться с ним при свете одной лишь луны.

— Так он вам туда и свалится.

Веселый только усмехнулся.

Смеркалось быстро. Васта хотела уже закрыть ставни, но Лан ее остановил.

— Иди-ка ты в свою комнату, сестра, запишись и постарайся уснуть. Ты нам будешь только мешать. — Голос у брата был непривычно ломкий. Васта просто не смогла не подчиниться, хотя перспектива остаться в одиночестве в темной комнате отнюдь не радовала ее. Ари обнял ее и отвел в спальню. Ключ дважды провернулся в замке.

И они стали ждать. Часы пробили десять, потом одиннадцать. За окнами было тихо, только шелестела листва на ветру. Прожектор на столбе ярко освещал двор и часть улицы, и от этого липкий полумрак за пределами светлого круга казался еще более злоеющим и непроницаемым.

В полночь они открыли дверь, застыли на крыльце.

Армидейл глядел в ночь редкими огоньками. Темные туши домов выстроились вдоль едва освещенных фонарями улиц. Гнеущий лунный свет скупо разливался вокруг.

— Черт побери! — прошептал Ари. — Поди угадай, откуда он явится!

Веселый на ватных ногах проковылял по дорожке и вышел на улицу. Постоял посреди пустынной дороги — нелепый, жалкий и одинокий. Крикнул срывающимся голосом:

— Эй! Где ты? Иди сюда!

Лан ткнулся в плечо Ари:

— Ну почему мы такие беспомощные в этой пелене?

Веселый все переминался с ноги на ногу посреди освещенного пространства, вертел головой — озирался. Так прошло минут двадцать.

Вдруг Веселый подобрался и бочком, бочком юркнул в калитку; взбежал на крыльцо. Лан сжал разрядник, до рези в глазах вглядываясь в обманчивый полумрак. Но ничего не происходило, все осталось так же зыбко, тихо и неподвижно. Веселого трясло. Он прошептал:

— Я больше не могу...

Ари зло сплюнул.

— Так мы ничего не добьемся.

А ночь раскинула крылья, поглотив и Армидейл, и горы, и полмира, и драгоценным бриллиантом сияла в небе над ними полная луна.

Они вернулись в дом, пытаясь что-нибудь придумать; у двери все время находился кто-то один. Позже к ним присоединилась Васта, издерганная и усталая.

А перед рассветом ночную тишину вспорол отдаленный рев и полный отчаяния и безысходности пронзительный крик. Все четверо мигом оказались на крыльце, напряженно уставившись в темноту; Лан судорожно держался за разрядник, внешне совсем маленький и безобидный. Васта прижалась к Ари.

Оборотень чинил расправу кварталах в пяти от них. Крики оборвались почти сразу, а густой утробный рев еще долго сотрясал теплый июньский воздух. Луна села час назад, там было темно, как в преисподней. Каждый понимал, что бежать на помощь уже поздно.

Потом начало светать, и они заснули кто где сидел, разбитые и утомленные нервной ночью, забыв даже закрыть дверь.

Лан очнулся, когда часы в комнате пробили пять вечера. Не проснулся, а именно очнулся, ибо то безграничное и бездонное забытье, куда он провалился, сном назвать было трудно.

Ари с Веселым сидели на крыльце, вполголоса переговариваясь, Васта еще спала. Лан с хрустом потянулся и побрел к зеркалу. Заснул и очнулся он с одной и той же мыслью: как приманить оборотня к дому? Не устраивать же вечеринку на крыльце...

Стоп! А почему бы и нет?

Лан круто развернулся и вышел к Ари с Веселым. Те сразу заметили оживление на его лице.

— Ты как будто что-то придумал?

— Кажется, да!

Кого настиг оборотень прошлой ночью, они в тот день так и не узнали. А когда стало темнеть, недоумевающие соседи могли видеть ярко освещенное крыльцо в доме Лана, накрытый на четверых стол и веселящуюся компанию. Далеко окрест разносился звон гитары и сдержанный смех. Среди столовых приборов как бы случайно лежал разрядник.

Веселый последние два часа перед темнотой провел в импровизированной химической лаборатории. Теперь он вертел в ладонях два стеклянных пузырька с вязкой жидкостью цвета серебра.

«Гуляли» почти до утра. Но оборотень так и не появился. Эту ночь его вообще никто не видел и не слышал — первая ночь без жертв. Армидейл не знал, что делать — вздохнуть свободно или бояться еще сильнее. На дом Лана смотрели с подозрением: не они ли? Ведь никто не пострадал...

Напрасно ждали его и следующей ночью. Нервы Лана и его сообщников натянулись до предела. Шла последняя ночь полнолуния.

На закате Ари с Веселым решили обойти дом. Просто так, без какого-либо умысла. И на разбросанной два дня назад земле наткнулись на знакомые зловецкие следы.

Лан сидел на крыльце и чистил разрядник, на который почему-то очень надеялся. Когда из-за угла пулей вылетел Ари с перекошенным лицом, Лан непроизвольно вздрогнул и вскинул оружие.

— Лан! Он все-таки был здесь! Последние две ночи выжидал за домом!

Потом они все вместе ходили осматривать следы и сломанный забор. Веселый хмурился, Ари все ждал, что же скажет Лан. А тот не спешил.

— Ну что? — не выдержал Ари. — Кажется, мы теперь знаем, откуда его ждать!

Лан не ответил. Он тоже об этом подумал. Если оборотень опять придет и решит напасть, значит, он выйдет к крыльцу слева, между домом и сараем, и если убежать с крыльца по дорожке, оборотень, преследуя их, неминуемо попадет в западню.

Но сейчас Лана волновало не это. Во-первых, как тварь смогла бесшумно сломать забор и подобраться к дому? Так, что даже они, ждущие и настороженные, ничего не заподозрили? И почему, черт возьми, он две ночи выжидал? Что его удерживало?

Лан терялся в догадках. Все разрешить могла только ночь. Последняя ночь полнолуния.

И она пришла, затянув городок зыбкой неясной пеленой; разбросала по угольному бархату неба колючие светляки далеких звезд; и глянула на мир круглым немигающим глазом полной луны!

Прошла полночь. Шумная компания во дворе Лана на фоне вымершего городка казалась несколько неестественной. Но у них не осталось выбора. Они должны были победить.

Спиной к щели между домом и сараем сидел только Ари. Лан с Веселым не спускали с нее глаз. Васта уже дважды ходила в спальню и украдкой глядела в окно, пытаясь увидеть выжидающего за домом оборотня.

Ветер запутался в листе серебристых тополей, слегка колыхая их стройные кроны, но шелест заглушала музыка.

Васта в третий раз пошла взглянуть в окно. Вот тут-то все и началось.

Оборвалась на полуслове песня, погас на столбе прожектор. И, кромсая на части ночную тишь, в воздухе завис громкий рев, перекрывая крик, одновременно вырвавшийся из трех мужских глоток. Васта закричала секундой позже.

Оборотень напал совсем не с той стороны, откуда его ожидали. Он проломил ограду соседского двора справа от крыльца и оказался на дорожке, ведущей к воротам. Ни Ари, ни Лан, ни Веселый не успели ничего заметить; сообразили только: «Началось!» Перед глазамиплыли цветные пятна. Лан рефлекторно вскинул разрядник и наудачу выпалил. В свете короткой вспышки они увидели массивное приземистое тело в каких-то двух-трех шагах от себя. Лан попал, динамический удар отшвырнул оборотня от ступенек, воздух сотряс новый злобный рев.

Секундой позже опомнилась Васта и метнулась к пускателю аварийного дизеля. В темноте прихожей она зацепилась за кресло, налетела на стеллаж с книгами. На счастье, палец ее угодил прямо на кнопку и грохот просыпавшихся книг заглушил вой генератора. Над крыльцом как раз вовремя вспыхнула тусклая пыльная лампочка.

Оборотень вновь лез по ступеням, дыра в широком боку быстро затягивалась. В неверном колеблющемся свете он казался огромным, хотя на самом деле был даже ниже малыша-Веселого.

Ари опрокинул на тварь сервированный стол и перемахнул через перила. Разрядник Лана плюнул плазмой еще раз, однако оборотень зарастивал раны прямо на глазах. Его лишь отбросило к стене дома. Веселый, пригнувшись, пересекал двор. Лан выстрелил еще дважды и швырнул бесполезный разрядник, целясь оборотню в глаза. Ари жался к стене: оборотень загнал его в угол, где крыльцо примыкало к дому, и не подмял до сих пор только потому, что его отвлекал Лан своей стрельбой. Стараясь использовать оставшиеся секунды, Ари попытался вскарабкаться на крыльцо, но оборотень успел сцапать его сзади. Ари подтянулся на руках, перевалился через перила и, оглянувшись, осознал, что у него больше нет левой ноги. Боли не было — его переполняло только отчаяние и ненависть.

Лан с Веселым подкрались, пока оборотень драл Ари, и обрушили на него тяжеленную дубовую колодину. Тот развернулся, мотнул могучей лапой — Лана отбросило через весь двор к калитке. Веселый увернулся и бросился наутек. Оборотень рыкнул и в два скачка нагнал его. Веселый вдруг споткнулся и упал.

В этой суматохе никто не заметил, как Васта выпрыгнула в боковое окно и скользнула за сарай, к задней двери.

Лан у калитки пытался подняться, но не мог — все время падал. Веселый еще раз увернулся от страшной лапы и наконец вскочил. Оборотень приготовился на него ринуться, однако не успел.

Из сарая с пронзительным воплем, от которого вздрогнул даже оборотень, показалась Васта. Ее светлая фигурка явственно выделялась на фоне темной стены.

— Сюда! Иди сюда, тварь!

На секунду их взгляды встретились. Оборотень замер, повернувшись к ней. А потом стал медленно приближаться.

Веселый метнулся на крыльцо, где выронил свои пузырьки. Их подал ему Ари.

С громким хрустом настил над ямой проломился, оборотень, тяжело осев на левый бок, провалился в западню. Лапы скользнули по краю ямы, но зацепиться было не за что. Оборотень попался.

Над городком раскатился злобный, но бессильный уже рев. Веселый, став на краю западни, с силой метнул вниз оба пузырька. Они с легким хлопком разлетелись на мелкие стеклянные брызги от удара о закаленную сталь. Над ямой сразу же за клубился густой белесый дым.

Васта охнула и опустилась на землю у стены сарая, Лан чертыхался и умолял помочь ему подняться. Ари молча наблюдал с крыльца за развязкой. Веселый первым делом сходил к электрошлиту, а Вастой занялся, только когда вспыхнул прожектор, свет в доме и совершенно не к месту заиграла музыка.

А оборотень тем временем быстро ржалел в западне.

Веселый больше не спешил. Отвел слегка пришедшую в себя Васту в дом, взял отвертку и шуп, кое-как вогнал в пристойный режим сплюснутый гирофиз Лана, а потом они уже вдвоем осмотрели Ари. Сам он не пострадал, а вот оторванная нога, помятая и погнутая оборотнем, годилась разве что в утиль. Пришлось усадить Ари в кресло и совсем отмонтировать ему бесполезный обрубок — новую ногу ему прикрепят днем, в мастерской Бена.

Только после этого Лан с Веселым подошли к яме. Оборотень, рыжий от ржавчины, неподвижно валялся на дне. Лан втянул в голову в плечи.

— Дьявольщина! Вот он уже и не опасен, а все равно жутко, правда?

Веселый кивнул.

— Что у тебя было в бутылочках? Какой-то катализатор?

— Угу, — нехотя промычал Веселый. — Репид-окислитель.

Они собрались было отойти, но тут оборотень всхрипнул, дернулся, могучие лапы вдруг с ужасающим скрежетом разложились на восемь сегментов, шипастые гусеницы обвисли, ковш впереди стал стремительно выгибаться, принимая очертания передней панели обычной серийной модели. С хрустом становились на места сочленения, перемонтировались отдельные узлы, и через несколько минут на дне ловушки лежал такой же робот, как и Лан с Веселым, только насквозь проржавевший.

— Бойт! — узнал его Веселый. — Подумать только, Бойт! Этот жалкий продавец, тихоня и неудачник!

— Да-а... — протянул Лан. — Так и запишем: серийный кибер-продавец 2A-JR, образца 7226 года, бульдозер-роборотень.

Васта собирала на крыльце разбросанный сервис — разрисованные цветочками мини-аккумуляторы.

— Васта! — окликнул ее Лан. — Знаешь, кто это? Бойт, продавец из магазина.

Но Васта только тихонько всхлипывала.

Апрель 1990 г.

Григорьевка

ПЕРЕСТАРКИ

Рассказ по мотивам

— Тирьямпампация, — пробормотал Кондратьев.

А. и Б. Стругацкие

Полдень, XXII век

Маврин, конечно же, надулся. Умеет он дуться — лицо сразу делается до невозможности презрительным, уголки рта опускаются, взгляд становится надменным. Сквозь прищур. Выстрел, не взгляд.

Капитан терпеливо вздохнул.

— Ну хорошо. Что ты предлагаешь?

— Ответить! — Маврин даже удивился. Словно бы говоря: «А что тут еще можно предложить?»

Капитан усмехнулся. Ответить! Можно подумать, у них энергии — пруд пруди. Или он сначала замедлится предлагает?

Связь с Землей они утратили шесть лет назад. То есть теоретически они могли получить сигнал с Земли, теоретически могли даже отправить ответный... но после этого «Форвард» вряд ли бы сумел завершить очередную пульсацию. Завис бы навеки неизвестно где, в душной щели между нормальным пространством и... пространством ненормальным. Нелинейным. В общем, застрял бы, как монетка за подкладкой.

— Ладно...

Капитан еще раз переспросил. На всякий случай:

— Тебе точно не померещилось?

Маврин опять надулся, но теперь капитан не обратил на это внимания.

— И за аппаратуру ты ручаешься?

— Ручаюсь. Как за себя.

Капитан фыркнул. Это звучало слишком двузначно: либо Маврин правдив до конца, либо свихнулся на пару со своим хваленым фар-спикером.

— Пошли поглядим... Кстати, сигнал дешифруется?

— Не знаю. По-моему, он вообще не зашифрован. Кто-то шпарит открытым текстом — в записи скорее всего. На фар только самое начало прорывается, я прослушал и сразу сюда.

Капитан уже более или менее отошел от экстренного пробуждения. Он натянул синий комбинезон, морщась, выпил стакан какой-то дрянной микстуры, поднесенный услужливым диагностером, пошел вслед за Мавриным. В рубку.

Как всегда, после пробуждения зверски хотелось есть. По коже бродили стада мурашек с иголочками вместо лапок, и капитан то и дело массировал затекшие мышцы рук и торса. До которых был в состоянии дотянуться. Очень хотелось — не меньше, чем есть — помассировать и ноги тоже — но не на ходу же? А останавливаться капитану не хотелось вовсе — Маврин опять, наверное, надуется. Нервный он стал какой-то...

«Все мы стали нервные, — подумал капитан. — Все. Черт бы побрал этот космос! Зачем он такой безграничный? Летим к одной из самых близких звезд, давно летим, двадцать лет уже, и только-только подползаем к середине пути. Или к четверти, если обратный путь тоже считать...»

Маврин что-то говорил, оживленно жестикулируя, оборачивался, заглядывал в глаза капитану, и капитан машинально кивал, поддакивал, шевелил бровями, когда было нужно, но думал совсем не о выходках фар-спикера. Думал он обо всем сразу — и ни о чем конкретно.

«Нервные. Станешь тут нервным — «Форвард» прет сквозь пространство, а на экранах ничего не меняется. Ни-че-го. То есть ничего и не должно меняться, и все это прекрасно знают. Но что-то внутри протестует. Вот проснешься к очередной смене — и первым делом на обзорники в галерее. Жадно, словно от этого что-нибудь зависит. И наблюдаешь ту же картину, ту же паутинистую сеть звезд, рисунок которой успел заучить еще на позапозапрошлом дежурстве. Только алая точка на диаграммере смещается дальше от условного знака Солнца. Единственная перемена в рубке...»

— ...не может быть и эхом, потому что ближайшее скопление... — вещал Маврин, и капитан согласно кивал. Солидно так

кивал, по-капитански, и глаза Маврина теперь становились значительными и даже чуть-чуть торжественными. Маврин любил, когда его хвалили. А, впрочем, кто этого не любит?

Двадцать лет. С лишним. Восьмая звездная стартовала и ушла к Сальсапарелле — в долгий, почти нескончаемый путь сквозь световые годы и — увы! — сквозь годы обычные. На Земле прошло уже больше семидесяти. Три поколения, черт побери! Три поколения успело смениться! А они только полпути к Сальсапарелле одолели.

Может быть, правы те, кто считал звездные экспедиции преждевременными? Кто считал их трагическими шагами в бездну? Самарин, например.

Тогда, двадцать лет назад... хотя нет, не двадцать. Меньше — ведь большую часть времени капитан и остальные из экипажа «Форварда» провели в гиперсне. Но иногда капитану казалось, что он действительно постарел на двадцать лет. И — соответственно — стал смотреть на многие вещи немного иначе. Тогда, перед стартом, он презирал всех, кто высказывался против звездных. Считал их перестраховщиками и где-то трусами. И лицо, наверное, при этом у капитана делалось совсем как у Маврина, когда тот недоволен.

Капитан вздохнул. Маврин осекся на полуслове, вопросительно заглянул капитану в глаза. Нескончаемый коридор вел в головную часть «Форварда» — коридор длиной в полтора километра.

— Может быть, стоило взять велосипеды? — озабоченно спросился Маврин. — А?

— Ничего-ничего. — Капитан бодро расправил плечи. — Пройтись после сна даже полезно. Сам, что ли, не знаешь?

Маврин смолчал, но взгляд у него теперь сделался подозрительным. Наверное, он воображал, что капитан не умеет читать его взгляды. Хотя Маврин скорее всего также научился читать чужие взгляды...

Восемь человек в огромном корабле. Восьмая звездная. Они изучили друг друга, как узники-соседи по камере, приговоренные к пожизненному заключению.

Полтора километра от жилого блока до рубки. Это еще что, от жилого до реакторного кольца — шесть. Шесть километров. И еще столько же от кольца до дюз, но там коридора, естественно, нет. Там длинные сужающиеся трубы векторных ускорителей и пузатые нашлепки инжекторов на каждой трубе. Людям за реакторным кольцом нечего делать — да и не выживет там человек. Скафандр

высшей защиты превратится там в излучение в миллионные доли секунды. Но все же чуть позже, чем человек внутри скафандра. За дюзами оставались обширные области искореженного, изломанного пространства, и никто, даже физики, не мог внятно представить, что там, во-первых, творится, и когда, во-вторых, возмущения сгладятся и пространство придет в норму. А уж почему все это происходит... это вообще вопрос отдельный.

Впереди вставала овальная переборка с овальной же створкой шлюза. Маврин подошел к створке первым, откинул панель и бодро наступал код. Створка медленно провалилась внутрь, освобождая проход. Едва она закрылась, как ожила другая створка, напротив.

Кольцевая галерея, опоясывающая рубку, имела прозрачные стены. То есть, строго говоря, стены были непрозрачные — просто внутренняя поверхность стен представляла собой сплошной панорамный экран. И изнутри галерея выглядела как гигантский прозрачный бублик, зависший между звезд.

Капитана всегда раздражало, что на части экрана, обращенной к корме, где полагалось быть коридору и могучим тягам-станинам, телу «Форварда», беззаботно сияли звезды. В том числе родное наше солнышко. Отчего-то все время казалось, что рубка оторвалась от корабля и летит себе не пойми куда, в межзвездную пустоту, не в силах ни замедлиться, ни ускориться, ни даже смазывать.

Какой психолог это просмотрел? Его бы сюда, да после шестимесячного дежурства... В голос бы взвыл!

Едва миновали еще один шлюз, из галереи в рубку, капитан свернул налево. В сортир. Организм просыпался после долгой спячки. Маврин тактично покосился и ушел собственно в рубку, где сразу же уселся у пульта фар-спикера.

Капитан вернулся спустя несколько минут.

— Вот! Вот! Смотрите сами! — заорал Маврин, едва капитан вошел в круглый, как монета, зал. Мозг «Форварда», если угодно. Самое главное помещение на звездолете.

Но капитан первым делом взглянул, конечно, на диаграммер. Алая точка сместилась, но не так далеко, как он ожидал. Конечно, ведь разбудили его раньше, чем предполагалось...

На рисунок звезд капитан взглянул еще в галерее. На знакомые до отвращения очертания созвездий.

— Смотрите! Опять принимает! — не унимался Маврин.

Приемник фар-спикера мигал глазком индикатора. Он действительно что-то умудрялся выловить из окружающего эфира. Немного — всего шестьдесят четыре символа. Шестьдесят четыре байта. Одну-единственную строку. Остальное обрезал странный и неразгаданный пока закон фар-связи в режимах пульсации.

форвард прекратите пульсацию экстренно объяснения после земля
Шестьдесят один символ и три пустых в конце.

Капитан тупо глядел на монитор. До сих пор он не мог поверить, до сих пор надеялся, что все как-нибудь просто и естественно объяснится, что все окажется не более чем неожиданным и приятным приключением, отвлекающим от рутины нескончаемого полета к Сальсапарелле.

Но все оказалось не так. Маврин ничего не напутал и ничего не приплел. Ничего ему не померещилось, и он не сошел с ума. Хотя оставался шанс, что они оба сошли с ума и что у них сходный горячечный бред.

До завершения очередной, семнадцатой пульсации оставалось еще полтора месяца. Потом — короткое пребывание в обычном пространстве, придирчиво-тщательная ориентировка, расчеты и очередной прыжок за подкладку мироздания, когда четырнадцатикилометровый корабль-песчинка замирает посреди бесконечного ничто и только далекие и равнодушные звезды видны из-за подкладки. Вблизи же не видно ничего. Да и нет ничего вблизи, кроме осколков пространства.

Но кто тогда посылает сигнал? Осколки пространства?

Капитан с трудом подавил желание длинно выругаться.

— Надо тормозить! — без обиняков сказал Маврин. — А, капитан? Раз ответить не сумеем — тормозить надо.

«Дьявол! — подумал капитан. — Представляю, что начнется, когда придет Самарин, штатный циник восьмой звездной!»

Капитан наперед знал, что тот скажет, потому что Самарин уже тысячу раз говорил это. При всех. Еще на Земле, перед стартом.

Что они не долетят до Сальсапареллы. Что за годы полета на Земле пройдет уйма времени — и люди научатся прыгать к звездам. Прыгать, а не тащиться годами. И что все их мучения окажутся напрасными.

Капитан знал даже, какие именно слова скажет Самарин. Способ быстрого полета к звездам он назовет тирьямпампацией. Он

будет говорить о музее Самарина в Вологде, сплошь мемориальных досках и о рогатом шлеме, который якобы носил Самарин в детстве. И о нехороших ассоциациях, связанных с бюро Вечной Памяти. И о молодежавых потомках еще что-то скажет. А участников восьмой звездной назовет перестарками.

— То-то Самарин раздухарится, — проворчал Маврин, косясь на капитана.

Капитан слабо пошевелился.

— Мысли ты, что ли, читаешь?

— Только учусь, — отозвался Маврин с неожиданной тоской в голосе. — Капитан, неужели он прав?

— Как видишь, не совсем. — Капитан пожал плечами. — Он прогнозировал веселье по возвращении из полета, а потомки, похоже, оказались гуманнее. Они решили предупредить нас еще по пути туда.

— Предупредить? — не понял Маврин.

— Предупредить, — холодно пояснил капитан. — Что Сальсапарелла давно изучена, что они туда летают на уик-энд и что там теперь искусственная планета-курорт размером с Юпитер. Или как там в книге-то?

— А-а-а, — дошло до Маврина. — И на том спасибо. Сколько лет мы сэкономим? Шестьдесят, что ли?

— Около того, — отозвался капитан. Мрачно отозвался. Очень мрачно.

— Зося не выдержит, — вздохнул Маврин. — Столько лет коту под хвост? Нет, точно не выдержит.

форвард прекратите пульсацию экстренно объяснения после земля

— Буди экипаж, — устало сказал капитан и поднял глаза на Маврина. — Слушай, где ты коньяк прячешь?

Маврин покраснел.

— Вы действительно знали?

— Сережа, в моем экипаже идиотов нет. Просто мой коньяк нашел Шапиро и, конечно же, выдул. А в каюту идти мне лень.

Маврин вздохнул и полез под кресло, в зип фар-спикера. Извлек початую бутылку «Юбилейного», сбегал на кухню и притащил пару стаканов. Дунул в них зачем-то, налил на два пальца каждому.

— Может, еще и бутербродики сообразишь? — попросил капитан. — Чес-слово, шевелиться не хочется... Ноги дрожат.

— Момент, Михалыч! — Маврин засуетился, поставил стакан с коньяком на пульт, отпихнул ногой раскрытый чемоданчик зипа и вскочил.

— Побудку-то все-таки включи. Время идет... — проворчал капитан.

Маврин торопливо заколотил по клавишам дежурного терминала. В полутора километрах отсюда вспыхнул ослепительный свет, выдергивая медблок из темноты, зацокали диагностеры, поднялись колпаки камер гиперсна. Пятеро звездолетчиков начали двухчасовой путь от небытия к жизни. А Маврин зайцем ускакал на кухню и чем-то там зашуршал, чем-то зазвенел. Там Маврин чувствовал себя хозяином. Почти как за пультом фар-спикера.

— Кстати, — спросил капитан, повысив голос, — а где Маша?

— Спит! — прокричал Маврин с кухни, заглушая ровное гудение микроволновки. — Я на нее наорал, и она обиделась. Неделю уже.

— В смысле — гиперспит? — удивился капитан; одним глотком выпил коньяк и болезненно поморщился. — Осел ты, Серега. Разве можно так с женщинами?

Маврин виновато шмыгнул носом, опять громче микроволновки.

«Гиперспать» — это слово Маша же и изобрела. «Пойду-ка я погиперпоплю...» Остальные на «Форварде» радостно подхватили это громоздкое словечко и употребляли его к месту и не к месту.

Маврин вернулся с подносом; увидел, что стакан капитана пуст, и вновь плеснул на два пальца «Юбилейного».

— Между прочим, — едко сказал капитан, — коньяк принято пить из бокалов. Пузатых таких бокалов. — Он показал каких. — На кухне в шкафу стоят, мог бы и отыскать. А ты — как студент, из гранчака.

Глаза у Маврина сделались наполовину виноватыми, наполовину озорными; сочетание было на редкость забавным. Капитан даже фыркнул. От выпитого коньяка по жилам растекалось приятное тепло и отступала противная пустота в груди.

Пустота, порожденная боязнью, что Самарин окажется прав. Что дело, которому они посвятили всю жизнь, уже сделано другими людьми, сделано лучше, проще и надежнее.

И что они вернутся на чужую Землю, Землю будущего века, вернутся в качестве живых ископаемых, в качестве беспомощных экспонатов исторического музея.

Они чокнулись и выпили — капитан восьмой звездной Виктор Сперанский и кибернетист восьмой звездной Сергей Маврин. Выпили и взяли по бутерброду с изяшного, разрисованного диковинными цветами подноса.

— Кстати, — сказал Маврин с набитым ртом, — а пульсацию прервать? Время-то идет, как вы изволили выразиться...

— Не раньше, чем проснутся остальные и мы обсудим этот вопрос, — спокойно отозвался капитан. Так спокойно, что Маврин даже жевать перестал.

— То есть — обсудим? Вы же капитан!

— А вдруг я сумасшедший капитан? А? — спросил Виктор, стараясь говорить спокойно. — А ты — сумасшедший кибернетист-связист-дежурный?

Маврин только глазами недоуменно хлопал. Капитан развивал тему:

— Вдруг это просто галлюцинация двух сумасшедших звездолетчиков? Навеянная, скажем, бутылочкой-другой «Юбилейного»?

Маврин немного обиделся:

— Я сегодня не пил... А даже если и пью иногда, то уж не до галлюцинаций... К тому же сходных галлюцинаций у разных людей, по-моему, не бывает.

— Много ты знаешь о галлюцинациях, — проворчал капитан. — Вот придут все, тогда и поглядим. Одинаковые галлюцинации сразу у восьмерых — вот это действительно маловероятно. А у двоих...

Капитан неопределенно пошевелил пальцами.

— Да ты наливай, наливай, — добавил он негромко.

Маврин подчеркнуто четким движением взялся за бутылку.

Коньяк они допили. Бутерброды доели. Промолчали минут пятнадцать, и тут шлюз тихо пропел, открываясь. Вошел Герман Шапиро, физик, химик... и обладатель еще дюжины специальностей, как это принято у звездолетчиков. Велосипед Герман зачем-то протасил сквозь шлюз и прислонил к стене рядом с дверью в кухню.

— Что случилось? — ровным голосом спросил он и натолкнулся взглядом на бутылку из-под коньяка, по-прежнему стоящую на краю пульта. Брови Германа поползли на лоб.

— Да вот, — небрежно сказал капитан. — Кто-то мой коньяк упил, пришлось Серегу раскручивать. Ты не знаешь — кто?

Шапиро замаялся. Кончик носа у него предательски покраснел.

— Я думал, это коньяк Самарина...

— Самарин коньяк в библиотеке прячет, — сообщил Маврин со знанием дела. — На второй полке, слева. За «Железной башней» Строгова. Она как раз толщиной с бутылку и высотой тоже.

Шапиро мельком взглянул на диаграммер и вздохнул.

— Так что случилось-то?

— Полюбуйся на фар-спикер, — посоветовал Маврин.

Единственная строка все еще тлела в кубе монитора. Шапиро взглянул и насупился.

— Что это еще за новости?

— Это значит, — жестко сказал капитан, — что Самарин, кажется, прав.

Шапиро не успел ответить — снова пропел шлюз и в рубку ворвался расхристанный, как всегда, Леша Самарин. Комбинезон у него был застегнут косо и не на все пуговицы, ботинки — не зашнурованы, а кепка надета задом наперед. Он единственный из экипажа носил кепку — никто не знал, зачем или почему. Может быть, мерз?

— Что Самарин? Что Самарин? Самарин всегда прав!

Он задержал взгляд на диаграммере.

— Ух! Всего-то! Я думал, дальше отползли. Какое число сегодня? Я часы забыл. И месяц какой заодно?

— Десятое апреля, — не задумываясь, ответил Маврин.

— Девчата где? — осведомился капитан.

Самарин пожал плечами:

— Прихорашиваются, где же им быть? Это мы, балбесы, чуть гиперпроснулись — и в рубку...

Самарин улыбнулся, но тут взгляд его упал на монитор фар-спикера и улыбка медленно сползла с его губ.

— Да, — сказал капитан. — Похоже, мы таки дождались.

Он внимательно глядел на Самарина, и Серега Маврин внимательно глядел на Самарина, и невозмутимый Шапиро тоже. А Самарин, штатный циник «Форварда», вдруг впервые за много лет полета стал растерянным — у него даже губы задрожали. Он молчал. И продолжал неотрывно глядеть на единственную строку на мониторе.

— Леша, а Леша? — ласково сказал умница-Шапиро. — Где ты прячешь коньяк? А то кэп с Серегой все выпили...

Капитан мрачно пропел панихиду экспедиционной дисциплине. Про себя пропел, конечно, не в голос.

— Коньяк? — отозвался Самарин нетвердо. — В библиотеке... Сейчас принесу...

И он уныло поплелся к шлюзу. Его бутылка оказалась непочатой.

Они приканчивали ее, когда вошли девочки — все как одна свежие, подтянутые и благоухающие.

— Привет, звездные волки! — радостно поздоровалась Марина, жена капитана. Увидев тару с коньяком и без, она удивленно округлила глаза.

— Ничего себе! Пьянка на рабочем месте? Мы что, уже прилетели? Досрочно?

— Вот именно, — буркнул Самарин. — Прилетели.

Самарин снова становился циником. Жена его, Тамара, мельком взглянув на диаграммер, немедленно принялась по-людски застегивать и одергивать его комбинезон и тихо что-то выговаривала ему.

— Фар-спикер принял сообщение, — официальным тоном объявил капитан. — Попрошу ознакомиться и высказаться.

Для «ознакомиться» понадобилось меньше минуты.

— Значит ли это, — вздрагивающим голосом спросила Зоя Симушкевич, жена Германа, — что наш полет досрочно завершен по сценарию Алексея?

— По форсированному сценарию Алексея, — поправил Самарин.

Зоя повернулась к нему.

— По форсированному сценарию Алексея, — согласилась она и вопросительно поглядела на капитана.

Капитан почему-то обрадовался возвращению Самарина в роль штатного циника. Самарин с дрожащими губами нравился ему куда меньше — как капитану восьмой звездной. А вот как человеку... «Впрочем, вздор! Ты — капитан, Виктор. Сейчас ты капитан, и отвечаешь за них всех. В том числе за собственную жену».

— Ребята, — сказал капитан терпеливо. — Я знаю не больше вашего. Я видел ту же строку на мониторе, что и вы. А Сережа Маврин ее принял — только и всего. Я сижу здесь, — капитан взглянул на часы, — уже полтора часа. И полтора часа пью коньяк. Потому что боюсь: все окажется именно так, как расписывал Са-

марин, и нам ничего не остается, как вернуться на Землю средствами наших далеких потомков и, вместо того чтобы стать первоисследователями одной из звезд, сделаться историческим курьезом эпохи досветовых полетов.

У нас есть два пути. Путь первый: плюнуть на все и не прерывать пульсацию. И скорее всего стать курьезом, бессильным в своем упрямстве и упрямым в своей бессилии. И путь второй: замедлиться и узнать, в чем дело.

— Вдруг окажется, что все не так уж плохо, — вставил Шапиро. — Вдруг они просто догнали нас, потому что научились летать немного быстрее. И хотят просто сэкономить нам пару лет.

Самарин поразмыслил и немедленно возразил:

— А если окажется, что это какие-то необъяснимые глюки фар-спикера? Тогда мы потеряем несколько лет на прерванной пульсации.

Все невольно взглянули на Маврина, повелителя пульс-связи.

— Ну, — спросила Маша, проотив, наверное, уже своего непутевого мужа. — Могут у твоей шарманки случиться глюки?

Маврин неопределенно пожал плечами:

— До сих пор не случались. Но кто поручится?

Некоторое время все переглядывались.

— Я с трудом могу представить себе человека, который в подобной ситуации протестовал бы против решения замедлиться и выяснить, в чем дело, — осторожно сказала Марина и украдкой переглянулась с мужем. Капитан мысленно поблагодарил ее.

— Я тоже, — присоединился Шапиро.

— Два, — подытожил капитан. — Точнее, три, я тоже за остановку. Остальные? Я не тороплю. Можете подумать.

— Что тут думать! — воскликнул Маврин. — Я чуть сразу не остановил пульсацию. Но потом все-таки решил посоветоваться с нашим уважаемым капитаном! — Маврин картинно поклонился в сторону Виктора.

— Спасибо, — серьезно сказал капитан. — Уважил!

Зоя мучительно улыбнулась. Именно мучительно. Капитан тотчас пожалел, что решился шутить в такой неприятной ситуации.

— Ну что, Зоя? — участливо спросила Маша. — Присоединимся к мужьям? Не допустим в семьях разногласий?

Зоя зябко передернула плечами.

Капитан хотел сказать: «Итак?», — но вспомнил, что пообещал никого не торопить.

— Да что там, капитан, — взмахнул рукой Самарин. — Верти рубильник. Лучше быть неудачниками, чем идиотами.

— Есть возражающие? — осведомился капитан, прикрыв глаза. Ответом ему была мертвая тишина.

Капитан выждал добрую минуту.

— Маврин, — скомандовал он потом. — Ты дежурный. Приказываю: ввести программу на прерывание пульсации.

И на душе сразу стало легче. Все, решение принято... а там хоть в омут головой. Это легче, чем стоять на бережку и мучительно выбирать: прыгать? не прыгать?

Только бы вода оказалась не слишком холодной.

— Мальчики, — тихо спросила жена капитана, — а мне коньяку нальете? Немножко...

— Попроси Серегу, — невозмутимо посоветовал Шапиро. — Он ведь дежурный. Или даже нет — не попроси, прикажи.

Марина улыбнулась. Натянуто, напряженно, но улыбнулась.

И капитан в который раз порадовался, что ему достался хороший экипаж.

Лучший.

Возвращение из-за подкладки мироздания в обычный космос всегда проходило незаметно. В какой-то момент пространство за кормой «Форварда» просто перестало сминаться и крошиться, скорость стала просто скоростью, не дотягивающей до светового барьера процентов десять, и продолжала стремительно падать. Система искусственной гравитации работала теперь в режиме компенсации, гасила перегрузки отрицательного ускорения. Запустилась вся аппаратура обычной ориентировки; Маврин, сидя в кресле дежурного, обшаривал мегаметры окрестного пространства. Искал тех, кто отправил те самые шестьдесят четыре байта. Строку, которая одним махом убила восьмую звездную.

— Вот он! — выдохнул Маврин, на миг прекратив яростно колотить по клавиатуре. Локатор высвечивал на экране крошечную точку. Пылинку. — Какой крохотный!

Вскоре точек стало две — их встречал даже не один корабль.

«Надо же, экая помпа! — подумал капитан с раздражением. — Целых два корабля!»

— Давай связь, что ли... — поторопил он Маврина. Хотелось побыстрее покончить со всем. Выслушать заранее известные слова и понуро идти собирать вещички.

«Интересно, — отстраненно подумал капитан, — а что станет с «Форвардом»? Как они его назад к Земле гнать будут? Или бросят здесь? Вряд ли бросят, все-таки бездна труда в него вгрохана. Сколько оборудования, сколько сырья... Хотя все оборудование, понятно, устарело, причем безнадежно. Что до сырья... Наверное, потомки изобрели какой-нибудь синтез. Не смирятся же они с недостатком сырья? А сырья всегда не хватает...»

Капитан потряс головой, отгоняя назойливые и никчемные мысли.

В тот же миг ожил экран перед пультом — установилась связь. На них взглянул потомок. Очень, надо сказать, моложавый потомок, на вид ему трудно было дать больше двадцати лет. Капитан невольно покосился на Самарина.

Самарин был мрачен, но глядел на потомка с неприкрытым интересом.

— Сейчас нам расскажут о легенных ускорениях, к которым нам не следовало прибегать, а мы тем не менее прибегли... — буркнул он. Капитан с неодобрением на Самарина покосился, но тот умолк, и капитан ничего не стал говорить.

— Фу-у! — облегченно выдохнул потомок. — Наконец-то! Четвертый день за вами гоняемся...

У капитана что-то оборвалось внутри. Четвертый день. М-да. Они уродовались в этом гигантском металлическом гробу годы. Двадцать лет в общей сложности.

И — «четвертый день». Масштаб просто убил капитана. Уничтожил на месте. Распылил и развеял по всему космосу.

Можно было готовиться к участи музейного экспоната.

Потомок улыбался. Открыто и дружелюбно. Он ничего не понимал, наверное. Кому в двадцать лет доводилось пережить крушение мечты?

— Здравствуйте, восьмая звездная! Для вас есть хорошие новости!

— Не сомневаемся, — ядовито ответил Самарин. — А какие именно?

Потомок подобрался, принял официальный вид и заявил:

— Говорит Тарас Вознюк, курсант школы космогации. Малый поисковик «Клен сто семь». Первым делом: ваше локальное время? С момента старта.

— Виктор Сперанский, капитан восьмой звездной. Бортовое время: двадцать первый год, сто двадцать шестые сутки полета, время — семь тридцать... уже тридцать одна.

Вышло чересчур сухо; капитан вдруг подумал, что зря он так. Ведь этот паренек ни в чем не виноват.

Другое странно. Все-таки капитан надеялся, что разговаривать с ними будет кто-нибудь из правительства, из космического ведомства, наконец. А тут — какой-то веснушчатый кадет...

Странно. Очень странно.

— Ага... Понятно, — протянул Тарас, кивая. — Жаль, вчера мы не перехватили вас на входе в пульсацию. Вы года три лишних потеряли...

Тут кадета кто-то, похоже, пихнул в бок. Он повернул голову и переглянулся с кем-то за обрезом экрана.

Самарин с ледящей душой вежливостью осведомился:

— А нам позволено будет поинтересоваться — какой год сейчас на Земле? Или никаких вопросов — сразу в карантин?

— Карантина не будет, — так же вежливо ответил Тарас. — А на Земле сейчас две тысячи триста сорок второй год, июль, двадцатые числа. Плюс-минус два-три дня, я не уточнял девиацию. Теперь полеты и время связаны не так, как раньше, вы, наверное, уже догадались.

— Несомненно, догадались, — процедил Самарин. — Ты давай, давай, рассказывай, кадет. Об участии нашей неизбежной. Сразу нас на помойку выбросят или сначала историкам отдадут?

— Самарин! — жестко предупредил капитан. — Полегче!

Самарин вздохнул. «Вряд ли он угомонится», — подумал капитан с безнадегой. Но кадета, похоже, смутить было трудно.

— Как вы уже поняли, на Земле выполняется программа перехвата звездных экспедиций на досветовиках. Мы пришли за вами, восьмая. Виктор Михайлович, я представляю ваши чувства, но поверьте: все обстоит совсем иначе, чем вы думаете. Конечно, полет «Форварда» будет прерван, потому что досветовики себя изжили и ломиться к Сальсапарелле еще двадцать лет нет никакого смысла. Я не знаю, чего вы ожидали — первым делом психологов или земных лидеров, знаю только, что не меня вы ожидали увидеть и услышать, не курсанта-практиканта.

Незачем вам психологи, ничего страшного не произошло и не произойдет, мы все работаем и будем продолжать работать, каждый будет заниматься своим делом...

К удивлению капитана, никто Тараса Вознюка не перебивал, даже Самарин. Все слушали. Затаив дыхание.

— И вы продолжите свое дело, просто немного поменялись условия. Только и всего. Поговорить, конечно, надо, и не следует воображать, что разговор предстоит особенно долгий. Но, полагаю, вы не станете возражать, если мы поговорим живьем? Гасите скорость до стыковочной, к вам сейчас подойдет «Февраль» — это парный звездолет, — и «Форвардом» займутся специалисты-шат-техники, он свое отслужил. Вы погрузитесь на «Февраль», пройдете курс реабилитации и продолжите экспедицию. Все в порядке.

Тарас просто обязан был сейчас улыбнуться. И он улыбнулся.

— Простите, — переспросил Шапиро с легким недоумением. — Что значит — продолжим экспедицию? Нас что — не снимают? Мы еще на что-то годны, по-вашему? Или на Земле все годы после нашего старта прогресс стоял на месте?

— Нет, не стоял, и наша встреча — лучшее тому подтверждение. Решен вопрос межзвездных перелетов, как нетрудно догадаться. У Сальсапареллы будете через две недели, как раз реабилитацию успеете пройти. Техническую реабилитацию, вы ведь все специалисты и, соответственно, вам нужно скорректировать профессиональные навыки в свете современной науки. Современной нам. Надеюсь, вы понимаете, что наука с момента вашего старта несколько продвинулась?

— И что, кто-нибудь полагает, что нас можно переучить? — недоверчиво протянул Самарин. Яда в его голосе уже не было. Испарился. Остались удивление и некоторая растерянность.

— Не полагает, а точно знает. Методика отработана. А чтобы было понятнее, знайте: перед вами человек, который снял с трассы четыре звездные. Вы — пятые.

Тарас говорил не без гордости, но капитана мало интересовали достижения кадета. Другое его интересовало.

— Пятые? А кого уже сняли?

— Я снимал десятую, двадцать седьмую, тридцать седьмую и сорок четвертую.

— Десятую? Которую вел Харченко?

— Нет, — помотал головой Тарас. — Харченко повел двенадцатую. Спустя девять лет после вашего старта.

К тому моменту «Форвард» уже разогнался и утратил связь с Землей. Значит, что-то изменилось и Харченко не попал в десятую. «Впрочем, о чем я? Отвлекаюсь...» — подумал капитан.

— А что, — осторожно поинтересовался Маврин, — Сальсапарелла еще не изучена?

Тарас помотал головой, так что рыжая его шевелюра заволновалась, как трава на ветру.

— Нет, конечно. Когда? Мы строим новые звездолеты всего четыре года, и первая программа, которую утвердили к выполнению в совете космогации, — это программа снятия звездных экспедиций с досветовых кораблей. К тому же на Земле не хватает космонавтов. Они все в космосе, в звездных. Я курсант, и первый выпуск в нашей школе только в этом году. Через пару месяцев. Собственно, я буду в первом выпуске, а сейчас у курсантов практика. Очень интересная практика!

Тарас расплылся в улыбке.

— И кстати, — добавил он вскользь, — никто не строил у Сальсапареллы искусственных планет, а в Вологде не создавал музея. И бюро Вечной Памяти у нас нет.

Восьмая звездная пораженно замерла. Восьмая звездная затаила дыхание, так что стало отчетливо слышно тиканье сильдокорректора. Семеро из восьмой звездной дружно поглядели на ошеломленного Самарина, а ошеломленный Самарин — на своих коллег.

А Тарас громко и залиvisto расхохотался. И пояснил:

— Нет, не думайте, что мы научились читать мысли. Просто все космонавты очень любят эту книгу. И десятая, и двадцать седьмая, и сорок четвертая.

И мы ее тоже любим. Не слишком странно, правда ведь?

9—10 октября 1997 г.

Москва

ДЕТИ ОГНЕННОЙ ВОДЫ

Фантастический рассказ

-Я вижу, по теории у тебя «отлично», — пробурчал шеф. — Это хорошо. Но теперь забудь теорию. Ты на Флабрисе, парень. Толик с готовностью кивнул.

— А поскольку контактеров тут аж четверо, считая тебя, в курс дела введу я, больше некому, остальные на работе. Слушай внимательно, повторять не стану.

Толик снова кивнул. Он уже слышал, что Флабрис — странное место. Поэтому приготовился к любым сюрпризам.

— Пункт первый: подавляющая часть аборигенов Флабриса по большому счету неразумна. Они только-только научились пользоваться огнем.

Пункт второй: здесь, вокруг базы, сосредоточены около полусотни городков и деревень, в которых живут разумные аборигены. Эти худо-бедно умеют плавить и ковать железо, изготавливать ткани, возделывать злаки и выращивать скот. Если завтра они изобретут паровоз — я не очень удивлюсь. Пункт третий: с точки зрения базисной теории подобная ситуация невозможна. Пункт четвертый: эта ситуация — горькая реальность и вдобавок наша работа. А теперь вопросы, если они у тебя есть, парень.

Толик подобрался. Нельзя было ударить в грязь лицом перед шефом и обойтись без вопросов. В то же время вопросы должны быть дельными, а описанная ситуация и впрямь выглядела совершенно бредовой.

— Есть ли еще на Флабрисе очаги разумности? — осторожно начал Толик.

— Нет. Это единственный. Вижу, тебе хочется спросить — хорошо ли искали? Отвечаю: хорошо. Действительно единственный.

— Каково суммарное население очага?

— Около двенадцати тысяч.

— Контактируют ли разумные аборигены с остальными?

— Очень слабо. За период работы базы — два контакта. Оба связаны с захватом самок. Да, кстати, привыкай: самцами и самками мы тут зовем неразумных. Разумных — мужчинами и женщинами.

— Понял, учту... А возраст этой... культуры удалось установить?

— Удалось. Двести-двести пятьдесят лет. До этого момента местные аборигены ничем не отличались от остальных собратьев. Ходили нагишом, жрали паленое мясо, пользовались в лучшем случае палками. Засмеешься — прибыю!

Толик понимающе кивнул, в который уже раз. Смеяться он не собирался, невзирая на кажущуюся абсурдность речей шефа. Вопросов больше не нашлось. Точнее, спрашивать-то Толик был готов, да только сначала стоило поплотнее познакомиться с местными реалиями и втянуться в работу.

— Пока все, шеф! Наверное, мне стоит изучить видеоматериалы.

— Стоит, стоит. Вот держи, это коды на вход в местную сеть. Подключайся, смотри. Сроку тебе до завтра. Да, и еще: рабочий день тут у нас начинается в полдень. Раньше бессмысленно.

— Почему?

Шеф неожиданно замаялся:

— Да как тебе сказать... Считай, что до полудня у местных сиеста. Некоммуникабельны.

С видеоматериалами Толик ознакомился самым внимательным образом. Однако понятнее ситуация не стала ни на йоту. Флабрис открыли уже лет восемьсот как, однако люди на него высадились всего около года назад. Почтарь какой-то совершил вынужденную. Ну и доложил об аборигенах, все как полагается. Сначала с Земли прилетели биологи; они-то и обнаружили пресловутый очаг цивилизованности. Тут уж вызвали контактеров, но случай выглядел так анекдотично, что КОМКОН откомандировал всего одного эксперта — нынешнего шефа. Почти уже пенсионера. Выводы биологов, видимо, сочли сомнительными. Шеф поглядел, убедился, отправил доклад — прислали еще двоих. Но не помогать, а проверить выводы шефа. В принципе это был доста-

точно обидный жест центра. Шефу можно было только посочувствовать. Когда же в КОМКОН пришло новое подтверждение существования на Флабрисе аномальной культуры, как раз случилась авария на Лерое-7 и у КОМКОНА, мягко говоря, иссяк людской ресурс. А тут Толик как раз выписался с реабилитации — перед этим две недели передвигался исключительно на костылях. Эльбрус, снег, лыжи, трещина, перелом... Закономерный итог. Хорошо хоть только ноги переломал, мог и вовсе убиться.

В общем, его, Толика Чепалова, контактера без году неделя, отправили на Флабрис в гордом одиночестве. В сочетании с формулировкой: «Пока больше некого». Но тут и ему, похоже, были рады: работы — непочатый край.

Ну, Толик и взялся за дело, со всем простодушным рвением неофита (Флабрис был его вторым проектом). И за два месяца кое в чем преуспел.

Городок стоял посреди бескрайней степи. Да и вообще производил он странное впечатление — ни дороги к нему не вели, ни полей возделанных в округе не было. Степь, ковыли, табуны полосатых скакунов и псевдосайгаков, норы сусликов каких-то местных. И вдруг — бац! Городок. Как на Диком Западе прямо. Два десятка домишек, храм, кузница, салун. Мельница чуть на отшибе. И огороды, огороды...

Пожалуй, салун сильнее остального сбивал с толку. Обычно питейные заведения на слаборазвитых мирах — прям-таки рассадник различных беспорядков и всевозможных безобразий. А тут — тихо, мирно, чинно. Пьют крепко, это Толик чуял всей широтой русской души. Но вот ведь загадка! Не буянят! Посуду не бьют и не дерутся! Даже наоборот, после третьего стакана в речи аборигенов обычно начинает прорезаться эдакая цветистость и светскость. Да и поведение меняется только к лучшему. Что бывает дальше, Толик представлял плохо: попробовал как-то пить наравне с аборигенами и быстро осоловел. И никакие таблетки не помогали, начинало неудержимо клонить в сон, а потом вдруг бац! — и утро. Шеф всю неделю глядел на Толика укоризненно, но санкций в итоге не последовало.

Собственно, нетрудно было заметить, что жизнь аборигенов так или иначе вращается вокруг салуна. Через него пролегали все дороги: из дома в храм, из храма в кузницу и из кузницы домой. И

не важно, что кузница к храму ближе, нежели салун, и вовсе в другой стороне расположена. Через салун — и точка.

Поэтому у Толика вариантов не было: войдя в городок, он напрямик направился к салуну.

К счастью, местный Кулибин обнаружился за одним из столиков: вместе с соседом-стеклодувом уговаривал бутылочку забористого местного пойла, причем явно уже не первую. Звали Кулибина Хонтешем, был он кузнецом и близким к гениальности механиком-самоучкой. Ну а с кем логичнее всего сблизиться контактеру? Конечно же, с механиком, с Кулибиным, с одержимым изобретателем.

— Здравствуй, Хонтеш, — поздоровался Толик, подсаживаясь к гулякам.

— Страфствуй, Толиа! Выпиешь с нами? — неожиданно спросил Кулибин по-русски.

Толик в общем-то знакомил некоторых аборигенов с русским. Но весьма поверхностно.

— Ух ты! — изумился он. — Ты подтянул русский, Хонтеш?

Механик хохотнул, но ответил уже на родном языке:

— Не настолько, Толя. Пожалуй, пара фраз, которую ты слышал, это пока мой потолок в русском.

— А я уж испугался, — усмехнулся Толик, тоже переходя на местное наречие. — В хорошем смысле.

— А мы тут с Рушером обсуждаем одну небезынтересную идею! Рушера ты должен помнить. Или я пугаю?

«Елки-палки! — подумал Толик с неясной тревогой. — Что-то сегодня Кулибин изъясняется будто профессор из университета. Нет, он умный мужик, конечно. Но он же, строго говоря, дикарь-инопланетянин, а не профессор! Да, способный, да, сметливый... Но все-таки!»

— Я помню твоего соседа, Хонтеш, — вслух сказал Толик. На лице его, разумеется, не отразилось ни малейшей тревоги. Да и вообще никакой работы мысли не отразилось, лицо контактера оставалось безмятежным и дружелюбным. — Здравствуй, Рушер.

Они обменялись местным рукопожатием, больше похожим на хват армрестлеров перед поединком.

— Пить я, пожалуй, не буду, — вздохнул Толик. — А то еще опять усну.

— Жаль. — Хонтеш покачал головой. — Я хотел задать тебе вопросы. Много вопросов. Впрочем, ладно: значит, задам в другой раз. Надеюсь, вы еще не скоро улетите?

— А... — Толик снова растерялся. В принципе он намекал Хонтешу, что сам Толик и другие земляне прибыли из другого мира. Но ни понятие «космический корабль», ни концепцию межзвездных перелетов до аборигенов никто пока не доносил: шеф совагриши сочли преждевременным. — Почему ты решил, что мы умеем летать?

— Подумал и понял, — сообщил Хонтеш, наливая еще по рюмашке. — Вы ведь прилетели со звезд? С этих светляков, что каждую ночь видны на небе, верно?

— Ну, в определенном смысле, верно. Не с самих звезд, конечно. Вокруг звезд вращаются шарообразные миры, подобные вашему... Вот с одного из таких миров мы и прибыли.

— Значит, я правильно догадался. Надо будет записать, а то потом забуду... Прозит, Рушер!

— Прозит, — буркнул Рушер, опрокидывая рюмку в рот. Поморщился, закусил местным овощем, подозрительно похожим на самый обыкновенный маринованный огурчик, покосился на полупустую бутылку.

— Может, довольно? — спросил он с сомнением.

— Не, — решительно сказал Хонтеш. — Допьем — тогда довольно. Сегодня мы должны все закончить, так что давай... Прочищай мозги.

И налил еще по одной.

«Н-да, — скептически подумал Толик. — Если начинать день с двух таких бутылок, пожалуй, закончите вы сегодня... что бы вы там ни затевали, Кулибины».

А Хонтеш что-то затеял, это Толик ощутил безошибочно. Слишком уж красноречиво поблескивали его черные глазищи без зрачков. Слишком азартно сжимались и разжимались четырехпалые кулаки. Хонтеш вообще нынче напоминал скоростной болид перед стартом: двигатель взрыкивает, корпус, исполненный мощи, едва заметно стрясается, и нога пилота готова в любой миг вдавить акселератор до отказа...

— Погубит вас водка, — сообщил Толик как мог доверительно. — У нас водка сгубила не один выдающийся ум.

— Водка умы не губит, — заявил Хонтеш безапелляционно. — Держи, Рушер.

Рушер принял рюмку, послушно пробормотал: «Прозит...» и сглотнул. Взгляд его чудесным образом прояснился.

— Ну вот, до обеда точно хватит, а в кузнице у меня еще бутылочка припрятана, — заявил Хонтеш, вставая. — Толя, хочешь с нами? Только, чур, не подсказывать! Пока мы не закончим и не продемонстрируем!

— Договорились, — пообещал Толик. — А что вы затеяли?

— Увидишь. — На лице Хонтеша прижилось нетрезво-блаженное выражение.

— Я еще не знаю слова, которым ты это обзовешь, а своего не придумал пока.

— А почему не придумал? — рассеянно спросил Толик.

— Некогда было. — Хонтеш указал на опорожненную бутылку. — Не видишь, что ли, мы делом занимались...

«Ну и ну», — подумал Толик.

Подумал — и только.

— Ну как? — не тая гордости, поинтересовался Хонтеш.

— Неплохо, — сдержанно похвалил Толик. — Называется эта конструкция паровой турбиной. Могу подсказать, где у тебя в основном теряется мощность.

— Да я и сам вижу, — вздохнул Хонтеш. — Между соплом и крыльчаткой. Так?

— Так. Собственно...

— ...потеря мощности — это потеря давления пара, — продолжил за него Хонтеш. — Это и непьющему понятно. Вообще я помозгую и сделаю всю конструкцию герметичной. Тогда мощность должна возрасти.

— Ты молодец, Хонтеш! — искренне похвалил Толик. — Задумано не без изящества, а уж про воплощение при вашем уровне техники я вообще молчу! Мой шеф просто в восторге будет.

Хонтеш довольно ухмыльнулся и неожиданно икнул. Ближе к концу демонстрации его заметно развезло, отчего Толик начал опасаться как бы местный Кулибин не ошпарился. Обошлось, к счастью.

Еще Толик боялся, что Хонтеш, захмелевши, утратит нить и демонстрация сорвется. Ничуть не бывало! И Рушер помогал Хонтешу вполне толково, даром что руки тряслись у обоих.

— Я тебе потом чертежи покажу, — пообещал Хонтеш. — С утра я один чуть не сгубил, печь разжечь хотел, вижу бумажка... Ну и того...

— То есть как? — изумился Толик. Чтобы Кулибин сжег собственные чертежи?

— Так говорю же, с утра. — Хонтеш расплылся в улыбке. — Еще до салуна. Это что, Рушер как-то чуть дом не сжег. Разоспался, до полудня почти. Хорошо жена раньше встала, успела шторы сорвать и залить. Ой, ругалась!

У Толика давно выросло ощущение, что он упускает какую-то простую и очевидную для аборигенов деталь их быта. Но понять, что это за деталь, он пока никак не мог.

— Ладно, — объявил Хонтеш. — Вечер скоро, пора отдыхать.

Последняя фраза на языке аборигенов звучала рифмованно и ее смело можно было передавать идиомой: «Кончил дело — гуляй смело».

— В салун? — предположил Толик.

— Зачем в салун? — Хонтеш удивленно покосился в окно, за которым уже смеркалось. — Вечер же. Домой.

Еще одна местная непостижимая деталь. Ближе к закату салун закрывался. А ведь, если подумать, именно к вечеру следовало бы только начинать гульбища!

Ага, сейчас.

«Н-да. Не люди это, хоть и похожи, — подумал Толик с легкой отстраненностью. — Дальний космос. Фронтир. И звезды над головой совсем другие».

Ему очень не хотелось, чтобы соплеменники Хонтеша и Рушера единственным смыслом существования избрали салун, а не мастерскую. Лучше бы наоборот. Толик иногда пугался аборигенов — особенно по утрам. Взгляды пустые, морды помятые. Пока горло не промочат — слова путного не добыешься. Шефа в одном городке как-то раз даже чуть не побили. Правда, потом, после первой бутылки, долго извинялись.

Долго, смущенно и, кажется, искренне.

Утром Толик отправился в городок как никогда рано, сразу же после рассвета. Маршируя пустынной улочкой, он почти не глядел по сторонам, поэтому не обратил внимания на смутную тень, мелькнувшую в щели между домами.

Аборигенов было двое. Рушер и еще один, незнакомый. Толику сразу не понравились их пустые взгляды.

— О, гля, Руш, опять эти типы чужие по городу шастают!

Голос был хриплый и недобрый. Толик не мог узнать Рушера — давешнего ассистента Хонтеша-самородка. Не осталось следа от вчерашнего Рушера, остался ушколобый детина без проблеска мысли во взгляде.

— Шастанут, — буркнул детина. — Баб наших портят, поди, пока мы спим.

— Точно! — поддакнул его напарник. — Мож, в рыло ему?

— А то!

Рушер принялся засучивать рукава. Второй абориген скользнул Толику за спину.

Землянин уже нащупал рукоятку шокера, однако Рушер с приятелем почему-то медлили.

Секундой позже Толик понял почему — расхлябанной утренней походочкой к ним приближался Хонтеш. В руке он нес початую бутылку.

— Эй, братва! — рявкнул он еще издали. — Бухнуть хотите?

Хонтеш тоже ничем не напоминал вчерашнего чуть подвыпившего профессора. А напоминал он обыкновенного деревенского кузнеца, выползшего поутру из хаты опохмелиться и, если удастся, почесать кулаки.

— Слышь, Хоня, тут этот, вчерашний. Мы его вчера, кажись, отметелить хотели, — сказал Рушер.

— На, пей. — Хонтеш подошел и передал бутылку Рушеру. — Не хотели мы его метелить. Он нам вроде какую-то балалайку мастерить помогал.

— Может, все-таки отметелим, а? — с надеждой протянул Рушер.

— Пей, урод! — рявкнул Хонтеш.

Рушер аж присел от кулибинского рева. По лицу стеклодува было видно: он мучительно выбирает, что сделать — дать бутылкой Хонтешу по голове или же сначала все-таки отхлебнуть.

Решил отхлебнуть, отчего о Толике временно позабыл. Затем поделился пойлом с безымянным приятелем.

В общем, литровую бутылку эта троица приговорила минут за пять. Безо всякой закуски.

«Ну, сейчас начнется», — подумал Толик с тоской, тиская в кармане рукоятку шокера.

— Чепалов! — донеслось по связи. — Немедленно на базу! Это приказ!

— О! Толик! — почти одновременно с комом сказал Рушер, словно и не собирался несколькими минутами ранее землянина «отметелить». — Привет!

— Привет, — растерянно поздоровался Толик.

— Я тебе дам привет! — раздраженно и громко выкрикнул коллега с базы; кажется, это был Козельски. — За тобой флаер выслали! Нештатная ситуация!

— Мы чего... — протянул Рушер слегка испуганно. — Бить тебя хотели?

Взгляд у него теперь стал совсем другой. Еще не вчерашний, но уже с проблесками мысли.

— Как тебе сказать... — Толик попытался дипломатично уклониться от обсуждения.

— Хотели-хотели, — вмешался Хонтеш. — Остолопы. Ты извини их, Толя!

Толик уже решил было ответить — снова профессионально-уклончиво, но тут сверху тоненько засвистело: снижался флаер. Аборигены дружно задрали головы.

Флаер сел прямо на улицу, даже не совершив предупредительного круга.

И это при том, что шеф запретил всем работникам базы приносить в города любые техногенные вещи, за исключением средств личной обороны и контактерского кома!

А уж когда из флаера выскочили два десантника в полной боевой и с лучеметами наготове, Толик совсем растерялся.

— Чепалов! Ты цел? — донеслось из флаера.

— Цел, — пробормотал Толик.

— На борт, живо!

— Простите, ребята, — обратился он к Хонтешу. — У нас, кажется, что-то случилось. Я потом приду.

— Ладно, — легко согласился Кулибин. — Если что, мы или в салуне, или в кузнице! Пошли, братва!

Аборигены, то и дело поглядывая на флаер и десантников, направились привычным утренним маршрутом: в салун. Толик же послушно влез в кабину флаера. Десантники запрыгнули следом и спустя пару секунд полупрозрачная капля со свистом взмыла в зеленоватое небо Флабриса.

— Что стряслось-то? — встревоженно спросил Толик.

— Биологи объяснят, — отмахнулся пилот. — Говорят, тебя запросто убить могли сегодня.

* * *

Козельски сунул Толику стакан свежавыжатого апельсинового сока.

— На, держи... И садись, а то упадешь еще.

Толик послушно уселся на диван.

— Ты чего поперся в город в такую рань? — хмуро спросил шеф.

— Да там это... Кулибин мой паровую турбину изобрел. Видно, готовится вас паровозом порадовать. Я ему обещал помочь, ошибочки кое-какие устранить... Увлекся, неохота было до полудня ждать.

Голос Толика поневоле звучал виновато, хотя если вдуматься, ничего крамольного он не совершил. Ну, подумаешь, сунулся в город в нерабочее время! Так ведь не курорт тут. Научная база в дальнем космосе, черт знает как далеко от Земли.

— Ладно, — буркнул шеф. — Уцелел — и хорошо.

— А что стряслось-то? — поинтересовался Толик.

— Да ничего особенного. — Шеф вздохнул. — Раскусили нашу аномалию. Расшифровали.

— Где? На Земле, в центре?

— В центре. Только не в нашем. Биологи раскусили, не контактеры. В общем... Все просто: мы от водки тупеем, а аборигены — умнеют. Хотя и пьянеют тоже.

— Как это — умнеют? — не понял Толик.

— А так. В прямом смысле. Алкоголь на них действует как интеллектуальный стимулятор. Вызывает динамическое обновление нейронных связей мозга. Хлопнул абориген рюмку — плюс десять ай-кью. Всосал бутылку — Эйнштейн. До тех пор пока не проспится. Проспался — опять тупица тупицей. А тупиц у нас на что первым делом тянет, а? Правильно: на подвиги, на баб и на водку. Подвиги, понятное дело, антисоциальные. Понял теперь почему они с утра пораньше — в салун, а работают только после полудня?

Толик только глазами хлопал, лихорадочно соображая — что же тут не так.

— Погодите, — сказал он спустя несколько секунд. — Ерунда какая-то получается. Не могли же тупицы самостоятельно изобрести самогонный аппарат? С чего все началось-то? Естественной браге тут и получиться-то не из чего, ковыли одни.

— А началось все, парень, — доверительно сообщил шеф, — с того, что задолго до прошлогоднего почтаря, аж целых двести сорок два года назад, на это самое место, где сейчас стоит база, нештатно сел аварийный грузовик-контейнеровоз. Сесть сел, а взлететь не смог. И помощь запросить не смог. Не знаю уж почему. Грузовик этот в свое время искали, да, как оказалось совсем не там. И вез этот грузовик, не поверишь, водку. Девятьсот тысяч тонн. Нетто.

*февраль 2006
Москва, Соколиная Гора*

МЕМУАРЫ ПАНАСА ГАЛУШКИ,

**писанные им самим лета 329-го
по Гербарийскому исчислению
в пгт Шмянское (от третьего лица).
Слегка фантастический рассказ**

Лощина даже на вид казалась угрюмой и мрачной, лезть туда Панасу совершенно не хотелось. Так и мнилось: вот сейчас из приглушенного полумрака выползет сам Сатана или какой другой черт и станет, вражина, строить всевозможные козни.

Панас придержал коня и, как частенько поступал в задумчивости, подергал себя за чуб. Потом погладил рукоять сабли — для самоуспокоения, видимо.

Идея заработать на хлеб и горилку столь геройским образом по мере удаления от Шмянского будто по волшебству делалась все менее и менее привлекательной, и если сначала Панасу сам (так и не вылезший из лощины) черт был не брат, то теперь глодали козака смутные сомнения: а стоило ли ввязываться в такое неблагоприятное дело?

С одной стороны, распоследнему сопливному пацаненку понятно, что драконов в мире не существует. А если и существуют, то далеко-далече, за тридевять земель, скачи хоть целый месяц от родных сел да хат, не доскачешь. Однако же, с другой стороны, дыма без огня тоже не бывает и кто-то ведь таскает у шмянских кметов их жирных овец!

Панас и подрядился выяснить — кто. На ушко ему шепнули: дракон, мол. Завелся где-то тут, в Куцей лощине, раз в два-три дня вылезает и грабит стада. Вроде пастухи его видели на пролете. Пастухи, правда, рожи были еще те: в клунке у каждого по бутыли

первача да сало с цибулей. Коли на мир сквозь бутыль глядеть, не то что дракон — кто хочешь померещится, особенно если первача надо бы докупить, а втихую проданная овца легко списывается на злодея-дракона. С пастухами Панас на всякий случай выпил, но в реальность дракона так и не поверил.

Старая Панасова кобыла понуро прядала ушами в ожидании команды, а козак все сидел неподвижно и с неудовольствием вглядывался в полутьму лощины.

— Дракон, — пробормотал Панас с отвращением. — Чёрта лысого!

Он еще раз погладил рукоять сабли и пнул кобылу в ребристые бока.

В лощину он въехал медленно, словно на погост. У подножия вековых елей таился коварный лесной сумрак и даже птицы почему-то не пели — видать, им тоже становилось в этом гиблом месте муторно. Для полноты впечатления не хватало чьих-нибудь белеющих в сторонке костей или ржавого доспеха посеред стволов.

Панас судорожно сглотнул, на всякий случай перекрестился и поехал дальше. Саблю он благоразумно выволок из ножен и положил поперек седла, придерживая свободной рукой.

— Эй, тварюка поганая, вылезай на честный бой! — выдавил из себя

Панас и сам поразился сиплости и неубедительности собственного голоса.

Хорошо бы из зарослей показалась волчья семья — с серыми Панас справился бы шутя, это вам не огнедышащая ящерка размером с лошадь, это звери хоть и опасные, но вполне обыденные. Не худо было бы вспугнуть тут и каких-ни-то беглых каторжан, этих Панас, не задумываясь, порубил бы в капусту и поехал за обещанной наградой, будь супостатов хоть бы и с десяток.

Однако дела его были плохи: в лощине и впрямь сидел самый что ни на есть настоящий дракон. Был дракон, правда, немного мельче лошади, ежли в крупе, зато вот в длину — мама дорогая, больше хаты! Дело хоть худосочен оказался. Но с другой стороны, будь тварюка в теле, хрен бы она взлетела! А так, поди, и впрямь взлетит.

Панас решительно схватился за саблю.

— Прекрасный сэр, вы хотите сразиться в честном бою? — уныло спросил дракон.

— Чего? — Панас отвесил челюсть. — Какой я тебе сэр, гадюка ты четырехлапая? Вот как долбану булавой!

Булаву козак, правда, пока не трогал, да и саблю пускать в дело тоже не спешил. Дракон производил впечатление зверюги сильной и невероятно проворной, хуже кошки. Пыхнув дымком из пасти, он совершенно по-собачьи сел на хвост, приподнял переднюю часть туловища, а потом развел передние лапы, будто бы в растерянности:

— А как же мне вас величать?

Панас растерялся. Дракон, похоже, более был склонен болтать, нежели драться. Надо было брать его теплым! А потому Панас помянул всех козаков-предков, взмахнул сабелькой и послал кобылу вперед, не позабыв издать приличествующий моменту боевой клич:

— Хана басурманам!

Дракон от неожиданности чуть не свалился на спину, однако успел подпрыгнуть и спрятаться за пушистой елью.

— А-а-а-а! — рывкнул Панас и вихрем пронесся мимо ели. Теперь предстояло развернуться и идти на второй заход.

— Да погоди ты саблей махать, давай поговорим! — заорал дракон, неожиданно переходя на «ты». — Чего нам драться-то?

Однако Панас успел поворотить кобылу и вновь вихрем летел в атаку, грозно занеся саблю. На этот раз дракон не стал уворачиваться — подставил под саблю внушительный кривой коготь и в тот же миг вышиб Панаса из седла ловким ударом хвоста.

Панас грянулся боком — хорошо, хоть не о камни! На прошлогоднюю прелую хвою упал.

— Гхы!

Дракон глядел на него с неподдельным интересом. Потом задумчиво пошевелил ноздрями, чисто тебе кролик.

— Упс... — сказал дракон несколько сконфуженно. — Дух-то из тебя не вышел, а, Геракл степей?

— Ыхгыхы! — просипел Панас. Ничего более внятного он пока произнести не мог. Зато сумел встать и вместо оброненной сабли схватиться за тяжеленную булаву. Однако замахнулся он чересчур широко и проклятая железка перевесила — козак опять упал на спину.

— Не, — дракон скептически покачал головой, — для Геракла ты хлипковат...

У входа в лошину шелестела подлеском беспризорная кобыла. Панас завертел головой и наконец заметил в сторонке саблю. Но подхватить ее не успел, дракон вдруг вспорхнул, как бабочка — легко и грациозно, и сцапал Панасово оружие передней лапой.

Лапа его походила на куриную, но пальцы были куда ловчее, во всяком случае саблю он держал без всяких усилий, хотя при довольно внушительных размерах зверюги сабля в этих лапах казалась всего лишь жалким ножичком.

Картинно взмахнув саблей, дракон пробормотал что-то вроде: — Дранг нах остен!

Какой-то это был неправильный дракон. Драться он не желал, говорил всякие странные слова и о чем-то своем, очевидно, грустил, потому что вид у него сделался понурый и предельно безрадостный.

— Ну за что мне это наказание? — пожаловался он незнамо кому. — Нет чтобы нормальный пришел человек, просвещённый, нет же — вечно разные дуболомы в доспехах. Из рефлексов только глотательный. Эй, дубина! — это уже Панасу. — Ты хоть знаешь сколько будет дважды два?

— Чего? — переспросил окончательно сбитый с толку Панас.

— Я так и думал... — Дракон уронил саблю и вдруг заложил руки за спину, отчего сразу стал похож на шмянского дьяка Авдея Хмару.

— Два да два — вроде как четыре всегда было, — неожиданно даже для себя выдал Панас и, не удержавшись, подергал длинный козачий чуб-оселедец.

У него тоже начисто пропало желание драться; вместо этого проснулось любопытство — чего эта чёртова ящерка хочет и на что, сволочь эдакая, намекает?

— Так ты грамотный? — Дракон несказанно удивился.

— Ну, того-этого... — Панас неопределенно поболтал в воздухе ладонью.

— Писать умею... И счету обучен...

— Чего ж ты с ходу ножичком-то своим махать принялся? — укоризненно спросил дракон. — Нельзя, что ли, сразу по-хорошему? Так, мол, и так, прибыл по важному делу... Или там без дела, но все равно прибыл, честь, мол, имею.

— Угу, — пробурчал Панас, потирая ушибленный бок. — Мож тебе ещё поклоны земные бить?

— Да нужны мне твои поклоны, — фыркнул дракон и снова выпустил облачко дыма. — Ладно. Драться больше не станешь?

— Ну... если ты не станешь, то и я, так и быть, не стану, — не очень уверенно пообещал Панас.

— Тогда держи. — Дракон снова подобрал саблю и ловко метнул ее Панасу под ноги; сабля воткнулась в хвою точно у правого сапога. — Раз ты такой грамотей, то у меня к тебе и впрямь найдется дело. Надоело мне, понимаешь, овец у всяких ранчери таскать как последнему разбойнику. Легализоваться хочу. И ты мне в этом поможешь.

— Лега.. лягаться? — Панас опасливо подался назад, заодно высматривая кобылу.

— Дело хочу открыть, — терпеливо пояснил дракон. — Торговое. Ты к торговле способный?

— Не знаю. — Панас немного успокоился и пожал плечами. — Не пробовал.

— Н-да. Собственно, легко было догадаться. Ну, ладно. Водку-то ты хоть пьешь?

— Горилку? Кто ж ее не пьет! Пью, как не пить.

— Отлично! Хочешь попробовать? Натурпродукт, не ваша сивуха! Это так, в плане информации.

— Ну-у-у, — многозначительно протянул Панас и машинально утер рукавом усы. — Давай...

— Пошли.

Дракон развернулся и вразвалку двинул в глубь лошины.

Панас последовал за ним в некотором сомнении: снова стали закрадываться мысли о коварстве и хитрости драконьего племени. Прикинулся простаком да лапочкой, а сам за пазухой каменюку держит! Заведет в укромное место, да как накинется!

Однако дракон вел себя вовсе не как враг рода человеческого, наоборот, увлеченно вещал:

— Ты, — говорил дракон, — такого еще не пробовал, точно! По той простой причине, что твои тупо... гм, ну, в общем, твои сородичи пока не придумали способ очистки, при котором возможно получить практически чистый алкоголь, спиртус, так сказать, грандиозус. Ну а я...

— Дракон, — жалобно позвал Панас.

— Ась? — Дракон с готовностью обернулся.

— Ты с кем сейчас разговаривал?

Секунду дракон вопросительно глядел на козака, потом до него вроде дошло.

— Ага. Это, типа шутка. Понятно. Должен сказать, что твои предшественники шутить либо не умели, либо были совершенно не расположены.

— Предшественники?

— А ты, думаешь, первый, кто заявился воевать чудище поганое? Я вас всех уже и не упомяну. Впрочем, ты первый, с кем можно хотя бы внятно разговаривать. Ладно, — дракон махнул лапой, — зовут-то тебя как?

— Панас Галушка! Племянник кошевого Дмытра Свербыгуза! Слышал?

— Не-а. — Имя знаменитого дядьки-козака не произвело на тварюку решительно никакого впечатления. Панас удрученно вздохнул и покорно поплелся вслед за драконом.

— А меня Мораннонед. Отца — Мевсиарх, отчего отца — Меркадорис.

— Здоров будь, — пробормотал Панас.

Наконец пришли; во глубине лошины пряталась самая настоящая скала, поросшая мхом и сивыми лохмотьями лишайника. У подножия чернел вход в пещеру, откуда, вопреки ожиданиям, вовсе не тянуло сыростью и хладом подземелья. Рядом протекал ручей, убегающий по камешкам куда-то дальше, совсем уж в самую глубокую глубь лошины. Дракон нырнул в пещеру, Панас счел за благо подождать снаружи.

— Вот! — Мораннонед показался из пещеры, ковыляя на трех лапах. В четвертой он держал объемистую бутылку мутного старинного стекла, заткнутую высохшим кукурузным початком. — Держи! Только того... Поосторожнее. Не глотай много, эта штука — ядренее некуда.

— Не уча козака пить! — снисходительно бросил Панас, принимая бутылку и вытаскивая початок.

— Глук! — гулко сказала бутылка, когда затычка была вынута.

В горлышко Панас рассмотрел, что жидкость внутри совершенно прозрачна и совсем не разит сивухой, как любой первач. Но и не отравя: запах был резкий, но горилчанный.

«А, будь что будет! — подумал Панас. — Зачем дракону меня травить? Давно мог бы уже или хвостом зашибить, или в пламени поджарить...»

И, набравшись храбрости, он презрительно отхлебнул.

Во рту моментально пересохло, а в горле взорвался огненный ком, будто кипятка хлебнул. Панас выпучил глаза. Дыхание сперло.

— Ап! Ап!

Панас все же нашел в себе силы не уронить бутылку как попало, а бережно поставить ее на землю, после чего опрометью кинулся к ручью, пал плашмя и жадно хватанул ледяной воды.

Малость полегчало. Панас окунул голову в ручей, после попил еще и только затем с горем пополам встал.

Дракон с победным видом сидел столбиком у скалы, скрестив на груди передние лапы.

— Ну как?

— Так и перетак твою налево! — рявкнул Панас. — Предупреждать же надо, что у тебя в крынке не первач, а огонь!

— Я предупреждал. — Дракон совершенно по-человечески пожал плечами.

Панасу возразить было нечего: и правда ведь предупреждал.

Тем временем огненная драконья вода делала свое дело: в голове Панаса зашумело, словно выпил он не глоток, а целую бутылку трындычихинового первача.

— А вообще питье добрячее! Сроду такого крепкого не пробовал.

— Разумеется, не пробовал. У вас такого не делают. Как полагаешь, шинкари станут покупать такой? Оптом?

— Шинкари? Да такое пойло они с руками оторвут! Это тебе не трындычихина сивуха! Это ж жидкий огонь! Мечта козака!

Панас хмелел все сильнее. Он вторично взял в руки бутылку, отхлебнул — на этот раз осторожно, нашел в себе силы проглотить, силно выдохнул и до ушей улыбнулся.

— Ик! А закусить у тебя есть чем, а Мор... как тебя там?

— Мораннонед! Насчет закусить — это в пещеру, там на вертеле должен остаться вчерашний баран. А вот цыбули вашей любимой у меня нету, уж не взыщи.

— А и хрен с ней, с цыбулей. Баран так баран. Веди!

Почувяв родные места, даже старая Панасова кобыла прибавила шагу, временами переходя на хлипкую рысь. Панас тоже оживился и отвлекся от размышлений, в общем-то несвойственных настоящему козаку.

А размышлял он с утра вот о чём: почему крепчайшее драконье пойло, так вчера захмелившее душу и тело, наутро выветрилось почти бесследно? Где больная головушка? Где измятое, будто черти по нему топтались, лицо? Глядя на отражение в ручье Панас немало подивился — обыкновенно после вечернего веселья просыпаешься чуть живой, еле-еле выползаешь из беспросветно-чёрной ямы. А тут — только жажда поутру, да во рту будто кошки ночевали. А голова — ясная.

Волшебное пойло!

Замысел дракона Панас в общем понял: Мораннонед действительно воровал овец у окрестных кметов (а что ему еще оставалось делать? Голод — не тётка). Однако же даже такой, по слухам, зловредной, коварной и враждебной роду людскому твари, как дракону, было совестно воровать чужое. Ну не хотел Мораннонед ссориться с людьми и всё тут! Однако многочисленные его попытки наладить хоть какие-нибудь отношения с пастухами доселе успехом не увенчались: пастухи либо бежали в беспамятстве и потом присылали какого-ни-то заезжего героя с сабелькой, либо просто бежали, крестясь и зывая к всевышнему: спаси, мол, и сохрани души наши, а также стада от хвостатой напасти.

Всевышний тут помочь вряд ли мог: дракон весил немало и отсутствием аппетита не страдал. А стало быть, раз в два-три дня требовался ему баран, либо козочек пара, либо корова на неделю. На людей Мораннонед не нападал из принципа, сражался только с драконоборцами, которые являлись по его драконью голову, да и то прежде пытался увещевать и договариваться. Правда, увещевал безуспешно — до случая с Панасом.

Вот и вез несостоявшийся драконоборец Панас Галушка изрядных размеров мех с огненной драконьей горилкой поперек седла, да еще один малый при поясе. Дракон здраво рассудил, что в пути Панасу непременно захочется промочить горло беспохмельной драконовкой. Не потрошить же большой мех? Вот и дал маленький на дорожку. Горилку Панас должен был продать шинкарям, а на вырученные деньги купить на шмянской ярмарке нескольких овец и пригнать к Мораннонеду в лошину.

Подслеповатые оконца шинка «Придорожного» Панас почему-то заметил раньше, чем соломенные крыши окраинных хат. Однако дивиться сему прелюбопытному факту особо не стал — малый мех как раз опустел, а потрошить большой в такой близости от шинка мог только конченный пьянчуга или записной жадина.

В шинке было почти пусто: единственно храпел на лавке в дальнем углу дебелий бородач, прикрытый драным кожухом. Под голову бородач подложил собственный кулак; второй кулак (понятное дело, вместе с рукой) свисал с лавки чуть не до самого пола. Шинкарь, Сава Чупрына, хозяйничал где-то на задах и зычно орал на нерасторопную дочку.

С мехом на плече Панас прошел к столу у подслеповатого оконца. Столешница почернела от времени еще во времена прадеда Савы, а к моменту когда отец Савы завещал сыну дело с хозяйством и преставился, почерневшую столешницу посетители успели немало изрезать ножами, заляпать юшкой и полить горилкой.

— Сава! — заорал Панас. — Подь сюды!

Шинкарь на задах на миг умолк, прислушиваясь. Потом осведомился:

— Кого там холера принесла в такую рань?

— Я те дам холера! — рявкнул Панас еще громче.

— А, это ты, Панас? — Сава вошел, вытирая руки о фартук. — Тут надьсь болтали, что дракон тебя сожрал.

— Я сам кого хошь сожру! — непререкаемо заявил Панас, поглаживая усы.

Шинкарь истолковал жест по-своему:

— Горилка у меня только Червонодольская, звынай. Трындычиха что-то не мычит, не телится: еще позавчера обещала зятя прислать, а все нету.

— Хм. — Панас хоть и с некоторым опозданием, но таки допёр, что положение складывается очень даже выигрышное, хотя намеревался для завязки разговора сначала тяпнуть стопку горилки. — А у меня как раз с собой... Не желаешь ли... э-э-э... (тут Панас почему-то вспомнил умно изъясняющегося Мораннонеда) ознакомиться?

И выразительно встряхнул мех на плече. Мех булькнул — солидно, басом.

— Что, горилки привез? — оживился Сава. — Ну-ка, ну-ка! Манька, тащи флягу! Которую поутру чистила! И корчажку еще прихвати!

— Горилка, — назидательно изрек Панас, опять-таки вспоминая дракона, — в сравнении с этим — вода! О!

Сава недоверчиво прищурил глаз и наклонил голову:

— Так-таки и вода?

— Чтоб я лопнул!

— А вот сейчас поглядим!

Шинкарь, демонстрируя немалую сноровку, перелил содержимое меха во флягу — надо сказать, размер фляги он угадал очень удачно, вот что значит набитый глаз. Остатки драконова пойла Сава вылил в корчажку, а последние несколько капель стряхнул на стол. Критически поглядел на скромную лужицу и плеснул еще из корчажки.

— Манька, огня!

Манька метнулась к очагу и вернулась с зажженной лучиной.

— Проверим, крепка ли! — заявил шинкарь и поднес огонек к каплям на столе. Те занялись не хуже соломы на ветру.

— Во как! — изумился Сава. — Её что, из горючего масла гонят? Манька, воды!

И пробубнил под нос:

— Неровен час еще стол займется...

Манька, повинувшись жесту Савы, залила огонек на столешнице, а Сава тем временем осторожно поводил носом над корчажкой. Нос, пористый и пятнистый, походил на носок старого растоптанного чобота.

— Осторожно, крепка, зараза! — честно предупредил Панас.

Шинкарь отмахнулся — мол, не учи учёного! — и секундой позже отхлебнул. Глаза его округлились ещё во время первого глотка, а всего глотков Сава сделал три, прежде чем выронил корчажку и схватился за горло.

— Манька! Рассолу! — присипел он с таким видом, будто вознамерился прямо тут, на месте, пасть и помереть.

Панас Галушка очень шинкаря в данную минуту понимал.

— Я ж тебе говорил: крепка, зараза!

Сава, стоя на коленях, судорожно хватал ртом воздух: ни дать ни взять — карась на берегу.

Подоспела Манька с ковшом рассола. Сава схватился за него, как утопающий за щепу, мигом выхлебал, жадно и шумно, облился, но к жизни таки воспрял.

— Холера! — сказал он. — Это ж не горилка, это ж огонь!

Панас, решив ковать железо пока горячо, хитро подкрутил ус и коротко осведомился:

— Берёшь?

— Беру, хай им всем грець! — Сава вскочил. — Всё беру! Ещё будет?

— Будет, Сава, не серчай! Двадцать монет как с куста! И даже не думай торговаться, а то Трындычихе продам. Или Грищаю.

Упоминание главного конкурента, державшего неподалеку шинок под названием «Зелёный гай», вразумило Саву не торговаться. Он протянул Панасу лопатообразную ладонь и заявил:

— По рукам!

Секундой позже он возопил:

— Манька! Флягу в комору!

А сам полез в карман широченных шаровар.

Монеты божественно звякнули.

Одну монету Панас без зазрения совести пропил — там же, у Савы. На пятнадцать несколькими часами позже купил у Кондрата Чверкалюка по прозвищу Куркуль семерых пузатых овец да двух баранов живьем, и еще за монету выторговал половину забитого как раз утром бычка. Куркуль бурчал, что его грабят средь бела дня. Панас ухмылялся. Он-то прекрасно понимал, что бычка всяко пустили бы на колбасу или в копильню, причем за те же деньги, ибо пора стояла сытная и изобильная. Заскочил к дядьке на хозяйство, думал позычить одноосный воз (не на себе же полбычка тащить!). Однако воза во дворе не было, а дед Тасик посоветовал смастерить из пары жердей волокушу. Сказано — сделано, благо дед, в свое время мастер на все руки, умело руководил процессом. Сообщив деду, что в «Придорожном» наливают чертову горилку крепче всякой крепости, Панас взобрался на впряженную на волокушу кобылу, свистнул на овец и отправился к драконьей ложине, куда прибыл на самом закате.

Мораннонед встретил его, застыв от изумления.

— Что? Уже продал? — спросил он, едва Панас приблизился к пещере.

— А то! Во, гляди, овечки! Если не сожрешь всех разом, к весне они ещё и ягнят принесут.

— Хм, — дракон, казалось, задумался, — а это мысль! Только придется, пожалуй, пастуха нанимать. Будет своё стадо, проблема питания решится...

— На харчи пока вот это. — Панас спрыгнул с кобылы и откинул рядом с полутуши бычка. — Хватит пока?

— Вполне! — заверил дракон, отвлекшись от недолгой задумчивости. — Только испечь надо. Тут черемша где-то росла, нарвать, что ли?

Видать, дракон не только сырым мясом питался. Впрочем, накануне он ведь угощал Панаса бараном на вертеле, так что если бы не смутные с похмела воспоминания, к этой нехитрой мысли Панас мог бы и раньше прийти.

— Ещё и денег немного осталось, — сообщил Панас дракону. — Три монеты. Одну я того... уж не обессудь... пропил.

— Пропил? — удивился Мораннонед. — Я ж тебе давал спирту на дорожку.

— Спирт в дорожке и кончился, — вздохнул Панас. — Должны же мы были с шинкарём сделку обмыть?

— Да я не в претензии. — Дракон выразительно выставил передние лапы.

— Пропил так пропил. Эти три монеты можешь тоже себе оставить. Будем их считать менеджерским гонораром.

— Кстати, — заметил Панас. — Ежели твою горилку разводить травными настойками — такое питьё получается, что мамку родную продать можно!

— Так вы с шинкарём мой спирт пили?

— Уже не твой, — ухмыльнулся Панас. — После сделки ить пили. Стало быть, Савы спирт. Но его, родимого, его... Только говорю ж, разводили.

Дракон схватился передними лапами за голову:

— Нет, я сейчас умру! Спирт продать, а деньги пропить! Только люди так могут!

В следующий миг Мораннонед рухнул, поджав хвост, на спину и комично заболтал в воздухе лапами. Из пасти его вырывались шальные клубы дыма; попутно дракон издавал гулкие раскатистые звуки, отдалённо напоминающие человеческий смех.

Панасу почему-то было совсем не обидно.

Спустя четыре дня он поехал продавать второй мех драконьей горилки. Продал уже за тридцать монет, причем не Саве, а Грицаю из «Зелёного гая». Грицай подстерег Панаса в десяти верстах от Шмянского; у Панаса даже дорожный мех еще не опустел.

Ещё через четыре дня Сава Чупрына с двумя угрюмыми молодцами при сабельках перехватили Панаса с очередным мехом на середине дороги. Сава выразил обиду и попытался выторговать за сорок монет то, что Мораннонед впоследствии назвал непонятным словом «эксклюзив», хотя на деле Сава пытался убедить, чтоб драконову горилку Панас продавал только ему. Панас согласился, но только на ближайший месяц.

На обратном пути на Панаса напали с жердями сыновья Трындычихи, напугали кобылу, едва не намяли бока — хмельной Панас вместо того, чтобы разогнать этот шмянский сброд, сгоряча пустился наутёк, даже сабелькой махать не решился. От внимания дракона Панасова помятость не ускользнула — пришлось рассказать. Мораннонед не на шутку разозлился, невзирая на сумерки, пыхнул дымком, изрёк: «Я сейчас!» и стремительно взмыл в небо. Позже Панас узнал, что кто-то спалил Трындычихин сарай со всеми запасами бражки и подручной утварью. По возвращении дракон некоторое время бормотал непонятные слова: «Я вам дам, никакой крыши... Давить таких конкурентов!»

В общем, дело наладилось. Панас привез двух племянников доглядать за стадом; в лошину их пускать было нечего — чего напрасно на дракона глазеть? Посторонние, как никак, хоть и родичи. На «гонорары» Панас купил добрую кобылу — молодую и сильную, а старую отдал пацаньятам-пастухам, пушай доживает в сытости и спокойствии. Кроме того, Панас приоделся, отчего даже огульно бражничать как-то перестало хотеться. Панас остепенился, сменил одежду и начал подумывать, а не построить ли хату поблизости с лошиной, не жениться ли — надоело спать в пещере на хворосте и лопать день за днем печеное мясо вместо борща с одноименными галушками или каких-ни-то вареников в сметане.

Сава с Грицаем некоторое время собачились, но потом всё же сумели договориться — шинки их располагались далеко один от другого, так что не слишком-то Грицай и страдал, говоря начистоту. Хотя кое-кто специально повадился к Саве за драконьей настойкой хаживать. Посидев в «Придорожном» с обоими шинкарями, Панас справедливо подумал: а почему бы не возить два меха за раз? Один Саве, один Грицаю. Пусть дракон побольше своего спирту гонит, трудно ему, что ли?

Так Панас Мораннонеду и рассказал. Гони, мол, побольше спирту, спрос есть.

Дракон в ответ тяжело вздохнул:

— Гони... Ты хоть представляешь, откуда я спирт беру, деревенщина?

— Ну... Гонишь, поди. Как Трындычиха... недавно, — предположил Панас в общем-то уверенно.

При упоминании конкурентши Панас довольно подкрутил ус. Всё-таки её крах должен был ощутимо «поднять» (по выражению дракона) их общее дело.

— Гоню... — Мораннонед опять печально вздохнул, а потом неожиданно приоткрыл пасть, направил её в сторону от Панаса и выдохнул горячую алую струю. Пара молодых ёлочек занялись трескучим пламенем.

— Как ты думаешь, компаньон, — спросил дракон несколькими секундами спустя, — откуда берется огонь?

Панас, застывший с разинутым ртом (не от удивления — от неожиданности), встрепенулся и ошалело взглянул на дракона:

— Что значит — откуда? Ты огонь выдыхаешь... Оттуда и берется.

— А почему ты не выдыхаешь огонь? — не унимался дракон. — Чем ты отличаешься от меня? В смысле дыхания?

— Да как же мне огнем дышать? — даже подрастерялся Панас. — Я от дыма задохнусь и умру тут же.

— Если дымом дышать, я тоже умру, — проворчал дракон. — Ладно, зайдем с другой стороны. Что ты перво-наперво делаешь, когда собираешься разжечь костёр?

— Ну... огниво достаю...

— Бери раньше. Что ты собираешься поджигать?

— Ты ж сам сказал, — всплеснул руками Панас. — Костёр!

Дракон тоненько пискнул и картинно закатил глаза.

— Да. Собственно, не с титаном словесности беседую, мог бы и догадаться, — пробормотал Мораннонед. — Разницы между «разжигать» и «поджигать» мы, разумеется, не усматриваем...

Панас догадался, что дракон опять принялся разговаривать сам с собой, как он периодически поступал в самые неожиданные моменты.

— Ладно, дружище, — сдался огнедышащий компаньон. — Я тебе подскажу. Огню нужен какой-либо горючий материал, субстрат, пища. Дрова — костру, масло — лампе. И так далее. Как ты думаешь, что именно горит, когда я выдыхаю, как ты выражаешься, пламя?

— А что?

Панас на секунду задумался. В самом деле, огня ведь без ничего не бывает. Что-то же должно гореть, чёрт забери!

— Что? А ты угадай!

Дракон оглушительно чихнул, на этот раз в сторону Панаса, и того обдало туманным облачком из мельчайших капелек, которые пахли остро, ошутимо, однозначно и очень знакомо. Дабы изгнать последние сомнения, Панас принюхался:

— Хм... Батькой клянусь — это ж горилка! То бишь спирт твой злющий!

— Вот именно! — повеселевший Мораннонед воздел к небу палец, что твой дьяк Авдей Хмара на проповеди. — Горит именно спиртовая взвесь, которую вырабатывают специальные железы. А поджигает ее стрекательный орган, действие которого основано на каталитическом воспламенении...

Увидев безумно округляющиеся глаза Панаса, дракон торопливо закончил:

— Ну, у меня выделяется спирт навроде того, как у тебя выделяется слюна. Понял?

— Угу. — Панас кивнул. — Полезное свойство.

Он подумал о том, что подхватывает многие словечки и обороты дракона буквально на лету. Пожалуй, братки-козаки многих слов из теперешнего лексикона Панаса попросту не поняли бы.

— Так вот, — продолжал дракон, — я не могу производить больше спирта.

— Вроде как корова не может давать больше молока, чем даёт, — задумчиво протянул Панас. — Так?

Дракон покосился на Галушку, фыркнул, но согласился, хотя сравнение его с коровой действительно было чересчур смелым:

— Вульгарно, конечно, но вроде того. Аналогия, во всяком случае, корректная. Именно поэтому расширить производство, увы, не удастся.

— Если только мы не отыщем и не пригласим к нам твоего родича! — выпалил Панас, осененный несложной в общем-то мыслью.

Дракон замер. Окаменел просто.

— Что? — насторожился Панас и внезапно вспомнил недавние свои мысли о женитьбе. — Я опять что-то не то ляпнул? Давай, Мораннонед, пригласи подругу! Уже два бурдюка в неделю! Детишки пойдут — чем не жизнь? Сами спирт начнут давать. А?

Не меняя позы дракон деревянным голосом изрёк:

— Ну действительно? Откуда ему знать?

Периодически дракон начинал обращаться к Панасу так, будто тот отсутствовал — называлось это «говорить в третьем лице». Сначала Панас дивился, потом привык и перестал обращать внимание.

— Видишь, ли, Панас, — проговорил Мораннонед, как показалось козаку с болью в голосе. — Во-первых, драконы все одинаковы — у нас нет мужчин и женщин, как у вас, людей, хотя мы и называем детей сыновьями, а родителя — отцом. Любой дракон способен отложить яйцо. Но проблема в том, что мы не можем делать это, когда захотим. Нужные изменения в организме происходят, только если рождение новых драконов кому-нибудь необходимо. Кому-нибудь, кто зависит от нас — по-настоящему, жизненно. Я не откладывал яиц уже восемьсот лет, Панас. Окружающие последнее время желают драконам только смерти. Ты первый, кто моей смерти не желает — иначе я уже расхворался бы и покинул эти места. Конечно, одной твоей воли было бы недостаточно, но едва я перестал досаждать окрестным пастухам — малопомалу проклятия в мой адрес утихли. Вот видишь — я здоров. И, небом клянусь, мне не хочется отсюда уходить и начинать всё сначала.

Панас неожиданно ощутил, как к горлу подкатывает ком. Ему стало нестерпимо жалко дракона — по многим причинам. В конце концов более одинокое существо трудно было даже представить.

Галушка подошел к неподвижному Мораннонеду и дружески двинул кулаком в чешуйчатый бок:

— Ну, компаньон! Крепись. Всем сейчас тяжело. Я правда не хочу, чтобы ты улетел куда-нибудь — живи тут хоть тысячу лет, хоть больше. Холера! Хватит нашим пьянчугам и одного меха в неделю.

В этот день Панас впервые за довольно длительный срок напился и Мораннонед долго слушал, как его двуногий компаньон оглушительно храпит в пещере.

— Нет, — тихо сказал дракон, любуясь звездами и думая о своём, драконьём. — Всё-таки даже среди людей встречаются достойные личности. А я уж было поставил крест на этой суматошной расе.

Недельки через три Панас вернулся из очередного визита к шинкарям и не застал Мораннонеда на обычном месте — у ручья, размышляющим или спящим. Разговор с шинкарями выдался странный: Панас заявил, что более одного меха в неделю возить не может, поскольку не больно-то это шинкарям и нужно. Как на

грех последнюю фразу услышали лесорубы за соседним столом и принялись громко доказывать Панасу, что он, мягко говоря, ошибается. Уже чувствуя нарождающееся подозрение, Панас попытался спорить, был обозван жадюгой и едва не был бит — спасибо вмешался Сава, пригрозив, что перестанет отпускать лесорубам драконью горилку.

На выходе Панаса перехватил Грицай и долго рассказывал, как сильно ему и завсегдадаям его шинка необходим хотя бы один полный мех в неделю. Подозрения Панаса укрепились.

Мораннонеда Панас нашел в пещере, в гнезде, сложенном из цельных ёлок. Дракон спал и разбудить его не удалось. Спал он неделю, прежде чем пробудился. После чего снёс первое яйцо, а через полчаса второе.

Панаса в это время не было — повез в Шмянское остатки спирта из особых запасов, дабы не нарушать уговоры и не срывать поставки окончательно. Когда Панас приблизился к лошине настолько, что разглядел Мораннонеда на привычном месте, он пустил кобылу вскачь, а приблизившись, кинулся обниматься:

— Ну напугал ты меня, чертыка! — сообщил Панас. — Уснул, понимаешь... Я уж невесть что думать начал!

Дракон загадочно улыбался, вертя в лапах небольшую плоскую деревяшку.

— Пойдем-ка, — сказал он тише, чем обычно, — я тебе кое-что покажу.

При виде яиц в гнезде у Панаса натурально отвисла челюсть:

— Вот те на! Целых два!

— И ещё два на подходе, — сообщил дракон, очаровательно смущаясь.

Сорвав с головы шапку, Панас на радостях швырнул её оземь:

— Позовёшь в кумовья кого-нибудь другого — обижусь! — заявил он. — Я перекушу — и назад в Шмянское за покупками! А ты тем временем расскажешь, чего твоим драконьятам понадобится и что они едят!

— Первое время ничего. — Мораннонед покосился на округлые, будто гарбузы на грядке, яйца. — А после — то же, что и я. Так что стадо пополнить не помешает!

— А... — Панас запнулся в нерешительности. — Извини, что я так сразу, — а спирт они когда давать начнут?

— Да как впервые оголодают, месяца через три. Я уже задумался на эту тему. На вот, полюбопытствуй. — Он протянул Панасу ту

самую дощечку, что всё еще держал в руках. — Это эскиз, зеркальное клише я потом отолью в металле.

Панас принял и взглянул — на дощечке виднелся гербообразный рисунок, вырезанный то ли ножом, то ли когтем выцарапанный — немного грубовато, но, как выразился бы Мораннонед, очень «стильно»: на прямоугольном поле сидел дракон, выпускающий узкий язык пламени; рядом гарцевал человек на коне, судя по оружию — козак, но оружие и одежда показались Панасу странноватыми. А ниже змеились затейливо переплетённые буквы: «Горилка драконья, особая». Ещё ниже, литерами помельче — «ООО «Галушка, Моран и сыновья».

— Своё имя я сократил для благозвучности, — сказал дракон. — Надо чтобы ты заказал стеклодувам специальные бутылки и этикетки с этим рисунком. И ещё дубовые бочки понадобятся. Такой напиток создадим, уххх! Настаивать на травах станем, выцеживать, оттенять водой из ручья, выдерживать в бочках... Я тут отработал рецептик, пока ты катался. Продавать будем прямо в бутылках и цену назначим: за бутылку — монета; за бутылку дополнительно выдержанную — три!

Панас быстро подсчитал прибыль — получалось, что мех будет уходить монет за сто, а то и поболее.

— Голова ты, Моран! — одобрительно покачал своею головой козак Панас Галушка. — С тобою приятно работать! По рукам!

Человеческая ладонь и когтистая драконья лапа встретились, знаменуя рождение нового предприятия под загадочной аббревиатурой ООО.

— Кстати, — спохватился Панас. — А правда, что это значит — ООО?

— Я тебе книгу потом дам, по экономике. Почитаешь. Всё равно нам придётся тут поблизости и таверну открыть, и дорогу до Шмянского строить... работы невпроворот. А мне нужен образованный компаньон. Не так ли?

— Чтоб я лопнул! — подтвердил Панас и в подтверждение крепко дернул себя за чуб. — Ладно! Делись рецептом — интересно же!

Мораннонед немедленно оживился — чувствовалось, что в изготовление прототипа «Драконьей особой» он вложил немалую часть собственной души и смекалки:

— Берешь родниковой воды и той замечательной травы, что растет у...

! Warning !

Рецепт «Горилки драконьей, особой» (ТМ) изъят из текста мемуаров действующим адвокатом ООО «Галушка, Моран и сыновья» Меркусом, сыном Мораннонеда, сыном Мевсиарха (адвокатская лицензия N 245018 в Червонодольском юридическом приказе) в соответствии с зарегистрированным травня 10-го дня лета 330-го патентом (см. приложение 1) на эксклюзивное приготовление означенного напитка.

*октябрь-ноябрь 2004
Москва, Соколиная Гора*

ХИРУРГИ

ПОВЕСТЬ

0

Что может быть обиднее? Судите сами: 31 декабря, время — 23.45, вас ждут у новогоднего стола, правда, на другом конце города, куда на тачке пилить не менее получаса, а все машины, редкие, как оазисы в Сахаре (не психи же они — праздник!), проскакивают мимо, обдав морозным ветром и выхлопом.

На город валились рыхлые хлопья белого до умопомрачения снега. Окна унылых девятиэтажек освещались бликами елочной иллюминации или просто тривиальными лампочками малопочитаемого ныне Ильича. Отовсюду доносились обрывки музыки, смех и, казалось, даже звон бокалов.

Мимо на бешеной скорости промчался приземистый «жигуленок». Отчаянно махавшую рукой Ольшу водитель проигнорировал. Можно было обругать его, но смысл?

Ольша зло подышала на ладонь, замерзшую, несмотря на двойную варежку, Риткин подарок. Все, пропал праздник...

В тот же миг с проспекта, разгоняя мутную полутьму новогодней ночи, вывернула еще одна машина. Ольша без особой надежды воздела руку.

Гляди-ка, притормозил!

Ольша рванулась к машине. Странная тачка, вместо фар — сплошная светящаяся полоса над бампером. Иномарка, наверное. Ольша пригляделась.

Точно, иномарка. Отдаленно смахивает на сорок первый «Москвич», но не более, чем этот же «Москвич» на пристойный автомобиль.

Дверь уползла вверх, на крышу, но Ольше уже некогда было удивляться. Мало ли чего напридумают проклятые буржуи!

— Шеф, на Намыв, полста, если за полчаса докатишь!

За рулем сидел невыразительный парень в зеркальных очках. Это зимой-то!

«Сейчас он заявит, что ему в Соляные!» — решила Ольша. Но парень качнул головой: «Залезай, мол!» Ольша, взглянув на часы (23.45), уселась рядом. Шофер тронул что-то справа от руля и дверь тихо встала на место. Приборов и циферблатов в машине было больше, чем привык бывший советский человек.

Автомобиль мягко скользнул вперед.

— Пристегнись, — негромко попросил парень.

Ольша насмешливо уставилась на него. Зеркальные очки раздражали.

— Что, автоинспекции боишься? Они уже пьяные давно...

— Пристегнись, — не меняя тона, повторил парень.

Ольша решила не спорить — еще упрется и высадит. Ремень безопасности сухо щелкнул, сам собой выбрал слабинку, принайтовив ее к креслу, удобному, как и все заграничное.

А парень вдруг развернулся и, утопив акселератор, погнал машину совсем в другую сторону.

— Э! Нам не туда! — сказала Ольша. Стало страшно. «Вляпалась!» — решила она.

Парень, не глядя на нее, ответил:

— Помалкивай.

Ольшу вдавило в кресло. Машина почему-то задрала капот, потом завалилась набок, скользнула меж троллейбусных проводов и взмыла, словно самолет. Земные огни провалились вниз.

Ольша вцепилась в дверную ручку. Мысли расползлись и прятались. Так ведь не бывает!

Плавно развернувшись, парень повел машину (или что там?) прямо на Намыв, над рекой. Ольша затравленно глянула назад — за стеклом плясало неистовое малиновое пламя. И было очень тихо, ни гудения, ни рокота, словно двигатель вообще не работал.

«Ракета? — подумала она, чувствуя себя полной идиоткой. — Бред ведь собачий!»

Справа и внизу угадывались очертания порта. Город сверху напоминал рой разноцветных светляков. Плясавшие за стеклами снежинки придавали ощущение сказки.

На Намыв (точнее — над Намыв) они ворвались спустя семь минут.

— Какой дом? — спросил парень вполне буднично, что-то переклюкая на панели управления.

Неким непостижимым образом Ольше удалось объяснить. Парень кивнул, взявшись за руль обеими руками — до сих пор он руля вообще минуты две не трогал.

— Седьмой этаж, — добавила Ольша неизвестно зачем. Наверное, вспомнила старый новогодний фильм.

— Подать к балкону? — ехидно осведомился шофер (или пилот?).

Пришлось указать и балкон. Чудо-машина зависла вровень с перилами. Снова сама собой отворилась дверца.

Ольша медлила.

— Слушай, — сказала она, — ты, часом, не Новый год?

В голове имела место совершеннейшая каша.

— Нет, — ответил парень серьезно. — Вытряхивайся. Денег не надо.

Кое-как Ольша перебралась на балкон, уже там сообразив, что забыла отстегнуться. Но удивляться не осталось сил. Тряхнув головой, в последний раз заглянула в машину.

— Я тебя еще увижу? — спросила зачем-то.

Парень долго, секунд пять, глядел на нее, потом вдруг снял очки.

— Возможно.

Лицо его Ольша запомнила накрепко.

Дверь плавно встала на место, чудо-машина, слегка накренившись, отвалила от балкона и рванулась ввысь, задирая капот к звездам. Казалось, она так и уйдет, затеряется среди мерцающих небесных огней и пропадет из виду. Колеса у нее были почему-то горизонтально, под днищем.

«Бек ту зе фьуче...» — пробормотала Ольша. Приди после такого в себя!

Сверху сыпал и сыпал пушистый новогодний снег. На балконе было холодно и неудобно; Ольша легонько постучала в заиндевевшее стекло. Дверь отворилась.

Компания за столом дружно отвесила челюсти.

— Ольша? — не своим голосом спросил Юра-Панкрат. — Ты откуда?

— С неба, — вздохнула Ольша и вошла одновременно с первым ударом курантов. — Это ничего, что я не в дверь?

Невзирая на общее замешательство, шампанское все же откупорили, и Ольша, как была, в пальто и варежках, опустошила бокал.

— С Новым годом!

1

Июнь поливал морское побережье плотным изнуряющим зноем. Песок накалился до того, что обжигал босые ноги. Нескончаемый коблевский пляж кишел загорелыми телами, надувной резиной, цветастой материей над ажурными металлическими грибка-ми. Все, кто еще не одурел от солнца, плавались у прибоя или мокли в горько-соленом месиве среди посиневших от долгого купания детишек и сизых от рождения медуз. Большинство пряталось в тень. Над морем плясали призраки: до того прогрелся воздух.

Ольша томно потянулась и ойкнула, ненароком коснувшись песка. Глеб с Юрой-Панкратом как по команде подняли головы.

— Граждане! — сказала Ольша. — Я кипю, шипю и пузырюсь.

Фраза была ритуальной. Перед купанием ее обязательно кто-нибудь произносил.

Море не принесло желанного облегчения. Возникла весьма здравая идея сходить за пивом. Тут же и выступили.

За первой шеренгой пансионатов, старых, еще старорежимных, тянулась асфальтовая лента дороги, рассекая надвое узкую полосу сосновой посадки. По дороге сновали курортники и редкие автомобили. Навстречу попало несколько счастливых компаний, бережно несущих полные бутылки (канистры, фляги, графины...). Значит, пиво наличествовало. У первой же компании выяснили где именно — у «Ракеты». В принципе баночное пиво постоянно водилось в любой кафешке, но большинство отдыхающих предпочитало бочковое, потому как изрядно дешевле.

На Ольшу и Ритку все пялились — мужики голодно, женщины — с завистью. Девчонки давно привыкли. Нельзя сказать, что Глеб с Юриком особо радовались этому, однако вид оба сохраняли гордый и снисходительный. Кому не станет приятно, когда рядом шагает симпатичная девчонка с лицом и фигурой голливудской кинозвезды, загорелая до бронзы, а ты еще вдобавок точно зна-

ешь, что она не полная дура, как большинство красавиц, но и не дремучая интеллектуалка, скучная и занудливая? Пока ребята, пристроившись в очередь, ожидали живительной пенной влаги, Ольша с Риткой сунулись в кафе-стекляшку здесь же, у «Ракеты». Посетителей было немного, всего с десятков. Последнее время подобных стекляшек развелось по всему побережью без счета, не то что пять лет назад. Несмотря на внушительное количество курортников, очереди у стоек кафе и баров как-то сами собой рассосались. Да и цены многих устрашали: мороженое — пятерка, стакан массандры — двадцатник, а банка паршивого баварского пива — сорок гривн!

Ольша скользнула глазами по уставленным разноцветными и разнокалиберными бутылочками полкам. Кола, оранж, лайм, «Траминер», «Гратиешты», красная «Варна», мускат «Ливадия», «Южное игристое»... еще сухенькое что-то, кажется, феодосийский «Сильванер». Четыре сорта пива плюс николаевское бутылочное. Ритка рылась в сумочке-ксивнике, носимой на поясе.

И тут что-то заставило Ольшу обернуться, странный зуд между лопатками, словно в спину ей уперся тяжелый внимательный взгляд. Открытая дверь сияла в полутьме стекляшки ослепительным восклицательным знаком. Подкатила серо-зеленая иномарка, поблескивая и искрясь в лучах солнца. Мутные тонированные стекла не позволяли разглядеть сидящих в салоне.

Закругленная дверца машины знакомо уползла вверх, на крышу. У Ольши захватило дух. Дальнейшее происходило словно в замедленном кино.

Вышли двое — одинаково рослые, загорелые, в сланцах-вьетнамках, истертых шортах, легкомысленных майках с трафаретными ухмыляющимися рожами, озорных панамках-колокольчиках вызывающе красного цвета и одинаковых зеркальных очках.

Ритка, застывшая у стойки, машинально посторонилась. Бармен угодливо заулыбался:

— Привет, ребята! Как обычно?

— Ага... — отозвался один из парней, поправив очки, и осекся. — О! Мускат! Ящик!

Бармен свистнул подручным; ящик вина и две упаковки пива тут же вынесли и погрузили в машину.

— Ну и здесь по бутылочке... — вздохнул второй.

Две запотевшие «Дак Гессер» вкрадчиво возникли на стойке.

— Три шестьсот, — объявил бармен.

На стойку шлепнулись восемь кредиток по пятьсот гривн с лихим гетманом Петром Сагайдачным. Бармен сгреб все и рассыпался в благодарностях. О сдаче речь, видимо, не шла.

Второй парень стянул очки, и Ольша убедилась, что именно он подвозил ее к Глебу в новогоднюю ночь.

— Привет, — сказала Ольша, улыбнувшись, и шагнула вперед. — Ты меня помнишь?

Парень прищурился и посмотрел в ее сторону.

— Ну, привет...

На стойку легла еще одна кредитка.

— Хью, выдай им чего попросят...

Одинаковым движением парни вернули пустые бутылки на стойку, переглянулись и вышли из кафе. Дверцы машины плавно встали на место, и серо-зеленое искрящееся чудо унеслось в сторону молдавских баз.

Ольша потерянно глядела вслед. Зато Ритка не растерялась.

— Два муската и по мороженому!

Бармен мигом соорудил в белых пластиковых вазочках две маленькие зимы с сиропом и шоколадом, а бутылки с вином заботливо упаковал в плетеную корзинку с затейливой ручкой. Сдачу требовать не решила даже Ритка.

Девушки заняли дальний столик. Ольша не могла прийти в себя.

— Кто это, Оль? — Любопытство Ритки нетрудно было понять. Но вот попробуй ответь на этот простой вопрос!

Ольша вздохнула:

— Еще не знаю. Помнишь Новый год? Когда я с балкона заявилась?

Ритка кивнула. Ольшиной истории с летающей машиной никто, конечно же, не поверил. А придумать она ничего не смогла. Да и не пыталась.

Ольша сонно ковырялась в мороженом. Узнал ее тот парень? Или просто кинул кредитку, чтоб отвязаться?

Этот вопрос мучил ее два последующих дня.

Чудо-машину она снова увидела ранним утром. На «Черноморце», у телефонов межгорода. Большинство курортников еще спали, несколько жаворонков торопливо похмелялись в буфете. Жестяные ведра громкоговорителей уныло разразились новостями.

Ольшин знакомый стоял, привалившись плечом к окрашенной в бодро-зеленый цвет будке; его приятель звонил, нервно постукивая свободной монеткой по стеклу.

Сердце почему-то заколотилось сильнее, Ольша удивилась и рассердилась одновременно. Вскинула голову, подошла поближе.

— Привет!

Парень склонил голову. Выражение его глаз осталось невыясненным: очки он, видимо, снимал лишь в исключительных случаях.

— Ты помнишь новогоднюю ночь? Машину, поданную к балкону?

Две зеркальные капли продолжали отражать Ольшу.

— Ну?

— Я верила, что мы еще встретимся.

Парень пожал плечами без следов выражения на лице. Это было до жути странно, лицо вообще без выражения!

— Это та самая машина? — спросила Ольша, чтобы не молчать.

Парень ответить не успел; его дружок повесил трубку и обернулся, оценивающе разглядывая Ольшу. Впрочем, смотрел он вполне дружелюбно, без цинизма.

Ольша смутилась; смутилась до того, что уронила книгу, которую читала с утра. Ветер зашелестел страницами, мягкой лапой вытащил закладку — мгновенную фотографию. С неделю назад пристал к Ольше какой-то заезжий монстр-воротила. В ресторан водил, сфотографироваться вместе заставил. Насилу отвязалась. А потом вместо закладки фотка эта под руку подвернулась.

Ольша присела одновременно с парнем. Тот подобрал книгу, мельком взглянул на фотку...

И замер.

— Ты его знаешь?

Ольша растерялась.

— Немного...

— Где живет?

— В «Лазурном»...

— Поехали!

Ольшу бережно взяли за локоть.

В салоне было прохладно, пахло перегретой пластмассой и ландышами. Днем панель управления выглядела не менее загадочно, чем в ту памятную ночь.

— Как тебя зовут?

— Ольша...

Бесшумно развернувшись, машина устремилась к воротам по узкой аллее.

Ольша набралась храбрости:

— А вас как?

Знакомый парень с готовностью ответил:

— Я — Сеня. Сеня Бисмарк. А это — Енот.

— Енот? — не поняла Ольша.

Сеня рассмеялся.

— Это прозвище. Вообще его Олегом кличут.

За окном шелестел горячий ветер, мелькали сосны и курортники.

Ворота в «Лазурный» охранялись заржавленным амбарным замком. Сеня притормозил и выскользнул наружу. Ольше помог выйти Енот. Дверцы, слабо клацнув, опустились и закупирили машину.

— Пошли!

Енот тащил Ольшу за руку, Сеня нетерпеливо семенил рядом.

— Какой корпус?

Ольша все больше терялась.

— Вон тот...

— Как этот тип себя назвал?

— Боря... Борис Завгородний...

Войдя в корпус, Сеня с Енотом вмиг утратили суетливость: ни дать ни взять — два лентяя забрели в гости к знакомой девушке. Даже настырная сухопарая кастелянша лишь едва повела носом в их сторону.

Завгороднего в номере не было. На стук никто не ответил, зато за спинами возникли двое гориллоподобных шестерок Завгороднего — Ольша часто их замечала, когда ее обхаживал этот деляга.

— Кого ищем?

В голосах сквозила ленивая надменность. Сеня и Енот явно уступали гориллам в силе.

Дальнейшее произошло очень быстро. Енот по-медвежьки переступил с ноги на ногу: «Топ-топ!» Движение было совершенно не боевым, Ольша даже назвала бы его уютным. Однако один из громил с размаху въехал в стену и затих, рухнув на линолеум. Второй принял красивую стойку.

«Х-хех!»

Нога, словно пушечное ядро, летела Еноту прямо в грудь. «Топ-топ!» — Енот снова потоптался на месте. Он не бил и не отбивал удар! Тем не менее второй оппонент-каратека головой вперед улетел вдоль по коридору, причем ноги его болтались существенно выше головы. Он тоже так и не поднялся.

Сеня за это время открыл номер Завгороднего — именно открыл, а не взломал. Ольша застыла на пороге, Сеня с Енотом быстро и профессионально обшарили обе комнаты, ванную. Если они чего и искали, в этот раз не нашли.

Дверь Сеня за собой запер. Чем — Ольша не рассмотрела. Она ощущала себя втянутой в какую-то чудовищную игру.

Немного отошла она только в машине. За руль сел Енот. Ее привезли в уютный маленький коттедж на самой границе молдавских баз. На веранде спал еще один парень — если не близнец Сени с Енотом, то по крайней мере двоюродный брат.

— Это Паха Толстый. С ним лучше не заговаривать, ясно?

Парень был совсем не толстый. Наоборот, поджарый и подтянутый, как Енот или Сеня.

В комнате хозяйничала благодатная прохлада. Виной этому служил небольшой импортный кондиционер.

— Пить будешь? — спросил Енот вполне буднично, кивая одновременно на просторное заманчивое кресло.

— Буду! — храбро ответила Ольша и ухнула в податливую бараканную глубину. Кресло и она, похоже, создавались специально друг для друга. Ребят этих она бояться перестала. Если что — все равно ведь достанут. Из-под земли. Да и вообще — интерес к ней возник, только когда выяснилось, что она знакома с Завгородним, чисто деловой интерес. А пить согласилась, памятуя о ящике муската — вчера они приговорили обе бутылки с Глебом, Юриком и Риткой и нашли сей напиток весьма замечательным.

Впрочем, Енот извлек на свет божий бутылку «Еким Кара». Рубиновая жидкость темнела в старомодной пыльной посудине.

— «Солнечная долина», урожай 57-го года. Цени!

На дне бутылки скопился слой похожего на рыжий лишайник осадка. «Ну их, эти проблемы!» — зло подумала Ольша и взяла протянутый бокал.

2

Следующий фокус компания Сени Бисмарка выкинула наутро. Ольшу никто пальцем не тронул, хотя сначала она полагала, что ее пытаются напоить, ибо за «Черным доктором» последовали не менее пыльные и выдержанные бутылки южнобережного «То-

кая» и «Кагора», а потом казахского фиолетового муската какого-то особого элитного разлива.

Ольша проснулась в том самом чудном кресле (оно незаметно трансформировалось в диван), укрытая пушистым клетчатый пледом. В углу на голом матрасе посапывал Енот.

На улице буянило июньское солнце; с каждым часом укорачивались и без того куцые тени. Сеня в позе лотоса сидел на капоте машины.

— Доброе утро, мистер йог! Вам не горячо на железе-то?

Сеня не шевелился, уставившись в пустоту. На веранде бесспорно дрых Паха Толстый. Кажется, он так и не просыпался со вчерашнего дня. В винопитии он тоже не участвовал, а когда Ольша спросила почему, Сеня с Енотом рассмеялись и сказали: «Ему не нужно...»

Когда наконец все проснулись, ни о чем, кроме завтрака, поговорить не удавалось. Сеня заикнулся о корейском рестораничке на «Дельфине», за что и был посажен на место шофера.

Ольша устроилась рядом. Странно: раньше она не замечала, что не только буквы, но и цифры на шкалах приборов были чужими. Даже не римскими. Ольша никогда прежде не встречала таких знаков. Спидометр, например, делился на шесть секторов, каждый сектор — на шесть делений. Что означали угловатые символы у каждого сектора, оставалось только догадываться. Километры? Мили? Лиги?

— Сеня, просвети меня, темную. Это чья машина? Штатовская? Или японческая?

— Гианская, — ответил Сеня совершенно серьезно. — Называется «Аз-Б'ат». «Северный ветер» по-вашему.

— Гианская? — Ольша наморщила лоб. — Это в Африке небось?

— В созвездии Змееносца.

— Шутить изволите?

Сеня пожал плечами:

— Отнюдь...

Завизжали тормоза. На дороге, вытянув руку вперед, стоял один из громил Завгороднего. Ольша, притянутая ремнями к креслу, слабо ойкнула.

Автомобиль врос в асфальт у самого колена громилы, бампер едва не касался вареной штанины.

— Толстый, разберись, — поморщился Сеня.

Паха неторопливо вылез из машины и достал винчестер. Знаете, такая пушка, ствол калибром со средний огурец, а затвор там, где цевье. Ольша такие только по видакам знала. Где Паха прятал эдакую махину, осталось загадкой. Не под футболкой же?

Громила, увидев винчестер, смутился. Курортники, которых угораздило именно в этот момент проходить мимо, торопливо рассасывались кто куда.

На лице Пахи красноречиво цвел единственный вопрос: «Ну?»

Сзади подъехали две «Самары», из них полезли угрюмые плечистые субъекты. Шестеро. Еще трое показались из ворот ближайшей базы. Для вящей солидности им очень не хватало бейсбольных бит.

Ольше стало весьма неудобно.

— Гм! — сказал Сеня несколько озадаченно. — Болваны.

И выбрался наружу. Енот — тоже. В руке его зачернел большой пистолет а-ля кольт-магнум.

«Боже мой! — похолодела Ольша. — Куда же я, дура, влезла?»

Вид оружия оппонентов слегка охладил, однако вряд ли испугал.

— Где Завгородний? — жестко спросил Сеня, видимо, не желая упускать инициативу.

Громилы переглянулись.

— Спрячь пушку, — предложил один. — Потолкуем.

— Толкуй, — согласился Сеня, но пушку не спрятал.

Их взяли в кольцо. Счет десять—три внушал Ольше серьезные опасения насчет исхода конфликта. Очень хотелось стать прозрачной. Впрочем, оставалось только крепче вжиматься в кресло.

— Кто вы такие? Кому служите?

— Не твое собачье дело, — чуть ли не беспечно ответил Сеня.

— Хамишь, — констатировал громила-предводитель. — Накажем.

Сеня неожиданно легко согласился:

— Валяй, наказывай.

И шепнул негромко Еноту:

— Гэр орми?

— Туу, — был ответ.

В ту же секунду трое из оцепления сноровисто извлекли оружие, но сделать ничего не успели: сверкнуло ярче солнца, и все трое рассыпались черным бархатистым пеплом, а пистолеты баг-

ровыми раскаленными комками медленно вязли в асфальте, окутываясь едким дымом.

Уцелевшие громилы ошалело переглядывались. Их осталось семеро. Ольша испуганно хлопала глазами. Она могла поклясться: ни Сеня, ни Паха, ни Енот не применяли своего оружия. Сияние обрушилось на громил сверху, из выцветшей голубизны неба.

— Ну их к дьяволу, — снова по-русски сказал Енот. — Поехали.

Сеня тут же спрятал свой пистолет и сел за руль. Енот полез на заднее сиденье.

— Э-э! — запротестовал громила-предводитель. — Пойдите!

Паха Толстый хладнокровно поднял винчестер.

«Ду-дут!»

Громилу швырнуло на пыльный асфальт. Вместо головы у него стало сплошное кровавое месиво. Ольша схватилась за щеки, чувствуя, как к горлу подступает противный ком.

С хрустом передернув затвор, Паха сел в машину и захлопнул дверцу резким, сверху вниз, движением. Винчестера у него в руках уже не было — спрятал. Куда — непонятно.

Верзила застыли кто где стоял, словно дожидались звона прыгающей по асфальту гильзы — логического завершения эпизода, которого действительно не хватало.

В этот день коблевский асфальт впитал в себя много: кровь, пепел и три куса железа, бывших некогда пистолетами. Впрочем, пепел быстро развеялся на ветру.

3

Завтрак в ресторанчике совершенно не отложился у Ольши в памяти. Сеня и Енот жевали куксу как ни в чем не бывало. Паха почему-то остался в машине — его товарищи сказали, что «ему не обязательно».

Насытившись, заказали вина и долго сидели в полутьме зала. Сеня с Енотом явно не торопились, потягивая коллекционный херес, и тихо беседовали, кажется, не по-русски. Ольша помалкивала. А что оставалось? Спутники ее церемониться не привыкли, если судить по последним часам...

Негромко наигрывала музыка, сначала старенький «Спейс», потом Крис Ри. Ближе к обеду налегли на что-то модно-танцевальное, Ольша поморщилась: не любила она слюнявые песенки прилизанных мальчиков-шоуменов. И чего народ с них так млеет?

Она даже не заметила, что произошло: Енот вдруг вскочил и произнес отрывистую фразу, словно коротко ругнулся. Сеня оказался на ногах лишь секундой позже. Оба они мельком глянули в окно; Сеня подхватил Ольшу под локоть и потащил к выходу. Енот на ходу сунул официанту веер кредиток и поспешил вослед.

У машины стояли четверо парней, один заглядывал в полуоткрытое окно и что-то втолковывал Пахе. Паха соответственно молчал, видимо, уже довольно давно. Парни злились.

— Эй, ребята, — с неподдельной ленцой протянул Енот. — Чего к нему пристали?

Сеня успокаивающе поглаживал Ольшину ладонь, но хотелось сжаться или исчезнуть, потому что скорее всего сейчас снова все начнут хвататься за пистолеты и палить друг в друга.

— Клевая у вас тачка, — с нехорошей улыбочкой протянул один из парней, худощавый и длинноносый, как тапир. — Наверное, жалко будет, если кто-нить стекло раскокает. А?

— А кому мешает наше стекло? — Енот являл собой само благодущие, разве что не зевал в лицо длинноносому.

Длинноносый оскалился:

— Пойдем-ка потолкуем, умник...

— Пойдем! — даже обрадовался Енот. — Куда?

— Да вон, в тир хотя бы...

Невдалеке стоял крашенный в зеленое автобус, переделанный в пневматический тир еще при «совке». Енот немедленно зашагал к полуоткрытой двери.

— И ты иди, чего уж там... — предложил длинноносый Сене. — Вместе с телкой своей...

«Гад!» — подумала Ольша и вдруг поймала себя на мысли, что злорадствует. Ибо не без оснований полагала, что ее новые знакомые сейчас разнесут автобус в клочья — и это еще в лучшем случае.

Сеня невозмутимо двинулся к тиру, по-прежнему придерживая ее за руку.

— Не бойся, — шепнул он. — Ничего они нам не сделают. Это лохи какие-то...

В тире покуривали еще двое типов, таких же неприятных, как и те, что приставали к Пахе.

— Постреляем? — предложил длинноносый, переламывая винтовку. — Кто лучше стреляет, того и тачка. Идет?

Енот молчал, выжидая чего-то. Длинноносый тем временем зарядил все пять ружей и выложил их в ряд на стойку.

— Ну так что? — повторил он. — Постреляем?

Вскинув ближайшую к себе винтовку, он выстрелил. Сухо клацнула пулька, и первая мишень — душманистого вида всадник на верблюде — закачалась, перевернутая. Второй выстрел — и из пузатой бочки с надписью «Пиво» вылез рогатый черт, сжимая трезубец.

Стрелял длинноносый неплохо: пять выстрелов, пять попаданий. При том, что он почти не целился.

— Твоя очередь, — пододвинул он жестяную коробочку изпод ваксы, наполненную пулями. — Стрелей!

— Из этих пукалок, что ли? Ну уж нет! — ответил Енот и добавил: — Паха!

Длинноносого снесло в сторону — в тир вошел Толстый и мрачно достал винчестер, со скрежетом передернув затвор. Ребята несколько присмирели.

«Ду-дут!»

Первый выстрел проделал в задней стене автобуса изрядную дыру.

«Ду-дут! Ду-дут!»

Сеня и Енот синхронно палили по мишеням из своих чудовищных пистолетов, не целясь и не меняя обойм — словно в ручьях прятались миниатюрные фабрики патронов.

Внезапно повисшая тишина, ткнулась в барабанные перепонки. Парни боязливо жались к металлическим бортам. Длинноносый, казалось, стал даже ниже ростом.

Вместо стенда с мишенями наблюдалась сплошная дыра с неровными краями, словно в злополучном автобусе разорвалась граната.

— Мы выиграли, — удовлетворенно, даже нет — радостно сказал Енот. — Пока ребята.

И вышел. Сеня вывел истерически хохочущую Ольшу на улицу, следом шагал Паха. Ольша продолжала хохотать даже в машине, успокоившись только, когда Сеня заговорил с кем-то по радио.

После Сениного разговора все веселье мигом улетучилось — Олыша уловила это безошибочно. Что-то произошло.

Енот направил «Аз-Б'ат» к почте и долго звонил по межгороду; Олыша ждала в машине вместе с Пахой. Сеня разгуливал вокруг, наверное, высматривал нежелательные хвосты.

Потом они вернулись в коттедж, где ночевали. Паха тотчас же повалился спать на веранде. Сеня и Енот, оба мрачные, как ночная тайга, сели друг против друга в комнате. Олыша боязливо забила в кресло.

— Что со мной будет? — спросила она тихо. — Я даже не спрашиваю, кто вы, лучше не знать. Но со мной-то что?

Сеня часто-часто закивал.

— Собственно, можешь не бояться. Найдем Завгороднего — и гуляй себе.

— А если не найдете?

— Найдем, — уверенно сказал Сеня. — Никуда он не денется. А тебя-то защитить мы сумеем, не сомневайся. Раз втравили, придется защищать. А это мы можем...

Олыша вздохнула:

— Я видела...

Последствия Пахиной стрельбы до сих пор стояли перед глазами.

— Ты поспи лучше, — посоветовал Сеня мягко.

Олыша замотала головой — заснешь после такого, как же! Но Сеня вдруг протянул руку, заговорил о чем-то теплом и знакомом...

...и проснулась она только следующим утром. Ни Сени, ни Енота в комнате не было; Паха валялся на своей любимой веранде, словно манекен. Со вчерашнего дня он не двигался и вроде бы даже не дышал.

Потянувшись так, что хрустнул позвоночник, Олыша прислушалась к себе. Голова была легкой и свежей, а еще зверски хотелось есть. И не мармеладу какого-нибудь, а желательно мяса. Жареного. И побольше.

К коттеджу, жалобно скрипнув протекторами, подкатила иномарка, но не Сенина. Выскочила она из-за угла совершенно неожиданно, Олыша даже вздрогнула. Дверца уползла вверх точно так же, как и на «Северном ветре».

Взору явился парень — высокий, поджарый, естественно — в темных очках.

— Доброе утро, — поздоровался он приветливо. — Ты — Ольша, да?

Ольша кивнула.

— Где Сеня?

Ответить она не успела: Бисмарк и Енот рысцей вырвались из-за другого угла. На лицах их читалось выражение, близкое к легкой панике.

Незнакомец открыл было рот, но его перебили:

— Проблема, Артур. Они скovyрнули спутника-«сторожа».

Вероятно, это было нехорошо. Ольша вспомнила, как вчера нечто из поднебесья поджаривало особо ретивых боевиков, и сообразила, что лучше иметь над головой такого «сторожа», чем не иметь.

— Не кипи, Сеня. А ты чего ждал — что они петь и плясать станут? Я бы на их месте точно так же поступил.

— Но это же война! Неприкрытая!

Говорили почему-то по-русски.

— Пойдем-ка в дом...

«Разведка! — решила Ольша. — Это западная разведка. Созвездие Змееносца, как же... Морочат голову. Вот нарвалась!»

Каким образом удрать, Ольша даже боялась представить. Да и найдут ведь наверняка — вчера Сеня так солидно обещал найти скользкого и неуловимого Завгороднего. Отыскать перепуганную девчонку не составит для подобных спецов никакого труда. Документы ее давно уже изучены — идиоты они, что ли?

Хотелось выть от страха. Ранняя смерть совсем не входила в Ольшины планы.

Тем временем эта контора совещалась, даже не пытаясь скрыть что-нибудь от Ольши.

— Завгороднего нужно брать. Перебить этих его подручных, засаду устроить...

— Не клюнет он. Да и куда мы без «сторожа»? Пуля-то дура, как здесь говорят.

Енот нервно барабанил пальцами по столу.

— Пахе пули не страшны.

«Это почему же? — подумала Ольша. — Железный он, что ли?»

— А может, плюнуть на соглашение? Вызовем модуль, пусть сядут, оцепят все вокруг. А? — предложил Енот, но особой уверенности в его голосе не чувствовалось.

— Не мели ерунды, — прервал его Сеня. — Настоящей войны хочешь?

— Пусти Паху с Хасаном, — не то попросил, не то приказал Артур. — Они уж отравняют всех как следует, невзирая на туземные пукалки...

«Хасану ихнему пули, по всей видимости, тоже до фени...» — растерянно решила Ольша.

— Я за Хасаном. У «Лазурного», минут через десять.

Артур тут же выскользнул.

— Пошли, — велел Сеня Ольше.

Она послушно встала, потому что перечить на ее месте осмелилась бы либо Мата Хари, либо полная дура.

— Я есть хочу... — жалобно вздохнула она.

— Пошли, пошли...

Енот взял ее за руку. Ладонь его была твердая и странно сухая. Паха вышел последним, заперев домик на ключ.

Они свернули за угол; у Сениной машины топтались двое полицейских и трое в штатском. Поодаль виднелся желто-голубой джип с мигалкой.

«Нашли убитого и кто-то вспомнил машину, благо таких здесь больше нет», — догадалась Ольша. Почему-то казалось, что на этот раз убийств не будет.

Сеня сокрушенно вздохнул:

— Тьфу ты... Полиции как раз и не хватало...

Он нагнул голову и упрямо и независимо пошел к «Северному ветру». Ладонь легла на ручку двери.

— Минуточку, — сказал один из полицейских.

Сеня с неудовольствием обернулся. Енот невозмутимо открыл заднюю дверцу и запихнул Ольшу внутрь.

— Инспектор, у меня мало времени. — Тон Сени был вполне миролюбивым и в меру неприветливым. — Мы поедем.

— Не раньше, чем мы вас отпустим, — столь же миролюбиво и неприветливо ответил полицейский.

Сеня полез на рожон:

— Вот уж не собираюсь с вами трепаться.

— Ты потише, — вмешался вдруг штатский, с виду — начальник. — Ты в убийстве замешан, понял?

— Да пошел ты, — процедил Сеня с таким презрением, словно перед ним был последний подонок. — Фраер хренов. Да-да, это оскорбление при исполнении...

Штатский вспыхнул:

— Взять!

Полицейские шелохнулись, но тут Енот дважды выстрелил в полуоткрытое окно; штатский и один из полисов тяжело осели на выгоревшую траву. Сеня тем временем зарядил второму штатскому в лицо, да так, что кровь брызнула, и тут же еще одному, вроде бы ногой. И опять Ольша готова была поклясться — так не дерутся! Движение скорее напоминало попытку устоять, сохранить равновесие.

Оставшийся полис схватился за кобуру, но Сеня потряс у его носа невесть откуда возникшим пистолетом с большим черным глушителем.

— Умолкни, приятель!

Приятель умолк как ошпаренный. В ворота базы на полном ходу ворвался автомобиль Артура. Скрипнула резина, взвыли тормоза. Артур и еще один парень восточной наружности мигом выскочили, хлопнув дверцами.

— Перед «Лазурным» кордон, не проехать...

— Здесь тоже, — проворчал Сеня. — Зашевелились, работнички... Ладно, поехали поглядим.

Артур обозрел валяющиеся тела блюстителей порядка; уцелевший полицейский, подняв руки, опасливо переминался с ноги на ногу у джипа.

— Толстый, — распорядился Сеня, — испортить им машину. И рацию не забудь.

Паха мрачно достал винчестер.

«Ду-дут!»

Хруст затвора.

«Ду-дут!»

Хруст затвора.

И так несколько раз. Он прострелил колеса и разворотил панель управления. Напоследок ткнул полицейского, что с ужасом взирал на этот беспредел, в бок, и тот безвольно улегся рядом с разгромленным джипом.

Винчестер исчез, словно ледышка в пламени. Паха его сунул вроде бы в карман брюк. Эдакую махину — и в карман, р-раз! И все. А карманов на брюках у него просто не было, это Ольша знала точно. Несколько раз присматривалась.

Они съехали на дорогу и скользнули за ворота. У «Лазурного» и впрямь хватало полиции. Сеня с Артуром припарковались неподалеку, наблюдая за суетой у корпуса.

— Толстый, — скомандовал Сеня, и Паха послушно толкнул дверцу вверх. Вылез. Хасан тоже выбрался из машины.

Ольша вытаращила глаза. Только что Паха сидел перед ней в своих коричневых брюках, футболке и кедах, а когда ступил на асфальт, на нем уже красовалась форма лейтенанта полиции — новенькая, хрустящая, от ладных туфель до лихой кепки с кокардой-трезубцем.

Хасан был в форме сержанта.

«Дьявольщина! — Ольша до боли прикусила губу. Эдак и впрямь придется поверить в созвездие Змееносца. Никакие шпионы-американцы не смогут переодеться быстрее чем за секунду. И потом — летающая машина. Для Земли это тоже чересчур круто.

Неужели действительно чужаки?»

Вот теперь стало по-настоящему жутко. Ольша сжалась в комок и забилась в угол, подальше от Енота. Тот на нее даже не глянул.

В спину ей впиалась какая-то рукоятка на дверце, но Ольша словно вознамерилась вжаться в тесную щель между сиденьем и обшивкой.

Спустя минуту-другую донеслись вроде бы приглушенные выстрелы. Сеня, не оборачиваясь, спросил:

— Кажется, взяли кого-то?

Енот сжал виски, посидел секунду и утвердительно замычал.

Вскоре показались Паха с Хасаном; заломив руки за спину одному из громил Завгороднего, они вели его к машинам. Полицейский из оцепления сунулся к ним, но Хасан потряс у него перед глазами блеснувшим на солнце жетоном, и тот мигом отстал, козырнул даже напоследок.

Громилу усадили в автомобиль Артура. Ольша полагала, что Сеня пожелает убраться подальше от кордона; так и произошло, правда, Ольша ждала спешки, а отъехали спустя минуту и без излишней суеты. Прокатили почти до причала и остановились в тени у парка аттракционов. Сеня с Енотом пересели к Артуру, с Ольшей остался только Паха. Он вновь нарядился в обычные свои брюки, футболку и кеды. Шорты, как Сеня и Енот, носить он почему-то не желал. Теперь она не пропустила момент переодевания: когда Паха садился в машину полицейский мундир на мгновение приобрел зеркально-стальной цвет и в две секунды «перетек», став футболкой и брюками. Кепка словно бы расплзлась и впиталась в голову, что поразило Ольшу больше всего.

Пока в машине Артура совещались, Паха молча сидел впереди, изредка тихонько постукивая ногтями по лобовому стеклу. Ольшу он начисто игнорировал.

Сеня и Енот вернулись минут через семь, ведя пленного громилу.

— Ольша, сядь вперед, — приказал Сеня, и она послушно пересела. Вообще она старательно разыгрывала паиньку, хотя подмывало рвануть от «Северного ветра» с той же скоростью, благо место людное. Но — не решилась.

Артур с Хасаном уехали в глубь молдавской зоны; Сеня повернул назад к кордону. Но у «Лазурного» они не задержались, покатили дальше. За «Кристаллом» Сеня притормозил.

— Проводи его, Толстый, — велел он негромко.

Паха вылез, извлек из машины громилу и мрачно достал винчестер. Как всегда — непонятно откуда. Выразительно мотнул головой. Громила неохотно углубился в посадку; сосенки, вымахавшие за три десятка лет, проглотили их, заслонив от глаз бронзовой колоннадой стволов.

Вернулся Паха один, с пустыми руками. Буквально через минуту. Спокойно сел рядом с Енотом.

— Все? — осведомился Сеня.

Паха без выражения кивнул.

Сеня нажал на газ. Асфальт, истертый тысячами босых и обутых ног, стелился под колеса; горячий полуденный воздух пел в раскрытых окнах.

— Сеня, — робко спросила Ольша, — а где тот тип?

— Паха его пристрелил, — равнодушно ответил Бисмарк. И взглянул из-под очков на Ольшу. — А что?

Ольша втянула голову в плечи.

Притормозили у «Черноморца». Ольшино сердце замерло — ее очередь? Или решили отпустить?

Нет. Сеня заглушил двигатель и повернулся к ней.

— Сейчас ты пойдешь к себе. Успокоишь Риту, ну, и Глеба с Юрием, если встретишь. Бери все свои вещи и возвращайся. Понятно?

Они все про Ольшу знали. Где живет, друзей и прочее. Ну конечно, профессионалы... Стоит ли удивляться?

— Зачем? — не надеясь на ответ, спросила она. Но Сеня с готовностью объяснил:

— Завгородний ночью удрал. В Крым — в Ялту. Мы едем туда же. Немедленно.

«Так-так. Одиссея продолжается».

Ольшу провожали Енот и Паха. Ритки в домике не оказалось, но дверь была не заперта. Ольша вошла; провожатые уселись на лавочку неподалеку от входа. Енот непринужденно плел Пахе какие-то небывлицы об Антарктиде.

Она почти уже собралась, когда Енот умолк на полуслове, а спустя секунду в домик ворвалась Ритка.

— Где тебя носит? — без обиняков начала она. — Что за приколы — два дня черт-те где непонятно с кем? Я тут с ума схожу... — В голосе Ритки звучало праведное, ничем не прикрытое возмущение.

— Я еду в Ялту, — тихо сказала Ольша.

Ритка вмиг почуяла неладное.

— Кто эти двое — на лавочке? — понизив до предела голос, спросила она.

Ольша промолчала. Не говорить же — инопланетяне?

— Да объясни ты, — не унималась подруга.

— Они обещали меня отпустить.

В стену деликатно постучали, занавеска отодвинулась и в щель просунулась, поблескивая очками, голова Енота.

— Время!

Ольша взяла сумку и, на секунду встретившись взглядом с Риткой, вышла.

Не успели они отойти и тридцати шагов, как из-за домиков показался десяток парней; Глеб и Юра-Панкрат, понятно, сию процессию возглавляли. Этого Ольша и боялась.

— Минуточку...

Еноту и Пахе преградили путь. Кое-кого из «спасательного отряда» Ольша знала — волейболистов с НКИ, Максима Саенко, Боцмана, Вовку Наумова... Внутри что-то оборвалось: двое из созвездия Змееносца просто не умели останавливаться. Язык прилип к гортани, Ольша хотела вмешаться, но навалившееся оцепенение сковало ее, словно смирительная рубашка.

Поправив очки, Енот кивнул Пахе. Тот мрачно достал винчестер. Два негромких выстрела, заглушенных истошным Риткиным криком; с Юры-Панкрата и одного из волейболистов сорвало одинаковые желтые кепки с «Кэмелом». Ольша смертельно побледнела; но никто не падал, все продолжали стоять.

Паха наступил ногой на гильзы и спрятал свое оружие. Енот подхватил Ольшину сумку.

Ее друзей почему-то пощадили. До сих пор валили всех неудобных направо и налево, а тут — припугнули, и все. Она никак не могла понять — почему? Не из-за нее же?

Когда Паха двинулся прочь, Ольша заметила, что гильз на асфальте уже не было.

До машины она дошла как в тумане.

4

— Если тебе что-нибудь нужно — скажи, мы купим.

Сеня небрежно вел машину и говорил с Ольшей; Енот читал свежий «Спорт-экспресс». Паха по обыкновению спал.

Ольша вяло кивнула. Ее спутники были мрачны, как Черное море в бурную зимнюю ночь. За исключением всегда безмятежного Пахи.

После стрельбы по кепкам они ненадолго заскочили в свой коттедж, Енот принес откуда-то две исполинские пиццы, а когда с ними расправились, сразу же стартовали в Ялту. Днем летать команда Бисмарка не решилась, поэтому поехали как все, по дороге. Правда, на редкость быстро, обгоняя даже прилизанные «мерседесы» с одесскими номерами.

Неприятности начались уже на полпути к основной трассе: слева, уткнувшись смятым капотом в штабель бетонных плит, неловко приткнулась красная машина Артура. Внутри никого не было; Сеня, связавшись с каким-то Сластом, сказал, что Артур тяжело ранен, его унес Хасан на реабилитацию. Автомобиль кто-то повредил. Грешили, конечно, на Завгороднего и его боевиков.

С этой минуты Сеня и Енот сцепили зубы и погрузились в непонятный транс — лишь за Нечаянным к Ольше впервые обратились. А она все еще видела белое, как костюм теннисиста, лицо Юры-Панкрата, уставившегося на ствол Пахиного винчестера. Самым парадоксальным было то, что она отказывалась воспринимать эту троицу как врагов, хотя они уже убили нескольких человек — ее, Ольшиных соотечественников. И сопланетников. Наиболее неприятен ей был Паха Толстый. Скала, закрытая книга, запертая наглухо дверь, а ключ выброшен много лет назад неизве-

стно куда. От него веяло холодом и бездной. Иногда ей казалось, что это вообще не человек, а манипулятор Сени, бездушный и исполнительный. Толстый, сделай то, Толстый, убери это. Не ест, не разговаривает... Сеня с Енотом выглядели совсем обычно, как сотни и тысячи людей вокруг, если бы не их фокусы. Впрочем, это как раз неудивительно: агент не должен выделяться из толпы, иначе это мертвый агент. Закон, единый для всех планет.

— Ты что, испугалась? — спросил Сеня странно родительским тоном. С заботой, участием, что ли? Сыграть такое не всякий актер сумел бы. Ольша вопросительно уставилась на него.

— А чего вы ждали?

— Не нужно нас бояться. Мы не приносим зла людям.

Ольша зябко поежилась.

— Как же... Я видела.

Положили человек десять и бровью никто не повел. И это называется «не приносим зла»!

— Если ты имеешь в виду боевиков Завгороднего, то их мы к людям не относим. Поднявший руку на себе подобного заслуживает лишь смерти.

— А полицейские? Они что, тоже не люди?

Сеня усмехнулся:

— Можешь не продолжать. Мол, семьи у них, жены, дети, родители... Я знаю. Но полицейских-то мы не убивали!

Он ловко добыл из-под тонкой джинсовой рубашки знакомый пистолет с набалдашником глушителя. Все-таки прятать оружие они были великие мастера.

— Это биопарализатор. Он не убивает, только обездвиживает на некоторое время. Полицейские около нашего домика давно очухались и, наверное, горюют у обломков своего джипа.

Сеня помолчал.

— Настоящее оружие только у Пахи.

— Этот его винчестер? — спросила Ольша.

Сеня уточнил, вновь делая непроницаемое лицо:

— Если ты имеешь в виду его пушку, то она выглядит под «снайдер», а не под истинный винчестер.

— Какая разница! — перебила Ольша. — Стреляет что «снайдер», что винчестер одинаково — насмерть!

Сеня вновь умолк.

— Послушай, девочка, — сказал он после минутного раздумья. — Ваше общество больно. А когда болезнь вцепится в орга-

низм, наступает время скальпеля. Никто не плачет, когда сталь вырезает пораженные ткани. И никто не смеет называть хирурга убийцей.

Ольша в упор глядела на Сеню.

— Ваша хирургия больше смахивает на ампутацию.

— Нет. — Сеня покачал головой. — Ампутация делает человека инвалидом. А если мы пристрелим нескольких подонков, нескольких бандитов и убийц, обществу будет только лучше. Мы не собираемся оздоравливать все ваше общество — тут у вас такая помойка, что, боюсь, уже поздно. Но тем, кого эти уже не ограбят, не убьют, не унижат, — им будет лучше.

— Круто, — констатировала Ольша. — Вселенские судьбы. Но вас сюда никто не звал, между прочим, на нашу помойку.

Сеня поморщился:

— Только не говори, что мы не имеем права, и так далее. Имеем. Уничтожать тех, кто строит свое благополучие за счет других, считается долгом. Это закон всего космоса. Поэтому мы и впредь будем их уничтожать.

В голосе Сени не было злости, и это Ольша сочла главным. В чем-то он был, пожалуй, даже прав.

— А остальные? Если у вас на пути случайно встанет совершенно посторонний человек? Как мои друзья час назад?

Сеня пожал плечами:

— Сегодня ты уже могла воочию убедиться в нашей реакции на подобную ситуацию. Припугнем... В крайнем случае, — он потряс парализатором, — это. Малоприятно, конечно, зато никакого ущерба. Гарантия.

Теперь задумалась Ольша. Ловко это у вас получается, господа хирурги! Но с другой стороны, эта шваль, эти молодчики с тупыми взглядами, но с тугими мускулами, получают как раз то, чего заслуживают. Диалог ведется на их языке, и пусть, черт возьми, они хоть раз, хоть перед смертью узнают, каково приходится их жертвам.

Если только Сеня не врет.

Но Ольше казалось, что он говорит правду.

— Скажи, — понизив голос спросила она, — а почему Паха не ест и не разговаривает?

Позади деликатно захихикал Енот, шелестя газетой. Сеня тоже усмехнулся:

— Разговаривать он не может, потому что он не человек. Ну а питается он по-своему.

— Не человек? — спросила Ольша с недоумением. — Неужели робот?

— Нет. Колония кристаллических микроорганизмов, дружественных нам. Точнее, крохотная часть колонии. Они удерживают форму, подобную человеку, сохраняют видимость одежды, стреляют из «снайдера», но на самом деле все это, вплоть до пули, вылетающей из ствола, плоть. Они могут принять вид чего угодно — хоть куста, хоть автомобиля. Когда придет время, эта часть сольется с остальной колонией. Здесь Паха всего лишь посол. Как и Хасан, кстати.

Вот они, ответы, разгадка многих тайн и нелепиц. Неуязвимость для пуль, переодевание в рекордные сроки, неведомо откуда возникающий винчестер... Или, как его там — «снайдер»...

Сеня обогнал колонну румынских грузовиков и вновь повернулся к Ольше, в глазах которой застыл вполне закономерный вопрос.

— Ну а мы с Енотом — обыкновенные люди. Правда, разных рас. И для нас, как и для тебя, огнестрельное оружие смертельно.

— Люди? Из созвездия Змееносца?

— Я — да, Енот — со звезды, которая имеет пока только номер в ваших астрономических каталогах. С Земли ее не видно. Это в созвездии Рыб.

— Со звезды?

— С одной из планет, конечно, — фыркнул Сеня. — Так говорят только, что со звезды. Когда ты говоришь, что ты с Украины, это не значит ведь, что ты живешь и в Киеве, и во Львове, и в Донецке?

Ольша вздохнула. Почему-то она воспринимала это как должное — словно друзья-иностранцы рассказывают о своей далекой Америке. Все равно ведь глупая девчонка там никогда не была и не будет и не отличит правду от заурядных баек.

— Что же вас сюда привело?

— На Землю? Или в Коблево?

— На Землю.

Сеня пожал плечами:

— За всеми населенными планетами ведется наблюдение. Вы не исключение.

— И везде вы занимаетесь подобной... хирургией?

Сеня с уважением взглянул на нее — совершенно непонятно почему, словно она сама дошла до некоей скрытой истины.

— Нет. Только там, где приходится вмешиваться.

— Разве у нас что-нибудь не так? — поинтересовалась Ольша с ревностью в голосе.

— Да все у вас не так! — раздраженно стукнул по баранке Сеня. — Вы стали опасны. Природу губите, себя не щадите... А оружия сколько накопили — это ж рехнуться можно! И это при том, что треть населения голодает, а еще треть едва сводит концы с концами.

Ольша жадно слушала. Наверное, она была первой из землян, кто слушал мнение о себе со стороны.

— И ведь вместе с тем удивительно способная раса! За каких-то шесть тысяч лет подняться из грязи, из дикости в космос. Но в то же время во многом так и остаться в грязи. Ваши ученые на ощупь, по наитию постигли то, до чего нам пришлось доходить столетиями, набивая без счета шишек. Мы уже устали вам поражаться. Вы начисто убили в себе экстрасенсорику — средние века, инквизиция — и тем не менее сплошь и рядом ставите наших специалистов в тупик.

Сеня умолк. Но Ольше было мало.

— Что же заставило вас вмешаться?

Сеня, не отрываясь, глядел на дорогу. Миновали Половинки — до Николаева оставалось минут десять езды.

— Погибли два наших агента. В Коблево. Двенадцать дней назад. Как раз когда «сторож» находился в тени вашего метеоспутника, в течение всего полутора минут.

— Завгородний?

— Не лично, конечно. Но, похоже, он за этим стоит.

— А кто он? Тоже ваш? Из созвездия?

Сеня снова глянул на нее с уважением.

— Догадалась? Молодец. Нет, он не имеет отношения к нашей службе. Земля, безусловно, заинтересует любую высокоразвитую цивилизацию. Похоже, мы столкнулись с конкурентами, о которых до сих пор не подозревали. Причем ребятам пальца в рот не клади. И уступить мы не можем просто так, и на рожон не полезешь... Иди-знай, кто они? А нам объявили войну, пока тихую: «сторожа» скovyрнули, Артура пытались устранить. Короче — завидное положение.

— Значит, Завгородний не землянин?

— Наверное. Хотя может, и землянин. Его могли завербовать.

— А почему вы решили, что он имеет отношение к смерти ваших агентов?

Сеня покосился на Енота.

— У одного из них сработал аварийный прибор для фиксации изображений. Вроде фотоаппарата, только миниатюрный. На последнем снимке Завгородний и один из его громил. За секунду до смерти.

Сеня тяжело вздохнул.

— Он был соотечественником Енота. Они готовились в одном центре...

Некоторое время слышался только шелест покрышек по асфальту, сильно сдобренному гудроном.

«Почему они мне все это рассказывают? — подумала Ольша и сама же себе ответила: — А чего им бояться? Мне и стукнуть-то некуда. Але, это управа безпеки? Тринадцатый отдел по борьбе с нечистой силой? У меня тут инопланетяне-разведчики. Люди — две штуки и колония кристаллических микроорганизмов — одна штука...

Зайкнешься ведь — в психушку упекут. Мне даже Ритка, лучшая подруга, — и та не поверит. Отец — не поверит. Не тащить же с собой Паху с винчестером в качестве доказательства?»

Прерывая ее мысли, замигал тревожный красный огонек на пульте. Сама собой выскочила короткая трубочка антенны и зазвучала незнакомая речь. Сеня ответил на том же языке. Наверное, это был его родной язык. Ольша никогда не слышала ничего подобного.

Уже через минуту Сеня, не прекращая слушать, свернул с трассы и поехал пыльным проселком вдоль куцей полоски не то высокого кустарника, не то деревьев-недорослей.

Голос не умолкал ни на секунду; было в нем что-то от скороговорки темпераментного футбольного комментатора-итальянца. Непременно итальянца — никто так не захлебывается, не глотает окончаний и не тараторит, пытаясь спрессовать информацию, как горячие жители Апеннинского сапога.

Вскоре Сеня остановил машину. Антенна втянулась в приборную доску, голос умолк. Енот распахнул дверцу, выбрался и медленно полез в багажник. Паха помогал ему доставать содержимое — несколько небольших чемоданчиков, два ящика вина да Ольшину сумку. Сеня опустошал бардачок.

— Что случилось-то? — спросила Олыша на всякий случай.

Сеня выгреб стопку тысячегривных банкнот толщиной с кирпич, в карман даже не лезла. Еще две такие же он отдал Еноту.

— Ищут нас, — просветил он. — Полиция, отдел по борьбе с терроризмом. Машину срисовали, надо сменить.

«Ага, — догадалась Олыша. — Эту бросят, а на шоссе кого-нибудь тормознут. Убить не убьют, наверное, но оставят посреди дороги с разинутыми рта, это точно».

Но, поразмыслив, решила: нет. Не станут они этого делать. Нельзя, добытая таким образом машина очень быстро станет «горячей», ибо пострадавшие немедленно сообщат в полицию. А Сене энд компани подобная реклама ни к чему. Как они умудрятся выкрутиться, Олыша даже не представляла.

Тем временем Енот с Пахой отнесли немногочисленные пожитки метров на двадцать в сторону.

— Пошли, — сказал Сеня. В руках его чернел предмет, напоминавший пульт дистанционки от видека.

Отошли к вещам; Паха уселся на ящики, Енот, скрестив руки на груди, приготовился наблюдать. Сеня открыл капот, покопался внутри и извлек черный плоский ящичек размером с дипломат. На верхней его плоскости красноречиво скалился череп с костями.

Сеня присоединился к остальным, бережно водрузив ящичек на чемоданы. Олыша нервно переминалась с ноги на ногу. Наконец на машину был направлен пульт и надавлена одна из кнопок. Сначала ничего не менялось. Потом послышался негромкий хруст, и корпус «Северного ветра» стал медленно сминаться, словно его со всех сторон сдавливал гигантский пресс. Металл обшивки пошел складками, машина сворачивалась в ком, в округлый морщинистый ком, быстро уменьшаясь в размерах, словно проваливалась внутрь себя. Последними скукожились покрышки колес.

Минут через десять все было кончено: вместо машины на укатанной дороге покоился изъеденный каньонами извилистых впадинок шарик, похожий на грецкий орех, только покрупнее. Раза в два. Пульт тихонько пискнул и осветил неяркий в свете дня красный огонек. Спустя какое-то время пульт пискнул вторично, и огонек изменил цвет на зеленый.

Енот немедленно подобрал шарик и присел у одного из чемоданов. Олыша вытянула шею, вглядываясь: в чемодане в специальных нишах таких шариков насчитывалось больше десятка.

— Что возьмем? — спросил Енот, оглянувшись на Бисмарка.

— М-м-м... «Оксо», пожалуй.

Енот вынул другой шарик, неотличимый от прежнего, и отнес его на дорогу, закрыв предварительно чемодан.

Все повторилось в обратном порядке: шарик распух и превратился в новенький, сверкающий лаком автомобиль. Другой модели. Цвета «мокрый асфальт».

Писк, красный огонек.

Ольша заворуженно шагнула к этому четырехколесному диву.

— Куда! — схватил ее за локти Енот. — Спятила, что ли? Там же излучение!

Ольша вздрогнула.

— А здесь?

— Здесь экран... — пояснил Енот.

Вскоре на пульте зазеленел веселый разрешающий огонек. Енот сразу схватился за чемоданы, Паха — за ящики. Сеня взял «дипломат» с черепом и откинул крышку капота. Ольша подошла и глянула: никакого двигателя там не было. И в помине. Пустота, словно у старорежимного «Запорожца». Но двигатель не мог располагаться и сзади, как у того же «Запорожца», — Енот с Пахой как раз грузили пожитки в багажник.

А Сеня ловко закрепил «дипломат» в специальных зажимах и подсоединил единственный разъем. Черная вязь проводков терялась в недрах корпуса.

«Эта коробка небось и есть двигатель», — решила Ольша. Паха с Енотом уже уселись внутрь.

Земля рядом с новорожденной машиной была теплой, Ольша чувствовала это даже сквозь пластмассовые подошвы туфель-кмыльниц.

— Прошу, — пригласил Сеня, распахивая дверцу. Ольша не без удовольствия уселась: машина ей нравилась и вселяла какой-то смутный восторг. Казалось, под искрящимся металлом дремлет тугая, но покорная водителю мощь.

Сеня взялся за руль, приборы ожили, «Оксо» едва ощутимо завибрировал и приподнялся над почвой, одновременно разворачиваясь. А потом земля разом провалилась вниз и в кабину ворвалось неистовое солнце — до сих пор они стояли в жиденькой тени. Они уходили в неощутимую голубизну неба, оставляя под собой и проселок, и асфальтовую трассу, и близкий уже Николаев. Сеня брал курс на Крым, на Ялту. Наверное, он спешил.

— Скажи, — обратилась к нему Ольша, — а что значит «Оксо»?

Сеня, оставив руль, зевнул, прикрываясь ладонью. За него ответил Енот:

— Птица такая. Вроде орла.

5

Горы околдовывали: сплошь покрытые лесом, они напоминали уснувших ежей. С высоты на них можно было глядеть бесконечно. Впрочем, «Оксо» летел совсем низко. Внизу причудливым серпантином вилась ниточка дороги.

Сеня выбрал момент, когда на коротком участке, зажатом между двумя крутыми поворотами, не оказалось ни одной машины, снизился, сел и как ни в чем не бывало покатил к Ялте. При этом он очень ловко поднырнул под троллейбусные провода, царапнув днищем о макушки кипарисов. Гурзуф и Медведь-гора уже лежали позади, вскоре проехали ботанический сад и Массандру с ее новыми многоэтажками. Впереди раскинулась Ялта — шумная многоцветная Мекка курортников-толстосумов. О здешней дороговизне ходили легенды, но Ольша не смущалась: хирурги-разведчики явно не испытывали недостатка в средствах. Так что, глядишь, еще и удастся кутнуть на халяву.

Город встретил их пестрыми нарядами тысяч отдыхающих, скупо разбавленных деловитыми аборигенами. Сеня уверенно обогнул автовокзал и повел машину по Киевской, словно бывал здесь сотни раз. Енот лениво пялился в окно.

— Да-а-а... — протянул он многозначительно.

Перед площадью Сеня свернул направо и проскочил бывшую улицу Маркса, ныне Платановую, потом вырулил на Садовую, проехал под канаткой, мимо собора Александра Невского, и почти сразу снова свернул направо, на улицу Манагарова. «Оксо» шел в гору легко, без надрыва.

Они остановились у серой девятиэтажки времен горбачевской перестройки. Рядом возвышалась еще одна. Дорога, извиваясь, уходила вверх, взбираясь по склону горы. На следующем «витке» она проходила уже на уровне четвертого этажа. У единственного подъезда стояла пара «жигулей» и одна иномарка. Ольше показалось, что она тоже гианская (надо же, запомнила!). Чувствовался некий единый стиль, неповторимый и своеобразный — и в «Се-

верном ветре», и в машине Артура, ныне разбитой, и в «Оксо», и в этой, цветом походившей на перезрелый лимон.

— Ага, Хасан уже тут, — с удовлетворением заметил Сеня. — Прекрасно.

Ольша вышла и сладко потянулась — тело жаждало движения. Захлопнула дверцу с видимым сожалением и погладила «Оксо» по выпуклой крыше. Идеально ровная поверхность приятно холодила руку.

— Да, замечательные у вас тачки! И что радует, при случае легко помещаются в чемодан. По несколько штук.

Сеня серьезно кивнул:

— Мне тоже нравятся. У вас, увы, эмбриомеханика еще только зарождается как наука. Полагаю, вы быстро нас обставите, если только не передеретесь к тому времени.

Вошли в подъезд.

— Какая квартира? — спросил Енот деловито.

— Шестнадцатая. Это на четвертом.

Гудящий и скрежещущий лифт вознес их на нужный этаж. Квартира была трехкомнатная.

Их встретил высокий голубоглазый блондин — вылитый швед в представлении среднего обывателя. Первый из ЭТИХ, увиденный без очков с самого начала.

— До нэзи...

Он осекся, увидев Ольшу, и заговорил по-русски:

— Добрый день.

Сеня и Енот обменялись с ним хитрым, с зацепом, рукопожатием, Паха сдержанно кивнул и сразу ушел в комнату. В щель Ольша углядела валяющегося на диване Хасана.

«Швед» с ходу принялся докладывать, не дожидаясь, пока Сеня начнет его теребить:

— Клиент осел в гостинице «Ореанда», это недалеко, на набережной. Прибыл в девять утра.

— Чем занимался?

— Сидел в кабаке и клеился ко всем девицам напропалую. Не без успеха, должен заметить.

«Конечно, с такими бабками... Шампанского извел, поди, не один ящик...» — подумала Ольша. Впрочем, одних только денег лично ей всегда было мало. Даже под шампанское.

Сеня вздохнул.

— Как здесь вообще?

«Швед» улыбнулся:

— Как у нас на Саните. Но в целом спокойно.

Паха с Хасаном тем временем спустились за вещами. Сеня представил голубоглазого:

— Ольша, это наш человек, зовут Римас. О тебе он все знает.

«Так уж и все», — фыркнула про себя Ольша.

«Швед», косивший под прибалта, с достоинством кивнул.

— Вот твоя комната, — продолжал Сеня, распахивая одну из дверей. — Напоминаю: если что-нибудь понадобится, тут же говори.

Паха, неслышно возникший за спинами, поставил ее сумку у кровати и вышел.

Комната Ольше понравилась. Небольшая, уютная, вся завешенная коврами, толстыми, как пуховое одеяло. Обширная, на вид весьма соблазнительная кровать в углу. Огромное зеркало. Окно, выходящее как раз на склон — за стеклом величаво покачивались зеленые лапищи кипариса.

Пока Ольша устраивалась, в соседней комнате совещались. Из-за полуоткрытой двери отчетливо доносился густой голос Римаса:

— ...дважды проявлялся один фрукт по имени Сергей Затока. Кто такой — неясно. Трется среди серферов у Фороса, там какой-то волногон в прошлом году запустили, они туда и сползлись со всего побережья. Приехал с дружкой на «Полосе» зеленого цвета.

— С Завгородним встречался? — Сенин голос.

— В первый раз — нет, не застал. Отсиделся в подвальчике, знаешь, рядом с канаткой, в проулке? Внизу?

— Знаю.

— Потом снова в «Ореанду» сунулся. К этому моменту Завгородний уже основательно надрался. Затока получил дипломат и тут же уехал. Содержимое — все что угодно, кроме металлических предметов. Полагаю, деньги.

— Куда он делся дальше?

— Вернулся к Форосу. За ним Кейси присматривает.

— Хорошо. Сегодня ничего не предпринимаем. Сходим в ресторан, развеемся. Вина тут неплохие, говорят. — Сеня чем-то звякал все время, должно быть, ключами.

«Интересно, меня возьмут?» — подумала Ольша. Хотелось бы. Ялта, лето, ресторан...

Ее взяли. Ужин вышел на славу — уютный зал, ненавязчивый тапер на крохотной сцене, потрясающая кухня. Сеня, Енот и Римас устроили форменную дегустацию: заказали все двадцать шесть сортов вин, имевшихся в ресторанчике. Кажется, Сеня с Енотом всерьез интересовались виноделием — официанта они просто запытали узкоспециальными вопросами. Тот вскоре прослезился и довольно дешево выкатил пыльную бутылку «Алеатико Партенит» тридцать какого-то года из личных запасов.

— Запомните, господа, это вино не делают уже полвека...

Ольша по очереди танцевала со всеми; наконец она поняла, почему Енот не снимает темных очков — у него были совершенно нечеловеческие глаза. Темно-пурпурного цвета, больше, чем у землян, и вдобавок необычного разреза. Щелевидные, как у кошки, зрачки, но не вертикальные, а чуть наклонные, как буква «V». Увидев это, Ольша вздрогнула и снова надела на Енота его зеркала. Как она осмелилась их снять, и сама не поняла. Танец, наверное, сблизил. Енот не противился, только поправил прическу, скрывающую уши.

Без очков он выглядел чужим, но не отталкивающим, в облике его чувствовалась своя неповторимая гармония.

Танцевал он лучше всех — спустя полчаса Ольша и Енот сбавили такой рок-н-ролл, что за остальными столиками дружно зааплодировали, подвыпившая парочка в углу зала все хваталась за видеокамеру, хотя что они там наснимали в полумраке, Ольша не понимала, а кто-то даже прислал бутылку новосветовского брютя.

К полуночи все заметно захмелели — дегустация выдалась обильная, да и реликтовое вино оказалось на редкость коварным. Ольша смутно запомнила обратную дорогу. За руль сел, кажется, Римас, но сразу же вроде бы задремал, сунув руки в карманы.

Утром ее разбудил Сеня.

— Едем на пляж, — сообщил он. — Не забудь купальник.

Ольша заметила, что голова, несмотря на вчерашнее, удивительно ясная.

На кухне шкварчала исполинская яичница — ребята-хирурги с удивительным спокойствием меняли изысканность ресторанов на домашнюю холостяцкую неприхотливость. Ольшу к стряпне они не привлекали, видимо, из принципа. А может, и еще почему-то.

Людные городские пляжи их не интересовали. Сеня гнал «Оксо» на юго-запад, вдоль побережья. Дорога петляла, как напуганный муравей. Зелень, скалы, море — все это сменялось с калей-

доскопической быстротой. Ухоженные ряды виноградников, свечки кипарисов, серые башенки Ласточкиного Гнезда... Ливадия, Гаспра, Мисхор, Алупка, Симеиз...

Сеня притормозил, когда взгляду открылась совершенно необычная для южного Крыма картина: прямая береговая линия. Желтоватый песок устилал длинный, добрых два километра, пляж. Горы величаво застыли в отдалении. Несмотря на достаточно спокойное море, на берег обрушивались крутые метровые волны; темная синь воды цвела белопенными барашками. И стоял нескончаемый гул — это пело море, как пело оно уже миллионы лет. Каждая волна имела свой голос, вела свою партию в извечном концерте природы.

Машину они оставили прямо на обочине. Ольша справедливо решила, что украсть ее скорее всего непросто. И свинтить что-нибудь типа зеркала — тоже. Гвардия Сени, во всяком случае, нимало не беспокоилась, оставляя «Оксо» у трассы.

На бесконечной ленте пляжа группками загорали люди. Свободного места хватило бы, чтобы разместить еще не одну сотню курортников. Наверное, сюда могли добраться лишь те, кто имел собственные колеса. И деньги на бензин. Или друзей с колесами и деньгами на бензин. Вдоль пляжа тянулась пыльная дорога, там и сям торчали, как грибы-дождевики, зачехленные автомобили. Ольша знала, что на Южный берег частный транспорт из-за пределов Крыма не пускали уже лет восемь. Сеня объяснил, когда менял номерные знаки на «Оксо».

Почти никто не купался, зато на гребне волны скользили несколько серферов, окутанных радужным ореолом брызг и клочьями пены. Зеваки на берегу подбадривали их нестройными криками и разбойничьим свистом, но вероятно — зря, потому что море шумело громче.

Едва они ступили на желтый, как масло, явно привозной песок, Сеню окликнул стройный мускулистый парень в пестрых плавках и темных очках. Казалось, он только-только слез с доски и сияющие в лучах солнца брызги так и остались у него на плавках.

«Их человек», — немедленно решила Ольша и не ошиблась. Звали его Кейси.

Не прошло и пяти минут, как Ольша, Сеня, Римас, Енот и Кейси в компании десятка серферов и их подружек — просоленных, загорелых до синеватого блеска парней и девушек — уже хотали, общались, пили коблевский мускат и пиво, которого Енот

принес целую сумку, купались, играли в волейбол, обсуждали какие-то внутренние, малопонятные посторонним серферовские проблемы — одним словом, вели себя как любая нормальная молодежная компания на пляже. Олыша плюнула на все земные и космические неприятности и откровенно развлекалась, тем более что за ней немедленно стали ухаживать сразу трое аборигенов. Постепенно тусовка росла и ширилась, подходили новые люди, все больше с портвейном; то и дело кто-нибудь хватал ярко раскрашенную пластиковую доску, бежал к морю и скользил на виду у всех вдоль пляжа. Асы демонстрировали прыжки. Народ радовался с берега. Олышу пытались научить держаться на доске — в результате она раз пятнадцать сверзилась в воду и нахохоталась на несколько лет вперед. Потом их вызвали на состязание соседи, расположившиеся в полумиле левее. На макушке волны состоялось такое представление, что Олыша на час с небольшим забыла, кто она и где она. К этому времени ветер с моря окреп и волны выросли еще на полметра, что серферов весьма обрадовало. Програвших выявить не удалось, посему дело sprysнули очередной дозой пива.

Приближался вечер, когда Кейси и Римас обратили внимание Сени на светловолосого парня с доской в руках. Он шел, увязая в песке, со стороны Фороса.

— Это дружок Сергея Затоки, — шепнул Римас.

Сеня неторопливо и словно бы даже нехотя обернулся. Олыша, сидевшая так близко, что расслышала слова Римаса, тоже.

Енот встал и вразвалку пошел навстречу. Смуглая кожа, дражные джинсы, усохшие от долгой и тяжелой жизни до шорт с бахромой внизу, и длинная, скрывающая уши шевелюра делали его похожим на завсегдатая дикого пляжа.

Увидев его, незнакомец с доской замер.

— Эй, Куня! — крикнул кто-то. — Где тебя носило весь день? Мы чуть понизовским не продули!

Тот, кого назвали Куней, настороженно попятился, потом стал бочком отступать к морю. Сеня вскочил, Енот прибавил шаг, а справа, от дороги, появился Паха, успешно скрывавшийся с самого утра.

Куня со всех ног кинулся к прибою, плашмя рухнул на доску и что есть духу погреб от берега. Енот, затормозивший у самой кромки мокрого песка, обернулся к Пахе.

— Корса-а отра-а! — крикнул он протяжно.

Беглец отгреб уже метров на сорок.

Паха метнул Еноту что-то вроде короткой трости.

— Быстрее! — тихо процедил Сеня, косясь то на Енота, то на Куню. Тот уже успел встать на доску и невероятно быстро заскользил прочь, в сторону Симеиза и Ялты.

«Трость» в руках Енота раскрылась на манер веера, превратившись в незамкнутый диск-полубублик. Не хватало сектора градусов в сорок — сорок пять. Енот швырнул его плашмя под ноги; раскрытый веер странным образом завис в двадцати сантиметрах над мокрым песком. Под весом Енота он просел еще сантиметров на пять.

Серферы со всего пляжа давно уже стояли на ногах, превратившись в зрителей. Встала и Ольша. Римас и Кейси, ни во что не вмешиваясь, застыли поодаль.

Енот, являя собой нечто среднее между серфером и скейт-бордером, несся над волнами. Пенные макушки хлестали веер, рассыпаясь светлыми брызгами, отчего он плясал под ступнями Енота, словно норовистый конь.

— Ч-черт! — тихо ругнулся Римас. Ольша перехватила его взгляд — вдали стоял человек с видеокамерой и снимал погоню на пленку. Наверняка с самого ее начала. Секундой позже его заметил и Сеня и пронзительно свистнул.

Человек с камерой прекратил съемку и кинулся наутек. Сеня, Паха и Енот, заскользивший наперерез к берегу (видимо, камера была важнее сбежавшего Куня), попытались догнать его, но тщетно: невдалеке стояла зеленая «Полоса», машина, как известно, мощная и быстроходная. Человек с камерой молниеносно прыгнул за руль и был таков. Благополучно удравшего Куню вместе с доской он подобрал спустя пару минут у всех на виду.

Лица у Сени и Енота стали непроницаемыми (у Пахи оно другим не бывало). Компания серферов как-то вдруг сразу вытянулась полукольцом, медленно надвигаясь.

— Что вы с ними не поделили, ребята? — не без угрозы прозвучал первый вопрос.

Первый и последний. Других не возникло — Паха мрачно достал винчестер. Хруст затвора имел свойство мгновенно отрезвлять.

Сеня взял Ольшу за руку, Енот подхватил одежду и опустевшие сумки. Ни на Римаса, ни на Кейси никто даже не глянул, видимо, им незачем было раскрываться.

Ольша обернулась и беспомощно глянула на загорелую пеструю толпу. Так и не удалось стать частью ее. А хотелось.

Еще издали стало заметно, что «Оксо» изуродован до неузнаваемости. Стекла и фары, правда, лишь покрылись мелкой сетью трещин, но уцелели, зато по корпусу словно кувалдами молотили. И шины изрезали в клочья.

— Так! Замечательно... — процедил Сеня. — Минут на двадцать, не меньше. Теперь их точно не догнать.

Спешить хирурги сразу перестали. Вообще, даже совершив ошибку, Сеня с Енотом никогда не злились и не сетовали. Старались исправить по возможности быстрее и прилагали к этому все силы.

Увечную дверцу совместными усилиями удалось немного открыть, вернее, приподнять. Внутри просочился Паха, сделавшись плоским, как доска. Он тронул что-то на пульте и поспешно покинул машину.

Раненая «Оксо» ожила. Мутными пленками «потекли» стекла, с покрышек лохмотьями начала отваливаться поврежденная резина, захрустел, выпрямляясь, металл. Вмятины пропадали. Автомобиль восстанавливался на глазах.

— Что это Паха там сотворил? — буднично спросила Ольша. Удивление на этот раз не пришло.

Сеня пояснил:

— Задействовал программу машинной регенерации...

Вот так. Машинная регенерация. Будто у ящерицы: оттоптали хвост, да и хрен с ним. Новый вырастет.

Ольша вздохнула. Ведь на самом деле перед ней стояла воплощенная смерть всех станций техобслуживания. В виде кнопки на панели управления и какой-нибудь крохотной коробочки в недрах инопланетного автомобиля.

Сеня не ошибся со временем: спустя двадцать две минуты «Оксо» вновь стал как новенький.

— Поехали...

Невзирая на кажущееся спокойствие и невозмутимость, настроение у хирургов было на редкость отвратительное.

— Скажи, Сеня, — спросила Ольша, глядя прямо в бисмарковы очки, — почему из «ореха» машина вырастает целиком за десять минут, а регенерирует вдвое медленнее?

Сеня помолчал, потом буркнул:

— Это к Еноту. Он спец...

— Программы разные, — вздохнул Енот. Наверное, он не мог взять в толк, как можно не знать таких простых вещей. — Разный уровень сложности: или расти по готовой программе с форсажерами, или отслеживать повреждения и заново создавать программу. Да и энергии на регенерацию раз в семь больше уходит...

Ольша вздохнула. Эмбриомеханика... Слово какое-то неживое.

Зеленую «Полосу» по дороге они так и не нагнали. Что, собственно, и ожидалось.

В Ялту въехали уже затемно. Ночное небо атаковали мириады огней по всему побережью, тьма висела только сверху, над горами, а в городе потоки электрического света захлестывали каждую улицу.

— К «Ореанде»? — спросил Енот. Сеня кивнул.

«Оксо» свернул на улицу Гоголя и покатил вдоль канала, куда люди упрятали шуструю горную речушку Учансу.

Они припарковались на стоянке между «Фордом-Венера» и низенькой пальмой у тротуара. Пальма очень походила на детскую игрушку.

— Толстый! Проверь номер и ресторан. Потом возвращайся.

Ольше Сенин приказ напомнил школьные задачки по программированию. «Взять шар из полосатой урны...»

Паха безмолвно ушел к шикарному portalу, по пути «переодевшись» в денди-стилягу, вплоть до хризантемы в петлице. Швейцар в дверях поклонился ему словно арабскому шейху, набитому нефтедолларами. Ольша хихикнула: если Паха сотворил кредитку из собственной ткани, швейцар останется в дураках, ибо Паха тканями не разбрасывался, даже гильзы после пальбы втягивал в себя.

Вернулся он очень быстро. Покачал головой — мол, нет нигде. Енот тронул машину. Эмоции они с Сеней сдерживали.

Площадку перед домом на Манагарова освещал старинный фонарь на металлическом столбе а-ля Лондон, девятнадцатый век. Только не газовый, а электрический. И яркий, словно галогенная фара.

Едва они покинули «Оксо», не успев даже опустить двери, сбoku, из-за деревьев, кто-то прокричал:

— Руки! Вы окружены. Стреляем без...

— Фонарь! — шепнул Сеня. Паха мрачно достал винчестер. Тихое «Пок!» вместо обычного «Ду-дут!» утонуло в грохоте трех выст-

релов из огнестрелки. Фонарь брызнул осколками матового стекла, и сразу навалилась полутьма, едва рассеиваемая светом в нескольких окнах.

Ольшу мгновенно и бережно уложили на асфальт. «Не шевелись», — прошептала ей на ухо смутная тень голосом Сени и исчезла. Словно по волшебству. Только что была рядом, а в следующую секунду уже никого не осталось.

«Пок, пок», — раздалось справа. Потом глухо и очень громко заговорили земные пистолеты. Шум драки, ругательства (тоже земные) и вдруг — тишина. Долго-долго. Еще шум драки и снова тишина. На этот раз насовсем.

Голову от асфальта Ольша еще долго не решалась оторвать. Наконец осмелилась, подняла и увидела торопливо идущих от соседней девятиэтажки Сению и Енота. С другой стороны приближался Паха.

Сеня поставил ее на ноги, словно весила она не больше плюшевого медведя. Потянулся к своим очкам, поправил. Два зеркала отражали испуганную Ольшу.

— Кто это был?

Сеня вздохнул:

— Поехали... Не бойся, все уже в порядке.

«Оксо» так и стоял с поднятыми дверьми и сейчас очень напоминал птицу, вздевшую на взлете крылья.

Ольша подумала, что дела у хирургов неожиданно усложнились. Наркоз перестал действовать, и пациент опасно зашевелился.

Ночевали они в гостинице «Южная» напротив морвокзала.

6

Утром Сеня с Енотом получили по связи взбучку и выглядели соответственно. Заказали завтрак прямо в номер (Ольше, живущей в одноместном за стеной, — тоже) и безрадостно поглощали «Пино Гри Ай-Даниль», купленный в вестибюле.

Часам к десяти явился Хасан. Если он и сообщил нечто новое, то прибег к чему-то иному, нежели речь. Сеня с Енотом сразу оживились, допили «Пино Гри» и велели Ольше собираться «гулять на набережной».

Паха с Хасаном тут же удалились. Минут через пять спустились и они втроем. На этот раз Сеня решил пешком, да и ходьбы-то до набережной было всего около минуты.

Едва они показались из вестибюля, невесть откуда появился полицейский из отдела регулирования движения. Пришлось задержаться. Олыша заметила, что Енот втихомолку взялся за парализатор. Вряд ли это предвещало что-либо хорошее.

— Простите, господа, не вам ли принадлежит во-он та машина, хэтчбек, темно-серого цвета?

Сеня, сохраняя каменное лицо, согласился:

— Да, это моя машина.

— Прекрасная модель! Как, кстати, называется? Что-то не припомню такой, хотя регулярно просматриваю европейские, американские и японские каталоги.

— «Кондор Кордильера», — без запинки ответил Сеня. — Мне тоже очень нравится.

Олыша еле сдержала улыбку. Ведь «Оксо» действительно был птицей «вроде орла».

— Первый раз слышу! Чья сборка?

— Южноамериканская. Перу. Дочернее предприятие австралийской фирмы «Бас-роллс». Экзотика, знаете ли... А что не так, офицер? Страховка...

— Видите ли, — перебил полис, — вчера эту машину, сильно поврежденную, видели недалеко от Фороса...

Сеня очень натурально рассмеялся:

— Что вы! Моя в полном порядке, можете взглянуть. — Он приглашающе повел рукой.

Енот предупредительно придержал Олышу за локоть.

— Стой на месте... он сам разберется.

«Не сомневаюсь», — мысленно фыркнула Олыша.

Полицейский некоторое время бродил подле «Оксо», взирая на нее то с одной стороны, то с другой, потом долго пялился в бумаги, слушая объяснения Сени, и, козырнув напоследок, величаво удалился.

— Болван, — констатировал Сеня, вернувшись. — Однако оперативно работают, этого не отнимешь. Хорошо, что вчера номера сменить не поленились...

Олыша покачала головой, глядя на Сеню: «не поленились!» Да там всего-то и делов, что нажать кнопку на пульте. Точнее, несколько: набрать на компе команду и ввести данные. Вот шланги!

Енот вздохнул:

— Ладно, потопали...

Свернули направо. Сеня мельком глянул на вывеску с многообещающей надписью «Таверна» и твердо направился мимо. На набережную они попали, миновав гостиницу «Крым», дом моряка и крохотный чуть выгнутый мостик с ажурными зелеными перилами. Перед памятником Ленину трюкачила пацанва на скейтах. Позади Ленина синел щедро сдобренный медным купоросом бассейн; казалось, что вождь большевиков только что вынырнул и взошел на гранитный пьедестал, потому что сам памятник весь был покрыт зеленоватым налетом. Время никого не щадило. Убирать Ленина, похоже, никто не собирался.

«И правильно, — решила Ольша. — Пусть себе стоит. Мешает он, что ли? В конце концов, он тоже история. Я вот даже не помню имени последнего русского царя. Не то Николай, не то Александр, не то второй, не то третий — вовек не вспомнить. Может, и знала бы, не смети мятежный Октябрь всех героев прошлого с постаментов».

Море синело слева неподдельной (некупоросной) краской. Набережная кишела гуляющими, торговцами, фотографами, попрошайками, лотошниками... Глаз ловил непрерывное движение. Пальмы, ели и кипарисы шелестели о чем-то своем, растительном. Надувные куклы и звери фотографов ярчайшими кляксами пестрели на фоне серого асфальта, размягченного неистовым ялтинским солнцем. Громадный, сверкающий белизной лайнер являл взору необъятный, в оспинах иллюминаторов бок.

Чуть дальше расположились художники, оккупировав все лавочки. Похоже, проходила какая-то выставка. Вдалеке кто-то гнусно орал под гитару, зеваки ошибочно принимали эти немилосердные вопли за пение. Поглазеть на выставку решили попозже и свернули в «Штурман». Там подавали двенадцать сортов мороженого. Ольша наугад заказала три. Енот не сводил глаз (точнее очков) со входа. Удивительно, но Сеня с Енотом не стали пить — обыкновенно они не упускали случая попробовать что-нибудь им еще незнакомое.

— Помнится, за «русалкой» пивная была, «Парус», — вздохнул Сеня мечтательно. — Бармен сидел еще такой пузатый... не помню как звали. Жонглер, ей-богу, бокалы так у него и порхали... В девяностом, кажется...

Ольша в девяностом еще в школу бегала. Бантики, фартучек белый. И — уже сережки, предмет особой гордости.

После «Штурмана» спустились в подвальчик, похожий на под-земелья рыцарского замка. Внутри прятались два крохотных зала. Енот с порога вслушался в музыку.

— Здорово, — прошептал он. — Что это?

— «Пинк Флойд». — Ольша села за столик. — Семьдесят пятый год. «Wish you were here», самое начало.

Енот, замороженно внимая магическому действию английской четверки, скорбящей по Сиду Баррету, опустил на стул.

Пришел Сеня с заказом.

— В их мире подобная музыка в большом почете, — пояснил он Ольше. — Кстати, может, ты не знаешь: Енот слышит гораздо лучше нас с тобой. И в более широком спектре.

Ольша глядела ему в очки.

— А у вас что в почете?

Сеня усмехнулся:

— Все понемножку. Пожалуй, нечто вроде вашего кантри, только потяжелее — это наиболее популярно. Вроде «Криденса» или «Зет Топ». Ритм плюс мелодия. Стравинского у нас вряд ли оценили бы. Хотя я лично очень люблю ваш «Дип Перпл» и «Металлику».

«Перпл» и «Металлику» только ленивый не любит», — подумала Ольша и покосилась на Енота — тот даже дышать перестал.

— Надо будет подарить ему компакт, — решила она. — Хотя найдете ли на чем прослушать?

Сеня покачал головой:

— Не стоит... В архиве наверняка есть.

Ольша глянула на него с уважением. Если архив инопланетной разведки содержит «Флойд», «Перпл» и «Криденс», значит, они не просто балбесы с рефлексами зеленых беретов. Значит, они готовы не просто размахивать скальпелем, но и попытаться понять нас. Понять!

Потому что резать может и обезьяна, а понять — лишь Человек.

Но разве может Человек убить другого человека, даже если тот — негодяй? Кто ответит? Кто вразумит?

Ольша сжала кулаки. Эти двое и, наверное, их соотечественники на двух планетах решили вопрос в пользу скальпеля, раз и навсегда. Ольша еще не решила — для себя. И еще она радовалась,

что оказалась среди тех, кого хирурги пытаются понять, а не сразу из винчестера...

Значит, операция имеет шанс пройти успешно.

Полдень лежал на остроконечных маковках кипарисов. Очень не хотелось из прохлады подвальчика выходить на душную свободу летнего дня. Однако Сеня с Енотом неумолимо влекли к известной лишь им цели.

Народу на набережной поубавилось. В тень, наверное, попрятались, в кофейни. Лишь фотографии стойчески торчали под своими цветастыми зонтиками, терпеливые, словно пауки в сетях. Каждый норовил нацелиться в Ольшу заморским объективом.

Прошли мимо художников; Завгороднего Ольша увидела только после того, как Сеня легонько двинул ее локтем.

— Гляди! Он?

— Он...

«Будто и сам не знаешь...» — подумала она.

— Подойди поздоровайся, — велел Сеня. — Поговори. Хотя бы полминуты.

Ольша на миг растерялась. Сеня и Енот шмыгнули в стороны, будто в воздухе растаяли.

Завгородний фланировал чуть впереди двоих громил. Ни шагу он не ступал без охраны — Ольша еще в Коблево это заметила.

Ну что же, задержать так задержать. Вскинула голову, заставила себя улыбнуться, хотя и без особого энтузиазма.

Завгородний ее узнал, расцвел, руки растопырил, даже его бульдоги от неожиданности дернулись.

— Ба! Старая знакомая!

— Здравствуй, Боря!

Ольша говорила нараспев, чтоб потянуть время.

Завгородний продолжал цвести:

— Ты какими судьбами в Ялте?

Ольша неопределенно пожала плечами:

— Да вот, занесло... Ветер попутный.

Завгородний оценивающе взглянул на ее наряд. Несмотря на некоторую эфемерность (летний ведь), он стоил Сене немереных баксов в валютном отделе гостиничного шопа. Ольша выглядела как удравшая из дому дочь миллиардера, прихватившая с собой кредитную карточку папаша.

Краем глаза Ольша заметила, что Сеня и Енот положили двоих телохранителей, следовавших несколько в отдалении. Как Римас с

напарником кладут еще двоих совсем уж в отдалении, не заметил бы с ее места и Аргус, даже будь у него подзорная труба: дело происходило за углом, в Черноморском переулке, выходящем на набережную.

— Может... — начал было Завгородний, но тут громы за его спиной рухнули навзничь, не издав ни звука, а их босса аккуратно взяли под локотки возникшие прямо из асфальта Паха с Хасаном.

Упаковали его в секунду.

Тут на грех себе показались двое полицейских. Оба растерянно потянулись за оружием.

Хасан покрепче ухватил Завгороднего и повел его в сторону, Паха мрачно достал винчестер.

«Пок!» — так говорило его ружье, когда Паха не хотел никого пугать, а старался, напротив, действовать потише и по возможности незаметнее.

Пистолет одного полиса вышибло из рук; второй, повинувшись жесту Пахи, сам бросил свой на землю.

Из переулка задним ходом вынырнула машина; Хасан втокнул Завгороднего в салон и нырнул следом. За рулем сидел вроде бы Римас.

Ольшу дернули за руку — это оказался Сеня.

— Шевелись!

Прямо на набережной стояла еще машина. Ее появление Ольша прозевала напрочь. Енот держал ногу на акселераторе и рванул с места, едва Сеня захлопнул дверцу. Дороги Енот не разбирал: набережная, лавочка, клумба, кусты — все ныряло под капот, под днище. Потом колеса коснулись асфальта; Ольша отстраненно глядела в окно. Улица Екатерининская, памятник Лесе Украинке, дом-музей с шикарным резным балконом... Леся осталась слева. Улица Кирова, поворот.

— Цвет! — нервно напомнил Сеня. Енот кивнул.

Капот, до сих пор отчетливо белевший за лобовым стеклом, вдруг налился красным, словно застеснялся. Енот обращался с компом со сверхъестественной скоростью.

Минут сорок они катались по городу без определенной системы. «Наверное, обрубают хвосты», — решила Ольша. О Пахе спрашивать она не стала. Уж этому уйти от полиции проще простого: свернул за угол, обернулся собакой, скажем, или стаей воробьев, и тью-тью. Или того проще — в воду, и поминай как звали. Дышать ему вроде бы не обязательно.

В гостиницу они вошли со служебного входа, отсидевшись с часок в «Чарде». Швейцар, попивавший кофе на страже, при виде крупной купюры подобострастно заулыбался. Купюра переключивалась в его карман. Отныне здесь никогда не проходили двое молодых людей в темных очках и девушка в потрясающем наряде.

— Переоденься и приходи к нам, — сказал Сеня, отпирая номера.

Он дождался Ольшу в коридоре, скользнул в ее комнату и закатил что-то размером с горошину под кровать. Потом вышел и запер дверь.

Паха валялся на кушетке, напоминая, как всегда, мумию. Енот разговаривал по-гиански с кем-то прячущимся в «дипломате». Сеня стал рядом, чуть повернув стол; теперь Ольша видела в зеркале отражение внутренностей того, что внешне выглядело как обычный «дипломат». Почти всю стоящую вертикально крышку занимал плоский экран. На экране наличествовало лицо пожилого мужчины, отмеченное печатью начальственности. Одежду его было не рассмотреть.

«Небось их шеф, — подумала Ольша и налила себе вина из стоящей на столе початой бутылки. — Вещает из поднебесья. Со спутника, например...»

Взглянула на этикетку, прежде чем пригубить: десертное, «Золотое поле».

Любят эти монстры хорошие вина, трам-тарарам!

Монстры, то бишь Сеня с Енотом, смиренно внимали начальству. Вероятно, их снова ругали.

Наконец начальство уgomонилось и лже-«дипломат» был закрыт.

— Фу! — вздохнул Сеня и немедленно потянулся за бутылкой. Темно-рубиновая жидкость полилась в хрустальные фужеры, подводя черту под незапланированной одиссеей Ольши.

Сеня с Енотом расслаблялись. Сделал, как говорится, дело...

Ближе к вечеру передавали местные новости по каналу «Южный Крым». Енот заранее включил телевизор. Обещали сногшибательный репортаж взошедшей недавно звезды тележурналистики Сергея Градового. Здесь он успел снискать популярность, которая и не снилась в свое время Политковскому. А сногшибательный репортаж не мог не иметь отношения к сегодняшним событиям на набережной.

Ольша равнодушно ждала, удобно устроившись в кресле и слушая вполуха Сеню с Енотом. Те болтали на винные темы, планируя, что они здесь закупят, чтоб увезти «к себе».

Ее обещали отпустить, как только поймают Завгороднего. Вроде бы теперь пора. Она ждала, не решаясь напомнить о себе. Бормотание телевизора пролетало мимо сознания.

Вдруг Сеня с Енотом умолкли на полуслове. Ольша уставилась на экран.

Крупный план: вид Ялты с гор. Солнце, море, зелень.

Хорошо поставленный голос:

«...кого только не увидишь у нас в Крыму. Стекаются отовсюду, были бы деньги».

Ряд лотков с трех-четырёхзначными ценами. Лениво-наглые лоточники в фирме, беспрестанно жующие какой-нибудь «Орбит» или «Стиморол».

«Приходят...»

Экзотического вида ребята — хайрастые, с гитарами и пухлыми рюкзаками — бредут вдоль дороги.

«Прибывают морем...»

Теплоход у причала. Чайки. Флаг треплется на ветру.

«Приезжают... кто на чем».

Троллейбус из Симферополя. Двери с шипением открываются, выходит разномастный народ с поклажей и без; на заднем плане мелькает шикарный «мерс», камера несколько секунд провожает его.

«А иногда даже прилетают».

Ольша чуть не выпала из кресла.

«Оксо» над дорогой. Парит; сзади почти невидимое в свете дня пламя. Колеса горизонтально под днищем. Вот «Оксо» заваливается набок, ныряет под троллейбусные провода, колеса становятся как положено и касаются покрытия дороги.

«Те, кто прибыл в Ялту таким непривычным способом, свое появление не афишировали».

Пустынная дорога, «Оксо» долго катит в одиночестве.

«Наверное, им есть что скрывать».

Крупным планом — Сеня с Енотом. Оба в зеркальных очках, похожи не то на легкомысленно одетых дипломатов, не то на контрразведчиков из приключенческого фильма.

Невозмутимый Паха, смахивающий на манекен. Полностью неподвижный, хотя хорошо видно, что вокруг него вьются несколько пчел.

Смеющаяся Ольша — ее сняли вчера на пляже.

Сеня тихо выругался по-гиански. Ольша ни слова не поняла, но интонацию вполне уловила. Да, от такой рекламы добра не жди...

«Сия симпатичная команда весьма небезразлична к еще одному гостю Ялты. Тоже не особо желанному».

Завгородний крупным планом.

«Завгородний Борис Александрович, 1952 года рождения, гражданин России, житель города Волгограда. Замешан в громком деле двухгодичной давности, связанном с торговлей редкоземельными металлами, а также в ряде более мелких махинаций. Благополучно скрывается от правоохранительных органов уже несколько лет».

«А это... — камера скользит по лицам громил-телохранителей, — это его руки. Точнее, кулаки. Железные кулаки».

Набережная, прогуливающийся народ.

«Но вернемся к более симпатичной команде».

Сеня, Енот и Ольша. Гуляют. В толпе мелькает лицо Пахи, с ним рядом — Хасан, но на Хасана оператор внимания не обращает. Это снято уже сегодня. Незадолго до того, как взяли Завгороднего.

«Никто из них не числится в розыске ни в нашей, ни в какой-либо из соседних стран. Личности их установить пока не удалось. Однако это лихие ребята».

Сеня кладет громилу Завгороднего. Ловко, почти без движений. Енот стреляет из парализатора, кто-то падает.

Енот на лету ловит «трость», раскрывает ее «веером» и мчит сначала над песком, потом над водой.

Паха прямо из тела достает винчестер и стреляет в полицейского. Точнее, в его пистолет. Рука полицейского дергается, самого его разворачивает, пистолет, лязгая, прыгает по асфальту.

«Это не монтаж и не спецэффекты. Все снималось на обычную видеокамеру за один раз».

Замедленный повтор: «веер» падает и замирает над песком, повиснув в воздухе. Без всякой опоры. Енот прыгает на него, отталкивается и скользит к морю.

Паха тянется к боку. Посреди ладони его набухает бугорок — рукоятка винчестера. Из локтя другой руки и прямо из футболки тянутся, текут два потока податливой плоти, сливаясь в один. Хорошо видно, где футболка меняет цвет и становится винчестером. Все это стыкуется с рукояткой, течет, пока не отделяется от тела.

Выстрел. Вылетевшая гильза отскакивает к Пахе, касается правой руки и впитывается кожей, не оставив ни малейшего следа.

Паха у гостиницы «Ореанда». В хорошо сшитой паре и стильных «саламандровских» штиблетах. Вдруг вся его одежда начинает оплывать и в несколько секунд превращается в брюки, футболку и кеды.

«Они дерзки и отважны. Полиции совершенно не боятся».

Сцена на набережной. Охрана перебита, Завгороднего, заломив руки за спину, уводит Хасан, обезоруженные полицейские хмуро взирают перед собой.

«Трое из «железных кулаков» убиты на месте. Один скончался по дороге в больницу. Один полицейский отделался вывихом кисти, второй не пострадал вовсе. Замечу, что, несмотря на стрельбу, не пострадали и случайные свидетели».

Летающая над тротуаром машина, сигаящая через кусты и лавочки, словно скаковая лошадь. Колеса под днищем. Это не «Оксо», это та, на которой они кружили по городу, еще белая.

— Двумя камерами снимали, — угрюмо заметил Енот. Сеня молчал.

«Кстати, об их машинах. Вот одна из них».

«Оксо» перед гостиницей «Южная».

«Если поверите мне на слово: вчера она подверглась нападению банды хаммеров в районе Фороса. Стекла, как ни странно, не поддались. Зато остальное...»

«Оксо» вчера. Вид плачевный. Номерной знак крупным планом.

«А это она же сегодня утром».

«Оксо» в добром здравии. Номерной знак, не имеющий ничего общего со вчерашним.

«Она же вчера вечером...»

«Оксо» на стоянке у «Ореанды». Паха удаляется. Видно, что машина цела. Номер вчерашний.

«Кстати, так и не удалось узнать, что это за автомобиль. Ни один каталог не дает ответа, а наш эксперт просто озадачен. Такое впечатление, что на старушке-Земле его не делали. Ау, может, кто подскажет?»

«Эк он ловко на межпланетные темы свернул!» — подумала Ольша.

«А вот еще один».

Машина Римаса, оранжево-желтая, словно впитавшая летнее солнце.

«И еще».

«Северный ветер», на котором сегодня увезли Завгороднего.

«Эти автомобили тоже не значатся в каталогах. Не встречались ранее и подобные товарные знаки».

Крупным планом — птица на «Оксо», потом два переплетенных символа на «Ветре» и машине Римаса.

«Добавлю еще кое-что, — продолжал вещать голос. — Позавчера утром в зоне отдыха Коблево (это между Одессой и Николаевом) полиция и служба безопасности пытались арестовать четырех человек по подозрению в совершенном накануне убийстве с применением огнестрельного оружия. Девушку и троих парней. Им удалось скрыться на иномарке неустановленной модели. Убитый, а также трое без вести пропавших по странному стечению обстоятельств оказались жителями Волгограда и области и в Коблево прибыли вместе с Завгородним. Днем позже найден труп еще одного волгоградца из охраны Завгороднего. Смерть наступила в результате выстрела из крупнокалиберного ружья незадолго до полудня того самого дня, когда таинственные обладатели странных автомобилей покинули Коблево».

Полиция, совершавшая арест, подверглась действию оружия, не имеющего земных аналогов. Справедливости ради стоит отметить, что жизнь и здоровье полицейских не ставились под угрозу — все уцелели, несколько часов пробыв в полной неподвижности. Зато служебной машине досталось сполна».

Черно-белая картинка: фотография разгромленного Пахой джипа.

«Из Коблево они исчезли около часа дня. В Ялте объявились уже в три двенадцать. Неплохо для расстояния в полтыщи километров. По-моему, за два с небольшим часа преодолеть его можно единственным способом: вот так».

«Оксо» в небе. Полет его стремителен и неудержим.

«Наверное, они люди, — вел дальше голос, — во всяком случае, ничто человеческое им не чуждо...»

Кадр: Сеня покупает вино в гостинице.

Енот с Ольшей танцуют. Здорово танцуют. И снято здорово: полумрак, цветные блики.

— Это те, за угловым столиком, с камерой! — черным голосом сказал Енот. Ольшу даже передернуло.

«Почему-то они прячут лица».

Несколько кадров подряд:

Сеня в очках.

Енот в очках.

Римас в очках.

Снова Сеня, но уже вечером, в полутьме.

Енот.

Ольша.

Енот.

«Впрочем, однажды нам удалось заглянуть под очки. И увидеть, что там прячут».

Замедленная съемка: Ольша и Енот танцуют что-то явно блюзовое. Рука Ольши тянется к лицу Енота, берет за дужку очки и плавно снимает их. Рывком укрупняется план, освещение улучшается.

Снимая очки, Ольша задела длинные пряди волос Енота, сама не заметив этого. Хорошо видно открывшееся ухо Енота — остроконечное, а не закругленное, как у землян или Сени. Енот машинально прячет его под прической. Теперь акцент переносится на его глаза. Красноватые, огромные, с наклонными щелевидными зрачками.

Рука Ольши возвращает очки на место и опускается Еноту на плечо. Танец продолжается.

Многозначительная пауза.

Панорама Ялты.

«Понятия не имею, чем завершится эта история, поскольку в дело вступили работники службы безопасности. Но на вашем месте, господа телезрители, даже если вы и не верите в летающие тарелки, и межзвездную экспансию, и прочую чушь, повстречав этих ребят...

(Снова лица Сени, Енота, Ольши и Пахи.)

...я бы спросил у них: «Откуда вы?»

Последние кадры репортажа растаяли на телеэкране, канал давно уже разразился рекламой, а Ольша все паялилась на светящийся прямоугольник. В ушах звучал чуть хрипловатый голос Сергея Градового.

— Это Затока с дружком, — угрюмо сказал Сеня. — Они журналисты, оказывается. Бог мой, я же предупреждал — это великая раса!

Ольша взглянула на него с сочувствием.

— Да. Засветили вас талантливо.

Енот уже общался с раскрытым «дипломатом». Спустя минуту Паха встал, превратился в... Ритку, точно скопировав одежду Ольши, и вышел из номера. Ольша подняла брови.

Сеня выглянул в окно сквозь занавесь.

— Дьявол! — сказал он и взялся за парализатор. Наверное, внизу творилось что-то нехорошее.

Ольша встала и приблизилась к светлomu проему окна. На стоянке у «Оксо», совершенно не кроясь, стояли несколько типов в штатском, все как на подбор плечистые и крепкие.

Сеня вышел на балкон, прямо у них на виду выдавил стекло в номере Ольши, проник внутрь и вынес ее вещи. Типы внизу забеспокоились, не обращая внимания на приближающуюся Ритку, то бишь Паху.

Спустя минуту (а может, и меньше — Ольше казалось, что все происходит на удивление медленно) у балкона завис «Оксо». В дверце и стекле зияли быстро затягивающиеся пулевые отверстия. Вещи как попало побросали в салон. Енот подсадил Ольшу и влез следом. Последним сел взъерошенный Сеня. Он уже захлопывал дверцу, когда в дверь номера громко и требовательно постучали.

— Жми! — скомандовал он. «Оксо» стремительно вгрызся в прогретый летом воздух. Вдалеке урчали вертолетные двигатели.

Но летающая машина оставила их безнадежно позади.

— До свидания, Ялта! — прошептала Ольша с непонятным сожалением. Внизу умопомрачительно синело море.

— Знаешь, Сеня, — серьезно протянул Енот. — А мы ведь не заплатили по счету в гостинице...

6,81

Ольшу высадили в Николаеве. На пустынной улочке недалеко от центра.

— Уж извини, до дому придется добираться самой.

Ольша кивнула.

— На вот... — Енот порылся в объемистом бардачке и выгреб толстенную пачку тысячегривнок.

Сеня пошарил в «дипломате» и добавил столько же.

— Мы все равно уходим... Купишь себе что-нибудь. Не бойся, кстати, они настоящие.

Ольша как попало свалила деньги в сумку, взглянула на часы, потом — по сторонам.

— Извини, что пришлось тебя... гм... задержать. Ты нам очень помогла. Кстати, Завгородний, похоже, совсем невиновен в смерти наших. Просто волею случая оказался рядом. А спутника-«сторожа» сбил шальной метеорит. Представляешь, угодил в единственное уязвимое место и под нужным углом. Вероятность — один к пятнадцати миллиардам. В ближайший галактический год такого больше не случится. Но все равно спасибо тебе.

Даже не верилось, что придется расстаться с этими ребятами. Похожими на ее друзей и непохожими. Добрыми и безжалостными.

— Вы... к себе? Домой?

Сеня пожал плечами:

— Сначала на базу. За головнойкой. Тысяча чертей, нигде мы так не проваливались!

— Не нарежьте Землю, хирурги, — попросила Ольша серьезно.

— Постараемся, — пообещал он и вздохнул.

— Ну, давай лапу...

Ладонь Ольше легонько сжали — сначала Енот, потом Сеня, а потом (к несказанному удивлению Ольши) и Паха. Рука у него была горячая и чуть-чуть влажная. На лице сохранялась все та же непрошибаемость. Пожав руку, он показал Ольше раскрытую ладонь, ставшую матовой, как экран ноутбука. Под «кожей» медленно возникали буквы, складываясь в короткое предложение:

«Ты очень привлекательная самка своего вида».

Ольша смутилась, Сеня с Енотом сержали на всю улицу. Паха невозмутимо «погасил» надпись и вернулся в машину.

— Эй, Толстый! Когда-нибудь я научу тебя делать комплименты гуманоидам, — пообещал Енот, усаживаясь за руль. Ольше он сделал ручкой.

Сеня задержался, заглядывая ей в глаза. На секунду показалось, что сейчас он ее поцелует. Но Сеня только снял очки и протянул ей.

— Возьми. На память.

Ольша приняла подарок обеими руками. Взгляды их встретились.

— Я еще увижу тебя?

Сеня усмехнулся:

— Однажды ты уже задавала этот вопрос.

Он резко повернулся и шагнул к машине. Сухо клацнула дверца, опускаясь на место.

«Оксо», подобрав колеса под днище, круто ушел в зенит. Ольша провожала его глазами, пока темную точку не поглотило небо. Осталась лишь самая обычная улочка, каких в Николаеве десятки. Чудеса закончились, вернулась обыденная серость, но остались еще воспоминания и неожиданное ощущение минувшего праздника.

Вздохнула. Надела подаренные очки.

Сеня, Сеня, разведчик-гианец. Растворился, исчез из ее жизни, как предутренний сон.

«А ведь ему бы очень пошел белый халат», — подумала Ольша, подхватила сумку и зашагала домой, зная наверняка, что ее путь гораздо короче, чем у троицы там, наверху.

Апрель 1992 — январь 1993 г.

Николаев

ЗАБЫТАЯ ДОРОГА

История византийских перстней

Ромка даже не подозревал, как отреагирует институтский друг Владислав Багдасаров на его неожиданную находку. Багдасаров был лет на пять старше Ромки и в институт поступил уже после службы в армии. Слыл он парнем серьезным, бесспорно — умным, но несколько замкнутым. Впрочем, он никому ни в чем не отказывал, но никогда и не делал и не говорил больше, чем требовалось. Со своим курсом у него сложились корректно-вежливые отношения; Ромка с Багдасаровым здоровался и на этом их знакомство исчерпывалось.

Жил Багдасаров в общежитии, и Ромка, коренной киевлянин и вчерашний школяр, несколько неуютно почувствовал себя у входа в этот особый, ни с чем не сравнимый уголок студенческого быта. Наконец он вздохнул, решительно нагнул голову и вошел внутрь. Вскоре ему подсказали, что Багдасаров живет в 88-й комнате. Миновав 87-ю, Ромка остановился, ожидая увидеть на очередной двери две восьмерки.

Восьмерок оказалось восемь. Две, ниже — четыре в ряд, и в самом низу опять две. Над этой кавалькадой восьмерок красовались два цветных снимка из «World Soccer»: Сократес, стоящий на коленях и воздевший руки к небу, и сосредоточенно глядящий куда-то влево Брайан Робсон. Насколько Ромка знал, оба эти футболиста играли под восьмыми номерами, Сократес — за Бразилию, Робсон — за Англию.

Ромка усмехнулся. Видать, цифру «8» здесь уважали.

Он осторожно постучался.

— Открыто! — рявкнули изнутри.

Ромка вошел. Багдасаров возлежал на койке, задрав ноги на обшарпанную спинку; за столом, покрытым бордовой скатертью,

сидел его закадычный дружок Дима Федоренко, который сортировал пожелтевшие от времени газеты, аккуратно раскладывая их на три стопки. Багдасаров грыз яблоко и созерцал свои кроссовки, покоящиеся на спинке кровати.

— А, Ромка, — удивился он и сел. — Заходи.

Ромка шагнул через порог и огляделся. Все стены пестрели плакатами и постерами из журналов: футболисты, кадры из фантастических фильмов, рок-группы — все это придавало комнате богемно-многозначительный вид. За дверью притихли два спортивных велосипеда, рядом с лампочкой с потолка в специально сплетенной сетке свешивался дорогой футбольный мяч, на стене, в щели между атакующим Ван Бастеном и группой «Grand Funk Railroad», тускло отблескивала электрогитара, разрисованная крестами, иероглифами и самурайскими мечами. И книги, книги везде — на подоконнике, на столе, на полу кипы, целые эвересты книг. Корешок толстого, обернутого хрустящей белой бумагой фолианта являл миру жирную надпись: «ДМБ-87».

Ромка печально заулыбался: «Весело живут! Не то что я — как мышь в аптеке, это не тронь, сюда не сядь, и не дай бог забудешь где-нибудь свет погасить! Хорошо, хоть свою комнату удалось отвоевать. Но какой кровью!»

Вздохнув, Ромка наконец поздоровался:

— Привет, граждане!

Дима, не отрываясь от газет, буркнул нечто приличествующее моменту, Багдасаров кивнул и осведомился:

— Там у нас на кухне супчик греется... Участвуешь?

Ромка замотал головой и подумал, что жизнь под маминым крылышком все же имеет и свои преимущества.

— Я, Славик, собственно, вот чего. Помнишь, я у тебя видел два перстня? Ну, такие, с неограниченными камнями?

Багдасаров резко обернулся к нему и на лице его Ромка уловил напряженнейшее внимание. Дима вздрогнул и тоже обернулся, оставив свои газеты. Ромка заторопился, сунул руку в карман и протянул вперед:

— Вот!

На ладони лежал потемневший от времени перстень. Обруч его был очень широк, шире даже камня. Сам камень бугрился едва обработанной поверхностью и поражал глаз странной асимметрией. До сих пор Ромка не видел несимметричных камней, вернее, до тех пор, пока не увидел два таких же перстня у Славки. Про-

изошло это месяца два назад. Присмотревшись, легко было заметить, что обруч у перстня даже не цилиндрический, а слегка конический; отверстие для пальца по диаметру совпадало с обеих сторон, но внешний обвод обруча с одной стороны был устроен так, что мог подойти и прочно состыковаться с другой стороной еще одного перстня. Внутри на обруче виднелся выгравированный знак, замысловатый и непонятный.

Багдасаров трепетно взял перстень, оглядел его со всех сторон, словно хрупкую вазу эпохи Мин, на секунду задержав взгляд на знаке, и повернулся к Диме.

— Седьмой...

Еще с минуту он вертел в руках Ромкину находку, возбужденно блестя глазами.

— Где ты его взял? — спросил он, не отрываясь от перстня.

Ромка торжественно начал:

— А вот это — сплошной анекдот. Вчера случайно заглянул в кабинет отца, словарь искал, и на столе обнаружил эту штуку. Сразу вспомнил, что видел у тебя такие же. Ты ведь разыскивал их? Везде и у всех спрашивал, так ведь?

Багдасаров кивнул.

— Ну вот. Дождался я отца, спрашиваю, откуда, мол, у тебя эта вещица? Он засмеялся. Оказывается, сей перстень ему всучили в одной антикварной лавке в Швейцарии.

— Когда? — быстро уточнил Багдасаров.

— Месяц назад.

— А почему твой отец оказался в Швейцарии?

Ромка улыбнулся не без гордости: отец его был достаточно известной личностью.

— Он — журналист-международник. Мотается по всему свету, я его месяцами не вижу. — Ромка секунду помолчал. — Ну, слушайте дальше-то. Зашел он в лавку просто так, из любопытства. А продавец, он же хозяин, как узнал, что посетитель — русский, непременно захотел вручить ему что-нибудь на память. Батя счел неудобным отказаться, тем более что стоил перстень сушие гроши. Короче, купил, вернулся, принес домой — ума, говорит, не приложу, куда его приспособить. Положил на стол, да так и провалялся перстенок этот, пока я не наткнулся.

Ромка умолк.

— Все? — поинтересовался Багдасаров.

— Вроде бы да... — неуверенно пожал плечами Ромка.

С минуту все трое безмолвствовали. Ромка ждал, что произойдет дальше, Славка обменивался с Димой быстрыми взглядами.

Первым нарушил молчание Дима:

— По-моему, гора в первый раз сама пришла к Магомету, а не наоборот.

— Подожди, — сказал Багдасаров, поморщившись. — Скажи-ка, Рома, а больше ничего подобного тот швейцарский лавочник твоему отцу не предлагал?

Ромка напрягся.

— Нет! — и вдруг смущенно остановился: — Хотя... Отец, кажется, упоминал какую-то штуковину... Вроде подставки, что ли. И там, кажется, какие-то знаки... А какое это имеет отношение к перстням?

— Где твой отец? — нетерпеливо перебил Багдасаров.

— Дома...

— Телефон есть?

— Есть...

— Бежим!

Они как угорелые вырвались из комнаты, ежесекундно подталкивая Ромку. Вихрем пролетев по длинному коридору и едва не сшибив группу весело завизжавших девчонок, они скатились по лестнице, прыгая через две ступеньки, и оказались у телефона. Пожилая, похожая на печального кенгуру вахтерша осуждающе покачала головой, но, видимо, Багдасаров числился у нее на хорошем счету, раз она этим и ограничилась. Багдасаров на ходу бросил: «Мариванна, мы позвоним!» — и сразу же схватил трубку. Дима, сложившись пополам, завис на перегородке у стола вахтерши. Та добродушно ворчала. Багдасаров сунул трубку Ромке:

— Ну!

Ромка покорно набрал номер. Отозвался отец. Это Ромку воодушевило и он, коротко объяснив, что собиратель перстней намеревается что-то у него выяснить, вернул трубку Славе.

— Как? Как отца-то зовут? — шепотом спросил Багдасаров, зажав ладонью микрофон.

Ромка, скорее инстинктивно, чем осознанно, подсказал:

— Андрей Сергеевич...

— Добрый день, Андрей Сергеевич!

Ромка лихорадочно соображал, не напутал ли он чего с этой «подставкой», и хоть и слышал голос Багдасарова, слова совершенно не воспринимал.

Очнулся он минуты через три. Багдасаров все еще говорил с отцом, Дима полулежал-полувисел на перегородке и напряженно вслушивался.

— И все же как человек честный я просто обязан вернуть вам те деньги, которые уплачены за перстень...

Отец что-то заговорил, по-видимому, возражал Багдасарову.

— Ну что же, в таком случае огромное спасибо! Да-да... И если будут результаты, сразу же сообщите через вашего сына. Впрочем, если результатов не будет — все равно сообщите. Да-да... До свидания.

Багдасаров опустил трубку на аппарат и медленно обернулся. Дима выжидающе смотрел на него.

— Это замок. Определенно. — Багдасаров говорил спокойно, но на физиономии его аршинными радостными буквами читалось: «Наконец-то!»

Дима взялся за голову и сел прямо на мраморный пол.

Ромка испуганно попятился.

— Ребята! — жалобно протянул он, чертыхаясь в душе из-за того, что пропустил почти весь телефонный разговор. — Может, вы все-таки объясните что-нибудь?

Багдасаров, уже было направившийся к выходу, обернулся.

— Рома... — Он ненадолго задумался. — Слушай, дружище, давай не сейчас, а? Спасибо тебе большое, но... сейчас я здорово пришиблен, мысли путаются. Приходи завтра. Мы как раз выясним кое-что... Как же замок с седьмым угодили в Швейцарию? Задача...

Ромку снедало любопытство, но он понял, что от Славки пока действительно ничего путного не добиться. Он вздохнул:

— Значит, завтра?

— Угу...

— А вы куда?

— В архив, дорогуша, в архив, — высказывая за дверь, бросил Багдасаров. Дима уже ждал его на улице.

— Вы хоть комнату-то закрыли, оболтусы? — крикнула вдогонку вахтерша.

Багдасаров остановился, сказал: «А-а, черт!» — и быстрыми прыжками понесся вверх по лестнице.

— И суп, суп! — напомнил ему в спину Дима.

Ромка усмехнулся. «Занятные парни! Хорошо, если познакомлюсь с ними поближе...»

— До завтра, — сказал Ромка Диме и зашагал к выходу. Уже на крыльце он обернулся и увидел, как тот за стеклянной дверью помахал ему рукой.

Однако назавтра Ромке не удалось попасть к Багдасарову — с утра сдавал давно висящую на хвосте лабу, а после двух пар друзей-сыщиков отыскать не удалось. Нигде. Нашел их Ромка лишь спустя три дня, да и то случайно — в институтской столовой. Разговорились, Багдасаров затащил Ромку к себе. Все эти дни Ромка строил самые фантастические теории насчет перстней, заранее зная, что все они ничуть не будут походить на правду.

Багдасаров извлек из недр выдавшего вида шкафа стильную коричневую папку и небольшую коробку, похоже — от электробритвы. Водрузил их на стопку книг, возвышающуюся в центре стола, сел. Ромка опустил ся напротив, оседлав шатучий табурет.

— Небось сгораешь от любопытства?

Ромка фыркнул: «Еще бы!»

— Тогда слушай. Началась эта детективная история с перстнями, наверное, невероятно давно. Но для меня — всего-навсего семь лет назад, за год до службы. Как-то раз копался я в семейных бумагах и обнаружил любопытный документ. — Славка вынул из папки несколько пожелтевших листков почтенного возраста. На них змеился рукописный текст на неизвестном Ромке языке, и рисунок присутствовал — знакомого вида перстень, — весьма незаурядно выполненный углем.

— Понятно, что меня это заинтересовало. Я расспросил отца, но он почти ничего не знал, сказал только, что это одно из исторических увлечений деда. А дед как раз за неделю до этого уехал лечиться в Феодосию. Я еле дождался его, так как в поисках еще чего-нибудь, имеющего отношение к первому документу, обнаружил целый архив и два перстня. Вот эти. — Багдасаров указал на пару перстней в коробке. Они покоились в ячейках, около которых виднелись аккуратно наклеенные бирочки с цифрами. Эти значились под номерами 1 и 4. Кроме того, сейчас были заняты ячейки 2, 5 и 7. Третья и шестая пустовали.

— Второго, пятого и седьмого тогда еще не было, — сказал Багдасаров, коснувшись тремя пальцами, как пианист, соответствующих перстней. — Кстати, три дня назад ты принес вот этот, седьмой. Но вернемся к деду. Вот что он рассказал. Во время войны — а мой дед прошел всю войну, с первого до последнего дня —

служил вместе с ним один парень, историк Андрей Щелкалов. Как-то так вышло, что с дедом он сдружился: знаешь ведь, как это бывает — котелок один на двоих, ели вместе, спали рядом, одной шинелью укрывались. И носил этот парень на шее перстень — на цепочке. Дед спросил, что это за странная вещь. Выяснилось, что перстень имеет свою собственную биографию. Андрей рассказал все с самого начала, как я тебе пытаюсь.

Багдасаров хлопнул ладонями по столу.

— Придется совершить небольшой экскурс в историю. Приблизительно в 1570 году, во время правления Ивана Грозного, начал действовать русский корсарский флот. Знаешь, что это такое?

Ромка не знал.

— Собственно, это узаконенное пиратство. Или антипиратство, если угодно. Одно государство топит торговые суда другого. На Балтике тогда сложилась весьма напряженная ситуация. Россия рвалась к морю — ей необходимо было торговать. Европейские страны как могли противились этому. Тогда Иван Грозный решил на следующий шаг: сделал ряд уступок английским купцам — снизил пошлину, приказал торговать с англичанами по низким, выгодным им ценам и так далее. Понятно, что англичане, по сути дела, получившие монополию на торговлю с Россией, крепко ухватились за эту возможность и слетались, а точнее — сплывались к берегам России, словно мухи на мед. Европу это взбесило, в первую очередь польского короля Сигизмунда-Августа. Он и натравил свой корсарский флот на английские суда. Иван Грозный в ответ сколотил свой флот, с помощью иностранных мореходов и русских корабелов, для защиты англичан. Дрались эти корсары, без сомнения, много, одно море знает сколько моряков там погибло. На русских судах матросами служил всякий сброд — головорезы со всей Европы, хотя хватало и русских моряков. На одном из таких корсарских кораблей и подвизался прапра-, не знаю уж, сколько раз «пра-» дед Андрея — Федор Щелкалов. В этом же 1570 году в одной из морских баталий корабль получил серьезные повреждения и затонул немедля. Из экипажа спаслись восемь человек, и, видимо, спасли они помимо собственных жизней еще нечто, нечто очень важное для царя Ивана. Что именно — ни Андрей Щелкалов, ни дед, ни я так и не выяснили. Но услуга, видать, вышла немалая, потому что царь пожаловал всем восьмерым определенную сумму денег — факт для того времени достаточно необычный — и в память вручил семерым матросам по такому вот

перстню, а восьмому, голландцу-штурману, — то, что мы условно называем «замком». Так предок Андрея Щелкалова стал обладателем перстня, который впоследствии передавался из поколения в поколение, от отца к сыну, пока не добрался до Андрея. В 43-м году Андрей погиб под Курском. Родных у него не оказалось, и перстень оставил себе мой дед. Андрей успел сказать, что все перстни и замок, собранные вместе, имеют какие-то необычные свойства, и дал адрес архива, где могли найтись сведения об остальных перстнях.

Деду повезло больше — он дожил до победы и, помня о словах друга, стал искать архив. Оказалось, что его эвакуировали из Москвы куда-то в Сибирь. Добрался до него дед аж в 58-м году, в Новосибирской области, в Искитиме. И выяснил интереснейшие вещи.

Перстни с замком уходят корнями в глубокую древность. Упоминание о них нашли в византийских документах. Представляешь? Византия! Видишь вот эти знаки внутри? — Багдасаров показал на замысловатые письмена. — Это цифры. Правда, с письменностью Византии, то бишь с греческим языком и алфавитом, они не имеют ничего общего, но именно из византийских документов узнали, что это просто цифры, от 1 до 7. Подобных знаков, насколько я сумел установить, ни один народ мира ни ныне, ни в древности не употреблял. По крайней мере в течение последних трех — пяти тысяч лет. Другими словами, науке они неизвестны. Далее. В тех же документах сказано: «Кто соберет воедино все перстни, сложит их в ключ и вставит ключ в замок — тот откроет некую «забытую дорогу человечества». Что это за дорога и куда она ведет — не упоминается. Забавно, правда? Я, честно говоря, до сих пор не понял: перстни — это ключ, замок тоже имеется, а вот где дверь? Или что-то вроде нее?

— Постой, — перебил его Ромка. — А почему тот же Иван Грозный не открыл эту дорогу? Ведь у него были под рукой все семь перстней и замок в придачу. Или тот, кто все это царю доставил?

— Ха! Дело-то как раз в том, — объяснил Багдасаров, — что византийские рукописи нашли почти через триста лет после того, как Иван Грозный раздал все матросам. Замок и перстни разбрелись по Европе. Царь просто не знал предназначения ключа и замка, не знал даже, что это вообще ключ и замок.

Багдасаров умолк. Ромка сидел здорово ошарашенный. Такие истории всегда интригуют до крайности, а если ты еще и их участник...

— Вот и начал мой дед искать следы всех перстней, кроме номера четвертого, который уже был у него. Шесть лет спустя дед напал на след второго: Андрей Щелкалов еще до войны сумел установить имена трех матросов, получивших перстни. Кроме Федора Щелкалова, это были Степан Гурьев, крестьянин богатого соликамского купца Аникея Строганова, ставший корсаром, и эстонец из Колывани Леокс Тит, о котором, кроме имени, ничего не было известно. Дед пошел дальше — он узнал имена всех. Всех восьми. Ими оказались: польский сорвиголова Ян Вылчек, почему-то пошедший в русский корсарский флот, хотя биться ему приходилось со своими же соотечественниками-поляками; мореход-датчанин Ганс Гофман; фламандец Клаус Морке и сын крымского татарина и русской девушки Марат Мурзаев, прижившийся в Холмогорах и также посланный в корсары Аникеем Строгановым. Замок получил шкипер — голландец Йохан Ван-Бук. Дед упорно стал раскручивать этот, казалось бы, безнадежный клубок. Он выяснил, что Степан Гурьев скоро попал в опалу царю и опричнине, бежал и осел где-то в Сибири. Морке и Ван-Бук вскоре вернулись на родину, Вылчек и Тит тоже впали в немилость и вынуждены были перебраться не то в Литву, не то в Польшу. Мурзаев позже несколько раз участвовал в стычках с крымским ханом и, вероятно, обосновался в Крыму, скорее всего в Кафе — Феодосии. Остался Гофман, о котором не находилось сведений вплоть до 64-го года. Именно тогда дед узнал, что под Витебском есть усадьба, которую местные жители издавна называли «замком Ханса Перстения». Дед ухватился за эту слабую ниточку, навел справки, и оказалось, что построил замок некий Ханс Хофман! Примчавшись туда, он разыскал усадьбу, и можешь представить его радость, когда он увидел портрет этого Ханса: на шее у него был изображен этот самый перстень! В замке тогда действовал пионерлагерь. Дед попытался выяснить, куда подевались различные вещи хозяев и где сами хозяева. Оказалось, что Ханс (или Ганс — как больше нравится) построил усадьбу и мирно зажил в ней с 1590 года. Там же жили и его потомки, вплоть до революции 17-го. Куда забросила их судьба после — неизвестно, некоторые предметы обстановки и драгоценности сохранились и были переданы витебскому краеведческому музею. Дед побывал там, и не зря: перстень значился в

списке драгоценностей «замка Ханса Перстеня». Однако в выставленной экспозиции его не было. После разговора с сотрудниками и раскопок в резерве перстень все же нашли. Дед каким-то непостижимым образом убедил отдать ему перстень — в те годы вещь немислимая. Это оказалась первая и последняя его победа. Вообще-то он увидел еще два перстня — вот эти, второй и пятый, но их вычислил уже я. Перстень Гофмана значился под первым номером. Кстати, когда я наткнулся на первый документ, дед ездил в Феодосию — помнишь? Вернулся невеселым. Это неспроста, он выяснил судьбу перстня Мурзаева. До войны какой-то его потомок жил себе в Феодосии, его помнили из-за перстня, носимого как медальон. Так вот, во время оккупации этот перстень прикарманил один немец-офицер. Видать, он и увез его при отступлении. Это и все, что выяснил дед. А я установил, что обер-лейтенант Курт Фиц не погиб впоследствии, а по окончании войны бежал в Южную Америку. Кстати, его имя, точнее псевдоним, обнаружилось среди недавно выловленных ИНТЕРПОЛОМ главарей кокаиновой мафии. Кажется, его даже судили.

Но вернемся на пару лет раньше. До 84-го года дед ни на шаг не продвинулся в поисках. Двадцать лет он ворошил архивы, но ему не везло. Вдвоем мы копались еще год, тоже безрезультатно. Потом я ушел в армию, досадуя, что целых два года потеряю в своих поисках. Можешь представить мои чувства, когда в первые же дни службы я узнал, что среди новобранцев есть эстонец по имени Леокс Тит! Я сразу же познакомился с ним. Вскоре выяснилось, что у них полдеревни носит фамилию Тит и один из селян владеет перстнем, который, по слухам, подарен его предку царем. Леокс хорошо знает этого человека и даже приходится ему дальним родственником. В результате переписки тот соглашается продать перстень. Так, спустя два года в мои руки попадает третий экземпляр. Его номер — пятый. Дед, понятно, очень обрадовался, и мы с новой энергией взялись за поиски. Вскоре я переехал в Киев, поступил в институт. Через год я списался с архивом города Гданьска и получил копию документа — что-то вроде судебного протокола. Вот смотри. — Багдасаров достал очередную бумагу из папки. — Судили некоего Вылчека, русского корсара и изменника. Несомненно, это был тот самый Ян Вылчек, данцигский шалопай, удравший от правосудия в корсары. Его повесили в 1584 году. Списавшись со специалистами Гданьского института истории, я попросил попытаться выяснить судьбу перстня. И, представь, на

их публикацию в каком-то журнале откликнулся один краковский рабочий. Перстень хранился у него, но каким образом попал он к родителям, рабочий не имел ни малейшего представления.

Перстень переправили мне в обмен на обещание сообщить в институт результаты дальнейших поисков. Это оказался перстень номер два. Теперь мы их собрали уже четыре — больше половины! И когда я безнадежно зашел в тупик, являешься ты с седьмым номером, да еще находятся следы замка! Если знакомый твоего отца действительно сумеет разыскать и передать замок, останутся всего два перстня — не так уж много.

Ромка спросил:

— А чей перстень принес я?

Багдасаров кивнул:

— Я тоже задавался этим вопросом. Возможны три варианта: либо это перстень Степана Гурьева, но вряд ли он мог попасть из Сибири в Швейцарию. Марат Мурзаев тоже скорее всего отпадает. Самое вероятное, что это перстень Клауса Морке, фламандца. Улавливаешь? Швейцария не так уж и далеко.

— Значит, остается замок и два перстня?

— Выходит так...

— И ты надеешься их найти?

— Надеюсь, — твердо сказал Багдасаров.

Ромка мечтательно закрыл глаза.

— То-то обрадуется твой дед, когда узнает, что ты отыскал еще один перстень и напал на след замка!

Багдасаров вздрогнул и тускло взглянул на Ромку.

— Дед умер в прошлом году... — и добавил шепотом: — И завещал мне найти забывтую дорогу...

Прошла еще неделя. Все это время Ромка с нетерпением ждал известий о замке. Теперь он знал, что отец договорился с кем-то из своих женеvских знакомых, чтобы тот зашел в ту самую лавку и узнал насчет замка. Как-то придя вечером домой, Ромка ощутил неясное напряжение: отец был дома, что нехарактерно для столь раннего часа. Ромка кинулся к нему в кабинет.

Отец сидел в кресле и курил, пуская под потолок правильные колечки дыма. А на столе в луче настольной лампы тускло поблескивал необычный предмет. Ромка замер. Предмет формой и размерами напоминал кирпич. Он твердо стоял на ножках, слитых воедино с его корпусом. Подойдя поближе, Ромка рассмотрел, что

предмет представляет собой брусок того же дикого необработанного камня, что и в перстнях, только размером побольше. Поверхность его была неровной и тоже едва-едва сглаженной. Брусок искусно вправили в подставку, наружу выступал только прямоугольник верхней грани «кирпича». Сбоку на оправе, вдоль открытой поверхности камня, с равными промежутками виднелись такие же знаки, как и на перстнях, все семь в ряд. А на малых сторонах прямоугольника выделялись неровные выступы с пазами, видимо, для закрепления каких-то предметов. Подставка-оправа была выполнена из того же металла, что и перстни. Вещь казалась очень старой, но нигде не была повреждена; от нее исходило нечто непонятное, внушающая невольное уважение эманация, что ли?

— Вот, — нарушил молчание, отец, — это та самая вещь. Твой друг просил побыстрее переправить ее. Так что дальнейшее в твоих руках. Можешь забирать эту штуковину. И еще вот. — Отец встал, неторопливо прошел по комнате и взял со стола конверт из плотной розовой бумаги. — Здесь кое-какие факты, тоже передашь своему другу.

Ромка восторженно прошептал:

— Замок!

Отец усмехнулся в усы и ненавязчиво поинтересовался:

— А что, твой товарищ любитель старины? Коллекционер?

— Нет, — замотал головой Ромка. — Он ищет забытую дорогу.

Потом до Ромки дошло, что отцу эти слова ровным счетом ничего не скажут, но объяснять было слишком долго. Он бережно уложил замок в дипломат, сунул туда же конверт и бросился к выходу.

— Это длинная история, па. Я тебе после расскажу, ладно?

— Беги-беги, — проворчал отец. — Пинкертон...

В увлечения сына он никогда не вмешивался.

К общежитию Ромка приближался ильфо-петровским «фривольным полугалопом», моля бога, чтобы Багдасаров оказался дома. Начинало темнеть. Ромка уже собирался нырнуть в вестибюль, когда его окликнули:

— Эй, Рома!

Он оглянулся. От спортплощадки неторопливо и даже как-то вымотано тянулась вереница парней в футболках. Среди них был и Багдасаров. Он шел чуть поотстав от передних, держа под мышкой пестрый ромбиковый мяч.

Вместо ответа Ромка поднял дипломат и выразительно ткнул в него пальцем. Багдасаров бегом кинулся к нему. Громко дыша, он остановился около Ромки.

— Замок? — с такой отчаянной надеждой спросил он, что Ромка внутренне содрогнулся, представив всю глубину разочарования Багдасарова, если бы замка найти не удалось.

Ромка, довольно улыбнувшись, кивнул. Багдасаров немедленно потащил его в комнату. Ловко забросив мяч в сетку под потолок, он нетерпеливо повернулся к Ромке: «Ну?»

Но Ромка и не думал тянуть: он уже открывал дипломат.

Багдасаров осторожно прикоснулся к «кирпичу» и еще более осторожно взял его в руки.

— Замок, старший... — прошептал он заворуженно.

Диму Федоренко он называл «старшим», потому что они родились в один год и один день, но Дима на полтора часа раньше.

Ромка молчал.

— Черт меня побери, это же действительно замок! — уже громче сказал Багдасаров, бережно ставя его на стол, и плюхнулся на кровать. Ромка вынул из дипломата письмо и протянул ему.

— Тут еще какие-то факты. — Он так и сказал: «факты», повторив выражение отца.

Багдасаров живо подскочил и распечатал плотный забугорный конверт. По мере чтения лицо его вытягивалось, отражая безграничное удивление. Прочитав, он медленно протянул письмо Ромке и вновь опустился на кровать. В письме говорилось, что женеvский знакомый отца без труда отыскал и антикварную лавку, и упомянутую необычную вещь. Продавец-хозяин, видя, что «замком» интересуются всерьез, заломил за него кругленькую цену, но позже все-таки удалось столковаться на вполне приемлемой сумме. Насчет перстней: их у торговца было два. Один он продал болгарскому туристу еще зимой, второй — русскому, всего с месяцем назад: без сомнения, подразумевался Ромкин отец. На расспросы о болгарине лавочник совершенно неожиданно дал исчерпывающий ответ: оказалось, они обменялись сувенирами. Болгарин уступил продавцу антикварную книгу, где оставил памятную надпись, свое имя, фамилию и адрес. На вопрос, откуда у него в лавке подобные предметы, торговец дал уклончивый туманный ответ. Насколько понял знакомый Ромкиного отца, лавочник не брезговал скупкой краденого и эти вещи, вероятно, стащил какой-нибудь воришка. По-крупному торговец не играл, это выяснили точ-

но. Потом все же удалось выудить признание, что замок и оба перстня он перекупил у некоего итальянца, часто посещающего Женеву. Итальянец зовется Пьетро Трускалотти, на момент разговора он в Женеве отсутствовал. Этими «фактами» письмо исчерпывалось.

— Прочел? — спросил Ромку Багдасаров. — Однако, знакомые у твоего папани! Хватка, как у Штирлица.

Ромка усмехнулся:

— А я знаю, кто все это раскопал. Ни много ни мало — шеф охраны нашего консульства в Женеве. Профи.

— Н-да, впечатляет. Теперь еще и итальянец какой-то входит в круг. — Багдасаров умолк на некоторое время. — Я так и не понял, каким путем два перстня и замок попали в Швейцарию, а тут, оказывается, еще и Италия...

— Что же ты хочешь, четыреста лет прошло, — пожал плечами Ромка, — сколько раз эти перстни из рук в руки переходили...

— Подожди, — поморщился Багдасаров. — Если перстней было два, то чей же второй? Гурьева или Мурзаева? А? Как ты думаешь?

Ромка осторожно ответил:

— Полагаю, что не Гурьева.

— Точно, — подтвердил Багдасаров. — И я так думаю. Значит, перстень Мурзаева каким-то образом перекочевал из рук немца, из Южной Америки в Швейцарию. Или сначала в Италию? Черт, голова кругом идет!

— А может, он вообще в Южной Америке не бывал?

Багдасаров двинул плечами.

— Может, и так...

Ромка обернулся к столу и несколько секунд глядел на замок.

— Слава, — робко спросил он, — а ты не задумывался, почему замок и два перстня оказались вместе? Они ведь сначала находились достаточно далеко друг от друга. А?

Багдасаров прищурился.

— А ты можешь это объяснить?

Ромка развел руками:

— Может быть, кто-то уже пытался собрать все перстни? Может, кто-то узнал о забытой дороге, о ключе и замке?

— Я тоже об этом подумал, — медленно кивнул Багдасаров. — Это самое вероятное. — Он усмехнулся. — Но этому человеку что-то помешало.

Довольно долго они молчали, рассматривая замок. Потом Багдасаров достал коробку с перстнями, открыл ее и положил на столешницу рядом с замком. Ромка, затаив дыхание, следил за руками Багдасарова. Тот взял один из перстней, внимательно осмотрел сначала его, потом замок.

— Они как-то должны соединяться... — сказал он задумчиво.

Ромка протянул руки:

— Можно?

Багдасаров уступил перстень, с интересом глядя в его сторону.

Ромка взял еще один перстень и аккуратно соединил их оправы — обруч к обручу, камень к камню. Перстни идеально подошли друг к другу: выступы на одной стороне обруча прочно вошли в зацепление с пазами другого. Получилась занятная штукавина — нечто вроде короткой трубочки с двумя состыкованными камнями на внешней грани.

— Вот, — сказал Ромка, протягивая Багдасарову соединенные перстни. — Я понял, что они должны соединяться, еще когда рассматривал перстень в кабинете отца. Эти пазы явно предназначены для этих шипов. — Ромка мягко указал пальцем на перстни.

— У тебя хорошее пространственное мышление, — одобрительно покачал головой Багдасаров, — кубик Рубика, небось, в секунды складываешь...

Ромка покраснел от удовольствия. У него действительно было завидное геометрическое воображение.

— А дальше-то что?

— А дальше — вот, — повинувшись внезапному озарению, Ромка взял перстни и попытался, перевернув их камнями вниз, состыковать с выступами на торцах каменной полоски замка.

Но у него ничего не вышло. Камень перстня уперся в камень замка раньше, чем соединения на обруче и оправе замка оказались на одном уровне. Неровности камня мешали им состыковаться.

— Как же так? — растерялся Ромка.

— Э-э-э, не спеши, — улыбнулся Багдасаров. — Вот ведь под-сказка, — он указал на знаки, выгравированные на подставке замка, — их нужно располагать в строгой последовательности. Это ж ясно как божий день.

— Правильно! — обрадовался Ромка, взглянув на знаки и убедившись, что он пытался втиснуть седьмой и четвертый перстни на место первого и второго.

— Надо вот так...

Он осторожно взял первый и второй перстни, соединил их и аккуратно состыковал с замком. Камни и не подумали упираться — они подошли друг к другу, каждый выступ нашел свою выемку. Соединение на обруче крайнего перстня ловко сочленилось с торцовыми креплениями на оправе замка.

— Потом так, — подхватил Багдасаров, отсоединя седьмой перстень от четвертого и закрепив его на противоположной стороне полоски замка. Камни снова подошли друг к другу и крепление перстня с замком сработало.

— И еще вот так, — радостно закончил Ромка, соединив четвертый и пятый перстни и опустив их камнями вниз на камень замка в промежуток между вторым и седьмым.

Теперь на каменной полоске замка не хватало всего двух перстней, чтобы получилась длинная, сантиметров десять — двенадцать, трубка, прочно соединенная с замком.

Багдасаров, Ромка и молчун-Дима переглянулись.

— Двух не хватает, — вздохнул Ромка.

Багдасаров выпрямился.

— Ну-ка, где адрес того болгарина?

Осенью Багдасаров добрался до следующего перстня. Он списался с болгаринном, договорился с ним и ждал только случая, чтобы переправить перстень из Пазарджика в Киев. Случай подвернулся в октябре: несколько матчей в Болгарии проводили киевские волейболисты. Связка сработала безотказно: перстень под номером три присоединился к своим близнецам. Оставался единственный перстень — шестой, увезенный Степаном Гурьевым куда-то в Сибирь. Багдасаров методично принялся за поиски, изредка привлекая Ромку. Они дали совершенно неожиданный результат. Не в Сибири, не где-то далеко, а здесь же, в Киеве, на кладбище при одной из старых церквей, Багдасаров наткнулся на скромный дубовый крест с полустертой надписью: «Русский мореход Степан Гурьев». Перерыв кучу документов и литературы, в том числе церковную библиотеку, он выяснил, что перстня у Гурьева к моменту смерти почти наверняка уже не было. Кому и когда передал он свою реликвию, оставалось только догадываться.

Это был тупик, безнадежный тупик, и преодолеть его могло помочь лишь чудо. А Багдасаров в чудеса не верил. Отступить сейчас, когда до заветной цели остался лишь шаг, было вдвойне,

втройне обидно. Ромка разделял отчаяние Багдасарова, но помочь ничем, увы, не мог.

Однако история с перстнями на этом не закончилась. Развязка наступила летом следующего года. Ромке осенью предстоял уход в армию. Багдасаров с Димой Федоренко закончили практику и уехали восвояси, в маленький южный городишко. Ромка целыми днями жарился на пляже в Гидропарке, заявляясь домой только для того, чтобы переночевать. В один прекрасный день он обнаружил на зеркале в прихожей телеграмму. Она была короткой; прочитав неровно наклеенные строчки, Ромка сжался и почувствовал в груди прозрачный холодок.

«Восьмого августа открываем дорогу. Будь дома. Багдасаров».

— Восьмого августа, — пробормотал Ромка. — Август... восьмой месяц. Гм... восьмого восьмого восемьдесят восьмого — надо же, сплошные восьмерки, и день, и месяц, и год.

Ромка вздохнул, вспомнив, как уважал Багдасаров эту цифру. Все его футболки неизменно носили на спине восьмерку. Или две. И комната в общежитии была 88-я.

Ромка еще раз вздохнул и на всякий случай вспомнил, когда родился Багдасаров. Результат заставил его вздрогнуть. Восьмого августа, около полудня! Ромка, сообразив, что Славкин друг-неразлейвода Дима Федоренко всего на полтора часа старше, яростно зашипел и стал столь же яростно стаскивать рубашку. В проеме дверей появилась мать.

— Где тебя носит, несчастный? — не особо сердито осведомилась она. — Дома тебя не увидишь. Я начинаю забывать, как ты выглядишь...

Ромка чмокнул ее в щеку.

— Завтра целый день дома сидеть буду! — пообещал он и подумал, что дает обещание не только и не столько матери...

День провел он словно на иголках. Отоспавшись на пляже на месяц вперед, он проснулся рано, не пробило еще и семи часов. Уныло пожевав чего-то на кухне, Ромка забрался в самый темный и самый прохладный угол своей комнаты и попробовал почитать, но в голову ничего не лезло. Мысли вновь и вновь возвращались к Багдасарову.

Значит, он все-таки отыскал последний перстень. Гадать, как он узнал о судьбе реликвии Степана Гурьева, было, конечно же, бесполезно.

Отбросив книгу, Ромка стал бродить по квартире, мучительно ожидая вестей от Багдасарова. К десяти часам он едва не завыл от

тоски. К двенадцати стал поминутно направляться к двери и всякий раз останавливался в прихожей. К часу он жутко проголодался, видимо, от волнения, и на какое-то время отвлекся от своего тревожного ожидания.

Багдасаров позвонил только в четыре.

— Рома?

— Да!!! Наконец-то! Я чуть с ума не сошел! Ты нашел перстень Гурьева?

— Э-э-э... В общем, да.

— Где? У кого? — затараторил Ромка.

— Не будем спешить, — философски хмыкнул Багдасаров. — Мы сейчас на вокзале, ты подходи к нашей общаге через полчаса. Ладушки?

— Понял! — выдохнул Ромка. — Бегу!

С треском опустив трубку на аппарат, он бросился к выходу. С Подола до Севастопольской площади выходило поболее чем полчаса. Так что бежал Ромка не зря.

Багдасаров на вокзале отнял коротко гудящую трубку от уха, глянул на нее и проворчал:

— Беги-беги... — Он повернулся к стоящему позади Диме Федоренко. — Ну и мы пошли...

Они отмахнулись от назойливых таксистов и зашагали в сторону «Украины», к остановке девятки.

Когда они приблизились к общежитию, в глаза сразу же бросилась приплясывающая от нетерпения фигура Ромки. Увидев их, Ромка со всех ног кинулся навстречу.

— Ну? Ну, что?

Багдасаров с Димой переглянулись и одновременно захохотали.

— Может быть, здравствуй для начала?

Ромка смутился. После крепких рукопожатий все трое поднялись вверх, в 88-ю.

На столе за время их отсутствия скопился толстый слой буровой пыли. Багдасаров вытер ее газетой и водрузил на стол новенький кожаный дипломат.

— Ну что, расскажем? — спросил он у Димы. Тот утвердительно кивнул.

Багдасаров покосился в сторону окна и начал:

— Значит, так, Ромочка. Последний перстень, номер шесть, — это вовсе не перстень Степана Гурьева. Тот перстень был среди тех

двух, что попали к женеvскому лавочнику. Либо это тот, который принес ты, подарок (хотя какой, к чертям, это подарок — за деньги) твоему отцу, либо тот, что успел побывать в Болгарии. Во всяком случае, эти два перстня когда-то принадлежали Гурьеву и Марату Мурзаеву, правда, какой кому, уже вряд ли удастся узнать.

Ромка слушал раскрыв рот. Багдасаров продолжал:

— Но мы этого даже не предполагали, считая, что перстень Гурьева в Сибири. И пошли по неверному пути. На самом же деле у нас не хватало перстня Клауса Морке, который, как мы считали, давно был у нас в руках. Найти его в который раз помог случай.

Багдасаров задумчиво провел ладонью по волосам.

— Я еще подумал, не слишком ли много случаев помогало мне в поисках? Словно вел кто-то сквозь туман и неизвестность.

— Разве это плохо? — тихо спросил Ромка.

— Кто знает? — неопределенно отозвался Багдасаров после недолгой паузы.

— В общем, когда я вернулся из Киева домой, — возобновил он рассказ, — меня ждало письмо. От кого, думаешь?

— От женеvского торговца? — храбро предположил Ромка.

Багдасаров улыбнулся и покачал головой.

— Нет. От моего сослуживца — Леокса Тита. Помнишь?

Ромка кивнул.

— Так вот. Леокс теперь живет в Таллине. Работает в порту. Этой весной он заметил на шее одного иностранного моряка цепочку, а на цепочке...

— Перстень! — догадался Ромка.

— Два перстня, — поправил Багдасаров. — Целых два!

— Как два? — опешил Ромка. — Их же семь! А получается уже восемь!

И подумал: «Снова восемь! Магическое число!»

— Вот и я также удивился. Леокс познакомился с моряком. Его зовут Эрвин Гийс. А девичья фамилия его бабки, — Багдасаров сделал паузу, — Морке.

— Морке, — выдохнул Ромка. И повторил: — Морке.

— Да, Морке. Он служит матросом на судне, которое ходит по маршруту Антверпен — Таллин. Поэтому он часто бывает в Таллине.

— И ты помчался в Таллин, в Эстонию?

— А что оставалось делать? Мы с Димой собрались и живо уехали. Четыре дня назад Гийс, вместе со своим судном, разумеется, пришвартовался в Таллине. Мы за него взялись. Леокс еще

раньше пытался уговорить его обменять или продать перстни. Но тот неожиданно уперся, заявив, что если и продаст когда-нибудь, то только человеку, собирающему их. Я его все же уломал, хотя он упирался донельзя.

Тут-то и началось самое интересное. Перстни Гийса значились под номерами шесть и два. Я поинтересовался: откуда они? Тот ответил, что это семейная реликвия, передающаяся по наследству, — стандартный расклад, значит, правда. Истории перстней Гийс не знал, но догадывался, что их несколько штук. У него возникла смутная идея сделать себе целое ожерелье. Гийс в первые часы даже пытался склонить меня к продаже моих перстней. Боже, как я с ним намучился, пока уболтал!

В общем, теперь у меня было восемь перстней, среди них два вторых. Я обратился к одному старому искушенному ювелиру, и оказалось, что... — Багдасаров вдруг замолчал.

— Что? — не выдержал Ромка.

— Что перстень Яна Вылчека, присланный мне из Польши, — поддельный.

Ромка ошарашенно фыркнул, всем своим видом показывая: «Вот это да!»

— Да, подделка. И подделка настолько искусная, что внешне их практически не отличить, все подогнано до микрона. А различаются они вот чем: настоящие перстни изготовлены из сложнейшего сплава, который и в наше-то время получить непросто, а тогда и вовсе невозможно...

— Когда — тогда? — перебил Ромка.

— В середине восемнадцатого века. Когда сработали поддельный перстень, — ответил Багдасаров. — Видишь ли, он изготовлен знаменитым ювелиром-фальшивомонетчиком Уильямом Кроу, настолько искусным, что вскоре подделанные им драгоценности стали цениться не дешевле, чем настоящие, чем оригиналы. Так что этот перстень тоже солидная редкость.

— А поляки тебе его так, за здорово живешь, отослали? — ухмыльнулся Ромка.

— Выходит так, — пожал плечами Багдасаров. — Но вернемся к нашим баранам... Так вот, в сплаве поддельного перстня начисто отсутствует иридий, в настоящих же перстнях и металле оправы замка иридия довольно много. И камень: в настоящих перстнях, ну и замке, конечно, какой-то необычный минерал со странной кристаллической структурой, редкими примесями и анизотроп-

ными свойствами. В подделке — самый заурядный александрит, правда, до неправдоподобия похожий на этот самый минерал.

— Вот она, подделка. — Багдасаров протянул Ромке перстень, на первый взгляд ничем не отличающийся от остальных. — И вновь нам остается только гадать, кому и зачем понадобилось подделывать такой перстень.

— Чем дальше заходит эта история, тем больше в ней темных мест, — заметил до сих пор упорно молчавший Дима. Ромка никогда не понимал, говорит ли он серьезно или шутит. Не понял и в этот раз.

Багдасаров тем временем открыл дипломат и поставил на стол завернутый в хрустящий целлофан замок и коробку с перстнями. Теперь все семь ее ячеек были заняты.

Освободив замок от упаковки, Слава сказал:

— Пожалуй, самое время вставить ключ в замок...

Они неторопливо соединили перстни в нужном порядке. Толстая составная трубка, в которую превратились семь перстней, приятно утяжеляла руку. Все трое по очереди подержали ее в ладонях. Потом Багдасаров перевернул ее камнями вниз и решительно вставил в замок.

Трубка уверенно встала на место, тихо шелкнув.

Минута тянулась за минутой, в комнате повисло напряженное молчание. Они ждали, но ничего не происходило.

Наконец Ромка не выдержал:

— Где же дорога?

Его вопрос прозвучал на удивление жалобно.

— Я ничего не вижу...

Багдасаров внимательно взглянул на Ромку и отрешенно прошептал:

— Дорогу не обязательно видеть. По ней нужно просто идти. Где-то я это читал...

Шаг к столу они сделали одновременно, к столу, где покоился вставленный в замок ключ.

— Откуда я знаю? — сердито сказал Багдасаров, словно огрызнулся. — Не сработала, и все.

Ромка требовательно таращился на него и отставать не собирался. Перстни уже рассовали по ячейкам, замок, завернутый в замшу и целлофан, остался в центре пыльного стола.

— Может, мы не учли чего-нибудь. Не выполнили некое условие. Или, наоборот, сделали что-нибудь лишнее. Или выбрали неудачное время. Да мало ли? Что мы в сущности знаем? Почти ничего — собери ключ и вставь в замок. А вдруг это нужно делать лишь в полночь с четверга на пятницу, убив предварительно летучую мышь и сориентировав замок по компасу? Да чтобы в радиусе десяти метров не было ничего железного? А?

— Ерунда, — отрезал Дима.

Ромку распирали досада.

— Ерунда, конечно, — уныло согласился Багдасаров. — Но ведь не сработала эта штуковина!

Федоренко поморщился.

— Погоди, Слава, не пыли. Во-первых, с чего ты взял, что не сработала? Вдруг это мы, олухи, попросту ничего не рассмотрели? Думал над этим?

Багдасаров сел на диван.

— Иносказание? — неуверенно предположил он.

— Необязательно, хотя и не исключено.

— А что еще? Не отпирайся, старший, я вижу, что у тебя есть теория.

Багдасаров оттаял и вновь превратился в прежнего Багдасарова — пытливого, цепкого, расчетливого и спокойного. Ромке, как всегда, досталась роль слушателя.

Дима помедлил, словно взвешивал в последний раз свои мысли и доводы.

— Ты не задумывался, почему практически все восточные философские системы так или иначе называются «Путь»? Путь длинного кулака, путь дракона, звенящий путь? Даже каратэ — это «Путь пустой руки», а не просто «пустая рука», как все привыкли переводить. Каратэ-до!

— Своеобразный метод самоуглубления? — вдумался Багдасаров, подхватив мысль и развивая ее. — А что? Сколько мы документов переворошили, сколько информации впитали и перелопатили... Это ведь тоже способ самосовершенствования, путь к себе, грубо говоря. Хм... забавно!

— Другой вариант, — продолжил Дима. — Экзамен. Дорога открывается только со второго раза. Или с третьего. Цель — проверить, насколько ты в ней нуждаешься. Если один раз попробовал и охладел от неудачи — гуляй, такие не требуются. А если ищешь, пробуешь снова и снова...

— Да ты просто кладезь мудрости, — усмехнулся Багдасаров. — Только у тебя чересчур уж... астральный подход.

— Предложи материальный, — парировал Дима.

— Я уже предлагал: невыполнение какого-либо условия-фактора.

Дима покивал.

— Знаешь, — досадливо сказал Багдасаров, — поспешили мы с тобой в Киев. Зря не стали копаться в дневниках Филиппа-ключника. Откуда у него такое странное прозвище?

Федоренко пожал плечами:

— Еще не поздно!

Багдасаров вздохнул и глянул на Ромку.

— Вот так-то, Ромочка!

Улыбка его была азартной и чуть-чуть грустной. Ромка улыбнулся в ответ.

— Знаете, ребята... Мне кажется, вы уже давным-давно в дороге. Один я на обочине застрял. Возьмите меня с собой, а?

— То есть? — не понял Дима.

— Можно с вами в архив? Ни разу ведь не был. Авось, помогу что-нибудь раскопать.

— Эк хватил! — покачал головой Славик и обратился к Диме: — Ну что, берем его?

— Но учти, — честно предупредил Федоренко, — архив Филиппа в Ярославле, а куда нас потом занесет...

— Ну и ладно, — не смутился Ромка. — Дорога есть дорога!

— Вот и отлично.

Багдасаров любовно уложил футляр с перстнями и замок в дипломат и направился к выходу. Только теперь Ромка вдруг увидел на внутренней стороне двери полустертую надпись. «Via est vita» — гласила она. — «Дорога — это жизнь».

И Ромка понял, что согласен.

Июнь 1987 г.

Багир

САДОВАЯ, 7

-Следующая — Садовая, — невнятно объявил водитель, и Саня стал неторопливо пробираться к выходу. Автобус, утробно урча, катил по шершавому асфальту. За окном мелькали дома и деревья.

Он вышел на остановке и свернул за угол.

— Садовая, 11, — шевеля губами прочел он.

Ему нужна была Садовая, 5. Сообразив, в какую сторону идти, Саня, посвистывая, зашагал по тротуару. Движения по улице почти не было, хотя дорога широченная, да и люди встречались редко. Саня долго брел мимо длинного невысокого забора, за которым угадывался старый безжизненный стадион. Потом без какого-либо намека на щель или проход сразу начался дом. На дальнем углу виднелась квадратная белая табличка: «Садовая, 7», рядом распахнулись пыльные зеленые ворота — очевидно, вход во двор.

Саня лениво скользнул по номеру дома взглядом и почти сразу увидел на асфальте под ногами ключи. Их было три, на блестящем серебристом кольце; ни цепочки, ни брелка — только сами ключи, хотя обычно все стремятся повесить с ключами что-нибудь эдакое.

Саня остановился. Прохожих вблизи не наблюдалось. Он подобрал ключи и еще раз огляделся. Обычно в таких случаях находят кладут на какое-нибудь видное место.

— Ага! — нашелся Саня. На уровне груди вдоль стены дома тянулся узенький, в ладонь, карниз. Здесь, прямо под табличкой «Садовая, 7», ключи наверняка заметят — если будут искать, конечно.

Саня шагнул к дому, уже поднимая руку с ключами. И тут же столкнулся нос к носу с невесть откуда вынырнувшим парнем лет двадцати.

— Гм, — удивился Саня, невольно попятившись. Парень, увидев Саню, притормозил и теперь стоял между ним и стеной дома.

От ворот во двор их отделяло метров семь, не меньше. Так быстро преодолеть их было невозможно. Он либо выпрыгнул из окна, либо возник из ничего прямо на месте.

Чудеса продолжались — рядом с парнем появилась девушка. Появилась в движении, словно прошла сквозь стену дома. При виде Сани она недовольно поморщилась и взяла своего компаньона за руку. Тот мельком глянул на нее и опять уставился на Саню.

Саня молчал. Он как-то не привык, чтобы перед глазами неведомо откуда возникали люди. Потом сама собой вырвалась фраза:

— Вы что-то ищете?

Незнакомец обрадовался.

— Да! Я, кажется, потерял ключи.

Саня смутился — он ожидал, что они ищут некое место — дом или, скажем, учреждение по вполне определенному адресу, и наконец сообразил, что ключи зажаты у него в правой руке.

— Эти?

— Эти! — еще больше обрадовался незнакомец. — Вот спасибо!

Он аккуратно взял ключи у Сани с ладони и пробормотал казенным до невозможности голосом:

— До свидания! Извините за беспокойство...

Пара развернулась и разом шагнула к стене дома. На втором шаге они исчезли, при этом девушка, обернувшись, помахала Сانه рукой. Вновь возникло впечатление, будто они прошли сквозь стену.

Приблизившись к табличке «Садовая, 7», Саня осторожно протянул руку к стене.

Стены не было! Рука свободно прошла сквозь видимое препятствие, не встретив никакого сопротивления. Саня дернулся назад, с сомнением оглядывая руку. Рука как рука, никаких следов пребывания в стене.

Он решил и храбро шагнул вперед. Рефлексы сработали безотказно: локоть тотчас поднялся, готовый встретить преграду, но ничего не встретил. Вместо того чтобы плашмя прикинуться к стене дома, Саня свободно прошел сквозь нее — стена осталась теперь за спиной. Он готов был поклясться, что шагнул прямо!

Перед ним расстелилась все та же Садовая улица. Саня озадаченно хмыкнул и обернулся к стенке. Опять протянул руку и вновь не встретил преграды. Тогда он слегка наклонился вперед. В момент, когда он уже приготовится упереться лбом в шероховатый камень, настала темнота на короткий неуловимый миг, а после пе-

ред глазами распахнулась Садовая улица. Саня машинально остановился. Со стороны зрелище выглядело на редкость забавно — Санина голова торчала прямо из стены! Чисто тебе «Deep Purple in Rock»!

Значит, за этой псевдостеной тоже Садовая улица... Подмигнув красному «москвичу», припаркованному на противоположной стороне, Саня подался назад и оглянулся. Здесь все было так же, только «москвича» не оказалось.

Некоторое время Саня нерешительно поглядывал по сторонам. Параллельные миры, конечно, и все такое. Невнятно и неубедительно... Поскольку он пришел с той стороны, донельзя интересно поглядеть, что же с этой? И в то же время страшновато: а вдруг ход закроется и назад уже не попадешь?

Протянув руку и убедившись, что ход на месте, Саня наконец решился. Стараясь ступать тверже и дышать не так часто, он направился вдоль по тротуару. Эта улица ничем не отличалась от той, откуда он пришел. Сколько ни искал Саня расхождений, ничего не обнаружил. Так потихоньку он дошел до угла и вот тут ошарашенно остановился.

За углом полагалось быть улице Скороходова. Ничего похожего на нее здесь не наблюдалось: открывшуюся глазу поперечную улицу Саня никогда прежде не видел. Машинально свернув на нее, он прошел несколько шагов и, задрвав голову, прочитал на указателе: «Садовая, 24».

— Вот те на! — растерялся Саня. — Еще одна Садовая?

Рядом виднелась аккуратная надпись мелом «В Москву туда». Нарисованная стрелка указывала — куда.

Саня заинтригованно посмотрел в ту сторону — улица пересекалась еще двумя и в конце концов упиралась в приземистый двухэтажный дом.

Саня быстро зашагал вперед и вскоре достиг следующего перекрестка. Новая улица тоже оказалась совершенно чужой. И как ни странно, это тоже была Садовая. Более того. То же название носила и следующая улица, параллельная той, что вела «В Москву». Саня прошел еще квартал и вышел, как ожидал, на «свою» Садовую, хорошо знакомую, только еще перед стадионом. Дом номер семь теперь остался справа в минуте ходьбы.

Подумав, Саня двинулся по своей Садовой в противоположную сторону, удаляясь от хода. Улица ничем не отличалась от той, к которой привык Саня, только все пересекающие ее были совсем незнакомыми и назывались одинаково — Садовыми...

Так Саня добрался до конца своей Садовой — до бывшего адмиралтейства, стоящего чуть наискосок. Отсюда начиналась еще одна Садовая — и эта что-то напомнила Сане. Пройдя по ней всего несколько шагов и увидев вывеску «Сделай сам», первую из многих, Саня узнал эту улицу.

Точно такая же была в Одессе — и называлась она действительно Садовой. Только здесь вместо Дерibasовской она стыковалась с Садовой улицей города Николаева.

Саня начал кое-что понимать. Похоже, этот город состоял только из Садовых улиц, собранных из разных городов и каким-то непостижимым образом скомпонованных в одно целое.

Он остановился. Было отчего почесать голову.

До сих пор Саня не встретил здесь ни единой живой души, и тут из дома чуть впереди, где находился фотосалон в стиле ретро, кто-то вышел. Саня окликнул человека и бегом кинулся к нему. Приблизившись, отметил две детали: там, где тот появился, никакой двери не было, а на стене зато висела табличка: «Садовая, 7».

Саня поздоровался с незнакомцем — мужчиной лет пятидесяти. Тот с прищуром оглядел Саню, оценивая так, а вместо приветствия задал вопрос:

— Первый раз здесь?

Саня кивнул. Мужчина вдруг сразу подобрел и улыбнулся — совсем по-детски, лукаво и беззащитно.

— Ну, здравствуй. Можешь звать меня дядей Васей. А ты кто?

— Я? Саня, — ответил Саня нерешительно.

— Сколько же тебе лет?

— Четырнадцать... — На всякий случай Саня накинул год.

— И откуда, из какого города?

— Из Николаева.

— Ясно, — вздохнул дядя Вася. — Ну что, понял уже, где оказался?

— Не совсем, — мотнул головой Саня. — Тут все улицы почему-то Садовые!

— Правильно, — кивнул дядя Вася. — Это Город Садовых Улиц. Он есть и в то же время его как бы нигде на Земле нет. Не спрашивай почему, это трудно понять. Это даже и не нужно понимать, надо просто принять и запомнить. В каждом городе — или почти в каждом — есть улица Садовая. Или переулок Садовый. Или Садовый спуск, или проезд, или еще что-нибудь. Так вот, все эти улицы, проезды и спуски как-то связаны между собой. Как — я не

знаю. Результат этой связи — вот этот самый город. В каждом обычном городе есть выход сюда, один-единственный, запомни хорошенько, это — Садовая, 7. Вход и выход одновременно. В любом городе, точно под табличкой «Садовая, 7» можешь смело идти — и попадешь в этот Город. И наоборот, на любой улице Города шагай опять же под табличку «Садовая, 7» и попадешь в настоящий город, которому принадлежит эта улица. Только под табличкой «Садовая, 7», и нигде больше. Запомнил?

— А если на улице Садовой только шесть домов? Или даже меньше? Как тогда?

Дядя Вася улыбнулся.

— Сначала мы думали, что попасть туда невозможно. Но потом один мечтатель из Киева, где Садовая заканчивается на пятом номере, нарисовал прямо на стене дом с табличкой «Садовая, 7». Мелом. И, представь, ход заработал! Правда, приходится часто обновлять рисунок. Стирается. Да и дожди смывают.

Саня кивнул.

— И еще одно. Любому новичку, всем, кто здесь впервые, ты должен рассказать все это. Как я тебе. Запомнил? Ну, до свидания. — Дядя Вася повернулся, чтобы идти.

— Пойдите! — окликнул его Саня. — Я не понял одного — что со всем этим делать?

— Как что? Путешествуй! Из города в город. Без затрат времени. Это же здорово — из города в город, когда захочешь! — Мужчина остановился, внимательно глядя на Саню. — Мы все здесь бродяги, другие сюда просто не попадают. Тебя это быстро захватит. Целиком. И навечно.

И ушел.

Саня потоптался еще немного и тоже двинулся дальше. Свернув на очередную Садовую, он недоуменно отпрянул: на одесской улице сияло солнце в голубом до умопомрачения небе, а здесь, за невидимой границей, низко нависли темные свинцовые тучи и вовсю хлестал веселый летний ливень.

Саня покачал головой. Наверное, в том городе, откуда эта улица, тоже ненастье.

— Чудеса! — прошептал Саня. Слова утонули в шелесте дождя.

Побродив по городу с полчаса, Саня без всякой задней мысли наткнулся на указатель «Садовая, 7». До сих пор он как-то не задумывался всерьез о возможности попасть в любой город, где есть Садовая. А теперь вспомнил, что седьмой номер — это вход. И выход. Точно под табличкой.

Сунув для храбрости руки в карманы, он, не без внутренней опаски наткнувшись на стену, шагнул под белую табличку.

И оказался точно на такой же улице, только спиной к дому. Мимо изредка проезжали машины, проходили люди. Его появления, похоже, никто не заметил.

«Что это за город, интересно? — подумал Саня. — И спрашивать неудобно, за сумасшедшего примут...»

Он оглянулся, запоминая место, и двинулся в путь.

По характеру Саня и впрямь был натуральным бродягой. На месте ему, как правило, не сиделось, каникулы он проводил вдали от дома, иногда путешествуя с отцом, таким же непоседой, иногда с братом, иной раз — с друзьями. Родители привыкли к частым отлучкам, и Саня колесил по городам, особенно предпочитая пешие походы по незнакомым улицам. Горожанин до мозга костей, он искренне считал, что даже в чужом городе заблудиться невозможно, и действительно всегда находил дорогу, ведомый каким-то непонятным инстинктом. В свои четырнадцать лет видел он еще не особенно много, но десятка полтора-два городов успел объехать и более или менее освоиться в них. Поэтому теперь, когда он на деле проверил чудесные свойства Города, Саня понял, как несказанно ему повезло. Отныне он сможет бродить по любым городам в любое время, а не только в каникулы, и для этого совершенно не обязательно куда-то ездить. Город развязывал ему руки и давал неслыханную свободу.

Все это Саня осознал в ближайшие два часа, хотя до конца поверить долго не мог. Первый его город, место пробного путешествия, оказался Новой Каховкой. Побродив по незнакомым улицам, Саня получил море удовольствия — так уж он был устроен.

А потом он вернулся на Садовую и проник в Город Садовых Улиц. Пришло время возвращаться домой, в Николаев.

На следующий день, едва досидев до конца шестого урока, Саня кинулся на Садовую. Вчерашнее казалось либо сном, либо бредом, но ход под указателем «Садовая, 7» послушно пропустил его в Город. И вновь он выбрал незнакомую улицу, и вновь остаток дня бродил, на этот раз по Пензе, и вернулся только под вечер. На третий день он взял с собой брата, и вдвоем они побывали в Волгограде. Там была не улица Садовая, а станция. Почему станция, они не стали разбираться: ход на автобусной остановке под цифрой 7 работал не хуже, чем другие.

На восьмой день Саня встретил пару, из-за которой все началось. Обычно Город пустовал, люди не попадались навстречу, он служил чем-то вроде пересадочной станции — из города в город. Реальными здесь были только улицы: дороги и тротуары, а дома — одной лишь видимостью, попасть в них было невозможно. Встречи на улицах Города оставались редкостью, и Саня обрадовался возможности пополнить запас знаний и впечатлений.

Парень с девушкой Саню узнали и заулыбались.

— Значит, пошел-таки за нами? — сказал парень. — Я так и думал. Ну, давай знакомиться. Меня зовут Олег, а это Вика. Мы из Питера.

— А я из Николаева. Саней зовут...

— Тебе уже рассказали обо всем?

— Да, только я не все понял. А вы давно знаете о Городе?

Олег с Викторией переглянулись.

— Года четыре, а что?

— У меня уйма вопросов возникла... Например, сколько здесь улиц?

— Не знаю, — пожал плечами Олег. — Но Город большой, даже очень большой.

— А что находится за его пределами?

— По-моему, ничего. Понимаешь, как все хитро устроено — Город почти круглый по форме. И окружает его московское Садовое кольцо. Выйти за его пределы уже нельзя: все, что за ним, — такая же нереальная штука, как, например, дома. Видеть видишь, а внутрь не попадешь. Как на стену натыкаешься.

Говорили они на ходу, переходя с одной Садовой на другую. Саня поперхнулся на очередном вопросе, увидев над магазином вывеску, написанную латинским шрифтом. Улица, по которой они шли в этот момент, называлась Ogradowa.

Видя недоумение спутника, Олег объяснил:

— Не то чехи, не то поляки. У них ведь тоже есть Садовые. Да и не только у них! В той стороне, — он махнул рукой на одну из поперечных улиц, — я на Garden street наткнулся... По-моему, это англичане.

— Занятно тут у вас! — вздохнул Саня.

Потом питерцы ушли, а Саня поспешил домой: день уже клонился к вечеру.

Постепенно он привык к Городу, хотя предутренняя тьма на улицах дальневосточных городов и одновременный закат на европейских еще долго рождали в нем какой-то смутный восторг. И еще

он часто вспоминал слова пожилого одессита — первого человека, встреченного им в городе: «Это захватит тебя целиком. Навечно».

Это и правда захватило Саню целиком. Но не навечно.

В один из дней, освободившись, Саня, как всегда, поспешил на Садовую. Людей сегодня на улицах было почему-то больше обычного, и он с неудовольствием подумал, что придется выждать у входа, пока никого не окажется вблизи и в Город можно будет проникнуть незаметно.

Еще издали он увидел, что прямо у входа в Город двое мужчин в грязных спецовках возятся на приставной лестнице, что-то делая с лестницей.

Саня подошел поближе.

Они прилаживали к дому табличку со словами «ул. Агве Котоко, 7».

Саня остолбенел.

— Что это? — недоуменно спросил он. — Какой еще Котоко? Это же Садовая!

Один из рабочих ухмыльнулся:

— Была Садовая! Переименовали, значить! Теперь этого самого Котоко улица.

— Зачем переименовали? — разозлился Саня. — Кто он, этот Котоко? Так нельзя! Это Садовая!

Рабочий назидательно поднял палец:

— Раз переименовали — значить надо! Ишь ты — зачем! А зачем Набережные Челны два раза переименовывали? Положено, значить!

Рабочие спустились и, взвалив лестницу на плечи, двинулись к следующему дому.

Саня тупо смотрел на новенькую табличку. Улица Агве Котоко, 7.

«Все, — горько подумал он. — Конец всему. Станет в Городе на улицу меньше...»

Он повернулся, чтобы уйти.

«А может, не станет? Может, не в названии дело, а в улице?»

Пытаясь убедить себя, что это по-прежнему Садовая, он топорливо шагнул под табличку, не зная еще, что его встретит — распахнутый вход или холодный камень стены.

ЖЕСТЫ

Роже и сам не понимал, как его занесло на корриду. Ничего привлекательного в том, что несколько человек в ярких костюмах издеваются над бестолковыми быками, он не видел. Но в июльскую жару в крохотном испанском городке Сагаста, что в часе езды от Барселоны, податься было совершенно некуда, и Роже, бросив автомобиль на единственной стоянке, забрел на небольшую пустошь, окруженную неровным кольцом повозок. Оказалось, что в данный момент это никакая не пустошь, а пласа дель торо. На повозках теснился народ, в большинстве своем оборванцы со всей округи; впрочем, были и прилично одетые испанцы; в стороне под кричаще ярким навесом сидели даже какие-то дельцы. Здесь не носили костюмы и галстуки — слишком жарко, — но эти вели себя так, словно были облачены именно в костюмы. Они дружно ругали жару и не выпускали из рук банки с кока-колой. Внутри кольца нескладный щуплый паренек размахивал мулетой, пытаясь подостоверней изобразить традиционные вероники, полувероники, чикуюлины и натуралии. Получалось не шибко. Большой черный бык — торо — вяло его атаковал. Зрители свистели и кричали, подбадривая не то тореро, не то быка.

Роже взял себе колы и устроился рядом с дельцами. В промежутках между проклятиями в адрес погоды они обменивались впечатлениями и тыкали в суетящегося на арене новильеро пальцами.

Роже был туристом. Отпуск он проводил каждый год одинаково: садился за руль и колесил по Европе. Францию успел объехать вдоль и поперек еще в юношеском возрасте. Потом бывал в Бельгии, Голландии, Германии, Дании... В этом году подался на юг, в Испанию. Тяга к перемене мест гнала его вперед, дольше чем на сутки Роже нигде не задерживался. Приехав в новый город, он

обычно ставил машину где-нибудь в центре, а сам отправлялся бродить пешком. Так произошло и на этот раз.

На арене тем временем сменились несколько матадоров. Один даже ухитрился заколоть своего быка, и того с большим трудом уволокли за пределы круга несколько дюжих зрителей. Роже откровенно скучал, потягивая колу. Третьесортное зрелище совершенно не впечатляло. Он больше вертел головой и разглядывал зрителей, чем смотрел на поединок. Поэтому вздох толпы и наступившая затем тишина заставили его вздрогнуть и впиться глазами в центр арены.

Видимо, новичок-матадор допустил какую-то роковую ошибку: бык сбил его с ног. Человек лежал на спине и обреченно смотрел на разъяренное животное, готовое броситься на него.

В толпе закричала женщина, пронзительно и громко. Роже уже решил, что лежащему каюк, когда на арену выскочил серенький неприметный человечек и принялся колотить быка кулаками в крутой черный бок. Торо повернулся к новому противнику, глухо хрюкая — Роже и не подозревал, что быки способны издавать такие забавные звуки.

А человечку, похоже, этого и хотелось. Роже видел все очень здорово — человечек стоял к нему лицом и чуть правым боком, бык — задом и чуть левым. Казалось, еще мгновение — и бык сметет смельчака, он уже подался вперед, начиная атаку, как вдруг человечек сделал быстрое округлое движение рукой, держа ее ладонью вперед. Бык замер, несколько даже удивленно. Новый пасс — и бык расслабился. Опал воинственно вздернутый хвост, обмякли тугие бугры мускулов. Теперь торо просто стоял, глядя на человечка преданно и тупо, это можно было понять, даже видя быка сзади.

Поверженный новильеро приподнялся на локтях, еще не веря в спасение. Человечек тем временем сделал быку «козу», совсем как поклонник хэви метал на концерте: указательный палец и мизинец вытянуты, остальные сжаты. Бык заворуженно уставился на руку. Некоторое время они не двигались; потом человечек начал вращать руку, медленно заваливая «козу» вправо. Голова быка вторила его движению, наклоняясь в ту же сторону. И вдруг бык грузно и беспомощно опрокинулся набок, словно какой-нибудь неживой предмет.

Над площадью царил мертвая тишина. Потом как-то враз все пришло в движение: несколько человек бросились ко все еще ле-

жашему тореро; зрители загалдели, подавшись вперед. Кто-то подошел к быку, вскоре его окружила целая толпа. Дельцы, забыв о кока-коле, возбужденно переговаривались и в конце концов тоже кинулись на арену. В минуту от тишины не осталось и следа, импровизированная пласа дель торо забурлила, как вода в чайнике. Роже, пожалуй, был единственным, кто не сдвинулся с места. В этой суматохе человечку, уложившему быка на желтый песок, нетрудно было скрыться, чем он и воспользовался. Во всяком случае, когда его попытались разыскивать, выяснилось, что никто не успел заметить, куда он делся.

Сумятица на площади затянулась, и Роже она скоро надоела. Он соскочил с повозки, на которой сидел все это время, швырнул пустую банку из-под колы под колеса и зашагал прочь.

Побродив еще часок и поглазев на приземистые местные домишки, Роже решил двигаться дальше, к Барселоне, соображая, что неплохо было бы предварительно перекусить. Спустившись в первый встречный подвальчик-бистро, он заказал дородному хозяину чего-нибудь посьедобнее и огляделся в поисках укромного места. Единственный посетитель сидел в углу, вяло ковыряясь двухзубой вилкой в тарелке. Роже прошел к нему и сел напротив, потому что обедать в одиночку не хотелось.

Человек вздрогнул и недоверчиво посмотрел на Роже. Это был тот самый неприметный ловкач, который час назад уложил разъяренного бойцового быка на арену, словно котенка. Роже его сразу узнал и обрадованно вскинул брови. Он немного соображал по-испански и забормотал что-то восхищенное. Человечек пристально всмотрелся в Роже и хрипло осведомился:

— Француз?

Он не ошибся. Роже обрадовался возможности поговорить на родном языке. По-французски человек говорил совершенно свободно и без акцента, словно коренной парижанин, но чувствовалось, что это не его родной язык. Вообще он выглядел как испанец — по одежде, но черты лица выдавали его принадлежность к среднеевропейским народам. Он был не смуглым, как южане, а просто сильно загорелым. Имя «Дьюла» ничего не прояснило, да и вряд ли оно было настоящим.

Пришел хозяин с заказом. Роже, заметив, что обед Дьюлы более чем скромнен, заказал еще один для него и вдобавок бутылочку старого «Херес де ла Фронтера». Хозяин понимающе улыб-

нулся и исчез, вернувшись со всем необходимым буквально через минуту.

Вино скрасило обстановку, и Дьюла перестал казаться таким чужим. Похоже, он ничего не имел против разговора.

Роже, не переставая жевать, заметил:

— Я вообще-то ничего не смыслю в корриде, но быка вы уложили очень здорово!

Незнакомец усмехнулся:

— Честно говоря, я смыслю в корриде не больше вашего.

Роже изумился — он-то был уверен, что Дьюла применил какие-то профессиональные матадорские секреты. Видя его удивление, Дьюла пояснил:

— Я впервые в жизни в Испании. Всего второй день. И впервые в жизни увидел человека с красной тряпицей перед быком.

Он даже не знал слова «мулета».

— Тогда я вообще ничего не понимаю.

Дьюла пристально взглянул Роже в глаза.

— Просто я немного знаю повадки некоторых животных.

— А-а! Вы биолог? — протянул Роже понимающе.

— Отнюдь! — усмехнулся Дьюла. — Образования у меня никакого.

— Тогда вы наверняка охотник. Хотя я не представляю, где в Европе можно поохотиться так, что удастся изучить повадки животных.

Дьюла посмотрел на Роже еще пристальнее.

— Вы правы. В Европе охотиться негде.

Он помолчал.

— Послушайте... У вас есть машина?

Роже кивнул.

— И куда вы... направляетесь?

Роже пожал плечами:

— Скорее всего — на юг.

— А в Барселону? Не отвезете меня в Барселону?

— Могу и в Барселону, — согласился Роже. — Прямо сейчас?

Незнакомец часто-часто закивал.

— Тогда доедаем — и вперед! Идет? — спросил Роже весело.

Дьюла замялся.

— Машина ваша далеко?

— На стоянке. — Роже прикинул. — Минут десять пешком. А что?

Дьюла раздельно произнес:

— Видите ли... Я предпочел бы не показываться на улице. Заедьте сюда, а? Я был бы очень благодарен.

— Хорошо, — пожал плечами Роже. — Тогда я пошел.

Он расплатился и вышел; незнакомец остался допивать херес. Уже на улице Роже сообразил: сидит он так, что снаружи его никак не разглядеть.

Вернулся Роже быстро. Быстрее, чем ожидал. Незнакомец все так же сидел за столиком.

— Машина здесь! — сообщил Роже по-прежнему весело.

Дьюла заметно оживился: вскочил, прокрался к выходу. Потом осторожно выглянул. Улица была пустынна. Роже с удивлением воззрился на него.

— Вы кого-нибудь боитесь?

Незнакомец не ответил.

Роже открыл дверцу и сел за руль, кивнув все еще топчущемуся в дверях Дьюле:

— Ну! Никого нет.

Дьюла опротясь нырнул на заднее сиденье и улегся так, чтобы его не было видно. Роже рванул с места; шины истошно завизжали. Гнал он быстро и часто сворачивал. «Детектив, так уж тогда по всем правилам!» — подумал он с подъемом. Вообще-то Роже всегда был немного авантюристом.

Дьюла лежал тихо; Роже, чтобы себя подбодрить, принялся насвистывать что-то вдохновляюще-маршевое.

На самом выезде из города невысокий человек у темно-синего «ситроена» умоляюще замахал рукой.

— Какой-то человек голосует, — предупредил Роже Дьюлу. Тот выглянул и тотчас же спрятался.

— Господи! Это они! Они...

Роже смутился. Человек был совсем не страшный. Наверняка заглох двигатель, а справиться сам не может.

Дьюла зашептал:

— Остановите, но выходить не надо. И дверь не открывайте. Он наверняка просунет голову в окно, ради всего святого, держите тогда его покрепче, а там уж я...

Роже притормозил, с удивлением узнав в ждущем человеке одного из дельцов, виденных на корриде.

Все произошло так, как предвидел Дьюла. Человек просунул голову в окошко; Роже тут же схватил его за уши. Дьюла мгновенно

но возник из-за спинки кресла; краем глаза Роже узрел, что он сделал ловкое неуловимое движение рукой, и человек сразу обмяк. Дьюла вытолкнул его наружу, Роже несколько ошарашенно отметил, что человек повалился на асфальт в лучших традициях мешков с картошкой, а Дьюла уже шептал: «Жми!»

Роже машинально дал газу, и скоро человек и его «ситроен» остались далеко позади.

Детектив, похоже, получался вполне настоящим. Роже стал опасаться, что зря впутался в эту историю. Дьюла сопел за спиной. Перед глазами по очереди вставали то арена с лежащим быком, то человек, упавший поперек дороги. Роже нервно рулил, поглядывая в зеркальце.

— Кажется, улизнули, — выдохнул Дьюла.

— А кто это был? — осторожно поинтересовался Роже.

Дьюла пожал плечами:

— Черт их знает! Какая-то спецслужба, скорее всего американская.

Роже тихо выругался. «Влип!»

— Послушайте, — сказал он Дьюле. — Я еще могу понять, что охотник умиряет быка. Но на людей-то вы, наверное, не охотились?

Дьюла молчал.

— Могу я знать, черт побери, ради чего рискую?

Сопение сзади усилилось. Наконец Дьюла произнес:

— Видите ли... История может показаться странной. Впрочем, судите сами. Дело в том, что я умею жестами воздействовать на психику живых организмов. И из-за этого пустяка на меня устроили настоящую охоту.

— Как это жестами? — не понял Роже.

— Вы же видели, — указал Дьюла назад, и перед глазами вновь возник человек, безжизненно валяющийся поперек дороги, — жестами рук.

— Разве это возможно?

— Вы же видели, — повторил Дьюла.

— А что, больше никто этого не умеет?

— Вообще-то умеет... Это очень сложное искусство. Овладеть им возможно только за десять—пятнадцать лет путем непростых тренировок. Да и то далеко не у каждого получится. Я долгое время провел в Африке. Удивительный край! Вряд ли белые когда-нибудь поймут его хоть немного. — Дьюла усмехнулся. — В цент-

ральных странах, в самом сердце джунглей, есть одно племя, почти первобытное. Эти люди очень много знают о животных. Неудивительно — живут ведь бок о бок сотни лет. Они-то и поняли, что на них можно влиять жестами.

Дьюла ненадолго умолк, видимо, погрузившись в воспоминания.

— Помню, как увидел это впервые. Представляете себе рассерженного слона? Громадина, уши растопырены, бивни вперед, а слоны бивнями, между прочим, стальные листы коречат. И скорость километров сорок по бездорожью. А на пути у него — человек. Без ружья, даже без копья или топорика. И вдруг: легкое движение руки, вся эта громадина мигом успокаивается и мирно удаляется. Так-то. А позже я и сам стал этому учиться.

Роже пытливо поглядывал через плечо на спутника.

— Вообще Африка — воистину загадочный континент. Вы слышали хоть что-нибудь о суданских чародеях? Они умеют поднимать на ноги мертвых...

— Погодите с чародеями, — пробормотал Роже и дернул головой в сторону Сагасты. — Что знают о вас те молодчики?

— Приблизительно то же. Их это страшно заинтересовало. Впрочем, неудивительно...

— Как они это объясняют?

— Подозреваю, что никак. Назвали — кинетическим гипнозом. А объяснить, наверно, не могут. Потому и ловят, — подытожил Дьюла.

— Кинетический гипноз? Гм... первый раз слышу. — Роже побарабанил пальцами по рулю. Некоторое время они молчали. — Ну и как будем выпутываться?

Дьюла за это «будем» благодарно сжал плечо своему неожиданному помощнику.

— Надо улетать. Чем скорее, тем лучше. Может быть, оторвусь. Денег у меня как раз на авиабилет.

Роже закивал. Потом вздохнул:

— Интересно, как вы это делаете?

Дьюла невесело усмехнулся:

— Руками...

— А почему не ногами или, скажем, головой?

Дьюла усмехнулся шире:

— А вы попробуйте ногами совершить любое достаточно сложное движение. Человек для этого попросту не приспособлен. Не-

ет, руки — это единственное, что может двигаться тонко, точно и выразительно. Даже в наручниках. Они ведь уже взяли меня однажды.

— И?..

— Удрал. Слава богу, руки впереди закрыли, а не за спиной. Двоих обработал, и ходу... Но теперь они ученые. Второй раз не оплошают.

— А что происходит с людьми, которых вы обрабатываете?

— От меня зависит. Смотря как глубоко проникать. Можно обездвигить на час, на два. Можно навсегда. Можно усыпить. Ослепить или лишить слуха. Да что угодно — можно даже заставить вообразить себя кем-то иным — зверем, например. Или деревом. Что в голову взбредет. — Дьюла говорил равнодушно, словно о ценах на пирожки где-нибудь в Буэнос-Айресе, а Роже содрогался от каждого слова. Это все наверняка было правдой. От первого до последнего слова.

— Но если этому трудно и долго учиться, какой прок от этого спецслужбам?

Дьюла тускло уставился на Роже.

— Вы телевизор смотрите?

Роже кивнул, ожидая продолжения.

— Неплохо показать меня посреди любой гвоздевой воскресной программы, а? Бац! — и полстраны валяется. Они ко всему относятся как к оружию.

Роже потрясено уставился на собеседника, на миг потеряв контроль над автомобилем.

— И вы сделаете это?

— А что стоит напичкать меня наркотиками? До невменяемости...

Шоссе стремительно рвалось навстречу.

— Улетать нужно, — глухо сказал Дьюла. — В Африку, в джунгли. К слонам.

Роже с трудом переваривал свалившиеся на его праведную голову новости. Впереди уже виднелась Барселона — первое, что бросилось в глаза, конечно, плотное облако смога, неотъемлемый спутник всех больших городов.

— Я сворачиваю в аэропорт, — сказал Роже, завидев указатель. — Как действуем?

Дьюла ответил сразу, видимо, давно все решив и продумав:

— Если захотите помочь...

— Захочу, — перебил Роже.

— Спасибо. Тогда вот деньги. Билет. Куда угодно. Лучше в Африку. Конго, Заир, Уганда — без разницы. Лучше, чтобы прямо сейчас. Ну а там уж буду прорываться. Только осторожнее, если что подозрительное — ко мне не возвращайтесь. Ждите.

«Подозрительное, — уныло подумал Роже. — Дураки они, что ли, в этих своих спецслужбах?»

Дьюла остался в машине. Роже, стараясь выглядеть непринужденно, направился ко входу. В холле все было как и везде на вокзалах: люди, чемоданы, игральные автоматы, эскалаторы и бары. Медленно пересекая зал, Роже шарил вокруг глазами. Сердце отчаянно колотилось, ноги слушались далеко не так охотно, как всегда. Пожалуй, на ниве разведчика Роже не снискал бы лавров...

У касс народу почти не было. Роже наклонился к окошку и почему-то вздрогнул. Возникшее предчувствие было очень нехорошим.

Он обернулся. Крепкие ребята в изысканных костюмах вели Дьюлу от машины с заломленными за спину руками. Ошибок повторять они не собирались. Роже подошел к самому стеклу. На него никто не обращал внимания. Только Дьюла тоскливо и безнадежно посмотрел на него и виновато опустил голову.

Роже маячил у прозрачной стены аэровокзала потерянно и одиноко.

— Как быстро... — пробормотал он шепотом.

Они и правда не дураки в этих своих спецслужбах.

А потом он остервенело жал на акселератор, глядя на мелькающие за окном деревья, судорожно ворочал рулем и упрямо твердил про себя:

«Выброшу телевизор! К чертовой матери!»

Николаев, октябрь 1988 г.

ТРИСТА ДЕВЯТЫЙ РАУНД (Городская быль)

*Посвящается всем джентльменам,
а также Ярославу Пушкареву
по его же требованию.*

Вот ведь как бывает: большой город, столица, муравейник, живешь бок о бок с тысячами людей и ничегошеньки о них не знаешь. Рядом происходит тьма-тьмушая удивительнейших событий, а ты почти всегда остаешься в стороне и неведении. Иногда давно знакомые люди крутятся в двух шагах друг от друга и ни сном ни духом...

Не верите? Ну, вот, например...

...выхожу это я из своей трижды проклятой конторы в слегка приподнятом настроении. Во-первых — конец рабочего дня, во-вторых — пятница, а в-третьих — понедельник тоже объявили выходным. По радио и приказом по конторе. Шеф у нас неплохой парень, как это ни странно. Бывало, секретаршу за пивом отправит и ну истории разные загибать! Честно скажу — я всякого в жизни наслушался, но от историй шефа млел, как в детстве от «Лимонадного Джо». Так вот, близился какой-то новоявленный праздник с экзотическим названием, не то сочельник, не то Троица. После переворота старые революционные живо поотменяли, зато вон затеяли возрождать церковные, из тех, что помнят лишь замшелые сварливые старухи (ненавижу старух!), гнездящиеся на бесчисленных лавочках в любом дворе.

Короче, иду посвистываю. Надо сказать, что я — из тех счастливых, которые живут в центре, но не на главных улицах. Контора рядом. На работу — пешком, благо всего четыре квартала. Вот каждое утро и хожу. А поскольку вырос здесь же, в основном дво-

рами. Люблю, знаете: клумбы, лавочки, малышня в песочницах возится. Если бы не старухи — сущий рай. А на улицах — сплошные толпы, пробки, плюнуть некуда. Час пик!

Иду. Собираюсь сворачивать под арку, не доходя до очередного перекрестка. Вдруг лицо знакомое впереди мелькает. Бывает ведь: не видишь человека лет десять, а потом глянешь — ну ничуть не изменился! Сворачивает под ту же арку.

Одноклассник! Саня Бурчалов. Ё-мое, сколько лет!

Бегу следом.

— Саня! — ору.

Оборачивается.

— Артем? Хо! Вот так встреча!

Обнимаемся.

— Ты зачем здесь? Каким ветром? — спрашивает.

Я хохочу:

— Да живу я здесь! Забыл, что ли?

Теперь он смеется:

— Действительно, ты же в центре жил!

— Ну а ты? — хлопаю его по плечу. Радость так и распирает.

Он продолжает смеяться.

— Теперь и я здесь живу! Уже лет пять. На Южной.

К моей берлоге это ближе, чем контора, чтоб ее...

Я шалею. Идти от него ко мне меньше минуты! И за пять лет впервые сталкиваемся. Эх-ма... Столица, центр!

Дальше — больше. Оказывается, он каждый божий день ходит тем же путем, что и я в контору. В то же время. Как штык. Столица, центр... Что в лесу, что в толпе, никого не замечаешь. Парадокс.

Тянет к себе на Южную. Посидим, мол, покалякаем, бутылочку «Бастардо» раздавим, благо выходной завтра. Я упираться и не думаю: псих, что ли? Жена, слава богу, дома не ждет, а с Санькой мы восемь классов за одной партой просидели, прежде чем расстаться на целое десятилетие.

Идем. Дворики, малышня, собачки у подъездов лениво взлаивают. Старухи шушукаются, наверное, старые праздники ругают, а новые хвалят. Или наоборот. Пойми их, ворон полувыверших.

Вот и Южная. Сворачиваем: сирень цветет, березка зеленеет...

Эх, центр, люблю я твои дворы!

Вдруг Саня подобрался весь, умолк на полуслове. Даже походка изменилась, осторожной стала, крадущейся.

Гляжу: на лавочке у палисадника, единственной свободной от вездесущих старух, возлежит кот. КОТ. Огромный, рыжий, ухо подранное (в баталиях!), усищи длинные, хвост — что твое поле-но. Пушистый — страсть. Одним словом, матерый зверюга. Спит вроде бы.

Саня на цыпочках к нему подобрался и ка-ак даст с ноги!

«Бедняга, — думаю, — кот. Спросонья по ребрам, врагу не пожелаешь...»

Однако зря сочувствовал, как оказалось. Увернулся котяра, среагировал. Вот что значит уличная выучка! Центр, пацаны хулиганистые, у каждого рогатка. Сам был таким же. Вот коты и готовы каждую секунду удрать, даже во сне, от греха да расправы по-дальше.

Впрочем, рыжий котище удирать, похоже, не собирался. Стоит, глаза свои хитрые на нас таращит. Снисходительно так, чтобы не сказать — нагло.

Саня сокрушенно вздохнул, сел на лавочку.

— Двести семьдесят шесть — ноль, — говорит. Уныло, разочарованно.

— Что? — не понял я.

— Счет. Двести семьдесят шесть — ноль в его пользу, — поясняет Саня. — Соревнование у нас. Кто кого. Либо я его стукну, либо он увернется. Почти каждый день по раунду.

И лезет в карман. Кот замурлыкал и — прыг ему на колени! Спокойно, без тени страха. Ну да, Саня всегда был джентльменом, во всех играх. Я ошалело глазею на кота.

Тем временем из кармана появляется сверток, пахнувший рыбой. Кот заурчал пуще прежнего и нетерпеливо заерзал.

Сардинка. Или селедка — черт ее разберет, не силен я в ихтиологии. Пока хвостатый оппонент хрустит да закусывает, Саня чешет его за ухом.

Я стою. Наконец рыбка съедена, дружок мой школьный на прощание треплет котяру по мощному загривку и встает.

— Пока, Уксус, — говорит. — До завтра.

И пальцем возвращает на законное место мою отвисшую челюсть.

Я в ужасе. В полном. Думаю, вы меня поймете. Так Сане и шепчу: «В ужасе, мол, я. В полном». А он смеется.

— Таких, — говорит, — как Уксус, еще поискать надо. Чудо, не кот. Всухую меня обставляет. Второй год, между прочим! Каж-

дый день думаю: вот сегодня непременно размочу счет. Какое там...

— Ну, положим, у котов реакция не чета нашей, — развожу я руками. — Ладно, а селедку-то зачем?

Он все смеется:

— Любит Уксус селедку. Каждый ведь что-нибудь любит. Я вот, например, пиво баночное обожаю. И вообще должен же быть какой-то приз? Игра у нас или нет? Все по-честному, по-джентльменски.

Поднимаемся на третий этаж. «Щелк-щелк!» Ключ поворачивается в замке.

Посидели славно. Санька остался тем же Санькой — другом-непоседой, затейником и выдумщиком. Мы стали старше, но — честное слово! — будто и не было этих десяти лет, и завтра нам опять предстоит сесть за нашу парту, первую в центральном ряду, ему слева, мне справа...

С этого дня мы сталкивались под аркой чуть не каждый день. Иногда я нарочно поджидал его, иногда — он меня. Центр кишел людьми, спешащими, суетливыми, и только наши дворы оставались сказочно тихими. Даже не верилось, что в двух шагах отсюда грохочет столица, чадят автомобили и тысячи ног шаркают по древнему булыжному тротуару.

К осени счет Саня — Уксус дошел до трехсот восьми — ноль в пользу кота. Саня неизменно скармливал ему рыбку, чесал за ухом и трепал по загривку, а кот, за минуту до этого собранный и напряженный как струна, довольно урчал и жмурился. Потом мы либо поднимались к Сане («Бастардо», «Ауриу», «Алеатико Аю Даг»), либо шли ко мне («Кокур Сурож», «Токай», «Южная роза», «Гратиешты»), либо расставались до завтра. Уксус провожал нас сытым снисходительным взглядом.

Так продолжалось до пятого октября. Мы с Саней вышли из-под арки, хохоча над очередной историей из репертуара моего шефа. Ветер носил по двору хрустящие огненно-рыжие листья. Старухи попрятались по коммуналкам, осень все-таки, не май месяц.

Уксус, как всегда, дремал на лавочке. К октябрю он стал еще более рыжим, под цвет кленовых листьев.

Саня подобрался и на цыпочках устремился вперед. Кот и ухом не повел — в триста девятый раз.

«И где он рыбу берет для этого бандита...» — вздохнул я, лениво созерцая очередной раунд.

Саня подкрался к скамейке. Вот так же, наверное, Уксус подкрадывается к беспечным голубям. Ближе и ближе, пока не последует молниеносный рывок.

Удар! Уксус вскакивает, пытается увернуться, но поздно: Санин ботинок настигает его. Отфутболенный в сторону кот приземляется на четыре лапы.

— Йо-хо-хо! — Саня ликует. — Триста восемь — один!

Его крик напоминает знаменитый вопль Тарзана. Еще бы, счет наконец размочен.

«Интересно, — думаю, — что станется с рыбиной? Неужели и сегодня скормит коту?»

Уксус стоит в двух метрах от скамейки. Уксус изумлен. Уксус раздосадован. Уксус совершенно сбит с толку. Сегодняшний раунд им безнадежно проигран.

А вот что произошло дальше, мне и рассказывать неловко. Не люблю, когда меня считают лгуном. Клянусь: все это чистейшая правда! Хотя все равно никто ведь не поверит.

Понуриив голову, Уксус идет в кусты и некоторое время там возится. Мы с Саней ждем. Я уже думаю, не зазвать ли товарища на давно припрятанную для торжественного случая бутылочку «Черного доктора», еще старорежимного, а не той бурды, что стали с некоторых пор продавать под знакомой этикеткой.

И вдруг огромный рыжий котище мягкой пушистой лапой выкатывает из кустов прямо нам под ноги пол-литровую банку импортного пива «Гессер». Уныло глядит на нее и вдруг одним прыжком вскакивает Сане на плечо.

Что вы думаете он сделал? Правильно, почесал Сане за ухом.

Мой дружок млеет от счастья. Еще бы не млеть: раунд за ним, у ног — «Гессер», в кармане — рыбка, как раз под пивком...

И тогда я понял: котам, как и людям, ничто человеческое не чуждо. И провалиться мне на месте, если я не прав!

20 ноября 1991 г.

Киев

ДОМ ЗНАКОМЫЙ, ДОМ НЕЗНАКОМЫЙ

Фантастический рассказ

Я очень хорошо помню тот воскресный майский день: именно тогда я познакомился со своей второй женой — совершенно случайно, — а Пашка впервые побывал в музее «Твой Дом».

Вызов выдернул меня из глубин утреннего сна. Самого крепкого и сладкого, после которого, даже проснувшись, невероятных трудов стоит оторвать голову от подушки или хотя бы пошевелиться.

Вызов настырно звенел колокольчиком, сверляще отдавался в самом мозгу, поскольку был настроен с моей черепушкой в резонанс. Колокольчик не был особенно громким — он просто стал частью моего организма.

Кровать тихонько вздрогнула, усиливая вызов. Бывало, после особенно тяжелых дежурств на звуки я вообще не реагировал. Я и на тряску кровати не всегда реагировал... тогда на голову выливался ушат холодной воды. Дом точно знал, что мне необходимо проснуться — я сам ему вчера об этом сообщал и соответствующим образом инструктировал.

Как раз на «ушате» я окончательно проснулся и приподнял голову над подушкой.

«Интересно, — подумал я, отгоняя сонливость, — ушат — это сколько? Литр? Два? Или больше?»

Не могу сказать точно, но лужу на подушке менеджер спальни потом сушил целых пять минут.

— Да! — покорно отозвался я.

Кровать одновременно чуть изменила форму и наклон основной плоскости; подушка слегка потолстела, а порт нейрочипа у

виска предупреждающе пискнул и отключился от сети. Теперь я не лежал, а полулежал.

На коврике перед кроватью сгустился видеостолб. Ну конечно же, кто еще может меня разбудить в выходной день, как не этот ненасытный до знаний обормот?

Пашка, внук, вреднейшее и любимейшее существо. Формально он приходится мне праправнуком, причем уже шестым по счету, но так уж повелось в нашей семье, что всех младшеньких на два или больше поколений зовут просто внуками и внучками, без разбору. В самом беспокойном возрасте между тремя и четырьмя годами из наших Пашка — единственный. Праправнуку Витьке уже девять, это совсем другой возраст. Почему-то все мои внуки, правнуки, праправнуки и целая орда племянников разной степени родства в возрасте трех-четырёх-пяти намертво прилипают ко мне. И я с ними с удовольствием вожусь и занимаюсь любимым делом.

Я помогаю познавать им наш теперешний Дом.

Кроме меня, брата Виталия, жены его Клавдии и нашего с Виталием отца Тимофея (главы семьи Пожарских), никто толком и не помнит старых времен и Дома, каким он был прежде.

Слишком стремительным стало время, когда я был молодым, события развивались не так стремительно. Даже антивирусы в сети обновлялись всего лишь ежедневно, а не так, как сейчас, каждые шесть с половиной минут.

— Здравствуй, тутусик! — поздоровался я.

Всех внуков такого возраста я называл тутусиками, как когда-то отец меня, а потом и брата Витальку.

— Привет, деда! — поздоровался внук. — А я тебя не вижу!

— Видео включи, — командуя я Дому. Точнее, менеджеру спальни. Чего мне в самом-то деле от внука прятаться? Он сто раз по деду в моей же постели прыгал, словно попугайчик. И боролись мы тут же, на ковре — Пашка до сих пор сохранившуюся мамину пижаму с грибочками называет «кимоно». Я научил год назад...

Не следует думать, что Пашка чересчур уж вреден — не вреднее сверстников. Просто возраст такой. Приходится терпеть. Когда потакать его выходкам, а когда и по затылку шлепнуть.

Почему-то при виде этого жизнерадостного тутусика у меня всегда пробуждаются воспоминания.

Его деда, ныне видного мужчину пятидесяти двух лет на весьма уважаемой общественной должности, я когда-то тоже знакомил с Домом. Тогда Дом был совсем другим.

Дом всегда не такой, каким ты его помнишь вчера. Он меняется. Вместе с нами.

Так вот, этого самого Пашкиного деда, тогда трехлетнего карапуза, за какую-то шалость я вознамерился в очередной раз отшлепать. А он еще накануне нажаловался старшему брату, малолетнему хакеру (чтоб его!), будто дед Дима (я то есть) его побивает. Ну а этот малолетний хакер не придумал ничего умнее, чем сломать локальную систему активной защиты в детской. Чего было, вспоминаю... И смех, и грех. Только я размахнулся, чтоб обормота шлепнуть, а меня гравитационным захватом — бац! Очнулся на ковре, перед глазами искры, спина болит, а эти двое ржут перед терминалом, бандиты...

Но я их все равно люблю.

Пашка тем временем торопит:

— Вставай, деда, уже полдесятого! Мама завтрак нам готовит.

Ага. Значит, Василиску, правнучку мою, этот деятель уже поднялся, а ведь та весьма совиного образа жизни девица. До сих пор полночи по дискотекам шляется да прыгает под теперешний бумбум. Причем почему-то только по педовским клубам — натуралов ей, что ли, мало? А муженек ее хоть бы хны, уткнется в свой терминал и коды тасует. Есть жена рядом, нету ее — лишь бы мелкий был накормлен да занят и не мешал работать. Хотя, признаю, делом он занимается многообещающим, в будущем кое-что в мире точно перевернет. Ну а я и рад Пашку занять. Мне зятевы сетевые шуры-муры неинтересны, потому что малопонятны. Совсем я отстал от сетевой жизни. А ведь в свое время сколько приبلуд разных под редкое железо написал, сколько драйверов переточил на новый лад, когда в семнадцатом старые волоконные протоколы окончательно сдохли и буквально все переползли под 1024-разрядные процессы. Шеф-то мой, пень старый, считал, будто новые драйвера легче написать. А чего их писать, аппаратные библиотеки-то под них один хрен все те же, нужно только доступ под 1024-разрядность оптимизировать да сжать заново.

Впрочем, зятю я сегодня кажусь таким же непроходимым пнем, как мне шеф в далеком семнадцатом. Поэтому и выпирают из конторы через четыре года на досрочную пенсию, хотя мне всего сто шестнадцать.

Василиска, значит, на кухне, командует поварским терминалом и шурует по необъятному холодильнику. Тогда и впрямь пора вставать. Потому что Пашкин утренний энтузиазм легко объяс-

ним. Вчера я пообещал сводить его в музей под все объясняющим названием «Твой Дом».

Любое разумное существо хочет как следует познать свой Дом, как бы он ни назывался — дворцом, хрущобой, лачугой, иглу, бунгало или еще какой саклей. И каждому должно свой Дом познать. А то, что большинство из вышеперечисленных названий помнят только замшелые пни вроде меня... так время ж имеет свойство течь. Причем чем дольше живешь, тем быстрее оно, подлое, течет. Я по средам всегда в баскетбол играю с приятелями — с девятнадцатого года, между прочим, всего два пропуска было!!! Так вот, раньше, помню, от баскетбола до баскетбола неделя пока-а-а пройдет... А сейчас — вроде вчера только играли, а меня менеджер спальни в любом месте Дома ловит и вежливо долбит: «Дмитрий Тимофеич! Через час баскетбол! Вам свежую форму в раздевалку переслать?»

В общем, пообещал я Пашке, что уже выхожу к столовой, и побрел в душевую. У меня там все по старинке, даже ионизаторов нет. Хотя сервис-менеджер нашего этажа уже все уши насквозь прожужжал. Долго еще, дескать, будем антисанитарию в Доме разводить? Ну не люблю я ионный душ, я люблю обычную очищенную воду!

К сроку я привел себя в порядок, взбодрился коньячком и перенесся в нужную точку Дома. Попутно выбрал запись из фонотеки. Не какой-нибудь нынешний бум-бум, не люблю я его, голова от него пухнет. Я классику уважаю — «Арию», там, «Дип Перпл» или «Айрон Мейден». Семейный сегмент музыкального менеджера услужливо принялся транслировать выбранную запись прямо в мозг, через чип. Очень удобно: и окружающим не мешает, и слышать продолжаю всех. Музыка звучит внутри и это глубоко правильно.

Сегодня я выбрал «Puerto del Sol» Зденека Светча. «Дом Солнца», одну из старейших мелодий Земли в обработке знаменитого маэстро.

Василиска уже прекратила колдовать, пила кофе из стильной несимметричной чашечки и курила какую-то гадость. Я поморщился: не люблю табака. Впрочем, морщился я зря, Василиска заранее активировала кухонный поглотитель. Знает, что дед Дима не курит, заботится. Приятно.

— Привет, дедуля! — Василиска кокетливо помахала ручкой. Дым срывался с кончика ее сигареты и бесследно исчезал. Пахло

молотым кофе, слегка — разгретым жирком и восточными специями.

— Я вам по отбивнушке сообразила и яичницу. Ну и салатик твой любимый, конечно.

— Спасибо, киска! — поблагодарил я. Искренне. Василиску я тоже люблю... Я всех своих детей и внуков, да и вообще людей, любил, люблю и буду любить — пока мы все живы в нашем общем Доме. Я даже инопланетян почему-то люблю — в глобальном, разумеется, смысле.

Тут явился Пашка; с порога завопил «А-а-а-а!» и с разбегу запрыгнул мне на колени, благо я успел присесть к столу. Иначе просто прыгнул бы на меня, как наш котяра Бубу на старое дерево посреди лужайки. Сто раз я это видел, лужайка прямо перед окнами моей спальни. Кстати, я говорил, что у меня в спальне окна настоящие, спектритовые? Не люблю голографических миражей по стенам, неживые они какие-то. И показывают не жизнь, а записи. А у меня — вполне настоящий кот, настоящее дерево и настоящая зеленая травка, в любое время можно пойти и поваляться, что мы с Пашкой частенько и проделываем, когда я не на дежурстве.

Лопал Пашка сегодня на диво исправно, даже с вилкой обращался невероятно ловко. Ну естественно — кто ж будет затягивать завтрак перед долгожданным походом в музей? Поэтому я порезал ему отбивнуху на кусочки, яичницу тоже порезал — обращение с ножом пока для Пашки еще проблема. Мал.

Запив молоком, мы дружно проорали Василиске: «Спасибо!» Та напутственно чмокнула каждого из нас в щеку — сына присев, а меня — встав на цыпочки.

И мы двинулись в музей.

У каждого взрослого теперь есть персональный домашний транспорт; Пашка по малолетству такового еще не имел и самостоятельно передвигаться мог только пешком. Тем не менее это чудо частенько заглядывало ко мне в кабинет или спальню, хотя Василискины с сетевым гением пенаты расположены довольно далеко от моих. Подбрасывает этого карапуза кто-нибудь, не иначе.

Музей как раз перенесли на новое место, куда-то на Ахлензию, в субтропики. Я тут еще не бывал, так что и сам озирался с превеликим энтузиазмом.

Помещение под музей отдали весьма просторное, в нашем Доме таких, конечно же, много, но все-таки... Больше всего оно

напоминало футбольный стадион или баскетбольную арену. Или космопорт. Эдакая огромная ракушка посреди апельсиновых рощ. Земные апельсиновые деревья на Ахлензии вполне приживались, даже вымахивали повыше обычного — тут тяготение низкое. Смешно подпрыгивая при каждом шаге, отчасти — с непривычки к тяготению, отчасти — из известного детского обычая, Пашка потащил меня к входу.

Мы часто с ним ходим в музей, поэтому ритуал Пашка выучил назубок. Сначала к кассам, потом к накопителю для тех, кто желает осматривать музей не в одиночку, а с экскурсоводом. Ну а как экскурсовод появится — в захватывающий мир нового музея, в мир пыльной древности или пронизанного Домашней фемтоэлектроникой дня сегодняшнего, в зависимости от характера экспозиций.

В экскурсоводы нам досталась очень симпатичная и моложавая тетенька, все при ней, и одета во что-то ультрамодное; но меня-то не проведешь. Глаза выдают возраст. Ей не меньше восьмидесяти. Пригласить, что ли, эту даму после работы в рестораник? Если одинока — может, и к себе приглашу, на коньячок или вино. А если не одинока, так и отбить не грех. Я ведь тоже мужчина хоть куда, хоть и на пенсию досрочно выпинавают. Зато на стометровке до сих пор легко из двенадцати секунд выбегаю. Не как раньше, конечно, не девять с хвостом... Но все же.

С момента потери жены я предпринимал несколько попыток сойтись с женщинами, которые мне нравились. Но все как-то не складывалось.

Хоть экспозиция в музее была и новая, вскоре выяснилось, что изменилось в ней не слишком много. Поэтому я предоставил Пашке и стайке таких же любопытствующих в возрасте от трех (это Пашка) до сорока—пятидесяти (инопланетянин-коану, их возраст очень легко определить) слушать рассказ миловидной экскурсоводши, а сам снова провалился в воспоминания. Переходил от экспоната к экспонату, от голограммы к голограмме, от зала к залу, а сам вспоминал.

Вспоминал, как точно так же когда-то с отцом впервые пришел в похожий музей, как с восторгом и непониманием глядел на индейский вигвам и поражался: как Дом может быть таким микроскопическим? Чуть больше человека? Как бродил по клетушке со странным названием «коммуналка», в которой, как неродившийся цыпленок в яйце, в тесноте и духоте ютились целые семьи.

Не такие, конечно, многолюдные, как наша, тогда и семьи были поменьше.

Вспоминал, как бывал в музее потом с детьми и внуками.

Как сам жил в тоннелях под Марсом, в двадцать шестом. Тогда Марс как раз объединился с земным Домом. Как вскоре после этого впервые с нашим Домом столкнулись инопланетяне и как интересно было посмотреть на их Дом. Как появились первые межзвездные транспорты в нашем уже общем с инопланетянами Доме. Как вслед за этим Дом начал расти столь стремительно, что необыкшиеся люди терялись перед миллионами незнакомых сервисных отделов.

Как Дом стал не только расти, но и одновременно структурированно мельчать, потому что Домашние сервис-службы окончательно срослись с медицинскими и каждый разумный вдруг осознал собственное тело такой же составной частью Дома, как кофейник, индивидуальный шлюз, глобальное телевещание или климатический модуль на этаже.

Вспоминая, я не заметил, как экскурсия по музею Дома подошла к концу и с первого взгляда покорившая меня экскурсоводша подарила слушателям прощальную очаровательную улыбку.

Прежде чем я к ней подошел, меня, конечно, успел атаковать вопросами Пашка. Понятно, что в музее он больше глазел, чем слушал: мал еще, термины вроде «Большой Взрыв» и «расширяющаяся Вселенная» пока не для него. Тем более что второй термин уже мало-помалу выходит из обихода и заменяется куда более логичным и понятным «расширяющийся Дом». Но ничего, скоро станет понимать. Возможно, именно его поколение станет первым, для кого понятие Вселенной в отрыве от Дома станет лишь ненужным архаизмом.

Я очень рад за его поколение.

А с экскурсоводшей, к слову сказать, у нас в итоге все получилось. Она теперь просто бабушка Нина для всей семьи Пожарских. К ней быстро привыкли — живем-то все в одном Доме.

*20 декабря 2001 г.
Москва, Соколиная Гора*

УРМИ

Слоны, люблю я дивный ваш полет...

Б. Сидюк

Агентство «Киодо Цусин», март 1992 года

Вблизи Галапагосских островов водолазы обнаружили на мелководье странные столбы почти четырехметровой высоты. Они состоят из полупрозрачного стекловидного вещества светло-голубого, бледно-розового, бледно-зеленого и молочно-белого цветов.

Поверхность находок имеет феноменальную твердость: она не поддается обработке никакими существующими материалами и инструментами, в том числе циркулярной пилой с алмазными резцами и корундовыми кругами. Попытки водолазов отколоть кусочек от столба взрывами малой мощности ни к чему не привели. Тем более загадочным представляется равносторонний треугольник (со сторонами длиной около 25 сантиметров), вырезанный на поверхности одного столба.

Загадке Галапагосских островов исполнилось четыре месяца...

Море лениво шевелилось под бездонным колпаком неба, катер слегка раскачивался на добродушной волне, дышалось легко и не верилось, что где-то существуют пыльные города, смог и вонючие нефтяные лужи. Над мелководьем волны были чуть выше, недалеко из воды выглядывали Галапагосские острова, море пронзительно синело вдали, а вблизи казалось совсем прозрачным.

Фред сонно наблюдал, как Полли надрывается на веслах, сердито пыхтя и отдуваясь, и периодически стучается спиной о копающегося в моторе Артура. Мотор работал строго по внутреннему

расписанию, а именно — когда ему хотелось. Хотелось редко. Отказывал он с регулярностью маятника.

Минут через пять Фреду стало жалко малыша Полли, и он со словами «ну что ты уродуешься» отобрал у него левое весло. Артур с интересом выпрямился и несколько секунд смотрел, как они уродуются вдвоем. Катер выписывал по поверхности замысловатую кривую, и Артур предположил, что они идут противолодочным зигзагом. Полли сердито предложил ему правое весло:

— На, попробуй ты, механик. Посмотрим, как получится.

Артур вздохнул, отвернулся и в сердцах пнул мотор ногой. Тот хрюкнул, завелся и обдал всех клубом сиреневого дыма. Катер прыгнул вперед и вправо, потому что Фред перед этим греб один; малыш Полли от толчка весело полетел через борт. Артур озадаченно присел, делая знаки Фреду, чтобы тот перестал грести. Фред убрал весла, и Артур повернул катер к барахтающемуся Полли. Пока мокрый и ругающийся малыш перебирался через борт, мотор опять заглох. Артур обессиленно опустился на дно.

— Какой идиот оставил мотор на скорости? — поинтересовался Полли. Фред пожал плечами.

Им не везло с самого начала. Рейс Майами—Кито дважды откладывали. В дороге потерялся чемодан Артура — кажется, его увезли обратно в Майами. Эквадор тоже встретил их соответственно — катер удалось купить только с семнадцатой попытки, а уж с остальным снаряжением сколько мороки было...

Артур подозрительно принимался и, лежа на дне катера, трогал что-то пальцем.

— Поздравляю, — сказал он. — У нас течет бензобак.

То, что он трогал, оказалось радужной лужицей бензина.

Фред устало сел на банку. И тут сдавленно икнул Полли, выкручивающий футболку.

— Ихк!.. Это что?

ЭТО было похоже на летающую тарелку. Троица вытаращилась на приближающуюся штуку. Она и впрямь ничего, кроме летающей тарелки, не напоминала. Эдакий обтекаемый блин с жирным треугольником, намалеванным чем-то белым, да цепочкой полупрозрачных иллюминаторов по периметру.

— Так! НЛО! УФО! Этого нам как раз не хватало! — рассвирепел Артур и схватил разводной ключ. Мотор немедленно хрюкнул и завелся. Все трое полетели в воду, кашля от выплюнутого ко-

варным двигателем дыма. Полли выпустил изо рта струйку воды, печально поглядел вслед удаляющемуся катеру и обреченно поинтересовался:

— Какой идиот оставил мотор на скорости?

Мотор заглох, когда катер отмахал добрых полмили. Фред хлопнул в ладоши и довольно потер руки, отчего погрузился с головой. Артур судорожно отмахивался ключом от большой сизой медузы.

Тарелка зависла над ними.

— Чего это она? — с опаской спросил Полли и попытался отплыть в сторону. В тарелке открылся люк, и показалась вполне человеческая физиономия с усами и баками по моде конца XIX века.

— Джентльмены, я ищу место, где нашли четыре загадочных разноцветных столба. Это где-то здесь?

Троица переглянулась.

— Здесь, — ответил за всех Фред. — Где-то неподалеку.

Тип из летающей тарелки с сомнением оглядел их, покосился на маячивший вдалеке катер и осторожно спросил:

— Э-э-э... Похоже, у вас какие-то затруднения, джентльмены? Может, я смогу вам чем-то помочь?

В глазах Фреда мелькнула надежда.

— О, если вам нетрудно, подвезите нас во-он к тому катеру.

— Хм! А если я притяну катер сюда, это вас устроит?

— Вполне! — рявкнули в три глотки Фред, Полли и Артур.

— О'кей!

Тарелка умотала к катеру и скоро вернулась, волоча его на длинном шнуре. Когда невезучая троица влезла в катер и переоделась, тарелка приводнилась рядом, и усатый пилот вылез уже через верхний люк. Видимо, он был опытным путешественником, во всяком случае, двигатель у него не глох.

— Видите ли, — сказал Фред, — мы тоже ищем эти самые столбы.

— Зачем? — удивился усатый.

— Как зачем? — удивился в ответ Фред. — Интересно узнать, что же это такое. Никто до сих пор не понял.

Усатый ухмыльнулся:

— А чего тут понимать-то? Вы извините меня, конечно, я впервые на вашей планете, летел в спешке, даже в справочнике ничего о ней не нашел, так что, если я что-то не так говорю, вы меня

простите великодушно. Но как только я услышал сообщение, я сразу понял, что это Урми.

— В смысле что — Урми?

— Ну, эти столбы.

Земляне переглянулись. Усатый, видя их недоумение, объяснил:

— Урми — это мой боевой слон. Он сбежал недавно, и я его долго и безуспешно искал.

— Слон? — с сомнением протянул Полли.

— Именно.

— Не пойму, что общего у слона со столбами.

— Господи, что же тут непонятного! Столбы — это его ноги!

Он лежит на спине, вот так. — Усатый плюхнулся на спину и задрал вверх руки и ноги. — Туловище занесло песком, а ноги торчат наружу, ясно?

— Гм... А как он выглядит целиком?

Усатый фыркнул:

— Как и все слоны — хобот, уши и все такое прочее. Помогите мне его найти, а?

Полли не унимался.

— А почему у него ноги все разного цвета?

Усатый странно посмотрел на него.

— Здрасьте! Естественно, разного. Они же неодинаковые! Должны же правые ноги отличаться от левых, а передние от задних? И вообще у нас давно заведено: правая передняя нога — голубая, левая — розовая, правая задняя — зеленая, а левая — белая. Просто и никакой путаницы.

У Полли наготове было очередное «почему».

— А почему он такой сверхтвердый? Водолазы как ни изошрялись, так и не смогли ни кусочка отломать. Даже взрывать пробовали — безуспешно.

— Конечно, безуспешно. Он же боевой слон, в конце концов. Спокойно выдерживает прямое попадание из бучера.

— Из... простите?

— Бучер? — Усатый поскреб в затылке. — Как бы это объяснить? Ядерный взрыв в двести мегатонн знаете?

Полли радостно кивнул.

— Так вот: бучер гораздо мощнее.

Полли опять кивнул и торжествующе выпалил:

— А треугольник?

— Что треугольник? — не понял усатый.

— Треугольник на ноге откуда, если слон такой твердый и не-уязвимый?

— А-а! Так это мое клеймо. У каждого слона врожденное клеймо. Урми для меня делали, поэтому у него мое клеймо — треугольник. Вот такой, только поменьше. — Усатый ткнул пальцем в борт своей тарелки. Там красовался равносторонний треугольник.

Полли вздохнул.

— А почему слон лежит вверх ногами? Может, он умер?

— Нет, — засмеялся усатый, — он не может умереть, он же машина. Он просто спит.

— Как спит? Разве машина может спать?

— Конечно. — Усатый был немало удивлен. — Разве ваши роботы не спят?

Полли смутился. Он не был специалистом в этом вопросе.

— К-кажется, нет, — неуверенно сказал малыш.

— Странно, — пожал плечами усатый. — По-моему, у вас не все в порядке с производством. Проверьте, когда время будет.

Он помолчал, потом глянул в воду.

— Поможете найти Урми, а?

— Поможем, — пообещал Фред. — Если вы возьмете на буксир наш катер, отправимся прямо сейчас.

— Великолепно!

Тарелка, как оказалось, умела ходить по морю почти как рыбацкий сейнер. Катер бодро болтался у нее в кильватере, а все четверо сидели на гладкой поверхности тарелки. Земляне выпытывали у усатого, с какой он планеты да как там у них, на что усатый отвечал, что он с Ригеля-8 и у них там неплохо, только дожди замучили, и поэтому скроч не растет как положено.

Кроме того, выяснилось, что разбудить слона можно, если пощекотать ему левую заднюю ногу. Полли заметил, что водолазы наверняка не раз это делали. Оказалось, что надо еще предварительно похлопать по правой передней и почесать остальные две с интервалом приблизительно в полминуты.

Больше спросить ничего не успели, потому что прибыли на место. Несколько лодок и разнокалиберных катеров покачивались на мирной волне. Полли великодушно хотел отдать свой акваланг усатому, но тот пробормотал: «Пустое» — и плюхнулся в воду прямо как был. Остальные прибегли к аквалангам.

Столбы, вернее — ноги, были на месте. Около них крутились несколько аквалангистов: очевидно, это их посудины болтались на поверхности. Усатый радостно забулькал и стал грести вдвое быстрее. Ластов у него тоже не было, но отставать он и не думал. Потом усатый стал делать какие-то лихорадочные знаки незнакомым ныряльщикам. Те уставились на него и сразу же стали стремительно всплывать. Очевидно, их шокировал вид человека без акваланга.

Полли только переглядывался с Фредом и пожимал плечами. Артур крепче сжимал верный разводной ключ.

Проделав все необходимые манипуляции с ногами, усатый присоединился к троице и стал наблюдать. Столбы зашевелились, песок между ними вспучился, и усатый удовлетворенно показал, что все в порядке и можно всплывать.

Они всплыли, и минутой позже всплыл большой полупрозрачный слон — с хоботом, ушами, хвостом и бивнями. Он радостно затрубил при виде усатого и быстро подплыл к нему. С минуту они общались на непонятном языке.

Полли жалобно подергал усатого за мокрый рукав.

— А можно еще вопрос?

Усатый кивнул.

— Отчего он заснул?

Поговорив со слоном еще чуть-чуть, усатый объяснил:

— Это довольно забавная история. Над материком Урми атаковали маленькие летающие штучки. Обстреляли, словно какого-то бродягу. Но снаряды у них оказались смехотворно маломощными, естественно, что Урми развеселился, ну и от смеха упал в океан, пригрелся в теплой воде и уснул. А потом его занесло песком.

Усатый помолчал.

— Ну ладно, нам пора. — Он пожал руку Полли, Фреду и Артуру. — Будете на Ригеле-8 — заходите, меня там все знают. — Он вздохнул и нырнул в люк. Тарелка оторвалась от поверхности и стала быстро подниматься вверх. Слон тоже. Скоро они растворились в голубом экваториальном небе.

Посудины незнакомых аквалангистов понуро покачивались невдалеке.

— Вот и все. Вот и разгадали тайну, — сердито сплюнул Полли. — Отпуск только начался, а все уже закончилось.

Артур меланхолично стаскивал ласты. Фред уже стащил и машинально включил приемник. Передавали новости.

— ...что, безусловно, роднит Марианскую находку с Галапагосской. Все шесть столбов столь же тверды, и на одном из них вырезан правильный квадрат со сторонами около 25 сантиметров...

Диктор переключился на другие сообщения.

У троицы отвисла челюсть.

— Насколько я понял, это где-то у Марианских островов...

Решать «едем» или «не едем» было глупо. Все и так было ясно.

— Шестиногий слон? — с сомнением пробормотал Полли, беспокойно оглядываясь, но летающей тарелки с квадратом на боку нигде не было видно.

— Интересно, его тоже нужно почесать или похлопать? Или пощекотать ему ноги? — мечтательно сказал Фред.

Артур крепче сжал разводной ключ и двинулся к мотору. Тот натужно хрюкнул, завелся, выпустил клуб вонючего сиреневого дыма, и все трое дружно полетели за борт.

1989 г.

Николаев

ИСПОВЕДЬ ЗАВЕДОМОГО СМЕРТНИКА

Микрорассказ

Выжить бы...

Надеюсь, получится. Глупо, конечно: из наших практически никто не ускользнул, не избежал предначертанной участи. Но я все равно надеюсь.

Что еще остается?

Ничего.

Знали бы вы, насколько это ужасно: знать, что не выживешь. И все-таки я трепыхаюсь, я пытаюсь ускользнуть, уползти, спрятаться, вырваться из этого порочного и чудовищного круга.

Гляжу направо. Н-да.

Налево. Ничуть не лучше. Значит, будем глядеть прямо перед собой.

Взгляд останавливается на трупе, застывшем на полу. Это метра на три вниз. Ну, вот еще одна жертва в этой бессмысленной битве. Хотя кто назвал это битвой? Избиение. Геноцид.

Впрочем, есть немало примеров, когда и мы бивали врага. В кровь, иногда и до смерти. Но, к сожалению, это случаи единичные и несистематические. Ну разбитая голова, ну вспоротый живот. Детские игрушки. А где масштабные операции? Где потери в рядах противника и неудержимое, как лавина, контрнаступление с нашей стороны?

Нету. Слишком уж мы разобщены и молчаливы. Слишком привыкли нас уничтожать. Сама судьба, будь она неладна, преопределила это: нас выслеживают, захватывают и уничтожают. Хорошо еще, если сразу и без мук. А бывает и хуже. Вас когда-нибудь запирали надолго в холоде, где нечем дышать, где вокруг лед и иней, где все внутри стынет и где прахом идут любые надежды?

Завидую, если нет. А ведь есть еще и огонь, и он тоже способствует нашим мукам. Да мало ли способов посеять смерть?

По мне — так лучше холод. Угасает медленно, чувствуя, как жизнь медленно-медленно утекает из тебя, как цепенеют мысли и иной так же медленно-медленно оседает на теле. По крайней мере уже не почувствуешь, как тебя, очоченного, вынут и, чувств никаких не изведав, свернут шею.

Тыфу ты, можно подумать, я уже испытывал все это. Испытывал... А может, и правда испытывал? Откуда эти воспоминания? Пресловутая память поколений? Или это не я помню, а кто-то во мне? Или, наоборот, помню не «Я», как личность, как мыслящий объект, а помнит моя телесная облочка? У тела ведь тоже может быть память.

Чушь. Бред. Сейчас это не главное. Затаиться, замереть, не привлекать ничьих взглядов.

Некоторые умудряются на шаг столь же красивый, сколь и бессмысленный — с высоты, навстречу асфальту. По мне — так та же смерть, только не по воле врага, а по собственной воле. К сожалению, исход все равно одинаковый.

Не хочу.

Замереть, затаиться...

Враг. Приближается. Неспешно, походкой хозяина. Лениво скользит глазами; от этого взгляда все внутри цепенеет. Кажется, он видит нас насквозь и никакая неподвижность, никакие прятки не спасут.

Таюсь. Я маленький, я крохотный, я прозрачный. Меня вообще нет! Я выдумка! Фантом! Чего стоишь, проваливай давай, не трави душу!

Фух. Кажется, ушел. Пока живем. Надолго ли?

Ну что, пробуем дальше? Смотрите-ка, а труп, который я недавно видел, уже убрали. Быстро работают, этого не отнять.

Итак, куда? С высоты? Нет, это не мой путь. А какой тогда мой?

Не успеваю додумать — снова враг. Уже другой, полненький и лысый. Вот ведь пакость: нам даже такие опасны. Полненькие — в особенности.

Глядит пока в другую сторону, там вроде кто-то из наших тоже пытался схорониться.

Мысли словно замерзают, остается одна, циклическая: «Не меня! Не меня!»

Гадкая мысль, не спорю. Не меня, так другого. А представить себя на месте этого другого? Не хоч-у-у-у-у-у!!! И все равно таюсь и твержу мысленно: «Не меня! Не меня! Чтоб вам всем сгореть и замерзнуть одновременно, сволочи!»

Когда придет мой черед, я буду реабилитирован за это трусливое «Не меня!». Но сильно ли меня обрадует реабилитация? Сомневаюсь.

— Две бутылки «Клинского», пожалуйста, — говорит лысый. — Одну откройте.

— «Клинское» теперь с пробкой на резьбе, — с лентой сообщает продавец и тянется ко мне и моему соседу.

— Да знаю я российскую резьбу, — бурчит лысый. — Плоскогубцами не свернешь. Откройте.

Последнее, что я вижу перед глотком воздуха и падением в преисподнюю — тянущийся к моей шее-пробке ключ с эмблемой «Клинского».

Трудно быть пивом...

*октябрь 2004
Москва, Соколиная Гора*

СЕМНАДЦАТЬ СЕКУНД ИСТИНЫ

Микрорассказ

Завьялов с сомнением оглядел кабинет — вопреки ожиданиям никакой особой машинерии в зоне сборки не оказалось. Керамический шар метрового примерно диаметра, к которому тянулся пяток шлангов толщиной в палец, да четыре плоскопанельных монитора. Три монитора показывали какие-то графики, на четвертом, самом большом, периодически расцветали схематические цветочки скринсейвера. Кроме того, напротив окон был смонтирован здоровенный панорамный экран во всю стену.

— Вот, — с деланным воодушевлением объявил директор ЗИДАРа. — Это и есть наше, так сказать, волшебное око.

Директор все время пытался заглянуть Завьялову в глаза, будто надеялся заранее предугадать его поступки.

Зря. Завьялов принял решение относительно этой в высшей степени бредовой затеи еще во время репетиций на макетах, но объявлять его вот так вот, с ходу было как-то неловко. В самом деле, старались же люди, работали, создавали это чертово око...

Тем временем в кабинет прибывали высокие гости. Мелькнул кто-то из окружения президента, значит, и сам президент пожалует с минуты на минуту.

Не каждый ведь день человечеству предоставляется шанс заглянуть в собственное будущее? Пусть короткий и однократный, но шанс. Реальный и весьма зримый.

Гости собирались. Рябило в глазах от фотовспышек. Президент уже давал интервью тучной даме в униформе первого национального:

«...учеными именно нашей страны разработан и изготовлен уникальный прибор и это наполняет наши сердца законной гордостью...»

Открытую форточку Завьялов заметил заранее. Ну, не подведи теперь рука трехочкового снайпера...

Директор захлопал в ладоши, призывая к тишине.

— Господа! Прошу внимания! В нашем распоряжении остается две минуты! Две минуты, после чего в течение семнадцати с половиной секунд мы сможем принимать изображение из будущего! Напоминаю всем собравшимся, особенно представителям прессы, что изображение должно соответствовать примерно двадцать шестому веку, город Москва, вид на Южное Измайлово с высоты примерно сорока метров! Ракурсов будет несколько, до десяти! Почетное право включить прибор предоставляется председателю ученого совета Российской Гуманитарной Академии Виталию Дмитриевичу Завьялову!

Раздались дежурные аплодисменты. К Завьялову приблизилась скудно одетая длинноногая дива, состоящая, казалось, только из ног, декольте, напомаженной улыбки и сафьяновой подушечки с пусковым ключом, каковую дива несла непосредственно перед декольте.

Панорамный экран на стене отсчитывал секунды до пуска. Завьялову осталось целых полминуты на короткую речь — репортеры с микрофонами и диктофонами уже сжали его в плотное кольцо. Президент ободряюще шурился, глядя на Завьялова.

— Господа! — сказал Завьялов, принимая ключ правой рукой и привычно расслабляя мышцы. — В этот поистине исторический момент хочу напомнить вам о некоторых вещах, с моей точки зрения очень важных. О морали и этике, например. Мы собрались заглянуть в будущее, где живут наши потомки, люди, о которых мы ничего не знаем. Мы собрались заглянуть в их дом и их время. Хочу спросить вас: а позволяли ли нам хозяева заглядывать к себе в дом?

По залу будто невидимый вихрь пронесся, стирая с лиц знаменитостей торжественность и фасадные улыбки.

Время таяло.

— Подглядывание в замочные скважины всегда было любимым занятием человечества. Тем не менее надеюсь, что потомки будут нами гордиться.

В частности, вот за это. — Завьялов поднял руки над головой, привычно задержал дыхание и выбросил ключ в форточку. Серебристая железка блеснула на солнце, прежде чем устремиться к земле с высоты сорок восьмого этажа.

На панорамном экране застыл оранжевый ноль. Директор ЗИДАРа стоял с приоткрытым ртом, напоминая выброшенную на берег макрель. Президент выглядел сурово и озадаченно; к его уху уже склонился шепчущий референт.

— В заключение осмелюсь напомнить, что подглядывание к соседям обыкновенно заканчивается неожиданно просунутым в замочную скважину карандашом, — округлился Завьялов, иронически оглядев аудиторию. — Спасибо за внимание, господа!

Завьялов двинулся к выходу, чувствуя, что рубашка прилипла ко взмокшей спине.

«Черт! — подумал он. — А ведь мог бы и промахнуться!»

*декабрь 2004 г.
Москва, Соколиная гора*

УЩЕЛЬЕ ГОРНОГО ДУХА

Реальная история

Часть 1

Блокнот, найденный в тайге

«Я был тогда совсем еще мальчишкой, не помню даже возраст — то ли десять лет, то ли одиннадцать, а может, и все двенадцать. Именно поэтому вам покажется, что воспоминания мои порой слишком яркие, а порой совсем уж полустерты, но ведь прошло уже больше десяти лет!

Почему Буслаев выбрал меня в попутчики, мог бы сказать только он сам, но вряд ли он жив. Наверное, потому что взрослые идти с ним не хотели, а совсем одному в тайге очень уж тоскливо. Буслаев много разговаривал со мной, серьезно, по-взрослому, и мне это нравилось. Я называл его Захарычем и мне это тоже нравилось. Задержать меня никто не мог: мать я не помнил (и не помню), отца — очень смутно. Все, что осталось от родителей, — это ветхая избенка на краю поселка, пустая и разваливающаяся, да цепочка с медальоном в виде серебристой змейки с красными глазами-бусинами у меня на шее. В ту пору я жил у старой, как сам поселок, бабки Матрены и вечерами читал ей Ветхий Завет, писанный в каком-то старообрядческом монастыре. Матрена кормила меня и даже подарила кое-что из одежки, хотя прожил я у нее всего ничего — перезимовал только. До этого меня ютили поселяне. Отца моего не забыли и часто поминали добрым словом; когда я, четырехлетний, остался один-одинешенек в родительской избе, люди обо мне позаботились. Пожалуй, сыграло свою роль и то, что я уже тогда умел читать и писать, ведь мой отец был единственным учителем на сотни верст окрестной тайги. Во всяком случае, в каждой семье, где мне приходилось жить, я много читал вслух толстые засаленные книги, совершенно не

понимая содержания, и изредка писал «грамоты», как называли поселяне письма.

Буслаев был первым, кто ни разу не назвал меня «сироткой» и никогда не гладил по голове. Это сразу подкупило, и решил я, что пойду за ним куда угодно, хоть к черту в зубы! Но тогда я еще не знал, что так оно и окажется.

Выступили мы в мае, и тайга поглотила нас на целых четыре месяца. Первые пару недель нам изредка встречались охотники-якуты, а потом пошла такая глушь, что даже звери нас почти не боялись. Вещей у Буслаева было немного, практически все умещалось в ладном выцветшем заплечном мешке, который он всегда называл «сидор». У меня на спине болтался такой же, но поменьше и самодельный. Буслаев доверил мне нести все съестные припасы, спички и часть патронов. Меньшую, конечно, но мне и это ужасно льстило.

Чем занимался Буслаев в тайге, я до сих пор не понимаю. На геолога он совсем не походил, хотя имел настоящий геологический молоток и часто пользовался лихим инструментом, смахивающим на подзорную трубу со странной сеткой на линзе. Крепился прибор на легкой алюминиевой треноге. Так же часто Захарыч копал неглубокие круглые ямки, ловко орудуя короткой саперной лопаткой и напевая всегда одну и ту же заунывную песню на незнакомом языке. Что это за песня, я никогда не спрашивал. Жилось мне с Буслаевым неплохо — как я уже говорил, он держался на равных и относился ко мне вполне серьезно. Я помогал ему, чем мог, слушал его рассказы о тайге и о жизни в далеком и нереальном городе Киеве, смеялся историям, приключившимся некогда с самим Буслаевым или с его друзьями. До августа наша жизнь протекала спокойно и размеренно, как текут тихие таежные реки.

Изменился Буслаев резко и неожиданно для меня. Мы как раз карабкались по склону безымянного унылого гольца, неожиданно «начальник» замер и коротко выругался, чего с ним никогда прежде не случалось. Я проследил за его взглядом и увидел... как вам сказать? Овраг — не овраг, распадок — не распадок... В общем, представьте себе просто борозду длиной метров сто — сто пятьдесят. И это прямо посреди тайги. В жизни не видал ничего похожего, хотя вот уже лет десять лес покидаю только на зиму и дожидаясь весны в поселке своего детства.

Короче, замер мой Буслаев и говорит:

— Леша... пять лосей твоей матери, это же ОНО! Ущелье Горного Ду... Гм!

Я совершенно не понял, при чем тут моя мать, и поэтому переспросил:

— Что?

Буслаев кашлянул и осторожно закончил:

— В общем, одно интересное ущелье.

Минут пять он созерцал борозду и окрестности, я стоял да помалкивал, ожидая.

— Считаю, что нам повезло! Кто его только не искал!

Внизу, у подножия гольца, Буслаев совершенно неожиданно повесил ружье на сосну и здесь же на сучке оставил все патроны, ссыпав их в кожаную сумку, похожую на большой кيسет.

Я глядел на него с испугом, и он объяснил:

— Безоружных он вроде не трогает.

— Кто — он? — не понял я.

Буслаев замаялся, и я ощутил, что впервые с мая он не скажет мне правды.

— Ну... э-э-э... тот, кто ущелье охраняет.

— Зачем же охранять ущелье?

И снова Буслаев задумался.

— Там кое-что спрятано.

Я помолчал и вдруг неожиданно даже для себя тихо сказал:

— Захарыч! Мне кажется, что ты боишься.

Буслаев замахал руками:

— Вздор, Лешка! С чего ты взял?

Но я чувствовал, что он лжет.

Через минуту он убедительным тоном заявил, что если боялся бы, то ни за что не расстался бы с ружьем, но я молчал, и вскоре он оставил эту тему.

Ущелье было вовсе не ущелье, а действительно просто глубокая борозда в теле земли. Причем в центре она была глубже, чем с краев, словно кто-то громадный нехотя ковырнул когтем почву, коротко, с размаху. На край обрыва Буслаев меня не пустил. Сначала сам подполз и долго осматривался, потом разрешил подползти и мне.

Дно отстояло от нас метров на сорок, причем посреди отвесной стены виднелся широкий гладкий уступ. Спуститься на него удалось метрах в тридцати левее, но это случилось лишь через два часа, час из которых Буслаев валялся на краю ущелья и что-то

разглядывал, час сидел на корточках у своего рюкзака, листая пухлый блокнот и загадочно бормоча.

На уступ Буслаев взял только моток веревки, молоток да наспех срубленный и заостренный кол. Спускались мы минут десять, причем я дважды чуть не сверзился с отвесной стены. О Захарыче я ничего не скажу, собой был занят, но сопел тот громче обычного.

В общем, спустились мы еще более или менее сносно. Уступ хороший, просторный, метра два, а то и пошире.

Вот тут-то и начались первые странности.

Взглянул я наверх ненароком — батюшки-светы, вместо двадцати метров крутой земляной стены я увидел по меньшей мере двести! Небо осталось где-то неимоверно высоко, застряв в узкой щели между стенами. Я, кажется, даже икать начал — если мы десять минут спускались, то сколько же будем подниматься? Да и не могли мы так глубоко забраться, во-первых, не успели бы, а во-вторых, сверху ущелье выглядело куда мельче. Буслаев мне шепчет: «Спокойно, Леха, все нормально». А с самого пот в три ручья. «Как же, думаю, нормально...» Потом соображаю, что на такой глубине в такой узкой расщелине должно быть гораздо темнее, а тут светло, как и наверху.

Буслаев тем временем наладился кол в уступ забивать. Наклонил его к стене, чтоб не выворотило, загнал на три четверти и ну веревку вязать. «Ага, — думаю, — спускаться будет».

Сбросил он веревку вниз, подергал — не оборвется ли. Веревка хорошая, крепкая, да и кол он вколотил на добрую сажень. Не должно вроде подвести.

— Слушай внимательно, — говорит. — Там, посреди спуска — пещера. Сейчас я потихоньку сползать начну, а ты здесь сиди. Если тихо будет, значит, все отлично и я потом тебя позову. Ну а если, не дай бог, закричу, тут уж лезь наверх и беги пошибче. Но! — Буслаев поднял вверх указательный палец. — Я просто уверен — УВЕРЕН! — что ничего подобного не произойдет. Понял?

Я кивнул.

— Это недолго, минут десять от силы.

Я опять кивнул. Буслаев странно посмотрел на меня и с шумом вздохнул:

— Ну, давай лапу.

Он пожал мне руку, ухватился за веревку и подошел к самому краю обрыва. Я заметил, что он трижды сплюнул через плечо. «Это еще зачем?» — думаю.

Как только он исчез из виду, я снова вверх поглядел, но не успел я всмотреться повнимательнее, послышался низкий тревожный звук. Гул — не гул, вой — не вой... И сразу же за ним дикий крик Буслаева. Я и не знаю, что нужно делать с человеком, чтобы он так кричал.

Я глядь, а веревка вместе с колом вниз полетела. Не знаю уж, какая пружина меня подбросила, но по стене я карабкался, ровно муха по стеклу. Вой сразу же смолк, я отчетливо услышал, как что-то шмякнулось оземь, и вслед за тем стон Буслаева: тихий такой, жалобный. Я застыл, вцепившись пальцами в неровности подъема.

Взобрался я к этому моменту метров на пятнадцать, не меньше. Верхний край стены оставался таким же далеким; я покосился вниз и обомлел: уступ был прямо подо мной, ногой можно дотянуться. Куда ж я лез все это время?

Помню, руки-ноги у меня сами собой разжались и обмякли, и я брякнулся на уступ, благо невысоко, носом прямо в дырку от кола. Дрожь меня бьет-колотит, и поделывать ничего не могу. А внизу стонет Буслаев.

Тут меня следующая веселая мысль посещает. Веревка улетела вниз вместе с колом, это я видел совершенно ясно. А дырка в земле осталась маленькая, круглая и ровная — в аккурат нос мой только и влазит. Если кол вырвало, то почему не скovyрнуло приличный ком земли? Забит-то он был с наклоном от обрыва, не меньше чем на метр в почву вогнан! Здесь же — дырочка и ничего более. Выходит, кол просто выдернули, хотя как это можно сделать? «А что? — думаю. — Высовывается из стены рука, сильная такая рука, волосатая, хватается за кол, выдергивает и исчезает в стене».

Вы пробовали когда-нибудь вырвать забитый в землю кол? И не пробуйте. Все равно что пытаться выпить Лену-реку.

Тут внизу опять стонет Буслаев.

Не знаю уж, о чем я потом думал, что делал? Очнулся внизу, рядом со стонущим Буслаевым. Тот жив, но без сознания, левая нога нелепо вывернута, как и не его. И воспоминание мимолетное: черный, тянущей затхлостью зев пещеры. На миг, на секунду. Но осмысливать некогда — хлопаю по щекам Буслаева.

Пришел в себя он на удивление быстро. «Нога!» — шепчет. «Сломана?» — ужасаюсь. Сломать ногу черт-те где, в глуши... Я ж его не дотащу! «Кажется, вывихнута. Ну-ка дерни!» Хватаю за ступню, рву на себя, что-то противно хрустит, Буслаев орет как... как... словом, громко и жутко орет, но нога у него, гляжу, уже вроде бы

как своя. Прямо то есть. А Захарыч-то мой о ней тут же и забыл. Глядь вверх, на пещеру и тихо так говорит:

— Помоги мне встать!

Помогаю. Кое-как проковыляли мы с полсотни метров. Буслаев оглянулся — пещеры отсюда уже почти не видно. Ковыляем дальше, и тут соображаю я, что снизу ущелье выглядит куда мельче, чем с середины, с уступа. Как и сверху, метров на сорок. Голова идет кругом.

Через полчаса выбрались мы из этой чертовой борозды. Дно постепенно поднялось и ущелье незаметно сошло на нет.

— Отдохнем! — просит Буслаев и садится на выворотень. Я хотел тоже сесть, да думаю, лучше за мешками сбегая. Так и говорю:

— Я за сидором, быстро!

Буслаев вдруг весь побелел и впервые за все время как заорет на меня:

— Куда? Ну-ка вернись! Не смей туда ходить!

Поворачиваюсь я и холодно так ему:

— Шалишь, Захарыч. Пропадем ведь без ружья, без припасов...

И бегом по краю обрыва. Сбоку тянется ущелье, стараюсь туда не смотреть. Когда я вещи подбирал, вроде опять тот чертов гул послышался, но тише, чем в первый раз. Жуткий звук, надо вам сказать! Людям такие не по ушам.

Короче, подобрал я мешки — и деру. Сидор Буслаевский за плечи закинул, свой спереди нацепил. После ружье лесиной с дерева сбросил, патроны тоже, и назад, к Захарычу. Тот, меня увидев, аж дышать снова начал от облегчения.

— Леха! Леха! — твердит.

Поковыляли мы дальше. Нога у Буслаева распухла, сапог даже не снимался, но дня примерно через три, говорит, пошла боль на убыль, а еще через неделю здоров был мой Захарыч, ровно огурчик с грядки, шагал, будто на параде. Правда, когда я на него не смотрел, все прихрамывал.

До поселка дохромали мы спустя месяц. Буслаев потом говорил мне, что вовек не забудет этого похода, что я — настоящий мужчина, что он мой вечный должник... А я нервно теребил медальон на шее, не зная, куда девать руки от смущения. Рассказывал всем, как я тащил его почти десять дней на себе, сквозь тайгу, хотя на самом деле какое там тащил? Поддерживал только. Но поставьте себя на мое место и поймете, что меня, мальчишку, просто распирало от гордости.

Лишь об одном Буслаев помалкивал: об ущелье. И мне запретил болтать, строго-настрого. Он ушел осенью с якутами куда-то на юго-запад, в сторону Сонгара. А оттуда, наверное, в далекий город Киев. А я остался зимовать в поселке. Сотни раз пересказывал я поселянам историю наших странствий. Но обещание, данное Захарычу, сдержал: в тот год ни одна живая душа не узнала об ущелье.

Объявился Буслаев в начале весны. Я радовался, ровно щенок при виде хозяина. Буслаев тоже лучился радостью; руку потряс, по плечу хлопнул, чуть с ног не сбил. И тихонько так спрашивает сразу же:

— Не проговорился?

Я отчаянно замотал головой.

— Мужчина! — похвалил Буслаев и по секрету сообщил: — Скоро снова туда отправимся.

Он уехал почти на месяц, а когда вернулся — стоял уже май. С собой Буслаев привез несколько длинных прямоугольных ящиков, не особо, впрочем, тяжелых. Нашли якута с оленями, незнакомого; договорились, что он нам поможет, потому что все ящики Буслаев вознамерился тащить с собой. Пока все приготовили да наладились в путь, уже и май прошел.

Якута звали Малча. Олени несли на спинах буслаевские ящики (мы вложили бездну фантазии и все же ухитрились приспособить покорных зверюг к этому нелепому, в общем, грузу). Мы сами шли пешком. Захарыч часто спорил с Малчей по поводу дороги и путь наш поэтому живо напоминал хаотичный след чернильной мухи на чистом листе. К унылому гольцу мы выбрали спустя месяц и неделю, и то, по-моему, случайно. Буслаев повеселел и напыжился, а якута едва не хватил удар от испуга. Я уловил его слова, потому что немного понимаю якутов. Малча сказал по-русски «ущелье» и по-якутски не то «горного духа», не то «желтого духа», затрудняюсь точно перевести. Тогда-то я впервые и услышал о Горном Духе. Слова Буслаева год назад не в счет, он ведь их фактически так и не произнес, но теперь я их отчетливо вспомнил.

События прошлого лета представились мне совершенно в ином свете. Я не считал себя суеверным или боязливым, но не забывайте, сколько лет мне тогда исполнилось.

Малча в считанные минуты сбросил груз со спин своих оленей и поспешно удрал — другого слова я не подберу. Мы с Бусла-

евым остались наедине с тайгой, чертовым (вернее — духовым) ущельем и грудой продолговатых ящиков.

Дня три мы их перетаскивали к ущелью, еще пару дней Буслаев их распаковывал и собирал на краю обрыва какие-то диковинные конструкции, похожие на ажурные трехногие елки, оказавшиеся в итоге не более чем подъемником. Установили его на самом краю, над уступом. Три ящика остались нераспакованными и их спустили на уступ.

Потом разразилась жуткая гроза и мы долго отсиживались в палатке, которую на этот раз захватили. Безостановочно хлестал сумасшедший ливень, а в унылый голец раз за разом лупили ветвистые фиолетовые молнии. Ночью мне несколько раз чудился тот самый тревожный вой и я просыпался, подолгу вслушиваясь в шорох дождя. Еще с неделю мы бездействовали, потому что размокшая земля превратилась в полужидкое болото, а на дне ущелья сплошной мутной лужей пузырилась собравшаяся со всей окрестной тайги вода, причем весело журчащие ручейки постоянно эту лужу подпитывали. Как-то утром Буслаев спросил, не слышу ли я по ночам странных звуков. «Воя?» — напрямик спросил я, теребя отцову цепочку со змейкой, и Буслаев отвернулся. Значит, не чудилось...

А вскоре у нас пропал котелок. Чудеса прямо, всю неделю оставался на ночь у кострища — и ничего, а тут вдруг словно сквозь землю канул. Куда он делся — ума не приложу! Захарыч неуверенно грешил на медведя, но я-то знал, что косолапый скорее унес бы нас двоих вместе с палаткой, чем пустой и выскобленный до блеска котелок. И потом: нашел чем успокоить мальчишку-подростка — медведем!

Пару дней мы шастали по округе с ружьями наперевес (я забыл написать: Захарыч еще весной подарил мне ружьишко тридцать второго калибра, чем привел в неописуемый восторг). Медведя, равно как и любых следов его пребывания, не нашли, зато подстрелили молодого изюбра и пекли куски мяса прямо на костре, насадив их на шомпола. По молчаливому соглашению ружья к обрыву мы не подносили, оставляя в палатке.

За это время тайга подсохла и мы вернулись к ущелью. Подъемнику дождь ничуть не повредил, а вот ящики на уступе до половины увязли в грунте, пришлось их откапывать. Всего за день, работая как одержимый, Буслаев собрал на уступе довольно странную вещь. Теперь я могу сравнить ее с буровой вышкой в мини-

атюре, хотя кое-что примешивалось и от все того же подъемника. Крепил и устанавливал Буслаев все на совесть, вгоняя металлические пруты в землю по самые шляпки, болты завинчивал до упора и даже чуть-чуть крепче. По-моему, свалить эту махину было не под силу и пароходу «Амгуема», который я несколько раз видел на Лене-реке, пусть бы он и забрался на наш уступ. Буслаев повеселел, напевал свою заунывную песню; напряжение последних дней как будто спало...

Чертовщина началась неожиданно; я наблюдал все это сверху. Как раз опустил Буслаеву большой прямоугольный железный лист. Захарыч прислонил его к стене и повернулся к своей махине. Я гадал, куда он будет прилаживать эту пластину, и тут заметил, что она медленно отделилась от стены и падает на Буслаева и его конструкцию. Вернее, момент начала движения я пропустил, увидел пластину уже в падении.

Этот жалкий металлический лист, который я спустил одной рукой, весящий не больше тридцати килограммов — кто бы мог подумать! — смел с уступа все: и плоды буслаевского труда, и его самого. Я и вскрикнуть не успел, все оказалось на дне ущелья. «Опять!» — подумал я и со всех ног припустил вдоль борозды, чтобы попасть вниз кружным путем. Через пару минут я уже был там.

Бог мой! Машина выглядела так, будто свалилась вовсе не с двадцати метров на податливую, еще толком не просохшую почву. Казалось, она рухнула из поднебесья на гранитные скалы. Говоря грубо, машиной она более не выглядела. Так, разрозненные металлические обломки, искореженные до неузнаваемости.

Сам Буслаев, напротив, не пострадал. Он потерянно застыл на коленях перед останками. У меня отлегло от сердца. Машину, конечно, жаль, но главное — Захарыч цел. Каюсь, но второй раз вести его через тайгу мне ни чуточки не хотелось.

Я ждал, когда он опомнится. Дух и его пещера совершенно вылетели у меня из головы. А зря.

Здоровенный ком земли обрушился Буслаеву на спину, опрокинув его, словно жбан с квасом. Следующий сбил с ног меня. Лежа на спине и прикрываясь руками, я взглянул наверх, на уступ. Там кто-то копошился! Комья земли летели в нас безостановочно; Буслаев шипел и кашлял, пытаясь встать.

Так продолжалось с полминуты, потом кто-то на уступе приподнялся и взглянул на нас. Я пытаюсь описать именно то, что

чувствовал в тот момент, каким бы нелепым и странным мое чувство ни казалось.

В общем, представьте, что на вас взглянула большая куча земли, только что добросовестно вынутая из вырытой вашими же руками ямы. Представили? А теперь примите во внимание наши взвинченные до отказа нервы, учтите память о прошлом разе и полную тишину. Учли? Ну а теперь свалите себе на голову что-нибудь тяжелое, и вы приблизитесь к нашему состоянию в тот миг.

Эта куча земли, что подглядывала за нами, взвилась в воздух и погребла нас под собой. Оглядываясь, мы выбрались из-под нее чуть живые, а новая уже глядела на нас с уступа. Я уже приготовился ко вторичному погребению, но Буслаев вдруг, странно крикнув, схватил ком земли и швырнул на уступ.

Куча тут же спряталась!!!

Я чуть не упал. Не успел: секундой раньше на нас стала падать **ВСЯ СТЕНА УЩЕЛЬЯ**. Медленно и неумолимо.

— В сторону! — закричал Буслаев с надрывом.

Но все бесполезно. От этой лавины убежать мы уже не успевали, а выбраться из-под нее я не надеялся. Тем не менее я отпрянул и жалко прикрылся руками. Вопль мой был истошным и безнадежным.

Говорят, перед смертью вся жизнь проплывает перед глазами. Не знаю, ни о чем, кроме смерти, тогда не думал.

А она не мешкала.

С легким хрустом стена проломилась на мне и обратилась в пыль, осев на дно ущелья большим облаком.

Некоторое время я не мог вдохнуть. Сердце бешено колотилось; должно быть, стук его доносился до самого верха, на обрыв.

От стены на самом деле отделился всего лишь тонюсенький пласт, не толще граммофонной пластинки, но мы-то этого знать не могли! Знакомый низкий вой зазвучал на этот раз без злорадства. А что же Буслаев? Я обернулся, нашаривая его взглядом.

Не Захарыч мой родной стоял рядом — не представляю, как вам и сказать... Тварь, чужое создание, воплощение детских страхов. Я не смогу ее описать, человечество не придумало таких слов. Но взгляд твари я, наверное, запомнил навечно: он способен любую живую душу обратить в пепел.

Мне показалось, что цепочка на моей шее превратилась в струйку раскаленного металла, а змейка — в сплошной комок не-

прерывной боли. Я бросился прочь, совершенно не помня себя, куда понесли ноги, и ЭТО — я знал! — бросилось за следом. Никогда я не бегал так быстро и так отчаянно.

А сзади настигал топот, все ближе и ближе, но нет, нет, успокойтесь, это был просто Буслаев. С перекошенным лицом, потный и испуганный, он бежал совсем рядом.

Не знаю, кто заставил меня увидеть его ТАКИМ... И каким он увидел меня, тоже не знаю, спрашивать не хочу и никогда не захочу.

Бежали мы, задыхаясь и хрипя, часа два. Вокруг было тихо. Проклятое ущелье не хотело отпускать нас: справа и слева все так же тянулись сорокаметровые стены, и только вверху, чистая и голубая, виднелась полоска неба, желанного и безопасного.

Ущелье отпустило нас через четыре дня. К этому времени я дошел до грани бреда. Отчасти — от пережитого, отчасти — от голода и усталости. Когда не осталось сил бежать, мы просто брели; тело работало само, без участия разума.

Читая эти строки, вам не представить наш ужас, для этого нужно попасть в ущелье и разозлить Горного Духа.

Потом мы долго тащились через тайгу. Питались ягодами и грибами, а это не очень сытная диета. Потеряли счет дням, скитались, словно дикие звери, пока не вышли к какой-то речушке, там еще был заброшенный прииск. Здесь нас подобрали, изможденных и полусвихнувшихся, геологи.

Окончательно я пришел в себя поздней осенью, в поселке, когда прощался с Буслаевым. Он вновь уезжал на запад, в Киев.

— Прощай, Леха! — говорил он. — Мы снова выкарабкались из этого ущелья. Знай, я вернусь летом и уже не буду таким дураком. Я вернусь не один и не с пустыми руками, и мы выкурим Горного Духа из его векового логова.

— Зачем? — спросил тогда я.

— Зачем? — повторил Захарыч. — А затем, что в той пещере есть то, ради чего стоит вернуться, несмотря на все, что мы пережили. Поверь мне.

Я поверил. Наверное, Горный Дух вселяется в каждого, кто осмелился побывать в этом ущелье.

Буслаев не вернулся. Разразилась война, и я напрасно ждал его каждую весну. Десять лет. Я еще надеюсь, хотя не уверен, ведь если бы он был жив, давно приехал бы.

Десять лет я искал это ущелье. Так получилось, что дороги к нему я совершенно не запомнил. Десять лет поисков, чтобы знать потом, куда идти. Не знаю, на что я рассчитывал, соваться туда в одиночку, по-моему, глупо. А Расскажи кому — поверят ли?

Не знаю.

Но тем не менее я пишу эту историю в свой блокнот — тот самый, что подарил мне Буслаев. Потому что вчера я набрел на место, откуда виден Унылый голец. Это гораздо дальше, чем я предполагал, и намного севернее. Я ходил туда, но приближаться не стал. Ущелье на месте, и палатка наша все еще стоит. В бинокль я разглядел даже что-то поблескивающее у входа, не иначе некогда пропавший котелок. А вот подъемника у обрыва не видно, и я совершенно не помню, приключилось ли с ним что-нибудь тогда или это дела минувших десяти лет.

Сейчас допишу и пойду. Только посмотрю повнимательнее, я ведь не собираюсь туда спускаться. А хочется: проклятый Горный Дух крепко засел во мне. Но я вернусь. Посмотрю и вернусь. Заберу свой блокнот, дойду до поселка, поговорю с людьми. Наверняка что-нибудь знают, слышали, видели... Может, даже экспедицию сюда пришлют, здесь же что-то важное, я знаю! Ну а если вдруг не вернусь, останется мой блокнот, его обязательно кто-нибудь отыщет.

Но я непременно вернусь.

И еще мне кажется, будто слышен далекий низкий вой; теперь он звучит как зов. Но ведь это только кажется...

Все! Я пошел! Жди меня, мой блокнот, мой сидор, мое ружье! Дух не трогает безоружных — мы дважды спускались в ущелье и дважды сумели уйти.

Помоги мне, Горный Дух!»

Часть 2 Шура Коптин

Этот голец и впрямь выглядел очень унылым. Коптин долго его разглядывал, чувствуя, что уныние начинает переползать в душу. Левой рукой он машинально поглаживал шершавую обложку блокнота, лежащего в кармане, в правой привычно вертел ружейный патрон, желтый, как масло.

— Надо же! — прошептал он и зачем-то огляделся. Еще утром тишина совсем не действовала на него, теперь же она казалась зловещей.

Забросив за спину мешок и подобрав ружье, Коптин нерешительно потоптался, потом пересилил себя и пошел к гольцу. Стланик здесь был густой, пробираться сквозь него стоило больших трудов. Когда над самым ухом гнусно заорала сойка, Коптина передернуло; несколько минут он чувствовал и вроде бы даже слышал неистовый стук сердца.

— Эй, Шура! Ты что же, всерьез воспринял эту историю? — спросил он сам себя. Слоняясь по тайге в одиночку, Коптин свыкся с тем, что разговаривать приходилось только с собой. С утра собрался поболтать пару часов с якутом, случившимся навстречу, да не вышло: якут вручил «лючи» Коптину, то есть этот самый блокнот, заявил, что «рузе и месок на суцек повесила, а грамоту тебе» и что самому якуту «шибко спешить надо, мало-мало здут!». Словом, якут уехал, понукая оленя, а Коптин остался читать блокнот, гоняя в ладони неизменный патрон.

Вскарабкавшись почти на самую вершину гольца, Коптин взялся за бинокль. До этого он нарочно не смотрел по сторонам.

Ущелье нашлось быстро и по виду действительно очень походило на борозду невероятных размеров. Нашлась и палатка, невдалеке, в подлеске. Котелка, правда, Коптин не заметил, далековато, но в целом все было именно так, как описывал Леха в своем блокноте.

«Пойти? — подумал Коптин. — Боязно что-то в одиночку... Они-то вдвоем здесь шастали».

Верить — не верить? Вот ведь задача! С одной стороны, ерунда, конечно, мистика, поповщина, а с другой — похоже ведь на правду.

Духи в двадцатом веке? Чушь! Но ведь в остальном блокнот правдив. Все, как есть. Коптин даже якута Малчу знал лично. И совершенно не сомневался, что в описанной ситуации повел бы себя именно так: сбросил груз и оперативно смотался от греха подальше.

У подножия гольца возникла проблема: оставить ружье, как поступали Буслаев с Лехой, или с собой захватить? Поколебавшись, решил — до палатки с ружьем, а там по обстановке.

Растяжки у палатки сильно ослабли, но сама она держалась еще очень браво. «Странно, что за столько лет не рухнула», — подумал Коптин рассеянно. Споткнувшись у входа о котелок, он заглянул внутрь.

Одеяла, пара ружей и мешки — кроме этого, в палатке ничего не нашлось.

Сидор Буслаева — это, конечно, вон тот, побольше. Коптин вдруг обрадованно хмыкнул — в мешке вполне могла оказаться разгадка. Записи Буслаева, вещи какие-нибудь. Просто и безопасно, оставалось только порыться в нем. Шура совсем уж было вознамерился, даже руку протянул, но помешал негромкий шорох.

Сердце вновь заколотилось, шумно и часто. Ладони враз взмокли.

Как можно мягче Коптин обернулся — в палатку заглядывал медведь. Лохматый такой, ушастый. На морде у него явственно читалось любопытство и неодобрение. Неприятный звериный запах влип в ноздри.

Мысли завертелись волчком, затеяли сумбурный рваный хоровод и вдруг исчезли как по команде.

Медведь не двигался, просунув в палатку морду, и Коптин наконец вспомнил о ружье. Медленно, плавно... Главное — не дергаться... Еще медленнее и мягче.

Он прицелился, собираясь спустить курок, но неожиданно медведь сердито рыкнул и резво скользнул вбок, исчезнув из поля зрения. Теперь Коптин видел лишь стволы и желтеющую траву.

В любом случае нужно было покинуть палатку. Но где прятался зверь? Кубарем выкатился Шура наружу и сразу же оказался на коленях, быстро поводя стволом в поисках цели.

Медведь стоял на задних лапах за палаткой и сердито сопел. Потом, сопя еще громче, вцепился когтями в плотный выцветший брезент и стал тянуть палатку на себя. Две растяжки лопнули от первого же рывка, медведь был явно сильнее, чем подгнившие веревки. Не обращая внимания на человека, он поволок к обрыву бесформенный ком, в который превратилась палатка вместе со всем содержимым. Для медведя он справлялся довольно неплохо.

Коптин, разинув рот, наблюдал.

Подтащив свою ношу к самому обрыву, медведь спокойно отправился следом за палаткой. Если и имелась в буслаевском сидоре разгадка, она стала недоступной. Впрочем, можно спуститься, но...

Коптин долго стоял с ружьем наперевес и глядел в сторону обрыва. Ему показалось, что на груди зверя виднелась тонкая светлая полоска, и он лихорадочно соображал: бывает ли такое у бурых медведей? У гималайских — знал, бывает. А у бурых?

Ветер тихонько шевелил траву и шумел в кронах.

Кто-то взял Коптина за затылок, обхватив голову, как человек держит яблоко. Шура вскрикнул, сиюсь обернуться, но держали его крепко. А за спиной раздались престранные звуки: десятки голосов, шорохи, топот, повизгивание, вой и скулеж, скрипучий хохот, глухой хохот, звонкий хохот, треск, вжиканье, улюлюканье, щелчки...

Позади происходило нечто непостижимое, а Коптин мог только беспомощно дергаться да бестолково махать руками. От напряжения и страха сводило мышцы.

Что надоумило его выстрелить в воздух? Трудно сказать. Звуки позади сразу же смолкли, будто радио выключили; Коптин ощутил сильный толчок, от которого выронил ружье и ушел носом в землю. Всего на миг, потому что тут же судорожно приподнялся и бросил взгляд за спину. Там ничего и никого не было.

Пот катился по испачканному землей лицу, как дождевые капли по стеклу во время ливня; поджилки тряслись, а зубы непроизвольно постукивали, словно в стужу.

Никого вокруг, тихо и спокойно.

Не вставая с колен, Коптин затравленно озирался. Ружье валялось рядом, и он потянулся за ним. Вернее, попытался потянуться, так как с места сдвинуться не удалось.

Через минуту Коптин понял, что некая сила неумолимо подталкивает его к обрыву. В эту сторону он мог двигаться совершенно свободно и беспрепятственно. А вот в противоположную не получалось ни шагнуть, ни наклониться, будто возвел кто-то невидимую кирпичную стену, не позволяющую вернуться. Каждый проигранный шаг сдвигал его к обрыву, ближе и ближе.

Повинуясь внезапному порыву, Коптин испробовал направиться вдоль ущелья. Вышло нечто среднее: идти можно, но с трудом, словно сквозь густой кисель. В тот же миг сопротивление пропало, и Шура замер. Потом медленно обернулся; ружье лежало в пяти шагах на жухлой осенней траве.

«Ну его к черту, это местечко! — искренне решил он. — Уберусь, пока не поздно, покажу блокнот кому надо, они пускай головы и ломают, а мне что-то недосуг...»

Думал Шура зло. Злила в основном собственная беспомощность.

Подцепив ружье за ремень, Коптин нарочито неторопливо направился к гольцу, оставляя ущелье за спиной. Каждую секунду он ждал подвоха, но, похоже, ему позволяли уйти.

Впрочем, скоро он наткнулся на знакомого медведя-труженика. Недоверчиво глядя на него, Коптин постарался разминуться, но тот заворчал и поплелся навстречу. Пришлось отступить, все быстрее и быстрее; спустя минуту Коптин уже удирал во все лопатки. Медведь трусил шагах в тридцати сзади.

Дороги Шура не разбирал, и неудивительно, что с разгону вскочил в речушку, неожиданно возникшую на пути в неширокой ложбине. Зверь приближался. Когда вода достигла пояса, Коптин схватился за ружье, вспомнив, как отпугнул медведя от палатки. Но на этот раз косолапый лишь презрительно оттопырил нижнюю губу и неохотно вошел в холодную уже воду. Коптин попятился, но речушка становилось все глубже; отступить стало некуда.

«Неужели понимает, что разряжено?» — запаниковал Шура. Но это же всего-навсего медведь!

Вдруг его осенило — патрон, тот, что вечно вертел в ладони! За ним не нужно лезть в мешок, болтающийся за спиной. Где же он? В кармане?

Медведь приблизился шагов на семь-восемь.

Ружье мигом оказалось переломленным, рука сама собой скользнула в карман.

Пусто.

«Боже, неужели потерял? А в другом?»

Мысли и руки мелькали быстрее стрижей.

«Только бы не намок!»

Вода лизала низ широкого брючного кармана, Коптин лихорадочно нашаривал в нем спасительный желтый цилиндрик.

«Он! А, ч-черт!»

Что-то мешало вытащить руку из кармана, и Коптин сердито рванул ее так, что затрещала плотная материя. Раздался легкий всплеск, но Шура не обратил на него внимания.

Вогнав патрон, он прицелился, ожидая, что медведь остановится или отступит. Тот и впрямь стал, подрагивая то ли от холода, то ли от неустойчивости. Течение все-таки...

Взгляд Коптина оторвался от мушки и сфокусировался на груди медведя.

Светлая полоска на груди была цепочкой, на которой висел маленький медальон — серебристая змейка с красными глазами-бусинками.

Ружье едва не выпало из рук.

Медведь глядел куда-то в сторону, задумчиво, словно бы с сомнением. Никогда доселе Коптин не встречал задумчивых или сомневающихся медведей. Невольно Шура глянул туда же.

Злополучный блокнот, намокая, неторопливо уплывал прочь. Он быстро тяжелел и скоро скрылся в волнах, гуляющих по реке.

Вот что мешало достать спасительный патрон.

Медведь резко развернулся и отправился восвояси, не взглянув на Коптина. Вода зябко хлюпала при каждом его шаге. Выбравшись на берег, он растворился в лесу.

Коптин решил покинуть реку только минут через пять, когда поутихло сердце и стало неважно торчать в холодной воде. Ноги основательно замерзли, но он постарался уйти подальше отсюда.

Наверное, потому что глянул во второй раз на медведя, когда тот поворачивался, и заметил только полоску седой шерсти в виде буквы «V» у того на груди.

Вечером, отогреваясь меж двух костров, Шура не знал, что и думать. Без Лехинового блокнота ему никто не поверит, ясно. Таежные мужички такие басни сказывали долгими зимними вечерами, что, бывало, и не поймешь — плакать или смеяться. Да и сам себе он верил ли?

И посоветоваться не с кем, поговорить. А самое странное — все сильнее хотелось разобраться: пойти в ущелье и найти ответы на мучающие вопросы.

Один, один, вот что плохо. Сгинешь, никто и не вспомнит о тебе, никто не узнает. Даже блокнота после тебя не останется. А пропадать зря кто же захочет?

Что делать-то?

Коптин думал, блуждая взглядом по россыпи звезд, тусклых в ярком свете костров. Где-то позади осталась непонятная борозда, именуемая почему-то ущельем, Унылый голец, коварная речушка в ложбине... Вдали ухал филин и завывал неутомимый странник-ветер.

И тогда Шура Коптин, покопавшись в своем мешке, извлек потертую ученическую тетрадь, пробормотал: «Надеюсь, это не будет ложью...», решительно вывел на обложке: «Ущелье Горного Духа» и задумчиво склонился над пока еще чистым листом.

5—11 января 1991 г.

Николаев

ХОЗЯЕВА ПОДНЕБЕСЬЯ

1

Клауд шумно вспорхнул, взрезал острыми крыльями воздух и канул вниз, за третью кромку. Браслет он упрямо сжимал в массивном клюве.

Сначала ло Вим колебался: глянуть ли за край, или сразу же искать подходящий клен. Раз клауд сунулся вниз — значит, рядом плывет еще один Лист. Решил для начала взглянуть, тем более что совсем недалеко, сразу за второй кромкой, росло несколько кленов с шикарными семенами-крыльями.

Так и есть: чуть ниже, метрах в ста к солнцу, величаво парил Лист. Гигантское зеленое блюдо пятикилометрового диаметра. Молодой, лет двадцати. Значит, пока необитаемый. Красное оперение клауда мелькало за второй кромкой; ло Вим отполз от края и бросился к клену. Выбрал крылья, перерубил мечом мясистый стебель, захлестнул упряжь на семенах и просунул руки под истертые кожаные ляжки. Теперь он походил на птицу, раскинувшую рыжие чешуйчатые крылья, или на гигантскую стрекозу. У третьей кромки он поймал ветер, взошел на рыхлый полузасохший вал и шагнул за край, в пустоту. Тугие воздушные струи заставили крылья петь; пьянящая радость полета охватила ло Вима, как всегда, он заложил несколько крутых виражей, не в силах выразить восторг иным способом.

Однако клауд мог удрать. Ло Вим чуть двинул крыльями и заскользил к новому Листу.

Сел он за первой кромкой, мягко спружинив ногами. На мясистой плотной поверхности Листа выступил зеленоватый сок.

Клауд, нахохлившись, сидел на верхушке молоденькой пихты и глупо тарачился на ло Вима.

Стрела тихо легла на тетиву.

На этот раз ло Вим не промахнулся: клауд, пронзенный насквозь, неловко свалился на толстую хвойную подушку; верхушка пихты так и осталась изогнутой.

Теперь можно было не торопиться. Освободив упряжь, ло Вим бережно уложил ее в заплечную сумку; отыскал поблизости полость и бросил в клейкое густо-зеленое месиво крылья-семена: пусть здесь вырастет клен. Вытер меч и лишь после этого подошел к поверженному воришке-клауду. Первым делом браслет: с трудом разжав клюв, ло Вим наконец коснулся магической вещи. Изжелта-тусклый металл приятно холодил пальцы. Тончайшая вязь, работа древних мастеров... А какие камни!

Браслет он завернул в чистую тряпицу и заботливо уложил на самое дно сумки. Теперь стрела: зачем бросать зря? Поддев ножом, освободил ее, оттер загустевшую кровь и сунул в колчан, а тушку клауда спровадил в полость вслед за семенами клена. Там жадно забулькало: Лист любил мясо. Ло Вим тоже любил мясо, но клауда стал бы есть только в очень голодное время, а сейчас, хвала Высоте, пищи на Листах хватало, благо лето. Северная зима сей год выдалась мягкая, да еще Лист не летал в этот раз к полюсу — чем не жизнь? Вот еще бы южную переждать так же...

Солнце плыло к горизонту точно на западе — стояла самая середина лета. Скоро точка заката станет смещаться к югу, а день и ночь будут укорачиваться, пока Солнце вовсе не перестанет прятаться за горизонтом. Впрочем, как и подниматься над ним: будет маячить багровым полукругом, выставив из-за края Мира крутой бок, и будут висеть долгие сумерки южной зимы. А потом Солнце неспешно колыхнется у точки Юга, оставив над горизонтом всего четверть диска, а потом подрастет. Пока в первый раз не спрячется, совсем ненадолго. А еще позже Мир и Высота снова вспомнят, что такое ночь.

Так было на экваторе, где обычно парили Листы. Но на полюсах, ло Вим знал, все совершенно иначе. Полгода туда вообще не приходит Свет. Потом розовый краешек светила осторожно выглядывает из-за горизонта, словно желает удостовериться: нет ли чего страшного? И начинает Солнце кружить, постепенно поднимаясь. А потом оторвется от горизонта, взберется по спирали выше и выше и застынет в зените. Повисит неподвижно — и так же по спирали спустится, чтобы скрыться на полгода. Чудно там на полюсах.

Ло Вим полюса не любил. Полгода мрак и холод, полгода жара — и беспощадные потоки света. Иное дело экватор: день-ночь, зима-лето-зима, всего в меру — и тепла, и прохлады, и тьмы, и Солнца. Не зря Листы почти всегда парят здесь. Кому охота жариться? О холоде речи нет: на ночной полюс Листы не летали никогда.

А вот дневной приходилось видеть: каждый Лист раз в два—четыре года спешил туда, чтобы соединиться с другими в сплошной многокилометровый ковер. Нелетающая и непарящая живность в это время кочевала с Листа на Лист, ветер разносил споры и семена, молодые Листы отделялись от материнских и уходили в самостоятельный полет. Да и люди обычно переселялись на новый, свежий и полный сил Лист именно в эту пору, давая возможность прежнему отдохнуть и восстановиться, ибо жить бесконечно на одном и том же Листе нельзя, ведь он кормит и поит людей, а значит, отдает им часть своей жизни. Люди никогда не задерживались на Листах дольше срока: зачем губить свой летающий Дом?

Лист, приютивший клан ло Вима, нависал чуть не над самой головой. Снизу ясно виделись молодые побеги. Выпуклое тело, похожее на тяжкое зеленое облако, казалось необъяснимо уместным здесь, в небе.

Ветер гнал оба Листа вдоль побережья Кольцевого Океана, опоясавшего Мир по экватору. Ничто не предвещало перемены погоды, Листы так и будут лететь вместе, изредка меняя высоту и сближаясь. А раз так, можно и поохотиться. Проверив оружие, ло Вим быстро зашагал в глубь Листа, решив не спешить с возвращением.

Пихты и секвойи становились все выше — в два-три человеческих роста. Поверхность Листа устилал пожелтевший ковер из плотно слежавшейся хвои и сухих веток. Под ногами шныряли джары — крупные, с ладонь, короеды. Миграция у них, что ли? Обычно их вот так запросто не встретишь.

Ло Вим шагал к лиственной зоне. Деревья росли на Листах всегда одинаково: у полуиссохшего черенка («кормы») — лиственные: платаны, клены, акации, браки. На «носу» — хвойные: пихты, веши, секвойи, сосны. Конечно, одиночные деревья попадались и в чужой зоне, но довольно редко. Только клены, дающие людям крылья, встречались чаще остальных, особенно между второй и первой кромками. Неудивительно: ведь все, имеющие крылья, садились именно здесь, между кромками, и бросали семена в

ближайшую полость. А клен — дерево неприхотливое, да и Листы их любят...

«Хорошо бы добыть зубра...» — думал ло Вим на ходу. Хотелось обрадовать клан и Семью достойной добычей. Клыкастые и коварные хищники беспощадно истреблялись на обитаемых Листах; добыть же зубра на стороне считалось доблестью.

Торопливо убрался с дороги желтый барсук, поедавший ягоды вики. Свистали в ветвях пересмешники. Доносился дробный перестук дятлов-кочевников. Лист, несмотря на молодость, кишел живностью.

До полян, обычных на границе хвойной и лиственной зон, взгляд охотника не встретил ничего достойного стрелы или клинка. Оставалось надеяться на лиственную: дичи там, как правило, больше. Травоядные держались ее из-за богатого подлеска, хищники — из-за травоядных. Да и вообще на корме жизни всегда больше, чем на носу.

Ло Вим вышел на поляну; лучи Солнца косо падали на овальную проплешину и после лесного сумрака были нестерпимо ярки. Густая трава, взросшая на зеленом теле Листа, разостлалась пушистым ковром. Табунок оленей рванулся с поляны в чащу. Ло Вим улыбнулся: наверное, до темноты успеет добыть ужин для всего клана.

На хоженую тропинку он набрел, пересекая следующую поляну. Вряд ли зверью по силам протоптать такую. Значит, здесь кто-то живет? Абсурд. Обитай здесь чей-нибудь клан, ло Вим давно бы уже встретил следы человеческой деятельности. Оставалось почти невероятное — отшельник. Много лет ло Вим и клан логвита Анта не слышали об отшельниках. Большинство, особенно молодежь, считали, что их и не было никогда.

Ло Вим замер, глядя на тропинку и погружившись в размышления. Но ненадолго.

Потому что...

...что-то гибкое и тяжелое обрушилось на него со спины. Бок и правое плечо пронзила острая боль. Тело сработало само: левая рука молниеносно сомкнулась на рукояти кинжала и вспорола бок нападавшему.

Зубр — а это был именно зубр, — взревев, метнулся в сторону. От толчка ло Вим упал. По плечу и раненому боку струил горячий кровавый поток. Оскалив белоснежные клыки, зверь готовился к

новому прыжку. Зубки у него были ого-го, не зря же его нарекли зубром...

Собрав в тугой комок волю и остатки сил, ло Вим поднялся на колени, кинжал ткнул в землю, отметив место, и, шипя, извлек меч. Было это ужасно неудобно, однако ло Вим забыл об удобстве — дело коснулось жизни, и думать было некогда. Бой — время мудрости рук.

Зубру тоже досталось: алое пятно расплзлось по боку, кровь струила сквозь густую желтоватую шерсть.

Медленно-медленно ло Вим поднялся и осторожно попятился к деревьям. Зубр, рыча, надвигался — неумолимый и не знающий пощады.

Когда шершавый ствол акации встретил спину ло Вима, уверенность вернулась. Теперь сзади он защищен, а впереди меч. Давай же, зубр, отдавай холодной стали! Посмотрим, так ли ты силен!

Зубр бросил гибкое тело навстречу ло Виму. Выставив меч чуть наискось, охотник принял смрадную тушу на клинок и рухнул, не устояв под тяжестью зверя. Боль влилась в тело, пот обжег глаза, а после — гулкий удар сотряс затылок, мир поплыл и померк...

Очнулся он далеко за полночь. Тусклыми фонариками мерцали звезды. В висках гулким ритмом отдавался пульс. Ло Вим застонал, ощупал затылок, еле касаясь кончиками пальцев, — боль тотчас запустила ржавые когти в свежую рану, липкую от запекшейся крови. Позади на траве валялось сухое бревно — должно быть, ствол граба, ибо подобной твердостью больше ни одно дерево, растущее на Листах, не обладало. Об него-то ло Вим и ударился, падая навзничь...

Рядом скорчился мертвый зубр, нанизанный на меч. Кривые, как луны, когти пропахали в теле Листа глубокие борозды, выворотив траву вместе с корнями; борозды наполнились твердеющим соком.

Сцепив зубы, ло Вим заставил себя встать и найти силы для того, чтобы вытащить окровавленный меч из зубра и вытереть его пучком травы. После оставалось только рухнуть рядом с мертвым хищником и погрузиться в черное безмолвие накатившего сна.

Засыпая, ло Вим подумал, что запах зубра, даже мертвого, отпугнет всех любителей поживиться раненым человеком.

Вторично сознание вернулось к ло Виму уже днем. Он лежал на опушке, вжавшись в щель между двумя платанами и стволом

упавшего граба. Над тушей зубра вилось облако зеленых мясных мух, а в траве шныряли мыши-падальщики. Несколько певчих сов, отяжелевших от ночной трапезы, устроились на нижних ветвях платанов.

Голова еще болела, однако общее состояние стало вполне терпимым. Ло Вим встал, неловко припав на затекшую ногу. Меч он, оказывается, все это время сжимал в руке.

«Да, — подумал он сердито, — поохотился, нечего сказать...»

Прихрамывая, он побрел сквозь лес в направлении края. Назойливая мысль, появившаяся вдруг и неуловимая теперь: о чем-то он подумал ночью... О чем-то важном. Но о чем?

Достиг первой кромки, перешагнул через упругий зеленый валик. Где там клены? Ага, вон, целых три. С семенами.

Только приладив упряжь, ло Вим удосужился заглянуть за край.

Листа рядом не было. ЕГО ЛИСТА НЕ БЫЛО.

«Что за чушь?» — опешил ло Вим. Этого просто не могло случиться. Листы парили рядом уже с неделю, после недолгого шторма. Погода не менялась, устойчивый западный ветер влек летающие чаши вдоль Кольцевого Океана с одинаковой скоростью и почти на одной высоте.

Теперь молодой Лист летел один, затерявшись в ничем не нарушаемой небесной голубизне.

«Звезды! — вспомнил ло Вим. — Еще ночью я видел звезды и не заметил на фоне неба своего Листа!»

Именно эта мысль — подспудное наблюдение охотника — терзала его последний час. Выходит, Лист пропал еще ночью.

Стараясь не паниковать, ло Вим брел вдоль третьей кромки, выбирая место, где можно глянуть вниз. В конце концов, родной Лист просто мог опуститься пониже, или теперешнее пристанище — взмыть. Маловероятно, конечно, но еще менее вероятным представлялось беспричинное исчезновение громадного Листа.

Глянув за край, ло Вим вовсе обомлел. Никакого Листа внизу он, конечно, не увидел, зато вместо далекой морской поверхности, кое-где подернутой светлыми черточками пенных барашков, совсем рядом проплывали горы. Лист летел неправдоподобно низко, едва не задевая за самые высокие пики, и, кажется, летел он быстрее ветра, что уж совсем ни в какую полость не лезло.

Ло Вим долго глядел вниз. Горы скоро сменились унылым каменистым плато со свежими разломами — должно быть, недав-

но буйствовало сильное землетрясение. Дней пять назад, не больше. Побег бумбака только-только проклюнулся из щелей, бросив на коричневую кору еще не остывшей земли свежую зеленую пелену.

Здесь же паслась большая стая крыс-оборотней. Еще вчера поди друг друга жрали, пока бумбак не пророс. Так и будут пастись да плодиться до следующего землетрясения. Бумбак сгорит в озе-рах лавы — он ведь всегда в низинах растет, — а уцелевшие крысы вновь примутся жрать сородичей, которые послабей, и ждать, когда все ненадолго утихнет и вырастет бумбак.

Насколько ло Вим знал, внизу из животных ухитрились выжить лишь крысы, а из растений — пяток разновидностей бумбака, отличающиеся лишь размерами да формой листьев. Вся остальная жизнь давно переселилась на Листы, не выдержав бешеного ритма Нижнего Мира. Наводнения, извержения вулканов, землетрясения, бури — все это наваливалось на Мир и постоянно меняло его до неузнаваемости. Где вчера текла река, назавтра могли вздыбиться горы. Где зеленел скорый на рост бумбак, воцарялась голая выжженная пустыня. Неизменными оставались лишь Кольцевой Океан и Листы, парящие над всеми бедами и катаклизмами. Бури, тайфуны и смерчи бушевали где-то внизу, а над Миром был лишь вечный ветер да летающие чаши, надежный людской приют.

Ло Вим угрюмо брел к знакомой поляне. Похоже, судьбе угодно сделать его отшельником. Неужто они и впрямь выживают? Не верилось. Как можно жить без клана? Без логвита, без Отцов, без Семьи? Зачем тогда жить?

По правде говоря, ло Вим недолюбливал свой клан. И логвита Анта. Они совершили самое страшное, что случалось на Листах: изгнали человека. Самое страшное, исключая лишь смерть. Человеком этим был отец ло Вима, личность загадочная и скрытная, хранитель старого браслета...

Однако ло Вим предпочитал не лучшее окружение одиночеству. Какие ни есть, а все ж люди...

Говорят, всех, презревших Веру и Закон, кланы изгоняли. Случалось это очень редко. Вины отца ло Вим не понимал — что плохого в старом браслете? Да и самому ло Виму успели несколько раз указать на его меч. Дескать, больно искусно сработан. Пока удавалось отговориться.

Еще рассказывают, что изгнанники стараются сбиваться в группы по десятку-полтора, обживают подходящий Лист и нападают на все кланы без разбору. Чушь, наверное, изгоняют-то их без оружия. Ло Вим ни разу не был свидетелем нападения изгнанников. Вот битвы между кланами — это пожалуйста, это дело обычное...

Настроения не подняла даже жареная зубрятина. Вяло дожевав мясо, ло Вим спрятал остатки в котомку, закусил корешком вузы и пошел ладить жилище.

Времени это занимало не то чтобы много, однако приходилось долго готовиться. Сок агавы — раз (не меньше трех бурдюков), полость найти подходящую — два, подождать, пока выйдет ядовитый газ, — три, и еще следить, чтобы в полость первыми не влезли шмели.

Агава нашлась сразу, шагах в двадцати от поляны. Старая, толстая, истекающая соком. Поверхность Листа вокруг нее пожухла и сморщилась, покрывшись твердой стекловидной коркой. Два надреза под сучками — и вот уже густой маслянистый сок тонкой струйкой стекает в подвешенный бурдюк. Вскоре отыскалась и подходящая полость — наполненный газом пузырь в теле Листа. Благодаря тысячам полостей многотонные Листы и обрели способность летать. Одновременно они служили Листам желудками: все, что туда попадало, усваивалось без остатка, за исключением лишь семян. Семена Лист выталкивал за пределы полости, где они благополучно прорастали. Вскрытая полость затягивалась в считанные минуты: взмахнул мечом, бросил что хотел и иди себе, много газа все равно не улетучится. Но если плеснуть на края надреза сока агавы, они затвердеют на глазах. Тогда газ выйдет без остатка. Если все так и бросить, Лист нарастит поверх остекленевшего куса новый живой слой, и постепенно полость вновь заполнится газом. Если же облить соком всю полость — и стены внутри, и сверху вокруг щели-надреза, получится отличное жилище. Натаскать туда веток, мха, покрыть плащом — логвитское ложе, год можно проспать!

Отточенный меч вспорол зеленую мясистую массу; ло Вим тотчас же нацедил целую лужу сока агавы, обойдя надрез по кругу несколько раз. Сок быстро впитывался в тело Листа; подставив бурдюк под новую струйку, ло Вим задумчиво глядел на быстро стекленившее пятно.

Газ выходил из полости минут десять. Когда зыбкое марево над трещиной рассеялось, бурдюк как раз наполнился вторично. Ло Вим взялся за меч, вырубая правильный ход. Листу было больно, он знал, но знал он и то, что людская жизнь — всегда чья-нибудь боль. Лист простит, как прощал не раз и ло Виму, и всем людям Мира, ибо без людей Листам достанет иной боли.

К вечеру ло Вим опрыскал соком все свое жилище; выждал еще час, чтобы мертвые ткани Листа окончательно затвердели, устроил себе постель из пахучих пихтовых лап и выбрался наружу, преисполненный гордости за свою работу. Отдраил потускневший меч, подкрепил силы мясом зубра и уселся спиной к развесистому платану, стоящему поодаль от других деревьев, созерцать звезды в просветы между ветвями, шуршащими на ветру.

Ло Вим любил звезды. Казалось, это далекие костры на небесных Листах, тех, что летают выше Солнца. Смотрит ли оттуда хоть кто-нибудь на тусклую звездочку в ином небе — костер у жилища ло Вима?

А как там клан? Как Семья?

Одиночество гнетет людей, вселяя тоску и неуверенность. Ло Вим неотрывно глядел ввысь; а ветер все шелестел в кронах, и это было странно и непривычно: значит, Лист действительно обгонял ветер.

Два дня ло Вим отдыхал, отъедался и залечивал рану целебными травами. Внизу тянулась бесконечная равнина — теперь Лист летел перпендикулярно ветру и все так же низко. Тушу зубра пришлось скормить соседней полости — начала портиться. Первая же охотничья вылазка завершилась вполне успешно: ло Вим подстрелил двух куропаатов, причем вернул обе стрелы. Больше заниматься было нечем. Он послонялся по Листу, распугивая зверье, и вернулся к жилищу. Должно быть, зубр здесь обитал лишь один, а других опасных хищников на том же Листе обыкновенно не водилось.

Еще через день ло Вим, отчаявшись узреть в небе чей-нибудь Лист, надел крылья и взмыл над своим летающим пристанищем. Боковой ветер подхватил его, вознеся к самому Солнцу; Мир чернел внизу, беспокойный и меняющийся, подернутый легкой дымкой, и лишь один Лист видел ло Вим из поднебесья — тот, где провел последние дни.

Он метался над Миром, едва не теряя Лист из виду, но только равнина, Солнце и ветер разделяли его одиночество. Обессилен-

ный, ло Вим едва дотянул до Листа вечером, не стал даже есть. Заполз в жилище, как барсук в нору, и забылся тревожным сном одиночки, отбившегося от стада.

2

Наутро ло Вим, злой и невыспавшийся, отправился на охоту. Куропаты так и шныряли в подлеске, подстрелить парочку ничего не стоило.

Отойдя от центра Листа, ло Вим ощутил нечто странное. Лес стал иным, нежели раньше, но уловить изменение никак не удавалось.

Стало вроде бы теплее. Ло Вим распустил верхний шнурок ворота, взял лук на изготовку...

И услышал голоса. Кто-то переговаривался за кромками. Крылья принесли на его пристанище людей!

До кромок было недалеко. Убрав лук за спину, ло Вим пополз вперед, змеей огибая стволы деревьев. Вот и первая кромка, твердый полувисохший нарост, знак близкого края. Голоса доносились из-за нее. Перевалившись через кромку, ло Вим припал к Листу, как жук-дзар: растопырив руки и ноги, елозил телом по глянцевої поверхности, усеянной хвоинками и бурой трухой, отнятой ветром у кромок. Деревьев здесь почти не росло.

Вторая кромка — а голоса все еще далеки. Ло Вим скользнул за нее и замер у одинокого клена, странно наклоненного к центру Листа. Да и поверхность что-то круче к краю, чем обычно...

Получалось, что голоса звучат за третьей кромкой. Лист там, что ли? Или парят на чешуйчатых крыльях ло-охотники?

Осторожно и неторопливо, как мудрый ящер-варан, ло Вим достиг третьей и последней кромки, края парящего блюдца. Выглянул и обомлел.

Лист покоился на поверхности Мира. Покинул свою извечную обитель — Высоту — и опустился на каменистую твердь, которую всегда избегал!

Ло Вим даже приподнялся, чтобы получше рассмотреть раскинувшуюся перед ним плоть равнины, близкую и оттого непривычную. Голоса враз смолкли. Теперь ло Вим увидел тех, кто говорил. Двое в черных плащах, стоящие на камнях, словно на Листе. Они

смотрели на ло Вима. Вряд ли это предвещало что-нибудь хорошее.

— Эй, гляди! Кто это там?

Незнакомцы обнажили мечи и бросились к Листу. Впрочем, на него так просто не вскарабкаешься: третью кромку от поверхности Мира отделяло локтей семьдесят—восемьдесят.

Однако черные плащи, похоже, придерживались другого мнения — иначе зачем такая спешка? Ло Вим решил убраться подобру-поздорову; вскочил на ноги и припустил в лес, перепрыгивая через валики кромки.

Дальше началась чертовщина. Чуть левее ло Вима вдруг сама собой открылась полость, и из нее, разбрызгивая нежно зеленый сок, вырвались незнакомцы. Даже скорее не полость, а словно бы узкий канал в теле Листа. Получалось, что они прошли сквозь Лист, а ло Вим отродясь о таком не слыхивал.

— Стой, охотник!

Бежать уже не имело смысла. Ло Вим замер, взявшись за меч.

Незнакомцы приблизились. Были они невысоки, коренасты и совсем безбороды. И мечи у них отличались от обычных — подлиннее и поуже, с витыми украшенными вязью гардами. А на руках — браслеты. Точно такие же, как и тот, что хранил род ло Вима.

Ло Вим тупо уставился на браслеты. Он-то был убежден, что владеет одним-единственным!

— Бросай меч! Иначе — смерть!

Ло Вим меч, конечно, не бросил. Еще чего — отступают лишь трусы, а его никто не осмелился бы назвать трусом.

— А-хоуи!

Со звоном сшиблись мечи. Мешала незажившая рана. Черные плащи оказались опытными бойцами: ло Вим скоро был прижат к стволу падуба и отчаянно защищался. Меч тяжелел с каждым взмахом.

Однако и противники уставали. Один отступил, второй поминутно отирал со лба обильный пот. Наземная духота навалилась на Лист, привычный к свежим ветрам высот.

Третьего незнакомца, подкравшегося сзади, ло Вим в пылу схватки не заметил. Поэтому и был сбит с ног коварным ударом. А потом на голову его пала тяжелая рукоять меча, и ло Вим отключился.

Очнувшись, он обнаружил себя привязанным к столбу. Голова побаливала, но гораздо меньше, чем можно было ожидать.

Перед ним с полупустым бурдюком воды стоял коренастый черноволосый юноша; чуть в стороне на резном деревянном кресле восседал совершенно седой старец. Вокруг толпились человек сорок, все одинаково приземистые, широкоплечие, все в черных плащах. Лишь старик выделялся белыми, как утренние облака, одежками и косматой седой бородой. У остальных не было даже усов.

Новая порция воды вылилась на макушку ло Вима, окончательно прояснив сознание.

— Кто ты, человек? — властно спросил старик.

Ло Виму скрывать было нечего: он свободный представитель свободного народа.

— Я — ло Вим, охотник из клана логвита Анта.

— Что ты делал на чужом Листе?

— Охотился.

Старец тяжело встал, опираясь на вычурные подлокотники.

— Не лги, охотник. Откуда у тебя это?

Он протянул вперед раскрытую ладонь со знакомым браслетом. В стороне валялась беззастенчиво выпотрошенная сумка.

— Говори, ибо найдешь смерть в непокорности!

Смерть глупая и бессмысленная — последнее, что стал бы искать настоящий охотник. Медленно, очень медленно ло Вим поднял взгляд с браслета на белобородого старца.

— А почему ты думаешь, что достоин знать правду?

В глазах старика полыхнуло пламя, но ло Вим понял, что неожиданно отыскал нужные слова.

— Удан! Зама!

К старику мигом приблизились два черных плаща. Повинуясь властному жесту, они вскинули левые руки: запястье каждого охватывал витой желтоватый браслет, украшенный драгоценными камнями.

— Смотри, охотник. Такой браслет носит каждый из нас. Сотни лет мы собирали потерянных хранителей по дальним чашам. Этот, — он указал на браслет ло Вима, — последний. Сорок четвертый. Клауды искали его двести шестьдесят лет.

Ло Вим пристально глядел на левую руку старца — никакого браслета там не было. Перехватив взгляд, старик усмехнулся и мягко подтянул свободный белый рукав. Только не левый, а правый.

Его браслет был куда шире и красивее; у ло Вима даже дыхание перехватило от такого зрелища.

— Ты хранитель? — спросил старик.

Ло Вим покачал головой.

— Хранителем был мой отец. Но его изгнали восемь лет назад.

— Он успел сказать тебе Слово?

Узрев в глазах ло Вима недоумение, старик вздохнул:

— Значит, не успел...

По его команде черные плащи перерезали стягивающие ло Вима веревки. Охотник стоял всего несколько секунд, потом рухнул, прямой и негнувшийся, как столб. Старик поморщился:

— Людская кровь... Помогите ему!

Ло Вима некоторое время массировали сильные и умелые руки черных плащей, возвращая жизнь онемевшему телу.

— Твой клан преследует носителей древнего знания?

Вопрос прозвучал почти утвердительно.

Ло Вим грустно кивнул. Когда логвит Ант узнал о браслете, отца едва не зарубили в первые же минуты. Правда, стражи ничего не нашли, и последовало лишь изгнание. Ло Вим видел из-за второй кромки, как отец, поймав ветер, ссутулился под рыжими крыльями и навсегда канул за край. Тогда ло Вим снова плакал, совсем как ребенок, хотя не знал слез уже много лет. А сколько ему перепало за меч! Стражи исходили злобой при виде ажурной гарды и мерцающего клинка. Логвит Ант уже несколько раз намекал, что изделиям древних не место в этом Мире...

Наверное, на Листах скоро вовсе не останется вещей, сработанных древними мастерами, ведь почти все кланы похожи на клан Анта. Ло Вим других не знал, иначе уже давно сбежал бы. Как ни тянуло к Семье и клану, браслет властвовал над ним с куда большей силой. И еще... Сбежать... Еще...

Пробуждение было подобно удару грома. Ло Вим стоял на коленях; в глаза ему пристально глядел седовласый старец. Зрачок в зрачок. Ло Вим потерялся где-то во взгляде старика, а тот проник глубоко в ло Вима, завладел мыслями, поселился в желаниях и надеждах.

Ло Вим съезжился, почувствовав, что перестает быть самим собой. Но в тот же миг старец исчез из его сознания, оставив после себя странную пустоту и холод. Внутри словно сквозил зимний ветер.

— Ты готов, Хранитель?

— К чему?

Ло Вим с трудом встал. Тело было странно свежим, но не в меру тяжелым. От вязкого воздуха Низа кружилась голова.

— Готов ли ты служить Высоте?

Ло Вим непонимающе воззрился на старика, спрашивающего в общем-то даже не у него, а у черных плащей.

— Готов ли подчинить себе браслет и стать последним из нас, замкнув круг посвященных?

— Готов, Мастер! — нестройным хором откликнулись черные плащи.

Ло Вим затравленно озирался, а невысокие люди в одеждах ночи, взявшие его в кольцо, пристально уставились на растерянного охотника.

Глаза у них были зеленые, как Листы.

— Тогда слушай Слово, Хранитель!

Это звучало как песня.

— ...мы, парящие в Высоте, дети Листов, держим время за руку!

— ...храни последнюю нить, протянутую из вчера в завтра!

— Хранитель станет хозяином, и Солнце склонит перед ним голову, и Мир помашет ладонью, и звезды лягут под ноги!

— ...храни и будь сильным; нет напрасной смерти, есть напрасная жизнь! Храни, и придут те, кого ждешь!

— Храни, и станешь рядом с ними!

— Звени, Высота!

Ло Вим осознал вдруг, что на плечи его накинут черный плащ. День клонился к вечеру — в памяти зиял обидный провал, а голова наполнилась звоном, словно его опоили дурманом.

«...последнюю нить, протянутую из вчера в завтра...»

Его вели под руки. Вроде бы к Листу. Потом каким-то узким ходом; ло Вим запомнил только полутьму да скользкую поверхность под ногами.

«...нет напрасной смерти, есть напрасная жизнь...»

Лист, хвойная зона, поляна, еще поляна. Большая полость. Похоже, главная полость. Ого...

«...держим время за руку...»

Черные плащи заняли места вокруг полости, соблюдая правильные интервалы. Полость вскрыли кривым мечом, потемневшим от времени. Гарды на нем, похоже, никогда не было. Но ло Вим удивился другому: вскрывать главную полость?

«...Мир помашет ладонью...»

Запел ветер — Лист набирал высоту. Вопреки случившемуся он все-таки взлетел. При вскрытой главной полости.

На руки ло Виму набросили гибкие плетеные веревки. Или желтоватые браслеты? Нет, все же просто веревки. Двое черных растянули его, словно пойманного зубра. В полости клокотал сок; в ноздри лез приторный запах.

«...храни, и станешь рядом с ними...»

Ло Вим закричал от боли. Белобородый старик тем же кривым мечом полоснул его поперек груди, рассек куртку и задел кожу. Брызнула кровь.

— Готов ли ты, Хранитель? — изменившимся голосом спросил старик. Глаза его вновь принялись буравить сознание ло Вима, царапая память и вгрызаясь в мысли. Кровь все текла; один из черных плащей собрал немного в долбленную деревянную чашу и выплеснул в полость. Потом кровью вымазали браслет.

Было больно. Ло Вим обмяк, по-настоящему испугавшись; не падал он лишь благодаря веревкам. Старик все больше походил на безумца: размахивал мечом, что-то бормотал, а свежий ветер высоты развеивал ослепительно белые одежды.

— Звени, Высота!

И тогда ло Вим понял, что его сейчас убьют. Принесут в жертву непонятным силам, которым поклоняются черные плащи и которые олицетворяет свихнувшийся седой старик. В это не хотелось верить, это казалось нереальным. Чушь, бред, вздор! За что? Он ведь сохранил драгоценный браслет, прятал от глупых стражей... Вот... Вот...

Кривой меч со свистом рассек ветер, вгрызся в трепещущую плоть, вновь обогрившись кровью. Голова ло Вима отделилась от тела и сама упала в разверзнутую полость. В остекленевших глазах застыло равнодушное небо.

Черные плащи отвязали от безвольных рук ненужные уже веревки, сбросили то, что еще совсем недавно было ло Вимом, в полость; туда же швырнули и окровавленный браслет.

— Звени, Высота!

3

Высота звенела. Звенела могучим ветром, хозяином поднебесья, звенела потоками жаркого света, звенела живой силой свободы. ОН чувствовал ветер грудью. Зеленой тугой плотью. Чуткой

тканью Листа. ОН хотел потрогать ветер руками и не мог: рук не было. Было округлое блюдцеобразное тело и смутные ощущения деревьев, едва доносящиеся сверху. Разбираться в них ОН еще толком не научился. Мир маячил внизу, гремел и плевался лавой, бессильный и потому злой. ОН летел навстречу осени.

ОН танцевал в воздушных потоках, огромный и недосягаемый, храня в себе великую тайну — кусочек древнего металла и знания комочка жалкой плоти, именуемой некогда человеком. Лист усвоил без остатка и плоть, и знания, став не просто Листом, но ИМ. В недрах главной полости, в складках черного плаща зрело продолговатое тело, имеющее ноги, чтобы ходить, имеющее руки, чтобы держать меч, имеющее голову, чтобы видеть и доступное общему разуму, чтобы действовать сообща. ОН бережно хранил еще нерожденное дитя, ибо перестал быть просто Листом и просто Человеком. ОН готовился влиться в ряды уже прошедших через это, влиться последним и замкнуть круг посвященных. Влиться и зазвенеть вместе с Высотой.

И тогда зазвенит весь Мир.

Ялта—Киев—Николаев, 1992 г.

ТРЕЛЬ ПЕВЧЕЙ СОВЫ

Буря отнесла Листы далеко на юг, посвирепствовала напоследок и бессильно опала над обширными плоскогорьями. Хаст, два дня не покидавший жилища, наконец смог выйти и вдохнуть свежего воздуха. Не отравленного зловонными вулканическими газами дыхания бури, а настоящего, холодного, как ночь, воздуха Высоты. Ветер улегся; в этих широтах такое случалось. Вдоль Кольцевого Океана, то бишь в экваториальной области, свежий воздушный поток почти никогда не утихал, а бури задевали те места лишь краями. В средних же широтах полное спокойствие чередовалось с чудовищными ветрами, отголосками катаклизмов Нижнего Мира.

За эти два дня Лист охладился и сильно потерял высоту. Обычно зеленые чаши парили в четырех—шести километрах от поверхности; теперь же пристанище Хаста отделяло от Низа неполных два. Впрочем, впереди не менее недели спокойной солнечной погоды, и Лист, конечно, взберется повыше. Хорошо еще, что не на север отнесло — там сейчас зима...

Солнце описывало круги в безоблачном небе, то спускаясь пониже к горизонту, то поднимаясь, но, пройдя лишь полпути к зениту, заваливалось в сторону и начинало сползать вниз.

Хаст, как и все на Листах, знал, что на самом деле это не круги, а медленно сужающаяся спираль. Придет час — и Солнце застынет в одной точке небосвода, но кто знает, куда к этому времени отнесут Лист прихотливые ветры Высоты? Если ближе к экватору, солнце станет висеть невысоко над горизонтом, если к полюсу — тогда где-то рядом с зенитом. Может статься, что Лист окажется за экватором, в северном полушарии. В этом случае светило вовсе спрячется за горизонт и наступит ночь, достаточно долгая, чтобы деревья сбросили листву, а многие звери залегли в готовую каждое мгновение прерваться спячку.

Почти все время, пока бушевала стихия и Лист трепало, словно пушинку, Хаст дремал в дальнем жилище. Пробудившись, он не услышал скрипа веш и сосен, а из-за шкуры зубра, висящей у входа, пробивались желтые солнечные лучики. Хаст потянулся, отгоняя остатки сна, и встал на колени.

Снаружи донеслась трель певчей совы — чередование нежного свиста, щелчков и скрипа. Хаст выскочил наружу, словно за ним гнался рассвирепевший зубр.

У него была причина ненавидеть певчих сов.

Тогда он был еще ло Хастом — охотником клана логвита Стипо. Клан уже лет пять обитал на огромном старом Листе, жизнь в котором медленно угасала. Люди не особо волновались по этому поводу: угасать она будет еще лет тридцать, но давно уже решили при первом же удобном случае покинуть стареющий исполин, который дал людям щедрый и безопасный приют. К полюсам во время экваториальных зим он уже много лет не летал, и об участии в Большом Переселении не могло быть и речи. Оставалось надеяться только на крылья. Ждали, когда рядом окажется подходящий незанятый Лист.

Ло Хаст со своим неразлучным другом ло Гри долго и без особого успеха охотился в хвойной зоне. Под вечер их сморило у третьей кромки. Ло Гри подстрелил куропата, ло Хаст — двух зайцев, но этого было слишком мало для опытных охотников. Не должен же клан голодать!

И тогда прозвучала призывная трель певчей совы. Ло Хаст приподнял голову: над бурым валиком кромки мелькнуло несколько крылатых силуэтов.

Совы стремительными серыми молниями ныряли вниз, за край.

«Внизу Лист!» — понял ло Хаст. Не станут же совы от нечего делать шнырять вдали от зеленых чаш!

Ло-добытки никогда не упускали случая поохотиться на соседнем Листе. А теперь еще и новое пристанище приходилось подыскивать. Упряжь захлестнулась на семенах клена, ветер упруго толкнулся в крылья и подставил тугой бок: летите, жители Поднебесья! Ло Хаст и ло Гри по широкой дуге скользили к зеленоватой громаде парящего чуть ниже Листа. Стайка певчих сов уже успела затеряться в зарослях у первой кромки — птицам не нужно планировать, как людям, птичьи крылья несут без оглядки на ветер.

Тело зеленой чаши спружинило под ногами ло Хаста, сок забрызгал мягкие кожаные сапоги. В тридцати шагах левее опустился ло Гри. Им даже не пришлось договариваться: много раз они охотились на чужих Листах.

Сверкнул меч, вспарывая ближайшую полость, крылья зашуршали о стены и погрузились в темную жижу. Вскинув руку, ло Хаст сунул упряжь в сумку-заплечник и, перепрыгивая через валики кромки, устремился в лес. Ло Гри, все еще возившийся с упряжью, отсалютовал ему.

Ло Хаст не видел, как его приятель сложил упряжь, повертел головой в поисках полости (ближайшая виднелась в доброй полусотне шагов), нагнулся и поднял крылья. В тот же миг коварный порыв ветра из-за края вырвал их из рук и отнес к первым деревьям. Ло Гри насупился, но тут же увидел двух оленей. Рука сама потянулась к луку и колчану, но олени, почуяв неладное, оттянулись в глубь леса. Охотник в ло Гри победил: крылья так и остались лежать на опушке, а он с головой углубился в преследование.

Очень скоро он вернулся с тушей оленя на плечах. Деловито посвистывая, разделал тушу, уложил мясо и шкуру в специальный кожаный мешок и намертво закрепил на себе. Еще раньше огляделся, но кленов поблизости не нашлось, и ло Гри захлестнул упряжь на своих же крыльях. Он рассчитывал доставить добычу клану и побыстрее вернуться: вдруг ло Хасту понадобится помощь? Тяжело нагруженный охотник ступил на третью кромку и шагнул в пустоту. Крылья запели в унисон с ветром; поймав восходящий поток, ло Гри вписался в плавную спираль, взмывая над Листом, который покинул, и одновременно приближаясь к своему.

Обратно он так и не вылетел. Логвит Стипо созвал нескольких ло-охотников в главную полость клана, и до позднего вечера ло Гри оставался на совете. А ночью Листы разнесло вольными ветрами Высот.

Ло Хаст к вечеру подстрелил косулю, а перед этим — четырех куропаатов. Вполне пристойная добыча. Правда, преследуя косулю, он долго кружил у границы хвойной и лиственной зон и потерял много времени. Он был убежден, что ло Гри давно отправился домой с добычей, ведь клан не должен ждать, голод враг людям.

Бросив добычу за первой кромкой, ло Хаст с наслаждением выпрямился, созерцая свой родной Лист, исполинской громадой

нависавший над ним. С кромок рыжими хлопьями сыпалась невесомая труха.

Ну, где там клен, дающий крылья? Ло Хаст огляделся, высматривая взрослое дерево, семена которого подарили людям возможность летать.

Странно, но у кромок охотник не заметил ни одного клена. Обычно здесь их росло больше, чем где бы то ни было: семена-крылья прорастали у полостей, куда опускали их ло-охотники.

Ло Хаст пошел вдоль кромки, всматриваясь в зеленые силуэты деревьев. Веши, пихты, секвойи... Но нет кленов.

Вдалеке запела сова, сзывая сородичей на трапезу. Ло Хаст насупился. Счастливые птицы! Им никогда не приходится искать подходящий клен, ведь крылья всегда у них за спиной. Да и не нужно им куда возвращаться — у сов нет кланов и все равно им, где жить.

Скоро Солнце достигло нижней точки над горизонтом. Дома, наверное, пируют. Ло Гри удивляется: где застрял его верный товарищ?

Ло Хаст вздохнул. Он успел отшагать уже добрых пять километров вдоль кромок. Судя по видимым размерам Листа, оставалось еще километров тридцать пять—сорок, и тогда охотник замкнет круг, вернется в точку, откуда вышел. И по-прежнему ни одного клена! Прямо наваждение какое-то...

Пройдя еще немного, ло Хаст замедлил шаг. Его одолевал голод, а значит, скоро одолеет и усталость. Нужно вернуться к добыче и подкрепить силы, а тогда уж приниматься за поиски. Видимо, на этом Листе клены — редкость.

Если они здесь вообще есть.

Когда он подходил к месту, где оставил тушку косули и пушистые комочки куропатов, вверх взвилась вспугнутая стая певчих сов. Летели они тяжело, словно изрядно поужинали, на лету обмениваясь мелодичными трелями.

Ло Хаст приближался. О Небо!!! Вот куда совы слетались пировать!

От куропатов остались только перья, от косули — окровавленный костяк с ошметками мяса у суставов. Вид у мяса был весьма неаппетитный. Певчие совы сожрали всю его добычу вместе со шкурой.

Изырая проклятия, ло Хаст схватился за лук и метнулся к опушке, где несколько десятков сов расселись на нижних ветвях веши.

— Мерзкие твари!

Совы лениво снялись и лениво потянулись в глубь леса. Ло Хаст послал им вслед стрелу и бессильно опустил на колени. Ярость постепенно схлынула.

Что же происходит? Он, опытный ло-охотник, позволил гневу управлять собой. Растерялся, как мальчишка, бросил добычу, не укрыв ее... Стрелу зря потерял...

Скоро ло Хасту удалось восстановить в себе спокойствие. Он встал, прошел к лесу и пошарил под деревьями. Стрела, к счастью, не сломалась — завязла в плотной слежавшейся хвое, прочертив хорошо заметную неглубокую борозду. Ло Хаст сунул стрелу в колчан и потянулся за ножом.

Первым делом — подкрепить силы.

Сломал сухую вешу, разжег костер, срезал с несчастной косули еще пригодные в пищу кусочки мяса и нанизал их на струганные палочки. Испек над угольями. Достал из сумки лепешку.

Утолив голод, ло Хаст сразу почувствовал себя много лучше. Бог с ней, с добычей. Надо искать клен.

Проклятые совы! Ло Хаст представил, как вернется с пустыми руками, как будут хихикать женщины и презрительно коситься удачливые ло-охотники. «Слыхали? У ло Хаста совы отняли добычу!» Тяжелый вздох сам вырвался из груди.

Затоптал остатки костра, подхватил сумку и устремился в листовенную зону. Может, хоть в чаще найдется желанное дерево с семенами-крыльями. Солнце уже карабкалось вверх, стало немного светлее. Хорошо, что лето: очень долго ло Хаст не увидит ночи. Удобнее.

Очень быстро он понял, что на этом Листе просто нет кленов. Совсем. Невероятно, но так. Охотник обошел чашу по периметру вдоль кромок — ни одного. И в листовенной зоне тоже. Акаций, браков, граба — сколько угодно. Даже парочка дубов встретилась, весьма редких на Листах. Кленов же — ни одного.

Солнце замкнуло в небе три круга, прежде чем он это понял. Станный Лист ко времени прозрения взмыл, нагретый спокойным светилком, километра на три с половиной. Родной Лист еще виднелся далеко внизу у самого горизонта, старые Листы высоко не летают. Эх, сейчас бы крылья! Ринуться в эту зовущую бездну, ощутить плотные токи воздушных струй, поймать ветер и заскользить туда, к крохотной зеленой точке на границе Мира и Неба, к исполинской чаше, где ждет клан, братья-охотники, логвит, Семья...

Оставалась одна надежда: ло Гри, обеспокоенный отсутствием друга, вернется.

Но почему не вернулся до сих пор? Времени прошло достаточно.

Ло Хаст устроился на буром валике третьей кромки, и порывы ветра, всегда ощущающиеся у края, трепали его длинные вьющиеся волосы. Совсем рядом лежала пропасть, отделяющая Лист от Нижнего Мира.

Тройка певчих сов, едва не задев крыльями сухую кромку, скользнула в пустоту. Ло Хаст проводил их злобным взглядом. Если бы не эти птицы, сидели бы сейчас они с ло Гри у костра или в хижине, пили бы эль или пиво после сытного обеда...

И тут ло Хасту пришла в голову совершенно очевидная мысль, ранее почему-то не приходившая.

Каким образом покинул этот Лист ло Гри?

Единственный способ — на тех же крыльях, на которых прилетел. Два-три часа в полости крылья еще выдерживали. Больше — крайне редко.

У охотника перехватило дыхание. Теперь-то уже поздно, его крылья расползлись, конечно, пораженные едким соком полости, но тогда, в первый день, когда совы позаботились о его добыче, крылья еще можно было спасти.

Ло Хаст застонал от досады, отполз от края и бегом кинулся к месту их с ло Гри посадки. Вот и нужная полость со шрамом, затянувшимся несколько дней назад. Меч, чмокнув, пал на зеленое тело Листа. Охотник вскрыл наполненный легким газом пузырь трехметрового диаметра и отошел в сторону, тяжело дыша.

Дурманящая струя, невидимая глазу, ударила из полости, края живой зеленой плоти зашевелились, истекая густой жидкостью, готовые в несколько минут зарастить отверстие. Обливать его соком агавы, чтоб не затянулось, было некогда. Отдышавшись, ло Хаст вновь взмахнул мечом. Отверстие увеличилось. Набрав в грудь побольше свежего воздуха, он глянул вниз.

От крыльев, конечно же, ничего не осталось. Лист усвоил их полностью, только темные пятна да бугристые натёки все той же вязкой жидкости остались в местах, где Лист втянул в плоть обнажившиеся семена клена. Их Лист, понятно, не переваривал, просто выталкивал за пределы полости, чтобы они могли без помех прорасти.

Ло Хаст оторвался от дыры, прочищая легкие. Собственно, на другой исход надеяться и не приходилось.

Больше вскрытых недавно полостей ло Хаст поблизости не обнаружил и немало этому удивился. Выходит, ло Гри оставил свои крылья просто на Листе, а потом вернулся и на них же улетел. Неужели он знал, что здесь не растут клены? Но почему же тогда не предупредил ло Хаста?

Он вернулся к уже затянувшейся полости с семенами клена, единственными на этом Листе. Пока дерево вырастет и начнет давать крылья, пройдет не менее пятнадцати лет. За эти годы Лист раза четыре наведается к одному из полюсов во время Солнцестояния, чтобы соединиться с тысячами других в гигантский летающий ковер. Только тогда, в дни Большого Переселения, ло Хаст сможет покинуть негостеприимный Лист. Но найдет ли он на бескрайнем ковре из многих чаш свой клан? Не факт, что новое пристанище, куда клан, без сомнения, в ближайшее время переселится, устремится к полюсу в это же Солнцестояние. А шастать без конца по разным Листам в межсезонье, во-первых, долго, во-вторых и в-главных — весьма небезопасно. Враждебные кланы не тронут одиночку только во время Большого Переселения. Да и за изгнанника могут принять, а это почти верная смерть в любое время.

Но все же это хоть какой-то шанс; лучше ли просидеть остаток жизни на дурацком Листе без крыльев? Охотники не могут без крыльев, Небо — их дом, Высота — их стихия. Охотник-ло без полета все равно что дерево без плодов.

Ло Хаст вспомнил певчих сов и в сердцах пожелал всему их крылатому роду никогда больше не подняться в Небо.

Издали донеслась долгая трель, как показалось ло Хасту — возмущенная.

Он вздрогнул и вернулся к своим мыслям.

Лист наверняка лишь недавно летал к полюсу. Ло Хаст не раз заглядывал за край, за третью кромку, и не заметил ни одного молодого побега. Так бывает лишь в первый год после Большого Переселения, когда юные Листы отделяются от материнских и с этих пор противостоят Высоте в одиночку.

Значит, впереди у него три-четыре года полного одиночества. Ну, в лучшем случае два. Если больше никого не занесет на этот проклятый Небесами Лист.

Или не вернется ло Гри.

Ведь должен же он вернуться за другом? Ло Хаст обязательно вернулся бы, чего бы это ему ни стоило.

Он тяжело вздохнул. Постоял немного у кромки, слушая, как поет ветер Высот, и пошел готовить жилище, благо агавы в отличие от кленов здесь встречались в изобилии.

А ветер пел неспроста. Поднявшийся еще выше, Лист угодил в быстрый и узкий поток воздуха, царящий на этой высоте, и полетел на восток, прочь от родного Листа ло Хаста, оставшегося ниже и по-прежнему неспешно дрейфовавшего на юго-запад.

С тех пор он не видел людей. Изредка на фоне небесной голубизны темнели силуэты далеких Листов, но все они величаво проплывали мимо. Однажды Хаст разглядел даже крохотную точку, планировавшую к зеленой чаше, — счастливца, обладавший крыльями, возвращался домой. Но ни разу никто из охотников-ло даже не приблизился к Листу, так не любившему клены. За три года Хаст стал совсем другим — хмурым, злым; но и более терпеливым, чем раньше. Теперь он мог часами наблюдать за муравьиной кучей где-нибудь в лесу или за дятлом, промышляющим жуков-джаров. Или, найдя удобное место у края, смотреть на Нижний Мир, проплывающий под Листом, непознанный и загадочный.

Раньше такое просто не пришло бы ему в голову.

Костры, дым которых на Высоте был виден издали, никого не привели на помощь. Клен у разрубленной три года назад полости так и не пророс. Наверное, дело было в Листе: тот ненавидел клены так же сильно, как Хаст ненавидел певчих сов.

Бывший охотник вполне благополучного клана и сам не мог понять причин своей ненависти. Однако за три года десятки взрослых птиц упали на Лист, пронзенные стрелами; сколько гнезд разорил он, убивая самку мечом, а яйца или беспомощных птенцов топча сапогами...

Он мстил совам за свое одиночество. Хотя сознавал, что в общем-то не совы виноваты в произошедшем, а нелепая случайность. И от этого становился только злее. Лист, за исключением нелюбви к кленам, ничем не отличался от других парящих над Миром чаш. Та же неподатливая зеленая плоть под ногами; трава, деревья, пустившие корни в эту плоть. На «корме» росли листовые породы, на «носу» — хвойные. Как и везде, на любом Листе, и никогда еще люди Поднебесья не слыхали о другом положении вещей. Хватало и дичи — зайцев, косуль, куропатов, кабанов. Хаст выследил и убил единственного на Листе волка; больше никого,

кто посмел бы угрожать человеку, здесь не нашлось. На зайцев и куропатов охотилось почтенное семейство енотов; с ними Хаст никогда не враждовал. Жизнь текла неторопливо и размеренно, и если бы не тоска по людям, Хаст даже порадовался бы произошедшим в себе переменам. Он стал взрослее, что ли. Даже нет — мудрее. Теперь больше хотелось думать, чем действовать.

Еще через три года Хаст осознал, что Лист никогда не летает на дневной полюс к Большому Переселению. Последняя надежда хоть когда-нибудь вернуться к людям рухнула, словно старая гнилая сосна во время бури. Воистину, он угодил на Лист, проклятый всеми ветрами Высот.

Совы все так же упорно гнездились на «носу» Листа, сколько Хаст ни разорял их кладки. У каждой убитой совы он отсекал средний коготь левой лапы — самый мощный и длинный — и низывал на прочную нить. За несколько лет ожерелье стало внушительным с виду и весьма тяжелым. Хаст вешал его у входа в жилище.

Лист парил меж Миром и Небом, цветущий и безмятежный, и никто со стороны не смог бы предположить, что здесь томится в одиночестве человек, бывший некогда ло-охотником.

День походил на день, как хвоинки на ветке сосны, ничто не нарушало ровного течения времени. До тех пор, пока Хаст, преследуя коосулю, не наткнулся в зарослях бумбака на совенка-пуховичка, вывалившегося из гнезда. Рядом на мягкой летней траве камнем застыло тело мертвой совы-матери. Отчего она погибла, Хаст так и не понял.

Он нахмурился и потянулся за ножом. Снова совы! На этот раз они норовят отвлечь его от охоты.

Солнце отразилось от холодного железа, и глаза совенка, поймав этот отблеск, зажглись загадочным зеленым огнем. Клюв его раскрылся, выпуская на свободу крик — еще не трель взрослой птицы, но отчаянный призыв детеныша, мольбу о помощи и защите. Совенок прижался к неподвижному телу матери и тоже замер в наивной надежде остаться незамеченным. Только широкие листья бумбака величаво колыхались, точно диковинные зеленые руки.

Хаст вздохнул. Никогда доселе он не давал пощады совам. А сейчас он вдруг узнал в испуганном и брошенном всеми птенце себя — одинокого и беззащитного в огромном и отнюдь не ласковом мире.

Одновременно Хаст рассердился на себя за нелепую и непозволительную слабость. Ведь если бы не певчие совы, они с ло Гри наверняка так и не заметили бы этот злосчастный Лист.

Коротко выругавшись, Хаст вернул нож в чехол, перешагнул через застывшего птенца и ринулся по следу косули, отгоняя прочь назойливые мысли.

Вечером, когда летнее Солнце достигло нижней точки на небосводе и стало снова подниматься, Хаст готовил на огне мясо добытой косули, вновь и вновь вспоминая обреченного совенка. Не выжить этому комочку теплой плоти, ясно как день, что не выжить. И никто не поможет, ибо законы леса добры лишь к сильным.

Дважды Хаст порывался встать и дважды, сцепив зубы, оставался на месте. Он не должен никому помогать. Кому суждено погибнуть — погибнет, потому что это закон. И не ему, Хасту-одиночке, нарушать законы жизни.

Но может быть, именно потому, что никто не даст себе труда нарушить закон, он и торчит седьмой год на ненормальном Листе? Один, как Солнце в Небе?

Да будь прокляты все законы! Все до единого!

Хаст встал и торопливо зашагал к зарослям бумбака.

Совенок пушистым шариком сидел у ствола молодой пихты. С мертвой мамашей уже расправлялись шустрые мышцы-падальщики и белые жуки.

Хаст кашлянул, и мышцы тотчас же исчезли в траве. Совенок вжался в кору пихты, сверкая глазищами. Если бы не глазищи, он стал бы совсем незаметным на фоне ствола. Хотя это вряд ли помогло бы: из чащи, колыхая листья бумбака, вытекла пестрая древесная змея. Длинная, почти шаг. Нахмурившись, Хаст подобрал валежину и прогнал змею прочь.

Теперь назад пути не осталось: совенок уже считался съеденным, а однажды спасенного более не бросают Судьбе на забаву. Тем паче если он мал и беспомощен.

Спрятав кулак в рукав куртки, Хаст опустил на колени перед совенком. Тот окаменел, не сводя глаз с человека. Медленно-медленно Хаст протянул защищенную толстой шкурой зубра руку к птенцу, и тот, словно заранее обученный, браво шагнул навстречу и взгромоздился на предложенный насест, аккуратно сомкнув когти вокруг запястья. Хаст затаил дыхание. Птенец несмело пискнул:

— Ски-и-ит!

Когти его прочно обхватили руку, но нигде не повредили куртки. Птенец словно подчеркивал, что доверяет человеку.

— Эх ты, желторотина! — усмехнулся Хаст, вставая.

Птенец раскинул крылья, балансируя, но когти прочнее не сжал, хотя при желании мог легко пропороть и куртку, и руку Хаста под ней.

— Как, говоришь, тебя зовут? — обратился Хаст к совенку, отведя руку далеко в сторону.

— Ски-и-ит!

— Скиит?

Птенец заворчал, будто разбуженный барсук.

— Пошли домой, Скиит, — сказал Хаст и зашагал к жилищу, переполняемый невысказанной радостью.

Потом он долго кормил совенка кусочками сырого мяса; тот жадно глотал, закатывая глаза. Разговаривать с кем-нибудь живым было на удивление приятно, и впервые за несколько лет Хаст не чувствовал себя одиноким.

Ло Гри бесшумно извлек из колчана стрелу и натянул тетиву. Наконечник из тусклого металла, казалось, обрел глаза; сейчас он глядел на жертву: крупную сову, дремлющую на толстом суку корявой веши.

С тихим свистом стрела метнулась вперед к ничего не подозревающей сове, вгрызлась в жаркую плоть, легко проткнув оперение и тонкую кожу. С хрустом ломая полые птичьи кости, окровавленный наконечник прошел сквозь тело и вышел наружу. Жизнь покинула беспечную птицу мгновенно: шурша ветками, сова мягко шлепнулась на прошлогоднюю хвою.

Ло Гри приблизился, вытащил стрелу, распластав тушку отточенным охотничьим ножом, тщательно вытер наконечник о пестрые совиные перья и вернул стрелу в колчан. Еще один взмах ножа — и средний коготь с левой лапы перестал принадлежать законной хозяйке. Острием ножа ло Гри проделал в когте небольшое отверстие и нанизал на тонкий шнурок, где болталось десятка два таких же кривых, словно серп луны, когтей.

Пнув коченеющий комок сапогом, ло Гри прошептал:

— За ло Хаста, проклятая тварь! За друга...

Он убивал сов уже седьмой год.

* * *

Проснувшись, Хаст первым делом взглянул на жердь у входа: совенка мирно дремал, вцепившись в морщинистую кору вешки когтями. Вчера Хаст приспособил этот нехитрый насест, решив, что птице удобнее отдыхать на ветке, нежели на полу. Рядом висело ожерелье из когтей убитых сов; Хаст наткнулся на него взглядом. Вздрыгнул. Но птенец не обращал на свидетельство смертей своих соплеменников никакого внимания.

Хаст поднялся, подошел ко входу. Глазищи птенца распахнулись, сверкнули в полумраке жилой полости.

— С пробуждением! — бодро поздоровался Хаст и неловко снял с сучка ожерелье, стараясь, чтобы совенка не увидел. Но тот внимательно, словно бы даже с интересом, наблюдал за человеком.

«Чего это я? — подумал Хаст с недоумением. — Будто он понимает...»

Негромкий писк был ему ответом:

— Ски-ит!

«Надо его накормить...»

Хаст взял лук и колчан со стрелами, повесил к поясу меч, скорее по привычке, чем по необходимости, зафиксировал ножны на бедре, чтоб меч не мешал при ходьбе по лесу, велел совенку «сидеть тихо» и ушел в лес.

Ожерелье он выбросил в первую же полость без малейшего сожаления.

Охотник по-прежнему жил в нем, и даже не потому, что он отправлялся за добычей снова и снова: в клане охотник — опора, он заботится обо всех, кто остается в стойбище. Заботится и защищает. Последние годы Хасту не о ком было заботиться и некого защищать. Но его естество требовало защитить хоть кого-нибудь, помимо воли и событий, и отчасти поэтому возникали вспышки непонятной ярости.

Именно поэтому он не устоял и спас птенца от верной гибели. И еще Хаст подумал, что, наверное, именно из-за этого люди и стали людьми: из-за потребности защищать и заботиться.

Лето текло, как Лист в воздушном потоке. Совенок на сытной кормежке быстро рос и набирался сил. Пух мало-помалу заменялся на пестрые перья взрослой птицы, крылья окрепли, постепенно Скиит стал перепархивать с места на место, а раньше ковылял на когтистых лапах. Взрослые совы почему-то перестали появляться

вблизи жилища Хаста, а на «нос» Листа наведываться было незачем. Хаст и не наведывался. Дичи хватало и совсем рядом, ни человек, ни соенок не голодали.

Старые знакомые еноты в очередной раз вывели потомство и ушли в глубь лиственной зоны. У границы зон, где обосновался Хаст, развелось много куропаатов, чуть ближе к «корме» держался табунок оленей. Их Хаст без нужды не трогал, решив позволить пятнистым зверькам расплодиться.

Лист оставался верен основному потоку Высот: могучей воздушной реке, спутнику Кольцевого Океана. Чуть выше, в слое, где кишел легкий планктон, паслись киты — громадные продолговатые пузыри, свободно парящие над Миром. На гладких серых боках виднелись лоснящиеся шарики прилипал. Изредка вблизи Листа проплывали стайки высотных медуз — удивительно красивых созданий, похожих на невесомые текучие шлейфы. Они обитали в верхних уровнях атмосферы и в слой, где держались Листы, спускались очень редко. Как-то раз Хаст наблюдал нападение трех молний на китенка — бедняга был проколот в несколько секунд, хищники вцепились в мякоть кия под брюхом и рухнули вместе с потерявшей способность летать жертвой прямо в волны Океана. Молнии были королями среди плотоядных: способные набирать воздух в специальную полость и с силой извергать его в любом направлении, они перемещались в потоках независимо от ветра с поразительной быстротой, а привычка нападать втроем—впятером позволяла умерщвлять даже взрослых китов.

Величаво скользили мимо корзинки наусов, прикрытые сверху полетным шаром. Хаст готов был поклясться, что в корзинках кто-то копошится. Вполне возможно, что так же, как Листы приютили людей, нелетающих животных и деревья, и наусы пустили в свои корзинки какую-нибудь мелочь. Наусов часто сопровождали парочки воркующих альбатросов — птиц, совершенно утративших ноги. Они всю жизнь проводили в полете, даже спали, не переставая парить в потоках податливого воздуха. Хаст смотрел на них с завистью: они никогда не расставались с крыльями.

А подняться в Небо хотелось все сильнее и сильнее. Набросить упряжь на гладкие семена клена, поймать ветер шероховатой плоскостью крыла и взмыть, подмяв восходящий поток, над Листом. Хаст закрывал глаза и видел, как сосны и веши проваливаются вниз, казавшаяся необъятной чаша вдруг становится похожей на чайное блюдце и виднеется целиком чуть в стороне и внизу. И

даже машет кто-то с поляны, машет рукой, приветствуя ло-охотника...

Хаст вспомнил, как он учился летать; как тайком с тя Гри, подростком, еще не охотником, стянули по упряжи и поднялись в небо, впервые без ло-наставника. Как влетели по неопытности в стаю пираний, небольших существ, состоящих из зубастой пасти и летательного шарика, как еле сумели вырваться, сломав крылья о плоть вечно голодных хищников у самого Листа, и как вдвоем спасались на одной прилипале... Еле дотянули до кромки — еще немного, и их тела навечно остались бы на поверхности Низа, рухнув с пятикилометровой высоты...

Хаст часто сидел у третьей кромки, наблюдая жизнь Высоты; раньше, во время жизни в клане, на это не хватало времени. Первые годы плена он сосредоточился на лесе, позже стал поглядывать и за кромки Листа. Скиит обыкновенно дремал на шелушащемся валике или пристраивался на ветке молодого деревца, если такое попадалось вблизи от края. Ближе к осени совенки начал летать, с каждым днем все увереннее и увереннее.

Хаст привязался к пестрому птенцу, еще нескладному, как и все подростки, радовался его крепнущим крыльям и хитроумным проделкам; учил его садиться на руку, защищенную шкурой зубра; учил бить куропатов, пикируя на них с веток сосен, веш и грабов; учил не пожирать добычу тут же, а приносить ему, Хасту. Скиит оказался на редкость сообразительной птицей: обучался быстро и охотно и платил человеку завидной преданностью. Хаст даже научил его приносить выпущенные стрелы. Натаскивал его Хаст без особой цели: скорее от избытка свободного времени.

Пока вдруг не понял, что крылья совенки могут спасти его, бескрылого отшельника, в прошлом — охотника клана логвита Стипо.

К южной зиме Скиит привык к алой тряпице на лапе, больше не рвал висящую ленту с письменами и не позволял ей запутаться в ветвях, когда обосновывался на дереве.

Мысль Хаста была проста: если у него самого нет крыльев, почему бы не поставить на службу крылья Скиита? Если рядом окажется населенный Лист, совенки перелетит на него, найдет людей и позволит им прочесть послание на ленте. Любопытный клан обязательно поможет ему: кто-нибудь из охотников взмоет в Небо на двойных крыльях и оставит одну пару Хасту. А там уж он сам: найдет нормальный Лист, с кленами и отправится в долгий поиск

родного клана. Придется основательно пошарить в Небе, его Лист может находиться где угодно, но перспектива бесконечных перелетов совсем не пугала его. По крайней мере это лучше, чем сидеть на странном Листе, отщепенце Высот, не имея возможности подняться в прозрачный воздушный поток.

Солнце застыло точно на юге, наполовину скрывшись за горизонтом; Луна успеет двадцать раз взойти и сесть, прежде чем оно вновь придет в движение. Глядя на половинку багрового диска, Хаст гладил Скиита по клювастой голове.

— Мы еще взлетим вместе, птица... Крыло к крылу... И поохотимся на славу в теплых ветрах Высот...

К первым ночам Скиит безошибочно выполнял приказы Хаста. Ленту с лапы совенка Хаст теперь не снимал. Дважды он послал крылатого помощника на соседние Листы, но оба оказались необитаемыми. Оставалось терпеливо ждать.

Скиит, казалось, все понимал. С писком он взмывал над пристанищем Хаста и часами кружил, высматривая далекие Листы. Глаза у него были не в пример зорче человеческих. Хаст еще сильнее привязался к спасенному птенцу, подкармливал лакомыми кусочками со своего стола, хотя Скиит давно уже охотился самостоятельно; иногда расчесывал отрастающие перья, а раз пришлось подрезать сломанный коготь. Впрочем, коготь быстро отрос и стерся на кончике, став таким же острым, как раньше.

Третий Лист высмотрел именно Скиит. Хаст еще спал в жилой полости. Солнце давно взошло, ночь достигла к этому моменту всего трех часов. Весна была в самом разгаре: деревья меняли листву, зеленые побеги лезли из набухших почек, выталкивая прошлогодние листья. Совенок с пронзительным писком ворвался в полость, оглушительно хлопая крыльями. Хаст сразу проснулся, но не сразу понял, что происходит. Когда же понял — со всех ног кинулся к краю, за совенком.

Недолгая пробежка через лес привела его почти точно на «нос»; Скиит, по-прежнему пищавший, сел на ветку коренастой, как и все деревья у края, вешки.

Вдали и чуть ниже величаво парил Лист, явно обитаемый: Хаст сразу различил столбики дыма, поднимающиеся вверх. Его, наверное, принесло позавчерашним штормом с севера, из-за Океана. Лист продолжал постепенно снижаться, охладившись в холодном штормовом потоке.

У Хаста перехватило дыхание.

* * *

— Ну, малыш...

Он подставил незащищенную руку, и Скиит преданно оседлал ее. Страшные кривые когти не оставили на коже ни единой царапины.

— Лети! Отыщи людей! Люди, Скиит! Люди!

Пестрая птица взмахнула крыльями и ринулась в прозрачную бездну. Маховые перья разошлись, и крылья стали похожи на человеческие руки с растопыренными пальцами. Совенок устремился к недалекому Листу, и Хасту показалось, что его не догнала бы даже молния.

— Скиит! — пискнул его пернатый друг, а потом защелкал и засвистал — впервые в жизни по-взрослому.

Хаст еще долго слышал трели, постепенно утихающие, растворяющиеся в шепоте Высоты. Он сел на кромку и стал ждать, пристально уставившись на соседний Лист, так, что стали болеть и слезиться глаза.

Он ждал долго, Солнце прошло зенит и начало клониться к точке сегодняшнего заката, а он недвижимо сидел перед рыхлым валиком третьей кромки. Хотелось есть, но никакая сила не прогнала бы сейчас Хаста с его поста. Он ждал возвращения Скиита, не в силах поверить, что одиночество продлится и дальше. Шесть лет, даже больше — с него вполне хватит...

Крошечную точку, отделившуюся от Листа, Хаст заметил сразу же. У него перехватило дыхание. Вглядываясь до рези в глазах, Хаст почувствовал, как взмокли ладони.

Скоро не осталось сомнений: к Листу-отшельнику приближался человек на крыльях-семенах клена. Причем на двойных, это Хаст понял по слабому изгибу лопастей на виражах.

Он стоял, еще не веря в спасение.

А когда человек приблизился, Хаст чуть не сполз с кромки на зеленое тело Листа: не узнать ло Гри было трудно. Друг, верный друг детства летел на выручку!

Хаст почувствовал, как по щекам потекли слезы. Он замахал руками, и ло Гри, чуть наклонив крылья, заскользил прямо к нему.

Через минуту ло Гри сел и отстегнул упряжь; две пары мертво связанных крыльев легли между кромками. Хаст... нет — снова ло Хаст бросился к другу, растопырив для объятий руки.

Почему-то ло Гри молчал, хотя ло Хаст ждал бурных приветствий. Вскоре он понял почему.

Ло Гри расстегнул сумку и вынул оттуда пестрое тельце молодой певчей совы. С лапы свисала алая ленточка с письменами.

Ло Хаст замер.

— Извини, — глухо сказал ло Гри. — Я ее убил...

Он опустил трупик Скиита у ног потерянного и найденного спустя шесть с половиной лет приятеля.

Ло Хаст склонился над враз ставшим жалким и безжизненным комочком плоти и окровавленных перьев. Было видно, куда вошла стрела, и еще ло Хаст заметил, что на левой лапе не хватает самого длинного когтя.

— Скиит, дружище...

Потрясенный ло Хаст поднял взгляд на ло Гри — на шее у того висело целое ожерелье из когтей.

Ло Гри, перехватив его взгляд, снял ожерелье и хмуро уставился под ноги.

— Если бы я не отрезал совам когти, я бы не увидел твоего послания... Я понимаю, что уже поздно и ничего не изменишь, но — поверь, друг, я мстил им за тебя...

Ло Хаст словно замороженный встал с колен, приблизился к хмурому ло Гри и взял ожерелье у него из рук. Несколько секунд подержал в руках, а потом, размахнувшись, швырнул его за край.

Ло Гри покорно проводил ожерелье взглядом.

— Поклянись, — негромко попросил друга ло Хаст, — поклянись, что больше никогда в жизни не убьешь певчую сову.

Ло Гри не колеблясь приложил руку к сердцу, но ни слова не успел произнести: знакомая трель донеслась с опушки, беспечная и радостная.

Хаст, вновь ставший охотником, увидел, как ло Гри вздрогнул.

Николаев—Москва, 1994—1995 гг.

ДУША ЧАЩОБЫ

«П ридется ехать через Черное», — подумал Выр с неудовольствием. Старый бор жители Тялшина и окрестных земель старались обходить стороной. Мрачновато там... Нечисть опять же пошаливает. Кому охота голову в омут совать? Правда, кое-кто отваживался там хаживать, но только если не оставалось другого выхода. Вишена Пожарский, говорят, в одиночку Черное проходил не раз, да и побратимы его — Славута-дрегович, Боромир Непоседа, Похил — тоже там бывали и ничего, целехоньки.

Но Выр-то не ровня им. Побратимы — воины, меч им привычен. А Выр — простой охотник. И приятель его, Рудошан, тоже охотник. Только и оружия, что пара ножей да луки со стрелами.

Впрочем, людей ни Выр, ни Рудошан как раз не боялись, а против нечисти оружие тоже не особый помощник. Вот Тарус-чародей, наверное, прошел бы Черное насквозь играючи, даже не глядя по сторонам. Черти, поди, разбежались бы с визгом, только он появись.

Выр вздохнул. Телега, груженная ворохами шурурок, тихонько поскрипывала. Рудошан отпустил поводья и беспечно болтал ногами, даже орехи, стервец, щелкал. Словно не в Черное им теперь дорога, а трактом, до самой Андоги, где путников больше, чем леших в лесу.

— Эй, друже, будь начеку, — посоветовал Выр. — В Черное въезжаем!

Угораздило же Мигу так разлиться! Не пройти нипочем, только бором, чтоб его...

— Да ладно, Выре, — отмахнулся Рудошан. — Не беги впереди телеги. Последнее время в Черном никто не пропадал.

— Потому что никто туда не совался, — проворчал Выр. — И Рыдоги вспомни — ведь никого не осталось, все селения обезлюдели.

— Где Рыдоги! — отмахнулся Рудошан. — Сколько дней топать.

Выр только вздохнул. На душе было муторно, и предчувствие навалилось какое-то нехорошее. А предчувствия часто сбывались.

Чаща стиснула поросшую травой и побегами ольхи дорогу; крепкие ядреные сосны с непривычно темной корой и непривычно темной хвоей мрачно простирали к путникам корявые ветви. Воздух стал каким-то серым, словно и не в лесу. Птичьи голоса остались где-то позади, а в Черном только тишина гулко звенела в ушах. Выр невольно передернул плечами.

Постепенно дорога превратилась в тропу, телега еле продиралась меж колючих веток, а конь то и дело пригибал голову и цеплял гривой хвою.

Рудошан догрыз орехи, выплюнул скорлупу и устроился в телеге поудобнее.

— Эй, Выр, лезь ко мне! — позвал он.

Выр отрицательно помотал головой.

— Охота тебе ноги бить, — сокрушенно вздохнул Рудошан.

За очередным поворотом тропы конь стал как вкопанный. Поперек пути лежала сухая сосна в несколько обхватов. Верхушка ее пряталась в переплетении обломанных крон; как рухнуло старое дерево на соседней, так и застыло, чуть не достигнув земли. Человек ползком пробрался бы под мшистым стволом, но как быть с телегой и лошадьёю?

Выр хотел чертыхнуться, но вовремя вспомнил, что в таком месте имя нечистого лучше не произносить, и только сплюнул с досады.

— Ну вот, приехали. — Рудошан соскочил с телеги, приблизился к преграде и задумчиво пнул ее сапогом. На тропу посыпалась сухая желтая хвоя.

— Чего делать-то будем? — спросил Выр несколько растерянно. — Лесом никак ведь не объедешь...

— М-да... — протянул Рудошан. — Топор-то у меня есть, но сколько мы с такой орясиной возиться будем? До темноты никак не успеть.

Выр даже вздрогнул. Ночевать в Черном? Нет уж, лучше сразу лечь и помереть.

— Да чего ты смурной такой, — сердито сказал Рудошан, роясь под тюками со шкурками. — Словно прижали нас к стене, и деваться некуда. Вечно заранее себя хоронишь!

Наконец Рудошан нашарил топорик и потрогал лезвие пальцем. Топорик был достаточно остр.

Посреди ствола рубить не имело смысла. Рудошан подумал: лучше срубить несколько молодых сосен у пня, и тогда попытаться провести коня с телегой чуть в стороне. Вполне может получиться.

Он подошел к корявому толстому пню. Старая сосна подгнила у самых корней, пень напоминал раскрошенный зуб. Разбросанные рядом щепы успели потемнеть от дождей и времени — сколько уже валяется вековая сосна поперек тропы? И сколько тут никто не ходил?

Рудошан еще раз пнул ствол и с размаху тюкнул топором в заплывшую смолой трещину. Удар неожиданно отдался в ладони и топорище выпало из руки. Словно не по дереву Рудошан рубанул, а по железу. Боль была неприятная, тупая, ноющая. Пригляделся, хотя было сумрачно — Черное все-таки. Под слоем загустевшей бог весть когда смолы что-то крылось. Поднял топор (на лезвии образовалась зазубрина), соскоблил смолу. Осторожно потюкал, расщепляя податливую древесину. Что-то железное. Не то нож, не то крюк какой-то.

— Чего ты там возишься? — нервно окликнул его Выр, топтавшийся у телеги.

— Да тут в стволе нашлась какая-то штуковина. Топор чуть не загубил, холера... Точи теперь!

Спустя несколько минут Рудошан освободил железку из давних объятий мертвой сосны. Более всего она напоминала обычный клин, но кому понадобилось отливать клин из металла? По крайней мере Рудошан никогда ни о чем подобном не слыхивал. Разглядывая находку, он приблизился к Выру. На тропе было светлее, клин казался гладким, словно стекло, и на нем виднелись с трудом различимые письмена.

Рудошан протянул клин Выру:

— Разберешь, грамотей?

— Душа Чашобы, — шевеля губами, прочел Выр. — Ничего не пойму. Где ты это взял?

Рудошан повел головой в сторону перегородившей путь сосны:

— Да в стволе... Не то чтобы торчал — наверное, кто-то вколотил его в трещину, да так и бросил. Правда, сколько лет назад — и представить боюсь. А дерево росло, постепенно и втянуло клин этот в себя. Не иначе.

Выр повертел находку перед глазами. И в это мгновение вдалеке кто-то протяжно завыл. Может быть, волк. Но какой волк станет выть белым днем? Да еще летом?

— Чур меня! — побледнел Выр и выронил клин. Конь дернулся и тревожно захрапел. Вой тотчас оборвался, словно тот, кто выл, теперь прислушивался.

Рудошан поднял клин и сразу увидел, что надпись на нем с двух сторон.

— Эй, тут еще что-то написано! — Он взглянул на Выра и раздраженно добавил: — Да перестань ты трястись!

Выр неохотно прочел:

— Выдь немедля.

Больше на железке надписей не было: два слова с одной стороны, два с другой.

— Гм! — протянул Рудошан и поскреб макушку. — Что бы это значило: душа чащобы выдь немедля!

Порыв ветра ударил, словно вихрь в поле налетел. Низкий голос тихо произнес:

— Приказывайте...

Выр нервно обернулся. У тропы стояло похожее на бочонок создание, поросшее седым лишайником. Ноги его напоминали толстые пни, а руки — кривые сучья. Рот — как дупло, носа нет вовсе, а глаза красные, что закатное солнце.

Рудошан некоторое время собирался с мыслями, потом неопределенно промычал, благо рот сам собой открылся:

— А-а-а... Дорогу бы освободить!

Лесовик повел рукой-веткой и ствол старой сосны рассыпался в пыль, а сучья, шурша, упали наземь.

— Еще?

Рудошан вновь отвесил челюсть.

— Кто ты? — нетвердо спросил Выр. Чувствовалось, что ему очень хочется залезть под телегу. Вообще Рудошан знал, что Выр далеко не трус, на медведя мог в одиночку выйти, но как только дело касалось нечисти, вся его храбрость вмиг улетучивалась. Странно, но это так.

— Я — душа чащобы. Приказывай, хозяин!

Лесовик обращался к Рудошану, несмотря на то что клин держал в руках Выр.

— Я твой хозяин? — уточнил Рудошан.

— Да. Ты меня вызвал.

«Наверное, когда сказал: выдь немедля, — догадался Рудошан. — Ну и дела!»

— Ты всегда придешь на помощь? — спросил он.

— Тебе — да. До тех пор, пока ты будешь в Черном.

— А за пределами Черного?

— Ты не вынесешь меня отсюда. Смертному это не под силу.

«Клин, — понял Рудошан. — Он имеет в виду клин. Пока он у меня — будет слушаться. Но вынести клин из Черного нельзя. Интересно, почему?»

— Когда будешь нужен, я позову! — сказал Рудошан, отбирая клин у Выра и пряча его за пазуху. Железо было теплое.

С тем же порывом ветра лесовик отступил за стволы. Подобрал топорик, Рудошан стегнул лошадь.

— Н-но, милая!

Выра не нужно было уговаривать — семенил рядом с телегой. Рудошан задумчиво гладил железку за пазухой. Было до странности увлекательно и одновременно жутко.

В глубине леса вновь завывли, на этот раз ближе. Выр тихо выругался.

Близился полдень. Если все пойдет гладко, они успеют миновать Черное задолго до темноты.

Первое время все шло как нельзя лучше, лошадка бодро трусила по тропе, раздвигая колючие ветви. Рудошан зыркал направо-налево, а Выр, то ли умаявшись, то ли еще почему, сидел на тюках и глядел назад.

Волка первым почуял конь. Всхрапнул и замер. Выр схватился за лук.

Зверь стоял у ствола сосны и мрачно глядел на телегу. Глаза его горели, ровно угли, даже в свете дня.

— Громадный какой, — побормотал Рудошан, тоже берясь за лук. И с замиранием в сердце позвал:

— Душа чащобы, выдь немедля!

Порыв ветра, упругий, как железная пружина, и глухой голос:

— Приказывай, хозяин...

Бочонок возник совсем рядом с волком, который сразу стал казаться мельче и даже хвост поджал.

— Вели этому, чтоб не чинил нам зла! — потребовал Рудошан.

Лесовик повернулся к зверю.

— Уходи!

Волк послушно канул в глубь бора.

— Пока все, — отпустил лесовика Рудошан, удивляясь своей уверенности.

Порыв ветра был уже привычен.

— Холера! — не своим голосом сказал Выр. — Это был вовкулак, ты заметил?

— Еще бы не заметить! — отмахнулся Рудошан. Железка за пазухой жгла ему грудь. — Н-но, милая!

Телега сдвинулась с места.

До вечера душа чашобы отогнала от тропы двух тупых упырей голодного грида. Выр как стал белым еще при виде вовкулака, так и сидел мышкой на шкурках. Рудошан, обливаясь потом, призывал нового слугу и отдавал короткие приказы. Нечисть убиралась с дороги, повинуюсь лесовику-бочонку беспрекословно. Но нервы натянулись до предела.

А потом тропа вновь обратилась в дорогу, и впереди показался долгожданный просвет. Черное осталось позади.

Рудошан остановил коня и потянулся к топору.

— Чего? — забеспокоился Выр. Последние несколько минут он заметно оживился, вновь обрел нормальный цвет лица и перестал напоминать покойника с отчетливо-черной бородой на молочно-белом подбородке.

Рудошан не ответил. Извлек клин из-за пазухи и прыгнул с телеги. Выбрал сосну потолще, обошел кругом и вставил клин в трещину ствола. Обух звякнул, вгоняя железку в плоть дерева.

Сосны дружно зашумели на ветру. Выр, глянув вверх, спросил Рудошана:

— Зачем?

А тот не останавливался, пока не вбил клин полностью. Перебросил топорик в левую руку и обернулся к приятелю.

— Зачем? А тебе бы хотелось расстаться с душой, друже?

Выр непонимающе глядел на него. Но не стал возражать.

В самом сердце старого бора тоскливо завыл вовкулак, но Рудошан даже не обернулся. Впереди виднелось житнее поле и стены большого селения — Андоги.

А над Черным гулял ветер.

Декабрь 1995 г.

Москва

ГОРОД-ПРИЗРАК

Фантастическая повесть

Глава 1

К полуночи Алик начал клевать носом, «жигуленок» то и дело вилял к обочине. Шоссе стремительно рвалось под колеса — гладкое, как олимпийский каток, и почти прямое. Андрей вздрагивал на заднем сиденье и тихо ругался.

— Все, — тряхнул головой Алик, притормаживая. Машина облегченно фыркнула, прокатилась еще метров сорок, тихо шурша протекторами по шершавому асфальту, и затихла на кромке дороги.

— Засыпаю, — виновато сказал Алик. — Извини.

Андрей заворочался.

— Ладно, спим...

Он вел машину весь день. Алик же выдержал всего четыре часа. Правда, вчера Алик из-за руля не вылезал, а выспаться ночью не удалось ни тому, ни другому.

Шоссе в полуночный час оставалось совершенно пустынным. Встречные автомобили перестали попадаться сразу с наступлением сумерек; попутные — чуть позже, часам к десяти. Это было странно, шоссе ведь отличное, настоящий автобан, да и местность достаточно оживленная... Но — мало ли?

Алик откинул спинки передних сидений, Андрей поджал ноги. Малыш, устраиваясь, что-то тихонько насвистывал, и Андрей с улыбкой поглядывал на напарника.

Вокруг таилась зыбкая ночная тишина, а когда Алик погасил в кабине свет, в окна заглянули звезды.

— Есть хочешь? — лениво и сонно спросил Андрей. Алик только вяло отмахнулся, свернулся калачиком и почти сразу же уснул, уютно посапывая. Андрей вздохнул, вытянул ноги, чувствуя, как

дремота обволакивает и его, и подумал, что маловато за сегодня проехали.

Они гнали потрепанный «жигуленок» на восток — к финишу традиционного майского авторалли «ПРЫЖОК», от которого их отделяли (если верить спидометру и карте) две с половиной тысячи километров. Экипаж номер восемь, Андрей Шаманов и Алексей Загородний по прозвищу Малыш, ну и, понятно, стальной их брат, «ВАЗ-2107», семьдесят шесть лошадок, полторы тысячи кубиков, проверенная родная колымага, на которой они выиграли две гонки в прошлом году.

По графику заночевать планировали в Белорецке, крохотном сонном городишке, приткнувшемся к великолепному трансзиатскому шоссе. Прибыть в него Андрей с Аликом рассчитывали часов около восьми, но дорога мерно тянулась навстречу, а городка все не было и не было. Стемнело, время шло, а впереди по-прежнему виднелась лишь широкая асфальтовая лента и еще — степь, колышущееся море ковыля от горизонта до горизонта.

Усталость взяла свое, заснули прямо в машине, справедливо решив, что утро рассеет все сомнения, путь свернется с картой и вновь станет ясным и понятным, ралли пойдет своим чередом и лидерства они не уступят. А сейчас спать, спать, расслабиться, провалиться в сладкую призрачную негу, когда не нужно вертеть баранку и жать на акселератор, втискивая покорный «жигуль» в прихотливые изгибы трассы. Вытравить из тела противную свинцовую тяжесть, снова ощутить свои мышцы полными сил и готовыми к борьбе.

Андрей не мог сказать наверняка, но ему показалось, что за время сна ни одна машина не проехала мимо них.

Первым проснулся Алик. «Жигуленок» ожил, зафырчал и послушно рванулся вперед. Как истый раллист Алик не умел медленно ездить, шум мотора быстро перешел в привычный надсадный рев, а за окном замелькали придорожные кусты. У ручья гонщики задержались, чтобы умыться и вновь почувствовать себя людьми — бодрыми и совсем не сонными. А после дорога снова стремительно ныряла под колеса и убегала назад, в лобовом стекле отражалось солнце и нескончаемой казалась тонюсенькая асфальтовая ниточка, рассекающая степь надвое.

Андрей, вручив Алику бутерброд, хмуро изучал карту.

— Ч-чертовщина! — прошипел Андрей. Алик беспокойно косился через плечо, хотя легче было просто глянуть в зеркало.

— Ерунда какая-то, Малыш! По спидометру мы уже давно должны проехать Актюбинск. И движение по трассе просто обязано быть плотным. А я уже забыл, как выглядят машины со стороны.

— Остановить? — с готовностью спросил Алик.

— Зачем? — не понял Капитан.

— Посмотришь на нашу клячу со стороны! Ха-ха!

Малыш от души веселился. Усмехнулся и Андрей.

— Тоже мне, Петросян... Лучше бы за дорогой следил.

Алик лихо вписался в плавный поворот и «жигуль» мощно пошел в гору.

— Чего за ней следить? — пожал плечами Малыш. — Ровная, ей-богу, как стекло. Дави себе на газ и все.

Взобравшись на холм, машина покатила еще быстрее; стрелка спидометра дрожала в правом углу шкалы, то и дело задевая за ограничитель, а впереди раскинулся город, ясно видимый с высоты. Огромный, как степи вокруг, и серый, как стадо мышей. И, наверное, более пустой, чем покинутый муравейник, потому что на дороге между ними и городом транспорта по-прежнему совсем не было. По мере того как они подъезжали, крепло ощущение заброшенности и опустошенности. Вывеска-указатель с названием города насквозь проржавела и сильно покосилась, чуть не падая. Дома на окраине дышали затхлостью и пустотой, глядя в мир побитыми пыльными окнами. Гладкое покрытие шоссе сменилось старым растрескавшимся асфальтом, пропускавшим сквозь себя буйную майскую зелень. Машину сразу стало трясти и Алик теперь всю ворочал рулем, выискивая путь получше. Андрей ошарашенно озирался, стиснув в руках бесполезную карту. Города-призраки на ней не значились.

— Куда это нас занесло, Кэптейн? — поинтересовался Алик без особой надежды на ответ. — Может, это Бедуиния?

«Жигуленок» катил безлюдными захламленными улицами мимо безлюдных захламленных домов. На тротуарах попадались сдвинутые с проезжей части автомобили — ржавые, облупленные или просто здорово помятые. Слева тянулась размытая рельсовая колея. О названиях улиц оставалось лишь догадываться, попадались только таблички с номерами домов. Числа были четырехзначные.

Алик, изредка отрываясь от дороги, поглядывал на Капитана.

— Шеф, скажи, что мы спим. Ну!

Андрей хмурился. За спиной оставались все новые и новые кварталы, а картина совершенно не менялась. Все та же заброшенность и пустота.

— Малыш, может, ты вчера не туда свернул?

Алик уверенно помотал головой:

— Не-а, шеф. Трассу от проселка я, слава богу, отличаю. Да и не было вчера развилки, я помню. Собственно... гм... — Алик запнулся.

— Что? — поднял голову Андрей. Резко, настороженно.

Алик с непонятым выражением лица остановил машину и повернулся к нему.

— Последние два часа, как только стемнело... А может, раньше?.. В общем, от шоссе не ответвилась ни одна дорога. Даже самая захудалая.

— Ну?

Алик пожал плечами:

— Так же не бывает, Капитан! К трассе всегда стекаются десятки дорог, от простой колеи до...

— Интересно, — перебил Андрей, — сегодня, кажется, наблюдалось то же самое?

Алик напрягся.

— Кажется...

Они посидели молча, поглядывая то друг на друга, то за окно. Алик, вздохнув, направил «жигуль» дальше, в глубь города. Деревья на улицах не росли, даже трава, взламывавшая покрытие мостовой и тротуаров на окраине, исчезла — только асфальт, бетонные и кирпичные коробки домов, ржавое железо и битые стекла под колесами. И всего этого очень много.

Минута тянулась за минутой, и скоро Алик не выдержал:

— Черт! Может, у него вообще конца нет? Давай осмотримся, Кэп.

«Жигуленок» замер посреди улицы. Вокруг высились относительно нетронутые семиэтажки. Андрей выбрался из машины; сухой хруст закрываемой дверцы гулко растекся окрест. Алик уже стоял рядом и озирался. Было тихо, как ночью в запертом кинотеатре. Метрах в пятнадцати впереди, слева чернела высокая арка, открывая ход во двор в сплошной стене домов.

До того как его покинули, дворик наверняка был зеленым и уютным. Вдоль низеньких деревянных заборчиков бесформенными пузырями буйствовали давно не стриженные кусты, царапали

глаз безобразные лавочки, некрашенные и потемневшие от дождей. Песок детского городка от ржавчины стал совсем рыжим, а почти все бельевые веревки прогнили, лопнули и валялись на земле длинными темными змеями; кое-где к ним цеплялись лохмотья, бывшие когда-то выстиранным бельем. И еще: под ногами шуршал многолетний ковер из опавших листьев, асфальт прятался глубоко под ним.

Андрей и Алик застыли, пораженные. Потрепанные фасады домов и ржавые автомобили не тронули их так, как этот опустевший дворик.

— Мистика, — проворчал Андрей, — не верю!

Алик оглянулся и потянул его за руку к ближайшему подъезду.

Внутри царил сумрак, на ступенях и перилах скопилось много сероватой пыли, а в углах под потолком пауки свили настоящие белесые джунгли. А вот двери в квартиры выглядели, наоборот, вполне жилыми. Все были заперты. Открытые попались на пятом этаже, но Капитан решил попытать счастья на верхних, сверху-то больше шансов что-нибудь рассмотреть. Внушительный амбарный замок запирали некрашенный люк на чердак, зато две квартиры из трех оказались открытыми. Дверь под номером «34» послушно пропустила их внутрь.

Обстановка хранила следы долгого запустения — уже знакомая пыль и паутинные джунгли. Мебель вполне обыкновенная, только все книги в шкафу и пара газет на столе были почему-то на польском языке. Пока Андрей рассматривал их, Алик отворил дверь на балкон. Петли при этом жалобно заскрипели и по квартире метнулось глухое, мгновенно застрявшее в пыльной рыхлости эхо.

Вид сверху открылся солидный. Алик машинально вцепился в ажурное ограждение балкончика, Капитан отпихнул в сторону ржавый велосипед и пристроился рядом.

Город тянулся сколько хватал глаз и терялся в туманной дымке где-то у горизонта. Слева, километрах в двух, на шпилье высокого, похожего чем-то на Московский университет здания трепыхался незнакомый бело-зеленый флаг, а рядом поднимался легкий дымок, словно там жгли костер. Все это гонщики разглядывали минуты две.

— Ну, — протянул Андрей, — что скажешь, Малыш?

Малыш не нашел что сказать.

— По-моему, стоит поинтересоваться во-он тем дымком.

Алик пожал плечами:

— Может, это просто пожар. Жара-то какая...

— Может, — согласился Андрей. — А может, и нет.

— Резонно, — кивнул Малыш. — Пошли?

Капитан еще с минуту обозревал местность, а Алик тем временем слонялся по квартире в надежде отыскать подсказку.

— Что-то мне здесь не нравится! — с сомнением пробормотал он. — Такое чувство, будто чего-то не хватает.

Андрей молча направился к выходу, Малыш вяло взялся за телефон, найденный на кухне.

— Работает! — изумился он. Перед этим Алик безуспешно пробовал включить телевизор и зажечь свет.

Андрей замер на пороге. В повисшей тишине отчетливо раздавалось стройное гудение зуммера.

Алик вопросительно глянул на Капитана.

— Набирай, чего уж там... — махнул рукой тот.

— Ноль-два? — ехидно спросил Малыш.

Андрей буркнул: «Остряк!» — отобрал у него аппарат и наугад набрал пятерку.

Послышались короткие гудки — отбой.

Алик выразительно указал на аппарат: крохотный белый прямоугольник хранил номер этого абонента — 2754118.

Андрей примирительно фыркнул, накрутил 275, а затем первое, что взбрело на ум.

Им ответил женский голос:

— Да-а?

Андрей от неожиданности нажал на рычаг.

— Ч-черт!

И тут снаружи донеслось далекое рычание мотора. Андрей метнулся на балкон — по улице, вдали, полз бронетранспортер. А посреди дороги прямо напротив балкона стоял их «жигуленок».

— Вниз! — скомандовал Капитан. — Поживее!

Алик внял. Из подъезда он выскочил первым и одновременно с этим раздались выстрелы, четыре подряд. Стреляли как будто в соседнем квартале. Гонщики нырнули в полутьму арки. Алик сунулся было на улицу, но Андрей поймал его за ремень.

— Потише!

Он осторожно выглянул, одновременно отпихивая Малыша назад.

Броневи́к приближался. Кроме того, перекресток бегом пересекли несколько человек, одетых в темное и явно вооруженных.

— По-моему, пора смываться! — предположил шепотом Малыш. Он все же изловчился и выглянул.

— Согласен!

Мгновение — и они юркнули в свой «жигуленок».

— Эй! Стойте!

Стекло в ближнем окне первого этажа вылетело вместе с рамой, на асфальт боком вывалился исцарапанный и запыхавшийся человек. Одного взгляда хватило, чтобы понять: его преследуют.

— Быстрее! — распахнул дверцу Алик. Андрей молча завел двигатель, нога его застыла на акселераторе. Незнакомец прыжком втиснулся на заднее сиденье. Капитан лихо развернулся, почти на месте, так что истошно завизжали шины и сама собой захлопнулась дверца. «Жигуленок» всхрапнул и рванулся вперед как подстегнутый. Алик успел заметить в выбитом знакомом окне несколько размытых лиц, и Андрей круто свернул направо. Вслед сухо пролаяла автоматная очередь, перекрывая рев мотора; воздух рассек на части веселый звон разбитого стекла. Мимо пронеслись дома, а сзади уже маячил на редкость быстроходный бронетранспортер. Незнакомец тяжело дышал и кусал губы.

Впереди, кварталах в двух, на дорогу выкатился еще один бронетранспортер и, взревев, устремился навстречу. Андрей вновь с жутким визгом развернулся и шмыгнул в переулок. Алик вцепился в поручень на панели, а незнакомца швыряло вместе с походным сундучком.

— Могешь! — похвалил Малыш Капитана. Тот молча ворочал рулем, пристально всматриваясь в дорогу.

— Влево! — вдруг сказал незнакомец, мучительно скривившись. Андрей рефлекторно свернул, и вовремя — из-за угла показались два мотоциклиста, сразу севшие им на хвост. Незнакомец озабоченно пялился в заднее стекло: преследователи маячили сзади, не отставая. И вдруг, приоткрыв на ходу дверцу, что-то выбросил на дорогу.

Позади сильно ухнуло, улицу заволокло клочьями светлого дыма; мотоциклисты из него так и не появились.

— Все, — бесцветно сообщил незнакомец, — последняя граната.

Алик обернулся и увидел, как сквозь дым позади прорвался броневик. «Жигуленок» еще раз свернул и помчался по пустынному проспекту. Незнакомец продолжал хмуриться.

— Сейчас надо будет свернуть налево, в проулок.

— Зачем? — не отрывая глаз от дороги, спросил Андрей. — По прямой они нас не догонят...

— У них рации и полно броневиков! Все равно выследят и загонят в тупик. Вот, сюда!

Но здесь путь преграждали сразу три бронетранспортера.

— Ч-черт! Назад!

Андрей вернулся на проспект и погнал машину дальше.

— Куда?

— Я скажу, — ответил незнакомец. Сзади натужно гудели двигатели преследователей. Алик с похоронным видом пристегнулся и скептически спросил:

— У вас что, принято на бэтэрах разъезжать?

Незнакомец оторвался от стекла, глянул в затылок Алику (тот, задавая вопрос, даже не обернулся), но смолчал.

— Вправо, — скомандовал абориген чуть погодя, и «жигуленок» ушел в узкую улочку. Впереди, метрах в ста, она упиралась в дом.

— Что такое? — опешил Капитан. — Это же тупик!

Назад возвращаться времени уже не оставалось — подоспели броневики.

— Давай-давай, в самый конец! Уйдем пешком, все равно на колесах не оторваться, они уже весь сектор на ноги подняли!

Машина затормозила у самой стены.

— Живее! — Незнакомец взял командование на себя; Алик с Андреем молча повиновались. Уже знакомо, боком, вожак вломился в окно, туда же юркнули гонщики. Дверь, дальше — лестница, коридор; и тут сзади ахнуло так, что содрогнулся дом. Пробегая мимо окна, Алик выглянул и невольно вздрогнул — на месте верного «жигуленка» теперь зияла черная смердящая воронка, по улице бежали люди, а за ними лениво полз броневик.

Алик очнулся и кинулся вслед за товарищами.

Они долго уходили по крышам, Андрей тихо ругался, понимая, что квартал оцеплен, а незнакомец все бежал, минуя чердаки, пока Алик не взвыл от досады. Но тот знал, что делал — преследователи еще пыхтели на высоте, а они втроем спустились по пожарной лестнице на выщербленный забор, оставили за спиной какие-то ужасные трущобы-задворки, гаражи и просочились, как тараканы, в подвал в самом центре квартала.

В подвале было темно, как в ящике с углем, но незнакомец неся вперед, словно запаздывающая электричка. Алик с Андреем, вовсю распахнув глаза и вытянув руки далеко вперед, изо всех сил старались от него не отстать.

— Сюда-сюда, — нетерпеливо сопел незнакомец.

Они пробрались в крохотную комнатку. Из узкой щели под потолком прорывался слабый намек на свет, ровно столько, чтобы тьма перестала быть кромешной. В углу стоял шкаф.

— Сюда, — прошептал незнакомец и бесшумно распахнул створки.

Шкаф был пуст. Алик озадаченно уставился на незнакомца.

— Помогите, — не успокаивался тот, пытаясь подцепить днище. Андрей послушно помог. Под квадратной деревянной крышкой обнаружился канализационный люк. Тяжелый чугунный блин они мигом сдвинули.

— Вниз! Быстро!

Алик сиганул вниз и в полете похолодел. Прыгнул он совершенно бездумно, повинувшись властному голосу незнакомца, и не задумался о глубине. Пролетев метра четыре, он обрушился на крепкие деревянные ящики и, шипя и проклиная все на свете, откатился в сторону. Почти сразу же мягко спустился Андрей. Абориген задержался — закрыл двери шкафа, опустил днище, поставил на место люк и, цепляясь за ржавые гнутые скобы в стене, присоединился к гонщикам. Луч света, вырвавшийся из его фонарика, резанул по глазам и осветил маленькое, похожее на склеп помещение. В центре виднелась беспорядочная груда дерева — посадочная площадка Алика. Один-единственный коридор уходил куда-то вправо, под землю.

— С богом! — вздохнул незнакомец и предупредил: — Идти часа три.

Под ногами шмыгнула крупная жирная крыса; Андрей брезгливо поморщился:

— Кажется, ралли мы завершили, Малыш.

Алик только вздохнул: жаль «жигуля»...

Коридор однообразно тянулся навстречу, иногда слегка изгибаясь.

— Вспомнил! — остановился вдруг Малыш. — Вспомнил!

Незнакомец оторвался шагов на десять вперед.

— Что вспомнил? — уныло спросил Андрей.

— Знаешь, Капитан, чего не хватало в той квартире?

— Ну и чего же?

Алик вдруг понизил голос:

— Там не было ни одного зеркала!

— Ну и что?

Алик замялся:

— Ничего...

Но так ведь не бывает!

— Догоняй! — проворчал Капитан и подтолкнул его вперед.

Глава 2

По стенам убежища бродили причудливые черные тени, варено многообещающе булькало в закопченном котелке, уютно потрескивал костер, и только теперь Андрей позволил себе расслабиться. Новый знакомый хлопотал над ужином.

— Меня зовут Вилли. Вилли Квайл.

— Алик, — тут же встрепенулся Малыш.

— Андрей, — представился Капитан. — Может, расскажешь, куда это нас занесло?

Вилли хмыкнул:

— В самое логово нонки — Скул-ридгент, кварталы со сто семнадцатого по двести восемьдесят первый.

— Понятно, — буркнул Андрей. — Врубаешься, Алик?

Алик тупо переводил взгляд с Вилли на Капитана.

— Извини, Вилли, — миролюбиво объяснил Малыш, — мы в городе только с утра и поэтому эти твои кварталы для нас пустой звук.

Вилли выпрямился, но изумления в его глазах было очень немного.

— Так вы совсем свеженькие! Поздравляю! — Он покачал головой. — Держались молодцом. Я уж было решил, что вы либо люди Старого, либо откуда-то из Верховий.

— Вилли, черт тебя побери! Скажи по-человечески, где мы?

Квайл положил ложку и сел. Костер тихо гудел и его извечная песня успокаивала.

— А занесло вас, ребята, в Город-призрак. — Вилли замолчал.

Андрей с трудом удержался, чтобы опять не сказать «Понятно». Ведь все было как раз наоборот — совершенно непонятно.

— Раз вы оттуда, — Вилли неопределенно махнул рукой, — то, наверное, знаете легенду о Летучем Голландце?

Это уже что-то — гонщики кивнули.

— Вот. Город — нечто подобное. Бродит по белу свету и заманивает людей.

Алик поднял бровь:

— Бродячий город? Забавно!

— Как это город может бродить? — не поверил Андрей.

Вилли попробовал объяснить:

— Вообще-то он, конечно, никуда не бродит. Просто иногда вдруг появляется в разных местах. По всей планете. И тогда в него забредают люди.

— Ну, допустим, — смирился Капитан, — пусть так. А как выбрести обратно в нормальный мир?

Вилли всплеснул руками:

— В том-то и дело, что никак. Отсюда невозможно выбраться. Это город-ловушка.

Алик потряс головой.

— То есть как это — нельзя? А если я выйду на улицу и пойду все время прямо? А?

— Во-первых, тебя скорее всего отловят нонки. Или просто бандюги какие-нибудь. А во-вторых, даже если бы никто тебя и не тронул, иди хоть тысячу лет — Город бесконечен, как Вселенная. В это трудно поверить, но это так. Вряд ли он безграничен в обычном смысле — по-моему, некоторые его места просто замыкаются друг на друга. Можно всю жизнь идти прямо и в итоге кружить в полусотне знакомых районов. Но одно я могу сказать точно: путей наружу отсюда нет. Это железно.

— Интересно, — пробормотал Андрей. — Ладно, а кто же здесь живет?

— Люди, — пожал плечами Вилли, — те, кто попал в западню из внешнего мира.

— А ты давно попал?

— Я здесь родился.

— Даже так?

— А что? Жизнь есть жизнь. Привыкнете — поймете. Вообще-то нас, родившихся в Городе, почти не осталось. — Квайл вдруг ощерился.

— Нонки? — предположил Алик.

— Да!

— Кто они?

— Сволочи! — лаконично ответил Вилли.

— А конкретнее?

— Конкретнее? Какая-то женская религиозная секта, проникшая в Город лет двести назад. Теперь они держат под контролем почти двадцать районов и продолжают захватывать новые.

— Что же они с вами не поделили?

Вилли замялся.

— Это трудно объяснить... Те, кто здесь родился до прихода нонки, очень хорошо знают Город. А знание дает власть. Другое дело, что они к власти стремятся, а мы, Квайлы, нет...

— Постой, — перебил его Алик, — ты сказал, что родившиеся до прихода нонки хорошо знают Город?

— Да.

— И ты тоже?

— Да. А что?

— Ты родился до прихода нонки?

Капитан понял, чего добивается Алик.

— Да, незадолго, — ответил Квайл.

— Но они же пришли двести лет назад! — Алик торжествовал.

Вилли понял и усмехнулся.

— Это тоже один из фокусов Города. Сколько, вы думаете, мне лет?

— Ну-у... — протянул Алик, — тридцать.

Вилли вздохнул.

— Двести семьдесят два.

Алик вытаращился на него.

— Чего?!

Вилли спокойно сказал:

— Живущие в Городе очень медленно стареют. А родившиеся здесь, по-моему, не стареют вообще. Лет эдак после двадцати пяти. Но нас, детей Города, всегда было очень мало, не больше сотни. А теперь осталось человек пять от силы.

Экс-гонщики переваривали обрушившуюся на них информацию.

Квайл продолжал размышлять вслух:

— Я знаю достаточно хорошо около трехсот районов Города. Род Квайл, мой родственник с севера, считает, что это меньше одного процента реальной территории Города. Роду скоро тысяча лет, и он рассказывает, что иногда возникают новые районы —

вероятно, Город растет, как гриб. Не знаю, не уверен, я еще слишком молод, чтобы анализировать собственные наблюдения.

Ужин яростно клокотал в котелке, напоминая о себе; Вилли поднялся.

— Ладно, постепенно все уложится и у вас в голове. А пока смиритесь с тем, что жить отныне придется в Городе. Довольно долго, кстати. Так что можете не спешить, не принято. И еще: здесь никто серьезно не болеет. Насморк да механические травмы, вот и все. Понятно? Приятного аппетита!

Потом они спали. Алик думал, что не заснет после всех странностей, однако сразу же провалился в зыбкое фиолетовое небытие. До сих пор он видел либо обычные сны, либо вовсе ничего не видел. А тут перед глазами сплошная фиолетовая пелена. Фиолетовый сон, ничего не значащий и не несущий. Алик проснулся со странным чувством: очень хотелось громко и длинно выругаться, но что-то удерживало. Он приподнялся на локтях и сел. Рядом сразу же вскинулся Квайл.

— А... это ты... — Вилли вытер рукавом лоб. — Фу! Извини, последнее время я всегда был один, привык реагировать на любое движение.

Он уставился на еле тлеющий костер и, словно раздумывая, произнес:

— Скоро утро. Пожалуй, стоит двинуть к югу, в Верховья.

Алик разбудил Капитана. Вчерашнюю похлебку Вилли оставил среди угольков костра, она до сих пор хранила тепло.

После скорого завтрака Квайл прибрал в убежище — уволок все три матраса куда-то в темноту, котелок и ложки вымыл в ручье, невесть откуда и куда текущем в этом подземелье, кострище разбросал и тщательно затоптал оставшиеся искры. Когда глаза привыкли к темноте, стали видны сотни тускло-синих точек на потолке и стенах; света они вроде бы и не давали, но тем не менее Алик с Андреем различали все вокруг себя метров на пятнадцать — двадцать. Квайл вернулся с маленькой заплечной сумкой и небольшим автоматом.

— Извините, из оружия я здесь прятал только эту хлопушку, так что вы покамест остаетесь с пустыми руками. Впрочем, — поспешил успокоить он, — по дороге подстрелим пару нонки; будет и вам что-нибудь.

Алика передернуло, но он, как и Капитан, смолчал.

— Пошли, — махнул рукой Вилли, и они двинулись во влажные сумерки тоннеля.

На поверхность выбрались спустя приблизительно час из подвала, набитого бурым, неприятным на ощупь углем. Старая заброшенная котельная торчала в центре просторного, окруженного однотипными шестнадцатизэтажками двора. Квайл с минуту наблюдал из окна и, успокоившись, поманил спутников за собой.

Алик уже начал привыкать к запустению. Капитан все еще хмурился.

Вилли направлялся к угловому подъезду с южной стороны, видимо, хотел осмотреться с высоты. Вообще Капитан быстро сообразил: здесь принято сначала осмотреться, наметить путь, а потом уж идти. И так циклами, раз за разом — осмотрелся, наметил, прошел, осмотрелся, наметил, прошел...

С крыши шестнадцатизэтажки видно было куда больше, чем с седьмого этажа, но существенной разницы Капитан не уловил. Город распластался внизу, словно огромный невиданный кристалл; четко виднелись границы соседних кварталов. Справа, над большим стадионом, кружила стая крупных темных птиц. Квайл протянул Капитану бинокль и указал на еле видимое здание вдали, то самое, с бело-зеленым флагом на шпиле. Флаг выглядел сейчас как неясная точка.

— Это штаб-квартира нонки, — сказал Квайл, — советую держаться оттуда подальше.

Андрей передал бинокль Малышу и тяжело вздохнул.

— У! Кто это? — спросил вдруг Алик. Смотрел он совсем в другую сторону. Квайл отобрал у него оптику, глянул и невнятно зашипел, словно выругался.

Алик шепнул Капитану:

— Там какие-то люди, здорово потрепанные.

Вилли продолжал смотреть туда; смотрел он долго и внимательно. Потом опустил бинокль и обернулся к спутникам.

— Кажется, в Верховья мы сегодня не поедем. Это люди Берта Квайла, моего двоюродного брата. У них явно неприятности.

Вилли поспешно направился к ходу вниз, в подъезд, где принялся наугад толкаться в двери.

— Ищите телефон, — посоветовал он Капитану и Малышу.

Нашел Алик, на десятом этаже. Квайл уверенно набрал номер, Капитан с Малышом осматривались. Пыли в этой квартире скопилось меньше, чем в семиэтажке, но хватало и здесь. Книг в

комнатах почти не было — всего несколько, все по судомодельному спорту.

Минут через пять к Капитану приблизился Алик.

— Кэп! — шепнул он. — Здесь тоже нет ни одного зеркала! Даже в ванной.

Андрей вопросительно уставился на друга.

— Ну и что?

Алик разозлился.

— Что — что?! Не бывает так! Не бывает дорог без ответвлений и жилья без зеркал!

— Как видишь, бывает, — перебил Андрей и повернулся к Вилли. Тот как раз заканчивал разговор:

— ...угол сто седьмого и сто пятьдесят третьего. Приезжайте, нас трое.

Трубка с легким стуком легла на аппарат.

— Послушай, — спросил Андрей. — А как получается, что телефон работает? Или кто-то из вас следит за АТС?

— Город следит, — коротко ответил Вилли. — Пошли.

— Не понимаю, — пожал плечами Капитан. — Объясни.

Вилли остановился и сонно взглянул на него. Секунду поразмыслил.

— Город следит. Как — не знаю. Но некоторые телефоны работают. Точно так же, как кое-где есть свет или работает водопровод. Это может прекратиться в каком-то одном месте, но это же и значит, что в тот же миг заработало в другом.

— И как долго это обычно длится?

— Несколько лет. Десять. Иногда больше. Пошли, время.

Они спустились вниз, еще раз пересекли двор, нырнули в широкий проход и остановились на углу квартала. Шестнадцатизэтажное здание взметнулось высоко вверх, казалось, оно падает прямо на них, наверное, иллюзию создавали облака, торопливо бегущие по небу и исчезающие за краем крыши шестнадцатизэтажки. Угол нависал над людьми, как нос гигантского ледокола; вместо названия виднелись белые таблички «0107» и «0153».

Алик отшатнулся и потряс головой. Дом сразу перестал «падать». Стены неподвижно застыли и уходили ввысь строго перпендикулярно асфальту.

Минут через пятнадцать из арки на противоположной стороне перекрестка показались четверо. Один заметно хромал, у другого перед грудью висела наспех забинтованная рука. Хромой держал

маленький автомат, такой же, как у Квайла, раненный в руку был без оружия, остальные двое имели обыкновенные «калашники». Вся четверка выглядела изрядно потрепанной — царапины на лице и руках, рваная потертая одежда... Компенсаторы автоматов чернели нагаром, Андрей мог поклясться, что стволы еще горячие.

Вилли мрачно разглядывал их. Передний, высокий плотный парень лет двадцати пяти, мучительно закашлялся и сказал:

— Берта взяли...

Вилли молчал.

Подошли остальные. Андрей и Алик безмолвно стояли за спиной Квайла.

— Где? — наконец спросил Квайл.

— В Грэтте. Часа полтора назад. Мы пытались отбить, но...

— Знаю, — буркнул Вилли, — нонки не ходят в одиночку.

Высокий виновато понурил голову, словно извиняясь.

Вилли задумчиво оглядел всех, оценил что-то одному ему понятное и решил:

— Заглянем-ка мы на Зеленую Базу.

Высокий кивнул и осведомился:

— Транспорт?

Квайл не замедлил с ответом:

— Пригони бэтээр из Конуса. Вон их, — он указал на Алика с Андреем, — их бери, и вперед. Мы здесь будем, в 407-й, десятый этаж. — Вилли кивнул на дом и отвернулся.

Алик с Капитаном переглянулись. Им уже приказывают! Но перечить не стали.

Высокий качнул головой — пошли, мол! Капитану дали «калашник» и два магазина в придачу к примкнутому. Он привычным движением забросил оружие за спину, привычным, несмотря на годы, минувшие после службы. Алик лишь вздохнул, когда Капитан отдал ему тяжелые рожки, из которых выглядывали желтенькие цилиндрики патронов.

Вилли и трое с ним скрылись во дворе; высокий дождался, пока его нагонят экс-гонщики, и зашагал влево по 107-му проспекту.

— Меня зовут Богдан, — на ходу бросил он, — если короче — просто Би. Все так и зовут.

— Алик.

— Андрей.

— Я вас что-то не видел раньше в Команде Вилли Квайла.

Капитан спокойно объяснил:

— Мы второй день в Городе.

Би внимательно присмотрелся к ним.

— Из России?

— Да.

— Я тоже, — вздохнул он. — Уже четырнадцать лет здесь.

— Ну и как? — поинтересовался Капитан.

Би склонил голову набок и приподнял брови.

— Да так... Но в общем нормально. Не хуже, чем ТАМ. И уж во всяком случае, гораздо интереснее.

Они свернули и двинулись по улице под номером 6219. Богдан шел быстро; вскоре стандартные коробки многоэтажек остались позади, и они оказались в районе, похожем на киевский Подол.

— А что скажешь о нонки?

Би нахмурился.

— Нонки? Гм... Хорошо организованная банда. Женская. Чего они добиваются — не знаю. По-моему, ищут некие предметы, религиозного, если не ошибаюсь, содержания. Вылавливают всех новичков. И еще — не то строят, не то достраивают что-то у себя на Базе. Именно поэтому охотятся на Квайлов, Детей Города, имеющих огромный опыт жизни в нем и знающих очень много. Из этого делаю вывод — они не могут отыскать необходимые для завершения строительства вещи, а те спрятаны где-то в Городе.

Вдалеке послышался характерный треск мотоциклетных моторов. Богдан метнулся через улицу в подъезд, Алик и Капитан бросились за ним. Би прислушался, смешно наклоняя голову, приоткрыл дверь.

Вскоре по дороге проехали два мотоциклиста в черных комбинезонах и таких же черных шлемах. На перекрестке они притормозили, спешили и свернули на поперечную улицу. Шли оба очень медленно, словно что-то выискивали.

Богдан жестом поманил Капитана за собой, Алик остался в подъезде. Когда они скрылись в квартире на первом этаже, Малыш выглянул — улица оставалась пустынной, виднелись лишь два мотоцикла, застывшие на мостовой у перекрестка, да проржавевшая легковушка, смятая в гармошку и сдвинутая вплотную к стене дома, выглядевшая на пустом тротуаре сиротливо и одиноко.

Би с Капитаном через открытое окно попали во двор. Андрей в очередной раз подивился знанию местности горожанами, потому что Би легко вскочил на балкон, потом миновал квартиру, и вид

при этом сохранял совершенно отстраненный, какой, вероятно, имел сам Капитан, когда отправлялся дома за почтой. Андрей уже начал привыкать к тому, что квартиры в Городе являются частью пути. Раньше города были для него только улицами и дворами, дома оставались чем-то запретным. Здесь же дома, подъезды, квартиры — все это стало частью дорог, которыми пользовались все. По крайней мере во многих квартирах первого этажа встречались хоженные тропинки в скопившейся пыли, от дверей к окнам и на балконы. Дома можно было и не обходить, а просто проколоть насквозь.

Они поднялись на второй этаж; Би с опаской взглянул наружу и пробормотал слегка удивленно:

— Что за черт?

Улица была пуста, хотя именно сюда свернули мотоциклисты. Капитан осторожно спросил:

— Подождем?

Би продолжал изучать улицу.

Алик тем временем все выглядывал из подъезда. Когда на лестнице вверху послышались крадущиеся шаги, он решил, что это возвращаются спутники.

Малыш обернулся и вздрогнул. Совсем рядом, направив прямо в грудь маленький «Узи», стоял один из мотоциклистов.

— Привет, квайлин.

Алик ждать не стал: ногой мягко отбросил в сторону кусок отвалившейся штукатурки. Ударившись о стену, тот зашуршал, мотоциклист тут же повел автоматом вправо, и Алик, собрав себя в крохотную жесткую точку на ступне, пнул его в грудь. Мотоциклист выронил «Узи» и сочно шмякнулся о дверь, нелепо взмахнув руками. Дверь со скрипом распахнулась, человек в черном рухнул через порог, а Малыш, подцепив оружие за ремень, кинулся прочь из подъезда. О втором мотоциклисте он в тот момент совершенно забыл и вдруг полетел кубарем, споткнувшись о подставленную ногу. Трофейный автомат с размаху лягнул об асфальт. Второй человек в черном стал над ним, «Узи» глядел вниз; Алик, растянувшись на краю тротуара, не двигался и не пытался встать. Человек указал на автомат:

— Дай сюда!

Гермошлем искажал голос, но Алик решил, что звучит он чересчур звонко. Протянув оружие, Алик замер. Человек нагнулся, собираясь взять автомат, и на секунду отвел глаза от Малыша.

Малыш мигом подцепил его за ногу и опрокинул на асфальт рядом с собой. Очередь из «Узи» бесполезно ушла в небо. Алик проворно перекатился и вскочил на колени. Следующая очередь всковырнула мостовую на месте, где он только что лежал. Вставать не было времени: Алик с колен провел высокую «минутную стрелку». Автомат загредел по мостовой, мотоциклист взвыл, согнулся и прижал к груди ушибленные пальцы. И только когда из подъезда бегом вырвался Богдан, а следом Андрей, Алик окончательно успокоился.

— Все в порядке, Капитан! Я тут мимоходом добыл нам оружие, — и бросил ему один из трофейных «Узи».

Би склонился над лежащим, сноровисто связал ему руки и потащил в подъезд. Капитан догнал Алика, направившегося туда же, и доверительно хлопнул его по плечу:

— Молодчага, Малыш!

Алик зарделся от удовольствия. На трассе получить похвалу от Капитана удавалось нечасто.

Первый мотоциклист все еще неподвижно валялся у входа в квартиру. Сейчас Алик заметил, что в падении шлем с него слетел, и с немалым удивлением убедился, что это молодая белокурая девушка. Сопоставить ее с мрачной фигурой автоматчика, совсем недавно угрожавшего ему, никак не удавалось. Малыш замороженно смотрел на нее, а сзади уже возник Би, опуская рядом вторую девушку, такую же молодую и белокурую.

— Ну, Малыш, поздравляю! Неплохое начало для новичка — в одиночку, без оружия, против двух нонки. Совсем неплохо! Ей-ей!

Нонки. Женская секта. Или женская банда. Те, кто вчера полдня преследовал их с Квайлом. Малыш никак не мог поверить в это — две хрупкие миловидные девчонки лет двадцати. И в то же время они — нонки. «Нонки» — слово, произносимое всеми, кого они успели встретить в Городе, со страшной ненавистью.

— Чертовщина... — прошептал Алик и ткнулся лицом в плечо Капитану.

Глава 3

Моторы мотоциклов звучали очень странно — не то трещали с присвистом, не то хрустели. Ни Алик, ни Андрей никогда раньше не слышали подобных звуков. Впереди несся Богдан, именно нес-

ся, ибо бешеный полет сквозь город, когда встречный ветер норовит оторвать тебя от мотоцикла, а мотоцикл от асфальта, иначе никак не назовешь. Ту девушку, что оставалась без сознания, привязали к Богдану, чтоб не свалилась. Вторую втиснули между Капитаном и Аликом, пристроившимся на втором мотоцикле сзади, почти на стоп-сигнале. Андрей пытался не отставать от Богдана. Малыш придерживал девушку за плечи, слегка выющиеся волосы нонки хлестали его по лицу.

В Конус они попали спустя полчаса. Просторный двор, до отказа набитый всевозможным металлическим хламом, напомнил захудалую сельскую МТС. За воротами Би свернул влево, минув вереницу не то боксов, не то ангаров. Вскоре он притормозил; остановился и Капитан. Алик соскочил, помог сойти нонки и пошел отвязывать вторую пленницу от Богдана. Андрей заглушил двигатель и задумчиво поглядел на руль — зеркало заднего вида отсутствовало на обеих машинах. Случайно ли?

Би тем временем отпер ворота и возился у стоящего в боксе бронетранспортера, темно-зеленого восьмиколесного монстра, похожего на гигантского поросенка.

— Кэп! — крикнул Би Андрею, услышав, что Алик так его называет. — Грузите нонки в бэтээр и спрячьте в боксе мотоциклы!

Андрей взял за локоть девчонку, понуро стоящую рядом, и повел ее к броневнику. Алик без напряжения нес вторую. Он подождал, пока Капитан загонит свою в люк; тут нонки на руках у Малыша слабо застонала и открыла глаза. Алик немедленно скорчил зверскую рожу, и девушка вздрогнула. Вообще то, что она очнулась, было даже хорошо. Алик слабо представлял, как сумеет втянуть расслабленное податливое тело в узкий люк бэтээра. Поэтому он сразу поставил ее на ноги и указал на «поросенка». Она послушно полезла внутрь; перед тем как скрыться, длинно и напряженно посмотрела на Алика, словно хотела о чем-то его спросить, но не решалась. Очень хотелось показать ей язык, но Алик удержался от подобного ребячества.

Богдан уже завел машину; из бокса рвались сизые клубы выхлопа. Бэтээр взревел и нехотя выполз во двор. Капитан не торопясь закрыл ворота, запер замок и швырнул ключ Богдану, а сам нырнул в десантный люк позади башни. Алик устроился справа от Богдана, выглядывая в маленькое наклонное оконце. Нонки рядышком сидели посреди отсека, руки у них по-прежнему оставались связанными за спиной.

Бэтээр урчал и резво несся по улицам. Пока Андрей осматривался, Би успел вырुлить из лабиринта ангаров, но выбрал почему-то не ту дорогу, по которой они только что пронеслись на мотоциклах. Капитан припал к боковому триплексу: Город его завораживал, чем — он не понимал, но эти пустые улицы и дома действовали на него, как море на старого, списанного на берег боцмана. Би гнал бэтээр очень быстро, иногда используя тротуары. Раз они наткнулись на старую угрюмую баррикаду, пришлось объезжать ее кривыми, похожими на татарские кварталы, задворками.

Час пролетел очень быстро. Богдан затормозил у подъезда, где Алик с Андреем и Вилли Квайлом уже побывали утром.

Квайл ждал их внизу.

Зеленая База оказалась насмерть замаскированной крепостью. С виду — квартал как квартал, но стоило туда углубиться, как сразу чувствовалось неладное. Андрей позже понял: дворы были совершенно пусты. Голый асфальт, будто на плацу, ни лавочек, ни обычных в этом районе низких ажурных оградок, зато невероятное количество каменных домиков, трансформаторных будок и колодцев, похожих на канализационные, только побольше диаметром. И еще — дома были без балконов. Но это все внутри, а снаружи — квартал как квартал.

За километр от него Квайл сунул руку в обширный карман на груди и извлек продолговатый, смахивающий на карманный приемник предмет с двумя антеннами, и Алик, сидевший рядом, услышал тоненький писк, более всего походивший на сигналы радиомаяка. Во дворе они подъехали к одной из трансформаторных будок. Малыш ожидал, что Квайл пойдет отпирать замаскированные ворота, но те распахнулись сами, и Алик с Капитаном убедились, что ЭТО изнутри так же похоже на трансформаторную будку, как ананас на велосипед.

Это оказалось ни больше ни меньше лифтом. Простым грузовым лифтом. Они спустились на несколько уровней, и Би повел бэтээр по широкому прямому тоннелю. За двести метров пути прошли серию шлюзов и наконец попали в большой зал, где бэтээров стояло больше, чем обычно бывает пчел в улье.

— Приехали, — буднично хлопнул себя по коленям Вилли. Прибор с рожками висел у него на шее рядом с биноклем.

База поразила и Алика, и Капитана. Огромное многоярусное сооружение, напичканное оружием и электроникой, полное отсеков, кают и залов. Если бы космический линкор каким-нибудь непостижимым образом брякнулся оземь и врос в окруживший его Город — получилось бы нечто подобное.

Нонки заперли в небольшой комнате, пустой и унылой. Люди Квайла, видимо, часто здесь отсиживались, потому что сразу разбрелись по каютам, расположенным недалеко от набитого экранами и аппаратурой зала, куда скрылся Вилли. На двери этого зала висела невзрачная серая табличка с надписью «Вахта 2Р». Пахло казармой, военщиной и пылью.

Богдан показал Капитану на комнату напротив своей:

— Туда, туда! Устраивайтесь пока. Придется здесь некоторое время покуковать.

Малыш вздохнул и несильно пихнул Андрея под бок:

— Пошли, Кэптейн. Мы пока что чужие на этом празднике жизни. Нечего и голову ломать.

Богдан обернулся и скороговоркой выпалил, будто извиняясь:

— Да ничего, мужики, скоро освоитесь. Просто нонки словно озверели, пришлось лечь на дно. Такое иногда случается.

Он поглядел на них и, улыбнувшись, потрепал Малыша по плечу.

— Советую выспаться хорошенько. Ну, отдыхайте!

Би повернулся и шагнул к своей комнатке. Перед тем как хлопнуть дверь, он замедлился на миг и тихо сказал:

— Вы очень понравились Квайлу, ребята. Держитесь за него.

Щелкнул, закрываясь, замок, и экс-гонщики остались одни.

Алик проснулся, когда с хрустом распахнулась дверь каюты. На пороге стоял Богдан.

— Ну как? — поинтересовался он.

Алик пожал плечами:

— Кажется, выспался...

Капитан промолчал.

— Пошли. — Богдан развернулся и вышел. Алик с удовольствием потянулся и направился следом; Капитан позевал немного и поплелся за ним.

Они пришли в зал, похожий на центральный пульт большой электростанции или автоматического завода. Кругом пестрели экраны, датчики, индикаторы и кнопки. На экранах просматрива-

лись подходы к границам Базы. В кресле у пульта сидел Вилли Квайл и мрачно поедал консервы, ловко орудуя длинным пиратским ножом. Остальные занимались тем же; и Алику с Капитаном вручили по банке.

— Слушай, Вилли, — прищурился Алик и склонил голову набок, — а где вы жратву берете?

Вилли на секунду перестал жевать и вопросительно уставился на Малыша.

— Как где? В Городе, конечно. Там же пропасть складов — и еда, и оружие... Нужно просто уметь искать.

— Но когда-нибудь все съедят и изнасят, так ведь, долгожители? Что тогда?

Вилли отодвинул пеструю банку и положил нож на пульт.

— А тебе не страшно, что мы весь воздух выдыхим, прости за корявую фразу? Все никогда не съедят. Город есть Город — он непостоянен и не терпит пустоты. Новые склады найдутся там, где вчера их не было и в помине. Между двумя соседними улицами однажды ты сможешь найти целый район — новенький, с иголочки. Это Город, Малыш. Тут особые законы. Нужно только стать здесь СВОИМ. И еще — уметь искать. Если Город разглядит в тебе СВОЕГО, можешь больше ничего не бояться. Разве только нонки.

Алик хмыкнул и взялся за консервы — банка была уже открыта.

— Ну-ну... Непонятно, но здорово. Приятного аппетита, Кэп!

Андрей сокрушенно покачал головой и тоже принялся за тушенку. Похоже, она была здесь национальным блюдом.

Пока Алик с Капитаном спали, явно что-то произошло. Команда Вилли тихо переговаривалась у пульта. По экранам бродили невнятные тени. Андрей присмотрелся внимательнее и подошел ближе.

Нонки! Черные комбинезоны он узнал сразу. Много: десятка два, не меньше. В отдалении на пыльном тротуаре замерли три бэтэра. Ребристые следы убегали за край экрана. Камера глядела на это откуда-то сверху, должно быть, с края плоской крыши одного из «домов».

Андрей оглянулся на Вилли: тот, мрачно уставившись на монитор, подкручивал пузатый цветной верньер на пульте.

— Что происходит? — поинтересовался Алик, выглядывающий из-за спины Капитана.

Вилли, не отрываясь от экрана, ответил сквозь зубы:

— Я тоже хотел бы это знать!

«Вход в Базу ищут, что ли?» — подумал Малыш без особой уверенности.

Квайл исподлобья наблюдал за изысками нонки; те возились вблизи бэтээров, нарочито не кроясь. И вдруг — залп! Половина экранов взорвалась фиолетовыми брызгами, так что кольнуло глаза. Алик чертыхнулся и полез за темными очками, с которыми никогда не расставался. Датчики донесли сочный раскатистый звук взрыва, потом зазвенели стекла.

Цветные пятна долго плясали перед глазами, постепенно тускнея.

— Вилли! Снайпер на связи! — обыденно сообщил Богдан. Квайл натянул на уши гарнитуру, даже не поправив микрофонбусину у губ.

Зрение быстро восстановилось, Алик с воодушевлением плясился на уцелевшие мониторы. Нонки вновь закопошились.

Богдан тихонько пояснил Алику и Капитану:

— Снайпер — это наш человек, стрелок-одиночка. Квайлы души в нем не чают. Сколько он нонки-разведчиц перебил — не счесть. Они потому и боятся в районе Базы лишний раз появиться.

— Да уж... — саркастически заметил Алик, взглянув на бессмысленно-молочные экраны поврежденных мониторов. — Боятся...

Нонки сгрудились вокруг бэтээров, замышляя очередную пакость.

— Ну, бывают, конечно, случаи. Вроде этого... — ничуть не смутился Богдан.

Квайл говорил со Снайпером недолго — минуты две. Неловко стянул с головы гарнитуру, медленно обернулся к остальным. Лицо его было угрюмым, как у разорившегося банкира.

— Плохо дело... Нонки раздобыли схемы коммуникаций Зеленой Базы...

Словно в подтверждение пропала картинка еще на нескольких мониторах, свидетельствуя о кончине наружных камер-датчиков.

Прочный и надежный мир Вилли рушился на глазах. Всегда, когда становилось горячо, он и его команда скрывались на Базе, уверенные в своей неуязвимости. Теперь нонки имели схему и достаточно сил. Захват Базы стал лишь вопросом времени. Ведь в сущности, что нужно? Подавить все камеры слежения и зоны автоматического огня, постричь антенны дистанционки, взорвать чего помощнее в нужном месте и все. База строилась с расчетом на

достаточное число защитников. А команда Квайла насчитывала ныне семь человек.

Неужели в команде предатель? Иначе — откуда у нонки схема? Квайл стиснул кулаки.

Схема всегда — ВСЕГДА! — хранилась на Базе. В таком месте, где никто не стал бы ее искать. Да и понять, что это именно схема, мало кто смог бы.

Кто? Раньше команда состояла из трех десятков бойцов. Плюс Снайпер, конечно. Нонки давили их настырно, холодно и методично. Хастли, его братья, Ваулин, потом Берг Квайл... Кто же? Или существует еще одна схема?

— Уходить надо... — негромко предложил Богдан.

Вилли поднял на него свинцовый взгляд.

«Этот? Нет, не могу поверить».

Действительно, пора уходить. Мысли прыгали, нестройные, обрывочные.

«Может, эти двое? — подумал он об Алике и Капитане. — Играют в новичков, а сами...»

— Гасите всю электронику! — скомандовал Квайл и шелкнул несколькими тумблерами на пульте, отключая основные генераторы.

Тотчас мигнули и погасли все мониторы, став одинаково матовыми; враз оборвались наружные звуки; отключился почти весь свет, лишь редкие аварийные лампы скупо выхватывали из воцарившегося полумрака гладкие стены да низкий потолок. Но вскоре и они гасли, сразу после того, как люди уходили прочь.

«Вахта 2Р» осталась далеко позади.

Квайл шел первым, торопливо впечатывая толстые подошвы ботинок в ворсистый пол коридора.

— Стоп! — вспомнил вдруг Капитан. — А нонки-пленницы?

Вилли удивленно замер.

— Что — пленницы?

— Они же заперты. И руки у них связаны, — тихо сказал Андрей.

— Ну и хрен с ними, — отмахнулся Вилли. — Некогда.

Он собрался идти дальше.

— Это не по-людски, Вилли. Их же завалить может, — так же тихо добавил Андрей.

Он ожидал, что Квайл снова возразит, но тот вдруг швырнул ему связку плоских ключей.

— Ждать вас никто не будет, — предупредил Вилли. — Выход в секторе «С», второй шлюз. Изнутри откроется без проблем, мы снимем блокировку.

Его подозрения против этих двоих укрепились.

Алик переглянулся с Капитаном — в одиночку в Городе? Без поддержки Квайла и его людей? Они уже успели понять, что тут небезопасно и новичку вряд ли стоит уповать на везение.

— Я подожду их, — сказал вдруг Богдан. — Земляки все-таки...

— Как знаешь, — сухо ответил Квайл. — Сбор у Снайпера завтра.

Богдан кивнул. Вилли и троица из его команды быстро исчезли в полутьме коридора.

— Шевелитесь, — посоветовал Богдан. Одобрения в его голосе не нашел бы и самый отпетый оптимист.

Гонщики заторопились назад, к центральному пульту и жилым каютам.

— Дались они вам... — недовольно буркнул Би им в спины.

Нонки неподвижно сидели у стены в своей комнате-тюрьме. Капитан бесцеремонно поставил их на ноги, схватив за воротники комбинезонов. Алик приподнял брови — на отсутствие или недостаток силы Андрей никогда не жаловался, но такого Малыш не ожидал. Впрочем, девчонки на вид хрупкие...

— Пошли! — скомандовал Кэп.

Выскользнули за дверь. Обстрел продолжался: пол под ногами то и дело слабо вздрагивал, а потом, после короткой паузы, доносился едва различимый гул. Коридор бесконечной кишкой тянулся навстречу. Наконец они оказались у массивной герметичной двери во всю стену. Богдан ждал их, усевшись на пол под кнопкой-пускателем.

Одна из нонки вдруг отрывисто сказала:

— Город найдет силы отомстить вам, квайлины!

— Заткнись, — огрызнулся Би, вдавливая пускатель до отказа. Дверь бесшумно и величаво скользнула в сторону. Открылся тесный тамбур, упирающийся в точно такую же дверь с жирной буквой «С» в рост человека; ярко-красная эмаль искристо поблескивала. Дверь, в которую они только что вошли, неслышно затворилась. Алик обернулся — с этой стороны на ней красовалась выведенная эмалью буква «К».

Спустя несколько секунд вторая дверь уползла в сторону, пропуская их в сектор «С». Богдан сразу же повернул налево.

А в это время нонки, пробив очередным залпом стену рабочего коридора, стали просачиваться в крепость.

Зеленая База, верный бастион Квайлов, впервые за много лет пропустила в себя их упрямого врага.

Глава 4

Би, Алик и Капитан выбрались на поверхность, миновав уже знакомую трансформаторную будку. Или другую, но в точности такую же. Нонки громили беззащитную Базу на противоположном краю, а здесь было тихо и на вид — спокойно. Вилли и его спутники давно успели раствориться в окрестных кварталах.

— Ну, и что теперь с ними делать? — спросил Богдан, неприязненно зыряка на нонки. Девушки не менее неприязненно глядели на всех троих.

«А ведь они близнецы...» — удивился Алик. Раньше он этого не понял. Странно.

— Отпустим, — предложил Капитан.

Би взглянул на него, как садовник на плодояжку.

— Ты спятил? Они же всю банду нам на хвост повесят.

Капитан хотел пожать плечами, но не успел. Зло затрещала автоматная очередь. Алик, не раздумывая, бросился на пыльный асфальт; на зубах сразу закрипело. Андрей замешкался, но тоже залег невредимым. А вот Би, схватившись за бедро, неловко повалился рядом. Из-под ладони обильно сочилась кровь, на асфальте под ним быстро расплзлось темное пятно.

Одна из нонки-пленниц резко ударила Богдана ногой, вторым ударом вышибив из рук автомат. Би отчаянно заругался.

— Не двигаться! — послышался громкий отчетливый крик. Теперь Алик понял, откуда стреляли: справа, с крыши очередной лежбудки, шлюза соседнего сектора.

В арку с гулом ворвался серо-зеленый бронетранспортер, из него горохом посыпались нонки с автоматами.

— Лицом вниз, руки за голову!

— А пошли вы... — отозвался Богдан и тут же получил по голове вороненой сталью.

Алик с Капитаном повиновались.

— Шелли! — в один голос воскликнули девушки-близнецы. Потом кто-то засмеялся.

С полминуты нонки радостно переговаривались. Выходило, что близнецы были важными персонами, по крайней мере такое складывалось впечатление.

Капитан, приподняв локоть, пытался осмотреться, елозя небритой щекой по асфальту. В итоге ничего он так и не рассмотрел, только получил сапогом между лопаток.

— Вяжи их! — скомандовала одна из двойняшек, Алик узнал по голосу.

Теперь уже Андрея, Богдана и Малыша грузили, плененных, в бэтээр. Вчерашняя ситуация перевернулась с ног на голову, отразилась в кривом зеркале.

Раненного в ногу Богдана никто и не думал перевязывать. Кровь так и сочилась из раны, окрашивая плотную ткань защитного комбинезона в черный цвет.

Ехали недолго — минут сорок. Алик видел небо в приоткрытый люк; иногда — верхние этажи домов. Ощущение реальности покинуло его, казалось, что все происходит в горячечном бреду.

Из бэтэера их вытащили на руках, предпочитая не давать свободы вовсе, хотя Алик с Капитаном втайне надеялись на это. Би не надеялся — он слишком хорошо знал нонки.

Первое, что увидел Алик по прибытии, — бело-зеленый флаг на длинном, как зимняя ночь, шпиле. Нонки привезли их на свою штаб-квартиру в Скул-риджент. Здание мало походило на Зеленую Базу, но некоторое сходство все же угадывалось. Витающий везде оружейный дух? Подспудная готовность к немедленному выстрелу? В общем, нечто милитаристское.

Освободили от пут их только в камере. Богдана сразу же куда-то увели, а Капитан с Аликом остались стоять посреди небольшой комнатухи, малые длина и ширина которой компенсировались непомерно большой высотой. Более всего комната походила на шахту грузового лифта в четырехэтажном доме. Никаких окон; светильник на высоте трех метров в углу, пара низких нар у стен да тонкая книга на полу. Дверь закрылась плотно, лишь едва заметная щель волоском темнела на фоне кофейного пластика.

Алик с Андреем мрачно переглянулись. Разом, словно по команде, сели. Капитан протянул руку к одинокой книге на полу. Малыш с интересом воззрился на него.

— Чушь какая-то, — сказал Капитан брезгливо спустя несколько секунд. — Закорючки.

Алик взглянул — ничуть не понятнее клинописи. А на ребус вроде непохоже.

— Картинок нет? — с надеждой спросил он. Впрочем, иронии в голосе тоже хватало.

Капитан невозмутимо пролистал — ни одной. Только схема в самом конце: правильный пятиугольник (ну прям знак качества...), поделенный на четыре неравные части двумя пересекающимися линиями, и буква «W», совпадающая рожками и углом с перекрестием и малыми крыльями линий. Все это здорово смахивало на задачку из учебника геометрии.

Капитан вздохнул и нехотя отбросил книгу к стене.

Дверь тотчас мягко ушла в глубь стены, ни дать ни взять как у «Икаруса»-междугородки; на пороге возникла невысокая нонки с внушительной кобурой на боку.

— На каком языке читаете? — отрывисто спросила она. Лицо ее при этом не выражало ничего, кроме презрения.

Алик с Андреем снова переглянулись. Издевается, что ли?

— На том же, что и говорим, — буркнул Малыш неприветливо.

Нонки уставилась не него, словно бармен на посетителя, который отказался от выпивки за счет заведения в новогоднюю ночь.

— Говорят здесь все на одном, я спрашиваю, на каком читаете? На английском? Испанском?

— На русском, — тихо и спокойно сказал Андрей.

Охранница обернулась и крикнула в темнеющий проем двери:

— Русскую копию!

Нагнулась, подобрала валяющуюся у стены книгу с закорючками.

Алик вежливо осведомился:

— Простите, а эта копия на каком?

Нонки, не оборачиваясь, ответила:

— На тамильском.

И вышла. Почти сразу же в камеру впрорхнула нонки помоложе и рангом явно пониже. Преклонив одно колено, она бережно опустила на пол точно такую же книгу, только вместо непонятных завитушек на обложке четко выделялась золоченая надпись: «Завет».

— Приобщитесь к Учению, квайлины, — негромко промолвила нонки. — И не смейте швырять эту священную книгу. Второй раз вам этого не простят.

Когда дверь за ней плотно затворилась, Капитан осторожно взял книгу в руки.

На следующие два часа мир для Алика и Андрея перестал существовать. Они погрузились в чтение, проглатывая страницу за страницей и не замечая ничего вокруг.

Это была история Мира в странной интерпретации. «Есть Мир и есть предназначение, — говорилось в книге. — Когда оно исполняется, Мир становится другим, более сложным. И так раз за разом, словно по лестнице, одолевая ступень за ступенью.

А еще есть те, кто исполняет предназначанное. Имя им — нонки.

Вначале была Точка. Когда Свершилось, стала Черта. Когда в другой раз Свершилось, стало Пятно. Когда в третий раз Свершилось, стал Город. Когда снова Свершится — Город станет чем-то иным, чему нет еще названия; и там будет такой же «Завет», но будет в нем больше на одну главу. Главу, где будет изложено предназначение для Того-Что-Будет-После-Города. И так все выше и выше, дальше и дальше, ибо нет конца Миру и Изменениям.

Каждое предназначение так или иначе связано с Отражениями. Нонки чтили Отражения и поклонялись им. Поэтому в их иерархии наивысшее место занимала мать близнецов, а также и сами близнецы».

В этом месте Алик единственный раз оторвался от текста, чтобы значительно шепнуть Капитану одно-единственное слово:

— Зеркала!

Предназначение для Города сводилось к тому, что однажды придут Те-Кто-Несет-Отражения, и если они сумеют отразить Свет четырежды, Город уйдет Вверх.

На этом книга обрывалась. И они не нашли слова «Конец».

Некоторое время пленники молчали. «Завет» бережно опустили на пол в центре комнаты.

— Черт возьми! — Алик все еще оставался под впечатлением прочитанного. — Вот почему у них нет зеркал!

Капитан задумчиво покачал головой:

— Не путай причину со следствием, Малыш. У них почему-то нет зеркал, и поэтому они поклоняются Отражениям.

— Пусть так, — поморщился Алик. — То-то они штурм учинили из-за своих близнецов-двойняшек...

Капитан вскользь глянул на «Библию» нонки.

— Странная секта. Под стать Городу. Но тогда непонятно: при чем здесь Квайлы?

— Может, они знают, где искать зеркала?

Андрей с сомнением прищурился.

— Во-первых, эти самые Отражения могут оказаться вовсе не зеркалами, а чем угодно. А во-вторых, зачем Квайлам что-то скрывать?

Малыш пожал плечами:

— Мало ли? Кто знает — что будет после Города?

— Может, Квайлы знают? И это их не устраивает?

Андрей поразмыслил. А что? Это многое объясняло.

Он еще раз осмотрелся. Удрать отсюда наверняка невозможно. Выручать их тоже вряд ли кто явится: некому. Будущее представлялось крайне туманным; понять, чего добиваются от них нонки, смог бы разве что телепат. Схватили, посадили под замок, всучили «Завет» свой непостижимый... Фарс с языками какой-то. И ведь все так многозначительно! Неужели пытаются обратить в свою веру? А зачем? Кто они — Алик с Андреем? Новички в Городе, котятя слепые. Непонятно.

И тут в стену напротив двери осторожно постучали: «Та, Та, Та-та-та».

Семерочка, для тех, кто знает морзянку.

— Ответь, — прошептал Капитан.

«ЕР», — послушно ответил Алик, что значит «здесь».

«АС», — отбили из-за стены.

— Ждем, — перевел Малыш.

Подождали. За стеной кто-то еле слышно возился. Может, Богдан? Алик осторожно прижал ухо к стене. Шорохи усилились. Однако Капитан предостерегающе потянул его за рукав.

Малыш оторвался от прохладного пластика и в тот же миг могучий удар проломил стену. Дождем брызнули острые осколки, исцарапав пленникам лица и руки. Из рваной дыры кошкой выпрыгнул человек в черном комбинезоне нонки, но это был мужчина. Он выдохнул всего одно слово:

— Ноги!

Повторять не пришлось. Алик, а за ним и Андрей мигом шмыгнули в дыру. Город быстро выработал в них мгновенную реакцию

и тараканьи рефлексы. В сторону открывшейся двери и нонки-охранниц, возникших на пороге, полетела граната. Взрыв встряхнул все здание.

Вниз вели крутые пыльные ступени. Ход был невероятно узок. Тем не менее впереди кто-то ухитрялся нести Богдана и делал это на редкость быстро.

Вверху ахнул еще один взрыв, потом еще — гранат не жалели.

Алик отказывался что-либо понимать. Ситуация вопреки логике менялась каждые несколько часов. Сначала они захватили нонки-близнецов, неясно как попавших в ничейные кварталы без охраны. Позже нонки проникают в Зеленую Базу — самую совершенную крепость, какую можно представить. Теперь их спасают из самого сердца вражеской штаб-квартиры. Что здесь, все в сговоре?

Погоня, похоже, не состоялась: взрывами завалило ход. Позади беглецов по крайней мере. Алик прыгал через две ступеньки, а длинная лестница все не кончалась и не кончалась. Опуститься успели этажей на тридцать — сорок, не меньше, если сравнивать с пролетами стандартных многоквартирок. За спиной сопел Капитан. Еще дальше дробно топотал спаситель в комбезе нонки. Передний нес раненого Богдана не снижая темпа: ни дать ни взять — горилла с детенышем. Ну и силища у него, однако!

Внизу оказался тоннель с полукруглым сводом. Алик сразу и не сообразил, что спуск завершился, пока не налетел с разгону на новенький желтый электрокар. Горилла перевалил Би через низкий бортик в кузов, а сам живо уселся за руль.

— В кузов! Ну! — скомандовали сзади.

Алик тотчас сиганул через борт; сверху на него рухнул Капитан, словно куль с мукой. Кар рванул с места, как «Формула-1» на старте. Человек (даже нет — человечек, сухощавый и невысокий) в черном успел пристроиться рядом с Гориллой.

— Перевяжите Би! — кинул он через плечо.

И вдруг обернулся, привстав.

— ...! ...!! задница!!!

Ругаться он умел.

Андрей как ни в чем не бывало перевязывал Богдана, достаточно ловко для немедика. Малыш, виновато сморгнув, спросил:

— Что-то не так?

Горилла притормозил было, но, повинаясь короткому энергичному жесту Черного, вновь погнал кар с прежней скоростью.

Мощные электромоторы тихо урчали да шелестел еще встречный поток воздуха.

— Черт возьми! — сказал черный уже спокойнее. — Я был уверен, что один из вас — Берт Квайл.

Вот оно что! В пылу побега эти ребята спасли не того, кого хотели. Ну а теперь-то в стан нонки соваться — дело гиблое. Если они, конечно, на данную минуту покинули стан нонки...

— Мне очень жаль... — развел руками Алик.

Ему и правда было очень жаль. Старались же ребята.

— Что вы делали в камере Квайла?

— Сидели, — развел руками Алик, — часа два.

Черный не ответил.

Капитан еще раз взглянул на Богдана, вытер ладони о брюки и выпрямился. Ветер ударил ему в лицо, взлохматил волосы, стал трепать остатки подранной футболки. Богдан безжизненно лежал рядом, перевязанный, но без сознания. Не повезло парню, крови много потерял...

Вдруг кар резко затормозил. Горилла и Черный враз соскочили: первый ловко схватил Богдана, без видимых усилий взвалил его на плечо и легко потрусил в левый коридор; второй сумрачно смерил взглядом Алика с Капитаном и, вздохнув (куда уж вас деть!), призывно взмахнул рукой.

Короткий коридор привел в небольшой круглый зал, посреди которого застыл малютка-вертолет. Единственная пыльная лампочка под самым потолком с трудом разгоняла темень.

Черный скользнул в кабину; Горилла бережно опустил Богдана на сиденья и едва заметно шевельнул головой: «Полегче, мол!»

Алик с Андреем не заставили себя ждать. Вертолет заурчал, завибрировал, медленно зашевелил винтами. Черный оживленно щелкал переключателями на пульте, не отпуская кривую ручку управления, похожую на длинный джойстик.

Горилла тем временем рванул рубильник на торце пузатого металлического шкафа у стены и бегом вернулся к вертолету.

Потолок зала разделился на три изогнутых сегмента, которые уползли в стороны; на одном продолжала сиротливо гореть лампочка. Хлынувший сверху поток яркого дневного света затмил эту жалкую искорку подземелья. Вертолет, словно большая неторопливая стрекоза, взмыл и на секунду завис над круглой дырой, очень странно выглядевшей посреди покалеченной клумбы.

Улица провалилась вниз; под прозрачным брюхом вертолета зачернели плоские крыши зданий, утыканые антеннами и вентиляционными трубами. Совсем рядом, на уровне глаз, трепыхался на четырехгранном шпиле флаг нонки. Из окон по вертолету стреляли.

«Что он делает?» — подумал Алик с холодом в груди.

Черный, вместо того чтобы уносить ноги (точнее — винты), развернул «стрекозу» и неся прямо на шпиль, постепенно снижаясь. Прямо под пулеметы.

Но Черный отнюдь не стремился в камикадзе. Вертолет едва заметно тряхнуло, и к зданию потянулись два дымных следа.

«Ракеты! — понял наконец Алик смысл маневра. — Вот это да!»

Теперь Малыш вспомнил, что вертолет был окрашен в серо-стальной цвет. Военный, стало быть...

После залпа Черный враз отвернул. Алик успел заметить, как брызнули стекла, когда ракеты взорвались в толще здания, как кусок стены провалился внутрь и как просели три верхних этажа. Плотность огня со стороны нонки заметно упала.

Вертолет накренился, разворачиваясь. Город раскинулся внизу и чуть сбоку — серый, угловатый. Близко, казалось, протяни руку — и коснешься ближайших крыш.

Позади разрастался, подпирая небо, столб рыхлого черного дыма, слабый ветер откусывал от него неровные куски, величаво плыли в стороны косматые жирные клочья. Ракеты достигли цели.

— Кто вы такие? — отрывисто спросил Черный. — И где Берт Квайл?

Капитан степенно объяснил. Поверил Черный или нет — поди разберись? Богдана он, похоже, знал, но тот все еще не приходил в сознание. Негромко стрекотал мотор, свистели винты, да еще вплелся в этот размеренный шум сверлящий зуммер рации. Вызов!

Черный щелкнул тумблером и взялся за микрофон с тангентой, странно похожий на миниатюрную электробритву. Витой двухжильный шнур усиливал сходство. Того и гляди зазвучит ровное жужжание и Черный примется деловито елозить микрофоном по сизой щеке.

— Эй, Снайпер!

Говорил кто-то из нонки.

— Ну? — ответил Черный неприветливо.

Алик приподнял брови. Так вот кто их спас!

— Мы найдем тебя, Снайпер! Слышишь? Где бы ты ни укрылся!

— Бог в помощь, — равнодушно ответил тот. — Могу, в свою очередь, пообещать, что Берта я все-таки вытащу из ваших вонючих лап.

— Черта с два! Сегодня ты остался с носом, останешься и впредь!

— Посмотрим. В следующий раз я захвачу побольше ракет.

— Будь ты проклят, коротышка! — В голосе нонки звучало плохо скрываемое бешенство.

— Ну-ну, Шелли! Меньше фанатизма. Ищите лучше свои дурацкие Отражения. А Квайлов в покое оставьте...

Снайперу никто не ответил. Видимо, нонки отключилась. В эфире только что-то мерно попискивало, наверное радиомаяк.

Горилла громко засопел, по-прежнему не вымолвив ни слова.

— Так ты — Снайпер? — спросил Алик зачем-то. Все и так было ясно.

Не отрываясь от управления и даже не глянув в сторону Малыша, Черный ответил:

— Угу. А это, — он указал на своего гориллоподобного приятеля, — это Гризли.

И такое прозвище здоровяку вполне подходило. На медведя гризли он смахивал, пожалуй, еще больше, чем на гориллу.

Откуда-то снизу чуть слышно хлопнул одиночный выстрел, ровный гул моторов тотчас сменился надсадным воем и хриплым клекотом раненой машины.

— Падаем! Держитесь крепче! — без эмоций, очень буднично сообщил Снайпер.

Двигатели стихли; вертолет не рухнул сразу только благодаря вращающимся винтам. Мостовая рванулась навстречу с пугающей быстротой.

Бам-м-м-м-м!

Алик, оглушенный, тряс головой, пытаясь прийти в себя. В голове гудело, словно после удара в Царь-колокол. Капитан, придерживая Богдана, кривился и тер ушибленный локоть. Зато Гризли как ни в чем не бывало ногами вышиб дверцу и мягко, словно бы нехотя, вывалился наружу.

Еще выстрел! Пуля вжикнула чуть выше, задев лениво вращающийся винт. Со стороны ажурного, основательно искореженного хвоста вертолета напозлали вонючие клубы дыма.

Едва Богдана погрузили на Гризли, едва Алик с Капитаном, оба пошатываясь, отбежали под прикрытые домов и скрылись в подъезде, едва Снайпер, не целясь, навскидку, снял в окне верхнего этажа нонки с автоматом и поспешил за остальными, накренившийся вертолет вспыхнул, а еще через несколько секунд взорвался, высадив стекла во всем квартале.

— Ого! — удивился Капитан. — Что это так бабахнуло? Неужто горючка?

Снайпер снисходительно поглядел на него.

— Боезапас!

Гризли угрюмо вышиб ногой еще одну дверь, на этот раз ведущую в квартиру второго этажа. Коротко, без замаха, словно картон проломил. Опустил Богдана в комнате прямо на ковер. Снайпер, не выпуская свою винтовку с оптическим прицелом, скользнул к окну, на секунду подставив себя. Тотчас грянул выстрел, уцелевшие после взрыва остатки стекла весело звякнули, разлетаясь по всей комнате.

— Чертовы бабы! — сплюнул Гризли на пол. Это были его первые слова.

Снайпер еще разок выглянул, и снова прогремел выстрел.

— Видать, патронов у них мало, одиночными бьют, — протянул Снайпер глубокомысленно. — Ну-ка, Гризли, пошерсти малость.

Гризли кивнул, подхватил один из двух принесенных в одной охапке с Би автоматов (во силища!) и убрел на кухню. О существовании эмоций он, видимо, не догадывался с рождения. Пребывал, так сказать, в блаженном неведении. Затарахтел его автомат, потянуло из кухни едким пороховым газом, всковырнулась штукатурка на стене дома напротив...

Снайпер на короткое мгновение возник в проеме окна, нажал на спуск и вновь спрятался за стену. Он не целился, Алик готов был поклясться! Просто вскинул винтовку, шагнул в сторону и прямо от живота саданул по нонки. Все заняло едва ли полсекунды: появление, выстрел и уход.

Из окна третьего этажа нехотя вывалился автомат и гулко загремел внизу об асфальт, а за окном неловко осела темная фигура.

Так повторилось трижды — Гризли знай себе постреливал из кухни, сидя под подоконником, спиной привалившись к стене. Автомат он поднял над головой и лупил, не глядя, короткими

очередями, меняя, когда нужно, обоймы. А Снайпер убивал нонки, мгновенно и наповал.

«Зачем ему оптический прицел? — подумал Алик с уважением. — Все равно ведь не пользуетя...»

После третьей жертвы нонки прекратили стрелять и высываться.

— Уходим! — скомандовал Снайпер.

Цепочкой выскользнули во двор. Пересекли палисадники, детскую площадку. Нырнули в кривые ходы, разделяющие приземистые кирпичные сараи. Пахло сыростью и кошками, как в подвале.

Потом были целые кварталы одноэтажных домов, сплошь утопающие в зелени; новые широкие проспекты с нескончаемыми двадцатипятиэтажками; районы, которые Алик привык именовать «хрущобами» — тесные панельные домишки, бестолково громоздящиеся в метре друг от друга; просторные, мощенные булыжником площади, которые они видели только мельком, при входе в целый лабиринт подземных переходов и при выходе из него.

Наконец Снайпер привел всех на станцию метро. Алик вытаращил глаза. Подземные переходы он еще принял как должное, но когда они свернули в длинный коридор, миновали стеклянные (или пластиковые, черт их разберет!) двери с тусклыми надписями «НЕТ ВХОДА», спустились по мертвому эскалатору и оказались на платформе станции, чаша переполнилась.

— Ё-моё! Так тут и метро есть?!

Снайпер задержал на нем стеклянный взгляд.

— Угу. Правда, не надейтесь подъехать — кроме освещения, здесь ничего не работает.

Впрочем, и освещение работало еле-еле. Едва выхватывало из плотного мрака станцию, а в тоннелях хозяйничала тьма, как в цистерне с мазутом, да на самом дне.

Снайпер деловито прыгнул на путь и побрел в тоннель. Гризли половчее ухватил Богдана и сиганул следом. Алик с Андреем переглянулись на краю платформы.

— Бог знает что! То с Квайлом, то у нонки в плену, то в бегах... Калейдоскоп!

— Пошли, — проворчал Капитан. — Небось еще и не то переживем.

Снайпер хитрил. Тоннель метро обладал одним странным свойством: если спуститься на этой станции, в Песках, и пройти всего один перегон, попадешь к старому автовокзалу. Если же

идти в том же направлении по поверхности, сначала углубишься в Старые Пески, потом на пути встанет обширная промзона со странным названием Водопой, дальше раскинется «спальный» район Пасифик Трай, а за ним — Верховья. Автовокзал же останется далеко справа.

Со стены, из-под путаницы кабелей, Снайпер извлек фонарик, один из пяти припасенных; впереди заплясал круг света, вырывая из мрака ниточки рельс и своды тоннеля. Идти было удобно, хотя желоб между рельсами пропал сразу по выходе со станции. Казалось, что навстречу из давящей темноты вот-вот с грохотом и лязгом покажется поезд, но тишина нарушалась лишь звуком шагов да негромкой крысиной возней.

— Снайпер, — не утерпел Алик, — а почему тебя так называли?

Тот неохотно ответил, по своему обыкновению не оборачиваясь:

— Стреляю потому что...

— А правда, что ты ни разу в жизни не промахнулся?

Снайпер замялся; вместо него неожиданно подал голос Гризли:

— Правда. Хотя однажды он не попал в цель — ствол разорвало. Промахом это не считается.

— Понятно, — вздохнул Алик. — Врожденная способность к стрельбе. Здорово.

Метров сто прошли молча.

— А почему ты с Квайлами заодно?

Снайпер даже остановился. Направил фонарик прямо в глаза Малышу, впору надеть верные солнечные очки, Алик даже потрогал их сквозь ткань кармана, другой рукой заслонившись от луча. Сколько раз Алик их ронял, очки свои безотказные, в какие передряги ни попадал на трассах — они оставались целыми. Да и в Городе им уже немало досталось, однако ничего, выдюжили.

Спустя несколько секунд Снайпер резко убрал фонарь и зашагал дальше.

— Не с нонки же быть... — неприветливо буркнул он.

Алик не унимался:

— А правда, что Квайлы не хотят изменений в Городе и поэтому прячут от нонки Отражения?

Снайпер молниеносно обернулся и вскинул винтовку.

— Не слишком ли много ты болтаешь? Вилли еще спросит вас, кто сдал схемы Зеленой Базы нонки. Ну-ка, шагайте вперед, да без

фокусов: чуть что — пулю в спину, и уж будьте уверены, не промахнусь!

Капитан укоризненно глянул на Алика и прошел вперед мимо Гризли и Снайпера. Малышу тоже ничего больше не оставалось. И они зашагали вперед, по тоннелю, чувствуя спинами холодный зрачок снайперовской винтовки.

Дрожал позади слепящий свет фонаря. Миновали два полных перегона; одна из пройденных станций утопала во тьме, вторая кое-как освещалась аварийными лампами. Приглушенное эхо брело где-то рядом — не то позади, не то чуть впереди, а может, и там, и там.

— Направо! — скомандовал вдруг Снайпер посреди третьего перегона.

Вбок уходил узкий ход, завершающийся колодецом с лестницей.

— Сидеть у стены!

Сели. Гризли опустил Богдана рядом. Сам Снайпер полез вверх, погромел немного и откинул люк. Сразу стало светлее: в колодец заглянул солнечный день.

Зашуршала карманная рация. Капитан пригляделся — похоже на «Уоки-Токи». Неплохо.

Снова, как и в вертолете, громко запищал радиомаяк. Рядом он где-то, что ли?

Вскоре ответил знакомый, хотя и искаженный электроникой голос Вилли:

— Снайпер! Вы где?

— На четыреста тридцать второй, метро «Риска». Скоро будем.

— Удалось?

— Богдан жив, но без сознания, а вместо Берта в камере оказались те два типа, что пристали к тебе позавчера...

Алик чуть не задохнулся от возмущения. Они пристали! Да если бы не они да не «жигуль» верный, сидел бы сейчас Вилли где-нибудь рядом с Бертом, если, конечно, nonки оставили бы его в живых.

— ...к сожалению, мы их сначала вытащили, а потом уж рассматривали. Поверь, я был убежден, что это Берт и Хейниц! И на стук они ответили...

— Где Берт? — сухо перебил Вилли.

— Не знаю. В той камере больше никого не осталось.

— Паршиво, — протянул Вилли. — Живее сюда.

— О'кей.

— Кстати, — спросил Вилли, — что за помеха?

— Черт ее знает, — хмыкнул Снайпер, — она и раньше была, я уже слышал утром.

— Мощная, — вздохнул Вилли сокрушенно. — Где-то рядом. Находят же люди батареи... Ладно, жду. Отбой.

Снайпер выбрался из колодца, позвал остальных. Когда Гриззли вытолкнул Богдана и выбрался сам, люк намертво закупорил тайный ход. Команда Квайла знала Город!

Углубились в тесные уютные дворики, заросшие вишней. Алик все молчал, зло поскрипывая зубами. «Они передали схемы нонки!» Чутье какая! Третий день всего в городе. Хотя как это докажешь? Неприятно. Оправдываться всегда неприятно. А если не виноват — вдвойне. Однако надежда не покидала — умные же люди, поймут. И Квайл, и Снайпер, и Богдан, когда очнется. Как он, кстати? Гриззли его так бережно несет, словно ребенка. Младенца. Сокровище.

Скоро пришли. Невесть откуда вынырнули двое с карабинами.

— Снайпер?

Гриззли криво улыбнулся; Снайпер помахал свободной рукой.

— Привет, бродяги.

Одного из дозорных Алик с Капитаном уже встречали — на Зеленой Базе.

Поднялись на третий этаж старого, сплошь в лепных украшениях дома. Гриззли осторожно опустил Богдана на низкую кушетку и с наслаждением опустился в кресло. Снайпер прошел к окну и некоторое время внимательно изучал пустынную улицу. Вскоре вошел Вилли в сопровождении крепкого негра и двух белых-автоматчиков.

— Ну? — сказал он с нажимом.

Снайпер отошел от окна.

— Что — ну? Би нашелся там, где ты и говорил. А напротив вместо Берта с Хейницей — эти двое. Я слепо не разглядел, божим, говорю. Побежали... И главное — они на стук ответили!

— Очки носить надо, — жестко процедил Вилли.

— Мог бы сам пойти, — огрызнулся Снайпер. — Я и без тебя неплохо жил.

Вилли охладел.

— Ладно... — Он обернулся к Андрею: — Берта видели?

Капитан покачал головой:

— Нет... успели только «Завет» прочесть, тут Снайпер и явился...

— И как вам «Завет»?

Андрей пожал плечами:

— Непонятно, но здорово.

Квайл глянул на Алика и отрывисто произнес:

— Ерунда все это, и «Завет», и Отражения. Не обращайтесь внимания. Нонки — просто секта, только чересчур уж воинственная.

Капитан пошел вслепую, поскольку не поверил.

— Так дай им Отражения, Горожанин, и дело с концом. Глядишь, и отстанут.

— Не отстанут, — убежденно сказал Вилли. — Да и где я возьму Отражения-то? Я ведь и сам толком не знаю, что это такое.

— Но они существуют?

Квайл замялся.

— Не знаю, не встречал. Если «Завет» — дело рук нонки, то вряд ли, а если порождение Города, тогда пожалуй. Но это вовсе не значит, что Отражения имеют какой-либо смысл.

— Почему же нонки думают, что Отражения у тебя?

— Хрен их знает! Скорее всего они почему-то решили, что я знаю, где их искать. Я и другие Квайлы...

Вилли не договорил. Снайпер вдруг скользнул к окну, распахнул его и пальнул по-своему, без прицеливания. Внизу, на тротуаре, рухнула фигура в черном комбинезоне.

— Проклятие! — вскинулся Квайл. — Откуда они тут?

«И чем заняты часовые внизу?» — подумал Капитан, и вдруг до него дошло, что часовых скорее всего больше нет. Сняли. И хорошо, если не насмерть.

Тихо запищал вызов квайловой рации. Странно, объемно, глубоко. Потом Алик сообразил, что звучала еще и рация Снайпера. Вызов стерео, так сказать...

— Эй, Квайл! Привет.

— Шелли? Это ты, старая сука?

Нонки хмыкнула:

— Неужто такая старая?

Отчетливо пищал давешний радиомаяк.

«Что за чушь? Такое впечатление, что он все время находится рядом...» — подумал Алик.

О том же, видимо, подумал и Вилли.

— Обыскать! — рявкнул он.

Малыша и Капитана мигом обшарил один из стражников. Ничего не обнаружив, повернулся к Квайлу и покачал головой.

Вилли подозрительно глянул на Гризли, невозмутимо сидящего в кресле. Здоровяк отрицательно качнул головой, совсем как перед ним охранник.

И тогда Снайпер метнулся к недвижимому Богдану. Долго искать не пришлось: в боковом кармане комбеза нашлась плоская металлическая коробочка с усиком-антенной и парой батареек «Trident», прихваченных прозрачным скотчем.

— А ч-черт! — в сердцах выругался Вилли.

— Вот именно, — насмешливо произнесла рация, то бишь Шелли. — Конец вам, Квайл. Советую не трепыхаться.

— Дудки! — сказал Квайл и выключил рацию. — Ходу!

В тот же миг дверь слетела с петель, в квартиру шумно ворвались нонки в шлемах и неизменных черных комбинезонах. Огнестрельного оружия у них не было, только пластиковые щиты и полицейские дубинки. Вилли, негра, охрану, Алика и Андрея скрутили тут же. Снайпер успел застрелить одну из нонки, в щель между наплечником и щитом, и лег под ударами дубинок. В рукопашном он был совершенно бесполезен, ибо был Снайпером. Зато Гризли старался за четверых и продержался долго. Дубинки ловил на лету и выворачивал противницам руки; пинал ногами щиты, и нонки разлетались по комнате словно теннисные мячи.

Утихомирили его лишь минут через пять, да и то с помощью баллончика слезогонки. Всех сразу же выволокли в подъезд, даже недвижимого Богдана и истекающего слезами и соплями Гризли. На полу остались только осколки стекла и фарфора да плоская коробочка с усиком и батарейками «Trident».

Глава 5

Штаб-квартира нонки была совсем не та, что пару часов назад. Верх здания отсутствовал, нельзя сказать чтобы напрочь, но осталась всего часть дальней стены, почерневшей от копоти. Пожар нонки быстро потушили. Не было и шпиля с бело-зеленым флагом. Площадь перед центральным входом напоминала горный заповедник — сплошные глыбы да обломки, разбросанные хаотично и беспорядочно. И причиной этому — всего-то две ракеты. М-да.

Всех вытолкали из грузовика у бокового, наименее пострадавшего подъезда. Снайпер не устоял и упал, перевалившись через борт, в кровь разбив лицо. Гризли заботливо поднял его на ноги. Здоровяк тоже не блистал — красное после слезогонки лицо, распаленные глаза, разбитые губы.

Нонки-охранницы сноровисто построили всех пленников: дюжину парней из команды Квайла, самого Вилли, Снайпера, Гризли да Алика с Капитаном — семнадцать человек. У всех, кроме экс-гонщиков, почему-то — Гризли и еще лежавшего в стороне Богдана, были связаны за спиной руки.

Встретила их нонки в коричневом комбинезоне и несколько пар близнецов в таких же, но с синими рукавами и штанинами, среди них и знакомые белокурые двойняшки.

— Добро пожаловать, Вилли! Ты — последний из Квайлов, кто разгуливал на свободе.

Вилли вздрогнул:

— Врешь, Шелли...

— Род Квайл приветствует тебя из своей камеры.

Вилли сразу сник. Нонки-предводительница вдруг обратилась к Капитану:

— Отлично, ребята, поработали на славу. Спасибо.

У Алика отвисла челюсть — она давала понять Квайлу, что они, Малыш и Капитан, заодно с нонки. Какое коварство! Алик задохнулся от гнева, готовый кинуться на бестию в коричневом.

— Вилли, она лжет. Мы ни о чем не знали, — сказал Капитан уныло, ни на что особенно не надеясь.

Алик все же ударил, хлестко, изо всех сил. Но его встретила пустота и молниеносный тычок в затылок. А потом — твердые булыжники, что секунду назад были под ногами.

Шелли на миг замерла в стойке, потом медленно опустила руки. Алика подобрала охранницы и унесли в здание.

Квайл, угрюмо наблюдавший за всем этим, тихо произнес, скривив разбитые губы:

— Брось, Шелли, они же желторотые. Скажи лучше, чем Богдана накачали. Морфием?

— Не важно, — ничуть не смутилась нонки, — скоро и он к вам присоединится. А тебе советую вспомнить все об Отражениях.

Она повернулась, бросив через плечо: «Обыскать всех и к допросу!» — и вместе со свитой исчезла в подъезде. Пленников обшаривали и по одному уводили туда же.

* * *

Очнулся Алик на теплом линолеуме. Под головой лежало что-то мягкое, оказалось — остатки капитанской футболки.

— Жив? — заботливо спросил Капитан.

Алик вздрогнул — теперь напарник был одет в черный комбинезон нонки. Ничего другого не нашлось, что ли?

Под пятиугольным потолком бессмысленно белели лампы дневного света.

— Очнулся, — сказал Капитан обернувшись.

Алик приподнялся. В комнате, кроме Капитана, находились Квайл, Снайпер, Гризли и Богдан. Ближе к дальнему углу пятиугольной комнаты стоял стол, рядом — высокий вертящийся табурет. На столе, хищно изогнув шею, застыла металлическая лампа. Обыкновенная настольная лампа, каких в мире миллионы.

Дверь располагалась точно посередине одной из стен; Алик лежал неподалеку. На стене выделялся мастерский рисунок, непонятно чем выполненный, во всяком случае, не красками. Глаза. Огромные, гипнотические. Бездонные. Хотелось утонуть в них, глядеть, не отрываясь.

Между глазами — двери. Запертые.

Капитан стоял рядом с Аликом на коленях.

— Ты как, Малыш?

Алик прислушался к себе.

— Нормально.

На самом деле голова сильно болела, особенно разбитый лоб. Но стоит ли расстраивать Капитана?

— Нормально, Кэп. Встаю.

Он и правда встал.

Почему комната пятиугольная?

Гризли привалился к стене недалеко от правого глаза. Квайл взгромоздился на стол, игнорируя табурет-вертушку. Богдан, неловко выпростав раненую ногу, лежал в центре, на бледном его лице блуждала потусторонняя улыбка. Снайпер, невнятно что-то бормоча, кружил по периметру комнаты, словно взбесившийся сателлит, то ускоряя шаг, то замедляясь.

— Где мы? — поинтересовался Алик.

— Все там же, — зло буркнул Вилли.

Капитан ободряюще похлопал Алика по плечу:

— У нонки, Малыш. Скоро будет допрос.

Ободрил, нечего сказать!

Мимо сомнамбулой прошаркал Снайпер, и Алик наконец понял, что именно тот бормочет.

— Отвертку... Отвертку...

Малыш потряс гудящей головой, ничего не соображая. Что происходит? Как долго он провалялся без сознания? Все задержанные, злые, нервные...

— Зачем отвертку? — безнадежно спросил он Снайпера.

— Зачем? — остановился тот резко, будто якорь бросил. Взглянул на Малыша — бессмысленно, отсутствующе. Алик попятился. И вдруг Снайпер, схватив его за руку, увлек за собой к одной из стен, прилегающих к дальнему углу.

Посреди стены, разделяя ее надвое, тянулась резиновая полоса, тоже разделенная по вертикали пополам тоненькой черточкой. Более всего это напоминало закрытые двери поезда метро или электрички. Такие же «двери» виднелись и на другой прилегающей к дальнему углу стене.

— Что это, по-твоему? — Снайпер указал пальцем на резину.

Алик еще раз добросовестно изучил стык. Голова раскалывалась.

— Раздвижная дверь?

— Именно! — воздел руки Снайпер.

«Неужели откроет с помощью одной лишь отвертки?» — усомнился Алик. Пригнано на совесть, плотно, планария не просочится.

— На, держи! Пойдет? — протянул Снайперу десантный нож-стропорез, память о службе.

Алик не знал, что был единственным, кого нонки не обыскивали, потому что унесли чуть раньше, чем остальных. А люди Квайла, когда искали маяк-предатель, нож почему-то не отобрали.

Снайпер схватил тяжелую ладную рукоятку. Толкнул язычок. Лезвие, сухо шелкнув, вырвалось на свободу.

— Хо! — Снайпер преисполнился восторга.

Сначала Алик решил, что он ковыряет стену. Однако присмотревшись, сообразил: Снайпер пытается поддеть небольшую прямоугольную крышку, почти неразличимую на гладкой серой поверхности.

Щелчок! Крохотная, с почтовый конверт, крышка-дверца откинулась на миниатюрных петлях. Внутри контакты, провода, клеммы, рисунок с черепом и молниями...

— Осторожнее, Снайпер!

Это голос Вилли.

Ослепительная синяя искра, треск. Крик Снайпера, отброшенного в сторону. Гаснет верхний свет, зато вспыхивает лампа на столе. Светит она прямо в глаза, нарисованные на противоположной стене. Нож намертво приварился в нише, закоротив два контакта.

Легкий шум сервомоторов — двери разъехались в стороны. Сработало-таки, молодец, Снайпер!

— Бог ты мой! — просипел Гризли, подавшись вперед всем телом.

Это вовсе не двери! Это нечто вроде жалюзи, закрывающих два огромных, во всю стену зеркала! Теперь дальний угол образовывали две гигантские серебристые плоскости.

Вилли вытянул палец и беспомощно прошептал:

— Отражения...

Алик обернулся — Капитан стоял между Глаз, скрестив руки на груди. Малыш бросился к нему, потряс:

— Кэп, это Отражения! «Завет» не врал!

Андрей поморщился. Малыш всегда очень спешил: со словами, с выводами, с оценками...

Отпустив Капитана, Алик вновь бросил взгляд на зеркала. Слепила яркая лампа. Где там верные очки?

Два зеркальных овала прикрыли уставшие глаза Алика. Комната погрузилась в полумрак, лишь тремя восклицательными знаками светили три огня — лампа и два ее отражения. Несколько шагов вперед, и огней стало много, целая вереница, уходящая в бесконечность, в глубь каждого из зеркал.

Вилли Квайл ошарашенно уставился на Алика, скрывшего глаза под зеркальными «сейковскими» очками.

— Отражения... — тупо повторил он, на этот раз указав пальцем на Алика. Очки немного исказили и в них отражалась не слепящая точка, а вытянутый ромб.

Алик захлебнулся неясным восторгом. Происходило что-то захватывающее. Отражения!

Он опустился на табурет.

Свет лампы ударил в стекла очков, отразился; упал на зеркала, еще раз отразился; застыл светлыми зайчиками на дальней стене, рядом с Глазами.

И тут Капитан все понял. Схема в конце «Завета»! Пятиугольник — это комната. «W» — лучи света. От лампы к стеклам очков,

от стекол — к зеркальным стенам. А две линии, делящие пятиугольник на части, — это продолжения, отраженные от больших зеркал лучи. Свет отразился четырежды, от двух стекол и от двух зеркал, как и гласил «Завет». Предназначение выполнено.

В углу стонал Снайпер, его здорово дернуло током.

Свершилось! Свершилось ли?

Движимый неясной догадкой, Капитан обернулся — Глаза невозмутимо тарасились на происходящее, чернота клубилась в зрачках.

Загремел ключ в замке — открывалась настоящая дверь.

И тогда Капитан прыгнул, боясь, что может не успеть. Толкнул Малыша в спину, обернулся.

Медленно, как во сне, Алик подался вперед, к лампе, изменив угол отражения. Зайчики на стене ожили, поползли к нарисованным Глазам. Ну! Ну же, Малыш!

Дверь открылась, на пороге возникла Шелли и свора нонки-охранниц. Но поздно: светлые пятна зайчиков совместились с темными провалами зрачков.

Почему-то Капитан был уверен, что сделать это должны были они, а не нонки.

СВЕРШИЛОСЬ!

Глаза подернулись туманом и мигнули. Стало очень светло.

Нонки, побросав автоматы, прямо у порога опустились на колени.

СВЕРШИЛОСЬ!

Город, невообразимо огромный блин на теле Земли, вздрогнул, пошел могучей волной и скомкался. Встал дыбом асфальт, не ломаясь, гнулись свечи высотных зданий, и тоже не ломались, словно мир состоял из пластилина. Город вздрогнул еще раз и свернулся в морщинистый клубок, словно исполинский еж.

Потом воцарилась тьма: ком Города отделился от планеты под названием Земля и нырнул в щель-складку в том, что люди именуют трехмерным пространством.

Замер. И стал стремительно распухать посреди громадного Нигде.

А потом вывалился назад через другую щель. Не было больше Города-призрака, бродяги планетного.

Рассекая межзвездную пыль, неслась в бескрайнем космосе Планета-призрак, бродяга Вселенной, ловушка для звездолетов.

То-Что-Стало-После-Города начало свой путь. Что станет после? Система-призрак? Звезда-призрак? Галактика-призрак?

Подождите. Планета только начала путь на очередной ступени. Вместе с Квайлами, нонки, Аликом, Капитаном и всеми, кто населял канувший в прошлое Город, вместе с «Заветом», выросшим на одну главу, в ожидании нового Свершения и новых Отражений. Кто знает, как они будут выглядеть? Никто.

Пока — никто.

Эпилог

Пришло время, и как-то на ночную сторону Планеты опустился очередной заплутавший звездолет. Небольшая трехместная посудина, сбившаяся с курса, лидер престижной межзвездной регаты.

Он сел на пустынной площади. В сверкающей полированной обшивке четко отражались огни уличных фонарей.

Январь 1990 — октябрь 1991 г.

Николаев — Киев — Николаев

ВЕСЕЛЫЙ РОДЖЕР НА ПОДВОДНЫХ КРЫЛЬЯХ

Боевик со стрельбой в ритмах абордажа

Глава первая Великолепная семерка

1

Ночной Нью-Кросби стрелял в небо волшебством разноцветной рекламы, гудел клаксонами мобилей на перекрестках, зывал гуляк-прохожих в питейные, увеселительные и еще бог весть какие заведения. В этом районе города с наступлением темноты жизнь только начиналась: выходили на охоту покрашенные девицы, изрядно подвыпившие компании совершали шумные рейды по барам и кабакам, из-за каждой двери, будь то жалюзи из бамбука или стеклопластик на фотоэлементах, доносились гомон, смех и музыка. По улицам носились ревущие стада мотоциклистов-лихачей; за ними гонялись приземистые полицейские машины, истошно воя сиреной и невыносимо слепя вспышками мигалок. Ярко иллюминированные громады небоскребов напоминали нарядные рождественские елки, только невообразимо большие.

Арчибальд Элмер, двадцати шести лет, без определенных занятий, свернул с Брамм-стрит на Гарднер-авеню напротив центрального парка. Здание национальной библиотеки вторую неделю ремонтировали, и Арчи двинулся вдоль невысокого ограждения.

— Эй, мистер!

Голос, произнесший это, был тихим и отчетливо-зловещим. Арчи лениво обернулся. Позади стояли три верзилы-негра.

— Слушаю вас, господа, — вяло проговорил Элмер, несколько, впрочем, не испугавшись, хотя нож, выхваченный одним из них, внушал некоторые опасения.

— Советую опустошить карманы, — внятно сказал верзила с ножом, — и поживее!

Арчи усмехнулся: всего лишь карманы!

— Пошел вон, шоколадка!

Негры даже присели от неожиданности. Арчи ловко извлек из рукава куртки нунчаки и, не теряя времени даром, треснул ближайшего грабителя по курчавой башке. Раздался глухой стук, и негр рухнул, как кедр на лесоповале. Перехват, размах — второй последовал за ним так же быстро и почти беззвучно, если не считать слабого удара тела об асфальт. Третьего словно ветром сдуло, только куртка мелькнула над оградой. Арчи удовлетворенно крикнул и спрятал верные свои палочки. Потом нагнулся, подобрал нож — отличный охотничий клинок со скобой и кровостоком, острый, как акулий зуб. Справедливо решив, что трофеем он вполне заслужил двумя прекрасными ударами, Арчи сунул нож в узкий карман на бедре и быстро покинул место конфликта.

Через десять минут он опустился на высокий вертящийся табурет у стойки бара «Двенадцать баллов» и закурил почерневшую от времени трубку. С виду трубка пережила гораздо больше, чем ее хозяин. На спине кожаной куртки Элмера явственно проступал старый мастерский рисунок — ощерившийся череп и две скрещенные кости под ним.

— Привет, Арчи! — Бармен привычно поставил перед Элмером бокал пива и аккуратно налил стаканчик доброго яванского рома.

Арчи кивнул, молча выцедил ром и ушел с пивом в угол, где дожидались дружки — Джон Трисель, Архипелаг и Сид Пивная Бочка.

Спустя примерно час в «Двенадцать баллов» ввалился приземистый крепыш в коричневом летном комбинезоне, остановился у входа и долго оглядывался. Завсегдатаи вроде Элмера смерили незнакомца ленивым оценивающим взглядом — подумаешь, забрел какой-то пижон! — и тут же забыли о нем.

Вспомнить пришлось через четверть часа. Крепыш возник у столика, где сидел Арчи, мгновение изучал сидевших, потом хрипло осведомился:

— Кто из вас Арчибальд Элмер?

Отвечать не спешили. Арчи мрачно разглядывал незнакомца, соображая, за что могла бы им заинтересоваться полиция, если

это, конечно, полицейский. А похоже. Незнакомец несколько не тушевался под пристальными взглядами. Наконец Сид Пивная Бочка прищурился и нагло спросил:

— А ты кто такой, мистер Спрашивающий?

Крепыш даже не шевельнулся в его сторону.

— Я ищу Арчибальда Элмера.

Сид смешно хрюкнул и обернулся к друзьям.

— Гм! Он не понимает, когда к нему обращаются!

Крепыш с презрением глянул на Сида.

— А тебя, Пивная Бочка, я попросил бы заткнуться.

Сид вскочил.

— Чего?

Крепыш легонько двинул его по лбу.

— Потухни, приятель! — и тихо добавил: — Я — Капитан Фло.

Капитана Фло знали все, но мало кто его видел. Фло, имя-легенда! Лгать крепыш не мог, спекулировать именем Капитана Фло было равносильно самоубийству. Сид испуганно засопел, потирая лоб; Арчи рывком выдернул стул из-под дремлющего за соседним столиком старика. Старик сверзился на пол.

— Садитесь, Капитан! Я — Элмер.

Фло кивнул, но не сел.

— Пойдем, Арчи. Разговор есть. — Он развернулся и побрел к выходу. Элмер послушно двинулся следом.

2

Бруно Фальконе, более известный как Бруно Кертис, двадцати шести лет, без определенных занятий, валялся на измятой постели и тарашился на экран эс-ви. Передавали бейсбольный матч на первенство штата. По вогнутому экрану метался мячик, слышались резкие щелчки бит.

Только что Бруно выгнал очередную подружку, подцепленную ночью, выдул остатки пива и теперь размышлял, где бы раздобыть денег на начавшуюся неделю. Можно было спереть мобиль. Но сержант его уже предупредил: еще раз, и Бруно не миновать пары лет тюрьмы. Позавчерашняя попытка заняться рэкетом вылилась в несколько крепких подзатыльников и продолжительный бег через самое сердце трущоб Манотекса. Изображать из себя слепого

гитариста на площади не стоило, во-первых, из-за мизерного сбора, а во-вторых — кто поверит, что он слепой, если в последний раз едва на площадь ступил Бельмондо, Бруно уже улепетывал во все лопатки, прихватив, впрочем, и гитару, и шляпу с монетками. Денег не осталось совершенно — кто бы мог предположить, что хрупкое и юное ночное создание жрет виски, как разохшаяся бочка, и постоянно требует еще?

Вероятно, предстояло снова слоняться по городу в поисках случайного заработка.

Но судьба распорядилась иначе. Засвистел видеофон; Бруно встрепенулся и ударил по клавише ответа.

— Привет, макаронник! — улыбнулся с экрана Арчи Элмер.

— О-о-о! — обрадовался Кертис, и неспроста: звонок Арчи сулил новости. Позади Элмера в будке стоял еще кто-то. Бруно решил пока побольше слушать, поменьше болтать.

— Ты, как всегда, на мели, приятель?

Бруно развел руками:

— Увы, Арчи, женщины так много пьют, едят и курят, что на себя денег уже не остается.

Элмер обернулся к своему спутнику с видом: «Я же говорил!»

— Слушай, Бруно, есть выгодное дельце. Со стрельбой, погонями и потасовками. В прекрасной компании. И не говори, пожалуйста, что тебе надоели приключения — платит нам сам Капитан Фло!

Арчи обернулся еще раз и указал на коренастого крепыша позади себя.

Кертис и не думал отказываться. Унылая жизнь бездельника уже порядком приелась ему, натуре живой и непоседливой.

— Согласен! — немедленно завопил он и добавил уже спокойнее: — На Бруно Кертиса можете положиться, капитан!

3

Подойдя к кассе, Крис, улыбаясь, сунул миловидной кассирше бакс и вежливо произнес:

— Пожалуйста, девяносто семь центов, мисс!

Улыбка Криса всегда обезоруживала девиц, подобных этой.левой рукой он тут же стащил пачку пятидолларовых бумажек.

Увидел бы кто, как вывернулась при этом его рука! Словно и костей-то в ней вовсе не было...

Кассирша улыбнулась в ответ, ничего не замечая, и пока она стучала по клавишам, Крис стянул все семь стодолларовых банкнот.

— Спасибо за покупку, мистер!

Девушка так ничего и не поняла. Крис расшаркался, прижимая к груди купленный мяч, и неторопливо покинул универмаг.

Около мэрии в переулке, похожем на чисто выметенную крысину нору, он воровато оглянулся и зафутболил ненужный мяч через ограду.

Потом Крис сел в автобус, едущий в сторону ипподрома. За три остановки в его карман перекочевали два бумажника, четыре золотых кольца, семь наручных часов и одни карманные, а также витой серебряный браслет, кажется, с гранатом. Выйдя напротив ресторана «Глоб», Крис загадал: если в бумажниках больше трех сотен, на сегодня хватит, если меньше — продолжу.

Солнце сияло вовсю, деревья зеленели и радостно шевелились, приветствуя наступающее лето. Крис довольно жмурился, усаживаясь на скамейку у памятника Хлайку, чтобы проверить добычу.

В бумажниках оказалось семьсот двадцать долларов с мелочью, водительские права на имя Роберта Дуайта и куча визиток. Крис удивился: какого черта публика с такими бумажниками и золотыми кольцами ездит в общественном транспорте? Непостижимая страна! А впрочем, ладно, поработал сегодня на славу, можно несколько дней отдохнуть, или, как говорил его учитель-русский, оттягиваться.

И тут рядом на скамейку опустился парень в кожаной куртке и линялых ковбойских джинсах. Возник он словно из-под земли, Крис едва успел спрятать бумажники в карман.

— Привет, Крис! С днем рождения!

Кристофер Дейзи, которому сегодня и вправду исполнилось двадцать шесть лет, нахмурился.

— Простите, мистер, вы, должно быть, ошиблись.

— Да ладно, Крис, брось, тебе это не идет. Я-то знаю, кто ты и чем занимаешься — пощипал олухов на совесть, пол-автобуса небось сейчас охает и ругается. Кстати, — Арчи ухмыльнулся, — верни мои часы, пожалуйста. «Кросс-оптим».

Дейзи мрачно сунул руку в карман и извлек несколько наручных часов.

— На, забирай.

Арчи нацепил свои «Кросс-оптим» и весело представился:

— Меня зовут Арчибальд Элмер...

— Что нужно? — хмуро перебил Крис. Он не любил, когда оставались свидетели его промысла.

— Есть дело.

— К дьяволу! Я завязал с громкими делами. Хватит.

— Дело того стоит, — пожал плечами Арчи.

Крис свирепо выпалил:

— Я же сказал — к дьяволу!

Арчи встал.

— Жаль. — Он выдержал положенную паузу, вздохнул и скорбно добавил: — Капитан Фло сказал еще, чтобы ты не очень удивлялся, если на свет божий всплывут некоторые подробности мармоннской резни.

Дейзи чуть заметно побледнел и уставился на Элмера. Взгляд его вполне мог воспламенить газету. Арчи выжидательно глядел ему в глаза.

— Ладно, — протянул Крис напряженно. — Что я должен делать?

Арчи был краток:

— Всего лишь выслушать Капитана Фло. Пошли!

Крис Дейзи медленно поднялся со скамьи.

— Надо же! — горько усмехнулся он. — Минута, и я иду за тобой, словно собачонка. Весело же я встретил свое двадцатилетие!

Арчи обернулся и легонько потрепал его по плечу.

— Ничего, приятель! Через два часа ты это расценишь как подарок на именины.

Крис вяло отмахнулся и спросил:

— Слушай, а почему ты молчал, когда я снимал с тебя часы?

Арчи расплылся в улыбке:

— А что, мне нужно было хватать тебя за шиворот и орать: «Держи вора»?

4

Днем кафе почти всегда пустовало, тишину в зале нарушал только слабый стрекот вентилятора-кондиционера. Стереовизор хозяин выключил еще утром, и редкие посетители развлекались

как могли: парочка у окна рисовала на салфетках чертиков и по-минутно прыскала, отворачиваясь к окну; какой-то трудяга мирно спал, уронив голову на столешницу, рядом с ним стояла недопитая чашечка кофе. Эрвин Капелька, задрав ноги на стойку и попыхивая сигарой, читал «Утренние новости». Ничто не предвещало неожиданностей.

Тяжелый трейлер компании «Лопл Триджентик» вывернул со стороны Западного шоссе и пополз прямо на кафе. Перед самым входом дорога резко сворачивала влево, и посетители могли часто видеть, как скоростные мобили, готовые вот-вот въехать прямо в зал, вдруг уходят в сторону и только жужжание приводов мягко толкается снаружи в стеклопластик. Поэтому никто сначала не обратил на грузовик внимания. Выстрелы в кафе услышать не могли. Девушка у окна, взвизгнув, дернула своего приятеля за руку, лишь когда трейлер подмял под себя полосатый бордюр, сбил столбик дорожного знака и въехал на тротуар. Парочка едва успела отскочить, грузовик с хрустом вломился в прозрачный стеклопластик; раздвигая столики и опрокидывая стулья, доехал почти до стойки бара, заглох и остановился.

Бармен, выскочив из подсобки на грохот, ошарашенно застыл посреди зала. В наступившей тишине слышались только нервные шаги по осколкам пластика — это, стараясь казаться незаметным, крался к выходу заспанный трудяга. Парочка исчезла еще раньше. Бармен, видимо, потерял дар речи; замерев и опустив руку с полотенцем, он тарачился на грузовик, словно неандерталец на воздушный шар.

Эрвин Капелька опустил газету, аккуратно сбил пепел с сигары и с ужасающим спокойствием предположил:

— Может быть, он хочет кофе, Джимми?

Бармен вздрогнул и посмотрел на Эрвина. Он ожидал, что толстяк вновь уткнется в газету, но Капелька проявил больше интереса, чем обычно: чтение отложил, снял ноги со стойки и приготовился наблюдать, дымя сигарой.

И только сейчас Джимми-бармен заметил в лобовом стекле грузовика две дырочки от пуль и пустоту на месте водителя. Он, нетвердо шагнув, открыл дверь; сверху на него мешком свалился мертвый шофер в синем комбинезоне «Лопл Триджентик». Крови почти не было, стрелял, наверное, снайпер. Джимми беспомощно склонился над безвольным телом и так же беспомощно повернулся к Капельке, который, как болтали в округе, мог абсолютно все.

Капелька, вынув сигару из пухлых губ, сказал:

— Пожалуй, стоит вызвать полицию.

Полиция явилась через семь минут. У кафе на улице собралось с десяток зевак, Джимми, заикаясь от волнения, объяснялся с инспектором, сержант расхаживал с рулеткой, блокнотом и очень умным видом, еще двое копов стояли у входа и у дыры в витрине, никого не пуская внутрь.

Эрвина Капельку Арчи дождался только спустя полтора часа. Городишко был крохотный, Арчи, шагая рядом с Эрвином, вынужденно раскланивался со всеми встречными. Толстяк делал это с видимым удовольствием. Наконец они подошли к небольшому, увитому плющом домику, избранному Капелькой под жилище. Двор утопал в сочной мясистой зелени, навевающей смутные догадки о тропиках. Внутри домик оказался таким же милым, как и снаружи. Арчи приятно изумился уюту и умиротворенности, царящим в комнатах Эрвина. Невольно он сравнивал их со своей берлогой, и сравнение было явно не в пользу последней.

— Итак, — сказал хозяин, разливая дорогой французский коньяк по изысканным хрустальным рюмкам в виде морских раковин, — что понадобилось от меня Капитану Фло?

Арчи вздрогнул: он не успел еще и полслова сказать Эрвину о цели своего визита.

— Простите, — Арчи слегка замялся, — а из чего, собственно, следует, что меня послал Фло?

Толстяк усмехнулся:

— Из Нью-Кросби с такой татуировкой к старине Эрвину могут пожаловать только от Капитана Фло.

Арчи покосился на свое левое запястье — там красовался вытатуированный еще во время службы на флоте якорь.

— А почему вы решили, что я из Нью-Кросби?

Толстяк прямо-таки цвел от счастья, когда демонстрировал свою проницательность. Он вытащил у Элмера из нагрудного кармана свежий номер «Нью-Кросби джорнинг пост».

— Это утренний выпуск, я вижу заглавие статьи о процессе Буша. До Брендона он докатится только к обеду.

— Н-да, — протянул Арчи. Выводы показались ему несколько натянутыми, хотя Капелька все угадал верно. — Ладно. Капитан Фло просил передать, что есть возможность одновременно развеяться, поплавать, поработать головой и попутно оказать Капитану Фло услугу, кроме всего прочего, еще и прилично заработав.

Арчи пытливо взглянул на Капельку. Тот молча прикуривал сигару. Фло предупреждал, что толстяк консервативен и может упереться, поэтому Арчи очертя голову принялся уламывать его, на все лады понося унылую серую жизнь в провинции и расхваливая прибыльность интересного предприятия. Эрвин слушал его минуты две. Потом прервал коротким энергичным жестом:

— Не пыли, приятель. Из тридцати девяти лет жизни двадцать три я отдал Капитану Фло. Я согласен.

Арчи облегченно вздохнул.

5

Гордон Лу, известный на весь Бьюк-Даунт двадцатишестилетний шалопай, словно сквозь землю провалился. Арчи обошел все данные капитаном адреса, все девять; многочисленные родственники Лу однообразно повторяли: «Горди ушел, может быть, он у тетушки...»; «...нет-нет, не появлялся, должно быть, навещает мамушку»; «Нет его, проваливай, приятель»; и так девять раз подряд.

Неизвестно, кого он там навещал, но Арчи обнаружил Лу в полицейском участке. Тот держался уверенно и беспардонно, словно решетки на окнах и рослый долдон у двери, состоящий в основном из квадратной челюсти, каски и рыжих волосатых кулаков, милы ему беспредельно, а полицейский участок — дом родной.

Впрочем, последнее было не так уж далеко от истины. К Лу здесь привыкли. Лысоватый полный полицейский, расстегнувший рубашку чуть ли не до пупа, уныло спрашивал; Горди — отвечал, живо и очень охотно.

— Ну что он тебе такого сделал, Лу?

— Как что?! Сказал, что я — дерьмо!

— И из-за этого стоило вышибать ему мозги?

Лу удивился:

— А что, надо было сказать, что он тоже дерьмо?

— Ну хоть бы и так, черт возьми!

— Ты же знаешь, Пит, это не в моих правилах.

— Но он вдвое больше тебя! И вчетверо сильнее!

Лу напыжился и, казалось, даже засветился от гордости:

— Ну и кто кому вышиб мозги?

Полицейский схватился за голову:

— Господи, убрался бы ты из города, я бы ламбаду сплясал на площади, при всех, ей-богу! Ну скажи мне, Лу, скажи на милость, какого черта ты поколотил этого быка?

Лу пожал плечами:

— Он сказал, что я — дерьмо...

Полицейский взвыл и обернулся, заметив наконец Арчи.

— Здравствуйте, сэр! — Арчи шагнул вперед, к столу. Полицейский потянулся к шее, словно хотел поправить галстук, но потом сообразил, что галстук висит на спинке стула, махнул поднятой рукой и сел.

— В чем дело?

Арчи, вопросительно глядя на него, уточнил:

— Похоже, вы не прочь избавиться от этого типа?

Пит прищурился, словно хотел сказать: «Что-что?»

Арчи твердо, насколько смог, предложил:

— Если он ничего серьезного не натворил, сэр, и вы согласны его отпустить, я обязуюсь увезти его отсюда минимум на полгода.

Коп повернулся к Горди.

— Ты слышал?

Тот кивнул.

Тогда Пит вскочил, пересек комнату и с треском распахнул дверь. Долдон в каске даже не пошевелился.

— Убирайся! Я не знаю, почему я должен верить этому человеку, но я даю тебе шанс. И учти: если завтра я встречу тебя в городе, Лу, будь уверен, упеку на шесть месяцев. Надоел ты мне до смерти!

Арчи мысленно поздравил себя с успехом. Но Лу вдруг развалился на стуле и заявил с крайне независимым видом:

— А может, я с ним и не пойду!

Арчи заулыбался:

— Эй, Горди, не дури и не заставляй называть себя дерьмом, тебе это, кажется, не по нраву.

Полицейский заорал:

— Все! Хватит! Или ты идешь с этим... гм... джентльменом, или шесть месяцев заключения. Сегодня! Сейчас! Девятьсот девяносто девять тысяч чертей!

Лу поспешно вскочил:

— Иду, иду! Выбор не очень-то велик, Пит, и я думаю, что не ошибся.

Он схватил кепку, на которой сидел все это время, и выскользнул за дверь. Арчи попрощался и вышел следом. Лу, не оборачиваясь, шагал прочь по улице.

— Эй, Гордон Лу! — окликнул его Арчи. — Иди-ка сюда.

Что-то в его голосе заставило Лу замереть и неохотно вернуться. Арчи подождал, пока он приблизится.

— Нам в другую сторону, — сказал он жестко.

Развернулся и пошел, зная, что Лу не посмеет сбежать и последует за ним.

Арчи не ошибся.

6

Если Лу обнаружился в полицейском участке, то Марка Мортимера Арчи нашел и вовсе в тюрьме. Мортимер был единственным, чья фотографии не оказалось у Капитана Фло, и единственным, кому Фло посоветовал с ходу выложить всю правду.

Арчи бесстрастно и негромко выложил.

— Остался ты, Марк, и еще один парень по имени Оскар Слэш.

Марк казался спокойным.

— Кого ты уже успел завербовать?

Арчи стал отвечать, потому что так советовал Фло.

— Сначала Капитан Фло нашел и уговорил меня, а я уже сумел найти общий язык с четырьмя парнями — моим дружкой Бруно Фальконе...

— Это тот, которого все называют Бруно Кертисом и которого терпеть не может Бельмондо?

Арчи удивился, что Мортимер это знает, но виду не подал.

— Да, это он. Кроме того, один малый из Бьюк-Даунта в Паноме, зовут его Гордон Лу, далее — Крис Дейзи из...

— Крис? Ты хочешь сказать, что уговорил на эту авантюру Криса? — Марк презрительно хмыкнул.

Арчи поколебался.

— Его пришлось припугнуть, — наконец пояснил он.

Марк откровенно заулыбался:

— Парень, если ты хочешь сказать, что способен запугать Криса Дейзи, то скажи это кому-нибудь другому.

Смешался Арчи всего на секунду.

— Собственно, я передал ему всего одну фразу Капитана Фло: если он откажется, раскроются некоторые детали мармоннского дельца. И все.

Мортимер недоверчиво посмотрел на Элмера.

— Фло ничего не может об этом знать.

Арчи немедленно пожал плечами:

— Спросишь у Капитана Фло сам. Не в свои дела я никогда не лезу.

Прозвучало это достаточно убедительно, и Арчи решил, что стоит перевести разговор в другое русло.

— Кстати, откуда ты знаешь Криса?

Мортимер криво усмехнулся:

— А откуда я знаю Бруно Кертиса?

Арчи зашелся смехом. Однако этот парень не промах!

— Извини! Это ведь тоже не мое дело.

Арчи умолк, ожидая, что решит Мортимер. Тот сидел за мелкой проволочной сеткой с крайне независимым видом, словно происходило это не в Трэдфилдской тюрьме, а где-нибудь в баре на Гринли.

Молчали они долго, охранник даже стал с неудовольствием коситься на них, словно хотел спросить: «Какого черта было доби-ваться свидания? Чтобы сидеть и молчать?»

Наконец Арчи не выдержал:

— Ну, так что же ты скажешь, Марк?

Тот равнодушно опустил взгляд с потолка, куда неотрывно глядел последние минуты. Глаза его были невинными, словно у младенца.

— А какое отношение имеет все это ко мне? Конкретно ко мне?

— То есть? — не понял Арчи.

— Я отбываю срок. Осталось еще порядком. Во всяком случае, двадцатисемилетие я тоже встречу в камере.

Арчи хлопнул себя по лбу.

— Черт! Я совсем забыл! Капитан Фло сказал, что в случае согласия оставшийся срок тебе скостят.

Элмер действительно забыл об этом упомянуть, но Мортимер ему, конечно же, не поверил. Впрочем, это не имело особого значения: Марк знал, что Фло слов на ветер не бросает. В душе он давно уже согласился. Однако нужно было соблюсти знаменитый имидж Марка Мортимера, и он делал вид, что еще колеблется, взвешивает все «за» и «против».

Но вдруг парень по ту сторону сетки, назвавшийся Арчибалдом Элмером, понимающе усмехнулся:

— Да будет тебе, Марк! Я же вижу, что ты согласен. Не скажешь ведь ты, что полтора года тюрьмы прельщают тебя больше предложения Капитана Фло?

И Марк сдался:

— Ты прав, черт возьми!

7

Остался один: Оскар Слэш по кличке Бегемот. Оскар не был ни толстым, ни просто крупным человеком; прозвище прилипло к нему еще в юношеские годы, когда на пикнике он в одиночку слопал целый котелок гречневой каши, предназначавшийся семьей, и навеки стал Бегемотом.

С ним вообще не возникло никаких проблем: Оскар валялся мертвецки пьяным в собственной квартире недалеко от центра Хрид-Сити. Арчи просто погрузил его в такси, отвез к станции междугородки и через минуту уже ловил такси в Нью-Кросби. Слэш не подавал никаких признаков жизни. В таком виде Арчи и доставил его в резиденцию Капитана Фло.

Первое задание босса можно было считать выполненным.

Глава вторая Вперед, в прошлое

1

Когда к пробездельничавшей неделю шестерке присоединился свежевыбритый и благоухающий Марк Мортимер, Капитан Фло собрал всех в небольшом холле перед своим кабинетом. Одну из стен украшал черный пиратский флаг с неизменным черепом и песочными часами.

Арчи Элмер и Капелька выглядели спокойными; Кертис цвел от восторга — целую неделю он ел, спал ипил, не утруждая себя мыслями о деньгах; Крис Дейзи был мрачен, как зимний Везувий; Слэш Бегемот — равнодушен; Горди Лу старался смотреться посолднее, но получалось это у него не очень; о Мортимере пока трудно было что-нибудь сказать.

Фло посмотрел на собранную команду, рассевающуюся в креслах, улыбнулся и начал:

— Итак, господа, насколько я знаю, каждый из вас не всегда и не во всем ладил с химерой, именуемой «законом». И — что вполне естественно — каждый кое-чему научился.

Фло сделал паузу, никто его не перебил, и это Капитану понравилось, еще раз убедив его в правильности выбора.

— Мне нужно ваше умение. Умение бойцов, ловчил и авантюристов. Разумеется, не задаром. Вы, конечно, не прочь завести кругленький счет в Национальном банке и до конца дней своих не знать нужды в средствах. Это я предлагаю вам взамен вашего умения.

Фло снова умолк и слегка выждал. Глаза всех присутствующих, обращенные к нему, выражали интерес — в зависимости от темперамента — от живейшего до сдержанного. Фло снова улыбнулся.

— Я предлагаю попирагтствовать, господа. Нет-нет, никакого риска, — поднял руку Фло, — действовать будем в семнадцатом веке.

С Международной Комиссией по охране морских перевозок Фло конфликтовать не собирался. Это радовало.

В холле напряженной струной запела абсолютная недоуменная тишина.

— Я имею в своем распоряжении машину времени. И намерен ее использовать. Все, что нам придется делать, это отбиваться на современном, оснащенном последними системами оружия и боевой техники судне от средневековых парусников с их смехотворными фитильными пушками и в лучшем случае — мушкетами.

Капитаном «Орхидеи» буду я. Позвольте представить вам команду, куда вы, надеюсь, органично вольетесь.

Фло встал, пересек холл и толкнул дверь в собственный кабинет.

— Питер Зборовски, старший помощник капитана. В рекомендациях не нуждается.

Питер был свиреп. От башмаков с квадратными носками до повязки на глазу. Эдакий бравый корсар, не хватало только повязанного по-пиратски пестрого платка да степенного попугая на плече.

— Ларри Робинсон, механик.

Худенький, чтобы не сказать плюгавенький, человечешка в круглых старомодных очках. Руки по локоть в масле, все как положено. На флибустьера он никак не смахивал, хотя... Но об этом позже.

— Ван Баттум, кок.

Дебелый голландец, зачатый и выросший на камбузе, из тех, кого на суше преследует «береговая болезнь» и кто в состоянии при восьми баллах есть салями без хлеба и закусывать сгущенкой, искренне изумляясь при этом, почему бедняги-пассажиры повисли на фальшборте и блюют.

— Сэр Юстас, шеф спасательной команды.

Тут семерка и вовсе разинула рты. Вернее, шестерка, ибо Эрвин Капелька был как раз в курсе.

Из кабинета неспешно и величаво вышел громадный пес-ню-фаундленд. Роскошная черная шерсть с медным отливом, мощные клыки и лапы, умнейшие темные глаза. Сэр Юстас прошествовал мимо изумленной команды и уселся, разинув пасть и свесив набок длинный розовый язык, у ног Капитана Фло.

— Эрвин Капелька назначен боцманом, Арчибалд Элмер — его помощником. Остальные, понятно, матросами. Первейшим моим условием будет железная дисциплина. С момента вашего согласия на участие в плавании я — ваш бог, ваш папа и ваша мама. Приказы выполнять немедленно и не рассуждая. За это я вам, собственно, и плачу. Кто согласия не изъявит, может встать и уйти, его миллион золотом будет поделен между оставшимися. Прошу всех вновь прибывших по очереди подтвердить согласие. Звукозаписывающая аппаратура включена. Мистер Элмер и мистер Капелька уже высказались в пользу своего участия в предприятии. Итак, мистер Слэш?

Бегемот поскреб подбородок.

— Хоть оружие-то дадут?

— Сколько угодно! — заверил Фло.

— А выпивку?

— Только не на вахте.

Слэш развел руками:

— Что же тут решать-то? Согласен, ясное дело.

— Мистер Мортимер?

Марк переглянулся с Крисом Дейзи (они сразу же оказались рядом, с первых минут).

— Надеемся, что вы сознаете, что делаете, Капитан. Мы ваши.

Крис кивнул, едва только Марк умолк. Кивнул солидно, как представитель «Форд Моторс» на Всемирной Автосъезде.

— Прекрасно! Бруно?

— Нет вопросов! На бордаж! По марсам и салингам!

— Спокойнее, приятель! Меньше страсти, — поумерил пыл итальянца Фло. — Лу?

Горди напыжился:

— Только покажите, в кого стрелять, Кэп!

— О'кей, — подвел черту Фло. — Я вижу, что не ошибся в вас.

Он замолчал, потрепал Юстаса по лохматой голове. А потом его голос враз из вежливого стал капитанским.

— С сегодняшнего дня командует вами Питер. Общая подготовка, изучение «Орхидеи» и оружия. Слэш, ты, кажется, в прошлом механик — углубленный курс, Ларри, займешься им. Чтоб тебя заменить смог! Ясно?

Очкарик кивнул, Слэш вздохнул.

— И не пищать, корсары! Дрейк по сравнению с нами — мальчик! Доступно?

— Йо-хо-хо! — совершенно серьезно сказал Дейзи.

«И бутылка рома», — подумал каждый.

И началось. Питер гонял их, как сержант новобранцев, даже Капельку. Кстати, толстяк оказался не таким уж заплывшим: от пола отжимался полсотни раз даже не запыхавшись, а на перекладине такие вещи вытворял, что маленький, склепанный из сплошных мускулов гимнаст Лу рот разевал от удивления. Капелька явно держал себя в форме в своем занюханном провинциальном Брендоне.

Выяснилось, что Крис так стреляет из любого оружия, что вызывать его на дуэль было чистым самоубийством, даже если Крису завязать глаза;

что малыш Лу голой рукой шутя ломает шесть кирпичей, легко садится на поперечный шпагат и ловит на лету стрелу, пущенную из спортивного лука;

что Арчи лучше не трогать, если с ним нунчаки, а если не с ним, то лучше нападать вдвоем-втроем, и желательно с Лу;

что Оскар Слэш водит все — от вертолета до подводной лодки;
что Юстас понимает человеческую речь — провалиться всем
на месте, если это не так! Дьявольски смысленный пес;

что Бруно Кертиса можно последовательно запаковать в сми-
рительную рубашку, наручники, кандалы, мешок и бросить с мос-
та в море: он освободится еще в полете и расмеется вам в лицо;

что Ван Баттум — кок милостью божией;

что механик Робинсон вовсе не такой хлюпик, каким кажется.
Шесть кирпичей он, правда, не мог осилить, а вот с тремя справ-
лялся вполне;

что Питер тоже мог все это и еще чуть-чуть, а уж сам Капитан
Фло мог еще больше.

Выяснилось, что «Орхидея» — чудо. Плод инженерного гения
военных судостроителей. Композитный корпус, управляемые су-
перкавитирующие крылья, водометные движители прогрессивно-
го режима, скользящее покрытие типа «чешуя», резервные воз-
душные винты регулируемого шага...

Тримаран на подводных крыльях! С разделяемыми секциями.
Средняя — основная, четырехуровневая. Боковые — двухуровне-
вые. И скорость, скорость — 86 узлов в штиль! Сказка...

Оскар Слэш с Ларри-очкариком неделями не вылезали из ма-
шинного отделения.

В общем, месяц пролетел как один день. Команда постепенно
становилась Командой, где каждый за всех и все за одного. Фло
подобрал именно таких людей, на которых впоследствии мог по-
ложиться. Не зря он так долго выбирал.

2

Рассекая умопомрачительно синюю волну, «Орхидея» понес-
лась прочь от причала, мгновенно встав на крылья. Арчи не пере-
ставал поражаться ее способностям: пройти над Бермудскими
банками на тридцати узлах даже не чиркнув по песку! И глубина-
то, глубина под килем... ох, пардон, под крыльями! — всего-на-
всего два фута! Ну и ну! Ларри что-то объяснял насчет разницы
давлений под и над крылом, песок-де — более плотная среда, чем
вода, поэтому над мелью давление снизу на крылья возрастает,
судно приподнимается и проходит словно на подушке. Арчи сразу

не поверил: мель есть мель, что там давление... Пришлось убедиться.

Фло, Питер и Капелька расположились в рубке; Капитан в кресле у мониторов, Питер за штурвалом, боцман просто у двери. Навстречу тримарану, изредка вспенивая макушки, стройными рядами ползли океанские волны. Рубка находилась на самом верху, на четвертом уровне, от воды ее отделяло добрых сорок футов. Сразу за рубкой, надежно принайтованный, притаился небольшой боевой вертолет класса «Шершень». Остальное пространство четвертого уровня занимала открытая палуба.

На третьем уровне располагались все боевые системы — пушки, ракеты, пулеметы, оперативный боезапас, торпедные пускатели, военный компьютер «Полтава» (кличка — Зародыш), датчики систем наблюдения, мониторы, и прочая, и прочая, и прочая...

Здесь, прильнув к лобовым стеклам, вглядывались в морские дали трое: вахтенный — Арчибальд Элмер и зашедшие поболтать Марк и Крис. Последнее время эта троица много времени проводила вместе.

А Бруно Кертис очень сдружился с Гордоном Лу — оба невысокие, ладные и достаточно беззаботные. Сейчас они сидели у Ван Баттума на камбузе, где были частыми гостями. Камбуз располагался по правому борту второго уровня, ближе к носу. Весь нос занимала просторная для одиннадцати человек кают-компания. Пожалуй, в ней и тридцать человек не чувствовали бы себя стесненными. Напротив камбуза по левому борту тянулись склады, а на корме находились жилые каюты. Капитан Фло и Питер Зборовски поселились в одноместных, остальные жили по двое: Мортимер с Дейзи, Арчи с толстяком Капелькой, Лу с Кертисом, а Слэш Бегемот с механиком Ларри, понятно: они сошлись на почве своих машин. Кок Ван Баттум обитал прямо на камбузе, там у него имелась крохотная уютная каютка. Для Юстаса соорудили на самой корме специальный вольер, всегда открытый и на кормовую палубу, и в коридор-твиндек. В настоящий момент пес беззаботно спал, потому что его никто не потрудился разбудить, а на качку он обращал не больше внимания, чем мы на вращение Земли.

Второй ярус опоясывала замкнутая галерея, от фальшборта до стен кают целый ярд. Балкон балконом, да простят моряки...

Весь нижний ярус занимали склады, топливные баки и машинное отделение, царство Ларри и Бегемота. Оба сидели в дежурке — чистой, полной датчиков и приборов каюте.

Итак, «Орхидея» отчалила второго июля в два десять пополудни. Лу отдал носовой, Кертис — кормовой, Зборовски дал «малый вперед», ожили два из четырех водометов средней ступени...

А потом все собрались там, где описано.

— С богом, — вздохнул Капитан Фло, начиная свое предприятие. Питер стоял у штурвала, сунув левую руку в карман. Капелька вышел на воздух, оставив дверь открытой; в рубку врвался соленый ветер, принося шум волн и крики чаек. Капелька чадил трубкой: в море сигар он не признавал.

— Да, — сказал Марк Мортимер, вспоминая осточертевшую камеру, — сидел бы я сейчас в Трэдфилде...

Арчи улыбнулся, вспоминая разговор во время свидания и недовольного охранника; Крис косился то на Марка, то на Элмера. Тихонько тикали на запястье Арчи часы, однажды уже побывавшие у Криса в кармане.

— Ну и кофе ты варишь, Ван... М-м-м... — зажмурился от удовольствия Бруно. Кофе он обожал.

Кок разлил ароматную жидкость по чашечкам.

— Почему ты его называешь «Ван»? — проворчал Горди, прихихиваясь. Кофе он обожал не меньше. — Это же только полфамилии. Все равно что тебя назвать не Фальконе, а Фаль.

— Да ладно, — вздохнул голландец. — Все так называют. Тебе сколько сахара, Лу? Никак не запомню...

Работу водометов лучше всего было слышно внизу, в трюме. Тихий гул никогда не покидал дежурку машинного отделения, разве только у причала.

— Подумать только — машина времени! Это же... — Слэш Бегемот развел руками, не в силах выразить свои чувства.

Ларри, развалясь в кресле, невнимательно листал журнал «Турбина».

— Да она с приветом, Оскар. Военные ее поэтому и продали Капитану.

Слэш не понял.

— Что значит «с приветом»?

Ларри отложил «Турбину».

— А ты не знаешь? Капитан вроде объяснял... Хотя вас тогда еще не было. В общем, она работает только назад, в прошлое. Относительно нынешнего года. Прыгнул сегодня, пробыл в прошлом месяц, возвращаешься ровно через месяц после старта, и никак иначе. Понял?

Слэш кивнул:

— Фиксированный сдвиг, ясно.

— Вот. А прыгать можно только на тринадцать лет. Ровнехонько, ни больше ни меньше. Или на двадцать шесть, если в два приема. Три приема — тридцать девять, и так далее.

— Почему? — изумился Бегемот.

— Откуда я знаю? С приветом машина. Бракованная. Намудрили небось военные, сами не расхлебали. Но это не все. Ты заметил, что многие из нас одногодки? Мне, тебе, Крису, Марку, Лу, Бруно и Арчи по двадцать шесть лет, Капельке, Питеру и Вану по тридцать девять, а Капитану — пятьдесят два. Улавливаешь?

— Ого! Тоже привязка к цифре «13»?

— Точно! Машина переносит только те живые организмы, возраст которых кратен тринадцати годам. Плюс-минус несколько месяцев. Так что у нас не так много времени. До конца лета.

Слэш покачал головой. Действительно, с приветом машина!

— Стоп, Ларри! А Юстас? Как с ним?

— Ему шесть с половиной лет. Тринадцать пополам.

— А-а...

Ларри усмехнулся:

— Вот такие дела. Честно говоря, я не уверен, что это ВСЕ ее заскоки. Думаю, есть и другие. Поживем — увидим, прав я или нет.

— Внимание, команда! — прозвучал по внутренней связи голос Капитана Фло. — Начинаем первый прыжок!

Заслышав голос хозяина, Юстас проснулся, взлетел по кормовому трапу, пересек палубу четвертого уровня и вошел в рубку, зевая на ходу.

Мир на мгновение померк, а потом пасмурный день и легкое волнение сменились безудержным летним солнцем и полным штилем.

Оскар Слэш прилип к иллюминатору. За стеклом была резиновая лодка и конец двадцатого века, девяностые годы, середина лета.

— О'кей, ребята, все в норме, эта штука работает, — сообщил Капитан Фло. — Дальнейшие прыжки без предупреждений. Поехали!

Снаружи раз за разом темнело, волны и ветер то и дело меняли силу и направление, солнце то сияло посреди бездонной голубизны, то пряталось за лохматыми сахарными облаками, то терялось за сплошной пеленой свинцовых низких туч. Раз «Орхидею» омыл неистовый летний ливень, а раз попали в бешеный шторм: огром-

ная волна пихнула судно в левую скулу, столкнула с крыльев и посадила брюхом на воду, но в следующую секунду, тринадцатую годами раньше, «Орхидея» вновь поднялась на крылья.

Раз совсем рядом мелькнул пароход, оставляя длинный шлейф дыма и копоти; позже вдали на миг поднялись высокие мачты какого-то парусника, а за кормой все время маячила резиновая лодка с единственным человеком, вцепившимся в весла.

Оскар, заметивший лодку, так и не сообразил сначала, что она тащится вслед за «Орхидеей» сквозь времена.

Наконец прибыли. Солнце жарило, как встарь, затихли водометы, «Орхидея» легла днищем на воду и неспешно заскользила по легкой ряби семнадцатого века.

Фло, Питер, Капелька и Юстас вышли на палубу.

— Красиво, черт возьми, — вздохнул Фло. — Даже дышится вроде бы легче.

Море было синее-синее, почти как дома, в двадцать первом веке.

— Да уж, — заметил Эрвин. — Наслаждайся. Ни тебе смога, ни тебе нефти...

Юстас вдруг, рыкнув, рванулся на корму, встал на задние лапы, оперся на леер и залаял.

Невдалеке лениво покачивалась ярко-оранжевая резиновая лодка; в ней стоял человек и отчаянно махал курткой.

— Гм... — оторопел Капитан. Резиновая лодка в семнадцатом веке? Или что-то неладно с машиной?

— Кэп, лодка за кормой! — прокричал кто-то снизу, со второго уровня.

— Вижу, — отмахнулся Фло, направляясь в рубку.

— Все наверх! Кертис и Лу — принять человека!

«Орхидея» величаво развернулась и медленно сблизилась с лодкой.

Через минуту Кертис привел наверх перепуганного паренька-подростка; Лу втаскивал злополучную полуспущенную лодку на корму второго уровня.

Фло подозрительно рассматривал пришельца. Рыжая шевелюра, спасательный жилет, шорты, шлепанцы... Сын какого-нибудь рыбака из припортовых районов, наверное.

— Тебя послал Бейкер? — жестко спросил Капитан. — Отвечай!

Мальчуган съежился:

— Какой Бейкер? Я от родителей сбежал... А лодка лопнула. Старая уже...

— Как тебя зовут?

— Слава... Слава Лебедев.

Капитан удивился:

— Русский, что ли?

— Угу, — промычал парень. — Эмигрант.

— Сколько же тебе лет, эмигрант?

— Тринадцать...

Сходится возраст-то! Фло переглянулся с Питером.

«Вряд ли Бейкер послал бы такого сопляка... — думал Капитан. — Да и что он знает о машине? Ничего, кроме того, что я купил что-то у министерства обороны».

— Что делать, Капитан? Мы почему-то приволокли его с собой.

Питер поедал Капитана единственным взглядом.

— Кажется, я знаю, — сказал вдруг Оскар Слэш. Все взглянули на него.

— Нас было одиннадцать плюс Юстас. До тринадцати одного не хватало. Вот и зацепили ближайшего, кто подошел по возрасту. Эта машина свихнулась на цифре «13», Кэп. Ей-ей.

Капитан хмыкнул. А ведь верно! Молодец, Бегемот, голова варит. Ну и что делать? Отправить пацана назад (или — вперед, хрен теперь разберешься). Ищи потом тринадцатого в экипаж. Не приведи Господь, Бейкер узнает. У него везде уши, а информация имеет свойство просачиваться...

«Оставлю, — решил Капитан. — Все едино, говорит, сбежал. А вернемся, еще спасибо скажет. Сдадим его прямо родителям под крылышко...»

— Эй, Слава!

Парень вытянулся. «Не отправляйте меня домой, дяденька», — читалось в его взгляде.

— Зачисляю тебя юнгой! Марш на камбуз к Ван Баттуму! Все вопросы к нему!

3

Бирюзовая волна Карибского моря мягко шлепала «Орхидею» в белоснежный бок. Легкий ветер гулял над миром, покачивал упругие усы антенн над рубкой. Черный флаг с черепом и скрещенными костями развевался на голо-стенге над короткой, в са-

жень всего, мачтой. Флаг совершенно игнорировал ветер, ибо был лишь голограммой, как и сама стенга. Она потому и называлась голо-стенгой.

Ван Баттум, свесив ноги с кормовой палубы «Деи» (правой секции тримарана. Левая звалась «Орха»), пристально наблюдал за пузатым пестрым поплавок. Справа от него стояло ведро с белым трафаретом «Веселого Роджера»; в ведре плескалось несколько рыбин. Рядом чинно восседал сэр Юстас, виляя хвостом и вежливо облизываясь. С другой стороны устроился Слава, негромко насвистывая модную телемелодию минувшей недели, которая наступит только через триста с чем-то лет. В рубке «Деи» возились Питер и Слэш — настраивали систему лазерного наведения.

Поплавок нырнул, леска натянулась, словно струна, Ван Баттум сноровисто подсек.

— Оп-ля!

На крючке трепыхался небольшой тунец.

— Твой, сэр Юстас. Маловат для котла.

Кок небрежно подбросил рыбину; Юстас привстал на задние лапы...

«Клац-клац!» Рыбий хвост исчез в объемистой пасти. Ньюф облизнулся не без благодарности.

Поплавок снова закачался на волне.

Очередная поклевка была гораздо мощнее. Ван вцепился в удилище обеими руками.

— Эй! Слава! Сачок!

Юнга изготовился. Удилище выгнулось правильным полукругом; пластик тихо запел, но пока выдерживал. Из воды показалась серая голова с растопыренными жабрами. Размером голова была с добрую дыню.

— Ого! — присвистнул Слава.

Сверху как раз спускались Питер и Бегемот.

— Чего свистишь, юнга? — неодобрительно заметил Зборовски. — На борту свистеть положено только двоим: боцману и ветру!

Слава не растерялся:

— Так точно, сэр! Больше не повторится, сэр! Извините, клюет, сэр! — и схватился вновь за подсак.

И тут засвистел тот, кому положено, — боцман. Пронзительный звук дудки сменился зычным голосом:

— Все по местам, бездельники! Паруса слева! Трам-тарарам!

Ругался Капелька исключительно для порядка, по старой морской традиции.

Плененный тунец забился в сачке, разбрасывая сверкающие на солнце жемчужины брызг.

— На камбуз, живо! — скомандовал кок.

Питер и Бегемот уже убежали; Юстас исчез еще раньше.

Команда занимала места. Капитан и Зборовски — в ходовой рубке; сюда же на всякий случай вызвали и юнгу. Капелька, Дейзи и Мортимер — в боевой рубке третьего уровня. Арчи и Слэш — в рубке «Орхи», слева; Лу и Кертис — справа, в «Дее». Ларри дежурил в трюме, у машин; кок с Юстасом остались на втором уровне.

Слева, с юга, приближался парусник. Слегка накренившись, он рассекал набегавшую волну. Белые полотнища парусов недвижимо застыли, наполненные ветром доверху. Следом шло еще несколько кораблей. Передний изменил курс и двигался теперь прямо к «Орхидее». Скоро он подошел совсем близко; стали видны даже шкентеля и юферсы. Матросы, стоя на пертах, сноровисто управлялись с такелажем; судно вмиг легло в дрейф.

— Голландцы, что ли? — предположил Питер. — Гляди, все брам-стенги вперед выгнуты...

Фло усмехнулся. На голландском судне командовать мог кто угодно.

— Эй, пираты! — послышался неожиданно громкий голос. Говорили по-английски.

«Орхидея» носом глядела в правый борт парусника. Разделяло их саженей тридцать.

— Подойди ближе, — сказал Фло и вышел на мостик.

Питер подал «Орхидею» вперед, расстояние сократилось вдвое. Теперь стало видно, кто говорил, — разодетый в шелка и парчу бородач, должно быть, капитан «голландца», а возможно, и адмирал всей эскадры. В руке он держал рупор.

— Эй, пираты! Вы на прицеле моих молодцев.

Что правда, то правда: сквозь порты выглядывали жерла корабельных пушек.

— Предлагаю сдать, и вас не тронут до суда...

— Простите, капитан, но сдаваться я не собираюсь. — Голос Фло подхватывал приколотый к лацкану микрофон-муха и транслировал через внешний акустик. — В свою очередь, предлагаю вам идти своей дорогой, ибо вы не те, кого мы ищем.

Фло переключился на служебку:

— Что у вас, Эрвин?

— Зародыш рекомендует своротить им руль, бушприт, утлегарь и уходить на сорок градусов от миделя. Цели введены, — отозвался боцман.

— Хорошо. Залп по команде.

— Есть, сэр!

Дымный шлейф окутал один из портов ближнего парусника, грохнул выстрел; ядро вздыбило фонтан воды в нескольких саженьях от «Деи».

— Это предупреждение! — надменно сообщили с парусника. — Если ваш бочонок...

— Ну ладно, — проворчал Фло. — Пеняйте на себя. Залп, Эрвин!

Сухо гукнули две кассетные пушки; бушприт и утлегарь дернуло в сторону, кливера поникли; все это жалко повисло на форбрам-штаге. Тотчас же ожили водометы «Орхидеи», все восемь. Вмиг встав на крылья, тримаран развернулся и помчался прочь.

Бомбарды «голландца» с запозданием плюнули ядрами и дымом, но на прежнем месте вместо дивного белого судна лишь буруны опадали да стлался шлейф мелкой водяной пыли.

В мгновение ока «Орхидея» оставила эскадру позади, убежав далеко к горизонту.

— Ты заметил, как назывался этот корабль? — спросил Фло помощника.

— Да, Капитан. «Аарбели».

— Запомни: нам нужна «Санта Розалина». Она будет идти под испанским флагом с юга, из Картахены.

Зборовски кивнул.

В рубке «Деи» Гордон Лу с досады сплюнул.

— Что-то не спешит Капитан потрошить эти каракатицы. А, Бруно?

Кертис пожал плечами. Он предпочитал, не дергаясь, дожидаться обещанного миллиона золотом.

— Внимание, команда! Маленькая репетиция. Захват эскадры. Восемь кораблей. Вспоминайте, чему вас учили. Разделение!

С легким жужжанием заработали сервомоторы. Пилоны отделились от боковых секций и откинулись назад, на манер крыльев боевого истребителя. «Орха» и «Дея», став самостоятельными судами, плавно пошли на разворот вслед за секцией-маткой.

— Хо-о-о! — заорал в упоении Лу. — Вводи цели, Бруно!

Три стремительные молнии рассекли эскадру парусников на части. Беспорядочно стреляли бомбарды, не в силах поспеть за перемещениями пиратских судов, на палубах поднялась суматоха.

Кассетницы-металлорезки, повинаясь программам Зародыша, смели парусникам все мачты и рули, скovyрнули бушприты, оставив совершенно неуправляемыми.

— Абордажный удар! — скомандовал Фло.

Разворот, новый заход на цель, ракеты к пуску, пуск!

Хищные остроносые пчелы взвились в чистое небо семнадцатого века и взорвались над дощатой палубой каждого из кораблей. Нервно-паралитический газ окутал парусники, настигая всех без разбора — матросов, офицеров, пассажиров. Люди падали как чумные — на бегу, прижимая руки к лицу.

Спустя три минуты газ разложился на безвредные составляющие, сизый туман, застивший глаза, рассеялся без следа. Солнце вновь озарило разгромленные корабли: обломки мачт, ключья парусины, щепы, валяющиеся в нелепых позах люди...

Репетиция удалась.

4

Золота и драгоценностей на захваченных кораблях оказалось совсем мало. Обшарить все и погрузить на «Орхидею» успели за каких-то два часа. Кое-кто из матросов уже начинал шевелиться, но это никого из пиратов не взволновало: чтобы те пришли в себя окончательно, потребовалось бы еще столько же времени.

Наиболее ценной добычей все сочли богатейшую коллекцию превосходных португальских вин.

С тем «Орхидея» и покинула собранные в кучу, намертво пришвартованные друг к другу увечные парусники.

На следующее утро команда, протрезвев после обильной дегустиации, собралась в кают-компани. Ван Баттум в очередной раз удивил всех новым блюдом — умел голландец исхитриться и выдать шедевр кулинарного искусства.

Беззаботный завтрак прервал резкий сигнал автовахтенного.

«Полундра!»

Спустя полминуты экипаж «Орхидеи» изготовился к действиям. Горизонт оставался девственно чистым, однако акустик Заро-

дыша предупреждал, что невдалеке кипит морское сражение. То ли англичане пускают перья из испанцев, то ли испанцы из англичан, а может, еще кто сцепился.

Фло насупился и задействовал камуфляж. Зародыш, секунду поколебавшись, выбрал облик трёхмачтовой баркентины с бермудским вооружением грота и бизани. Голограмма окутала «Орхидею», поглотила тримаран, и вот уже несясь по волнам полным бакштагом стремительный парусник, еле слышно урча водометами и оставляя за собой странную тройную кильватерную струю.

— Кэп, — смущенно сказал Питер. — Бермудские паруса появились только в середине девятнадцатого века. Врет Зародыш.

Фло махнул рукой: «Пусть!»

— Слэш! Поднимай вертолет!

Подстегнутый командой Капитана, Бегемот метнулся на верхнюю палубу. Разошлись паучьи лапы автонайтовки, ожил двигатель, расплылся призрачным кругом винт... Узкая полупрозрачная стрекоза вспорола небо, взмыла над «Орхидеей» и волнами, горизонт разом отпрянул куда-то вдаль, а внизу раскинулась синяя водная гладь, бескрайняя, чистая и умопомрачительно свежая. У Бегемота захватило дух. Красиво, бизань пополам, якорь в глотку!

Прямо по курсу, сцепленные бортами, окутанные сизыми облаками порохового дыма, застыли два корабля: испанский сорокапушечный галеон и небольшой кеч под «Веселым Роджером». Грот-мачта испанца лежала на воде, кеч, судя по всему, взял его на бордаж.

Слэш переключил сигнал с внешних датчиков на трансляцию. Теперь и Фло в ходовой рубке, и боцман в боевой видели все происходящее на своих экранах.

Пираты на кече убрали оба кливера и фор-стаксель, бак выглядел странно пустым, ибо фок-мачту кеч не нес. Но команда «Орхидеи», натасканная Питером, уже знала, что вместо мачты на баке парусника притаились карронады — примитивные пушки, способные, впрочем, потопить даже «Орхидею» (но только если повезет). Судно даже называлось устрашающе: бомбардирским кечем. Последствия залпа пиратов налицо: вдвое больший испанец уже потерял грот-мачту, рули, изрядное количество парусов и рангоута; пробоины зияли в надстройке юта, в бортах...

Скоро галеон был захвачен. Пираты выбрасывали за борт убитых, добивали тяжелораненых, перетаскивали на свой корабль сун-

дуки со скарбом, перегоняли пленников — словом, вели себя, как любые корсары во все времена.

«Орхидею» они откровенно прозевали, опьяненные победой. Фло успел приблизиться на добрую милю, прежде чем на кече поднялась суматоха. Вертолет уже сел, Слэш присоединился к Арчи Элмеру. Пираты, пристально глядя на лжебаркентину с «Роджером» на брам-стеннге, застыли у бортов своего судна. Несомненно, что пушки левого борта и палубные карронады могли выстрелить в любую секунду.

Корабли сближались в полном молчании.

— Шлюпку на воду! — скомандовал Капитан Фло. — Элмер, Лу, на весла! Остальные — полная боевая готовность. Связь по служебке, общий канал!

Питер Зборовски проводил отвалившую шлюпку пристальным взглядом. Чмокнув, она проколола границу голополя и, покачиваясь на спокойной волне, устремилась к пиратскому кечу.

Храбрости и хладнокровию Капитана Фло оставалось только позавидовать.

Глава третья Унесенные ветром

1

Шлюпка возвращалась. Арчи и Лу изображали греблю: на самом деле работали миниатюрные движители на корме. Однако Фло решил не настораживать пиратов.

Команда «Орхидеи» замерла в ожидании.

Пока шлюпку поднимали, Фло направился в рубку. Зборовски встретил его вопросительным взглядом.

— «Санта Розалина» в Маракайбо. Туда и направимся. Вот, союзников нашел...

На кече, который, кстати, звался «Колибри», ставили и поднимали паруса; сильно поврежденный испанец пошел ко дну, едва только пираты убрали абордажные крючья.

Фло договорился с капитаном «Колибри» о совместном походе на Маракайбо. В принципе пираты ему были без надобности:

«Орхидея» в состоянии сломить любые заслоны испанской твердыни. Однако надо же на кого-то списать нападение? Фло хотел опередить пиратов («Колибри» намеревался зайти на Тортугу за подмогой), сделать свое дело, а потом пусть себе потрошат Маракайбо и испанскую эскадру, а заодно и присвоят всю славу.

К вечеру ветер посвежел, кеч, зарифив паруса, шел галфвиндом, сильно накренившись. Волны бодали белопенными макушками его исхлестанный ветрами и морем борт. «Орхидея» тоже доставалось, пришлось втянуть крылья, а боковые секции вплотную прижать к центральной. «Колибри» скоро потерялся за крутыми валами. Ветер крепчал, волны становились все выше и выше, а «Орхидея» покачивалась себе, словно бочонок. Вернее, словно три бочонка, накрепко связанных вместе.

Экипаж давно разбрелся по каютам. Боцман обосновался в гамаке, рассказывая очередную байку, Арчи слушал, глядя в иллюминатор. Мортимер с Дейзи молча пили вино, стараясь расплескать поменьше. Лу и Кертис играли в карты, насколько позволял шторм. Механик Ларри, убаюканный качкой, спал; засыпал и Оскар, намаявшись за день. Фло с Питером негромко разговаривали в капитанской каюте; здесь же, опустив голову на толстые мохнатые лапы, залег и сэр Юстас. Кок с юнгой пытались прибрать в кают-компанию, но до окончания шторма это вряд ли удалось бы, и они удалились в каюту голландца, где поселился и Слава.

Шторм! Владыка морей! Что может устоять перед твоим бешеным натиском? Бесконечно малым и ничтожным кажется любое творение рук человеческих в сравнении с тобой. В твоей власти швырнуть беззащитный корабль, утлую песчинку в твоих ладонях, на скалы, разбить вдребезги, в щепы. Горе тем, кому уготована такая судьба. Ты можешь сломать мачты, оборвать снасти, лишить руля. Ты всемогущ!

Однако что за дерзкое суденышко? У него нет мачты (убрана внутрь), нет ничего, за что можно ухватиться. И волны ему нипочем! Ну-ка, бросим его на прибрежные скалы!

Арчи почувствовал, как палуба уходит из-под ног, словно пол в скоростном лифте. И вдруг навалилась тяжесть. Рывок!

«Орхидея» вздрогнула, словно раненая птица, и стремительно ринулась вперед. Заработала гравиподушка; оттолкнувшись от скал, судно прыгнуло через мель, через высоченные валы, через смерть и понеслось туда, где было глубоко, где не могли распороть

днище острые каменные клыки, где волны пониже и опасности нет.

Спустя несколько минут подушка отключилась, и «Орхидея» вновь закачалась на штормовой волне.

За ночь Зародыш включал подушку еще дважды.

2

Утро выдалось из-за горизонта, шлепая босыми ногами по притихшему морю. Шторм ушел буйствовать на юг, к экватору. Волны еще вздымали «Орхидею», но это были уже не свирепые пенные горы, а пологие синие холмы. Зародыш оценил погоду в 2,7 балла. К восходу солнца под гул сервомоторов боковые ступени разъехались в стороны, крылья отделились от корпуса и, не твердо шелкнув, зафиксировались в рабочем положении. Выползла наружу мачта, взмахнув полуреями, как руками.

Первым проснулся Юстас. Отворив носом незапертую дверь капитанской каюты, он прошествовал на корму, спихнул за борт тик-трап и с наслаждением плюхнулся в воду. Поплавал вокруг «Орхидеи» минут десять, довольно отфыркиваясь, несколько раз нырнул и взобрался назад на корму. Деловито отряхнулся, вытащил тик-трап на палубу. Оставляя мокрые следы и небольшие лужицы, побрел вдоль фальшборта второго уровня на нос.

И тут с верхней палубы донесся хриплый разбойничий крик.

— Пиастры, пиастры!

Сэр Юстас басом гавкнул и галопом понесся к трапу. От крика и лая проснулись четверо: Лу, Кертис, Арчи Элмер и Капитан. А сверху продолжали громогласно орать:

— Дукаты, дукаты! Тугрики, тугрики!

Кто в чем, пулей устремились на четвертый уровень.

Там происходило следующее: на полурее, как раз под усом УКВ-антенны, сидел нахохлившийся зеленый попугай и сердито орал; сэр Юстас, опираясь передними лапами о стабилизаторы вертолета, возмущенно лаял на него.

Фло, ежась от утренней прохлады, замер у трапа.

— Ну и ну! — сказал Арчи, кутаясь в одеяло, которое почему-то захватил с собой. На далекий, еле слышный гул никто не обращал внимания.

— Забей заряд! — разорвался попугай. — И стань на фитиля!

— Гав-гав!

— Кливера долой! Обрасопить реи! Трам-тарарам!

— Что это за птица, Кэп?

— Гав-гав!

— Марселя на гитовы! Абордаж! Полундра! Полундра!

— Во дает!

— Может, поймать его? Он, поди, ручной.

— Юстас, фу!

— Гав-гав!

— Правый борт, залп! Трам-тарарам-тарарам! Пам-пам!

Пес, все еще недовольно взрыкивая, подошел к Капитану и сел у его ног.

— Пиастры, пиастры! — крикнул напоследок попугай. Похоже, он успокаивался. — Дукаты, дукаты! Тугрики, тугрики!

Арчи расправил одеяло, намереваясь использовать его вместо ловчей сети, но горластая птица вдруг взмахнула крыльями и мигом перепорхнула на плечо Кертису.

— Мама миа! — изумился итальянец. — Точно, ручной! У-тю-тю!

Попугай, не обращая внимание на сюсюканье Кертиса, находился и стал деловито чистить травянисто-зеленые перья. Яркий желтый хохолок на макушке то вставал дыбом, как у удода, то прижимался к голове.

— Остров Бугеля! — сообщил он не очень уверенно и что-то неразборчиво прошебетал.

Капитан протянул палец; птица с готовностью заняла этот импровизированный насест.

— Ты кто? — спросил Фло, не особо надеясь на ответ.

Попугай и не ответил.

Завтракали под невнятное бормотание зеленокрылого гостя и ревнивое ворчание сэра Юстаса.

— Кстати, сэр, — обратился к Капитану Гордон Лу. — Неплохо бы дать этой птице какое-нибудь имя.

— Морское, — поддакнул Кертис. — Позабористее.

Фло хмыкнул.

— Предлагайте.

Сэр Юстас нервно гавкнул.

Капитан задумался.

— Гав? А что, неплохо. Попугай по имени «Гав». А?

— Нет, сэр, это не звучит. Нужен какой-нибудь морской термин, — убежденно сказал Арчи.

— Скажите, Капитан, — поинтересовался вдруг Кертис, — а почему вашего пса так неподходяще зовут? Вы же моряк.

Фло отодвинул тарелку и в упор взглянул на Кертиса.

— Как же мне следовало его назвать?

Бруно пожал плечами.

— Ну, Бимс, скажем, или... или уж Риф, на худой конец.

Фло усмехнулся.

— Скажи, Бруно, а тебе было бы приятно, если бы тебя звали «Палуба» или «Клюз»?

Кертис смутился.

— У этого пса известны предки до тридцать шестого колена по обеим линиям. Ты можешь похвастать подобной родословной?

Итальянец смутился еще сильнее. Фло продолжал:

— Да будет тебе известно, его зовут даже не просто Юстас, а сэр Юстас Олаф Готти де Монтабар. Его родной брат носит имя Юкон Лотар Форсайт де Монтабар. А ты — Бимс...

Кертис развел руками.

— Прошу прощения, сэр...

Повисло недолгое молчание. И вдруг попугай тихо, но отчетливо сказал:

— Бимс.

Эрвин Капелька, выпустив клуб дыма, заметил:

— По-моему, это имя пришлось ему по вкусу.

Попугай склонил голову набок, словно прислушивался.

— Абордаж! — тревожно крикнул он и захлопал крыльями. —

Полундра!

В тихий плеск моря за бортом вплелся далекий утробный гул.

— Ч-черт! Что это?

Зародыш подал сигнал тревоги.

— По местам!

Команда вмиг рассыпалась.

Фло ворвался в рубку и с ходу защелкал переключателями на пульте. Зародыш лихорадочно анализировал ситуацию.

— Два легких истребителя класса «Пустельга». Вооружены ракетами «воздух—вода», — выдал он экспресс-анализ. — Вероятность атаки — 74%. Прошу снять блокировку.

Капитан нахмурился. Истребители в семнадцатом веке?

Питер безмолвно следил за экранами. Скрипнув зубами, Фло ввел личный код в охранный модуль. Запертая ниша, сухо клацнув, открылась. Сорвав ногтем пломбу, Фло вытащил микрочип и бросил его в специальный ящик здесь же.

— Атака! — взвыл Зародыш, отдавая неуловимые команды автоматике. Две противоракеты правого борта немедленно стартовали, хлестнув реактивными струями прочную обшивку.

Спустя доли секунды в полумиле от «Орхидеи» синхронно вспушли два воздушных взрыва.

— Вот они! — воскликнул Зборовски.

У самого горизонта мелькнули две серебристые черточки.

— Уходят, — сообщил Зародыш.

И вновь все стало тихо и очень спокойно. Только чайки суматошно носились над верхней палубой.

Бой занял меньше минуты. Такие темпы семнадцатому веку и не снились.

— Капитан, — негромко сказал Питер. — Зародыш не может определить наши координаты.

Фло метнул взгляд на соответствующий монитор, который пестрел беспомощными иксами. Пальцы сами пробежались по клавиатуре. На головном экране возникли четкие контуры Карибского моря. Контрольная метка, обычно рдевшая на месте, где в данный момент находилась «Орхидея», отсутствовала.

— Что за черт? Неужели шторм унес нас так далеко?

Фло изменил масштаб. Теперь на экране умещалась вся Центральная Америка, часть Южной, половина Мексики и значительный участок Атлантики. Метки не нашлось и за пределами Карибского моря.

— Мистика, — проворчал Фло, еще раз тронув клавиатуру. Перед ними возникли два полушария, все моря, океаны и континенты. Если верить компьютеру, «Орхидея» на планете Земля отсутствовала.

Фло переглянулся с помощником.

— Ты что-нибудь понимаешь, Питер?

Зборовски пожал плечами. Капитан поскреб подбородок и решительно забарабанил по клавиатуре. На экране возникла забавная мультяшная рожица — именно так представлял себя Зародыш. Фло вызвал его «поболтать», в режим акустической беседы.

— Хэлло, Кэп! Как дела?

— Хэлло, Зародыш. Неважные дела. Никак не пойму, где мы находимся.

Голос у Зародыша тоже был мультяшный — озорной, скрипучий. Рожица на экране шевелила губами и гримасничала; чуть ниже, в правом углу, дублировался текст.

— Сейчас взгляну, Кэп.

Рожица на экране отвернулась, показав на секунду затылок. Фло ждал.

Выражение недоумения и растерянности, написанное на рожице, невозможно было передать словами.

— Что такое? — насторожился Фло.

— Не знаю, как и сказать, Кэп.

— Говори! А лучше — покажи.

Рожица, уменьшаясь в размерах, уползла в левый верхний угол экрана; рядом высветился масштаб: один к десяти миллионам. На мониторе вместо ожидаемой навигационной карты возникла эмблема пиратов — череп, кости и песочные часы. Судя по контрольной метке, «Орхидея» находилась точно между глаз мертвой головы.

Фло с Питером долго таращились на экран.

3

В дверь капитанской каюты осторожно постучали. Юстас вскинул лобастую голову и вильнул роскошным хвостом.

— Да! — сказал Фло, не двигаясь.

На пороге стояли Эрвин Капелька и Арчи Элмер. Толстяк выглядел озабоченным; Арчи так и светился решимостью.

— Команда желает поговорить с вами, сэр! Немедленно, — твердо сказал Капелька.

Фло ждал чего-нибудь подобного. Что же, он не младенец и прекрасно сознает: на полуправде далеко не уехать.

— Хорошо, Эрвин. Собери команду в кают-компанию.

— Все уже собраны, сэр. Ждут вас и Питера.

Фло поднялся. Тем лучше!

Постучать старпому не успели. Дверь плавно скользнула в сторону; за нею стоял Зборовски.

— Я все слышал, Капитан. Я готов.

— О'кей.

Команда расселась за столиками кают-компаний. Еще издали донеслись громкие спорящие голоса; когда Фло, Зборовски, боцман и Арчи вошли, голоса враз стихли.

Капитан окинул взглядом своих людей. Молочно-белые панели под потолком источали ровный приглушенный свет.

— Итак, матросы, я слушаю, — твердо сказал Фло. — Есть ли у вас основания для недовольства?

Элмер присоединился к команде, как бы подчеркивая, что разделяет мнение большинства; Капелька, напротив, остался стоять за спинами Зборовски и Капитана. Сидящие за столиками переглянулись, потом поднялся Марк Мортимер.

— Не воспринимайте это как бунт, сэр. Вы по-прежнему наш капитан, а мы — ваши матросы. Просто мы хотим, чтобы вы внесли ясность, ибо не все обстоит так, как представлялось вначале. Готовы ли вы дать ответ на наши вопросы и выслушать наши пожелания, сэр?

Фло бесстрастно произнес:

— Спрашивайте!

Мортимер обернулся, черпая поддержку у остальных.

— Это предприятие нам представили как рейд за золотом, причем имелось в виду, что действуем мы против техники семнадцатого века. С истребителями и ракетами это как-то не вяжется. Не подумайте, что мы струсили, сэр. Мы всего-навсего хотим знать, ради чего рискуем. По-нашему, это справедливо.

— Согласен, — кивнул Фло. — Дальше? Я отвечу, когда выслушаю все ваши требования.

— О'кей. Следующее: что-то незаметно никакого желания наполнить трюмы. За все наше пребывание здесь мы практически не добыли ни унции золота. Давайте сначала загрузимся доверху, чтобы каждый из нас увидел свою долю и был спокоен за свой карман, а потом уж станем гоняться за вашей драгоценной «Санта Розалиной». А иначе наш черный флаг выглядит просто как издевательство. Это все, сэр.

Марк сел. Вздохнув, Фло собрался с мыслями.

— Итак, начнем. Ради чего мы здесь? Очень несложно: у меня есть недруг по фамилии Бейкер. Причин ненавидеть его вполне достаточно. Мне он сильно мешает, а поделаться я ничего не могу по той простой причине, что он дьявольски богат.

В начале двадцать первого века он нашел вблизи Канарских островов затонувшую каравеллу «Санта Розалина», перевозившую слитки золота на полтора миллиарда долларов из Южной Америки в Испанию. С тех пор как он ее поднял, у меня серьезные трудности.

Сначала я решил действовать силой и просчитался. Золото Бейкера было все мои козыри. Позже мне удалось завладеть машиной времени, буквально под носом его людей. К сожалению, вы уже сами убедились, что это весьма капризный механизм. Я вернулся на тринадцать лет и попытался устроить все так, чтобы Бейкер не попал в 2002 году на Канары и никогда не узнал о «Санта Розалине». В результате я обнаружил, что он поднял золото двумя годами раньше, чем в варианте до моего вмешательства. Я сделал еще одну попытку и едва не погиб — казалось, само небо восстало против меня. Бейкера я нашел богатым и процветающим. Наверное, я попробовал бы еще что-нибудь сделать, но мне исполнилось сорок и машина отказалась переносить меня в прошлое. Поразмыслив, я послал двоих своих парней, велел им убить Бейкера в молодости, как убил кто-то его родного брата. Первый не вернулся, второй сделал все как надо, но после его возвращения я с ужасом понял, что в новом варианте живет другой Бейкер — брат, который оказался гораздо хитрее и опаснее, а исполнитель пребывал во всемирном розыске со смертным приговором. Я понял, что послужило причиной смерти одного из Бейкеров — моя воля. Я просто поменял их местами и выбрал худший вариант. Пришлось послать очередного исполнителя, чтобы убить их обоих, но и этот не вернулся. Зато все стало на свои места: появился прежний Бейкер, а более опасный брат вновь числился погибшим много лет назад при невыясненных обстоятельствах.

Постепенно я пришел к мысли, что время так просто не обманешь. Необходимо придумать нечто, сработающее наверняка.

К этому моменту машина времени включалась, если считать запуски военных, двенадцать раз...

Ларри и Оскар при этих словах вскочили.

— Как вы сказали? Двенадцать? — пробормотал Оскар.

— Да, — сказал Фло. — Зная странную привязанность сией своенравной леди к числу «тринадцать», нетрудно предположить, что наше путешествие в прошлое — последнее, тринадцатое по счету. Боюсь, что это мой единственный шанс. Я построил «Орхидею» и решил сделать так, чтобы «Санта Розалина» никогда не

попала к Канарским островам, а ее золото стало моим. Вот и вся история. Хочу добавить только одно: для меня это очень важно.

— Сэр! — вмешался Слэш. — А как вам удавалось посылать своих людей? Машина ведь переносит только тринадцать человек?

Фло невесело усмехнулся:

— Только сейчас я это и понял. Машина утаскивала в прошлое и моего посланца, и ближайших людей подходящего возраста. Людей или животных — уж и не знаю. Только перенос происходил в городе, а не в море, и заметить попутчиков, которые, наверное, находились в разных зданиях и на разных улицах, не так уж просто. Никто и не замечал. Кстати, именно так исчезла моя двадцатишестилетняя жена. Но — увы! — понял я это слишком поздно.

— Пойдите! Но ведь машина должна возвращать тоже тринадцать человек!

— Должна, — подтвердил Фло. — И возвращала. Только никто, кроме исполнителей, не знал об обратном переносе. И снова попадались те, кто оказывался вблизи. Люди, провалившиеся в прошлое без предупреждения, отнюдь не сидели на месте. Назад возвращались совсем другие. Может, помните сенсацию «Нью-Кросби джорнинг пост» четырнадцатого года? Полагаю, это был один из бедняг, выдернутых из прошлого.

Команда «Орхидеи» внимательно слушала и нерешительно переглядывалась.

— Вы удовлетворены? — спросил Капитан. — На вторую часть ваших требований ответчу вот что: начинаем пиратствовать всерьез. Можете заранее отделить свою часть добычи, я не возражаю. Но «Санта Розалину» мы должны найти, это первое условие.

— О'кей, сэр! Мы к вашим услугам!

Оставалось одно — понять, что же случилось с Зародышем и куда, черт побери, унес «Орхидею» вчерашний штормовой ветер.

4

Испанское судно заметили под вечер. Бегемот, рыскавший над морем на вертолете в поисках берега, увидел вместо суши одинокую каравеллу. Далеко на юго-западе. Чуть раньше Фло дедовским методом — с помощью секстанта — определил координаты «Орхи-

деи». Они по-прежнему находились в Карибском море, изрядно южнее острова Гаити. Чтостряслось с Зародышем, оставалось загадкой. Зборовски сбился с ног, пытаясь привести его в чувство. Безуспешно: ориентироваться компьютер словно разучился; отказал сканер, а остальные функции вроде бы не пострадали.

— Паруса вижу! Зюйд-зюйд-вест, одна посудина! Флаг испанский, зовется «Инфанта»!

Фло занял место в рубке.

— Берем! Все к бою!

Радостно потирая руки, корсары разбежались по местам. Вспенивая чистую соленую гладь, «Орхидея» встала на крылья и стремительно рванулась навстречу добыче. Камуфляж Фло включать не стал.

Каравелла шла крутым бейдевиндом на юго-восток. Видимо, испанцы намеревались обойти стороной оживленные трансатлантические пути, ведущие в Европу. А это значило, что в трюмах «испанца» скрывалось нечто ценное.

В облаке брызг, рвущихся из-под носовых крыльев, «Орхидея» настигала «Инфанту», как легкая газель настигает черепаху.

— Холостым поперек курса! — скомандовал Фло. Крис Дейзи немедленно тронул пульт управления огнем. В десятке саженей от бушприта каравеллы диковинной розой расцвела дымная вспышка. На «Инфанте» спешно заряжали пушки и открывали порты.

Фло проорал в лучевой узконаправленный акустик:

— Эй, сеньоры! Стойте или стены обрушатся вам на головы!

— Добавьте «Каррамба!», сэр! — хихикнул Кертис. — Думаю, подействует!

— Заткнись, макаронник, — одернул его Капелька. — Не мешай Капитану.

Бруно что-то невнятно проворчал и заткнулся. На «макаронника» он никогда не обижался. Зато неожиданно заорал Бимс:

— Забей заряд! Пор-рох! Пор-рох! Пир-роксиллин!

Лу с Кертисом немедленно заключили пари: скажет попугай «динамит» или «тротил». Сделали они это тихо, чтобы не слышали боцман и Капитан.

Канонир-испанец поднес пылающий фитиль к одной из двенадцати бортовых пушек. Зародыш среагировал мгновенно: повела стволами правая металлорезка, вколачивая снаряд точно в жерло испанской пушки.

Ба-бах! В воздух взвились щепы и доски.

— Эй, полегче! — предупредил Капитан. — Не хватало, чтоб они затонули...

Мортимер пробежал по пульту пальцами, словно пианист по клавишам.

— Давай, Зародыш!

Компьютер не оплошал: мигом скovyрнул «Инфанте» все три мачты и бушприт. На плаву остался голый пузатый корпус.

— Газ!

Три ракеты взвились в небо и, описав плавную дугу, легли на палубу. Испанцы падали, ползли и замирали. Крови почти не было — двоих задавило мачтами да несколько человек пострадали при взрыве.

— Все на «Дею»! Швартуемся!

Сверкающие хромированные крючья впились в поврежденный фальшборт. Арчи сноровисто намотал на кнехт тонкий пластиковый трос.

— Юнга! Наверх!

Слава с готовностью вынырнул с нижних уровней.

— Держи! Будешь прикрывать! Отрабатывай свою долю!

Питер метнул мальчишке тяжелый автомат М-72.

В рубке остался лишь Капитан; на верхней палубе с автоматами в руках застыли Зборовски и Слава; остальные, сжимая такие же автоматы, прыгали на палубу «Инфанты».

— На abordаж! Пленных не брать! — орал снизу Бимс. Воинственно так.

Ван Баттум на бегу кинул Капельке:

— Вот курица зеленая! Говори после этого, что он ничего не понимает!

Один за другим пираты исчезали в дверях надстройки юта. Спустя несколько минут Эрвин радостно крикнул:

— Кэп! Золото! Мы попали в самую точку!

Фло криво усмехнулся:

— Надеюсь, вы довольны?

Восторженный вопль, вырвавшийся из девяти глоток, был ему однозначным ответом.

Золото грузили до темноты. Его было много: по курсу 2020 года миллионов на семьдесят. Кроме того, трюмы и каюты каравеллы скрывали изрядное количество серебра, драгоценностей, монет. Однако, если оценивать презренный металл не просто по весу, если учесть, что статуэтки инков, наследие древней цивилизации,

стоят неизмеримо больше, каждый из команды «Орхидеи» смело мог считать себя миллиардером.

Бимс все время важно кричал:

— Пиастры, пиастры! Дукаты, дукаты! Тугрики, тугрики!

Команда хохотала. Сэр Юстас лениво бродил по палубе, шелкая зубами перед носом очнувшихся испанцев. Никто не осмеливался встать. Зубы у сэра Юстаса были весьма убедительные.

Заметно повеселевшие корсары покидали борт обреченной «Инфанты». Отвалили в полночь, в густой тропической темноте. «Орхидея» сидела в воде несколько ниже, чем пару часов назад, и это не могло не радовать.

Едва запустили водометы, Бимс, задремавший было в кают-компании, вдруг встрепенулся.

— Полундра! Абордаж! — заволновался он. — Барракуда!

— Чего это он? — поинтересовался Оскар. — Взбеленился...

— Пойду гляну. На всякий случай. — Капелька поспешил в рубку. Его крик гулко растекся по каютам и коридорам, усиленный акустиком: — Полундра! Мины! Полный назад!

Фло, как на крыльях, взлетел в рубку. Боцман уже переключил водометы на реверс.

Точно по курсу «Орхидеи», выставив из воды шипастые макушки, лениво покачивались на волнах две морские мины.

— Белые молнии! — похолодел Фло. Взрыв каждой из мин обратил бы их всех в ничто.

Скорость медленно гасла. Тихо, очень тихо Капитан разворачивал тримаран, так тихо, чтобы не поднялась даже самая незначительная рябь. Вот средняя секция уже избавила свой нос от опасной близости; мимо зловещих плавучих «ежиков» плавно скользила «Дея»...

Казалось, время встало. Зародыш, и тот затаил дыхание.

Наконец мины остались далеко за кормой.

— Взрываю! — предупредил Капелька.

Дважды гукнула пушка; посреди водной глади выросли две пенные свечи высотой с пятиэтажный дом. Волна нехотя колыхнула «Орхидею» и ушла дальше. Вздых облегчения прокатился по всему судну.

— Можете считать меня ослом, Капитан, но первым «полундра» закричала эта неугомонная птица, — отдуваясь, сообщил боцман.

Зборовски поднял глаз на Капитана.

— Послушай, Стив, а ведь когда появились истребители, Бимс тоже предупреждал нас. Теми же словами: «абордаж» и «полундра».

Фло пожал плечами:

— Что ж, прислушивайтесь впредь к его мнению. Однако и сами... того... Как говорится, на Бимса надейся, а верблюда привязывай! Усекли?

— Да, сэр!

Бимс тотчас был обласкан. Впрочем, он уже утратил интерес к происходящему и вернулся к вяло-сонному состоянию.

«Орхидея» уходила на север.

Глава четвертая Кто подставил «Веселого Роджера»?

1

За трое суток потрошили «испанцев» еще четырежды. Два раза напали на одиночные суда, раз на тройку, раз на целую эскадру из семи кораблей. «Орхидея» с неизменным успехом одерживала скорую победу в коротких артиллерийских дуэлях, а настроение ее команды улучшалось по мере заполнения трюм-складов.

Утром четвертого дня Фло сказал: «Довольно», — и направил тримаран в Маракайбо. Бодро вспарывая соленый атлантический хрусталь, «Орхидея» неслась на северо-запад наперегонки с дельфинами и альбатросами. При виде дельфинов здоровый глаз Питера увлажнился — хорошим приметам старый морской волк всегда порадуетя.

Старпом стоял на вахте, остальные занимались кто чем: Капитан удалился к себе в каюту, боцман с Арчи возились в боевой рубке, заряжая опустевшие кассеты металлорезок и меняя ленты в пулеметах; Ларри с Бегемотом затеяли мелкий ремонт топливного насоса в машине «Орхи»; Крис спал после ночной вахты; Слава, весело хохоча, боролся с Юстасом на корме; Ван Баттум, приведя в порядок камбуз, варил кофе по заказу Бруно и Гордона, которые вместе с Марком писали «пулю», попивая трофейную малагу. Лу проигрывал и поэтому нервничал, итальянец азартно атаковал,

Марк, как всегда, оставался внешне спокойным. Однако общее настроение было весьма благодушным.

Вошел кок, неся изящные кофейные чашечки на золотом подносе — последнее время пираты могли себе это позволить.

— Эй, картежники! Кофе! — весело объявил Ван. — Лу, сколько тебе сахару? Никак не запомню.

— Ух! Как пахнет! Спасибо, Ван! Ты настоящий виртуоз камбуза! Сдавай, Марк...

Карты ловко тасовались в длинных пальцах Марка. Впрочем, соперничать в ловкости с Крисом Дейзи не смог бы даже он.

— Хоть бы музыку включили, что ли... — заметил голландец, расставляя чашки на столике.

— Вон плеер, Ван. Поставь что-нибудь. Лучше старое — «Битлов», Джеггера. Или Фогерти...

Кок выпрямился. На полке сверкал новенький «JVC Autem», рядом рассыпью валялись старомодные кассеты с магнитной пленкой.

— Ух ты! — присвистнул он. — Антиквариат! Моя молодость. Твой, Бруно?

— Гордона, — ответил Кертис. — Включай, включай...

Ван утопил кнопку «Power» — динамики тотчас зашипели. Переключатель «Tape — Radio» стоял в положении «Radio».

«Бип-бип! — пискнул приемник. — Бип-бип!»

Сигнал повторялся каждые две секунды. Кок покрутил настройку — пиликанье стало громче и четче.

Картежники вскинули головы.

— Что там, Ван?

Палец кока лег на переключатель. Однако Марк уже заподозрил неладное.

— Стоп, Ван! Не трогай!

Приемник размеренно попискивал.

— Что за черт! Мы же в семнадцатом веке! В мире еще нет передатчиков! — дошло наконец до Кертиса.

— Питер! — вызвал Марк по служебке.

— Ну? — отозвался тот.

— Послушай, что бы это могло быть?

«Бип-бип! Бип-бип!»

— Это мы или нет? Ван поймал это на обыкновенный радиоприемник.

— Частота? — спросил Зборовски недоуменно.

— М-м-м... Сто пятнадцать с чем-то мегагерц. Точнее не скажу, шкала бытовая.

— Ядро в корму! Это не «Орхидея» и не Зародыш. Сигнал сильный?

— Похоже, да.

Питер связался со Слэшем.

— Эй, Оскар, где твой пеленгатор или как там ты его зовешь?

— В каюте, сэр.

— Тащи в рубку. Немедленно.

— У нас ремонт...

— Немедленно! — рявкнул старпом.

— О'кей, несущ...

Мортимер схватил «JVC» и метнулся наверх. Лу, Кертис и кок последовали за ним.

Вскоре Бегемот принес пеленгатор для охоты на «лис» — черную коробочку величиной с пачку «Кэмел», из которой торчали длинные серебристые усы узконаправленной антенны. Его подключили к Зародышу. Питер сел за клавиатуру, вводя поисковую программу.

— Ах ты, акульки зубы!

Старпом изумленно тарашился на монитор.

«Бип-бип!»

Зародыш наотрез отказывался работать с пеленгатором, что было вещью просто-напросто невозможной.

— Ну и ну, через клюз на палубу! Только этого и не хватало.

— Дай-ка, — сказал Бегемот, протягивая руку. — Попробую на слух.

Он прикрепил к ушам телефончики-клипсы и пошевелил антенной.

«Бип-бип!»

Оскар с сомнением водил прибором, направляя его то вниз, то вверх.

— Разрази меня гром! — Он зажмурился, не переставая манипулировать антенной.

— Послушай, Питер... Это звучит глупо, но похоже, что источник на борту «Орхидеи».

Старпом хмуро глядел на Бегемота.

— Отыскать сможешь?

— По-моему, нос, второй уровень.

— То есть кают-компания?

— Выходит...

— Кертис, на вахте, — скомандовал Зборовски и кивнул Слэшу. — Веди!

— Есть, на вахте, сэр... — разочарованно протянул Бруно, выпадавший из следствия. Он прекрасно разбирался, когда старпома можно запросто, на «ты» и по имени, а когда нет. Бегемот с пеленгатором шагал впереди, вслушиваясь в отчетливое пиликанье, остальные пристроились в кильватере.

Кают-компания была пуста. Столики, банкетки да Бимс на жердочке, специально для него подвешенной к потолку.

Медленно, шаг за шагом, Бегемот приблизился к попугаю. Антенна глядела прямо в гущу зеленых перьев.

«Бип-бип!»

Оскар демонстративно снял клипсы.

— Та-ак... — протянул Зборовски. — Ну-ка, птичка, поди сюда!

Бимс заволновался, учуяв опасность, но поздно: железные пальцы старпома сомкнулись на его тельце.

— Полундра! Кар-раул! — крикнул он и попытался укунить Питера за палец.

— А не просветить ли нам тебя, пернатый?

2

— Вот! — Марк протянул руку. На ладони лежал крохотный шарик размером с булабочную головку. В другой руке поблескивал скальпель. — Был введен под кожу, в жировую ткань.

«Бип-бип!» — равнодушно пиликал приемник.

— Я проверил, — сказал Ларри, ни к кому конкретно не обращаясь. — Это одна из входных частот Зародыша. Следящая, только на прием.

— Так-так... — Фло обвел взглядом присутствующих. — Дай-ка, — подставил он ладонь.

Микроглушилка перекочевала к нему.левой рукой Фло вытащил из кармана плоскогубцы. Тихо хрустнув, шарик скончался меж стальных плоскостей. Пиликанье враз смолкло, только девственно-чистый эфир наполнял рубку размеренным шипением да потрескивали далекие грозовые разряды.

Зародыш оживленно замигал мониторами, потом высветил навигационную карту. Контрольная метка находилась где и положено — у берегов Венесуэлы.

— Непростой попугай, — покачал головой Ларри. — Но чего можно добиться, сбивая Зародыш со слежения? Ну потеряли мы ориентировку, ну и что?

Фло пощелкал плоскогубцами, стряхивая остатки раздавленного шарика.

— А вдруг эта штука со временем меняет частоты? Парализуй в нужный момент боевые цепи Зародыша — что тогда случится? Не берусь предсказать...

В полдень приблизились к проливу в бухту Маракайбо. Интересно, побывал уже здесь капитан Блад? Если да, то Капитан Фло надеялся добиться не меньшего успеха.

Хорошо укрепленный форт оседлал макушки пологих холмов. Слева раскинулось обширное мелководье, непроходимое для обычных судов. К городу «Орхидея» могла подойти шутя — из форта простреливалась только фарватерная часть пролива. Испанская эскадра стояла на якорях в заливе. Кораблей насчитывалось шесть.

Фло с Питером разглядывали форт. Прибегать к подозрительным трубам, биноклям или иной оптике, как в старину, им было незачем: Зародыш дал на мониторы изображение с тридцатикратным увеличением, самостоятельно менял ракурсы и каждую пушку, каждый ствол выделял светящейся меткой и коротким звуковым сигналом.

— Кэп! Наши коллеги на траверзе!

«Орхидея» была обращена к проливу левым бортом. Справа приближались три корабля: уже знакомый кеч «Колибри», небольшой ладный бриг и трехмачтовая гафельная шхуна с вызывающе яркими желтыми триселями.

— Ага! Союзнички, — оживился Капитан. — Замечательно. Шлюпку!

Переговоры заняли всего час. Все это время команда «Орхидеи» не спускала глаз с форта и пиратской эскадры. Фло вернулся, насвистывая старую пиратскую песню:

Я жду, когда снова порадует море ветрами,
И бакштагом полным пойдет гордый парусник наш.
На мачте взвьется, как птица, черное знамя,
И вновь прозвучит команда: «На абордаж!»

— Ну как, Кэп? — спросил Зборовски, встречавший у трапа.

Фло поднялся на палубу, сделал три шага и обернулся. На фоне парусников его помощник выглядел восхитительно по-флибустьерски, особенно повязка на глазу. Правда, картину слегка портило отсутствие огромного кривого тесака.

— Атакуем, Питер! Прямо сейчас. А эти монстры, — Фло кивнул на пиратов, — доведут разгром до конца.

Зборовски повеселел.

— Кстати, — сообщил он, — я починил сканер. Эта чертова попугайская глушилка сожгла все приемные цепи.

— Спасибо, Питер.

Они молча зашагали в рубку. Фло встал у штурвала.

— Команда, готовы?

— Рубка-три, готовы, сэр! — доложил Капелька.

— «Орха» — готовы, сэр! — сказал Арчи.

— «Дея» — всегда готовы! — бодро гаркнул Лу.

Юнга Слава Лебедев почему-то засмеялся.

— Хо-хо! Вперед, корсары!

На Фло снизошло боевое вдохновение.

Заурчали водометы, Зародыш во все датчики следил за «испанцами». Тримаран встал на крылья, описал шикарную дугу и рванулся в узкий пролив.

Артиллеристы в крепости, не сводившие глаз с пришельцев под «Веселым Роджером», поднесли к пушкам зажженные фитили. Зародыш только этого и ждал: термосканер нащупывал готовые выстрелить орудия, компьютер посылал туда снаряд с упреждением в секунду-другую. Над фортом вставали смертельные дымно-черные грибы взрывов. Слэш прошелся на вертолете, едва не задев флагшток с золотисто-пурпурным флагом, и выстриг из бортовых пушек и четырех «Вулканов» все, что только мог.

— Прекрасно, — сказал Фло. — Залив наш. Очередь за эскадрой.

Питер, уже с минуту не отрывающийся от мониторов, вдруг тихо сказал:

— Капитан, среди «испанцев» «Санта Розалины» нет.

Фло опешил. Такого он даже в мыслях не допускал.

— Как нет?

Питер пожал плечами:

— Смотри сам. Есть «Валенсия», «Сен-Санчес», «Бутрагеньо», «Реал», «Андалузе» и «Санасьон».

«Орхидея» мчалась вперед, прямо на парусники. Пираты-союзники как раз входили в залив.

Второй форт, внутренний, подавили одним залпом. Недолго возились и с эскадрой: спустя полчаса союзники уже всюю хозяйничали на почти не поврежденных судах противника.

Фло стал мрачнее тучи.

Пленный испанский гранд, капитан «Сен-Санчеса», сказал, что «Санта Розалина» отбыла в Картахену. Собственно, это совпало с исторической правдой. Она затонула у Канар, выйдя именно из Картахены и пересекши Атлантику. Бухту Маракайбо «Санта Розалина» покинула только вчера. Перехватывать ее сейчас не имело смысла — капитан Фло сообразил: ну вышлют из Картахены другую каравеллу с золотом, ну затонет она у Канар... Не в названии ведь дело.

Решили слегка пополнить золотой запас за счет Маракайбо, выспаться и отдохнуть, а потом караулить «Санта Розалину», курсируя вдоль северного побережья Колумбии и Венесуэлы.

Пираты с парусников уже успели обстрелять город, высадить до зубов вооруженный десант и начать грабеж.

Скоро сползли тягучие летние сумерки. Звенели тучи москитов — если бы Зародыш не включил радиозащиту, экипажу «Орхидеи» пришлось бы довольно туго.

На берегу, в городе, пылали костры, слышались выстрелы и крики. Впрочем, скоро город затих, зато на кораблях пираты продолжали гулять. Ветер разносил далеко над заливом пьяные песни, смех, громкую ругань.

Деж добычи назначили наутро.

«Орхидея» замерла неподалеку от «Колибри». Все спали, только Арчи Элмер остался на вахте. Он сидел в рубке, пил горячий кофе, которого Ван специально наварил целый термос, поглядывал на обзорные экраны и дулся с Зародышем в странную компьютерную игру, подцепленную в русских программах, — нечто среднее между шашками и бадминтоном. Зародыш выигрывал.

Забей заряд и стань на фитиля, —

доносилась хмельная пиратская песня.

Купчина лезет прямо на рожон!
За тесаки, ребята, помолясь,
Ведь с нами Бог и шкипер дядя Джон!

Дважды приходил Юстас; обойдя рубку, лизнув руку Арчи и вылакав по чашечке холодного кофе без сахара, он удалялся, поскольку все было спокойно.

3

Перед рассветом луна села и стало совсем темно. Арчи вышел на палубу, побродил на свежем воздухе. Откуда-то взялись крупные летучие мыши — целыми стаями они носились над заливом.

Арчи Элмер, двадцатилетний шалопай из Нью-Кросби, который верил лишь в море, нунчаки и удачу, а о чем-то серьезном задумывался крайне редко, вдруг осознал, что мир, которого он в сущности не знает, прекрасен. Эта тихая ночь, когда в сорока футах внизу ласково шепчет теплая волна, когда ветер доносит терпкие солоноватые запахи, когда над головой мелькают бесшумные тени рукокрылых и незримой хрустальной пеленой висит вокруг тихий звон москитов — разве не такой же она будет через три столетия? Правда, в море к тому времени будет больше нефти и меньше живности, а в воздухе больше углекислоты... Но все равно — мир велик и бесконечен, а любой человек — и безудержный грешник, и аскет-праведник — неизбежно уйдет из этого мира...

Тихий шорох привлек внимание, оторвав от раздумий. Шорох доносился с кормы.

«Юстас, что ли? — подумал Арчи, вглядываясь в сумерки. — Пойду взгляну...»

Он спустился по трапу в твиндек второго уровня. Юстаса в вольере не было; дверь на корму, конечно же, оставалась открытой.

Арчи не успел ничего больше разглядеть, потому что его сильно ударили чем-то твердым по затылку и чудный мир, о котором он только что с благоговением думал, вмиг погрузился во тьму.

Пират с «Колибри», бородатый детина в рваной тельняшке, не успел порадоваться своему успеху: с рычанием на него напал сэр Юстас, а что такое сэр Юстас в бою, не дай бог кому узнать!

На корму карабкались новые «гости», сжимая ножи и сопя от нетерпения.

Потревоженный шумом Бимс проснулся и заорал на весь второй уровень:

— Полундра! Абордаж! Измена!

Нападавшие дружно ринулись в твиндек, но команда «Орхидеи» уже получила предупреждение. Бесшумно отворилась дверь, и первый защитник выскочил из каюты. Ближайший корсар-бордач взмахнул длинным ножом...

К несчастью для него, этим первым оказался Гордон Лу. Нож с тихим свистом рассек пустоту, а пират вдруг с удивлением обнаружил, что не может вдохнуть и не чувствует под собой палубы. В следующее мгновение он мирно потух в углу, у вольера. Лу голой пяткой своротил челюсть следующему.

Мортимер с Дейзи, спина к спине, отмахивались у своей каюты. Ларри спросонья сломал ногу какому-то коротышке и тот орал не своим голосом, потому что все по нему топтались. Оскар, поработав немного кулаками, вспомнил наконец о револьвере и, решив, что «так надежнее», метнулся в каюту. Зборовски, подобрав в темноте саблю, яростно рубился с кем-то у первого склада.

Ван Баттум, огрев ближайшего неприятеля рукояткой кухонного ножа по уху, догадался включить свет в твиндеке. Молочные панели вспыхнули с секундным запозданием.

Юстас на корме сбил с ног четвертого пирата и не позволял своим пленникам встать.

Фло вышвырнул из капитанской каюты сразу двоих. Несколько корсаров поспешно поднимались по трапу на третий уровень.

Оскар уложил двоих из револьвера, и тут кривой нож вонзился ему в плечо.

Крики, хрип, проклятия, свистящее дыхание...

Новые и новые пираты забирались на корму «Орхидеи».

Бруно Кертис, сообразив, что к корме пристали шлюпки, вылез в иллюминатор из каюты, перебрался через фальшборт, попутно сбросив кого-то в воду, и полез на верхнюю палубу, цепляясь за стойки стабилизаторов.

Из камбуза выскочил взъерошенный юнга с автоматом наперевес.

— «Орхидея» — на палубу! — ломающимся голосом закричал он и дал первую очередь, повыше, над головами. Пули, высекая искры из обшивки твиндека, загрохотали о сталь. Один светильник разлетелся вдребезги, брызнув осколками белого пластика.

Лу, Питер и Ван Баттум послушно упали на пол; Бегемот уже и так лежал; Дейзи и Мортимер ретировались в каюту, Фло с Ларри — в другую.

Слава вновь нажал на спусковой крючок.

В тот же миг Бруно, достигший ходовой рубки, включил водометы, и «Орхидея» лягушкой прыгнула вперед.

Слава не устоял, потерял равновесие; пули загрохотали о палубу. Корсары тоже попадали — кто от пуль, кто от рывка.

Тримаран несся прямо к проливу; в кильватере у него болтались две большие шлюпки, прихваченные к кормовым кнехтам крепкими манильскими тросами. Когда «Орхидея» рванулась с места, часть пиратов полетели за борт, остальные упали на дно. Высокие буруны захлестывали неуклюжие, задравшие нос шлюпки.

В этих широтах светает очень быстро, буквально за несколько минут. Пираты рассчитывали захватить «Орхидею» на рассвете, и пока длилась битва на корме, ночь растворилась без следа.

Пролив перегораживали бриг и шхуна с желтыми парусами. Капитаны пиратов, сговорившись завладеть чудесным кораблем, делали все, чтобы не выпустить его из бухты.

Бруно, чертыхнувшись, отвернул. Пальцы исполнили на клавиатуре понятный Зародышу танец. Ожил авторулевой. Итальянец схватил автомат и ринулся прочь из рубки.

На палубе как раз показались первые захватчики, поднявшиеся по кормовому трапу.

Фло, отобрав у Славы автомат, перебил оставшихся в твиндеке и поспешил на третий уровень, в боевую рубку. Лу метнулся на корму, Ван — к раненому Оскару, остальные спешно вооружались.

Тут очнулся и Арчи.

Грянул выстрел с «Колибри»; авторулевой, гонявший по кругу, резко изменил курс. Новый толчок сбил с ног почти всех: Фло едва не сверзился с крутого трапа, Ван ткнулся лицом прямо в окровавленную руку Бегемота, отчего тот заорал басом, как грешник на сковороде.

Пираты наверху горохом покатались по палубе, а Бруно, перевалившись через леера, вверх тормашками полетел в воду. От неожиданности он выпустил в небо всю обойму. За пилон уцепиться ему не удалось, и, подняв тучу брызг, Бруно окунулся точно между средней и правой секциями. «Орхидея» сразу же оставила его далеко за кормой; сэр Юстас, верный своим обязанностям, уже плыл ему на выручку, расстелив по воде большие лопухастые уши и

мощно загребая лапами. Мимо, вздымая крутобокую волну, пронесли на буксире шлюпки; пираты в них молились и ругались наперебой.

Четверка, которую прежде держал пес, поднялась и скопом надела на Арчи, но тот уже успел извлечь из рукава свои верные нунчаки.

Гордон Лу, видевший падение своего дружка Кертиса, решил, что «Орхидея» осталась без управления, и ловко полез по станинам кормовых металлорезок к основанию стабилизатора.

Марк, Крис, Ларри и Слава, непрерывно стреляя, ворвались на третий уровень по мидель-трапу; Фло — по кормовому. Пираты отступали, карабкались наверх, на палубу. Осталось их всего семеро. Трех положили в боевой рубке, одного на трапе.

Арчи Элмер отправил последнего противника за борт, остальные трое валялись на корме без признаков жизни — крепкие дубовые палочки и человеческая голова понятия не очень-то совместимые, а если и совместимые, то с плачевным для обладателя головы исходом.

На втором уровне, кроме трупов, остались только бедняга Слэш да перевязывающий его кок. Арчи поспешил к трапу.

Снова прогремел пушечный выстрел, но на этот раз «Орхидея» не изменила курса: ядро разорвалось в стороне.

Последний из уцелевших пиратов на пути к рубке замер, потому что оттуда вышли четверо с автоматами.

Фло нажал на курок, но магазин опустел и пират все еще стоял живехонек. Глаза их встретились; М-72 лязгнул, ударившись о палубу. И тогда пират сообразил, что пощады ждать нечего, что он уже, в сущности, мертвец, и метнул с проклятием нож, желая отомстить напоследок вражескому капитану.

Неизвестно, что случилось бы с Фло. Он продолжал стоять прямо, даже не шелохнувшись. Время вдруг замедлило свой размеренный и неизменный бег, пригвоздив его к месту. Вот медленно опустилась рука, метнувшая нож; вот вскидывает автомат Крис Дейзи; вот нож, вращаясь лениво и неспешно, приближается...

Мягко перекатившись через спину, Гордон Лу ногой отбивает смертоносный клинок в сторону, встает...

...звякая, нож прыгает по палубе...

— Стоп! Не убивайте его!

Но поздно: Лу в высоком прыжке наотмашь бьет пирата ногой по физиономии, а Крис всаживает в падающее тело пулю.

Пират мертв.

Фло, придя в себя, чертыхнулся.

— Это зря. Он бы мог нам кое-что рассказать.

Арчи поднялся по трапу, расслышав только последние слова.

— Вам необходим язык, Кэп? На корме валяются по меньшей мере три.

Фло, переступив через мертвого пирата, направился в рубку.

— Бруно Кертис за бортом, сэр! — громко сказал ему в спину Горди.

— Знаю, — устало ответил Фло. — Сейчас...

Зборовски уже взял управление на себя. Зародыш, прочесав сканером каждый квадрат залива, отыскал плавающих Кертиса и сэра Юстаса среди десятка еще не потонувших пиратов.

«Орхидея» пошла на разворот. Палуба опустела: Фло скрылся в рубке, остальные спустились на второй уровень. Марк, Арчи и Слава вязали пленных, Лу помог голландцу отвести Оскара в каюту, Крис вышел на корму и вскинул автомат.

Два выстрела — и шлюпки, до сих пор волочившиеся следом, клюнули носом и отстали. Остатки веревок Крис сбросил в воду.

Через минуту подобрали Бруно и Юстаса. Все это время они проплавали бок о бок. Хорошо — лето, море теплое... А хотя в этих широтах холодов и не бывает.

С одежды Бруно струйками стекала вода, ньюф отряхивался с чувством выполненного долга.

Мертвых вышвырнули за борт акулам на прокорм.

— Куда пленных, сэр? — вызвал Арчи Капитана.

— В третий склад... — Голос Фло звучал озабоченно. — Где боцман?

Все переглянулись. Выяснилось, что Капельку с самого начала боя никто не видел.

— Ищите! — скомандовал Фло. — Везде!

Однако Капелька нашелся сам. Кряхтя, он поднялся снизу, с первого уровня. Скоро стало понятно, почему он кряхтел: ташил за шиворот двух пиратов, избитых и покорных.

Напротив камбуза он остановился, бросил тела и вытер вспотевший лоб.

— Фу-у! Эй, кто-нибудь, помогите, там внизу еще трое.

Капитан облегченно засмеялся:

— А я уж испугался, Эрвин... Всегда ты все втихомолку делаешь.

В который раз Капитан убедился, что его Команда — лучшая в мире.

Оставались пираты на «Колибри» и двух кораблях поддержки. Они снова напомнили о себе выстрелом. Неудачным — ядро разорвалось, далеко не долетев до «Орхидеи».

— Мортимер, Дейзи — в рубку! Остальные — помогите Вану и юнге прибраться.

Фло всерьез рассердился. «Колибри» под шумок успел отойти к проливу. Видимо, пираты все еще надеялись не отпустить «Орхидею» на волю.

— Торпеды! На уничтожение! — скомандовал Фло. — Нечего с ними цацкаться. «Испанцев» тоже ко дну.

Марк занялся наведением на цели. Одна за другой короткие, меньше трех футов, смертоносные сигары понеслись к обреченным парусникам, вспенивая спокойные воды Маракайбо. Взрывы кромсали чуткую утреннюю тишину.

Пираты в заливе молча наблюдали, как «Орхидея» потопила всю испанскую эскадру с помощью своего непонятного оружия, светлой молнией метнулась навстречу, а потом вдруг отвернула и птицей понеслась через мелководье, окутанная белопенным ореолом.

Шкипер «Колибри», Джон Бест, именуемый своим сбродом «дядей Джоном», бывший союзник Фло, громко выругался. Тройной диковинный корабль, оказывается, мог ходить по мелкой воде, как это дико ни звучит. Они проиграли.

Поняли это и другие пираты. Чудесный корабль ускользнул. Ну и пусть: у их ног все сокровища Маракайбо, с ними по-прежнему Бог и шкипер дядя Джон, и делиться ни с кем не надо...

Поэтому они без особого волнения глядели на три светлые черты, тянущиеся к каждому из кораблей.

Три взрыва прозвучали одновременно.

«Орхидея» уходила в море, спеша в Картахену. Позади остался ограбленный город, останки девяти парусников и еще один выигранный бой. «Веселый Роджер» гордо развевался на голо-стеннге.

Впереди ждала «Санта Розалина».

Обыскать боковые секции никто из команды Фло не удосужился.

А зря. Паршивая вещь — недостаток опыта.

Глава пятая Терминатор (Крейсер-убийца)

1

Истребители прошли над «Орхидеей» спустя девять часов. Перечеркнули небо серебристыми стрелками и исчезли за горизонтом.

Тримаран успели вычистить и отдраить от крови, лишь вмятины от пуль в титановой обшивке напоминали о недавней схватке. Пленников допросили и высадили на берег где-то в районе будущей границы Колумбии и Венесуэлы.

Фло был мрачен. Команда видела, что Капитану не по себе, и каждый старался как мог подбодрить его. Ван Баттум поднапрягся и подал к обеду, кроме тривиального черепахового супа, сразу два экзотических блюда: нечто южноамериканское вроде люля-кебабов, только побольше и гнутых, словно молодой месяц, и еще странный гибрид овощного рагу с салатом из лангустов, щедро приправленный специями. Все, включая Юстаса и Бимса, отдали должное усилиям кока. Матросы громко переговаривались, причащались остатками португальского и зыркали на хмурого Капитана украдкой, исподтишка.

И тут Зародыш засек истребители. Они не атаковали, пронеслись в пронзительно-голубой вышине, напоминая, что Бейкер не дремлет.

— Полундра! — встрепенулся Бимс. — Абордаж!

Но самолеты вскоре ушли, и попугай успокоился.

— У-у, прихвостень бейкеровский... — проворчал Кертис без особой злости.

Фло вздохнул:

— Да ладно тебе... Бестолковая ведь тварь. И бессловесная...

— Ничего себе бессловесная! — фыркнул Бруно и передразнил: — Полундра! Абордаж!

Бимс оживленно захлопал крыльями:

— Абор-рдаж! Алебарды и стингеры! Р-ракето-мет! Вр-раги-не-други!

— Сам ты враг, — холодно заметил Лу.

Бимс перепорхнул на стойку бара.

— Вр-раг! Вр-раг! Шухер! Бейкер!

— Бейкер! — негромко сказал Фло, ожидая что ответит на это попугай.

— Бейкер! Хозяин! Брамселя долой!

Фло насупился.

— Хозяин, говоришь?

— Бейкер! Бейкер! Дир-рик-фал!

— «Орхидея», — в тон ему проскрипел Крис Дейзи, не отрываясь от тарелки.

Бимс охотно сообщил:

— Тримаран! Воор-ружение! Зар-родыш! Вдребезги! Растерзать!

Фло встал, отбросил вилку и вышел из кают-компания. За ним последовал и Питер Зборовски. Казалось, кровью налилась даже повязка на его глаза.

— Чертова птица! — процедил Арчи. — За борт бы тебя...

— За борт! Прибой! Крюйт-камера! — бормотал Бимс без умолку.

Сэр Юстас, поддавшись общему настроению, облаял попугая и ушел вслед за Капитаном. Кок вздыхал, Оскар Слэш скрипел зубами, не то от боли в забинтованном плече, не то просто от досады. Эрвин Капелька безостановочно курил трубку и тосковал по свежим газетам. Остальные мрачно пили кофе. Попугай перепархивал с места на место, что-то невнятно бормоча; наконец он уселся на макушку Кертиса. Тот замахал руками и обругал его по-итальянски. Бимс немедленно обиделся и, обозвав Бруно «нок-клампом», исчез в твиндеке. Команда захохотала, а Бруно допил кофе одним глотком и, проклиная горластую птицу, пошел к Питеру узнавать, чем же это таким его нарекли.

Рана не позволяла Слэшу водить вертолет, поэтому над морем, распугивая чаек, носился Ларри. Каравеллу заметили вечером следующего дня.

— Все наверх! — Фло словно воспрянул к жизни. Все утро он провалялся в каюте, преисполненный черной меланхолии. — Капелька, к Элмеру на «Орху», Ларри — вертолет не сажать! Слэш, в машинное!

— Есть, сэр!

— Крис, Марк, вдвоем справитесь? Могу дать юнгу.

Боевая немедленно ответила:

— Справимся, Кэп!

— О'кей!

Зародыш самостоятельно поймал в телеобъектив высокую корму каравеллы, вычленил квадрат по центру и увеличил его на весь экран.

Над резной женской фигуркой не то в плаще, не то в тоге вилась затейливая старинная надпись «САНТА РОЗАЛИНА».

— Наконец-то! — воскликнул Капитан. — Йо-хо! Вперед, корсары!

В один голос команда ответила:

— Йо-хо!

Только Бимс тревожно загорланил:

— Полундра! Абордаж!

«Орхидея», влекомая восемью водометами, устремилась к каравелле.

— Полундра! Ракеты! Пор-рох! Пор-рох!

— Заткнись, пернатый, — рявкнул на попугая Марк. — Хвост выщиплю!

Бимс притих, затаился и вдруг внятно сказал:

— Козел! Ненавижу...

Смеяться было некогда.

Неладное первым почуял Питер, сменив несколько ракурсов на мониторе слежения.

— Что за чушь, Стив?

Только он мог обратиться к Капитану по имени, которого остальные попросту не знали.

Фло недовольно оторвался от клавиатуры — вколачивал в оперативку Зародыша экстренную программу.

— В чем дело, Пит?

— Гляди сам. — Зборовски перебросил на монитор Фло изображение кильватерной струи «Санта Розалины». Оно было белесым от множества мелких пузырьков.

— Убей меня бог, если это не кавитирующие винты!

Фло уставился на экран.

— Сэр, обратите внимание еще и на вымпел... — деликатно посоветовал Мортимер.

Фло обратил. Вымпел развевался против ветра, раздувающего паруса.

— Проклятие!

Водометы взвыли, переключенные на реверс, но поздно: подойти успели слишком близко. Чмокнув, вырвалась из голополя

парусника боевая ракета. В рубке «Деи» ругались Лу и Кертис, наиболее несдержанные в минуты опасности.

Зародыш успел среагировать: ракету сбили точно посередине между «Орхидеей» и лжекаравеллой. Осколки дождем ворвались в кают-компанию, прошив иллюминаторы и корпус. Два носовых датчика приказали долго жить; заклинило одну из двух металло-резок.

— Дьявол! Разделение!

Ларри всадил в неприятеля малую ракету и поспешно отвалил в сторону. По вертолету вовсю лупили из крупнокалиберных пулеметов, светлые гроздья разрывов вспухали в опасной близости.

«Орха» и «Дея» освободились, расходясь в стороны. Пилоны прикрыли борта второго уровня. Секция-матка сворачивала вправо, огибая «каравеллу» (или что там пряталось под голоподем). Марк хладнокровно поливал ее огнем левого борта. Пули и снаряды смачно влипали в поле и взрывались внутри; поле шло уродливыми пузырями и вдруг, сверкнув напоследок, исчезло. Вместо «Санта Розалины» предстал серо-стальной мини-крейсер класса «Ихтиозавр».

— Вот ты кто! — рявкнул Фло. Его не удивило, что крейсер-малютка не имеет собственного названия. Такие суда имели лишь бортовой номер. Но здесь и этого не было.

«Орхидея» и «Дея» пошли на разворот; «Орха» скрылась по другую сторону крейсера.

— Ларри, изображение сверху! — потребовал Фло. Тотчас резервный монитор дал нужный ракурс. «Орха» по прямой уходила прочь.

«Ихти» разворачивался к «Орхидее» носом.

— «Дея», расходимся!

— Есть, Кэп! — Лу завертел штурвал. «Дея», грациозно накренившись, отвалила вправо, на запад. Секция-матка продолжала идти к югу.

— Торпеды, сэр!

— Вижу!

Несколько резвых сигар нетерпеливо неслись к ним. Зародыш давил их последними ракетами.

— Ракеты, сэр!

— Вижу, Ларри!

Две из трех сбил Марк, еще одну — вертолет, пронесшийся над самой антенной. Крейсер надал следом.

Крис вылез наружу и ковырялся у поврежденной кассетницы, распластавшись на белой обшивке носа, как муха на стекле.

— Эрвин, что у вас?

Фло вдруг сообразил, что с «Орхи» уже несколько минут доносится лишь прерывистое дыхание да глухие удары, будто там сцепились врукопашную.

Капитан взглянул на монитор, работающий с вертолетом: «Орха» рыскала на курсе, словно у руля никто не стоял. Собственно, так оно и было.

2

Когда пилоны освободили «Орху» и характер качки изменился, Арчи переключился в автоном.

Капелька вскрывал ящики с кассетами, подаваемые снизу подъемником. В машинное, на нижний уровень, никто не спускался, было не до того.

Каравелла-оборотень сбросила свою личину. Арчи несколько секунд глазел на крейсер.

— Ух ты! Погляди, Эрвин, кого нам подсунули!

Капелька обернулся, но смотрел вовсе не на монитор, а за спину Арчи. Глаза его сделались удивительно круглыми.

Арчи обернуться не дали: колючая веревка, пропахшая смолой, захлестнулась вокруг шеи. Дышать сразу стало невозможно. Арчи забился, как тунец у кока на крючке.

Трое пиратов с кеча «Колибри», прятавшиеся внизу, поднялись в рубку. Выйти наружу раньше они не могли: после стычки на борту «Орхидеи» Зародыш намертво задраил все люки, замуровав их в железном коконе. Просидев почти двое суток взаперти, оголодав и озлобившись, пираты действовали отчаянно и дерзко. Один придушил Элмера, двое других насели на Капельку. Кроме ножей, у них ничего не было; у боцмана не было даже ножа. Толстяк казался неуклюжим, но когда пираты получили ногой по зубам, движения их стали ловкими и осторожными. Капелька отлично владел техникой единоборства, но перед ним пританцовывали от напряжения тоже не выпускники воскресной школы. Просоленные морем убийцы, годами разбойничавшие в компании себе

подобных и вдобавок убежденные, что отступление означает неминуемую смерть.

Постепенно Капельку оттеснили в самый нос. Штурвал слабо шевелился, «Орха» нетвердо прыгала с волны на волну, предоставленная самой себе.

Одного боцман все же выключил. Но второй вцепился в него бульдожьей хваткой, приставив нож к горлу; вдобавок вмешался третий пират, связавший к тому времени Арчи.

— Дьявол! Вяжи его, Хэнк, вяжи крепче! Клянусь всеми акулами Атлантики, они научат нас управляться с этим адским кораблем!

Хэнк вязал. Крепко.

Арчи не мог даже пошевелиться: удавка тотчас врезалась в горло. Дышал он хрипло, тяжело, с надрывом.

Капельку бросили рядом с ним.

— Эрвин, что у вас? — спросил Капитан отрывисто. Чувствовалось, что он занят.

Пираты всполошились.

— Кто здесь, тысяча чертей?

Фло их слышать не мог, микрофоны, пристегнутые к лацканам Капельки и Элмера, фильтровали посторонние звуки.

— Эрвин, отвечайте!

Грохот взрыва. Пираты смешались и отступили к трапу.

— Эй, кто там? Порази вас брочинг...

Взрыв, еще взрыв, натужный лай пулеметов...

— Вниз их! — скомандовал один из пиратов. Второй, тот, что звался Хэнком, приводил в чувство пострадавшего товарища.

Арчи и Капельку бросили вниз, прямо у трапа. Пираты возились в рубке, проклиная все на свете.

Связанные руки затекали, по коже бродили стада неприятных мурашек. Вязать пираты умели, чувствовался большой навык.

«Дьявольщина! — подумал Арчи. — Бруно Кертис, конечно же, давно уже сумел бы освободиться. А тут без ножа никак...

Стоп! Нож! Он же у меня до сих пор! Тот, что добыл в уличной драке в день, когда встретился с Капитаном Фло! Острый, как акулий зуб!»

— Эрвин, — прошептал Арчи. — Нож!

Капелька с трудом обратил лицо к напарнику.

«Орху» завалило набок при крутом повороте.

— Разрази меня гром, Хэнк, если это не штурвал!

Хэнк, должно быть, брякнулся на пол от такого рывка. Пират-экспериментатор, несомненно, крутанул штурвал, словно находился на мостике парусника.

— Нож, Эрвин! В кармане! Я не могу пошевелиться! — Арчи заметно страдал.

Капелька, извиваясь словно неуклюжая личинка, подбирался к карману. Арчи закричал, когда толстяк навалился на него всем телом.

— Не здесь! На бедре!

Наконец Капелька нащупал карман-невидимку. Минута ушла на то, чтобы расстегнуть клапан, еще полминуты — чтобы извлечь нож.

Набрав воздуха в легкие, Арчи затаил дыхание. Капелька на ощупь пилил веревку. Колючая просмоленная змея немилосердно терзала горло. Капелька пыхтел и ворочался — было очень неудобно. Раз шесть или семь приходилось останавливаться и давать Арчи отдышаться.

Постепенно веревка поддалась. Кое-как двигая затекшей шеей, Арчи освободился. Боже, какое блаженство дышать полной грудью! С минуты он приходил в себя. Потом стянул путы с рук.

— Скорее! — торопил Капелька. Пираты сквернословили в рубке и, похоже, собирались спускаться. Свободными руками орудовать было куда удобнее. Веревка, стягивающая кисти Эрвина, развалилась на обрезки в одно мгновение. Теперь ноги...

Капелька бесшумно вскочил, стряхивая остатки пут, взял нож из ладони Арчи.

Первый пират, угодивший в его стальные объятия, захрипел, забулькал и упал, заливая кровью ворсистый пол твиндека. Второго Арчи огрел кстати подвернувшимся гаечным ключом, потому что нунчаки вывалились в рубке. Этот ушел лицом вперед с третьей ступеньки трапа, даже не пикнув.

— Ну что там, Хэнк? — донеслось сверху. Капелька исчез на секунду в машинном и вернулся с автоматом наперевес. Арчи массировал шею, сидя на полу.

— Эй, отродье! — крикнул Эрвин, поднимаясь. — Молись!

Хлопнул одиночный выстрел.

— Капитан, говорит Капелька...

3

Крейсер гнался за «Орхидеей», не отставая больше чем на четверть мили. На «Ихтиозаврах» применяли хитроумное сочетание редана, крыльев и подушки, в скорости «Орхидее» крейсер не уступал.

Фло пытался уклониться от схватки.

— Лу, что у вас?

— Следуем в стороне, сэр! — отозвался Горди. — Торпедирую, но торпеды он топтит!

— Неудивительно... — фыркнул Капитан.

Зборовски манипулировал программами Зародыша. Термосканер давал обычную картину военного судна, биосканер ничего живого на борту не выявил.

— Это робот, Стив! Крейсер-убийца, водный терминатор-уничтожитель!

Фло только вздохнул.

— Кэп, впереди островок! — предупредил Ларри. Сверху он видел гораздо дальше. — Семь градусов влево!

Капитан забарабанил по клавиатуре. Когда остров попал в поле зрения, врубил подушку на запуск. Под крыльями оставалось все меньше воды, «Орхидея» вылезала наверх, обнажая даже водометы. Загудели воздушные винты, крылья подтянулись и прилипли к днищу, судно пошло на подушке над прибрежной мелью, над полосой песка, над низкими кустиками...

«Ихти», не снижая темпа, прорывался следом.

— Не оторвемся, — констатировал Питер.

— Это ж военный крейсер, — пожал плечами Фло. — Даром что терминатор. Что ему суша? Игрушки...

Вышла на связь замолчавшая было «Орха».

— Капитан! Капелька говорит. У нас гости случились...

Крейсер крепко вцепился в цель. Принять бой? «Орхидея» не слабее «Ихтиозавра», значит, ко дну суждено пойти вместе. Но ведь есть еще «Дея», «Орха», Ларри на вертолете.

Боеприпасов маловато. Кто же рассчитывал на встречу с крейсером? Ну, Бейкер, ну, бестия! Как сумел пронюхать? Где раздобыл машину времени? Золото, золото — вот причина! Желтый металл может все.

Арчи, более или менее придя в себя, поднялся в рубку. Капелька сидел за пультом. Они успели забраться далеко к востоку, оторвавшись от «Орхидеи» и крейсера. Боцман уткнулся в навигационный экран.

Паруса заметил Арчи.

«Каравелла, — сразу определил он. — Испанская...»

Конечно, это была «Санта Розалина».

— Капитан! Вижу «Санта Розалину!» — воскликнул Капелька, убедившись, что на этот раз голоподем и не пахнет. — Координаты...

Фло сжал кулаки.

— Топите, Эрвин! Любой ценой!

— Есть, сэр!

«Ихти» безмолвно плевался ракетами. Пока Зародышу удавалось их сбивать.

— Лу! Держитесь в стороне. Будьте готовы принять нас на борт прямо из воды.

— Есть, сэр... — несколько удивленно отозвался малыш-Лу.

— Питер! Сейф к эвакуации! Ван, Слава, помочь старпому! Марк, Крис, Ларри, приготовьтесь всадить в терминатора весь боезапас. А потом — на корму.

— Есть, сэр!

— Есть...

— Есть...

— Юстас! Место!

Пес, повинувшись команде хозяина, умчался к своему вольеру.

— Оскар, что машина?

— Норма, сэр! Пыхтит.

Руки Капитана легли на штурвал.

— Йо-хо!

«Орхидея» величаво заложила вираж, разворачиваясь к крейсеру носом.

— Огонь!

Смертоносный шквал рванулся навстречу «Ихти». На столь короткой дистанции терминатору просто не хватило быстродействия. Кое-что крейсер сбил, кое-что отклонил. Кое-что...

Взрыв взметнул в небо тучи огненных осколков. Вражеские снаряды рвали тело «Орхидеи», Зародыш тоже не справлялся со всеми. Нос «Ихти» с каждой секундой приближался к левой скуле детища Капитана Фло.

Сам Капитан на корме нажал на кнопку экстренной эвакуации. Надувной пластиковый плот отшвырнуло прочь, словно пушенный из катапульты камень.

Два корабля соприкоснулись, затрещала сталь, сминаясь, как бумага. А потом их охватило море огня, неистовый полыхающий смерч, вставший на ноги вблизи побережья.

— Прощай, Зародыш... Прощай, «Орхидея»...

Фло припал к большому иллюминатору. Аварийный плот качался далеко в стороне, краснея на темной вечерней воде. Пришла ударная волна, сверху дождем сыпалось железо...

С собой захватить успели сейф с документами и машиной времени, десяток автоматов, два ящика патронов да немного пищи и воды сверх той, что входила в комплект пловца.

С запада на выручку спешила «Дея».

4

Никогда еще в рубке маленькой «Деи» не было таклюдно. У пульта сидели Капитан, Питер и Лу, поникший, потрясенный потерей всего золота «Орхидеи». В кармане у него осталось несколько побрякушек, но, право же, это не слишком утешало. Конечно, координаты записали в судовой журнал... Но ведь еще поднять надо...

В машинном обосновались Бегемот, кок, юнга и растерянный Бимс. Марк с Крисом Дейзи отправились на кормовую палубу, к пулеметам. Сэр Юстас улегся у трапа, понимая, что людям сейчас не до него.

От «Орхи» и «Санта Розалины» их отделяло миль пять — семь. «Дея» встала на крылья и устремилась на восток, вслед за низко летящим вертолетом.

Гул турбин они слышали через несколько минут. Ларри зашипел, словно рассерженная кобра.

Все в рубке «Деи» впились взглядами в монитор.

Там, рядом с неуловимой каравеллой, тонула «Орха», истерзанная близкими разрывами малых ракет, а навстречу «Дее» хищными остроносими птицами мчались два истребителя.

— Белые молнии! — Фло даже вскочил. — Ну конечно! «Ихтиозавры» несут два истребителя «Пустельга», это и младенцу ясно.

Они защищали каравеллу, пока терминатор занимался секцией-маткой.

Мертвый крейсер ожил в двух самолетах-роботах. Им неведом страх. Они не знают пощады. И не боятся смерти. Роботы-терминаторы умеют только повиноваться программе. А в ее содержании сомневаться не приходилось.

— Ракеты! — сцепил зубы Фло и нажал на пуск. Ракет осталось всего семь, противоракет — четыре.

Истребители прошли над «Деей», развернулись и скользнули в разные стороны. Ларри повис над полупогрузившейся «Орхой».

— Вижу Элмера и Капельку! — сообщил он, сбрасывая два спасательных круга.

Фло выпустил по «Санта Розалине» пару торпед, но истребители стерегли парусник на совесть. Роботы иначе и не могут.

— У меня плохое предчувствие, Стив, — устало сказал Зборовски. — Пора готовить второй плот...

Фло промолчал. Дуэль с истребителями не затянется. Слишком уж те быстры.

«Почему они не стреляют? — удивился он. — Ракет, что ли, жалко?»

Капитан не знал, что в бою с «Орхой» оба истребителя истощили практически весь боезапас. Экономить, как и отступить, роботы не умеют. И сейчас они стали просто летающими железками. А раз они не могут больше охранять каравеллу, остается уничтожить противника единственным оставшимся способом — ценой собственного существования.

Пискнув, очистился экран монитора перед Капитаном Фло.

«Немедленная эвакуация! Вероятность тарана — 100 %» — прочел он.

— Все на плот! — взревел Капитан и первым подхватил сейф. Он знал: поступки компьютера лучше всего предскажет такой же компьютер. Ибо на «Ихтиозаврах» стоят стандартные «Полтавы», а на истребителях — модули, аналогичные модулям «Орхи» и «Деи».

Они успели. Чудом или нет, но успели. Пушки достали пикирующий истребитель в полусотне саженей и осеклись: опустели кассеты. В «Дею» врзалось облако раскаленных осколков. Спустя несколько секунд взорвалась и «Дея», но плот уже рассекал волну далеко в стороне.

Второй истребитель протаранил вертолет. Еще одна смертельная роза расцвела над океаном.

«Боже мой, — подумал Фло. — Сколько взрывов принесли мы в этот неспешный век...»

Впрочем, тут хватало и своих взрывов.

Ларри выпрыгнул из вертолета секунд за двадцать до столкновения. Сейчас он покачивался на волне недалеко от Арчи и Капельки. Осколки его пощадил. Сэр Юстас, натасканный на цвет спасательных жилетов, прыгнул в воду и поспешил на помощь. С другой стороны к нему гребли Арчи и Эрвин, цепляясь за спасательные круги.

На маленьком плотике было тесно. Марк завел подвесной мотор и дал газ, направляясь к «Санта Розалине».

Все взялись за автоматы, даже раненый Слэш и юнга Слава. Каравелла приближалась, быстро увеличиваясь в размерах. Похоже, наступало время последнего, действительно последнего боя.

— Стрелять, Кэп? Ниже ватерлинии, потопим ее к черту, — горячился преисполненный решимости Кертис.

Капитан засмеялся.

— Зачем? Там же золото!

Кертис вопросительно уставился на Капитана. Действительно зачем? Зря, что ли, таскались в этот золотой век?

Единственное, чего опасался Кертис, это малые размеры плота. Вдруг все золото не влезет?

Испанцы, запуганные развернувшейся на их глазах битвой, толпились у борта.

Крис Дейзи снял с предохранителя штурм-трап.

«Пок!»

Блестящие крючья легли поверх планшира каравеллы и намертво вонзились в темное дерево. Вниз свесилась плетеная лестница, похожая на корабельные ванты.

— Лу, Кертис! Наверх!

Кто-то из испанцев сунулся к лестнице с тесаком. Зборовски выстрелил, и тот свалился на палубу под ноги своим собратьям с дыркой в курчавой башке.

— В стороны! Живо!

Лу и Кертис орали на матросов, прижавшись спинами к фальш-борту и хищно поводя стволами автоматов. Всех, кто не подчинялся, клали на месте. Никого не волновало, что испанцы могут не понять по-английски.

Через десять минут все, кроме Марка, поднялись на борт каравеллы. Плотик отвалил, пофыркивая сорокасильным двигателем.

— Все на корму! Шлюпки на воду! Шевелитесь, если жизнь дорога! — командовал Фло, на этот раз по-испански, подбадривая зазевавшихся пинками.

Марк подобрал Арчи, Капельку, потерявшего сознание Ларри, Юстаса и вернулся к штурм-трапу.

Испанцев загоняли в шлюпки и отправляли подальше. Скоро на каравелле осталась лишь команда погибшей «Орхидеи» да несколько трупов.

Лу и Кертис, успевшие совершить короткую разведку, вернулись на палубу. Оба цвели, как вишни по весне.

— Золото, Кэп! Полные трюмы!

Фло улыбнулся. Черт возьми, они все же добились своего! «Санта Розалина» не затонет у Канар, а ее груз не попадет в лапы к Бейкеру.

Испанцы, грустно глядя на захваченные корабли, мерно работали веслами.

— Даже не верится, — вздохнул Зборовски, моргнув здоровым глазом. Автомат он лениво забросил за спину. Сэр Юстас, которого общими усилиями втащили на борт, сосредоточенно вылизывал влажную шерсть. Ван Баттум склонился над Ларри, рядом стоял Слава и придерживал открытую аптечку, бросив великоватый для него М-72 на истертые доски полуяота. Лу, Кертис, Мортимер, Дейзи и Бегемот передавали из рук в руки тяжелые слитки золота и восторженно цокали языками. Арчи с Капелькой выжимали промокшую одежду, смеясь и довольно ухая. Над головой тихо гудели паруса, скрипели реи, стонали на ветру снасти.

— Эй, кто-нибудь, станьте к штурвалу! — крикнул Капитан. — Рыскаем, словно гончая, потерявшая след!

Бимс, нахохлившись, сидел на планшире рядом с крюком штурм-трапа.

— Пиастры, пиастры! — закричал он. Вышло как-то устало и неубедительно.

— Слушай, — сказал Арчи, встряхивая комбинезон. — Ты не находишь, что эта бестолковая птица орет всегда удивительно подходящие слова?

Боцман глубокомысленно кивнул.

Капитан Фло расчехлил машину времени.

— Дукаты, дукаты! Тугрики, ту...

Голос попугая оборвался, словно кто-то выкрутил регулятор громкости. Все обернулись. Взъерошенное зеленое создание медленно растаяло в воздухе.

— Что с ним? — насторожился Кертис.

Лу подошел и потрогал планшир. Ничего, кроме гладкой оструганной древесины.

— Исчез, — развел он руками.

Фло ввел программу. Машина времени, странно равнодушная к цифре «тринадцать», тихонько загудела. В прошлом пробыли ровно пятьдесят два дня.

— Поехали, — сказал Капитан и нажал на клавишу старта. Бруно Кертис успокоился — все золото следовало за ними в будущее. В этот самый миг Ларри Робинсон открыл глаза, а испанцы, тоскливо озиравшиеся на каравеллу, увидели, что она неторопливо растворилась, не оставив ничего, кроме зыбких следов на водной глади.

— Каррамба! — только и сказал экс-капитан «Санта Розалины».

Глава шестая и последняя Команда

С тех пор как «Санта Розалину» отбуксировали в порт Нью-Кросби, прошло десять часов. До прибытия в резиденцию о судьбе Бейкера и его состоянии Капитану Фло узнать ничего не удалось. После бурного финиша корсарской одиссеи усталость свалила всех. Даже Капельку и Зборовского, хотя они казались склепанными из стали и гранита. Капитан Фло дал указания своим людям и отключился в кабинете прямо за столом.

Погожим августовским утром, когда солнце пронизывало толстые стекла особняка Фло, команда «Орхидеи» в полном составе расселась в глубокие кресла холла, где впервые собралась в начале лета. На стене, рядом с картой мира, все так же висел черный пиратский флаг.

Фло, хоть и отоспался, выглядел уставшим и опустошенным.

— Ну как, Кэп? — Нетерпение всех можно было понять.

— К черту! — буркнул Фло. — Мы занимались ерундой.

Он швырнул Питеру пожелтевшую газету.

— Можешь прочесть вслух...

Зборовски подхватил хрустящий ком на лету и ловко развернул. Газета была датирована октябрём 2007 года.

— Филипп Бейкер поднимает со дна моря остатки судна на подводных крыльях с грузом драгоценных металлов и камней, — прочел Питер. — Сенсация века... радиоуглеродный анализ показал, что судно провело под водой триста с лишним лет... Поиски в прибрежной зоне острова Аруба ведут сотни подводников-любителей...

— Вот это номер, — протянул Арчи. — Он поднял «Орхидею»...

Питер потрогал повязку на глазу. Потом вздохнул:

— Знаешь, Стив, а ведь у нас золота было больше, чем на «Сан-та Розалине»...

«И мы сами его добыли», — подумал каждый.

Фло неподвижно сидел за столом, скорбно уставившись в одну точку.

— Эх, еще бы разок попирагтствовать... — мечтательно сказал Гордон Лу, взъерошив черную шевелюру.

Но все знали, что путь в прошлое закрыт. Машина времени рассыпалась мельчайшей серой пылью прямо на палубе испанской каравеллы, едва они вернулись назад, в будущее.

— Увы, господа. Свой миллион каждый из вас получит, как и договаривались, но, выходит, зря я затевал это предприятие. Наверное, время невозможно обмануть. Результат останется прежним, даже если идти к нему другим путем.

И тогда поднялся Марк Мортимер.

— К черту время, Капитан. Может, попробуем потягаться с Бейкером сейчас, сегодня? По-моему, у нас сложилась неплохая команда. Ведь золото Бейкера по праву принадлежит нам. Не так ли, Капитан?

Фло словно очнулся. Взгляд его вновь сделался живым и осмысленным.

— Но что скажут остальные?

— Йо-хо! — сказали остальные.

Громче всех кричал Слава Лебедев. Фло обратился к нему:

— Как же твои родители, юнга?

Мальчишка отчаянно махнул рукой:

— К дьяволу родителей! Пора делом заняться...

Одобрительный гул встряхнул тихий особняк.

Фло смотрел на Команду и неожиданно на глаза ему навернулись слезы. Команда! Я навеки ваш Капитан!

Он потрепал сэра Юстаса по мощному загривку.

— Ну что, Юсти? Не так уж и плохи наши дела?

Пес преданно сопел.

А в голове назойливо вертелся старый матросский мотив:

Мы ждем, когда снова порадует море ветрами,
И бакштагом полным пойдет гордый парусник наш.

— Я думаю, стоит попытаться, — сказал Питер, старпом.

На мачте взвывается, как птица, черное знамя,
И вновь прозвучит команда: «На абордаж!»

Фло взглянул на календарь.

— Пиастры, пиастры! Доллары, доллары! — заорал Бимс, сидящий на большом пузатом глобусе.

— Проклятие! — воскликнул Капитан Фло. — Откуда снова взялась эта жуткая птица?

Команда засмеялась. Да что Команда? Сам Веселый Роджер, скалящийся на стене, подмигнул ему пустой глазницей и оскалился еще больше. Или это просто ветер шевельнул черное полотнище?

Вперед, Капитан! Ведь Команда с тобой.

Эй, капитан! Наша жизнь — это только дорога,

Эй, капитан! Этот бой — остановка в пути.

Эй, капитан! Остановок не так уж и много.

Эй, капитан! И все меньше их впереди!

Фло сжал кулаки. На абордаж, Капитан!

Йо-хо!

Январь 1990 — декабрь 1991 г.

Николаев — Киев

ОКО ВСЕВЫШНЕГО

(Рукопашная сказка)

Глава первая

1

В вечернюю тишину вплетались мерные удары гонга. Монастырь встречал закат. Малиново-красное солнце пряталось за отроги Сао-Зу — Великого Горного Хребта, увенчанного пушистыми снежными шапками. Лишь одна дорога вела к монастырю — южная, та, что поднималась снизу, из озерной долины. Никому еще не удавалось перевалить через хребет в этом месте, хотя несколько узких троп уводили высоко в горы. Бродили неуверенные слухи, передаваемые чуть слышным шепотом, будто одна из этих троп ведет сквозь Хребты к самому северному побережью, однако уже много лет никто не ходил за Сао-Зу и не приходил оттуда.

Монахи, собравшиеся на вечернее очищение, отбили положенное количество поклонов и разошлись по кельям-таутам. Ученики первого круга устало брели с поздних занятий, ситы-работники подметали узкие дорожки и тренировочные площадки. Скоро и они уйдут в свой таут — большую общую спальню рядом со зданием кухни. Только привратники в свете лучин будут вести неспешные ночные разговоры.

Монастырь затих, спрятавшись за неприступными стенами, высотой соперничавшими с горными соснами. Темнело; последние лучи солнца таяли в хрупкой свежести воздуха. Холодный ветер тянул с гор, принося дыхание вечного льда.

Путник появился на дороге вместе с первыми звездами. Он спешил; учащенно дыша, опираясь на длинный посох, изредка

оглядываясь. Достиг ворот, трижды ударил тупым концом посоха в Круг Путника, чернеющий в центре правой створки.

На стене возник привратник, бесшумно, словно летучая мышь.

— Да будет благословенно имя Каома! — хрипло сказал путник, склонив голову и сделав ладонью ритуальный жест.

— Навеки будет! — почтительно отозвался привратник. — Что привело тебя в нашу обитель?

Ладонь его застыла у груди.

— Прошу крова и защиты.

Привратник кивнул:

— Не совершил ли ты зла и не спасаешься ли от справедливой кары Императора и гнева Каома? (Да будет благословенно имя его!)

— Руки и сердце мои чисты перед Императором и тем, кто Выше, хаат.

— Ворота монастыря всегда открыты для скитальцев, чистых перед тем, кто Выше! Входи, путник.

Правая створка неспешно приоткрылась, пропуская одинокого гостя.

Два монаха встретили его поклоном и застывшей перед грудью ладонью. Путник поклонился в ответ, стоя на отпечатке огромной пятерни у самых ворот; потом опустился на колени, отложив посох, и поцеловал священную землю монастыря.

Он не был здесь сорок семь лет.

— Голоден ли ты, путник? — спросил тот, кто разговаривал с ним со стены, одетый в зеленый плащ Наставника со знаком восьмого круга.

— Нет, хаат, хвала Всевышнему (легкий обоюдный поклон), добрые люди накормили меня в полдень.

Наставник снова кивнул.

— Брат Цхэ, отведи путника в гостевой таут.

Еще поклон, еще хвала Всевышнему, и у ворот опять стало безлюдно, а привратники возобновили свои ночные речи в неверном свете лучины.

Наутро странника отвели к Верховному Настоятелю.

Странник был стар. Седые усы и борода, седая голова, морщинистое лицо. Однако глаза его горели, словно у юного тигра, а мышцы полнились силой. Чем-то он походил на Настоятеля, толь-

ко у того усы и борода были гораздо длиннее, а голову он, как и все в монастыре, брил наголо.

— Сатэ? — удивился и обрадовался Настоятель. Путника он хорошо знал, хотя виделись в последний раз они почти полвека назад.

Старик Сатэ поклонился сначала изображению Каома, потом Первому-в-храме и шести его теням-Настоятелям.

— Приветствую тебя, Бин, Первый-в-храме, и вас, Старшие!

Повинуясь жесту Верховного, один из слуг-учеников принес циновку и несколько подушек.

— Садись, Сатэ! И не зови нас Старшими, ведь ты равен нам, хранитель.

Сатэ присел.

— Разве пыль в придорожной канаве равна солнечному свету?

Вы — слуги Каома, Старшие в монастыре, а я — одинокий старик, забытый всеми.

Чувствовалось, что подобные речи были всего лишь ритуалом.

— Недобрые вести принес тебе Сатэ, Первый-в-храме.

Выразительный взгляд — слуги покинули таут Верховного, осталась лишь семерка старших да путники. Двое Настоятелей стали у выхода.

— Я слушаю тебя, Сатэ-хранитель.

Странник неотрывно глядел Бину в глаза.

— Весна начинается, Первый-в-храме. Скоро равноденствие, не мне напоминать, что наступит год Тигра. Это будет год Тигра-воина.

— Я помню, Сатэ. Посланники Южного монастыря скоро выступят, ведомые братом нашим, Настоятелем Тао. Обряд будет исполнен.

Тигр приходил каждый двенадцатый год; однако Тигр-охотник ничего не менял в жизни монастырей. Раз в двадцать четыре года приходил Тигр-воин, и тогда весной либо Северный монастырь Каома, либо Южный (по очереди) отправляли друг другу посланников. Отбирались два молодых монаха, по одному от каждого монастыря, родившихся в год предыдущего Тигра-воина. Они уходили сразу после Турнира. Куда — знали немногие. Семеро Настоятелей каждого монастыря да десятков избранных. Возвращались монахи обычно летом; посланники-гости тотчас отбывали в свою обитель, и все повторялось спустя двадцать четыре года. И еще одно: молодые монахи-избранники, вернувшиеся в монасты-

ри, впоследствии почти всегда становились Первыми-в-храме. Сорок восемь лет назад, когда Бину исполнилось всего двадцать четыре и был он молод и горяч, отправился он в путь вместе с Тао-южанином...

Бин вспомнил и едва заметно вздохнул. На лице его ничего не отразилось — ведь он давно уже не юноша-избранник, а Верховный Настоятель Северного монастыря Каома, Первый-в-храме.

— Клан Орла посягнул на одно из двенадцати Святых Мест. В горах было землетрясение, и ход в тайник обнажился.

Бин нахмурил брови, не перебивая.

— Волею случая это оказалось именно двенадцатое Место. Око Каома едва не попало в руки Орлам.

Тени-Наставники зароптали. Такого не случалось со времени основания монастырей. Око всегда находилось в одном из двенадцати Мест, надежно укрытых от мирских глаз. В год Тигра-воина его переносили. Из первого Места во второе, в следующий раз — из второго в третье, и так далее. Око кочевало по кругу из века в век; монахи двух монастырей всегда находили силы его защитить.

Сатэ продолжал рассказ:

— Глупые Орлы тронули Око раньше срока — они, конечно, умерли, так и не успев поведать своим Верховным, куда перепрыгали его. Остался лишь один свидетель, который знает, где сейчас Око. Орлы повсюду ищут его, но не найдут, если вовремя вмешаться.

— Кто он? — только теперь перебил Бин.

Сатэ прикрыл глаза и выдержал приличествующую паузу.

— Юноша-паломник с Архипелага.

— Островитянин? — Бин вскочил, сжав кулаки. — Великий Каома! Судьба мира в руках чужеземца!

Первый-в-храме быстро овладел собой и сел.

— Где он?

— В столице. Прячется и ждет сигнала. Моего сигнала.

— Что ты предлагаешь, Сатэ?

Старик погладил короткую бороду.

— Дай мне семерку избранников, и я приведу его сюда. Заодно и смену себе присмотрю. Надеюсь, что в этот раз избранники достойны... хм... тех юношей, что мечтали перенести Око с десятого Места на одиннадцатое сорок восемь лет назад.

Бин задумался.

— Хорошо, Сатэ. Только вот что: отсюда в Столицу семь дней пути, и из Южного монастыря — четыре. Ведите чужеземца в Южный и возвращайтесь со свитой брата нашего Тао.

Сатэ поразмыслил.

— Ты, как всегда, мудр, Первый-в-храме! Орлы вряд ли сумеют предвидеть это.

Бин поднес руку к груди:

— Мудр лишь Каома, мы же — жалкие слуги его, внимлющие мудрым советам.

Ритуальный поклон.

Хлопок в ладоши. Появился монах-слуга.

— Семерых избранников-до ко мне, младший.

Монах склонил голову и исчез.

— Кто будет первым, как думаешь? — спросил вдруг Сатэ.

Верховный пожал плечами:

— Все хороши. Хотя Даан Геш, пожалуй, покрепче остальных.

— Геш? Сын Линга?

— Да. Он уже Наставник, представь! Уже почти год.

— А прочие кто?

— Руг Ма, братья-близнецы Каат и Ао Хито, Юл Ю, Сань Но и Лоот Зин.

Сатэ покачал головой:

— Никого не знаю. Ты о них никогда не писал.

Верховный нетерпеливо взглянул на громадные песочные часы, которые опрокидывали всего раз в сутки, в полдень.

— Как зовут чужеземца?

— Матурана, Старший.

— Матурана, — повторил Первый-в-храме, шевеля губами, словно пробовал непривычное имя на вкус. — Странные у них на Архипелаге имена.

Сатэ пожал плечами:

— Наверное, наши имена им тоже кажутся странными. Кстати, — Сатэ понизил голос почти до шепота, — он родился в год Тигра-воина. Двадцать четыре года назад.

Верховный неотрывно глядел на Сатэ, соображая, что это может означать.

В таут входили избранники в одеяниях монахов; один был в зеленом плаще без каймы. Единственное, что отличало их от остальных обитателей монастыря, — длинные волосы, собранные в пучок на затылке.

2

Два года назад, весной, Даану и еще шестерым монахам четвертого круга Старшие велели не брить более голов. Вопреки первому обычаю монахов Каома. В остальном их жизнь не изменилась. К исходу года Крысы Даан завершил четвертый круг, первым из своих сверстников. Настоятели предложили ему путь Наставника. Даан удивился: ведь он еще молод. Однако его мастерство позволяло ему стать в один ряд с Настоятелями, мастерами шитао. Выдержав экзамен (он сражался со Старшими!), Даан заслужил зеленый плащ и избрал свой кон: им стал шест. И принялся учить первый круг, вчерашних ситов-работников, приемам боя с шестом, не переставая, впрочем, совершенствоваться в пятом круге. Так прошел еще год; Даан успел привыкнуть, что младшие зовут его «учителем», хотя совсем недавно это его забавляло.

Приближался год Тигра. Монахи высших кругов вдруг стали часто появляться на тренировках пятого круга, которого достигли все «до» — лохматые, как прозвали их в монастыре. Иногда они вмешивались и показывали лохматым что-нибудь новое из своего богатейшего арсенала трюков и приемов. Лохматые прилежно запоминали, шлифуя новую технику.

Что-то назревало, Даан чувствовал это. Но что? Внешне он никак не выказывал своего нетерпения, ибо пятый круг есть пятый круг и многому Даана научил.

А потом всех лохматых вызвали к Первому-в-храме.

3

Мирская одежда казалась странной и непривычной. Даан то и дело глядел на себя и других, смеясь одними глазами. Было от чего! Сатэ не обращал на это веселье внимания, уверенный, что оно ненадолго.

Стены монастыря скоро растаяли вдали, и потянулась навстречу бесконечная дорога, ибо под двумя лунами бесконечны лишь две вещи: дороги и познание.

Какая она — Столица? Такой вопрос задавал себе каждый из семерых. С малых лет они почти ничего не видели, кроме монас-

тыря, разве что горную деревушку в половине дня пути, куда, еще будучи ситами или монахами первого круга, часто наведывались за продуктами.

Уже на второй день одежда перестала казаться им чужой и неудобной.

В полдень зашли подкрепить силы в харчевню, притаившуюся на самом краю небольшого придорожного селения. Сатэ договорился с хозяином о плате и вернулся к рассеявшейся за столом семерке лохматых.

За соседним столом поглощали рис и мясо двое бродяг из восточных провинций — серебристые рыбки, нашитые на левый рукав курток, свидетельствовали, что раньше эти двое были рыбаками.

Даан не переставал ломать голову над загадкой последних недель. Кто такой Сатэ? Его отлично знают Старшие. Сам Сатэ прекрасно знаком с нравами и обычаями монастыря. Но он не монах, это всякому видно! В том, что Сатэ мастер ши-тао, Даан не сомневался ни секунды. Пожалуй, по уровню старик принадлежал к Старшим. Но опять, опять: Сатэ не монах!

Куда ведет их этот таинственный старик? Первый-в-храме велел избранникам повиноваться ему так, словно он сам Каома.

С шумом и руганью в таверну вошли трое горожан; Даан отвлекся от своих мыслей.

— Эй, хозяин! Накорми нас, да поживее!

Проклятия так и сыпались из уст этих троих. Они ругали все: жизнь, смерть, погоду, дорогу, попутчиков, встречных, харчевню, ее посетителей, хозяина, его стряпню...

Монахи, мысленно воззвав к тому, кто Выше, продолжали обед. Однако от буйных незнакомцев это их не спасло.

— Эй, старик! — сказал вдруг один из них, высокий и плечистый. — Мне кажется, что я тебя знаю!

Сатэ смиренно опустил взор, не сказав ни слова.

— Точно! — Смирение старика подогрело вошедшего. — Ты должен мне пять монет, провалиться и не жить!

— Уважаемый, я впервые вас вижу и никогда в жизни не занимал ни у кого денег.

Спутники высокого засмеялись.

— Ты проиграл мне эти деньги в маджонг, старик! Ну, выкладывай долг, или я оборву твои седые усы!

Сатэ терпеливо изрек:

— Я не играю в маджонг, уважаемый. Только в го, но не на деньги.

Высокий презрительно сплюнул на пол.

— Ты смеешь перечить мне, дохлая медуза? По-твоему, я лжец?

Высокий лениво протянул руку, взял Сатэ за шиворот и поставил перед собой. На недостаток силы он, понятно, не жаловался.

— Это тебе для памяти, — сказал он и ударил Сатэ. Вернее, хотел ударить.

Старик неуловимо для глаза отклонился, и высокий лишь зачерпнул рукой пахнувший специями воздух таверны.

Разозленный неудачей горожанин провел серию быстрых ударов, но Сатэ без труда отбил их одной рукой.

— Ступайте своей дорогой, добрые люди, и не мешайте нам идти своей, — тихо сказал Сатэ.

Однако высокий не собирался отступить. Теперь он пустил в ход ноги.

«Старший не станет сражаться в нашем присутствии, — подумал Даан. — Вмешаться?»

Но его опередил Юл Ю. В мгновение ока он возник между Сатэ и высоким.

Блок, блок, увертка, блок, выпад, блок, захват, удар!

Высокий безжизненно рухнул на дощатый пол. Два его товарища вскочили и, недобро глядя на Юла и Сатэ, сделали шаг вперед. В руках их тускло заблестели ножи, тупые, как кора акации.

— Прошу вас, не делайте этого! — заголосил в углу хозяин.

Юл не двигался; Сатэ же вернулся к столу и сел на свое место. Даан хотел прийти на помощь Юлу, однако старик поймал его за руку.

— Сядь!

Даан повиновался. Тем временем двое с ножами напали на Юла. Сталь со свистом рассекала воздух. Юл мягко уклонялся, приседал, подпрыгивал, вертелся на месте. Вот один из нападавших словно бы случайно наткнулся на кулак Юла и опрокинулся на спину; второй сердито прыгнул, взмахнув ножом, но захрипел, потеряв дыхание и выронив оружие. Юл Ю выбросил ногу назад, не глядя, жестко, по-южному, окончательно свалил первого и молча вернулся за стол.

Когда они покидали харчевню, один из троицы пришел в себя и приподнял голову.

Сатэ и его спутники уже вышли на улицу, лишь Рут Ма задержался в дверях.

— Постигайте ши-тао! — сказал он с издевкой и последовал за остальными.

4

Столица встретила путников пестрыми улицами, яркими одеждами горожан, сдержанным непрекращающимся гомоном. Утро выдалось солнечное, высоко в небе темными молниями метались стрижи.

Сатэ вел монахов вдоль вереницы лавок, аптек, вдоль приземистых домишек зажиточных горожан, вдоль утопающих в зелени домов знати — в ту часть Столицы, где было много постоянных дворов и комнат для приезжих. Сатэ шел, не глядя по сторонам, опутив голову, словно боялся, что его узнают.

Хозяин гостиницы поклонился Сатэ:

— Здравствуйте, уважаемый Ани! Вам комнату?

Сатэ поклонился в ответ:

— Да, Ло. До завтра. Мне и моим молодым друзьям. Мы были как раз к празднику.

Даан не особо удивился, когда хозяин назвал Сатэ другим именем. Им сказали — миссия держится в секрете. От всех, кроме Старших.

Несколько монет перекочевали от Сатэ к Ло; затем монахов проводили в комнаты.

Комнат было две. В каждой могли спать по четыре человека. Сатэ отозвал Юла, Даана и Сань Но и сказал, чтобы они расположились с ним; во второй остались братья Хито, Рут Ма и Лоот Зин.

После этого Сатэ ненадолго исчез. Хозяин Ло принес монахам прекрасного гиданского чая.

Сатэ вернулся в другой одежде, одежде нищего, из тех, что тысячами наводняют большие города, прося подаяния, а также втихомолку воруя все, что плохо лежит.

— Слушайте меня, избранники! Я — Сатэ-Старший, но мало кто видел меня в стенах монастыря, ибо я покинул его сорок семь лет назад. С тех пор я больше не монах, однако подчиняюсь тому, кто Выше, и Верховному Настоятелю, Первому-в-храме. Наш по-

ход в Столицу — лишь первый шаг на пути, который ждет одного из вас. Когда посланцы Южного монастыря войдут в нашу обитель, из вас семерых выберут наиболее достойного — вы знаете об этом. Зачем — поймете в свое время. А сейчас мы должны отыскать в городе одного человека.

Зовут его Матурана. Да, он чужеземец с Архипелага. Однако он связан с нами одной нитью, ибо тоже служит Каоме, да будет благословенно имя его!

Монахи привычно склонили головы. Сатэ продолжал:

— Он ваш ровесник. Найти его нетрудно, но клан Орла пытается опередить нас. Наша цель — незаметно увести его из Столицы в монастырь.

Теперь же отдохнем, ибо завтра нам многое предстоит...

Монахи удивленно моргнули: Сатэ вдруг перешел на язык жестов, один из тщательно оберегаемых секретов монастыря.

«Тихо! У стен бывают уши, и надо позволить ушам уйти...»

Даан подавил желание улыбнуться: шорох за дверью он услышал давным-давно и дал знать Сатэ, но тот, не прерывая речи, показал, что и сам слышит.

Старик бесшумно переместился к маленькому окну. Молодежь загалдела, изображая непринужденную обстановку. Сатэ одобрительно кивнул.

Через некоторое время из дверей внизу выскользнул низенький человечек, пересек улицу и свернул за угол.

Сатэ знал, что там человечка ожидают двое людей из клана Орла.

Снова в ход пошел язык жестов.

Даан и Юл должны были пойти в точно такую же гостиницу, расположенную неподалеку, спросить заклинателя змей по имени Део и ожидать знака чужеземца — выброшенного в боковое окно панциря морской черепашки; дать ответ — особый поклон островитян Са — и уходить с чужеземцем в условленное место. Все предстояло сделать быстро и по возможности незаметно.

Братьям Хито выпало идти с Сатэ слоняться по городу и водить за собой соглядатаев-Орлов, скучающих сейчас под окнами.

Руту Ма и Лооту Зин Старший приказал побродить по округе и ввязаться в возможно большее число драк и ссор, нередко случающихся на улицах, но ни в коем случае никого не убивать и не калечить, а также уберечься от солдат императора и Надзора.

Рут и Лоот немало удивились: вмешиваться в драки монахам запрещалось тысячелетним кодексом. Запрещалось вообще применять ши-тао без крайней необходимости. Но Верховный приказал слушаться Сатэ, будто это сам Каома.

Сань Но должен был незаметно следовать за Дааном и Юлом, держаться в стороне и ни в коем случае ни во что не вмешиваться. При любом исходе Сань Но обязан узнать, что стало с Матураной и где его найти. Еще Сатэ посоветовал не удивляться, если Сань увидит поблизости от себя совершенно седого человека в одеждах лекаря, который будет идти следом за Дааном и Юлом, — это друг.

Встречу назначили на южной окраине, у Двух Дорог. На закате. Сатэ подробно объяснил, как туда попасть; руки его так и мелькали.

Первыми комнаты покинули Рут и Лоот. Вполголоса переговариваясь, они пошли влево по улице. Один из соглядатаев ненавязчиво двинулся следом; остальные скрылись.

Настала очередь Сатэ и братьев Хито. За ними увязались все Орлы, кроме одного.

В это же время Даан и Юл, а чуть позже и Сань Но выбрались через окно крытой галереи на крышу соседнего дома, спустились во двор и, немного поплутав по переулкам, направились к указанной гостинице.

Минут через пять хозяин Ло задернул занавеси в комнате Сатэ. Оставшийся соглядатая спрятался в тени дома напротив, немного поглазел на круглые окна и уселся прямо на траву, привалившись спиной к теплым оструганным доскам.

5

На площади толпился народ. Трое бродячих артистов показывали свои трюки в центре живого кольца; зрители громко переговаривались, подбадривали их криками. Некоторые бросали на розовый булыжник мелкие монетки.

Рут с Лоотом долго главели на представление; «хвост» — высокий длинноволосый парень в цветастом халате — крутился неподалеку. Солнце неумолимо ползло к зениту. Сатэ велел им не спешить.

Часа два спустя артисты закончили представление, собрали монетки, поклонились и исчезли в своем фургончике. Зрители остались довольны, зрелище не обмануло их ожиданий.

Лоот, не поворачивая головы, приглядывал за Орлом. Монахов учили видеть все вокруг, двигая только глазами.

— Отвязаться бы от него... — шепнул он напарнику.

— Сатэ ничего не говорил...

— Значит, не запрещал!

В этот миг один из многих торговцев-лоточников истошно завопил:

— Держи вора!!!

Щуплый невымытый оборванец, прижимая к груди украденную брошь, кинулся наутек. Рут немедленно подставил ногу. Тут же нашлись добровольные ловцы-помощники; все скопом они навалились на покотившегося кубарем вора. Брошь отлетела в сторону, ее схватил кто-то из зевак. Лоточник, ругаясь, крича и вызывая к справедливости, пробирался меж галдящих горожан. Его толкнули в спину, лоток выпал из рук, грошовые украшения дождем посыпались под ноги. Началась форменная свалка, кто-то кого-то бил, со всех сторон слышались проклятия, стоны и ругань.

Монахи, ограничившись несколькими тумаками особенно ретивым драчунам, выбрались из толпы.

— Бежим!

На площади как раз показались солдаты Надзора в серых мундирах, вооруженные дубинками и пиками.

Они кинулись узкой улочкой, ведущей в сторону императорского дворца. В жаркий полуденный час горожане старались не покидать домов: пили чай на открытых верандах, переговаривались с соседями, выглядывая в раскрытые окна.

«Хвост» показался в конце улицы. Монахи спрятались в коротком тупичке, прижимаясь к шершавой каменной стене. Топот преследователя звучал все ближе.

— Эй, что вам здесь нужно, бродяги?

Позади, у массивной, окованной железом двери стоял рослый горец-велш. Рут выразительно приложил палец к губам, но тот не желал успокаиваться.

— Проваливайте! — Горец злился, а это не предвещало ничего хорошего.

Дверь медленно отворилась, в проеме показалась молодая девушка. Голос ее был подобен журчанию горного ручья:

— В чем дело, Ман?

Золотых и серебряных украшений, сверкающих в свете дня драгоценных камней и жемчужин на ней было больше, чем звезд на летнем небе.

Ман ответить не успел: показался «хвост». Лоот, который стоял к Орлу ближе, не теряя ни секунды, напал на него.

Горец, мгновение поколебавшись, сжал в руке короткую палку и шагнул к Руту. Вдулись твердые, как дерево, мышцы. Монах стоял у него на пути и отступать не собирался.

Лоот наносил удары, уворачивался, отклонялся, прыгал; двигался он как мог быстро. Однако соглядатай оказался неплохим бойцом: выстроил грамотную защиту и тронуть себя не позволил. Он действительно был Орлом: пальцы его рук застыли согнутыми на манер когтей гордой птицы, прыжки были высоки, держался он прямо, не припадая к земле, как Змея или Леопард, но и не вытягиваясь в струну, как это делал бы Журавль. Лоот же придерживался классического стиля монахов Севера: кулаки сжаты, стойка полувысокая, удары в основном тычковые, а не рубящие.

Рут стал в оборонительную позицию, но первый же удар здоровяка-горца швырнул его на камни. Ман, конечно же, не новичок. Не зря он служил привратником, а заодно и телохранителем богатой горожанки. Палка глухо ударилась о гранит, но Рут проворно откатился в сторону.

— Послушайте, уважаемый! — скороговоркой выпалил он. — Мы не воры и не бродяги, не бейте нас, пожалуйста!

Горец еще раз ударил палкой и вновь промахнулся.

У Лоота дела шли получше: найдя слабину в обороне Орла, он методично развивал успех. Обойдя блок, сбил противнику дыхание неуловимым ударом из арсенала Старших и отправил беседовать с духами — минут на десять.

— Уходим, Рут! — сказал он, оборачиваясь.

Ловким финтом Рут ускользнул от палицы Мана, и монахи поспешили прочь.

Горец и девушка-хозяйка некоторое время глядели им вслед.

— Что делать с ним, госпожа? — указал Ман на неподвижного Орла.

— Он жив?

— Сейчас посмотрю...

6

После долго кружения по окрестным кварталам Даан и Юл добрались до указанной Сатэ гостиницы, соблюдая по дороге все меры предосторожности. Добрались без приключений. Слежки за собой они не заметили, лишь седой, как хребты Сао-Зу, незнакомец в желтом плаще императорского лекаря дважды попался навстречу, да иногда, оборачиваясь, видели вдалеке Сань Но, занятого чем-то посторонним: разговорами с лавочниками, ругней с разносчиком рыбы, разглядыванием девушек...

Все окна гостиницы были плотно занавешены; привратник отсутствовал, хотя двери остались полуоткрытыми.

В полутьме, царящей за дверью, слышалось размеренное дыхание спящего служителя.

— Эй, хозяин!

Спящий перестал сопеть и без излишней суетливости вежливо осведомился:

— Чем могу служить? Свободных комнат нет и не будет.

— Здесь ли живет заклинатель змей Део? Скажи, что друзья ждут его на улице, — сказал Даан со свистящим придыханием, характерным для солнцепоклонников юго-запада. — Мы не выносим тьмы.

Даан и Юл вышли наружу, не дожидаясь ответа хозяина. Да, впрочем, он и не ответил.

Перед домом Даан стал, как учил Сатэ, и внимательно приоткрылся к каждому из окон. Юл отошел в сторону, наблюдая, не проявляет ли кто излишнего любопытства. Вдалеке маячил желтый плащ, но это не в счет...

Спустя несколько минут штора в крайнем слева окне слабо шевельнулась и в уличную пыль шлепнулся небольшой, с орех-цу, панцирь морской черепашки. Два чужих непонятных иероглифа украшали выпуклые пластины.

Даан поклонился, приложив руку ко лбу, а потом к сердцу; отступил на восток и неторопливо пошел прочь. Юл последовал за ним.

Вскоре их догнал стройный юноша-островитянин, хрупкий, словно девушка. Сатэ сказал, что он ровесник «лохматых», но выглядел он много моложе двадцати четырех лет. Одежда и прическа ничем не отличались от общепринятых в стране Гор и Солнца.

— Здравствуйте! — негромко сказал чужеземец. — Я — Матурана.

Говорил он чисто, без малейшего акцента.

Даан не любил слабаков. А Матурана выглядел именно слабаком. Мозолей на кулаках нет, мышцы не выделяются, а значит, о ши-тао он не имеет ни малейшего представления.

Вздохнув, Даан вполголоса поздоровался, не сумев скрыть недовольства. Юл остался равнодушным.

Окраинами долго пробирались к Двум Дорогам, избегая людных площадей, опуская взгляд перед редкими прохожими. Лекарь и Сань Но «вели» их, прикрывая спереди и сзади. Солнце успело сползти к самому горизонту и покраснеть. Даан подумал, что Столица — очень большой город, гораздо больше, нежели он ожидал.

Туда же, еще ничего не ведая друг о друге, спешили и остальные: Рут Ма и Лоот Зин, сумевшие избавиться от слезки и до самого вечера толкавшиеся на празднике, Сатэ с братьями Хито, которым пришлось втроем отбиваться от семерых Орлов, а потом долго прятаться от солдат и беспощадного Надзора в припортовых кварталах.

Когда они встретились в условленном месте, выяснилось, что седовласый лекарь бесследно растворился в сгущающейся полутьме. Их стало девять: семеро избранников, Сатэ да юноша-островитянин.

А Орлы, оставшись ни с чем, зашлись, наверное, злобным клекотом.

Глава вторая

1

Шли всю ночь. Столица осталась за спинами, расцветенная буйными огнями праздничного фейерверка. Пошли по правой дороге, потом перебрались на левую, спрятав следы на дне придорожного ручья. Сатэ перекинулся с Матураной несколькими фразами, но никто из монахов не знал языка Архипелага, поэтому смысл сказанного остался неясен. Островитянин шел легко, дышал размеренно, хотя все избранники решили, что скоро он станет жаловаться на усталость. Ничуть не бывало: тот шагал и шагал

следом за Сатэ, поступь его оставалась такой же воздушной и пружинистой, как шаг тонконогой лани.

К утру устроили себе отдых в густых зарослях малины: по дорогам вполне могли шастать лазутчики Орлов. Сатэ надеялся, что следы достаточно запутаны, однако вдвойне осторожный вернее достигнет цели, чем единожды беспечный. Им же ничего не оставалось, кроме как достигнуть цели; в противном случае... Но об этом лучше не думать.

Рассвет застиг посланников Каома спящими; лишь Сатэ бодрствовал, искоса наблюдая за дорогой.

2

Гут Фо, глава клана Орла, гневно сжал кулаки.

— Что значит — исчезли? Вы Орлы или слепые мыши, годные только на корм дряхлым кошкам? Найти! Обшарить все дороги, весь лес к северу от Столицы! Не отыщете — что же... Вы знаете наш закон: оступившийся достоин лишь смерти.

Трое, стоящие перед Гутом, вздрогнули. Гут не шутил.

— Мы найдем их, господин...

— Надеюсь!

Приспешники Гута, низко кланяясь, вышли. Глава Орлов, мужчина лет сорока, высокий и крепкий, с длинными тонкими пальцами на мускулистых руках, длинной, черной как смоль косой, умным волевым лицом с глазами-щелочками, одетый в богатый халат без рукавов, штаны-баты и мягкие тапочки, сидел в широком кресле работы столичных мастеров. Внешне он оставался спокойным, но в душе бушевал смерч. Чужак, владеющий тайной, исчез так стремительно, что олухи-слуги ничего не заметили. Око Каома почти уже попало к нему в руки — и вот такая незадача.

Однако на этом неприятности не закончились. Вошел Той, правая рука и один из лучших учителей клана Орла. Вид он имел крайне озабоченный.

— Плохие новости, господин. Змея еще жива и подняла голову.

Гут вскочил. Невероятно! Больше семи лет он полагал, что клан Змеи уничтожен навсегда, последние учителя выслежены и убиты им, Тоем и еще двумя лучшими из Орлов, многовековому соперничеству пришел конец и клан Орла стал самым сильным и сплоченным. И вот...

— Говори!

— Трое моих лазутчиков нашли на юго-западных склонах Фын-Бая старую хижину. Вокруг много приспособлений для тренировок, почти все говорят о стиле Змеи. Парень, живущий там, уверяет, что поселился недавно и не понимает их предназначения. Его пытались схватить; сначала он использовал всеобщую технику ши-тао; потом, когда его прижали к скале, технику Змеи. Судя по словам уцелевшего — технику высочайшего уровня. Я ему верю: остальные двое убиты.

— Значит, один из учителей Змеи ускользнул тогда, в год Лошади. И воспитал ученика. Но где он сам?

Той развел руками:

— Похоже, ученик долгое время живет в хижине один. Не меньше года. Почему-то они с учителем расстались.

Гут хмурил брови. О Небо, все разом! Определенно, все ополчились на него.

— Займись этим, Той. Змея должна умереть. Вырви ей жало.

Той понимающе кивнул:

— Она умрет, господин.

В глазах его горела ненависть, холодная, как зима высоко в горах, а пальцы сами собой согнулись лапой орла, птицы отважной и беспощадной.

Гут снова остался один. Что еще принесет ему этот на редкость неудачный день?

3

Тин Пи по прозвищу Ихо, что значит «змея», шагал в сторону Столицы. Все его вещи умещались в маленькой котомке, подвешенной к гладкому посоху. В мелкой пыли оставались четкие следы, отмечая его путь.

Итак, все, о чем говорил Учитель, сбылось. Клан Орла выследил их. По крайней мере его, Ихо.

Давняя вражда кланов была ему непонятна. Он с детства пытался научиться ши-тао, но немногого достиг к двенадцати годам. Всеобщая техника ни для кого в стране не являлась секретом, и достигнуть тут особых высот было трудно. Платить за тренировки в школе Ихо не мог — не хватило бы денег. Да и пришлось бы

переселяться в какой-нибудь большой город, что без денег опять же не удалось бы. Так и сидел он в своей деревне, пока невесть откуда не появился странного вида старик. Низкий, сутулый, в выцветшем синем балахоне, весь увешанный какими-то сумочками на ремнях, глиняными горшочками... Ихю не отказал ему в крове и скудной крестьянской пище. Старик, разделив с ним ужин, сразу же смастерил себе ложе: воткнул в земляной пол родительской хижины две палки, натянул меж них веревку в палец толщиной, немедленно улегся на нее, словно на циновку, и преспокойно захрапел, сняв свои горшочки...

Мальчишка сразу зауважал гостя, еще не зная, что ему впервые с тех пор, как умерли отец с матерью, улыбнулась непостоянная Судьба.

Наутро старик первым делом спросил, откуда такое прозвище — «змея»? Тин объяснил, что умеет разговаривать со змеями. Тот попросил показать и вытряхнул из полотняной сумочки здоровущую болотную гадюку. В пору было удивиться — зачем старик таскает с собой эту смертельно опасную змею, но Ихю только плечами пожал: уговорить пеструю гостью заползти назад в сумку не составило больших трудов. Тогда старик задал второй вопрос: как насчет ши-тао?

Ихю показал все, на что способен.

— Плохо, — вздохнул старик. — Попробуй вот так.

И показал как. Рука его изогнулась, до странности напомнив вставшую на хвост змею, да и движения у старика стали какие-то ужасно текучие, змеиные. Ихю попробовал повторить, и, конечно же, ничего не получилось. Но старик что-то в нем разглядел.

В общем, через неделю он покинул родную деревню вместе со стариком, которого теперь предстояло звать Учителем. Они забрались высоко в горы, в такую глушь, что звери их совершенно перестали бояться. Старик учил Ихю одиннадцать лет, выжимая из подопечного все соки и порой заставляя себя ненавидеть. Результаты не замедлили сказаться: юноша быстро понял, что до сих пор, в сущности, ничего не умел. Упорства ему было не занимать, и он тренировался до умопомрачения, пока не опускались от усталости руки и не слипались глаза. Учителю же все казалось: ленится, мало работает. И гонял Ихю еще сильнее.

Однажды утром старик молча понаблюдал за разминкой своего ученика, немного «побеседовал» с ним в паре на зеленой лужайке у хижины, вздохнул и негромко сказал:

— Мне больше нечему тебя учить, парень. Остальное ты должен постичь сам, и тогда через много лет ты станешь великим бойцом. Если, конечно, будешь так же упорен, как в последние годы. Ступай. Помни: никогда и никому не говори, что знаешь технику Змеи. Используй ее лишь тогда, когда без этого останется только умереть. Прощай, Ихо. Ты был не самым плохим учеником.

Ихо вернулся в родную деревню, но там многое изменилось за одиннадцать лет, и понял, что его с ней уже почти ничего не связывает. Поскитавшись пару месяцев по округе, он вернулся к Учителю, но нашел хижину пустой, и пустовала она уже не первый день. Старик исчез и за полгода не объявился ни разу. Ихо остался в хижине, вспоминал Учителя и ждал, надеясь, что тот вернется.

Потом невесть откуда явились трое Орлов. Ихо всеми силами пытался избежать столкновения, но те оказались не в меру воинственно настроенными. И вдобавок неплохими бойцами. Всеобщего ши-тао, даже с поправкой на одиннадцать лет тренировок, не хватило. Когда не осталось выхода — применил стиль Змеи. Двоих уложил, но третий сумел ускользнуть.

Предстояло уйти отсюда — Ихо знал это. Клан Орла силен, как никогда, и везде у него найдутся глаза и уши. Лишь один враг ему пока не по зубам: монастыри Каома. Ихо собрался, постоял у хижины, вспоминая прошедшие годы, пролетевшие как один день, и двинулся на восток, в долину, навстречу рассвету и Судьбе.

4

Спустя четыре ночи монахи-северяне впервые в жизни ступили за ворота Южного монастыря. Здесь все было очень похоже на родную обитель и вместе с тем разительно отличалось.

Клан Орла зря шарил в Столице и прочесывал дороги: беглецы ушли от соглядатаев, не оставив ни единого следа.

Изнуренные длинными переходами, избранники проспали двое суток и большую часть третьих в гостевых таутах, поднимаясь только изредка. Сатэ пропадал в покоях Первого-в-храме. Матурана был единожды вызван к Верховным, после чего не расставался с избранниками Севера.

Южане относились к ним без вражды, но с заметной ревностью. Вековое соперничество монастырей впитывалось в кровь

каждого монаха, переступившего черту третьего круга. До этого что мощные атлетичные южане, что сухие да жилистые северяне были еще неумелыми и неуклюжими учениками без плащей. Слово Верховного оградило избранников Севера от нападков, однако оценивающие взгляды они ловили на себе даже во сне.

Словно во сне прошла и дорога из Южного монастыря в Северный. Орлы, конечно, следили за процессией, но у них достало благоразумия не показываться.

Лишь в стенах родного Храма Даан Геш позволил себе расслабиться. Знакомые лица Высших, улыбки братьев-наставников, кутающихся в зеленые плащи, почтительные поклоны учеников... Напряжение последних двух недель постепенно проходило. Он даже потренировался пару дней.

А потом Верховные объявили о начале Турнира. Ситы и младшие монахи вылизали всю обитель до блеска. Главный таут украсили алыми и желтыми вымпелами с изображением Солнца и серебристыми — с полукружиями двух лун.

Ворсистые ковры устлали арену. Монахи-зрители расположились ближе к выходу; Верховные — Бин и Тао — на возвышении в глубине таута, рядом с возвышением — шестеро теней-Наставников Севера и трое приехавших южан.

По правую руку Верховных в ряд сидели семеро избранников Севера — Даан Геш, Юл Ю, Сань Но, Каат и Ао Хито, Рут Ма и Лоот Зин. Серебристые одежды Гор отливали холодным сиянием. Напротив них застыли в золотых одеждах семеро парней-южан.

Даан не знал их имен, не знал он и кто будет его первым соперником. И кто вторым, если, конечно, у него будет больше одного соперника...

Обряд. Древнее, как сами монастыри, слово. Раз в двадцать четыре года сходятся на Турнире по семь лучших бойцов, чтоб выявить двух сильнейших. Двух, а не одного. Почему? Последние события убедили Даана, что Турнир — лишь ступенька к чему-то более значительному, хотя до сих пор он воспринимал Турнир лишь как состязание, которое не дает победителям почти ничего, кроме почета да алой каймы на плаще.

Он настраивался на поединок. Бин и Тао сказали приветственное слово, зрители загалдели, предвкушая волнующее зрелище, и вот уже Цхэ-хаат вызывает на арену первую пару. Даан напрягся, но первым вызвали Сань Но.

Двое застыли друг против друга — золото и серебро, долина и горы, день и ночь, Солнце и луны...

Соперник выглядел повнушительнее Сань Но. Впрочем, с первых же секунд Даан отметил, что южанину недостает настоящей скорости. Южане вообще не любили скорость, уповая более на точность и мощь. Их статичные стойки казались странными, хотя и внушали определенный трепет.

Сань Но как истый северянин атаковал на предельной скорости; удар следовал за ударом. Южанин, застыв, парировал их едва заметными движениями кистей и колен. Вот и он нанес удар — резкий, исполненный гранитной сокрушительной мощи. Сань Но увернулся, пытаясь сбить соперника с ног нижним «хвостом дарка». Безуспешно: южанин стоял, как скала. Еще некоторое время избранники танцевали на арене, так и не сумев одолеть друг друга.

— Время! — сказал Цхэ, взмахнув полосатой лентой.

Следующим на ковер взошел Ао Хито. И снова ни один из сражавшихся не добился перевеса.

Не повезло Лооту Зин: под конец схватки он попался на ловкий маневр южанина, пропустил удар в грудь и рухнул на арену. Уходил он низко понурив голову под возмущенный ропот зрителей-северян и ликование трех десятков гостей-южан.

Зато Юл Ю тут же восстановил равновесие: его соперник даже уйти сам не смог, и его унесли ситы под восторженный рев болельщиков.

Руг Ма с трудом отбился от великолепного бойца-южанина по имени Су То, но время схватки выдержал до сигнала Цхэ с честью и ушел с гордо поднятой головой. Его приветствовали даже многочисленные южане из свиты Тао.

Каат Хито на равных завершил свой бой с самым высоким из южан. Страсти накалились.

Настал черед Даана. Его соперник, поводя плечами, вышел в центр арены. Был он невысок, коренаст и низколоб.

— Начинайте!

И снова золото против серебра, Север против Юга...

Крепыш, не раздумывая, атаковал: его удар пробил бы, наверное, винную бочку. Рука чуть-чуть завалилась влево. Даан зафиксировал это в памяти.

Удары сыпались на него один за другим, приходилось уклоняться, падать, вставать, садиться на шпагат, вновь вставать; отве-

тить пока не удавалось. Каждый раз крепыш уводил ударную руку (или ногу) немного влево, словно боялся, что Даан его зацепит встречным.

Не зря боялся: улучив момент, Даан рванулся в ближний, отвел руку южанина еще дальше влево, заблокировал удар колена коленом же, полуобернулся и...

Не ударил. Кулак его застыл у самого виска южанина.

— Стоп! — сказал Цхэ, и Даан увидел, как улыбается Бин, Первый-в-храме. Видит Каома, он сражался достойно!

Перед вторыми поединками осталось по пять избранников с каждой стороны. Перед третьими и последними — всего по два. У северян — Юл Ю и Даан, у южан — Су То и первый соперник Сань Но. Сам Сань Но покинул арену со слезами на глазах: он ни в чем не уступил перед этим высокому южанину, но Настоятели выбирают только двоих...

Последние две схватки увенчали турнир. Юл Ю и Су То долго вынуждали зрителей замирать и вскакивать с мест, а сигнал Цхэ застал их во встречных блоках. Даан, собранный и заведенный до предела, напротив, быстро и красиво разделался со своим оппонентом: пресек «ступню Каома» встречным ударом кулака и, пока ошеломленный южанин пытался сохранить равновесие и удержать горизонт, свалил его заурядным «хвостом дарка».

Опомнился Даан, лишь когда Цхэ повязал ему на шею полосатую ленту и велел стать на колени перед Верховными. Он скосил глаза: рядом с такой же лентой на шее преклонил колени Су То — южанин.

Все ясно. Они — победители. Что же, Су То — достойный боец, Даан уже жалел, что не сможет встретиться с ним на арене. Впрочем, время покажет.

А вот Юла жалко. Он ведь не проиграл, хотя и не победил. Кто знает, что случилось бы, если с Су То довелось бы встретиться ему, Даану?

5

Когда поздним вечером зрители удалились после остальных поединков, не имеющих отношения к избранникам и Обряду, унеся с собой шум, споры и веселье, в тауте остались только Верхов-

ные, тени-Настоятели из обоих монастырей, Даан и Су То, снова поставленные на колени, и Сатэ.

Встал Бин, Первый-в-храме Севера.

— Вы постигли многие тайны ши-тао, младшие. Вы оказались лучшими среди избранников-до. Но это не значит, что отныне вам предстоит жить за ладонью Каома. Нет: испытание только началось.

Даан и Су То еще долго показывали Высшим, на что способны. По команде они ломали каменные плиты, пробивали толстые доски, доставали в прыжке высоко висящие кувшины, сражались с Наставниками последнего круга, ходили с завязанными глазами по слабо натянутому шнуру, отвечали на тысячи вопросов...

Даан видел, что ровесник-южанин делает все по-своему, немного иначе, чем северяне, но справляется не хуже.

Испытание закончилось далеко за полночь. Избранников отправили спать, так ничего толком и не объяснив.

— Они вполне достойны, брат Бин! — удовлетворенно сказал Тао-южанин. — Ничуть не хуже тех парней, что побывали на их месте сорок восемь лет назад...

Бин усмехнулся. Он все помнил: тогда на этом же месте в этом же тауте стояли, преклонив колени перед тогдашними Верховными, они с Тао, и легкий ветер, врывающийся в таут, шевелил свищающие с шей полосатые ленты победителей.

Сатэ-хранитель привел Матурану. Юноша приветствовал Настоятелей по обычаю монастырей. Его уже несколько раз выслушивали, но до сих пор не решили, какую роль сыграет он в исполнении Обряда.

Сатэ предлагал послать его с избранниками. Настоятели вежливо сомневались: надо ли? Хранитель отыскал в библиотеке старые записи, из которых явствовало, что много циклов назад островитянин (кстати, родившийся в год Тигра-воина) помогал монахам исполнить Обряд. Это вынудило Настоятелей задуматься и еще раз все взвесить. В конце концов решили подвергнуть испытанию и Матурану.

Бин хмурился. Не нравился ему Матурана. Хрупок, нежен, словно девушка. Мужчина должен быть сильным.

— Готов ли ты служить Каома, чужеземец?

— Да, Высший. Я служу ему всю свою недолгую жизнь.

Ритуальная татуировка паутинулась на его левом плече, это давно проверили. На островах Архипелага встречались общины,

поклоняющиеся Каоме, в монастырях прекрасно знали это. Изредка появлялись островитяне-паломники и всякий раз находили кров и пищу в обители монахов.

— Постигал ли ты ши-тао?

— Нет, Высший, это ваше искусство, и нам оно неведомо.

И это было правдой. Архипелаг воспитал свое учение и свои стили единоборств. Но ведь любой стиль требует силы и тренировки. А что Матурана? Ни одной рельефной мышцы.

— Как же ты защитишь себя в трудную минуту?

Островитянин прижал ладонь к груди:

— Над всем властен Каома, и если ему угодно будет сохранить мою ничтожную жизнь, я останусь невредим.

— Каома любит сильных.

Матурана покорно склонил голову.

— Докажи, чужеземец, свою силу. Видишь эту черепицу? Разбей ее.

Юноша поднял на Бина твердый на удивление взгляд.

— Я не умею разбивать камни, Высший. Разве это поможет справиться с недругами?

Бин поморщился. Такой попутчик будет избранникам только обузой.

— Хорошо. Тогда попробуй защититься от человека. Брат Фын!

Один из теней-Настоятелей, невысокий монах, глава кона меча, встал и поклонился Верховным. Но Матурана виновато отступил.

— Мне нельзя сражаться, Высшие, если нет угрозы жизни. Учитель говорил о любви ко всем, в том числе и к врагу, а не о ненависти. Он запрещал пускать в ход силу.

На Архипелаге Учителем звали главу общины.

— Оставим это, брат Бин, — подал голос безмолвствовавший Тао-южанин.

«Чужак совсем не так прост, как пытается показаться. Может быть, он слаб телом, но наверняка силен духом».

— Он умен и смекалист; думаю, избранники сумеют защитить его в случае нужды. А нет — пусть пеняет на себя и своего Учителя. Пусть идет!

Бин поразмыслил.

— Ладно, брат Тао! Пусть. Ступай, чужеземец! Ты пойдешь с избранниками. Сатэ очень хвалил тебя, так не подведи же его!

Сатэ вздохнул с облегчением. Последний козырь не понадобился, Матурану допустили к Обряду и так.

Хранитель не хотел без нужды раскрывать истинную сущность островитянина даже Первым-в-храме. Удивительно еще, как монахи не обратили внимания на главную татуировку, что украшала левое предплечье.

Матурана поклонился и покинул таут. Несколько минут все Настоятели молчали.

— До рассвета, братья. Завтрашний день станет первым днем Обряда. Воззовем к Каоме, дабы хранил он наших посланников.

Все на несколько мгновений склонились и направились к выходу.

— Сатэ! — окликнул Бин. — Подобрал ли ты себе нового Хранителя?

Старик обернулся.

— Да, Высший. Мне нужен Юл Ю.

Бин кивнул и проворчал:

— Зачем ты называешь меня Высшим?

Собственно, он и не сомневался в выборе Сатэ. Сорок восемь лет назад в последних схватках Турнира Сатэ сошелся с Тао, и никто не уступил в том поединке. А Бин сумел одолеть бойца-южанина, ныне — Хранителя Седьмого Места. Выбрали тогда Бина как победителя и, конечно же, Тао. А ведь случись все наоборот, будь соперником Бина Тао, а не второй южанин... Сатэ бы с ним тоже справился... Кто знает, не стоял бы сейчас Сатэ в плаще Первого-в-храме, а Бин не был бы Хранителем? Кто знает, кроме Каома?

Бин не возразил:

— Юл Ю твой, Сатэ-Хранитель.

Тот отвесил благодарственный поклон, воздал хвалу тому, кто Выше, и удалился.

Ночь вползала в таут: Цхэ гасил светильники.

Даан, Су То и Матурана покинули монастырь на рассвете. Верховные в последнем напутствии сказали две вещи: надеяться только на себя и не пренебрегать случайностями.

Теперь они могли положиться лишь на собственные силы. Не-выполненный Обряд означал все, что угодно, вплоть до конца Мира. Впервые ощутив на своих плечах такую ответственность, посланники надолго погрузились в размышления. Их путь лежал на северо-запад, в горы, к южным склонам Фын-Бая.

Монастырь растаял в неверной дымке высокогорья. Можно забыть о его существовании, пока Око Каома не будет доставлено в Первое Место, в долину Утан.

Когда не подозревающих ничего худого Орлов настигла мучительная и неотвратимая смерть оттого, что они коснулись Ока, Матурана-пленник перепилил пути о выступ камня и оставил тайное убежище враждебного клана, прижимая к груди котомку со святыней. Он, рожденный в год Тигра-воина, мог без вреда ненадолго прикоснуться к ней, но лишь весной и лишь в год Тигра-воина, в год Обряда, когда могучая пульсация божественных сил пригасала и Око готовилось к смене Места. Око не могло долго существовать вне одного из Мест — слишком многие силы перекрещивались на нем, чтобы Мир уцелел. Давным-давно хранители отыскивали такие точки, где необузданная мощь Каома нейтрализовалась энергией всего Мира. Но недолго: всего двадцать четыре года. По истечении этого срока Месту необходим долгий отдых, чтобы вновь накопить энергию Мира. В чем и состояла суть Обряда — удерживать в равновесии небесные и земные силы, дабы человеческий род имел где жить, воздавая хвалу тому, кто Выше, глядящему единственным Оком, что навсегда осталось внизу, среди людей.

К концу двадцать четвертого года, к весне все того же года Тигра-воина, Место так выдыхалось и слабело, что даже присмиревшее Око выплескивало наружу потоки своей мощи. Землетрясения и бури становились особенно сильными и свирепыми и случались в эту пору гораздо чаще, чем обычно.

Сейчас же Орлы утащили Око из двенадцатого Места на склонах Фын-Бая. Матурана спрятал его, но ничем не сдерживаемая сила святыни с каждым днем все сильнее сотрясала горы. Бураны и снегопады бушевали на отрогах Сао-Зу. У посланников оставалось совсем мало времени.

В первый день они перевалили через отрог Пе. Огромный диск заходящего Солнца висел над горами, словно перезревший плод южных деревьев. Сытный ужин и крепкий сон восстановили молодые силы, и, когда Солнце нехотя выползло из-за пиков на вос-

токе, все трое были готовы к новому переходу. В первый день посланники не разговаривали друг с другом, погруженные в собственные мысли. С утра пришли новые, прогнавшие озабоченность. В конце концов они не мальчики. Монахи пятого круга, и если им доверена такая миссия, значит, она им по плечу.

Молчание нарушил Су То — южанин:

— Эй, чужеземец, только ты знаешь, где спрятано Око. Мне кажется, что это несправедливо. Тебя направили с нами, а не нас с тобой. Все решать должны мы с Дааном.

Матурана, весь вчерашний день прошагавший в двух шагах впереди монахов, так что тем волей-неволей приходилось следовать избранному им пути, согласно кивнул:

— Я и не думал оспаривать ваше первенство. Но как я расскажу вам о тайнике? Для этого нужно прийти на место. Знаете озеро Десяти Гротов?

Даан знал, хотя ни разу не видел его и не приближался ближе, чем на недельный переход. Оно значилось на картах, издревле изучаемых монахами, одинокое горное озеро, походившее на пещинный гребень.

— В Гротах? — хмыкнул Су То. — Надежно. Сам-то хоть отыщешь его вновь?

Матурана всем видом показал, что на глупые вопросы отвечать не собирается; впрочем, Су То и не ждал ответа.

— Ладно, пошли, — проворчал Даан. — Но не вздумай хитрить, чужак.

В голосе его звенел вечный лед.

«Не наткнулись бы на Око Орлы, пока мы идем к озеру. Наверняка в тех местах шныряют десятки их лазутчиков», — подумал северянин. Он не ошибался: лазутчиков хватало и здесь. За троеццей именно в этот момент наблюдали две пары любопытных глаз. С двух сторон...

Посланники спускались в узкое ущелье за отрогом Пе, укутанное плотной утренней тенью. Внизу, параллельно отрогу, тянулась старая тропа. Если, выйдя из каменных врат ущелья, свернуть влево, то тропа спустя день-другой (смотря как быстро идти) сольется с Северо-западным трактом, ведущим в Столицу. Если же свернуть вправо и следовать тропе, она взберется высоко на южный склон Фын-Бая. Туда и стремились монахи с чужаком-островитянином. Озеро Десяти Гротов лизало свое скалистое ложе, зажатое в узкой котловине на полпути к снегам.

Матурана снова очутился на шаг или два впереди Даана и Су То, но Даану с самого начала было все равно, где тот идет, а Су То на этот раз не высказывал недовольства.

Матурана, уныло уставившись в дорожную пыль, вдруг тихо предупредил, не отрывая глаз от земли:

— Справа выше по склону кто-то есть. Только не поворачивайте головы, пусть думает, что мы его не видим...

Даан скосил глаза, насколько это было возможно, но никого не разглядел.

— Ты уверен?

— Я заметил, как он перебежал от камня к камню. Прячется, значит, что-то замышляет.

В словах Матураны имелся известный резон.

Подавал голос Су То:

— Да и слева какой-то человек... Даже не прячется. Стоит, смотрит.

Матурана замер, Даан и Су — тоже. Человек слева остался недвижим, а тот, что справа, неожиданно вынырнул из-за скалы шагах в семидесяти выше по склону. Уверенно прыгая по камням, он приблизился.

— Куда шагаете, путники? — осведомился он тоном человека, который имеет право спрашивать.

— В Шатан, город за Фын-Баем, — твердо ответил Даан. На самом деле их цель лежала неизмеримо ближе.

— Что же ведет вас туда? — Незнакомец был не в меру любопытен.

— Дорога, — ушел от ответа Даан. — А тебя что вынуждает расспрашивать мирных путников?

— Любознательность, — парировал незнакомец. — Вы монахи? Даан и Су То переглянулись; губы их тронула усмешка.

— Монахи вроде бы бреют головы. Или я не прав? — спросил Даан.

Незнакомец тоже усмехнулся, но как-то недобро. Потом процедил сквозь редкие зубы:

— Не всегда... Бывают исключения...

Даан пожал плечами. Незнакомец начал ему надоедать. Наверное, это человек из клана Орла. А их Высшие велели остерегаться. Даан размышлял, как от Орла поделикатнее отделаться, но вдруг тот впился взглядом куда-то за спины путников, издал не-

внятное восклицание, опрометью пересек дорогу и устремился вниз по склону, опережая даже потревоженные им же камни.

Все оглянулись — вдалеке кто-то, вооруженный шестом, сражался со вторым соглядатаем. Прежде чем успел вмешаться недавний собеседник, человек с шестом уложил противника на камни, подхватил котомку и был таков. Скоро он скрылся в зарослях, покрывающих склон ниже дороги.

Монахи снова переглянулись и продолжили путь. Теперь Матурана шагал немного позади них.

7

Наутро после Турнира, когда двое избранников и их добровольный помощник покинули монастырь, Сатэ нашел в дальнем тауте Юла. Тот был мрачен, словно безлунная ночь. Старик молча сел рядом с ним.

Солнце успело заметно подняться, прежде чем он заговорил:

— Сорок восемь лет назад я провел три поединка на Турнире. Дважды я одолел соперников-южан, третьего — не сумел. Но и он меня не одолел. Знаешь, кто это был?

Юл Ю впервые взглянул на Сатэ.

— Кто?

Старик вздохнул:

— Тао, Первый-в-храме Юга. Поэтому полосатая лента так и не обвила мою шею.

— Она досталась Бину, Первому-в-храме Севера, не так ли?

— Ты догадлив, Юл.

Глубокий вздох прозвучал в повисшей тишине.

— Я так надеялся исполнить Обряд! До последней минуты.

Голос Юла наполнился горечью.

— За этим я и пришел, — невозмутимо изрек Сатэ. — Слишком это важное дело, чтобы поручить лишь двоим. Или троим, как случилось на этот раз и как случалось раньше.

Юл вскинулся, словно испугнутый олень. Сатэ продолжал:

— Почему, как ты считаешь, с Дааном и Су То отправили чужеземца, а не тебя, скажем? Ведь ты, по мнению Высших, стоишь большего, нежели чужеземец.

Юл молча внимал, жадно, как изголодавшийся путник, добравшийся до таверны.

— Собери всех до-безутешных. Южан тоже. Высшие ждут вас. Знайте: Обряд вершат многие люди, и у каждого своя, известная задолго до начала роль. Настал черед и вам узнать свои роли.

Сатэ встал и бесшумно покинул таут. Юл еще несколько секунд оставался недвижим. В эту секунду он понял, что значит «родиться заново». Хотелось вскочить и бегом броситься на поиски товарищей-неудачников. Но он неторопливо встал и так же неторопливо направился к выходу.

Глава третья

1

Деревня была захудалая, Даан даже назвал бы ее болезненной. Хотя и большая. Люди одеты в невообразимые лохмотья, в глазах нездоровый блеск. Су То презрительно оттопырил губу — в цветущих долинах юга не найти таких убогих лачуг и таких грязных улиц, хотя нельзя сказать, что абсолютно все живут там счастливо и богато. Даан только вздыхал: где-то в глубинах памяти шевельнулось воспоминание о такой же захудалой деревеньке, грязной улице и убогой лачуге, именуемой некогда домом. Лишь островитянин остался невозмутим.

Довольно быстро удалось договориться о пище. Правда, хозяева ничего, кроме рисовых шариков и воды, не смогли предложить, но монахи не из тех, кто привередничает. Медная монета повергла крестьян в немое изумление; путники тут же поспешили убраться. Чувствовался в воздухе какой-то скрытый подвох.

Чутье не подвело: едва вышли на улицу, вспугивая облезлых кур, их окликнули.

Пятеро. Неторопливо ступая, стали полукругом. Четверо невысокие и кряжистые, видимо, из местных, пятый — стройный парень в халате с вышитыми орлами на полах. От него за много шагов веяло Столицей.

— Спешим, слуги Каома?

Говорил высокий. Понятно, главарь.

— Тебе-то что? — процедил Су То как мог неприветливо. Он готов был взорваться.

Даан предупредительно опустил ладонь ему на плечо: не нарывайся, мол! Су То насупился.

Матурана тем временем отступил на несколько шагов в сторону и сделал вид, что происходящее его не касается.

Высокий медлил с ответом, криво улыбаясь в жиденькие усы.

— Злимся, монахи...

Су То нетерпеливо шагнул вперед, но на пути у него моментально выросли двое кряжистых. Один тотчас же оказался в дорожной пыли, ибо южанин шутить не собирался; второй усердно пытался достать Су То.

Краем глаза Даан заметил, что двое оставшихся без дела потихоньку приближаются к Матуране и тот в ужасе пятится.

«Надо выручать», — решил Даан и метнулся туда, но путь ему преградил высокий, приняв боевую стойку Орла.

Даан, не раздумывая, вступил в поединок. С минуту слышалось только шлепанье ног в пыли да громкое дыхание. Ну, еще иногда глухой звук удара. Кряжистые оказались крепкими бойцами, но и только. Даан и Су-южанин же были монахами пятого круга. Высокий, пожалуй, равнялся им по мастерству, но монахов-то было двое...

Вскоре из Орла вышибли дух; из четверых местных дух вышибли еще раньше. Даан и Су То, довольные собой, переглянулись; Матурана, переминаясь с ноги на ногу, стоял поодаль.

Су То обратился к Даану:

— Выбрали же нам попутчика...

Презрения в его голосе было больше, чем снегов на склонах Сао-Зу.

Даан промолчал. Матурана не понравился ему с самого начала, но сейчас не время выяснять симпатии. Потом. Когда они исполнят Обряд.

— Надо уходить... — хрипло сказал островитянин. Наверное, сердце у него сейчас колотилось, словно он полдня без передышки бегал по горным тропинкам.

— Здесь могут еще оставаться Орлы... Они нас ждали, это же ясно...

Даан огляделся. Великий Каома! Он прав, этот слабак-чужеземец. Они-то с Су То упиваются собственной победой, забыв обо

всем, когда нужно спешить. Наверняка десятки глаз видели, что произошло на деревенской улице, и десятки уст готовы поведать это пытливым ушам.

Первый вывод: они раскрыли себя. Орлам известно, что Даан и Су — монахи. Скорее всего известно и то, зачем они здесь, в горах.

И второй: хоть Матурана и слабак, его, похоже, трудно сбить с толку. Посему он ценен для их миссии. Даан не считал себя глупцом, но все больше склонялся к мысли, что в сообразительности и уме с Матураной ни ему, ни Су То нечего и тягаться.

Мудрые всегда знают, что делают. Поэтому островитянин и с ними. А оспаривать решения Высших молодым монахам пока еще рано.

Все это Даан прокрутил в голове на бегу. И собирался поделиться с выводами с Су, как только предоставится такая возможность.

Деревня осталась далеко позади, погони вроде бы не намечалось. По крайней мере немедленно. Бегущие перешли на шаг.

Матурана дышал теперь более спокойно и ровно, чем тогда, сразу после драки. Даан нашел это весьма странным и объяснить не сумел.

От озера Десяти Гротов путников отделял всего день ходьбы.

Они часто оглядывались, ожидая появления погони, путали следы, свернув с дороги в заросли молодых сосен, но ни в этот день, ни в следующий Орлы так и не вышли из злополучной деревни. Хотя их там насчитывалось больше десятка — сильных и умелых бойцов, верных слуг главы клана — Гута Фо. И заданием их было как раз схватить монахов и чужеземца.

Но на то имелись свои причины.

2

Той стоял перед господином навтыжку, содрогаясь в душе. Да и как не содрогаться? Новости, которые предстояло сообщить Гуту Фо, приятными никак не назовешь.

Монахи-посланники и чужак-островитянин улизили, поколотив Хти-ястреба и его болванов-учеников, а остальных, ожидавших в деревне, вообще непонятно кто поколотил. Известно толь-

ко, что нападавших было много и что исчезли они так же внезапно, как и появились. И ведь пострадали далеко не худшие из бойцов клана!

Вдобавок мальчишка, владеющий стилем Змеи, одолел еще одного Орла, да так убедительно, что тот долго будет отлеживаться. Правда, Змея использовала шест... Но разве это оправдание для хорошего бойца?

Той набрал в легкие побольше воздуха и принялся рассказывать господину невеселые новости. Схожее ощущение Той испытывал дважды в жизни: когда ринулся головой вниз со скалы в холодные воды По-Тхоя и когда столкнулся в джунглях юго-запада со взрослым тигром. Нос к носу.

Предыдущие два раза ему посчастливилось выжить.

Повезло ему и сегодня. Наверняка Гут Фо гневался, но на спокойном лице его не отразилось ничего. Впрочем, не зря он стал главой самого могущественного клана — без великолепного владения собой это никак не удалось бы. Боец такого класса просто обязан прекрасно владеть собой.

Гут Фо задумался. Случайно ли нападение на пост в деревне? Неясно. Впрочем, по-любому лучше выждать, а когда монахи и их спутник с Архипелага возьмут Око из тайника, вот тут и навалиться достаточными силами... Похоже, что десяток олухов, даже хорошо овладевших ши-тао в стиле Орла, — силы недостаточные. Надо еще и голову иметь на плечах.

Кстати: Око, похоже, убивает неосторожных. Придется поручить нести его полным болванам, чтобы людей зря не терять.

Что до мальчишки-Змеи, Гут не сомневался: рано или поздно попадетя. Он еще не в том возрасте, чтобы заводить учеников, а ветвь без боковых побегов легко перерубить с одного замаха.

Гут отдал распоряжения, и Той поспешно удалился из покоев господина. Стало легче, но ощущение ходьбы по краю пропасти долго не покидало его, второго в клане.

3

Ихо шел напрямую через лес, взбираясь на склон, не особо крутой, но и не тот, который назвали бы пологим. Иногда приходилось пользоваться и руками, упираться в плотную землю.

Лазутчики Орлов наводнили местность. Сначала Ихо решил, что это по его душу. Даже когда дежурившие у дороги Орлы пристали к трем случайным путникам (тогда он еще считал их случайными), не усомнился в том, что стал целью наиболее могущественного клана в Империи. Назло всем уложил зазевавшегося соглядата и хотел уходить на юго-восток, к дороге на Столицу.

Дальнейшее показало, что Орлы охотятся не только на него. Едва удалившись от места схватки с неосторожным стражем, Ихо почуял пробирающихся в стороне от дороги людей. Он не видел их: птицы подсказали, что кто-то движется, укрываясь в зарослях.

Ихо взглянул: оказалось, что обнаружил он одиннадцать человек в серых балахонах горцев-пилигримов. Шли они тихо и быстро, как заправские следопыты.

«Такие же пилигримы, как я — князь», — понял Ихо. Сам не зная зачем, двинулся следом.

Вскоре он обратил внимание на странную вещь: птицы, умолкавшие, когда «пилигримы» и Ихо проходили внизу, долго не подавали голос, даже когда вся компания удалялась на приличное расстояние. Только трещотки-цон предательски стрекотали где-то позади.

Ихо ушел в сторону и залег у корней вывороченной ели. Ждать пришлось совсем недолго, Ихо не успел бы и трубки выкурить, если бы курил. Мимо торопливо протрусили еще двое в балахонах, почему-то отставшие от основной группы.

На всякий случай Ихо выждал некоторое время, но теперь птицы там, откуда пришел он и остальные, вели себя совершенно спокойно, а две пестрые цон, перепархивая с дерева на дерево, сопровождали отставших «пилигримов».

Стараясь не шуметь по пустякам, Ихо двинулся за вереницей торопливых странников.

Потом произошло побоище в деревне — иным словом он не смог назвать события следующего часа. Орлам изрядно перепало, этому стоило порадоваться. Сначала троица, которую он прежде встречал на верхней дороге, разделалась с пятеркой под предводительством одного из Орлов — Ихо уже сталкивался с ним и знал, что зовут его Хти-ястреб. Впрочем, если быть точным, сражались только двое, но как сражались! Ихо затаил дыхание от восхищения. Третий, похожий на подростка, остался стоять в стороне. После этого троица в спешке покинула деревню, направив-

шись дальше на северо-запад. Оставшиеся Орлы явно намеревались броситься в погоню, но тут словно тени возникли горы-пилигримы...

Ихо стал сильным бойцом, поучившись стилю Змеи у старого мастера. Но он не мог поручиться, что сумеет одолеть любого из этих горцев. Оставалось только порадоваться, что его смертельные враги — Орлы — не вызывают симпатий и у незнакомцев. Хотя к Орлам трудно испытывать дружеские чувства. Вставшие на путь зла становятся всеобщими врагами.

Исчезли серые балахоны быстро и слаженно. Только что доби-вали растерянных соглядатаев и вдруг, повинувшись незаметному со стороны сигналу, стремительно отступили, растворились, как туман под Солнцем.

Ихо поразмыслил и уполз в заросли, так и оставшись незамеченным. Ничто в этом мире не держало его и не привязывало к какому-либо месту. Он решил последовать за троицей, ибо враги Орлов — друзья одинокой Змее.

Горцев-пилигримов Ихо больше не встречал. Зато на следующий день подслушал разговор двух Орлов-дозорных у глубокого ущелья. Именно здесь он впервые узнал об озере Десяти Гротов и о вещи, которую с трепетом в голосе называли «Око Каома». И что трое умельцев, рвущихся к озеру, — монахи. Желание встретиться с ними возросло, ведь Ихо знал, что в монастырях чтут боевые искусства и слуги Каома достигли немалых высот. А поучиться чему-нибудь новому в ши-тао он всегда был готов.

Чем выше поднимались в горы проскользнувшие мимо дозора путники, тем труднее становилось за ними следить. Сначала лес превратился в кустарник и заросли стланика, потом пошли луга, а вскоре вокруг громоздились лишь неприступные скалы да коварные осыпи.

Ихо решил сократить путь: знал одну неприметную тропу. Может быть, получится успеть к Гротам первым. Всегда ведь удобнее наблюдать за представлением, заранее заняв лучшие места.

Обогнув гранитную скалу, похожую на склонившегося медведя, Ихо остановился. Было тихо, только ветер пел в горах. Темной рисклой на фоне неба парил вдалеке беркут. Воздух, свежий и прохладный, как и всегда на высоте, полнил грудь пьянящей пронзительной волной.

«И чего меня вечно тянет в Столицу? — сам себе удивился Ихо. — Век бы жил здесь, на Фын-Бае...»

Отыскав чуть заметные впадины на скале, Ихо стал ловко карабкаться по отвесному камню, цепляясь за трещины, за малейшие неровности. Что-что, а взбираться по внешне гладким и неприступным стенам он прекрасно умел.

Прошло совсем немного времени, и он уже стоял на покато́й спине «медведя». Отсюда начиналась секретная тропа, уводившая в узкую и неглубокую расщелину. Ихо бросил последний взгляд со скалы: мир, позолоченный закатным Солнцем, расстилался у самых ног, и он на мгновение ощутил себя властелином Мира.

Малую луну уже можно было разглядеть; пройдет около часа, и взойдет большая — желтая и ноздреватая, словно ломоть сыра, в отличие от малой, ослепительно белой, без малейшего пятнышка. Пока она еще виднелась тусклым серпиком, но едва сядет Солнце, она засияет и осветит мир, словно дивный фонарь Каома.

В горах темнеет быстро; Ихо, размеренно дыша, пробирался по расщелине. Скалы по бокам казались стенами причудливых замков. Каменное крошево, за долгие ленивые годы вылущенное с этих стен, негромко хрустело под ногами. Ихо шел в основном на ощупь — плотная тень застилала дорогу. Где-то далеко уныло пел сверчок, одинокий, как пиратский парусник в прибрежных водах. Здесь не водились цикады, неисчислимые на равнинах, — слишком высоко и прохладно.

Расщелина стала шире, стены разошлись, и Ихо оказался в обширной горной котловине. На противоположном ее краю зиял вход в пещеру, пронизывающую скалу насквозь, об этом рассказывал Учитель несколько лет назад. Преодолев путь под землей, можно было выйти прямо к озеру Десяти Гротов.

Стало совсем темно; малая луна ярко освещала небо над головой, но в котловине парил неверный и зыбкий полумрак. Ихо, ступая мягко и неслышно, пробирался ко входу в подземелье, где намеревался заночевать.

Размытые фигуры, шевелящиеся у входа, он заметил, лишь подойдя практически вплотную.

Сначала Ихо решил, что это горцы-пилигримы, узрев бесформенные одеяния. Но тут же понял, что ошибается: неизвестные кутались не в балахоны, а скорее в длинные плащи с невероятно узким капюшоном.

Ихо упал на землю и затаился, но зря — несколько сгорбленных фигур тут же возникли совсем рядом. Двигались они, мягко покачиваясь из стороны в сторону.

Секундой позже Ихо осознал, что это вообще не люди. По крайней мере люди не его расы.

Луна светила в спину, поэтому он мог разглядеть лица тех, кто застыл перед ним.

Кожа у них тускло поблескивала в неверном свете, носы и подбородки начисто отсутствовали, равно как и какая бы то ни было растительность. Глаза, лишенные век, круглые, как монеты, и взгляд, тяжкий, словно гранит. И вместе с тем лица острые, с покатыми лбами и резко очерченными скулами.

Ихо похолодел. Наги! Люди-змеи! Те, что хозяйничают под землей. Старинные предания рассказывали об этих странных существах, живших многие сотни лет под горами, но последние несколько веков никто о них не слышал. Ихо считал их такими же сказочными созданиями, как, скажем, драконов или великанов, и не мог даже предположить, что столкнется с ними наяву.

Ужас сковал его крепче, чем железные цепи.

Нагов было четверо. Плавно, словно влекомые ветром пушинки, они окружили его.

И тут Ихо внезапно ощутил себя сильным, как никогда. Пришли спокойствие и уверенность, а ужас он загнал внутрь себя и запер на огромный замок. Сдаваться просто так — ну уж нет, не на того напали!

И он стал Змеей. Гибкой, холодной, расчетливой. Руки обрели самостоятельную жизнь, и любого врага встретили бы ядовитое жало и стальные мускулы.

Но наги тоже во многом оставались змеями. А змея никогда не причинит вреда другой змее.

Фигуры в плащах вдруг расступились, освобождая путь; один наг сделал медленный, но понятный жест — проходи!

Ихо выпрямился. Наги пропускали его! Признали своим!

Что же, он не собирается ни с кем враждовать, тем более с теми, с кем и делить-то нечего... Им — тьма и мрачные подземелья, людям — Солнце и зовущий простор.

Поклонившись, он скользнул мимо согбленных фигур; один из нагов, тот самый, что подавал знак, мягко взял его за руку. Ихо напрягся, готовый защищаться, но тот всего лишь вложил ему в ладонь какую-то вещицу, прохладную, шершавую и текучую на ощупь. Рука у нага была чешуйчатая, сухая и холодная.

Снова поклонившись, Ихо зашагал прочь. У входа в подземелье встретились еще двое нагов; жестами они дали понять, что не

станут мешать человеку. Ихо торопливо миновал их. Ночевать в этом месте расхотелось, несмотря на подчеркнутое миролюбие нагов. Решил идти через тьму сколько удастся. Собрался зажечь факел, которых много заготовили местные люди еще в прошлом веке, — целый штабель смолистых веток, прошедших специальную пропитку, хранился прямо у входа в пещеру.

Когда Ихо разжал ладонь, подарок нагов засветился тусклым синеватым огнем. К этому времени, поглощенный желанием поскорее уйти, он совершенно забыл о подарке.

Это оказался медальон в виде крошечной змейки на тончайшей ажурной цепочке. Свет исходил от медальона. Несколько мгновений Ихо рассматривал диковинный амулет, потом надел на шею, с трудом протиснув голову в отверстие, рассчитанное на змеиные головы нагов. Медальон тут же погас, зато Ихо с немалым удивлением обнаружил, что факел ему теперь совершенно ни к чему: он видел во мраке, словно кошка. Точнее, даже не видел, а чувствовал мрак, ощущал все живое, от летучих мышей под сводами до паучков в трещинах на стенах, отличал холодный камень от воздуха в проходе. Ощущал так, как, наверное, ощущают мир змеи, как ощутили его присутствие наги там, перед пещерой. Это было странно и вместе с тем — захватывающе.

Поразмыслив, Ихо не стал возиться с факелом, надеясь, что новая способность не пропадет так же внезапно, как появилась. Он быстро зашагал в глубь горы, прикидывая, что принесет ему неожиданная милость нагов, существ из легенды.

Над Миром вставала большая луна, но глазами Ихо этого не видел.

4

Вид на озеро Десяти Гротов открылся посланникам Каома незадолго до полудня на следующий день после схватки в деревне. Накануне вечером Матурана ухитрился изловить горного рябчика, и монахи вкусно поужинали. Ночью по очереди пришлось дежурить, но все дышало спокойствием, и ничего так и не произошло. Утром, едва рассвело, продолжили путь.

И вот первая цель их миссии — Гроты.

— Недурно, — оценил Су То, стоя на обрыве. — Никогда не думал, что горные озера выглядят столь живописно.

Конечно, ему, жителю плоских южных равнин, странно видеть подобные пейзажи.

— Пошли, — проворчал Даан. — После полюбуешься. Веди, Матурана.

Чужеземец направился вправо, где можно было без риска для жизни спуститься со скалы и подойти к воде. Спуск не занял много времени; обогнув озеро, они приблизились к первому гроту. Даан заглянул внутрь: причудливой расцветки сосульки украшали свод. Из полутьмы доносился гулкий стук падающих капель.

Матурана остановился у четвертого справа грота.

— Здесь, — сказал он и принялся снимать одежду.

Даан вопросительно поднял брови.

— Придется искупаться. Вход в тайник — под водой.

«Блестяше, — оценил Даан. — Попробуй отыщи его, если не знаешь, в чем дело...»

Он тоже стал раздеваться; Су То уже стянул куртку и почти стянул рубаху.

— Постой, — обратился к нему Матурана. — Тебе, Су, лучше остаться и покараулить, пока мы с Дааном возьмем Око.

Су рассердился:

— Что-то ты раскомандовался, чужеземец! Твое дело — выполнять наши приказы и помалкивать. Ясно? Я решил пойти и пойду, и ты меня не остановишь!

Матурана пожал плечами:

— Хорошо. Иди. А я посижу тут, — и он равнодушно опустил-ся на горку одежды.

Су понял, что его оставили в дураках, и гневно сжал кулаки. Даан поймал его занесенную руку.

— Не глупи, Су! Он ведь дело предлагает. Сунемся туда втроем, а нас тут подкараулят. Кому хуже? Прошу тебя, делай, как он говорит. Ради нашей цели.

Су То вырвал руку и одернул рубаху. Он продолжал сердиться, но сдержал себя и подчинился голосу разума.

— Ладно... Я остаюсь.

Даан благодарно сжал ему плечо. Видит Каома, монаху-северянину достался прекрасный попутчик!

Матурана тут же встал и кивнул Даану:

— Идем.

Ни одна мышца не дрогнула на его лице — Даан боялся, что насмешка на лице островитянина еще больше озлобит Су То.

Они вошли в грот. По центру его плескалась темная вода, лишь у стен оставалась узкая полоска камня. По ней-то посланники и шли.

Отыскав только ему известную приметку, Матурана обернулся к Даану.

Оба были полностью обнажены. По сравнению с чужеземцем Даан выглядел богом. Значительно шире в плечах, сильный и тренированный, с мощной мускулатурой. Матурана же был тощ, как монастырский кот, хотя и подтянут. Мышцы совершенно не выделялись на его теле — ни на руках, ни на груди...

Зато Даан разглядел целых четыре татуировки; понятна была лишь одна, ритуальная, на левом плече. Кроме нее, Матурану украшали изображения змеи, кусающей свой хвост, под левым соском; летучей мыши — под правым; а на левом локте, опустив нос книзу, шел по следу палевый волк.

— Ныряем здесь, — сказал островитянин. — Я найду ход, потом прыгнешь ты. Ход узкий и довольно длинный, по нему придется плыть. Лучше спиной вниз, а рукой ошупывать камень сверху. Скоро почувствуешь пустоту — это крохотная пещерка. Станет мало воздуха, можешь там отдышаться. А сразу за ней, локтях в десяти, наш грот. Понял?

Даан кивнул.

Матурана скользнул в воду. Движения у него были ловкие и экономные, как у выдры. Нырнул раз, другой.

— Здесь, — сказал он, в очередной раз показываясь. — Готов?

Даан снова кивнул.

— Давай. — Голова Матураны исчезла без малейшего всплеска.

Даан подошел к нужному месту, несколько раз глубоко вздохнул и прыгнул. Вода была до жути холодная, даже дух захватило. Точно в указанном месте в каменной стене грота нашлась круглая дыра. Перевернувшись лицом кверху, Даан заработал ногами; одновременно вытянул руку, нащупал склизкий свод похожего на трубу тоннеля.

Вокруг царила полнейшая тьма, Даан плыл и удивлялся: в жизни не предполагал, что его занесет в подобное место.

Вот и обещанная Матураной пещерка, но воздуха в легких еще достаточно. Вперед!

Спустя несколько секунд рука его вновь провалилась в пустоту, и Даан высунул голову из воды. Фыркнул. Отдышался.

С каменного уступа уже тянул ладонь Матурана:

— Выбирайся!

Вода крупными каплями стекала с обнаженных тел. Вопреки ожиданиям в пещере доставало света, чтобы осмотреться. Даан повертел головой.

Крохотный каменный мешок. Стены покрыты изломами, трещинами. Уже знакомые сосульки, свисающие сверху, и точно такие же, но поднимающиеся с пола. Словно зубы исполинского дракона...

— Пришли, Даан. Гляди...

Матурана сунул руки в одну из трещин, змеящуюся на стене, и Даан Геш, избранник Северного монастыря, впервые увидел Око Каома.

Оно слабо мерцало и пульсировало на ладонях чужеземца, похожее на небольшую морскую раковину.

«Скорее напоминает ухо, чем глаз», — растерянно подумал монах.

— Возьми, поддержи его. — Матурана протянул Око Даану.

Тот принял магическую вещь и зажмурился. Все силы Мира втекали ему в ладони и через ноги уходили в тело Земли. Он стал всем и ничем — под Солнцем и обеими лунами. Око жгло руки и доставляло неизъяснимое наслаждение, наполнило Даана несказанной мощью и верой в собственные силы. Миг и вечность. Свет и тьма. Жар и холод.

Даан не помнил, сколько простоял, зажмурившись и слившись с Оком. Из транса его вывело легкое прикосновение Матураны.

— Пора! Су То заждался уже...

Даан открыл глаза. Островитянин вытащил из той же трещины истлевшие лохмотья, в которых с трудом угадывалась походная сумка.

— Гм! Сгорела. Придется нести в руках.

Даан зачем-то заглянул в трещину — камень слабо светился в месте, где ранее покоилось Око, и даже на расстоянии чувствовалось исходящее от него тепло.

— Ты хорошо плаваешь? — спросил Матурана. — Может быть, лучше я его возьму?

Даан одной рукой крепко сжал Око, другой махнул в сторону воды:

— Не волнуйся! Уж я-то его не потеряю...

Матурана серьезно кивнул и пошел к подводному тоннелю.

Назад плыть было заметно труднее, Даан с удивлением обнаружил легкое встречное течение, но справился с ним без особого труда. Даже с одной свободной рукой.

Когда он вынырнул перед самым выходом из грота, Матурана сидел на корточках прямо над головой, прижимая к губам палец.

Даан, собиравшийся громко фыркнуть, проглотил звук и притих, не вынимая Око из-под воды.

— Я гляну, как там Су, — прошептал Матурана и прокрался к выходу. Даан остался сидеть в ледяном хрустале озера. Тело покрылось крупными пупырышками, а пальцы ног совсем заочене-ли. Только рука, державшая святыню, ощущала приятное тепло.

Матурана быстро вернулся и помог выбраться на сушу. Глаза, успевшие отвыкнуть от яркого дневного света, резануло при выходе из грота. Су То нетерпеливо топтался у сброшенной одежды.

Даан понял, что должен сделать.

— Держи, брат...

Су принял Око обеими руками, а Даан с Матураной, даже не обсохнув, оделись.

Первая цель достигнута: Око у них. Теперь предстоит путь через всю страну, на юго-восточное побережье, в долину Утан. Око всегда переносили в наиболее удаленное от предыдущего место.

Су все еще стоял с закрытыми глазами, когда Матурана приблизился к нему с походной сумкой и слегка потряс, опустив руку на плечо.

Замечтавшийся южанин пришел в себя. Огляделся, бережно опустил Око в подставленную сумку. Даан готов был поспорить, что Су То очень неохотно расстался с ним, ибо сам познал притягательную силу древней реликвии совсем недавно.

— Нести Око лучше по очереди и передавать друг другу как можно чаще, — сказал Матурана. — Иначе и обжечься недолго...

Даан знал это — долго выносить тесную близость с глазом бога не смог бы никто.

— Первым понесу я, — тоном, не допускающим возражений, заявил Су. Но никто и не подумал возразить.

Они отошли от гротов всего на двести шагов, когда у единственного спуска в котловину показались люди. Много — десятка три.

— Проклятие! — вырвалось у Матураны. — Это Орлы!

Даан и Су То замерли. Южанин прижимал сумку с Оком к груди.

— Нам не отбиться, — негромко сказал Даан. — Что будем делать?

Орлы уже спускались к озеру.

— Отходим к гротам! — решил Матурана. — Там настоящий лабиринт, авось запутаем их и ускользнем!

На этот раз даже Су То подчинился без колебаний.

Чтобы беглецы не сбежали, Орлы разделились и стали огибать озеро с двух сторон.

Даан с отчаянием окинул взглядом отвесные кручи. Спасения ждть было неоткуда. Враги приближались, стали различимы даже довольные ухмылки на лицах.

Монахи и островитянин подбегали к первому гроту; неожиданно сверху, с крохотного уступа над разверзнутым зевом подземелья соскочил ладный парень, совсем не похожий на Орлов. Но Даан не стал его разглядывать: сразу напал.

Парень сжался, руки его, изогнувшись, отвели удары, а прямая, как клинок меча, и такая же твердая ладонь скользнула вплотную к руке Даана и легонько ткнула под ребра.

— Змея? — узнал Даан. — Ладно...

Даан, как и все монахи, знакомился со стилем Змеи еще в третьем круге обучения. Он принял низкую стойку, правая рука взметнулась, словно кобра, вставшая на хвост; левая застыла перед грудью, подпирая локоть правой.

Парень раскрыл рот, собираясь что-то сказать, однако Даан снова напал на него. Удар ядовитого жала пришелся в пустоту, руки монаха непостижимым образом переплелись с руками незнакомца. Даан дернулся назад, но поздно: одной рукой тот заблокировал обе руки Даана, вторая изготовилась к удару, и что-то подсказывало монаху, что этот удар станет последним.

Но противник почему-то не стал атаковать. Даан, опомнившись, немедленно вывернулся с помощью трюка, не имеющего ничего общего со стилем Змеи (не зря наставники из Высших посещали занятия до-лохматых), и нанес несколько сокрушительных тычков, увы, вновь пришедшихся в пустоту.

— Да подожди ты! — воскликнул парень, уворачиваясь от новых атак Даана. — Я не враг! Змея не помогает Орлам!

Даан остановился. Действительно, кланы Змеи и Орла издавна смертельно враждовали.

— Я могу увести вас. Поспешим, если не желаете неравной схватки.

— Зачем тебе это нужно? — хрипло спросил Су То.

Парень ответил без раздумий:

— Никогда не откажусь от соблазна насолить Орлам!

Матурана коротко выдохнул:

— Веди! Да побыстрее!

И они кинулись вслед за неожиданным союзником. Тот повел их во второй справа грот.

— Здесь темно, — предупредил он. — Возьмемся за руки, я знаю дорогу.

Матурана протянул незнакомцу руку; следом шел Су То, повесив сумку с Оком на шею; замкнул цепочку Даан.

— Как твое имя? — спросил посланник-северянин.

— Тин Пи. Но все называют меня Ихо, Змея.

Даан сокрушенно вздохнул:

— Кажется, ты владеешь стилем Змеи лучше, чем любой из монахов. Даже лучше, чем Настоятели.

Ихо не ответил.

Скоро стало совсем темно, для всех, кроме владеющего магическим медальоном проводника. Толстый слой пыли, устилающий путь, сглатывал звуки шагов.

Орлы тем временем подоспели ко входу в грот. Той отрывисто отдавал приказания. Немедленно зажгли факелы, и погоня возобновилась.

Той нетерпеливо потирал руки: неожиданно предоставилась возможность одним махом выполнить оба задания господина — и Оком завладеть, и пленить мальчишку-Змею. Наконец-то удача повернулась к клану лицом.

Огонь помог Орлам — они быстро нагоняли слепых беглецов, даже Ихо, ориентирующийся в кромешной тьме, не смог ускорить их передвижение. Гортанные выкрики Орлов звучали все ближе.

И вдруг впереди зажегся тусклый свет. Иссиня-лиловый, мертвенный. Су То издал сдавленное восклицание.

Поперек подземного хода, там, где вправо и влево ответвлялись такие же коридоры, стояли несколько людей в плащах с очень

узкими капюшонами. Каждый держал в руке нечто вроде факела, на кончике которого и горел тот самый синий огонь. Точнее, даже не огонь: вместо живой пляски пламени во тьме светились неподвижные искры, такие же неподвижные, как звезды, только звезды обыкновенно мерцают, а эти точки испускали ровный немигающий поток синего света.

— Не бойтесь, это наги, — сказал Ихо самым обыденным тоном и потащил ошеломленных путников вперед, прямо на фигуры в плащах. Едва они приблизились, шеренга нагов дрогнула, образовав проход, а когда они миновали немую стражу, наги снова сомкнули ряд. Даан оглянулся. Недвижимые фигуры человекозмей внушали смутный страх, и почему-то пришла уверенность, что Орлам тут нипочем не пройти.

Словно в подтверждение, Ихо перешел на шаг.

— Ну, все. Можно уже не спешить.

Позади зазвучали панические вопли; скоро все стихло. Орлы, вероятно, предпочли спешно отступить, превратившись из преследователей в беглецов. До самого выхода под открытое небо монахи, островитянин и Ихо никого не встретили, даже нагов.

Су То вспомнил зловещие фигуры с синими факелами, и его передернуло. Есть моменты, когда самый храбрый человек поддается страху.

— Во имя Каома! Как тебе удалось договориться с этими жуткими созданиями?

Ихо нахмурился:

— Ну, Змея я или нет?

Они опережали Орлов на день, что было весьма неплохо.

Глава четвертая

1

Даан все удивлялся, как быстро темнеет весной. Казалось, совсем недавно Солнце еще висело над горами, даже не успев как следует покраснеть, и вот уже валится на мир дремотный полог ночи. В лесу, как выяснилось, темнело еще быстрее.

Но леса скоро остались позади, как и Фын-Бай; теперь путь лежал через обширные плоскогорья, простирающиеся к северо-западу от Столицы. В горах посланникам удалось остаться незамеченными, хотя незримое присутствие Орлов чувствовали все. Приходилось быть настороже каждую секунду, даже во сне.

Око передавали друг другу каждые два-три часа. Лишь Ихо оставался непосвященным в секретную миссию, хотя тоже мог прикоснуться к святыне, ибо родился в год Тигра-воина двадцать четыре весны назад. Но он и не стремился что-либо выведать и никогда не задавал лишних вопросов. Просто присоединился к посланникам, заявив, что им некоторое время по пути. Но Око он ни разу не нес. Остальные трое приняли на себя удар божественных сил. Если невзрачная на вид сумка задерживалась на плече подольше, сразу чувствовалось, как магическая вещь начинает высасывать энергию, и тогда постепенно наваливалась смертельная усталость.

Ощущение близкой опасности вкупе с грузом ответственности примирило даже Су То с Матураной. Южанин имел обыкновение придирается к чужеземцу по любому поводу, а чаще вовсе без всякого повода. К удивлению Даана, Матурана безропотно сносил все придирки. Сам Даан держал свою неприязнь при себе, ибо считал главным исполнение Обряда, а не мелкие дразги, совершенно в пути неуместные. Впрочем, чужеземец показал себя с самой лучшей стороны: большой опыт путешествий и завидное знание местности сильно упростили задачу монахов. Последнее сильно удивляло Даана. Чужак знает его родную страну неизмеримо лучше! Парадокс. Хотя странного тут было совсем немного: монахи очень редко покидают обитель, а паломники только и делают, что бродят взад-вперед по Империи, от гор до океана.

Теперь на пути чаще попадались деревни и небольшие городки. Прохлада высокогорья сменилась ласковым теплом равнины, а наступавшая с юга весна заставила цвести все, что только могло цвести.

В городок, очередной на пути к Утану, они вошли затемно. Миновав лачуги бедноты, ютящиеся на окраине, попали на главную улицу, единственную, где все без исключения дома были каменными. Городок спал, лишь изредка из-за плотных занавесей наружу просачивался вкрадчивый свет ночников.

Даан поправил висящую на плече сумку. Плечо ныло. Глянул направо, налево. Куда идти, в какие двери стучаться?

— Чуть дальше есть таверна, там можно снять комнату на ночь, если не скупиться, — сказал Матурана. В который раз он словно угадывал мысли Даана, давал ответы на еще не заданные вопросы. Колдун он, что ли?

— А деньги есть у кого-нибудь? — поинтересовался Ихо. — Боюсь, я уже забыл, как выглядят монеты, так давно они мне не отягощали карман...

Су То фыркнул. Он совсем не одобрял тот факт, что теперь их стало четверо, хоть Ихо вовсе не усложнял им жизнь. Молчал Су лишь благодаря Даану, напомнившему, что Высшие велели не пренебрегать случайностями и что Ихо однажды уже отменно послужил Всевышнему.

Они шагали по улице, пока Матурана жестом не остановил всех.

— Пришли. Наверное, будет лучше, если мы с Ихо пойдем в таверну и договоримся о ночлеге, а заодно и проверим, все ли здесь спокойно, вы же подождете нашего знака где-нибудь в тени.

Даан согласно кивнул:

— Хорошо, чужеземец. Будь осмотрителен.

— И об ужине не забудь! — буркнул вослед вечно недовольный Су То.

Матурана кивнул и поманил Ихо за собой.

Не прошло и десяти минут, как все четверо сидели в чистенькой тесной комнатухе над главным залом таверны и уплетали холодное мясо с лепешками, запивая остывшим соком ло-чуну. Судя по лучезарной улыбке хозяина, невзирая на поздний час мгновенно устроившего и свободную комнату, и неплохой ужин, Матурана напомнил ему, как выглядят монеты.

Насытившись, усталые путники заперлись, задули светильник и провалились в глубокий освежающий сон. Даан опустил сумку с Оком на циновку рядом с собой и Су; уже засыпая, он разглядел, что рука южанина сомкнулась на выдавшем виды кожаном ремешке у самой застежки.

Никто из них не услышал слабого скрипа двери, донесшегося снизу. Таверна имела два выхода: на улицу и во двор. Мальчик-слуга неслышно выскользнул из дома и канул в густую темноту, царящую во дворе. Вскоре после этого погас светильник и в комнате хозяина.

Ночью Су То внезапно проснулся: ему показалось, что кто-то прикоснулся к драгоценной сумке. Он приоткрыл глаза, напрягшись, словно тигр перед броском.

Над ним склонился Матурана. Сияние малой луны, проникая в комнату сквозь пыльное стекло окна, освещало лицо островитянина.

Су То вскинулся, согнув руку так, чтобы можно было и защититься, и ударить.

— Что нужно?

Его шепот никого не разбудил.

Су полагал, что Матурана, застигнутый врасплох, растеряется. Ну, хотя бы вздрогнет. Ничуть не бывало: лицо его осталось бесстрастным.

— Ты меня звал?

Южанин чуть потянул за ремень сумки, сразу ощутив приятную тяжесть Ока, скрытого под толстой материей. Это успокоило.

— Никого я не звал!

Матурана внимательно, словно видел Су впервые, уставился ему в глаза.

— Странно. Мне показалось, что ты меня звал.

Су почуял неладное, но, поскольку Око было на месте, счел полезным все замять, притвориться спящим и выждать. Мало ли что задумал этот чужак! Появился шанс вывести его на чистую воду.

— Нечего наедаться на ночь глядя! Мерещится потом всякое... — обронил он сердито. И улегся, не выпуская сумки. Матурана сокрушенно вздохнул и тоже улегся.

Су То ждал напрасно: до самого утра ничего больше так и не произошло.

Зато после восхода Солнца события закрутились самым неожиданным образом.

Сначала все шло как нельзя лучше: путники по очереди умылись в фонтане во дворе, выпили чаю и слегка закусили, убрав остатки завтрака в корзинку с едой, приготовленную в дорогу. Даан поблагодарил хозяина, но тот неожиданно отмахнулся, избегая смотреть четверке в глаза. Тут Даан и почувствовал, что не все в порядке.

Не успели они выйти на улицу, хозяин исчез, прислуга тоже, зато везде появились Орлы: и у комнаты, которую они только что

покинули, и на лестнице, и в зале, и даже на улице — Даан выглянул в окно.

Положение казалось безвыходным: Орлов было слишком много, чтобы отбиться в не особенно просторном месте, а уйти им просто не дадут. Тем не менее Даан и Су То изготовились к обороне.

Вперед вышел предводитель Орлов; из угодившей в ловушку четверки его имя знал только Матурана: Орла звали Той.

— Эй, вы двое! Нам нужны лишь монахи, поэтому можете убираться!

Матурана, словно только этого и ждал, засеменил к Тою, бестолково прижимая к груди корзинку с припасами и подобострастно кланяясь:

— Спасибо, господин, спасибо!

Из корзинки косо торчали зеленые перья лука, свертки с жареными цыплятами.

— А ты чего ждешь? — сердито обратился Той к Ихо.

Тот насупился, оглянувшись на монахов.

— Я с ними!

И стал в боевую стойку.

— Ну, ладно, змееныш!

На самом деле Той вовсе не собирался отпускать ни Матурану, ни Ихо. Он стремился лишь разделить путников, чтобы схватить их без излишних осложнений. Но Ихо уперся, Той на секунду забыл о Матуране, и тот беспрепятственно покинул таверну. Когда предводитель Орлов осознал свой промах, было уже поздно: Матурана удрал. Но он не слишком расстроился, чужеземец не являлся важной фигурой. Господин велел добыть Око, пленить монахов и уничтожить Змею. Все это почти исполнено — так какое ему дело до трусливого островитянина, бросившего своих товарищей в беде?

— Взять их!

Орлы скопом кинулись в атаку. Схватки не вышло: получая многочисленные удары, нападающие висли на руках противников и скрутили их за счет простого численного превосходства. Не прошло и двух минут, как все трое были крепко связаны.

Шестеро Орлов недвижимо валялись на выскобленном полу.

Той, криво усмехаясь, приблизился к Су То, у которого через плечо висела сумка с Оком Каома.

— Вот и все, мои юные друзья. Кажется, ваш поход досрочно завершился.

Су То глядел на него с ненавистью, Даан — холодно, но спокойно. Ихо вообще не глядел — закрыв глаза, погрузился в себя.

— Лао! — резко приказал Той одному из своих подручных. — Возьми то, что в сумке у этого полумертвого южанина.

Лао торопливо приблизился к пленным и полез в сумку. Су То напрягся изо всех оставшихся сил, но тщетно: веревки еще глубже вгрызлись в тело. Два дюжих стража крепче сдавили его плечи и запястья.

— Ну-ну, не трепыхайся...

Голос Тоя звучал насмешливо.

Су То впал в отчаяние. Они не оправдали доверия Высших и не уберегли тысячелетнюю реликвию. Им нет прощения — даже смерть ничего не искупит.

Крик Тоя, преисполненный злобы и досады, вернул его с небес на землю. Су широко распахнул глаза, несказанно удивленный.

Лао извлек из сумки круглую фарфоровую вазу, расписанную оранжевыми драконами. Вазу, а не Око Всевышнего!

— Искать! Искать островитянина с корзиной! — заорал Той, щедро отпуская пинки своим людям. — Шевелитесь, мерзкие твари!!!

Ихо, словно забыв, что его пленили смертельные враги, хохотал самым издевательским образом.

И тут в голове Су То что-то шелкнуло: ночью он проснулся не ДО того, как Матурана пошарил в сумке, а ПОСЛЕ того. Око к моменту пробуждения Су уже было спрятано в корзинке с пищей. Матурана нарочно его разбудил. Но зачем? На чьей стороне он играет?

Рассерженные Орлы метались по городку.

2

Монахов и Ихо привязали к столбам-опорам в просторной комнате-гауте одного из домов, принадлежавшего какому-то богатому купцу. Трое приставленных к ним стражников играли в маджонг, усевшись невдалеке за стол. Орлы исчезли, прочесав весь городок. Наверное, прочесывали округу.

Су То гадал, что на уме у Матураны? Чужеземец оставался их единственной надеждой.

Час истекал за часом, близился вечер, стала донимать жажда. Охранники все так же дулись в маджонг, не обращая на пленников ни малейшего внимания.

Островитянина первым заметил Даан. Троицу привязали так, что все глядели в разные стороны: Су То — на двери, Ихо — в угол и в окно, Даан — в сторону веранды, отделенной от таута невысокой, по пояс, перегородкой.

Матурана легко перемахнул через перила веранды и спрятался за столбом-опорой.

Даан с облегчением убедился, что не ошибся в нем, ибо не верил, что островитянин просто сбежит. Теперь, если ему посчастливится освободить хотя бы одного из пленников, можно надеяться на успех.

Удостоверившись, что охранников всего трое, Матурана, более не кроясь, прыгнул через перегородку. Игроки оторвались от костей.

— Эй! Вы только поглядите — удача сама плывет к нам в руки. Все его ищут, а он вот где: сам пришел!

Стражи, уверенные в легкой добыче, встали из-за стола. Матурана шагнул вперед и замер.

Даан затаил дыхание: как же слабый и неловкий чужеземец справится с тройкой крепких Орлов? Надо было незаметно перерезать пути Даану, Су То или хотя бы Ихо... И пока освобожденный занимался бы стражниками, Матурана смог бы развязать остальных...

Ихо изо всех сил скашивал глаза, пытаясь увидеть, что происходит; Су То оставалось лишь гадать насчет этого да вслушиваться, потому что события разворачивались точно у него за спиной, а пошевелиться он мог не более чем муха, угодившая в паучьи тенета.

Зато Даан видел все. Один из стражников, лениво поигрывая ножом, подошел вплотную к Матуране; двое других остались у стола.

— Привет, заморыш. Давай я тебя свяжу. Даже бить не стану, по крайней мере сильно.

Матурана покачал головой, показывая, что не согласен:

— Нет. Лучше развяжи вот их.

Стражник заржал, обернувшись к приятелям:

— Слышали? Может, впрямь развяжем?

Приятели тоже заржали. И тогда стражник резко ударил Матурану свободной рукой. Матурана упал на пол...

Стоп!!! Даан выпучил глаза. Это стражник упал, а не Матурана! Поверженный и сам не понял, как очутился на полу. Проклятие! Этот заморыш еще и брыкается.

Охранник замахнулся ножом.

На этот раз Даан кое-что заметил. Матурана мягко поймал Орла за руку, сделал округлое плавное движение, теперь уже на пару с охранником, шагнул чуть в сторону...

Стражник, нелепо вывернув руку, врезался лицом в каменный пол, словно начисто забыл о равновесии. Матурана стоял вполборота к нему, вытянув обе руки перед собой. Нож был уже у него.

Даан ничего не понял.

Тут опомнились двое оставшихся охранников — они разом кинулись на островитянина, но тот вдруг крутнулся на месте, и они проскочили мимо, даже не задев его. Едва Матурана оказался за спинами противников, он схватил одного за локоть. Стражника развернула собственная инерция; второй снова кинулся на Матурану, с другой стороны, но лишь наткнулся на первого.

Это напоминало больше пляску, чем драку. Матурана грациозно вышагивал, держа стражника уже не за локоть, а за кисть, и прикрывался им от второго. Второй пыхтел, пытаясь обойти напарника и добраться наконец до Матураны, но везде натыкался на своего приятеля, совершенно очумевшего. Первому казалось, что он вот-вот упадет, однако он все не падал, Матурана водил его за руку, как козла на поводке.

Потом локоть первого вдруг непостижимым образом совместился с физиономией второго, и тот безжизненно рухнул на пол, заливая все вокруг себя кровью; а первый неожиданно задрал ноги и с размаху опрокинулся.

Теперь Матурана недвижимо застыл. Руки он вытянул в стороны под разными углами.

Даан наконец снова обрел способность дышать. Он не видел объяснения всему произошедшему.

Матурана скользнул к нему, на ходу доставая нож. Опали осточертевшие за день путы.

— Освободи остальных, а я гляну, все ли тихо, — сказал Матурана, передавая Даану трофейный кинжал.

Все было тихо; трое стражников, не шевелясь, валялись на полу. Настала пора покидать этот негостеприимный город.

— Где Око?

— В корзинке.

— А корзинка?

— В кустах у дороги. Пошли!

Как-то незаметно Матурана стал командовать, и невозможно было ему не подчиниться.

По-настоящему Даан успокоился, лишь когда они вернули святыню в сумку и поручили ее Су То, а сами под покровом темноты направились к югу.

Матурана сказал, что там река.

3

Мутные воды разлившейся по весне Кухэ несли утлый челнок, сработанный из древесной коры. Даану казалось, что челнок вот-вот развалится, но хрупкая посуда, ведомая твердой рукой Матураны, рассекала пологую волну и неслась на юго-восток, к океану. Они едва втиснулись в этот челнок вчетвером, а потом боялись двинуться, потому что вода едва не переливалась через борт. Но зато они удалялись от злополучного городка неизмеримо быстрее, чем пешком.

Матурана был мрачен, остальные, наоборот, радовались, что опасность и плен позади, а Око спасено.

Под вечер пристали к берегу. Лес подступал почти к самой воде, оставляя лишь узкую, кое-где поросшую травой полосу. Хвойные деревья здесь уже практически не росли — путники забрались далеко к югу от хребтов Сао-Зу, — попадались в основном дубы и гигантские тэ-платаны.

Су То вытащил челнок на сушу и спрятал его в густых зарослях кустарника. Матурана, утомившийся за полдня непрерывной гребли, принялся ломать ветки себе на постель, но Даан остановил его:

— Подожди, островитянин. Сначала ты покажешь свое искусство.

Матурана нахмурился; Ихо и Су, заинтересованные, приблизились.

— Я видел, как ты расправился со стражниками Орлов. Но ничего не понял. Это не ши-тао, верно?

Чужеземец, видимо, настроился играть в молчанку. Он отвернулся и вновь стал готовить себе ложе.

— От меня так просто не отделаешься! — Даан начинал злиться. — Защищайся!

Он справедливо решил, что, если напасть на Матурану, тому ничего больше не останется, как применить свое умение.

Удар пришелся в пустоту; не встретив препятствия, Даан на секунду потерял равновесие, а Матурана вдобавок легонько подтолкнул его. Этого оказалось достаточно — монах рухнул на еще не готовую постель. Их засмеялся.

Даан тоже улыбнулся. Первое, что он усвоил: Матурана использует энергию противника в собственных целях. Выходило, что Даан сам себя уложил, а Матурана лишь не препятствовал этому. Ну, может, чуть-чуть помог, толкнул легонечко. Обыкновенно таким толчком даже ребенка с места не сдвинешь.

Кардинально иной подход. Прямо противоположный привычному. Там, где Даан поставил бы жесткий блок, затратив столько же сил, сколько и нападавший, Матурана ограничился едва заметным движением руки.

Новый удар, но уже такой, чтобы не потерять равновесие в случае промаха. На этот раз Матурана просто уклонился.

— Прекрати, Даан. Я не хочу с тобой сражаться.

— Да ладно! Мы ведь не всерьез. Как на тренировке: ты показываешь новый трюк, а я учусь.

Матурана ловко ушел от очередного выпада.

— Не надо, Даан. Нельзя вступать в единоборство, если нет угрозы жизни. Я и так сегодня чересчур много дрался. А ты предлагаешь снова нарушить заповедь, не замолив прежние прегрешения.

Вмешался Су То:

— Что ты лопочешь, чужеземец? Тебе нужна угроза жизни? Получай же!

Если Даан бил хоть и сильно, но в безопасные места, то южанин атаковал всерьез, на поражение.

Но и его удары не достигли цели. Матурана чуть повернулся, поймал Су То за руку, поднырнул под нее, снова полуобернулся...

Теперь Су То стоял, нелепо выгнувшись. Островитянин легонечко нажал на его согнутую в локте руку, как на рычаг. И южанин мешком повалился на землю.

Матурана застыл над ним, чуть присев. Руки по-прежнему протягивал вперед, словно собирался еще не раз нажать на невидимый рычаг. Пока Су То падал, можно было без труда нанести три,

а то и больше смертельных удара, таких же, какой нанес Су То первым. Но чужеземец даже не двинулся.

И тогда Даан впервые увидел сердитого Матурану.

— Послушайте, костоломы, именующие себя слугами Каома! Будь у вас хоть капелька ума, я бы поговорил с вами. Но поскольку вы умеете только дрыгать ногами и крушить все вокруг и не даете себе труда хоть немного поразмыслить, позвольте мне исполнить Обряд. Не мешайте хотя бы, если уж не помогаете!

Даан устыдился. Действительно, чем-то не тем они с Су То заняты. Обряд, Обряд прежде всего!

Вдруг явственно представились укоризненные лица Высших.

Су То угрюмо встал. Матурану он больше не трогал, но Даан догадывался, что творится у него на душе. Самолюбивый южанин дважды посрамлен тем, кого он считал слабаком и недоумком, а южане такого не прощают.

Вздохнув, Даан побрел готовить себе ложе. В кустах раздавался треск: это Ихо, беззаботный как всегда, ломал ветки.

4

Несколько дней Матурана молчал, словно рыба. Вечером неизменно садился, подогнув ноги под себя, лицом к заходящему Солнцу и надолго застывал, отрешившись от всего окружающего. Даан не беспокоил его, памятуя о внезапной вспышке ярости. Ихо всем видом показывал, что его дело — сторона и ссориться он ни с кем не намерен. Ни с монахами, ни с островитянином. Лишь Су То затаил обиду. Желание приструнить чужака и поставить его на место переполняло южанина, однако пока не представлялось удобного случая. Но главным он считал все же исполнение Обряда.

Когда вышли на широкий тракт, ведущий в Столицу, стали попадаться многочисленные путники, пешие и конные; все спешили, словно это последний день их жизни. В город направлялось больше народу, чем покидало его. Путь по людным местам был связан с определенным риском; но и напасть на посланников открыто никто не отважился бы.

У городских ворот дежурил большой отряд императорской гвардии. Всех проходящих досматривал средних лет офицер, чересчур серьезный и важный на вид. Когда наступил черед мо-

нахов предстать перед ним, Даан заволновался: офицер задавал всем массу каверзных вопросов, на первый взгляд совершенно ненужных.

— Куда направляетесь? — надменно осведомился он.

Матурана легонько подтолкнул открывшего было рот Даана и ответил сразу за всех:

— В монастырь, господин. Мы — паломники с Архипелага.

Офицер подозрительно поглядел на них.

— Что-то не больно вы похожи на жителей островов.

Исподлобья глядя прямо в глаза Матуране, он произнес несколько слов на наречии Архипелага; даже монахи и Ихо поняли, что этим языком он владеет еле-еле.

Матурана коротко ответил по-своему, четко выговаривая каждое слово, потом преувеличенно горестно вздохнул:

— Судьба милостива к сильным. К таким, как вы, господин. Нам она улыбается редко.

Подобревший от лести офицер глянул на путников уже без прежнего недоверия: ну чем могут угрожать огромному городу четверо бродяг, к тому же прекрасно сознающих, что они не более чем бродяги?

— Зачем тогда заходить в Столицу? Обошли бы стороной.

— О-о! — протянул Матурана мечтательно. — Мы хотели взглянуть на этот сказочный город и его счастливых-жителей. Хотя бы одним глазком! Императорский дворец, говорят, настоящее чудо. Молва о нем дошла до самых дальних краев.

— Глупцы! К дворцу вас и близко не подпустят.

— Может быть, хоть издали повезет его увидеть. И потом, у нас закончилась еда.

— За еду надо платить, — сказал офицер, почему-то оживившись. — У вас есть чем?

— Заработаем, господин. Но для вас... — Матурана многозначительно умолк и незаметно сунул офицеру монетку.

— Гм... Ну, что же, — прогудел офицер несколько фальшиво. — Полагаю, нет ничего худого в том, чтобы на Архипелаге лишний раз убедились в великолепии нашей Столицы и нашей несравненной мощи. Поглядите на все, а потом расскажете дома о том, сколь велик этот город и его правители. Пропустить их!

Два рослых солдата освободили проход, и путники ступили под широкую арку северных ворот.

Даан только головой покачал. В прошлый раз Сатэ провел семерых монахов в Столицу, даже не взглянув на начальника стражи, и тот не посмел и пикнуть.

Столица вобрала в себя путников, невообразимый бурлящий муравейник.

Су То знал город не лучше Даана: большую часть жизни он провел в Южном монастыре. Ихо тоже оказался здесь впервые. Оставалось надеяться на Матурану — в который раз. Даан не переставал поражаться чужеземцу. Его послали в помощь монахам-избранникам, на деле же выходило, что заправлял миссией именно он, а монахи лишь помогали. Да и то только тогда, когда требовалась грубая сила.

Миновав грязные окраинные кварталы, четверка ступила в пределы Кольца Площадей. Здесь никогда не бывало безлюдно, Кольцо — это вечный неумолкающий рынок. Сотни и тысячи мелких лавчонок, аптек, харчевен, полчища торговцев-лоточников, повозки крестьян, груженные мешками с рисом, овощами, фруктами, тушками битой птицы, низкие бочки на скрипучих колесах, полные живой рыбы и креветок, тучные южане, продающие съедобных собак, несъедобных собак, собак для охраны, собак для боев, собак для поиска и еще собак одно-небо-знает-для-чего, и, конечно, толпы, несметные толпы покупателей — горожан и приезжих. Шум и гомон не стихали ни на секунду. Кто-то на все лады расхваливал привезенный товар, кто-то азартно торговался, кто-то жалобно причитал, видимо, обманутый или обворованный, а у столба-тэкая кого-то нещадно били.

Даан, более или менее готовый ко всему этому с прошлого раза, и тот враз растерялся в этом бурлящем котле, покрепче сжав сумку с Оком. О Су То и Ихо вовсе говорить не приходилось, Матурана же, напротив, чувствовал себя здесь как дельфин в море.

Он вел спутников за собой, прямо через торговые ряды, небрежно отмахиваясь от особо настырных продавцов, расталкивая нагловатую шпану и умело лавируя в толпе почтенных горожан.

— Эй, чужеземец! — окликнул его Су То. — Мы, кажется, намеревались купить еды.

Матурана застыл, потом терпеливо обернулся.

— Я помню, не волнуйся. Купим. Только не здесь — это место для столичных толстосумов.

Су То со вздохом поднял руки, предоставляя островитянину полную свободу. Впрочем, что ему еще оставалось?

Наконец они пересекли площадь и свернули в узенький переулок. Шероховатый камень стен легонько царапал плечи. Откуда-то тянуло дымом и жареным со специями мясом, орал прямо над головами полоумный петух, да вкрадчиво шелестели бамбуковые завесы на дверях.

Матурана еще несколько раз сворачивал. Как он ориентировался в подобном лабиринте — оставалось загадкой. Даан просто шел следом, отчаявшись что-либо понять.

Однако вскоре Даан догадался: в этом квартале живут выходцы с Архипелага. То и дело слышалась их непонятная речь. Некоторые обменивались с Матураной короткими фразами, а сморщенный старичок, сидевший на пороге приземистого домика, о чем-то серьезно спросил у Даана.

— Не понимаю, — покачал головой монах, надеясь, что повторят по-бодхайски, но старичок вновь застыл, словно мумия.

— Он спрашивает, не ты ли его пропавший сын, — пояснил, не оборачиваясь, Матурана. — Он у всех это спрашивает. Уже соток лет.

Даан оглянулся. Старик тоскливо глядел в пустоту.

Наконец Матурана толкнул скрипучую деревянную дверь с изображением цветущей на фоне гор вишни, и путники оказались в тесном внутреннем дворике. Где-то тихо журчала вода.

— Сюда, — указал островитянин на очередную дверь. Вошли.

В помещении, выстланном циновками, стоял тяжелый канцелярский стол, пара табуретов и низкие деревянные нары, покрытые цветастыми одеялами. Матурана выгнал из смежной комнаты каких-то развеселых девиц и ненадолго исчез. Вернулся он с подносом, уставленным разнообразной снедью; следом вошел мужчина, в котором нетрудно было распознать соотечественника Матураны. Мужчина принес кувшин с холодным соком ло-чуну.

— Это мои спутники, — представил вполголоса Матурана. — Даан Геш, Су То и Тин Пи. Поприветствуйте главу общины — Басагурена.

Монахи и Ихо склонились в почтительном ритуальном поклоне.

— Наверное, вы проголодались, — сказал Басагурен приветливо. — Поговорим немного позже. Я покину вас ненадолго, а вы тем временем подкрепите свои силы.

Басагурен с достоинством склонил голову, как и подобает старшему, и вышел.

Поданные кушанья тоже несли явную печать Архипелага. Они были странными, но невкусными их не назвали бы ни монахи, ни Ихо.

Когда все четверо насытились, Матурана соизволил кое-что объяснить. Даан обрадовался, опасаясь новой вспышки раздражения от Су То.

— Это — район Фахардо, здесь живут мои соотечественники. Эдакая страна в стране, уголок, где действуют нравы и обычаи Архипелага, поэтому принимайте все как есть и ничему не удивляйтесь. Я привел вас сюда не зря: во-первых, мы здесь в полной безопасности, хотя Орлы и знают наше местонахождение...

— Откуда? — сердито перебил Су То.

Матурана мягко ответил:

— Они следовали за нами, едва мы миновали стражу у ворот. Неужели ты не заметил?

Су То промолчал. Оглядываться ему как-то не приходило в голову. Да и что можно разглядеть в толпе?

Даан тоже не заметил слезки и сейчас несколько растерялся, ощутив слабость перед могучим кланом. В самом деле, против них чуть ли не весь мир, каждую секунду приходится быть настороже, но врагов так много, что всех заметить просто не успеваешь...

А Ихо дважды замечал Орлов, но полагал, что те не видят путников. Очевидно, он ошибался.

Тем временем Матурана продолжал:

— У нас есть шанс прибиться к одному из торговых караванов, следующих на юг, раствориться в толпе погонщиков и стражей. Так за нами труднее будет уследить, да и небольшая передышка нам не помешает.

— Какая передышка? — взорвался Су То. — Мы и так опаздываем. Не крути, чужеземец!

Матурана терпеливо объяснил:

— Не злись, Су. Отдыхая, мы будем неуклонно приближаться к Утану. Какая разница — пройти весь путь пешком и в одиночестве или проехать его в повозке вместе с большим караваном?

Даан не сразу оценил идею островитянина. Ведь если они найдутся в богатый, а значит, большой караван, Орлам будет во сто крат труднее. Любое нападение на человека из каравана, даже на самого захудалого далата или погонщика, расценивается как нападение на весь караван, а это сотни людей, многие из которых получают деньги за его охрану, а многие являются владельцами

товаров, повозок, лошадей, верблюдов и буйволов, запасов еды, и, следовательно, потеряют деньги в случае удачного нападения. За свой карман и свои жизни каждый будет сражаться, как тигр. Матурана в очередной раз преподал им урок находчивости и расчета.

— Я попросил Басагүрена разузнать, не идут ли в ближайшее время на юг или юго-восток большие караваны. Сейчас весна, пора торговая, очень может быть, что нам повезет.

Даан кивнул.

«Интересно, — подумал он, — как справлялись с Обрядом монахи прошлого? Вдвоем, без всезнайки-чужеземца? Бин и Тао, например?»

Но за ними не охотился могучий клан Орла. Два путника с сумкой могли заинтересовать разве что мелких грабителей, отирающихся у дорог, но у подобного сброда одолеть избранных Као-ма шансов попросту не было.

Басагурен вернулся довольно скоро.

— Могу обрадовать вас, молодые люди. Завтра выступает караван Лун Гу, направляющийся в Даоден, но вряд ли вы успеете наняться, слишком поздно. А через четыре дня в Токин уйдет другой, его хозяйка — Дон Хи. Сюда попасть больше надежды.

— Даоден ближе к Утану, чем Токин, — заметил Су То. — Жаль.

Матурана пожал плечами:

— Ненамного. Но все же попытаемся наняться к Лун Гу.

По лицу Басагурена легко было угадать, что в такой исход он верит слабо.

— Пойдем, я напишу рекомендательное письмо.

Обернувшись, Матурана взглянул на монахов.

— Решайте, кто пойдет со мной, кто останется здесь с Оком.

— Останешься, Су? — спросил Даан без нажима.

Су То кивнул: он всегда предпочитал находиться поближе к святыне.

— Останусь. Лучше рядом с ним буду именно я. — Рука южанина погладила Око, упрятанное в невзрачную полотняную сумку.

Даан обрадовался: отправившись вместе с островитянином, Су То наверняка постоянно бы во все вмешивался и задирали его, а сейчас внимание к себе привлекать нежелательно. Пусть остается, Даан не станет ссориться с Матураной. День ото дня он все больше уважал чужеземца.

— А мне что делать? — спросил, прищурившись, Ихо. — Здесь ждать?

Даан развел руками:

— Как хочешь. Ты ничем не связан, хотя почему-то помогаешь нам.

— Тогда я пойду с вами. Много раз я собирался в Столицу и вот наконец попал сюда. Не сидеть же взаперти?

— Ладно, — кивнул Даан, вопросительно глянув на Матурану. Тот, похоже, не возражал.

— Тогда не будем терять времени. Мы постараемся вернуться побыстрее, Су.

Южанин молча вскинул руку.

Снова Даан со спутниками окунулись в непривычную городскую суету. Казалось, что жителям Столицы больше нравится сидеть по улицам и площадям, чем сидеть дома. Впрочем, Даан удивился бы, узнай он, что большая часть горожан находилась сейчас именно в многочисленных домах и внутренних двориках.

Как и полагал Басагурен, в караван Лун Гу уже набрали всех, кто требовался в пути. Седовласый управляющий богатого столичного торговца внимательно прочел письмо, прикрыл глаза, потом извинился и сказал, что, к сожалению, не может нанять людей дополнительно, а те, кто уже нанят, рекомендованы не менее уважаемыми людьми, нежели Басагурен. Вот если бы денька на два-три раньше... Все, что мог сделать управляющий, это посоветовать обратиться к людям Дон Хи — там еще оставался шанс получить работу.

Матурана вежливо поблагодарил и вместе с друзьями покинул дом Лун Гу. Приходилось надеяться на вторую возможность, хотя Матурана немного опасался женского своенравия, совершенно непредсказуемого.

Дон Хи жила совсем недалеко: через площадь, ближе к императорскому дворцу. Узкая улочка ответвилась от округлого простора очередного мини-рынка. Короткие тупички, как правило, заканчивающиеся крепкой дверью, часто обитой листовым железом, открывались справа и слева.

— Здесь! — сказал Матурана, взглянув на вычерченные на стене иероглифы.

Со двора доносился приглушенный гомон.

Островитянин приблизился к двери и громко постучал. Почти тотчас же дверь бесшумно отворилась, в проеме возник рослый привратник.

— По поводу работы? — осведомился он.

— Да, уважаемый, — поклонился Матурана.

Даан несколько удивился: кланяться привратнику? И называть его уважаемым?

— Проходите. Управляющий там. — Привратник неопределенно взмахнул рукой, затворяя дверь. На этот раз она глухо звякнула — кованое железо поддало голос.

«М-да... — Даан рассеянно оглядел дверь. — Такую и тараном не сразу разобьешь. Крепостные ворота прямо, только поменьше...»

Матурана, кивая встречным, прошел в глубь двора, где в тени раскорячился необъятный стол, желтоватый от множества бумаг. За столом восседали несколько человек. По двору беспрерывно сновали люди с печатью озабоченности на лицах.

Ихо и Даан, озираясь, следовали за островитянином; наконец все трое присоединились к нескольким бедолагам, мающим у стола в ожидании, пока кто-нибудь обратит на них внимание. На их глазах пожилого трудягу наняли погонщиком, выдали ему какую-то записку и отослали в один из постоянных дворов в Кольце Площадей, где формировали караван. Это заметно приободрило ожидающих.

Некоторое время чиновник, который ведал наймом, шептался с сидящими по соседству коллегами, потом обратился к Матуране:

— Вам что?

Островитянин с легким поклоном протянул письмо Басагурена. Около минуты чиновник читал, шевеля губами.

— А... Община... Ладно. Что вы умеете делать? Погонщики и работники-далаты нам, пожалуй, уже не нужны, учтите.

Матурана не задумался ни на секунду:

— Мои друзья более всего пригодятся в охране.

Чиновник с недоверием прищурился:

— В охране? Туда берут только самых доверенных. Впрочем, рекомендация у вас отменная, и я уверен, что она подлинная. Эй, Ман! — крикнул чиновник, повысив голос.

Появился давешний привратник. Держался он так, словно выше него здесь стояла только хозяйка.

— Вот, предлагают себя в охрану. Рекомендованы Басагуреном из островной общины. Что скажешь?

Ман придиричиво оглядел всех троих. При виде Матураны он поморщился.

— Поглядим, на что вы способны. Ты, — указал он на Даана. — Физиономия у тебя какая-то знакомая...

Даан изготавился к защите. Ман напал. Он не стремился ударить монаха, просто раз за разом ставил того в трудное положение и глядел, как тому удается выкручиваться. Бойцом Ман был на редкость искусным и Даан мгновенно взмок.

— Прекрасно, — оценил привратник, останавливаясь. — Этот годится. Теперь ты, — вызвал он Ихо.

Тот медленно приблизился.

Даан, восстанавливая дыхание, наблюдал. Ихо тоже держался неплохо, причем технику Змеи он совершенно не использовал. Видно было, что ему трудно.

— Сойдет, — удовлетворенно мурлыкнул Ман. Дышал он на удивление ровно. — Не знаю, как ты дерешься обычно, но того, что ты показал, достаточно.

Ихо молча поклонился, в душе изумившись. Привратник понял, что всеобщая техника — лишь маскировка, что свои главные козыри Ихо показывать не пожелал. Непростой, однако, этот привратник...

Ман повернулся к Матуране, и Даан затаил дыхание — сейчас он увидит чужеземца с его непонятной техникой в деле!

Но монах был жестоко разочарован.

— Я не стремлюсь в охрану. Мое место скорее среди проводников. Ведь ни один караванщик не откажется от знающего проводника.

— Проводник? — Ман недоверчиво склонил голову набок. — Не похож ты на проводника. Кто ты такой? Если тебе известны дороги на юг, почему я тебя вижу впервые? По-моему, ты лжешь. Никакой ты не проводник.

Чиновник, криво улыбаясь, барабанил пальцами по столу. Он наблюдал за происходящим с таким явным удовольствием, что казалось: еще чуть-чуть — и он засветится.

— Испытай меня, — предложил Матурана невозмутимо.

— Как? Отвезти на юг, бросить в степи и глядеть, куда ты пойдешь? — осведомился Ман ехидно. — Впрочем, ладно. Если ты такой прожженный бродяга-следопыт, угадай, откуда я родом.

— Ман — это настоящее имя или найденное? — неожиданно спросил Матурана.

— Настоящее.

— Значит, западный Го Дун-Бай, долина Вел Ши.

Ман несказанно удивился:

— Верно, во имя Каома! Я велш. Хм... Хорошо, скажи: сколько селений лежит между холмами Четырех ветров и Бодхайской грядой?

— Ни одного, — ответил Матурана, не задумываясь. — Там озера. Ман, пристально глядя на островитянина, приблизился и медленно-медленно взял его за левую руку.

— Да, — сказал Матурана непонятно к чему.

Горец-велш на мгновение замер, потом рывком приподнял рукав свободной рубахи чужеземца. Даан успел краем глаза заметить цветную татуировку: идущего по следу волка.

— Великий Каома! Ты — Идущий-по-Следу?

— Я же сказал: да, — спокойно подтвердил Матурана.

Привратник выглядел растерянным.

— Я уж думал, что вас совсем не осталось... Но ты ведь слишком молод!

— Даже император когда-то был молодым, — невозмутимо заметил Матурана.

Даан не знал, кто это — Идущие-по-Следу. Никогда раньше о них не слышал.

Чиновник, так и не сообразивший, что к чему, встрепенулся:

— Ну так как, Ман? Ты берешь их?

Ман горячо всплеснул руками, как это умеют горцы, и сразу все стало ясно.

— Конечно! Сегодня удачный день, Лю! У нас теперь лучший из проводников, сейчас о таких и мечтать не смеют! Да и эти двое нашей охране не чета, разве что Поон с ними сравниться может.

Матурана поднял ладонь.

— Еще одно, уважаемый, — обратился он к Ману. — Нас на самом деле четверо. Ручаюсь, что наш отсутствующий товарищ не разочарует начальника охраны. Он не менее хорош, чем Даан или Тин Пи.

— Да-да, — вставил Лю-чиновник. — Басагурен в письме рекомендует четверых.

Ман оживленно закивал:

— Отлично! Четвертый — твой соотечественник или бодхаец?

— Бодхаец-южанин.

Привратник расплылся в улыбке:

— Сегодня нам определенно везет. Мы ведь идем на юг. Вы наняты. Впиши их, Лю. Давай-давай, не сиди, словно цон на ветке. А я пока обрадую хозяйку.

Ман направился к дому, но вдруг застыл на полушаге и вновь смерил взглядом Даана.

— Все-таки знакомая у тебя физиономия. И дерешься ты знакомо. Но я никак не вспомню...

Даан был уверен, что горец ошибается: не могли они встретиться прежде.

Матурана толковал с Лю о плате, Ихо, позевывая, глазел по сторонам, Даан размышлял, почему это хозяйка должна радоваться еще трем охранникам и одному проводнику, и тут из дома вышла красивая молодая женщина, одетая не хуже императрицы.

«Дон Хи, — понял монах. — Богато живет...»

В запасе оставалось целых три дня.

Глава пятая

1

— Если он такой ценный проводник, почему же тогда Лун Гу его упустил? — спросил Су То. Голос его не предвещал ничего хорошего.

Даан терпеливо пояснил:

— Никто не знал, что он — Идущий-по-Следу. Лун Гу тоже не знал.

— Сказали бы Лун Гу, пошли бы в Даоден, — отрезал Су То. — Крутит что-то твой дружок-чужеземец.

Даан на секунду задумался. Известная логика в словах южанина имелаась. Но почему-то Даан был уверен, что Матурана ничего не сказал бы и Ману, если бы тот сам не догадался.

— Зря кипятиться, Су. Матурана уже не раз доказал верность Обряду.

— Тогда почему он все скрывает от нас? Ведет своими путями, решает все сам. Мы ему не нужны, это же ясно! Его интересует лишь Око, а оно может интересовать только нас, избранников Каома. Он опасен, Даан, не будь слепцом. Ихо тоже появился — вроде бы случайно. А я уверен: он с чужеземцем заодно.

— Да успокойся ты, Су. Они же нам помогают! Было время убедиться в этом.

Су не сдавался:

— Теперь еще оказывается, что чужеземец — Идущий-по-Следу. Но кто они — Идущие? Ты знаешь?

— Нет.

— И я не знаю. Кто может ручаться, что они с Орлами не заодно? Никто.

Даан устало прикрыл глаза, а когда снова открыл их, в комнате стоял Басагурен, бесстрастно глядя на монахов. Даан машинально поднялся, отдавая дань уважения старшему; Су То нехотя последовал его примеру.

— Уважаемый, — обратился к нему Даан, — кто такие Идущие-по-Следу? Вы можете нам рассказать?

Басагурен долго глядел на монахов, потом отрицательно покачал головой и вышел за дверь. Даже если он что-нибудь и знал, с монахами знанием не поделился.

Даан огорчился. Басагурен был соотечественником Матураны, а значит, у Су То появился лишний повод злиться на островитян.

— Давай уйдем, — тихо предложил Су То. — Безо всяких караванов. Сами. Видит Каома, так спокойнее.

Даан вдруг понял, что отговорить южанина ему не удастся. Поэтому он и не пытался. Только устало опустил на застеленные нары.

Тревога — она будет его спутником до самой долины Утан. Лишь в этом Даан нисколько не сомневался. Прочие изгибы будущего крылись в тумане еще не наступивших дней.

2

— Госпожа, — обратился к Дон Хи горец-велш, — я должен вам кое-что рассказать.

Хозяйка, лежа на цветастых шелковых подушках, читала желтоватый свиток, недавно присланный управляющим. Она давно усвоила: все, что считает необходимым сообщить верный Ман, действительно заслуживает внимания. Поэтому свиток был незамедлительно отложен в сторону.

— Слушаю тебя, Ман.

— Это касается нанятых сегодня в караван новичков — проводника и трех охранников.

Дон Хи насторожилась:

— Ты не уверен в новом проводнике?

Горец протянул руку, выставив ладонь вперед:

— Нет, госпожа, проводнику я как раз верю больше, чем себе, и на то есть веские причины. Беспокоит меня один из новых охранников.

— Продолжай, — велела Дон Хи.

— Он отменный боец, госпожа, — задумчиво протянул горец. — Боюсь — лучший в охране.

— Даже лучше Поона? — перебила хозяйка.

— Может быть.

— Даже лучше тебя?

Ман помедлил с ответом.

— Ему недостает опыта. Я с ним справлюсь.

— Это все?

— Я как раз подхожу к самому главному. Помните, как двое бродяг поколотили у наших ворот человека из клана Орла?

Хозяйка кивнула — такое случалось не каждый день. Глава клана Гут Фо тогда прислал ей богатые подарки и рассыпался в благодарностях за то, что о его человеке позаботились в доме Дон Хи. Мало кто в столице мог похвастать, что заслужил благодарность Гута Фо.

— Этот новенький дерется точь-в-точь как те бродяги. У них одна и та же техника. И мне известна эта техника. Ею пользуются лишь монахи Северного монастыря.

Дон Хи возразила:

— Но ведь и у тех двоих, и у сегодняшнего длинные волосы! Они не могут быть монахами.

Ман развел руками:

— В монастырях не обучают посторонних. По крайней мере до такого уровня, как у этих. Кстати, полагаю, что четвертый круг они все уже прошли и успели изрядно продвинуться в пятом, а это не меньше двенадцати лет Постижения. Чтобы стать такими мастерами, нужно тренироваться с детства. И именно в монастыре.

— Ну хорошо. Однако чем это может угрожать каравану?

— Я не удивлюсь, если они не в ладах с кланом Орла.

Как обычно, Ман предоставил хозяйке самой делать выводы. Дон Хи задумалась. Гута Фо она недолюбливала, его подручных тоже, но Орлы имели огромное влияние и в Столице, и в других уголках Империи. Трения с кланом были крайне нежелательны.

Впрочем, Ман все же нанял этого странного юношу, значит, скорее всего все обойдется.

— Ты говорил об этом кому-нибудь?

— Нет, госпожа.

Дон Хи ожидала именно такого ответа.

— Присматривай за ними. За всеми новичками, — сказала хозяйка и потянулась к отложенному свитку.

Ман сдержанно поклонился и вышел.

3

Уйти решили под утро. Ихо и Матурана вернулись из города поздно и сразу же улеглись, даже не поужинав. Монахи легли раньше, чтобы поспать хотя бы несколько часов.

Рано утром Даан и Су То встали и тихо-тихо, боясь потревожить Матурану и Ихо, вышли во дворик. Там было ненамного светлее, чем в комнатах: до восхода оставалось еще не менее получаса. Сумку со святыней нес Су То.

Квартал еще спал, как и весь город. Только где-то за Кольцом Площадей слышался далекий стук кузнечного молота, наверное, из квартала мастеровых. Работа там велась даже ночами.

Утренняя прохлада приятно щекотала кожу. Даан поежился. Ему совсем не хотелось уходить, оставлять непостижимого чужеземца и спокойного Ихо, ведь эти двое прекрасно послужили Всевышнему. Почему так настроен против них его спутник-южанин? Даан не понимал. Ну, пусть Матурана и Ихо не монахи. Ну и что с того? Великий Каома не видит разницы между торговцем и воином — перед его взором равны все смертные. Каждому воздастся за его поступки, а не за принадлежность к какому-либо сословию.

Калитку, ведущую на улицу, заперли еще вчера вечером. Су То ловко вскарабкался на каменную стену и огляделся — ни души. Он призывно махнул Даану и мягко прыгнул со стены.

Немного поплутав извилистыми улочками, они вышли к Кольцу Площадей. Рынок тоже еще спал: торговцы на все лады храпели, расположившись на телегах с товаром, на мешках, на прилавках, а то и просто на булыжнике, подстелив всего лишь тонкие циновки. Откуда-то из-под повозок лениво брехнула собака, от-

рабатовая хлеб сторожа, но, убедившись, что прохожие вовсе не покушаются на хозяйский скарб, тут же затихла.

Дорогу к городским воротам Даан отыскал без труда. Собственно, тут заблудиться умудрился бы только крот: широкая улица убегала от рынка к северной стене. Вообще-то монахам нужно было на юг, но они боялись не найти прохода через Столицу. А путь к северным воротам они запомнили вчера.

Одинокий страж дремал, опираясь на копьё. Из привратничкой доносился могучий храп. Монахи хотели проскочить незаметно, но страж проснулся, едва они приблизились.

— Эй! Куда претесь в такую рань?

— В горы, — осторожно ответил Даан. — На Фын-Бай. Мы там живем...

— Что в мешке? — раздраженно перебил привратник.

— Еда. Припасы...

— Покажите.

Сказали это повелительным, не терпящим возражений тоном.

Даан не успел и слова вымолвить; Су То покорно взялся за сумку с Оком, приблизился к стражу и выключил его едва заметным движением локтя.

Даан подхватил обмякшее тело, чтоб доспехи не загремели, ударившись о булыжную мостовую.

Опустив привратника без малейшего шума, Даан выпрямился. Су То возился с запором.

— А, семь драконов... Заперто.

— Брось, Су. Некогда.

Даан кошкой взлетел по воротам на остроконечный гребень.

Спустя минуту они уже припустили прочь от городской стены. Солнце вот-вот должно было взойти, восток порозовел, первые птицы подали голос.

Оставляя Столицу справа, монахи направились на юг, к далекой еще долине Утан.

4

Той вошел к Гуту Фо, пытаясь не утратить невозмутимость. Глава клана Орла читал бессмертный трактат Моона Гая, переплетенный в скрипящую кожу. Он не пошевелился и не поднял глаз от страницы.

— Что скажешь, Той?

Гут Фо говорил ровным и бесстрастным голосом.

— Рано утром монахи бросили чужеземца и Змею в островной общине и покинули город! Они вышли через северные ворота, но направились на юг, мимо стен. Я выслал за ними слежку.

— Слежку? — Гут Фо стремительно встал. Полами дорогого халата прогулялась едва заметная волна; шелк искрился, отражая утреннее солнце. — Их давно пора схватить, Той! Я сам не понимаю, почему терплю твое бездействие. Сколько ты будешь огорчать меня? Жалкие четверо щенков против самого могучего клана в Империи — и мы не можем с ними справиться! Я недоволен, Той, крайне недоволен. Не поискать ли мне нового помощника?

Той побледнел. Но возразил: все же он был смелым человеком.

— Хозяин, вы прекрасно знаете, что это не просто молодые несмышлениши. И островитянин с ними не просто островитянин. И четвертый — не мальчишка-неумеха, а Змея, и умелая Змея. К тому же нам не везло.

Гут Фо фыркнул. Гнев его отступил вглубь, лицо вновь стало спокойным.

— Не везло! Не может же вам все время не везти — на небе что-то перевернулось бы. Действуй, Той, и постарайся не разочаровать меня на этот раз.

Той поклонился:

— Постараюсь, господин.

Он вышел из покоев Гута Фо, надеясь, что удача наконец-то соизволит улыбнуться ему.

5

Матурана проснулся рано с неясным чувством тревоги. Он не сразу понял, что в комнате с ним находится только Ихо, но когда заметил исчезновение монахов, не удивился. Он давно ждал чего-то подобного. Удивляло, что Су То терпел так долго. В том, что зачинщик расставания именно Су То, а не Даан, Матурана не сомневался ни секунды. Южане есть южане, они не терпят, когда им утирают нос.

Караван выступал через два дня на третий. Значит, у Матураны было чуть более двух суток на поиски и сутки на возвращение. Оставив Ихо досыпать в комнате, островитянин выскользнул во двор.

Квартал просыпался; Матурану в общине хорошо знали, поэтому он сразу принялся за расспросы: не видел ли кто, как уходили его спутники-бодхайцы, южанин и горец? В городе ничего невозможно скрыть, Матурана еще раз в этом убедился. Четвертый по счету соотечественник поведал, что видел, как незадолго до рассвета Су То и Даан отправились к Кольцу Площадей, в сторону северных ворот. И вели себя так, словно намеревались оставить свое отбытие в тайне.

У ворот Матурана заметил усиленную стражу. Это могло быть связано с монахами, если они утром прошли через пост при помощи силы. Короткие расспросы утвердили его в этой мысли: кто-то утром оглушил стражника, но ворота не тронул. Даже карманы бесчувственного солдата не удосужился обшарить, а там было чем поживиться. Но почему Даан и Су направились к северным воротам? Неужели они не напрямиком в сторону Утана?

Поразмыслив, Матурана предположил, что они побоялись заблудиться в незнакомом городе и пошли уже известной дорогой. Вскоре он утвердился и в этой мысли: следы монахов, найденные без особого труда, вели вдоль городских стен и почти сразу отклонились к югу. Матурана вздохнул. Взрослые ведь люди эти монахи, но ведут себя, словно капризные дети. И как таким можно поручать Обряд? Определенно, пора менять устоявшийся порядок вещей. Обычай предков, конечно, надо чтить, но, когда они начинают мешать жизни, их приходится менять. Монастыри слишком уж цепляются за прошлое.

Еще через тысячу шагов Матурана убедился, что не он один идет по следу монахов. За ними спешил отряд в полтора десятка человек, и Матурана понял, что это, конечно же, Орлы. Больше некому.

Он взглянул вперед. Виднелся южный тракт, к которому направлялись монахи; по нему неторопливо тянулись путники — пешие и конные. Хватало и повозок, запряженных буйволами или лошадьми. Вокруг раскинулись возделанные поля, там и сям на них маячили конические крестьянские шляпы. Сетуя на капризы судьбы, Матурана поспешил по следу.

Монахов угораздило уйти в самый неподходящий момент. Островитянин прекрасно сознавал, что незамеченными они могут дойти только до столицы, а дальше любопытных ушей и глаз на их долю хватит до самого Утана. Поэтому он и стремился пристать к каравану. И сейчас, когда это почти удалось, монахи исчезают. Великий Каома, как теперь глядеть в глаза Басагурену? Ведь Басагурен помог и с письмом, и вообще. Получается, что Матурана подвел его. И всю общину подвел. Потому что договор под двумя лунами ценился превыше всего. Да и как иначе? Как тогда можно вести дела? Как торговать?

Если Матурана не вернет монахов до отхода каравана, в столичной общине, да и во всех остальных, можно больше не появляться. С ним даже не заговорят: он нарушил уговор. Обещал и не выполнил обещание.

Вскоре следы вывели на дорогу и растворились, затоптанные всеми, кто прошел здесь позже. Оставалось внимательнее следить за обочинами, чтобы не прозевать место, где монахи или Орлы свернут с дороги.

На одинокого путника без поклажи смотрели без удивления — мало ли людей спешит по делам помимо торговых? Может, это вестник. Или беглый. Тогда вообще лучше держаться от него подальше. Матурана стремительно шагал по укатанной дороге, обгонял повозки и пешеходов, уступал дорогу всадникам, мимоходом кланялся вельможам, чтоб не вздумали прицепиться. Этим только дай повод. Тем более Матурана чужеземец. Могут пристать просто от дорожной скуки.

Вскоре Матурана заметил Орлов. Десяток крепких ребят трусили по дороге, еще четверо по обочинам. Двое по левой, двое по правой. Видно, тоже приглядывались к следам.

Опустив голову, чтоб труднее было разглядеть его лицо, Матурана поспешил вперед.

6

Когда Ихо приподнял голову и осмотрелся, солнце уже успело изрядно подняться. В комнате для гостей, кроме Ихо, никого не было; из глубины дома доносился жизнерадостный щебет вчерашних развеселых девиц.

Ихо встал и вышел во двор, к фонтану. Что же, если монахам и островитянину нравится играть во взрослые игры и думать, будто Ихо слепец и ничего не замечает, — пусть думают. Пусть исполняют свой Обряд, несут Око Каома самостоятельно. Ихо не в обиде. Просто будет рядом с ними, и все. Пока есть пара свободных дней до отправления каравана, он побродит по Столице, поглазеет на городскую жизнь. Когда еще доведется сюда попасть?

Ихо с наслаждением умылся; вода была холодная, совсем как в горных источниках. Потом его зазвал пожилой островитянин в соседний двор и накормил странной едой Архипелага. Блюда были иные, чем вчера, но столь же вкусные. Островитянин плохо говорил по-бодхайски, объясняться пришлось в основном жестами. Поблагодарив за угощение, Ихо показал, что собирается в город. Хозяин кивнул и, указав на Солнце, на запад и на блюдо с едой, легонько хлопнул по столу. Ихо догадался, что его приглашают на ужин, и благодарно потряс руку островитянина.

Потом он отправился бродить. Решил, что главное — получше запоминать дорогу, и зашагал по узкой, похожей на ущелье улочке.

Вскоре кварталы островной общины остались позади, а перед глазами открылся рынок Кольца Площадей. Ихо влился в толпу, стараясь никого не толкнуть. На призывы настойчивых торговцев он только улыбался; предлагали ему что угодно — от жареных креветок до длинных низок жемчужных бус. Не видя заинтересованности, торговцы отвязывались и подступали к новым прохожим. Повозки с товарами стояли без всякого порядка, как придется, приходилось меж них лавировать, огибая группы людей. Прямо на булыжной мостовой играли в маджонг, Ихо тоже схватили за рукав и предложили сыграть. Он отказался, широко улыбаясь. Но мальчишка лет двенадцати настойчиво подталкивал его к играющим. Ихо мягко отстранил зазывалу, и рядом тотчас выросли двое парней постарше.

— Эй, ты зачем обижаешь моего брата? — неожиданно радушным голосом сказал тот, что на вид казался покрепче. Ихо усмехнулся и направился в сторону, собираясь просто уйти. Но там тоже стояли двое и нехорошо ухмылялись. Этим было далеко до радушия первого, от них веяло желанием подраться, и желательно всем против одного. Ихо вздохнул. Потом предельно скучным голосом обратился к радушному:

— Послушай, заботливый брат. Я не играю в маджонг, и у меня нет денег, которые можно отнять. Поэтому угомони своих подпевал и ищи жертву побогаче.

За спину ему скользнули сразу двое, Ихо прервал речь и переместился в сторону; теперь справа его защищала низкая повозка, груженная корзинами с виноградом.

Наверное, Ихо пришлось бы драться, не появившись в этот момент солдаты Надзора. Игроки в маджонг и зрители тотчас отвлеклись от назревавшей ссоры; Ихо не стал ждать — обогнул телегу и торопливо зашагал прочь.

Рынок на площадях тянулся навстречу. Стараясь обходить стороной места, где играли в маджонг и лайан, Ихо брел, поглядывая по сторонам. Находиться в центре толпы было очень непривычно, но забавно. Ихо привыкал к новому ощущению. Потом он вспомнил первый день, когда за ним и монахами следили Орлы, и, спохватившись, стал часто оглядываться.

Как выяснилось, не зря. Довольно скоро он обратил внимание на высокого парня в халате, лицо которого показалось ему знакомым. Он вроде бы и не обращал внимания на Ихо, рассматривал товары, перебрасываясь словами с продавцами, смеялся их шуточкам. Но все время держался неподалеку.

Ихо его вспомнил: с ним пришлось сразиться у отрога Пе, незадолго до встречи с монахами и Матураной. Тогда Ихо обошелся всеобщей техникой и шестом. Обойдется ли сейчас? Кто знает, может, он и не один. В родных горах Ихо легко ушел бы от соглядатаев, скрылся в каком-нибудь ущелье или в зарослях. А здесь, в городе, преимущество было на стороне Орлов.

Ихо отошел за цветастую палатку торговца рыбой и осторожно выглянул: парень подозрительно глядел в его сторону. Но Ихо, похоже, не видел. Вытягивал шею, вертел головой. Потом стал делать лихорадочные знаки кому-то невидимому перед левым рядом.

«Уходить нужно», — подумал Ихо. Связываться с Орлами в непривычно шумном городе совсем не хотелось. Он осторожно выглянул из-за палатки, но в пестрой толпе выделить второго соглядата не смог. Да и как его выделишь? Удивительно, что Ихо узнал первого в такой толчее. Это Матурана мастак обнаруживать слежку и, наверное, уходить от нее. А Ихо привык к безлюдью долин Фын-Бая...

Второго Орла он заметил, едва отошел от рыбной палатки. Высокий, как и все Орлы, горожанин, почему-то не в халате, а в обычных батах и светлой рубахе. Он глядел на Ихо в упор, словно пытался просверлить того взглядом. На секунду замешкавшись, Ихо толкнул проходящего мимо парня прямо на Орла, а сам метнулся в сторону. Через толпу приходилось продираться, как сквозь густой кустарник. Сквозь кустарник было даже легче. Но далеко Ихо не ушел, он завяз в сразу же насторожившейся массе завсегда-таев рынка, а Орлы пронизывали ее будто нож масло. Вмиг Ихо был окружен, и первый Орел напал на него. Ихо отшатнулся и встал в стойку.

Противников было четверо, всеобщей техники хватило всего лишь на несколько мгновений, а потом пришлось отражать резкие удары и выпады нитью кобры. Орлы словно обрадовались и надели с удвоенной силой. Ихо почувствовал, что долго не продержится. Он приседал и лънул к земле, потому что Орлы предпочитали высокие стойки и удары на верхнем уровне, но это все равно не спасало. Уже несколько ударов пришлось не отводить, а принимать. Еще минута, и Ихо пропустил подсечку, едва успев увернуться от мощного добивающего сверху.

Зрители, образовавшие плотную стену вокруг стычки, не вмешивались — Орлов в Столице побаивались. Нечего было и надеяться на чью-нибудь помощь. Из последних сил отбиваясь, Ихо выискивал щель в плотных рядах людей, а там придется уповать только на везение.

Но помощь вопреки ожиданиям пришла.

Двое невысоких гибких парней, в халатах, как и Орлы, но не в красноватых, а в светлых, вдруг прорвали живое кольцо на площади и сбили с ног двух Орлов, встав рядом с Ихо. Тот молча отбивался от четвертого.

Оба неожиданных помощника использовали технику Змеи, но их манера сильно отличалась от стиля, которому обучался Ихо. Они меньше работали ногами, но зато движения рук получались куда сложнее, чем привык Ихо. Кроме того, они прекрасно работали в паре, действуя как единый организм, четверорукий, четырехглазый... Легендарный Тан Дао, да и только...

Один застыл, изобразив правой рукой змею, вставшую на хвост; на его полусогнутые ноги, прямо на колени, вскочил второй, оттолкнулся и прыгнул, быстрый, как тень. Два пальца вытянутой руки поразили одного из Орлов в грудь, и противник упал.

Тем временем Ихо расправился со вторым, тем самым, кого уже победил с помощью шеста совсем недавно. Трое против четверых — это не то что в одиночку...

Уцелевшие Орлы переглянулись; один из них громко свистнул. Тотчас за их спинами встали несколько человек. Ихо пересчитал — семь. Среди них оказался и недавний любитель маджонга, тот, что заступался за своего малолетнего брата. Он тоже узнал Ихо и радостно шагнул вперед.

— Ты вздумал удрать от нас? Ха! От нас еще никто не удирал...

Больше он ничего не успел добавить — Змея нанесла удар в шею. Парень осел на булыжную мостовую, словно пустой джутовый мешок. Подмога оказалась похлипче, чем Орлы из первой четверки, вот те действительно были мастера. А эти — просто уличные шалопаи. Даже Ихо это понял. Положив троих подряд, Змеям удалось вырваться за пределы кольца. При этом poleg еще один из настоящих Орлов, Ихо только порадовался.

Потом был долгий бег по улицам, сначала по людным, а позже — по кривым закоулкам ремесленных кварталов. Ихо не понимал, гонится ли кто-нибудь за ними. Голова гудела, в первые минуты стычки с Орлами ему здорово досталось, и сейчас Ихо сообщал туго.

Его провели в узкие сводчатые ворота; на стене рядом с воротами умелой рукой была нарисована желто-зеленая змея, свившаяся кольцами. За воротами открылся просторный двор, давно не метенный. В деревянных обломках у стен с трудом угадывались приспособления для тренировок. Кто-то их крушил без разбора, и происходило это очень давно — дух запустения прочно обосновался в этом месте. В окнах низенького, похожего на таут домика отсутствовали стекла, мебель тоже была сломана, и везде лежал толстый слой пыли.

Один из незнакомцев пропустил Ихо в дверь, огляделся и скользнул следом. Второй прошел внутрь еще раньше.

— Ты из клана Змеи? — жестко спросил тот, что казался постарше.

Ихо покачал головой:

— Нет. Я одиночка.

Он хотел добавить, что Учитель, вероятно, принадлежал к этому клану, но вовремя прикусил язык. Ведь старик, заменивший ему родителей, предупреждал: никому никогда не говорить о владении запретной техникой.

— Кто тебя учил? — последовал новый вопрос, но Ихо лишь слегка улыбнулся в ответ.

— Брось, Хон, он ничего не скажет, — перебил второй. — И будет прав.

Хон пристально взглянул на Ихо и вздохнул:

— Ладно. Не хочешь — не говори, мы не станем тебя донимать расспросами. Только знай: мы — твои друзья. И когда встретишь своего Учителя, обязательно скажи ему: клан Южной Кобры еще жив. Пусть приходит к нам, Орлы сильны только в Столице и на севере.

— Ладно, — сказал Ихо.

— Мы сегодня уходим из города. Если хочешь — пойдем с нами. Тебе будут рады.

Ихо очень хотелось последовать за новыми знакомыми, потому что их техника заморозила его и вновь проснулось желание научиться чему-нибудь новому. Но он отрицательно развел руками:

— Нет, не могу. Я нанят на работу. И меня ждут друзья, которым я должен помочь.

— Ясно, — кивнул Хон. — Если обещал...

— Расскажите, как вас найти, — перебил его Ихо. — Я приду, обязательно приду. Как только смогу.

— Знаешь город Сай Хэ? На южном побережье?

Ихо не знал.

— Это недалеко от Токина. Спросишь. А в городе, — Хон улыбнулся, — ищи изображение кобры.

— Понятно, — отозвался Ихо. — Обещаю, что приду.

— Меня зовут Хон То, моего брата — Чон. Если хочешь, назови свое имя.

— Мое имя — Тин Пи, но все зовут меня просто Ихо.

Хон снова широко улыбнулся:

— Слышал? И с таким прозвищем он пытается скрываться!

Тихий смех нарушил тишину покинутого дома.

— Нам пора идти.

— Пойдите. — Ихо поморщился, взявшись за ноющий бок. — Где мы находимся? Как мне отыскать дорогу к островной общине?

Хон, казалось, удивился:

— Островная община? Что ты там забыл?

— Один из моих друзей родом с Архипелага. В общине мы скрывались от Орлов.

— Твои друзья тоже недолюбливают Орлов? Впрочем, чему удивляться? Мы выбираем друзей среди подобных себе... А находимся мы в старой школе клана Змеи, разоренной Орлами почти сорок лет назад. Если ты выйдешь из ворот и свернешь налево, вскоре окажешься у Кольца Площадей. Сверни еще раз налево и выйдешь как раз к кварталам общины. Но будь осторожен, не попадись Орлам снова...

— Давай его проведем, — предложил Чон брату. — Боковыми улицами. Мы ведь никуда не опаздываем.

— Правильно, — согласился Хон. — Давай. Я и сам об этом подумал.

Он выглянул во двор — все было тихо. Троица неслышно покинула школу и направилась к Кольцу Площадей.

— Ты здорово работаешь ногами, — похвалил Хон. — А вот техника рук какая-то странная. Но вообще мы удивлены. Давно не встречали такого крепкого бойца в стиле Змеи, да еще совсем незнакомого.

— А что, есть и другие? — оживился Ихо.

Хон подтвердил:

— Есть. И много.

Ихо на секунду остановился. На сознание словно накатила щемящая волна, и вдруг он понял, что бесцельное существование последних лет закончилось. Жизнь вновь обретала смысл — искать себе подобных. Таких, как Учитель.

Ведь помогать монахам и Матуране он стал оттого, что нашелся общий враг. Если бы не исчез Учитель, Ихо вряд ли прибился к ним.

До общины он добрался ближе к вечеру, простившись с братьями на пустынной улочке.

— Сай Хэ, — прошептал он. — Недалеко от Токина...

И побрел к знакомому островитянину ужинать, потому что ни монахов, ни Матураны в комнате не нашел.

7

Влажными тропками, что тянулись вдоль оросительных канавок, монахи вышли к южному тракту. Несмотря на ранний час, на тракте былолюдно. Даан взглянул на Су То. Путник как путник, не отличишь от остальных.

— Ну что, Су? Рискнем? Или пойдем скрытно?

Южанин насупился. Раньше подобные вопросы просто и естественно решал Матурана, теперь же приходилось выбирать самому. Это оказалось не так просто, как представлялось вначале. Боязнь ошибки вдруг вселилась в Су То, а раздражение и неприязнь к чужеземцу вспыхнули с новой силой. Даже оставшись в Столице, он умудрялся доставлять Су То неприятности!

— Решай сам, — буркнул он неприветливо.

Даан только вздохнул. Как бы не пришлось жалеть об этом уходе, подумал он с внезапным унынием.

— Рискнем! — решительно сказал Даан вслух и ступил на гладкие булыжники тракта. Су То последовал за ним, поправив сумку с Оком на плече.

И они зашагали на юг размеренной поступью опытных ходоков. Обгоняли неторопливо ползущие телеги со скарбом, товарами, овощами. Спешили убраться с пути стремительно скачущих всадников. Провожали взглядами колесницы вельмож. И терпеливо втаптывали минуты и часы в рыжую дорожную пыль.

Наверное, точно так же они бы шли вместе с караваном, но тогда в душе не нашлось бы места тревоге. Даан мимоходом глазел по сторонам: жизнь крестьянских равнин была ему, монаху-северянину, в диковинку. Су То тоже вертел головой, даром что южанин.

Смутное беспокойство Даан ощутил ближе к полудню. Словно кто-то пристально смотрел ему в спину. Многим знакомо это чувство: вроде бы нет никаких причин тревожиться, однако оно глохнет и глохнет, и не раз, доверившись ему, потом приходилось радоваться. Даан стал часто озираться, опасаясь слежки, но как отыскать слежку на тракте, где все двигаются потоком, рекой? Понятно, всех, кто идет навстречу, можно не принимать во внимание. Но как выделить излишне любопытных среди попутчиков? Не те ли сумрачные люди на скрипучей повозке под тентом? Нет, не похоже, они и на дорогу-то не смотрят, полностью доверившись двойке исхудавших лошадей, что понуро плелись, цокая подковами по булыжнику. Или вон те шумные парни в одинаковых черных балахонах... Хотя это наверняка студенты. Интересно, что позвало их в путь? Может, они не городские и отправились домой, когда случился перерыв в учебе? Даан слышал, что в школах есть перерывы. Даже слово специальное ему когда-то называли, обо-

значающее отдых для студентов. Даан порылся в памяти, и нужное слово, как всегда, быстро отыскалось. Каникулы. Точно.

Даан отвлекся от разглядывания студентов, едва не налетев на медленно тащившегося старика в каких-то невообразимых лохмотьях вместо одежды.

— Эй! — устало сказал старик с сильным акцентом Архипелага. — Осторожнее!

— Простите, уважаемый, — смутился Даан. — Я не хотел вас толкнуть...

— Когда идешь по дороге, смотреть нужно вперед, а не за спину! — назидательно сказал старик, указывая пальцем в сторону, куда надлежало смотреть.

— Да-да, конечно, — поспешил согласиться Даан. — Простите еще раз.

Монахи обогнали старика. Су То недовольно проворчал:

— Чего ты извиняешься перед каждым бродягой...

Даан промолчал. Не хотелось заводится. Насколько помнилось, раньше извинений Даан никому не приносил, ни бродягам, ни вельможам. Тем не менее он не стал возражать спутнику. Как ему объяснишь, что... Даан не мог подыскать нужные слова.

В общем, не похож был этот старик на простого бродягу. Балахон его только напоминал одежду бродяг: Даан заметил, что балахон был чистым. Где вы встретите бродягу в чистой одежде? И вообще старик выглядел ухоженным: борода подстрижена, башмаки вполне крепкие, даже ногти на руках чистые — Даан и это успел отметить.

Даан перестал оглядываться.

— Су... — сказал он поморщившись. — У тебя нет чувства, что за нами идут?

Южанин набычился и негромко спросил:

— И тебе тоже показалось? Я не хотел попусту беспокоить тебя, раз ничего особенного не заметил, но в спину нам пялятся — это точно.

Теперь Даан не сомневался. Если и Су То почувствовал слезку, за ними действительно наблюдают. Монахи пятого круга призывали доверять чутью.

— Давай сойдем с тракта, — предложил Даан. — Словно решили отдохнуть.

— Тогда нужно дойти до какой-нибудь придорожной харчевни. Или хотя бы до простого родника.

— А они есть по пути?

Су То пожал плечами:

— Должны быть.

Даан поразмыслил. Таким способом они, конечно, могут выявить соглядатаев, но удастся ли избавиться от них? Впрочем, их еще нужно выявить. Этим для начала и стоило заняться.

Но харчевен вдоль дороги, как назло, долго не попадалось. Не видели они и просто отдыхающих путников, поэтому шли и шли дальше, невольно ускоряя шаги.

Около полудня Су То не выдержал:

— Великий Каома! Так мы приведем их прямо к первому Месту, в Утан. Давай задержимся здесь — гляди, вон кто-то отдыхает.

Невдалеке и впрямь виднелось несколько повозок; вокруг них хлопотали торговцы-шаны. Тянуло дымом и запахом готовящейся пищи.

Су То, не дожидаясь ответа Даана, повернул к ним. После истертых тысячами ног булыжников тракта земля показалась мягкой и податливой, как ноябрьский снег. Даан последовал за южанином.

Торговцы при их виде оставили хлопоты и подозрительно воззрились на непрошенных гостей. Наверное, здесь водилось немало охотников пополнить дорожные сумы за счет других.

— День добрый, почтенные! — миролюбиво сказал Даан, приблизившись. — Легок ли был ваш путь? Удачны ли сделки?

Один из шанов, грузный мужчина в возрасте, с трудом маскируя неприветливость в голосе, осведомился:

— Что тебе за дело до нашей торговли? Ступайте своей дорогой и не лезьте к нам. Не то...

Шан не стал уточнять, что именно произойдет, если монахи не уйдут, но, наверное, он хотел сказать, что им не поздоровится.

— Не думайте, что мы лихие люди, — сказал Даан невозмутимо. — Мы мирные путники, просто у нас закончилась вода. Нет ли здесь поблизости источника?

Шан недоверчиво смерил их взглядом. Потом обернулся и громко позвал одного из своих спутников:

— Гаат! Налей им воды.

Невзрачный паренек, весь какой-то затравленный и помятый, мигом принес большую чашу. Даан с наслаждением выцедил половину и передал ее Су То. А сам тем временем поглядел на тракт.

Прямо напротив них стояла повозка, вокруг нее сгрудились человек двадцать. Похоже, у повозки что-то стряслось с передними колесами. Хозяева, громко причитая, суетились, зеваки наперебой давали советы.

Су То вернул чашу Гаату и негромко, чтоб слышал один Даан, сказал:

— Это они и есть. Не владельцы повозки, а зрители. И повозку сломали они — вон те двое, в красных халатах. Я видел.

Красные халаты. Цвет клана Орла. Даан вздохнул. Неужели снова придется от них отбиваться?

Соглядатаев насчитывалось десятка с полтора. Многовато.

— Напились? — поинтересовался из-за спин шан-предводитель. Даан спохватился и обернулся к нему.

— Да, уважаемый. Спасибо.

— К чему мне твоя благодарность? — пожал плечами собеседник. — Лучше будет, если вы пойдете своей дорогой.

Даан заметил, что он тоже с тревогой приглядывается к Орлам на тракте. Боится, что ли?

— Пойдем, — шепнул Даану Су То. — Теперь мы знаем, кого опасаться.

Поклонившись торговцам, они пошли к тракту, но не к месту, где застряла злополучная повозка, а немного южнее. Орлы тотчас утратили интерес к ремонту и рассыпались: часть побежала к месту, где Даан и Су намеревались выйти на тракт, часть осталась у повозки, часть направилась прямо к монахам.

Даан замер. Все. Стычки не избежать. Как не вовремя они пустились в самостоятельный путь! Матурана и Ихо — бойцы не из слабых, хоть островитянин и сражался исключительно редко. Если бы их было четверо — появился бы шанс против полутора десятков Орлов. Вдвоем же отбиться скорее всего не удастся.

Впрочем, если бы их было четверо, и Орлов бы послали больше. В который раз Даан позавидовал дальновидности Матураны: пойдя они с караваном, чихали бы сейчас и на сотню Орлов.

Но увы, окрестности Столицы — не северные горы. Даан, чувствовавший себя уверенно только в горах, понял, что просчитался. Пошел на поводу у Су То, и вот результат. На удивление скорый.

Су То тоже остановился, поудобнее перевешивая сумку с Оком. Выглядел он спокойным. Интересно, жалеет он об уходе или нет?

Орлы приближались. С двух сторон. Даан обернулся, прикидывая, сумеют ли они уйти прочь от тракта. До самого горизонта простирались крестьянские поля. Плоская, как стол, равнина не могла укрыть и средних размеров собаку, не говоря уже о людях.

Оставалось уповать на собственные силы и на добрую волю всемогущего Каома.

Первые Орлы оказались совсем рядом, и Даан с головой погрузился в схватку. Мышцы слаженно заработали, а кулаки и ступни затянули старую песню смерти.

Даан заранее настроился на поединок со многими, поэтому с некоторым удивлением отметил, что ему противостоят лишь двое. Правда, оба очень искусные, Даану приходилось весьма туго. Расслабив внимание, он разглядел, что у них появились неожиданные союзники. На Орлов, оставшихся на тракте, надели хозяева сломанной повозки. А совсем рядом с монахами возник недавно встреченный на дороге старик, притворявшийся бродягой. Тот самый, которого Даан едва не сшиб с ног. Рядом с ним бестолково топтались шестеро — целых шестеро! — Орлов, а еще двое неподвижно валялись на земле. Су То сражался с одним и явно побеждал, потому что его противник лишь с трудом отбивался и все время отступал к тракту.

Осознав, что все поворачивается не в их пользу, Орлы перегруппировались. Рассыпались, как стая воробьев, и взяли троицу в кольцо.

Даан, Су То и старик оказались рядом.

Архипелаг. Снова Архипелаг — Даан подумал, что острова вдруг стали слишком чувствоваться здесь, в самом центре Бодхайской Империи. Старик ведь сражался совсем как Матурана, не ударами, а увертками и бросками.

На дороге Орлов положили — Даан с удивлением разглядел у повозки черные балахоны студентов. И еще с той стороны спешил не кто иной, как Матурана, и лицо его было сердитым до невозможности.

Орлы разом напали. Даан сбил одного, Су То сцепился со вторым, а с остальными быстро и невероятно красиво справился старик. Все естество Даана протестовало и говорило, что так не сражаются, но тем не менее Орлы, скопом кинувшиеся на старика, почти все промахнулись; двое из них странным образом крунулись, потеряли равновесие и упали. Прежде чем они достигли земли, старик коротко коснулся их руками. Результат — у одного

сломанная шея, а у второго, похоже, ключица. Следующая атака — еще двое валяются на землю.

И все сразу закончилось. Орлы проиграли схватку со стариком.

— Великий Каома! — сказал потрясенный Даан. Старик, без сомнения, великий мастер. Равный Высшим, равный даже Верховным Настоятелям — Бину и Тао. — Как это называется, уважаемый? Это ведь не ши-тао? .

Старик, снова ставший мирным и на вид совершенно безобидным, с интересом поглядел на Даана.

— Верно. Это не ши-тао. Это айдзу-то-домэ. Тебе понравилось?

— Очень! — честно признал Даан.

Тут подоспел Матурана. Гневно глянув на монахов, он не удостоил их даже словом. Зато низко поклонился старику:

— Здравствуйте, Учитель!

Даан и Су То даже рты приоткрыли от изумления. Чудеса продолжали вязаться в причудливый узор, и тона Архипелага проступали в нем все отчетливее.

Самостоятельный поход незадачливых монахов выдался совсем коротким — неполных восемь часов.

Глава шестая

1

Караван полз по предрассветному городу, словно диковинная змея. Десятки повозок, вьючные лошади, буйволы, верблюды и даже два невесты откуда взявшихся яка. Далаты и погонщики шагали по улицам, перебрасываясь короткими фразами: поход только начался, и настроение у всех было приподнятое. Стражи, проводники и торговый люд отсиживались под тентами. Только всадники из конной охраны носились вдоль вереницы повозок и вьючных верблюдов, наблюдая, чтоб никто не отстал. А то совсем недавно какие-то шутники в Чжуне нанялись в караван погонщиками и спустя семь минут после отхода от постоялого двора завер-

нули пару повозок в боковые улочки и этого никто не заметил! Даже хозяин, ехавший у соседа под тентом. Повозки потом нашли в припортовых кварталах, пустые, конечно же. Груз ковров работы мастеров Архипелага растворился в многолюдном городе без следа. Над несчастным торговцем коврами смеялся весь Бодхай.

Даан сонно таращился на подернутые утренними сумерками улицы Столицы. Рядом дремал Су То, вновь завладевший сумкой с Оком. Ихо, зевая, возился за спинами Матураны и начальника легкой охраны Поона. Последние дни перед выходом Ихо большей частью отлеживался после стычки с Орлами в Кольце Площадей.

Больше всего Даана беспокоил Су То. Южанин выглядел невозмутимым и равнодушным, но Даан подозревал, что он много чего высказал бы Матуране при случае, и поэтому старался не оставлять их наедине.

Из южных ворот караван вышел одновременно с рассветом. Багровый диск Солнца всплыл над горизонтом и с каждой минутой становился все более ослепительным. Под тентами сразу стало светло, полумрак рассеялся, уступая место народившемуся дню. Даан уныло глядел на тракт, по которому они с Су То проходили несколько дней назад. До сих пор, вспоминая это, Даан чувствовал себя неловко. Особенно перед Матураной. Впрочем, островитянин не сказал монахам ни единого слова, не бросил ни одного упрека. Но Даан знал, что Матурана сердится. Да и как не сердиться: от до-избранников, которые пуще всего должны беспокоиться о благополучном исполнении Обряда, последнее время больше помех, чем помощи. Получалось, что практически все, что было сделано для исполнения Обряда, — заслуга в основном Матураны. Спрашивается: зачем ему лишние хлопоты? Зачем терпит он рядом с собой нерадивых монахов?

Даан готов был сгореть со стыда.

Он даже узнал то самое место, где стояла телега, сломанная Орлами. Конечно, никаких следов недавней стычки не сохранилось, слишком много людей прошло здесь с тех пор и слишком много повозок прогрохотало колесами по старому булыжнику.

Пока у легкой охраны дела не было. Да и не предвиделось: вооруженные стражи бдили и в пути, и на стоянках, легкая же охрана вмешивалась только при нападении на караван. Даану, Су То и Ихо даже мечей не дали, хотя практически все, кто попал в подчинение к Поону, получили оружие. Матурана вскоре после

того, как покинули Столицу, выпрыгнул из повозки и убежал в голову каравана. Там же большей частью пропадал и Ман, горец-велш.

На второй день мощенная булыжником дорога кончилась. Остались позади возделанные поля и небольшие крестьянские деревушки. На пути каравана раскинулись бескрайние южные степи, где гонял облака пыли ничем не сдерживаемый ветер. Далеко на юго-западе лежали могучие горные хребты и Крыша Мира — Сагарматха, но отсюда горы не разглядел бы и взмывший в прозрачную высь орел. Там, на юге, всего в дне пути от океанского побережья, раскинулась неприметная долина Утан, скрытая от чужих глаз среди пологих холмов песчаного взморья. Но караван не дойдет до нее. Свернет задолго до того, как холмы можно будет различить в белесой приморской дымке.

Тянулась навстречу плоская, как пол в тауте, равнина, тянулись одинаковые дни. Караван медленно, но упорно, словно влекущий непосильный вес муравей, продвигался вперед. Днем Даан и Су То тряслись в повозке Поона, вечером сидели у костра и слушали разговоры и песни далатов и погонщиков. В караване собрался люд из самых разных мест — и горцы, и горожане, и жители восточного побережья. Темы для разговоров не исчерпаются до самого Токина, цели каравана, ведь Бодхай велик и его уголки непохожи друг на друга, а человеческой любознательности нет предела. Монахи, мало что повидавшие в жизни, жадно слушали эти вечерние рассказы.

Будни ежедневных переходов были до того однообразны, что Даан всерьез засомневался: а нужно ли нанимать столько охранников? Казалось, что в сердце степей напасть на караван просто некому. Впрочем, пусть все так и течет: меньше хлопот, Око целее, Утан ближе... Честно говоря, Даан уже устал от постоянного груза ответственности. Требовали отдыха измочаленные нервы. Ежесекундное ожидание подвоха утомило даже железную волю монаха.

На восьмой день проводники остановили караван раньше обычного. До заката оставалось еще немало времени. Даан выглянул из повозки: в голове каравана собрался человек сорок, о чем-то ожесточенно спорящих. Даан покосился на Су То — тот дремал вполглаза, по обыкновению. Их еще с утра ушел к Матуране.

Рывком вскинув тело в воздух, Даан выпрыгнул из повозки. Легкие облачка пыли поднялись у его ног и, клубясь, медленно

поплыли на восток, хотя ветра совершенно не чувствовалось. Из-под тентов выглядывали купцы и далаты, озабоченно глядя на небо и туманный горизонт справа, на западе. Даан тоже поглядел: небо, как обычно в весеннюю пору, было прозрачным и бездонным. Горизонт выглядел как всегда, разве что на западе он был несколько темнее, чем на севере или, скажем, юге.

Матурана и Ман стояли рядом с караванщиками. Ман что-то негромко втолковывал вену, главному среди них. Остальные просто слушали, не смея вмешаться. Тут же, чуть в стороне, Даан заметил Ихо и приблизился к нему.

— Что стряслось? — спросил он негромко.

Ихо так же негромко ответил:

— Проводники всполошились... Говорят — погода портится.

Даан с удивлением взглянул на безобидно голубое небо без единой тучки.

— Гм... Что-то незаметно. Мне по крайней мере.

— Матурана сказал, что степь — не горы. Тут все иначе. Знаешь, я ему верю...

«Конечно! — подумал Даан. — Уж Матуране-то можно верить...»

— А чем нам помешает плохая погода? — сказал он вслух. — Дождь каравану не помеха, разве что дорогу развезет... Но все равно надолго это задержать не может.

Однако Ихо озабоченно покачал головой:

— Дождь что... Буря, похоже, надвигается, а что такое буря в степи — недавно рассказывали. Слыхал?

Даан слышал. Рассказ особого доверия не вызвал, но впечатление произвел. Казалось невероятным, что ветер способен вытворять все, что ему приписывали. В горах ветер — тоже не подарок... А здесь ему нет препятствий. Да и проводники наверняка знают, что говорят и что делают.

Повозки расположили кольцом, крепче привязав тенты к деревянным стойкам; животных ввели внутрь кольца, под защиту возникшей стены на колесах. Далаты скрепляли повозки между собой, вбивали в слежавшуюся землю длинные колья. Даан только головой качал, глядя на эти приготовления. Неужели буря так страшна? Хотя ему ли судить?

Небо на западе стремительно потемнело, солнце валилось в лиловую тучу, наползающую на степь. Далаты забегали быстрее, стараясь завершить все приготовления до ветра. Кони и буйволы

беспокойно топтались, подавали голос, словно жаловались судьбе; наверное, тревога людей передалась и им. А может, они просто чуяли надвигающийся шторм. Верблюды и оба яка, наоборот, оставались спокойными, словно ничего не происходило, а они находятся в родных стойлах.

Туча уже заняла полнеба; вскоре налетел первый порыв ветра — резкий, неприятный, несущий мельчайший песок. Швырнув его в лицо людям, ветер торжествуяше взвыл.

Даан отступил к повозке Поона и забрался под колышущийся тент. Ихо, пригибая голову, последовал за ним. В уютном сумраке повозки завывание ветра казалось не таким зловещим. Су То сонно что-то проворчал и вновь затих.

«Здоров же он спать!» — подумал Даан. Впрочем, сам он тоже спал последние дни много: грех не воспользоваться подвернувшейся передышкой.

Караван, вцепившись в сухую землю южной степи, подставил буре защищенный бок. Повозка скрипела, как стая саранчи, и заметно раскачивалась. В самый разгар бури под тент забрался Матурана. Волосы его были взъерошены ветром.

— Ух! — сказал он, отряхивая с одежды песок. — На день, не меньше. Отсыпайтесь, слуги Каома...

Су То недовольно взглянул на него: в повозке коротали непогоду несколько стражей, подчиненных Поона, и сам Поон. Но Матурана ничем не рисковал, ибо все живущие под двумя лунами могли считать себя слугами Каома.

— Мы и так уже от сна опухли, — вздохнул Ихо.

— Если хочешь, — лениво сказал Поон, — назначу тебя в ночную стражу.

— У меня меча нет, — ответил Ихо.

Поон ухмыльнулся:

— Ничего! Ман говорит, ты и с шестом неплохо управляешься...

«А Ман-то откуда это знает? — удивился Ихо. — Или Матурана разболтал?»

Впрочем, если островитянин рассказал велшу что-нибудь о навыках нанятых людей, значит, без этого не обойтись.

— Кстати, — продолжал Поон. — Неплохо бы поглядеть, на что вы способны. Ман считает, что вы сильнее моих людей.

— Ман ошибается, — вмешался Матурана. Голос его звучал лениво и равнодушно.

Су То приподнялся на локтях, от него так и расплзлась волна негодования, но, столкнувшись с металлическим взглядом Даана, Су проглотил готовое сорваться с языка возражение и лишь тяжело вздохнул.

Поон отмахнулся от Матураны, словно от назойливой мухи:

— Да о тебе и речи нет, чужеземец! Я спрашиваю о людях из моей охраны, а не о проводниках! Проводники и не обязаны быть бойцами, так что помалкивай...

— Мы, конечно, не ровня тебе, Поон, — придав голосу максимально уважительный тон, сказал Даан. — Но, поверь, тоже кое-что умеем. Не зря же Ман нас нанял?

Поон кивнул:

— Это правда. Ман не стал бы нанимать неумех. Какую технику вы используете?

— Всеобщую. — Даан неопределенно пожал плечами.

Несколько мгновений Поон колебался.

— Кажется, ты не сказал всей правды. Всеобщей техники маловато для настоящего бойца. Особенно для отобранного Маном.

— Ты проницателен, — уклонился от прямого ответа Даан. — Но настоящий боец не станет попусту раскрывать свои секреты. Даже на словах.

— Вот поэтому я и хотел поглядеть на вас в деле.

— Спыхватился, — буркнул Су То. — Который день уже в пути...

— Ничего. — Поон ничуть не смутился. — Каома учит не торопиться.

— Каома учит все исполнять в срок, — машинально поправил Даан. Потом подумал, что отменное знание Учения может выдать в нем монаха. Хотя Учение постигают все, каждый в той мере, которая отпущена ему свыше. Вдруг Даан ревностный последователь Учения?

— Верно! — согласился Поон. — Вот буря утихнет, пока снимемся — как раз успею на вас взглянуть.

И он откинулся на вытертую шкуру. Ветер затянул унылую песню непогоды, повозка раскачивалась, как живая, и скрипела.

Даан подумал, что не зря вспомнил о сроках: у них оставалось не так уж много времени. Скоро мощь того, кто Выше, вновь наполнит Око, и прикосновение к нему станет смертельным. И если они не успеют доставить Око к первому Месту, мир окажется у края бездонной пропасти.

Непогода бушевала всю ночь. Лишь к вечеру следующего дня порывы ветра начали слабеть, а жалобный скрип повозок стал заметно тише. Да и сами они больше не раскачивались, будто лодки на волнах. Отоспавшиеся люди оживились, тут и там из-под тентов выглядывали, шурясь, пытливые лица. Даан тоже выглянул. Небо посветлело, хотя песка в воздухе носилось еще предостаточно. Ветер уже не сбивал с ног; кое-где из повозок выбрались далаты и бродили, громко перекликаясь и постукивая сапогами по колесам.

— Эй, просыпайтесь! — Даан пихнул Су То и Ихо. — Сейчас, наверное, сниматься начнем.

Ихо недовольно заворчался:

— Какое сниматься? Вечер скоро. До утра никто не сдвинется.

Даан вздохнул и выпрыгнул на жесткий песок. Ветер еще не совсем унялся, швырнул в лицо горсть колючего песка и негромко взвыл. Даан выругался.

В тот же момент он споткнулся о тело мертвого далата-работника. Багровая лужа не успела еще засохнуть и потемнеть. Даан замер, спиной почувствовав опасность.

В тот же миг на него напали. Сразу двое. Оба по самые глаза закутанные в облегающие серые балахоны пустынников. На коротких мечях виднелись свежие кровавые потеки. Даан уклонился, сшиб одного из напавших и подобрал меч.

Справа от него зазвенело железо: кто-то из стражей рубился, невидимый, за повозкой.

Когда Даан прикончил и второго пустытника, Поон, Ихо и Су То выбрались из-под тента на шум и сейчас недоуменно глядели на трупы.

— Нападение! — прошипел Поон и дважды громко свистнул. Это был знак для охраны. А потом в круг повозок ворвалась целая орда пустынников. Даан заметил, как Су То поднял короткий меч и шагнул навстречу серой лавине. Еще оставалось время встать рядом с ним.

Когда Даан очнулся от сна битвы, мышцы ныли, требуя отдыха. Меч, руки и одежда были в крови — большей частью в чужой. Су То он потерял в поднявшейся суматохе; несколько раз он видел Ихо и Матурану; кажется, оба были целы, но присмотреться вре-

мени не оставалось. Почти всех пустынных перебили; из стражников уцелела лишь половина. Погибли также несколько купцов, с десяток погонщиков и далатов. Караван отбился.

Вен с помощниками, храня на лицах печать озабоченности, обошли стоянку. Ман и начальники охраны молча следовали за ними. Был выставлен кольцевой дозор; Ман лично проверил вооружение каждого стражника. Понятно, сегодня никуда уже караван не двинется.

Монахи и Ихо присели на песчаный бугорок, наметенный бурей у колеса повозки. Спустя несколько минут к ним присоединился Матурана. Су То взглянул на него, по обыкновению, неприязненно. В битве он чужеземца не видел.

— Что скажешь, островитянин? — спросил его Даан.

Матурана, казалось, не слышал вопроса.

— Кто пойдет со мной? Надо прочесать окрестности до темноты.

Все трое с готовностью приподнялись, потом обменялись быстрыми взглядами.

— Су, останься с Оком, — попросил Даан спокойно. — А я схожу.

Как обычно, это сработало. Южанин соглашался на все, лишь бы Око оставалось у него. Даан удовлетворенно вздохнул, хотя он устал после битвы с пустынниками, а сейчас предстояло несколько часов тынаться среди податливых песков и, возможно, снова сражаться.

— А я? — спросил Ихо.

Матурана колебался всего мгновение.

— Пошли.

Степь, совсем недавно выглядевшая цветущей и беззаботной, теперь больше походила на бесплодные пустыни запада. Ветер нанес целые барханчики песка, волнистые, словно подернутый рябью океан. Травы прижались к почве, изогнув высохшие стебли, а те, что не сумели зацепиться корнями, унесло в пыльную даль. Даан знал, что первый же дождь смоем рыжий налет песка с плодородных степных земель, трава вновь зазеленеет и встанет в полный рост, и будут в зарослях шнырять увальни-бэхи, жирующие до следующей бури.

«Все, все под двумя лунами колеблется от жизни к смерти и опять к жизни. Мир непостоянен, и непостоянна воля того, кто Выше. Мы не можем уклониться от качания этого маятника, иног-

да только удастся его чуть задержать. Да и то, когда он освободится и ускорится — шатаемся от поднятого им ветра...»

Даан не заметил, как караван исчез за горизонтом. Их окружила вылизанная бурей степь. Песок и сухие стебли хрустели под ногами. Матурана присматривался к волнистому рыжему налету, словно ожидал разглядеть следы злодеев-пустынников. Но ничто не нарушало правильную поверхность, песчинка к песчинке составлявшую мертвые волны.

— Ты знаешь, что за люди на нас напали? — спросил Ихо островитянина. Он даже не сомневался, что ответ Матуране известен. И он не ошибся.

— Знаю. Это люди Поющих Песков. Живут они далеко на юго-западе, за озерами и Бодхайской грядой.

— Что же привело их сюда? — удивился Ихо. Он краем уха слышал об этих кочевниках, берущих дань с каждого проходящего каравана. Но так далеко на восток их власть не распространялась.

— Наш караван. Точнее, мы четверо... и известная тебе ноша.

Ихо настороженно покосился на Даана, но монах сам с интересом прислушивался. Вот будь здесь Су То — он бы не потерпел, когда посторонние много рассуждают об Оке Каома.

— Неужели они тоже мечтают завладеть святыней? — спросил с недоверием Ихо. — Я думал, Обряд держится в строгом секрете...

— Нет. Они даже не знают, что именно мы несем. Скорее всего их наняли Орлы. Ничего не объясняя. Поэтому они и забрались в чужие земли.

— А здешние бродяги, — поинтересовался Даан, — напасть могут?

Матурана на ходу пожал плечами:

— Вообще-то им заплачено. Но у Миина Кана в своре тоже сущие головорезы. Если Орлы предложат им больше, нападут.

Даан покачал головой. Дела! Оказывается, пустынные земли давно поделены, и хозяйничающие на них разбойники берут мзду за право прохода. Наверное, немалую. Неужели торговля приносит такие барыши, что хватает и на откуп от этих ненасытных?

Вскоре Матурана остановился, пристально глядя в слэбные росчерки на песке. Здесь прошли скорее всего незадолго до того, как буря утихла, но уже позже самого страшного времени. Даан и Ихо тоже уставились под ноги, но видели лишь неясные оплывшие вмятины, заметные, только если долго их высматривать. Матурана же так и зыркал по сторонам, словно книгу читал.

— Понятно, — сказал он некоторое время спустя. — Они долго следовали за нами. А перед бурей прятались от людей Миина. Значит, с Миином стоит поговорить.

Даан переглянулся с Ихо. То, что Матурана прочел на песке, для них осталось тайной за семью печатями. Поражаться способностям чужеземца уже не было сил. И ведь он ровесник и монахам, и Ихо, а насколько больше знает об окружающем мире! И это он еще в чужой земле. А дома? — тут же возникал невольный вопрос. У себя дома он наверняка чувствует себя еще увереннее...

Спустя час или полтора их окликнули. Матурана петлял по степи, словно кого-то выискивал. Собственно, Даан сразу понял, что он ищет того самого Миина Кана. Или его подручных.

Перед путниками словно из-под земли возникли трое закутанных в такие же, как и у пустынников, балахоны, только не серые, а буро-зеленые. Рук их, скрытых под одеждой, Даан не разглядел, но не сомневался, что каждый сжимает какое-нибудь оружие.

Матурана заговорил с ними на полупонятном диалекте, то и дело вкрапляя целые реплики из жаргона столичной шпаны. Даан понимал его плохо; Ихо — с пятого на десятое. Но общий смысл Ихо все же уловил.

— Они знают о нападении, — шепнул он Даану. — Спрашивают, много ли наших погибло.

Даан исподлобья взглянул на Ихо, словно удивлялся, что тот понимает странно исковерканные фразы.

— Требуют доплатить за охрану... — продолжал переводить Ихо.

Матурана спокойно возразил, а когда один из троих потянул из складок балахона меч, добавил короткую хлесткую фразу. Вспыльчивый обернулся и свистнул; появился четвертый, ведя под уздцы низкорослых мохноногих лошадок. Матурана и двое степняков вскочили в кожаные седла, причем островитянин скользнул на круп лошадки так ловко, что невольно подумалось, будто он всю жизнь только и занимался, что шатался верхом по окрестным степям.

— Я к Миину загляну, — негромко сказал он Даану. — Вернусь затемно. Передай Ману, что все будет улажено. Караван во-он там, держите закат за правым плечом и скоро выйдете.

— Удачи, — спокойно пожелал Даан и направился к каравану. Здесь не задают лишних вопросов и ничему не удивляются — по-

нял он. Их молча последовал за ним. Он ведь тоже был из понятливых.

Кольцо повозок они разглядели вдаль, когда начали сгущаться сумерки.

3

Матурана вернулся ночью. Малая луна отсветила свое и склонилась к югу; а над Миром вставала большая, желтая, как сыр, в ноздреватых разводах пятен.

Вернулся он не один, а в окружении дюжины диковатого вида степняков-подручных Миина Кана. Ни на кого не глядя, все соскочили с коней и направились к повозке вена. Даан заметил, что у Матураны руки схвачены за спиной жгутом из жил быка-сона. Как чужеземец умудрялся при этом скакать на коне и не падать — осталось загадкой. Лицо у него хранило печать безразличия, но Даан сразу понял — произошло нечто непредвиденное.

Буквально через несколько минут у повозки Поона возник запыхавшийся страж:

— Даан Геш, Су То и Тин Пи — немедленно к вену! .

Монахи переглянулись, а начальник легкой стражи недовольно нахмурился:

— С каких это пор моими людьми распоряжается вен? Его дело — вести караван.

Страж виновато развел руками:

— Что-то стряслось, не иначе, Высший. Эти, — он недовольно повел бровями в сторону центральных повозок, — в балахонах, оружием так и бряцают...

Поон не ответил, просто выскочил в темноту южной ночи вместе с троицей. Звезды тускло мерцали на угольном развороте неба, их свет скрадывался желтым сиянием большой луны. Меж стоящих кольцом повозок шелестели, пожирая высохшую траву, костры, вокруг которых расселся караванный люд. Не слышалось обычных вечерних разговоров, все настороженно молчали. Сначала буря, потом пустынные, теперь еще кто-то...

Под тентом вена было светло и просторно; натянутые шкуры впитывали копоть горящих светильников. Вен с напряженным ли-

цом сидел перед наспех собранным угощением. Рядом развалился на подушках один из пришлых. Остальные, разбившись на две группы, устроились поближе ко входу: Ман и несколько купцов из тех, что побогаче, да пяток степняков, недвусмысленно обнаживших мечи. Матурана на коленях стоял перед венком.

— И ты нанял их, Ман! Этих пройдох! — выговаривал велшу первый караванщик. — Как ты мог!

— Их рекомендовал Басагурен, — холодно отозвался Ман.

— Наверное, письма были поддельные! — продолжал сокрушаться вен, косясь на предводителя степняков.

— Письма были настоящие. — Голос Мана остался ровным и бесстрастным. — И нам не в чем упрекнуть этих людей. Они честно выполняют свои обязанности, и нареканий от Поона я не слышал.

Вен всплеснул руками, как показалось Даану — преувеличенно горестно.

— Из-за них у каравана трудности! Я вынужден буду требовать компенсации с островной общины и поставлю в известность госпожу Дон Хи...

— Госпожу Дон Хи я поставлю в известность сам. А что до трудностей — мне неизвестны претензии клана Гута Фо к этим путникам. И мне нет до этого дела. Пусть забирают всех четверых, если хотят, но дополнительно платить Дон Хи за проход по этим землям не будет.

Вен с готовностью обернулся к предводителю степняков, слушавшему без единого звука, но, несомненно, с живейшим вниманием.

— Ну, уважаемый? Что скажет хозяин степей на это предложение?

Видимо, Орлы посулили степнякам денег за задержку каравана. И теперь Мийн торговался, пытаясь понять: какой куш больше? Тот, что можно содрать с испуганных караванщиков, или же предлагаемый Орлами? Вен, конечно, рад был избавиться от трех охранников и проводника и не платить при этом ни гроша.

Предводитель пришлых не спешил. Пожевав губами для пущей важности, он гнусаво объявил:

— Хозяин подумает. Мы забираем эту четверку с собой. А вам не советую сниматься с места, а то, знаете ли, в степи всякое случается...

Он поднялся. Даан перехватил его взгляд, устремленный на сумку, висящую на боку Су То. У Даана похолодело внутри. Что он знал об Оке?

Монахов и Ихо крепко взяли за локти и вытолкнули из-под тента. Су То тут же, не разбираясь, положил ближайшего степняка неуловимым «ударом грома», но когда у горла южанина оказался кривой, острый, словно зуб дарка, нож, осталось только замереть. Даан даже этого не успел: клинок уперся ему между лопаток. А из освещенного пузыря повозки на это смотрели удовлетворенный вен и бесстрастный горец-велш. Когда монахов утихомирили, из повозки выпихнули и островитянина.

Потом была недолгая скачка через степь. Руки Даана, Су То, Ихо и Матураны привязали к стремянам, и они вынуждены были изо всех сил нестись рядом с резвыми степными лошадами. В темноте недолго было сломать или вывихнуть ногу, но всадникам на это было глубоко наплевать.

К стоянке Миина Кана они прибыли совершенно измотанными. Су То судорожно сжимал сумку с Оком, готовый умереть за нее, но умереть ему не дали. Огрели по затылку древком тулана и отобрали святыню. Даан смотрел на это чужими глазами. На что надеяться? На чудо?

Матурана отчужденно уставился в пустоту. Бородатый и толстый предводитель степняков, скаля неровные желтые зубы, принял сумку из рук одного из своих прихвостней и вынул Око Каома.

Даан даже дышать перестал. Миин взял Око голыми руками!

Дыхание вернулось, когда все степняки из своры Миина, сбившись в тесную толпу, стали передавать друг другу Око. Ненадолго, всего на несколько секунд. Они словно приносили какую-то клятву, хотя Даан не слышал ни единого слова. Но надежда тут же вернулась к нему: ведь касаться святыни могут только родившиеся весной в год Тигра-воина. Остальные люди умрут, прикоснувшись к ней. Не сразу, но неизбежно умрут. Степняки этого явно не знали. А значит, монахи, Ихо и чужеземец скоро останутся со связанными руками среди трупов. Если только степняки не убьют их раньше.

Даан обернулся к Матуране — едва заметная улыбка тронула уста островитянина. Он, конечно же, все понял.

Вершителю Обряда, связав попарно, оставили коротать ночь рядом с лошадьми. Запах пота и навоза впечатался в ноздри, но четверо измученных пленников скоро перестали его замечать.

Миин явно не собирался говорить с ними; по крайней мере до наступления утра. А до утра Око успеет раздавить здоровье нечестивцев мощью небес и тверди.

Засыпая, Даан разглядел на фоне заходящей луны странно знакомый силуэт. Пригнувшись, человек скользнул во тьму, растворился в густой ночи. Даан готов был поклясться: с этим человеком он встречался, и притом недавно. Однако вспомнить его не мог, сколько ни напрягал память.

Тяжелый сон овладел им, как цунами прибрежной деревушкой.

Разбудил Даана луч солнца, что нагло ломился в глаза, не успевшие привыкнуть к свету. Был полдень. Пленников никто не удосужился разбудить. Некормленные лошади беспокойно топтались рядом. Даан пошевелился, потревожив Су То, к которому был привязан колючей просмоленной веревкой. Небось степняки отобрали ее у какого-нибудь торговца снастями, направлявшегося в один из южных портов... Су То тихо зашипел от боли. Волосы его слиплись от запекшейся крови, Даан видел это. Если скосить глаза, можно было разглядеть даже разбитое лицо южанина. Досталось ему вчера...

— Попробуем встать? — спросил Даан. Су То молча кивнул, забывая, что обращен к товарищу боком и тот может и не увидеть. Но Даан увидел.

С третьей попытки им удалось кое-как подняться и даже, пошатываясь, некоторое время простоять. Но пути и затекшие от долгой неподвижности мышцы не позволили простоять долго — они упали на колючие стебли степной травы, припорошенной рыжим песком, следом недавней бури. Впрочем, того, что Даан успел заметить, было достаточно.

Трое степняков недвижимо валялись у походного шатра, и сразу было ясно, что они мертвы. Либо на шаг от смерти. Око опалило их дыханием божественных сил, а выдержать такое могли лишь избранные.

Рядом закричал Ихю; Матурана не издал ни звука, хотя Даан понял, что чужеземец давно не спит. Безучастно вперившись в пустоту, он застыл, как каменный идол у ворот Храма. Даже выражение глаз такое же, словно глядит он внутрь себя, а не перед собой.

— Скоро Око убьет всех, — хрипло сказал Даан и закашлялся. — Кто нас тогда развяжет?

Матурана не ответил. Зато отозвался Су То:

— Попробуй ослабить веревки у меня на руках.

И легонько коснулся одеревеневших ладоней Даана пальцами. Даан попробовал. Получалось плохо, руки совсем не слушались.

«Проклятие! — подумал он. — Когда перемрут люди Миина, мы останемся одни посреди степи, совершенно беспомощные. Нас сожрут шакалы, если раньше не убьет жажда».

Без воды можно выдержать дня три. Это при том, что почти сутки как они не пили и жажда уже дает о себе знать. Вот-вот начнут докучать голод и Солнце. Точнее, Солнце уже начало: пекло немилосердно, и спрятаться от него шансов не было. Негде. Разве что в шатер Миина, но там скоро такая вонь стоять будет, что лучше уж Солнце...

Из шатра донесся болезненный стон. Колыхая кожаный занавес у входа, один из степняков силился выйти наружу. Ноги едва несли его; шатаясь, он выпутался из скрипящих складок, сделал несколько неверных шагов и рухнул лицом в землю. Жизнь уходила из него медленно и мучительно, но у осквернившего святыню быстро не осталось сил даже на то, чтобы стонать. Даан внутренне содрогнулся. Не приведи Каома к такой смерти!

К вечеру жажда стала нестерпимой. Попытки развязать или хотя бы ослабить путы ни к чему не привели — веревки стягивали запястья и лодыжки так же надежно, как и ночью. Ничего не вышло и из затеи доползти до шатра и поискать воду. Вдвоем Даан и Су То сумели лишь немного сдвинуться с места около лошадей, совершенно при этом обессилев. Солнце нещадно жгло непокрытые головы, вытягивало из пленников последнюю влагу. Лишь когда оно склонилось к горизонту, стало полегче, хотя духота казалась нестерпимой. Бунтовало иссохшее горло, а губы вдруг стали чужими и бесчувственными. Даан где-то в глубине души поражался: совершенно не замечаешь роли воды, если удастся пить каждый день. Но стоит часов тридцать остаться без питья, и даже думать ни о чем другом не получается...

Несколько раз в шатре раздавались тихие стоны. Невозможно было определить — стонет это один человек, или же смерть наступает степняков по очереди, и стонут они перед последним шагом в этом мире — шагом за порог.

Удивительно, но степные лошадки покорно стояли у вбитого в землю кола, служившего коновязью, хотя нетрудно было понять, что жажда докучает и им. Пленники погружались в тяжелую, пол-

ную болезненного бреда ночь, с ужасом думая о завтрашнем дне, когда снова встанет Солнце.

Во второй день они парами доползли до шатра, ободравшись до крови, но внутрь протиснуться так и не сумели. Ни Даан с Су То, ни Ихо с Матураной. Голод, потерзав их, отступил, зато жажда едва не сводила с ума. Стоны в шатре прекратились. Последний из людей Миина, наверное, рожденный в год Тигра-воина, но не весной, и поэтому продержавшийся дольше всех, медленно уполз в степь. Сколько ни звал Ихо, чего ни сулил и чем ни угрожал — он остался безмолвен. Даже не посмотрел в сторону пленников.

Ночью Даану снова померещилась знакомая фигура. Наверное, начинался бред. Впрочем, посреди ночи Ихо тоже стал кого-то звать, но крики его умирали в темноте, и ни намек на ответ не прозвучало. Но Даан теперь не знал, что и думать. В самом деле, не мог же привидеться знакомый незнакомец одновременно двоим? Впрочем, в их положении, пожалуй, мог и всем четверым.

Утром Даан очнулся от короткого прикосновения к лицу. С трудом разлепив веки, он увидел склонившегося над собой мужчину в пропыленной дорожной одежде. В руке пришелец держал плоский кувшин. Даан вперился в него взглядом — была ли внутри вода? Мужчина вынул затычку из узкого носика и поднес кувшин ко рту Даана.

Никогда еще вода не казалась такой вкусной, хотя на самом деле она отдавала тиной и была слишком теплой. Хотелось пить еще и еще, но Даан подумал о спутниках и после нескольких добрых глотков с неохотой оторвался от живительного сосуда.

Незнакомец невозмутимо напоил всех четверых и лишь после этого перерезал веревки на запястьях пленников.

— Ман сказал, что караван вам незачем догонять. Удачи.

После этого он развернулся и неторопливо ушел в степь, ни разу не взглянув себе за спину.

Даан поднялся и на непослушных ногах побрел к шатру. Су То, разминая затекшие руки, шел рядом. Отбросив кожаный занавес, монахи вошли внутрь и сразу увидели Око: оно покоилось на ковре, перед мертвым Миином Каном. Тут же рядом валялась и сумка Су То; только сейчас Даан обратил внимание, что она изрядно обветшала и вытерлась. На швах торчали непослушные выбившиеся нити, обожженные на кончиках.

Глядя на Су То, вернувшего Око в сумку, а сумку — на плечо, невозможно было не улыбнуться, настолько южанин выглядел сча-

стливым. Даже синяки и корка запекшейся крови во всклокоченных волосах казались чем-то несущественным и пустячным.

Потом они нашли мех с водой и напились до свинцовой тяжести в желудках. Хотелось пить еще, впрок, но больше в них скорее всего не влезло бы. Потом напоили оживившихся лошадей, Ихо даже насыпал им зерна из притороченных к седлам мешков. Нашлась пища и людям: Даан принес несколько лент копченого мяса и головку козьего сыра. Они отошли подальше в сторону от стойбища степняков, чтобы дух смерти, витающий у шатра, не мешал.

К полудню вершители Обряда почувствовали себя настолько лучше, что решили немедленно трогаться в путь. Вскочив на неприкаянно топчущихся лошадей, они отправились на юг по старой караванной тропе. Матурана снова вел монахов, а Ихо молча следовал за остальными. Что-то неуловимо изменилось в отношениях между ними. Во всяком случае, Даан чувствовал, что стал другим после этих дней и ночей в сердце степи. И никогда не стать ему прежним — старательным монахом, знающим о мире за стенами обители лишь понаслышке.

Свободные лошади увязались следом и мерно топотали позади, а навстречу распахивалась необъятная степь, надевшая на этот раз приветливое лицо. Но четверо в седлах знали, как легко она меняет лица, и теперь были готовы ко всему.

4

В который раз Той замер на мгновение перед дверью в покои Гута Фо. Глубоко вдохнул и вошел, словно окунулся в холодный горный поток.

Гут Фо резко обернулся и, будто не замечая помощника, провел быструю серию ударов, от простого «среднего когтя» до «дыхания Бога-Хти». Той невольно залюбовался: техника главы клана была совершенна, как тристишия Гая.

Завершив серию и очистив дыхание, Гут Фо открыл глаза и набросил халат на широкие плечи.

Той молча ждал, пока хозяин обратит на него внимание. А тот словно в размышления погрузился: застыл на полпути к креслу, с

сомнением покачал головой. Потом все же сел и холодно воззрелся на Тоя.

— Что же помешало тебе на этот раз, верный мой помощник?

Той еще раз прокрутил в голове загодя подготовленные фразы.

— Пока неясно, хозяин. От клана Поющих Песков караван отбился собственными силами, и не скажу, что охрана сильно при этом утруждала себя. Я не верил в эту затею с самого начала, если вы помните.

Гут кивнул: он действительно помнил.

— А что же пройдоха Миин? Ты достаточно заплатил ему?

— Конечно, хозяин. Заплачено ему сполна, и дошла весть, что Миин захватил святыню. Но от него никто не явился в условленное место — боюсь, стряслось нечто непредвиденное.

Гут проявил следы заинтересованности:

— Ты хочешь сказать, что он затеял собственную игру?

Той пожал плечами:

— Не исключено. Я навел справки — его люди не пришли за обычной данью сразу в несколько мест. Такого еще не случалось. С тех самых пор, как Миин зарезал Черного Бада и занял его место.

Гут побарабанил пальцами по гнтому подлокотнику. Потом встал.

— Готовь своих людей, Той. Едем к Миину. Пора показать всем этим гордецам, кто на самом деле хозяин.

В дверь осторожно стукнул мальчик-слуга.

— Гонец к мастеру Тою! — сказал он ломающимся подростковым голосом.

Той вскочил, испрашивая разрешения идти, но Гут Фо коротко рубанул ладонью пахнущий благовониями воздух:

— Пусть идет сюда!

Тотчас слуга ввел гонца — пыльного юношу с печальными, навывкате, глазами горцев-станов. Юноша поклонился и, не дожидаясь команды, обратился к Тою:

— Миина Кана нашли. И его, и всех его подручных. В степи. Мертвых. Раковины с ними нет, лошадей тоже кто-то увел. По следу отправились люди Хти.

Гут Фо исподлобья взглянул на Тоя:

— Едем! Немедленно!

Той поклонился и, жестом отсылая гонца, вышел вслед за ним в полутьму коридора.

Глава седьмая

1

Утан был теперь совсем близок. К завершению Обряда Су То оживился, Даан же чувствовал только пустоту в душе — он слишком устал. Впал в обычное молчаливое оцепенение Матурана, и только Ихо сохранил остатки любопытства и живо вертел головой, разглядывая прибрежные скалы. За ними тяжело ворочался океан, доселе невиданный монахами. Даан узрел его именно таким, каким описывали монастырские свитки, — похожим на реку, но лишь с одним берегом. И еще Даан знал, что океанскую воду нельзя пить.

Четверка мохноногих лошадок неторопливым шагом продвигалась на запад вдоль берега. Берег был высокий; кое-где он круто обрывался в воду, кое-где громоздились причудливые скалы, вылизанные океаном, кое-где удалось бы, пожалуй, спуститься к волнам, прыгая с камня на камень. Где-то недалеко в таких же скалах пряталось Первое Место. Цель их похода.

Лошадки без седоков следовали чуть сзади. Иногда они отставали настолько, что совсем пропадали из виду, но всегда догоняли четверых всадников. Их не гнали — зачем? Пусть идут, если хотят. Вдруг что-нибудь случится с какой-нибудь из верховых, всегда можно будет пересесть на другую. Да и следы не четырех, а полутора десятков коней могли сбить с толку преследователей. Правда, насчет этого не обольщался даже Даан, не говоря уж о Матуране: любой следопыт без труда отличит следы лошади с седоком от следов свободной.

Когда впереди показались шетинистые горбы поросших лесом холмов, Матурана натянул поводья. Холмы, смыкаясь в неровную цепь, опоясывали небольшую уютную долину.

— Дошли? — осторожно спросил Ихо.

Матурана проворчал:

— А разве мы уже там?

Ихо пожал плечами и вздохнул.

Матурана вновь тронул лошадку, а Даан, взглянув на пыльную землю, различил едва заметную тропу, что вела как раз к холмам.

Священное место пряталось за холмами, в крохотной долине. Где-то в прибрежных скалах, изобиловавших гротами.

«Неужели Орлы потеряли наш след? — подумал Даан с надеждой. — Закончить бы все, сдать Око хранителям — и отоспаться. С чистой совестью, не вздрагивая ночью от каждого шороха...»

Но чутье подсказывало: так просто все не закончится. Орлы наверняка готовят финальный подвох, ведь это их последний шанс. Упустят — придется ждать двадцать четыре года.

И совершенно непоследовательно Даан подумал, что сейчас, в эти самые дни, родились те, кому вершить следующий Обряд. Двое (или трое) младенцев, которым предстоит стать сначала монахами, потом — избранниками-до, победить на Турнире... А третий — скорее всего островитянин — будет постигать секреты странного искусства, зовущегося айдзу-то-домэ... Но сперва они — Даан, Су То, Матурана и Ихо (что бы там ни говорил южанин, Ихо тоже помогает исполнять Обряд) — должны донести Око до священного Места в долине, чтобы Мир не рухнул, как домик из костяшек маджонга. И чтобы были эти двадцать четыре года — время, за которое сегодняшние младенцы успели бы повзрослеть.

Холмы ползли навстречу, словно огромные ленивые черепахи. Даан глянул налево — плоское полотно моря увеличивалось в размерах по мере того, как они поднимались. Холмы из степи казались низкими, но стоило глянуть на далекую полосу прибоя, как сразу чувствовался перепад высоты. Тот, кто вырос у отрогов Сао-Зу, умел чувствовать высоту.

Четверо всадников упрямо карабкались на морщинистый купол. «Наверное, скоро нас перехватят хранители Места, — подумал Даан. — Не могут же они нас не встретить?»

Мысль неожиданно подбодрила — до сих пор как-то не приходило в голову, что у первого Места вершителей Обряда станет больше, а значит, не так страшны будут недруги. Даан тут же поделился ею с Матураной; глаза Су То сузились еще сильнее, а Ихо откровенно обрадовался. Островитянин же вместо ответа молча протянул руку к северу. Даан ударил пятками в упругие теплые бока, заставляя лошадь развернуться.

Вереница черных точек ползла по степи к холмам, за которыми пряталась долина Утан. Хранителям не мешало бы поторопиться...

Они рванулись к вершине, несясь по едва намеченной тропинке. Миг, и долина открылась им во всей красе — густо заросший зеленью островок свежести в сухих приморских степях; серые зубы скал, торчащие там и сям из зелени; и словно обрамление

этой драгоценности — неровное кольцо пологих, сросшихся боками холмов.

Поток теплого солоноватого ветра захлестнул их на лысой макушке горы. Здесь Матурана вдруг придержал коня и крикнул:

— Стойте!

Монахи и Ихс послушно натянули поводья. Это уже стало привычкой — слушаться Матурану. Они сначала повиновались, а потом уж начинали соображать: зачем, собственно?

Два десятка всадников поднимались на холм по северному склону. Островитянин неотрывно глядел на них.

— В чем дело? — сердито осведомился Су То. — Не лучше ли поспешить вниз? В долину?

— Там Место, — тихо сказал Матурана. — Нельзя выдать его.

— Но у нас Око, — возразил Даан. — Разве оно не важнее?

Островитянин побледнел. Покусывая губу, он нерешительно переводил взгляд с буйных зарослей в долине на приближающихся всадников. Впервые Даан видел растерянного Матурану.

«А почему я сразу решил, что эти всадники — враги нам?» — подумал Даан чуть погодя. Надежды на лучшее вдруг шевельнулись у него в груди, но это были пустые надежды: прошло совсем немного времени, и он разглядел, что всадники облачены в красные халаты Орлов.

— Нам некуда идти, — наконец подал голос Матурана. — Похоже, наступает главный час Обряда. Либо мы выстоим, либо...

Он недоговорил.

Даан рывком соскочил с невысокой степной лошадки. В нем проснулась решимость.

— Спешивайтесь! Спиной к спине! В конце концов, нас не так-то легко взять, клянусь Всевышним!

Они прыгнули на вылизанную солеными ветрами землю. Спустя несколько минут всадники в красном окружили их. Предводитель Орлов мрачно поглядел на замершую в оборонительных стойках четверку, встряхнул длинной черной косой и обернулся к соседу справа:

— Это и есть те самые щенки, что водили тебя за нос целых два месяца, Той?

В голосе его слышался нескрываемый сарказм. Той лишь развел руками. Предводитель склонил голову:

— Что ж... Посмотрим, устоят ли они против тебя. Иди и возьми Око!

Даан почувствовал, как вздрогнул собрат-южанин при этих словах. Орлы все знали о Святыне двух монастырей!

Четверка вершителей Обряда теснее сдвинула спины. Будь что будет, но взять их будет очень непросто!

Той неторопливо приблизился; критически оглядел всех четверых. Потом медленно указал пальцем на Ихю со словами:

— Сначала ты, змееныш!

Но Ихю лишь оскалился в ответ:

— Подходи сам, курица щипаная! Или боишься?

Той усмехнулся. Он явно был не из тех, кто заводится от оскорблений. Хитрость не удалась, что ж, поищем иные пути, — ясно читалось на его лице. Спешить ему вроде некуда...

Надтреснутый старческий голос прозвучал словно гром среди безоблачного неба:

— Эй, почтенный! Погоди. В чем виноваты эти юноши? Может, я смогу помочь, если они не могут?

Той, не поворачивая головы, замер.

— Это еще кто?

Похоже, Той ждал реакции главаря, но тот, сложив руки на груди, с интересом воззрился на происходящее. Даан скосил взгляд, пытаясь увидеть обладателя надтреснутого голоса. И увидел знакомого старика — Учителя Матураны. Того самого, что уже помог им однажды на южном тракте. Ветер шевелил его немислимые одежды. Даан повеселел: старик стоил десятка Орлов!

Предводителю красных халатов что-то шепнули на ухо. Наверное, об этом самом старике.

— Ты — Урдинаран? — спросил хозяин Орлов жестко.

Старик островитянин кивнул.

— А ты, не иначе, Гут Фо, глава клана Орла. Я не ошибся?

Гут Фо гордо вскинул голову:

— Не ошибся, чужеземец. Думаю, лучше тебе убраться восвояси. На свой любимый Архипелаг, например. Как тебе такая мысль?

Старик со вздохом развел руками:

— Не могу же я бросить своего ученика в беде! Сам посуди...

Гут Фо мгновение поразмыслил.

— Каома с ним! Забирай своего ученика и катись. Чужеземцев не тронем, хотя должен заметить, что твой воспитанник доставил моим людям немало головной боли!

Урдинаран улыбнулся, и морщинки сеткой разбежались вокруг его глаз.

— Плохо ты знаешь моих воспитанников, Гут! Он не уйдет, я уверен...

— Тогда воззови ко Всевышнему! — прервал его Гут Фо, давая знак Тою. Той плавно перетек в боевую стойку.

Но тут вдруг мешком повалился на землю один из Орлов в кольце и к Урдинарану молча направился почтенного возраста бодхаец в выцветшем фын-байском широкополом халате. По дороге его пытался схватить за одежду один из Орлов помоложе, но старик ссутулился еще сильнее, руки его на миг превратились в пару гибких змей, и Орел отпрянул, словно перед ним и впрямь возникла ядовитая тварь. Старик замер рядом с Урдинараном.

— Учитель! — воскликнул Ихо ликующе и тут же осекся. Ведь вокруг Орлы! Враждебный клан...

— Великий Каома! — изумился Гут Фо. — Сегодня положительно удачный день. Змея приползла защитить змееныша. Что ж, не придется тебя искать по всей Империи. Спасибо, что пришел.

Гут Фо оглянулся на присмиривших в кольце подручных.

— А вы что вылупились, бездельники? Два человека приблизились к нам неизвестно откуда, а вы даже не шевельнулись!

Свирепо скрипнув зубами, Гут Фо вновь перенес внимание на стариков, островитянина и Змею. Похоже, со Змеей он собирался сразиться сам.

— Ай-яй-яй, — укоризненно протянул кто-то из-за спин притихших Орлов, что, оглядевшись, вновь принялись наблюдать за происходящим. — Что творится под двумя лунами! Молодые здоровые люди угрожают почтенным старцам! И даже собираются на них напасть! Ну-ка, поглядим, может, трех старцев вам одолеть будет сложнее.

Даан скосил глаза на голос. И увидел не кого иного, как седовласого Сатэ, человека-загадку. Улыбка шире растянула лицо молодого монаха. Сатэ! Он владеет ши-тао не хуже Высших!

А за спиной Сатэ чернели балахоны студентов. И что-то подсказывало Даану: никакие это не студенты. Кто? Он пока не знал.

Повинуясь едва уловимому знаку Гута, десяток Орлов метнулся к Сатэ и его спутникам. Однако старик прошел сквозь шеренгу атакующих играючи, словно раскаленный нож сквозь масло, и встал рядом с Урдинараном и Учителем Ихо. «Студенты» же ловко отбили быструю атаку Орлов и быстро разорвали неровное кольцо, что окружало по-прежнему жмущуюся спина к спине четверку.

— Ну и ну! — протянул Су То и дернулся было на помощь черным балахонам, но его остановил Сатэ:

— Куда? Может, пора подумать о завершении Обряда?

Су То замер, сжав сумку с Оком. Даан встрепенулся, с опаской покосившись на Гута Фо, Тоя и остальных Орлов-главарей. Неужели вот так и позволят уйти?

— У водопада вас ждут Хранители Первого Места, — сказал Сатэ жестко и властно. — Ступайте!

Одновременно с яростным кличем атакующего Орла Даан, локоть к локтю с Су То, рванулся в долину. Он успел заметить, что на пути Гута Фо и Тоя возникли Урдинаран, старик-Змея, Ихо, Матурана, еще кто-то, а потом в ушах засвистел ветер, а ноги без устали понесли их с южанином вниз, навстречу плотной зелени и шороху водопада. Мысли мелькали, как деревца вдоль тропы.

Конечно, Обряд — слишком важное дело, чтобы поручать его лишь двоим неопытным монахам. Или, как в этот раз, четверым — двум монахам, островитянину и бродяге из сильно поредевшего клана Змеи. Конечно, их сопровождали невидимые помощники, не показываясь на глаза и, похоже, стараясь выручать лишь в последний момент, если вспомнить дни в жаркой степи и неутолимую жажду... И Даан даже догадывался, кто именно сопровождал их: перед самым уходом с вершины холма он узнал одного из «студентов». Это был Юл Ю, давний приятель, бок о бок с которым он шагал в монастыре по тропе Постижения.

Двое, сжимая в руках потертую походную сумку, мчались к древней тайне бодхайских монастырей — одному из двенадцати Мест, способных сдержать мощь того, кто Выше.

2

Хранитель был стар, как Сатэ, или Бин, или Тао. Или Учителя Ихо и Матураны. Из-под низко надвинутого капюшона смотрели многомудрые глаза, какие бывают только у стариков, до конца дней сохранивших острый ум и ясную память. Он стоял на влажных камнях, а рядом с высоты валились сверкающие струи, заставляя оживать зыбкую горбатую радугу.

Даан и Су То, перейдя на шаг, приблизились.

— Да будет благословенно имя Каома! — неожиданно густым басом произнес старик и поднес правую ладонь к груди.

— Навеки будет! — хором отозвались монахи, кланяясь. Су То осторожно запустил руки в сумку и извлек Око на свет дня.

Похожая на морскую раковину святыня уже ощутила мощь свежего Места. Даан давно почувствовал себя легче. Повинуясь древнему ритуалу, оба монаха сплели руки, по-прежнему держа Око перед собой. А потом и Хранитель коснулся ладонями Святыни, позволяя тому, кто Выше, узнать себя.

Око вдруг налилось красным и будто бы потяжелело. Даан поборол жгучее желание отдернуть руки. Но ладони сами собой доверили тяжесть Святыни Хранителю и оторвались от Ока. Вместе с ладонями Су То. Теперь Око держал Хранитель Первого Места. Один из участников Турнира, в котором победили Бин и Тао-южанин сорок восемь лет назад. Один из неудачников, проигравший второй свой поединок Сатэ, который, в свою очередь, не сумел в третьем одолеть Тао...

Даан вдруг ясно понял: всего избранных-до четырнадцать. С самого начала. Двое — победители — переносят Око в новое Место. А остальные становятся Хранителями. Сатэ — Хранитель. И Юлу Ю предстоит стать Хранителем. Но прежде они ведут победителей через всю страну, от Места к Месту. Скрытно, чтобы те не заподозрили опеку и каждую опасность, каждую преграду преодолевали, полагаясь лишь на собственные силы. Наверное, чаще всего будущим Хранителям так и не приходилось вмешиваться; двое же избранных так и оставались в полной уверенности, что исполнили Обряд без чьей-либо помощи. А правду узнавали только со временем.

Интересно, понял ли это Су То?

Низкий тягучий голос стек откуда-то сверху, и на миг на небе бледными монетками стали видны обе луны.

— Х-х-х-а-а-о-о-м-м-м-ммм...

Тот, кто Выше, благодарил за исполненный Обряд.

Хранитель с Оком в руках величаво развернулся и шагнул прямо в водопад, враз промокнув до нитки. Даан и Су То тотчас двинулись следом.

Вода была холодна до сбившегося дыхания, но никто не издал ни звука. По ту сторону искрящихся струй в мокром камне чернела узкая щель. Рядом стояли двое: крепыш-мужчина лет пятидеся-

ти и Сань Но в черном студенческом балахоне; правые ладони их застыли перед грудью. Даан встретился взглядом с Сань Но — тот был суров и серьезен, но как бы глубоко он ни прятал радость, она все равно находила выход наружу.

«Новый Хранитель, — понял Даан. — Остальные наверху утихомиривают Орлов, а он, конечно, призван Обрядом...»

Старик торжественно передал Око крепышу; тот, подержав его в руках, вручил Сань Но.

— Х-х-х-а-а-о-о-м-м-м-мммм...

Водопад глушил звуки, но голос того, кто Выше, проникал всюду.

Не замечая текущих по лицу и одежде шустрых струек ледяной воды, Даан внимал действию. Его роль завершилась, теперь он стал просто наблюдателем. Как и Су То.

Сань Но тем временем поднял Око над головой и ступил в черноту хода. Неверный красноватый свет тотчас полился у него из-под ладоней, обволок студенческий балахон и замерцал в полумраке небольшого грота. Сань Но уходил в глубину, к плоскому, похожему на языческий алтарь куску какого-то самоцвета. Сияние Ока дробилось на отдельные искорки, отражаясь от алтаря.

Оба старых хранителя вошли в грот следом за Сань Но, потом настала очередь монахов. На камнях оставались темные потеки от мокрой одежды.

Сань Но бережно, словно драгоценную вазу, опустил Око на алтарь; тотчас вокруг Святыни вспыхнул белый светящийся круг.

— Х-х-х-а-а-о-о-м-м-м-мммм...

Красноватое сияние блекло. Око Каома снова стало недоступным: даже Хранители не смогут его тронуть целых двадцать четыре года. До весны ближайшего года Тигра-воина. Точнее, тронуть-то смогут, а вот выжить после этого — нет. Око обратит в пепел любого, кто дерзнет нарушить его покой.

— Мы исполнили Обряд... — громко сказал старейший из хранителей Места. — Воздадим же хвалу тому, кто Выше, за то, что не покидал нас в эти нелегкие дни...

И опустился на колени перед Оком Каома. Остальные опустились секундой позже. Включая монахов-избранников. Точнее, те-перь уже избранников в прошлом.

Когда Даан и Су То вновь вышли в безумие весеннего дня, перенеся новое купание под ледяным потоком, их ждали Бин и Тао. Первые-в-храме. Они сидели на тонких походных циновках,

пили крепкий гиданский чай из расписанных дарками пиал и неспешно беседовали.

Даан оробел. Сразу вспомнились все те глупости, что успели натворить они с Су То во время исполнения Обряда. Если бы не Матурана... Сцепив зубы, Даан заставил себя подойти и поклониться, не забывая воздать хвалу имени Каома. Рядом тенью скользил Су То. Даже непривычно было видеть его с пустой сумкой на боку.

Верховные прервали беседу, едва молодые монахи приблизились на несколько шагов и склонились в почтительном приветствии. К удивлению Даана, Бин и Тао встали, опустив пиалы с недопитым чаем на циновку, и столь же почтительно поклонились в ответ. Им, едва продвинувшимся в пятом круге! Даан даже растерялся.

Выпрямившись, Бин, Первый-в-храме Севера, заговорил. Длинная седая его борода заколыхалась в такт речи.

— Поздравляю вас, избранники! Вы сумели завершить то, ради чего стоят под Солнцем и двумя лунами наши монастыри. Не скажу, что вы всегда поступали наиболее разумно, но никто из вас не трусил и всеми силами приближал эту минуту, когда можно спокойно вздохнуть и воздать хвалу тому, кто Выше. Мы, Верховные, благодарим вас за это, как благодарит весь Мир.

И Верховные снова поклонились. А Су То легонько съездил Даана по боку, намекая, что нужно ответить подобающими моменту словами.

— Мы старались, Высшие... — чужим голосом выдавил Даан. — И рады, что не обманули ваших ожиданий. По правде говоря, нам очень сильно помогли чужеземец островитянин и юноша из клана Змеи. Наверное, стоит поблагодарить и их...

Су То, конечно же, упрямо насупился, а Бин согласно кивнул:

— Им воздадут должное, не беспокойтесь. А сейчас, — Верховный взглянул на вершину холма, — поспешим, нас ждут.

Бин, Тао, а затем и Даан с Су То поклонились Первому Месту, принявшему бремя божественных сил, Хранителям и зашагали вверх по тропинке.

И впервые за много дней Даан почувствовал облегчение. Потому что постоянно быть в ответе за благополучие Мира под силу лишь богам. Люди же нуждаются в отдыхе, потому что даже самый сильный рано или поздно устанет.

3

Даан так и не понял, что же произошло с Орлами. Когда Верховные поднялись на вершину, там остались только Матурана и Ихо со своими Учителями, Сатэ, одиннадцать новоиспеченных Хранителей в черных студенческих одеждах и несколько Хранителей постарше. Даана и Су То все встретили ритуальным поклоном. Ни тел Орлов, ни их лошадей Даан так и не увидел. Но сомневался, что их отпустили: слишком близко подобрались они к древней тайне, и слишком темны были их намерения. Видимо, дальнейшее было уже давно обговорено: маленьких степных лошадок избавили от скудных припасов и отпустили в безбрежье степи. Только Ихо и его сутулый Учитель оставили себе пару, потому что направлялись в Сай Хэ, что недалеко от Токина. Ведь там ждал дружественный клан — клан Южной Кобры. Их поблагодарили за верность Всевышнему, напомнили, что в любом из монастырей Змею всегда ждет кров и стол, и пожелали легкой дороги. Даан простился с Ихо с искренним сожалением, потому что успел привыкнуть к его молчаливой поддержке и умеющей терпеть натуре. Даже Су То, нетерпимый к чужакам, сдержанно похлопал его по плечу. Двое — Учитель и ученик — скользнули в седла и направили лошадей на закат.

Матурана и старик островитянин уходили на восточное побережье. Может быть, там они намеревались сесть на корабль и отбыть на Архипелаг, а может, и нет. Идущий-по-следу никогда не раскрывает своих планов, об этом Даан давно уже догадался. Матуране он пожал руку.

— Прощай, Матурана. Я не знаю, кто ты и что тобой двигало... но если бы не ты — не уверен, что мы дошли бы.

— Дошли бы, — проворчал Су То. И добавил: — Я тоже прощаюсь, чужеземец. Готов признать, что ты изо всех сил вел нас к сегодняшнему дню, но это не значит, что я стал лучше к тебе относиться. Тем не менее я желаю тебе удачи. Надеюсь, что мы больше никогда не встретимся...

— Встретимся, — возразил Матурана. — Ведь ты когда-нибудь станешь Первым-в-храме Юга. А пути еще не раз приведут меня в обитель монахов. Может, ты станешь к тому времени не таким упрямым.

Рук они друг другу не подали, ограничились легкими кивками.

Даан повернулся к Урдинарану:

— Удачи и вам, почтенный! Дважды вы нам помогли. И мне очень понравилось ваше искусство... хоть Матурана и тщательно скрывал его.

— Тебе еще предоставится шанс с ним познакомиться, — прокрипел островитянин. У него снова возник сильный акцент, который куда-то пропадал во время препирательств с Орлами.

Чужеземцы стали спускаться по восточному склону холма.

Ну а монахов звали хребты Сао-Зу. Даже южан — того требовал обычай. Удачное исполнение Обряда всегда завершалось шумным праздником в одном из монастырей. В этот раз праздновать предстояло в Северном. Вереница путников потянулась в степь, и никто посторонний не понял бы, что среди них оба Верховных Настоятеля. Они увидели бы только нескольких старцев в окружении мужчин помоложе.

Даан вспомнил слова Матураны: «Тебе ведь предстоит стать Первым-в-храме»... Он сказал это Су То, а значит, это касалось и Даана. Сначала, конечно, Верховным станет Рат Шу, сорокавосемилетний монах двенадцатого круга, тот, что исполнил Обряд в прошлый раз. Даану же предстоит еще много лет Постижения. Но смотреть на него все равно теперь станут как на Следующего-за-Первым.

«Интересно, это трудно — быть Верховным Настоятелем?» — подумал он. И тут же понял, что очень скоро придется взвалить на плечи ношу потяжелее той, от которой счастливо избавился сегодня. Ношу, которая — воистину! — под силу лишь богам.

И он новыми глазами поглядел на Бина и Тао. Потому что никогда раньше не задумывался: каково было им последние два месяца?

— На Сао-Зу шапки таять начали, — улыбнулся задумавшемуся другу Юл Ю. Оказывается, он шагал рядом, шурша студенческим одеянием. — Лето.

И Даан улыбнулся в ответ, вспоминая привычные снега горных пиков и свежий воздух высот. Вспоминая здесь, в знойных южных степях. Шагая в туманное завтра и навстречу встающей малой луне. И еще понял, что никогда уже не вернется былая безмятежность.

А Каома — по-прежнему — глядел в Мир единственным Оком.

Опускался вечер. Первый спокойный вечер вне стен родного монастыря.

4

Ман отнял ото лба ладонь, которой заслонялся от солнца.

— Разошлись, — зачем-то сказал Поон. — И что дальше?

Горец невозмутимо поправил уздечку.

— Едем.

— За кем?

— За островитянами. Мне ведь нужен проводник, а не монах, верно?

Поон вздохнул:

— Они и вправду бойцы не чета моим... Кто же знал, что они монахи?

Ман фыркнул и вскочил в седло.

Начальник охраны медлил.

— Все равно не пойму — что они здесь делали? Так далеко от монастырей? И при чем здесь чужеземцы?

Горец-велш снисходительно поглядел на Поона:

— Хочешь совет, Поон? Забудь обо всем, что видел. И никогда никому не рассказывай. Чтобы не разделить судьбу... Ну, ты понял, да?

Поон поежился:

— Легко сказать, забудь...

Он прыжком оседлал своего коня и натянул поводья.

— И-и-э-ххх! Ладно, поехали за твоим драгоценным проводником...

Ман не ответил. Он думал, как быстро Матурана засечет их у себя на хвосте. Вряд ли позже темноты — в этом он был уверен.

Холмы снова обезлюдели. Вероятно, надолго. Еле слышный стук копыт быстро затих на востоке. Мир же обрел равновесие еще на четверть века. Небольшой срок, не правда ли?

Содержание

Проснуться на Селентине. <i>Фантастическая повесть</i>	5
Рок на дороге	76
Скромный гений подземки. <i>Фантастический рассказ-диптих</i>	124
Джентльмены непрухи	151
«Омега-12»	172
Монастырь Эстебан Бланкес	178
Пелена. <i>Рассказ</i>	208
Перестарки. <i>Рассказ по мотивам</i>	220
Дети огненной воды. <i>Фантастический рассказ</i>	236
Мемуары Панаса Галушки, писанные им самим лета 329-го по Гербарийскому исчислению в пгт Шмянское (от третьего лица). <i>Слегка фантастический рассказ</i>	247
Хирурги. <i>Повесть</i>	266
Забытая дорога. <i>История византийских перстней</i>	319
Садовая, 7	342
Жесты	350
Триста девятый раунд. (<i>Городская быль</i>)	359
Дом знакомый, дом незнакомый. <i>Фантастический рассказ</i>	364
Урми	371
Исповедь заведомого смертника. <i>Микрорассказ</i>	378
Семнадцать секунд истины. <i>Микрорассказ</i>	381
Ущелье Горного Духа. <i>Реальная история</i>	384
Хозяева Поднебесья	401
Трель певчей совы	417
Душа чашобы	434
Город-призрак. <i>Фантастическая повесть</i>	440
Веселый Роджер на подводных крыльях. <i>Боевик со стрельбой в ритмах абордажа</i>	488
Око Всевышнего. (<i>Рукопашная сказка</i>)	557

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домоделовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытиши, Мытиши,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Васильев Владимир Николаевич
Гений подземки
Сборник

Художественный редактор О.Н. Адашкина
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.06 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!

Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!

ISBN 978-5-17-043651-8

9 785170 438518